ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

94

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2026 Issue 94

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
Perm State National
Research University

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2026 Выпуск 94

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 94

М.: Аквилон, 2026. — 448 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 94

Moscow: Aquilo-Press, 2026. — 448 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

АКВИЛОН

© Общество интеллектуальной истории, 2026
© Институт всеобщей истории, 2026
© Издательство «Аквилон», 2026
© Журнал «Диалог со временем», 2026

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

С.В. Занин

ТЕКСТЫ «КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ» И ИХ КОНТЕКСТ

В статье рассматривается историографическая ситуация, возникшая в результате публикации основных методологических трудов представителей кембриджской школы и последующей ее критической рецепции. Установлено, что в первой половине XX в. в трудах, посвященных истории политической мысли (философии), возникает приоритет в изучении ее развития как таковой, без учета влияния институтов общества. «Кембриджская школа» испытала влияние «историзма» Лео Штрауса, разделявшего идеи герменевтики, но подвергла ревизии его взгляды с позиций лингвистического структурализма и, отдавая приоритет объяснению «иллокутивного действия» в «контексте», по-новому обосновывала тем самым исторический релятивизм. В статье подчеркивается, что сама концепция «кембриджской школы» развивалась в рамках парадигмы «использования» (using) языка в речевом действии актора, а не в рамках парадигмы «создания» (творчества) «концептов», «семиологических систем» коммуникации и «представлений», которая во второй половине XX в. развивалась в «концептуальной истории», а также в работах П. Рикёра и М. Фуко. Поэтому сегодня тексты «кембриджской школы» следует, исходя из логики её представителей, поместить в контекст развития гуманитаристики второй половины XX в. с тем, чтобы понять, как мы сегодня «схватываем» ее «иллокутивные акты».

Ключевые слова: *историография истории политической мысли, «кембриджский метод», концепты, представления, «символическая коммуникация».*

«Кембриджская школа интеллектуальной истории» или, как выразился Джон Покок, «кембриджский метод», состоялась. Во-первых, потому что основные методологические работы, написанные её авторами, были опубликованы в окончательной редакции, подчас представляя собой рефлексию *post-factum*, т.е. после завершения работы над главными исследовательскими проектами[1]. Во-вторых, появились своего рода *Summa Cantabrigiensis*, включающие основные положения из работ признанных представителей «школы», а именно, Джона Покока, Квентина Скиннера и Джона Данна, а также аргументы их оппонентов[2]. Появилась ее критика и в России[3]. Таким образом, «лингвистический поворот», предложенный «школой», состоялся. В связи с этим не может не вызывать удивления тот факт, что, к примеру, во Франции, изучение политической философии Просвещения обходится без «кембриджского метода», как в случае с полным собранием сочинений Монтескье или Руссо. Поэтому рецепция идей «школы» является поводом для отдельного исследования, о чем свидетельствует замечание отечественного автора: «российская ситуация отчасти напоминает французскую во Франции историография школы «Анналов» с ее концептом «mentalité» […] затруднила полноценную рецепцию идей Кембриджской школы»[4].

[1] Skinner 2018, Pocock 2009, Dunn 1980.
[2] Meaning and Context. 1988, на русском языке сборник: Кембриджская школа 2018.
[3] Например. Павлов 2018.
[4] Кембриджская школа 2018: 78.

Констатация двух фактов – завершенности развития методологии «кембриджской школы» и проблематичности ее рецепции – наводит на мысль об особой историографической ситуации, сложившейся в первой четверти XXI в. В рамках статьи предпринята попытка ее обрисовать.

Для начала заметим, что у истории «кембриджской школы» существует предыстория, на счет которой следует отнести многочисленные публикации обобщающего характера, вышедшие в свет в XIX и в первой четверти XX в. Интеллектуальной моде возникшей у немецких историков-эрудитов, стремившихся к созданию монументальных обобщающих трудов, подражали во многих европейских странах, в частности, авторы работ, посвященных «истории политической философии/политических учений (теорий)» (в России – Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др, в США – У.А. Данинг[5] и др.). Отто фон Гирке в обширном исследовании, посвященном правовому статусу «обществ» (право юридических лиц, Genossenschaftrecht), создал основанную на изучении множества источников историю юридической и политической мысли Средних веков и начала Нового времени[6]. В «монументальном» жанре писали и французские авторы. Поль Жане, автор объемной истории политических идей считал, что «история политической науки есть ничто иное как история идеи разума, проявляющегося сквозь века в вопросах социальных и политических»[7]. Наряду с историей идей (не без влияния германской историографии и социологии) появляются работы, авторы которых, подобно Гаэтано Моска, отмечали, что «действие мысли на политический факт, а факта на мысль объясняет то, почему невозможно изучать историю политических доктрин в отрыве от истории политических институтов»[8]. Или, как писал Поль Жане, следовало изучать то, каким образом «идеи были порождены практическими потребностями».

Однако конкретно-исторические исследования политических идей убеждали братьев Карлейль в необходимости ограничиться «строгой историей развития теорий, но не институтов», поскольку последние подчас оставались неизменными в Средние века[9]. Результатом стало «тематическое описание» главных теорий эпохи[10]. В целом, в историографии первой половины XX в. выбор был сделан в пользу изучения истории мысли (идей) вне контекста истории институтов. Так, Поль Азар в своей знаменитой книге писал: «изучая зарождение идей или, по крайней мере, их метаморфозы […] приходишь к глубокому убеждению, что именно интеллектуальные и нравственные силы, а не силы материальные, управляют жизнью и господствуют над ней»[11]. В другом сочинении он подчеркивал, что «не следует изучать идеи так, как если

[5] Dunning 1921.
[6] Gierke 1868, Gierke 1934.
[7] Janet 1887: LXXI.
[8] Моска 2012: 11.
[9] Carlyle R. W., Carlyle M. A. 1930: V.
[10] Histoire de la pensée politique médiévale 1996: 5.
[11] Hasard 1961: 11.

бы они сохранили в своем развитии свою изначальную чистоту… Каждая из них разлагается ещё до того, как она сложилась»[12]. «Среднюю линию» между изучением институтов и изучением мысли, отдавая предпочтение последней, сохранял П. Менар, автор капитальной истории политической философии XVI в., конкуренцию которой впоследствии составит главный труд К. Скиннера. Менар считал, что «исследование политического учения должно выявить не только влияние современных ему событий или течений мыслей, но и усилие, приложенное философом, к синтезу и к конструированию мысли: критик должен анализировать сочинение в зависимости от его социологической структуры и внутренней рациональной связи»[13]. Конечно, далеко не все исследователи того времени считали предметом истории политической мысли собственно ее эволюцию, абстрагируясь от социальных институтов или культуры. К примеру, Даниэль Морне в известной работе об интеллектуальных истоках Французской революции, как отмечалось нами в одной из предыдущих публикаций, уделил значительное внимание изучению широкого социального и институционального контекста развития политической мысли, а также способов ее трансляции, тем самым оказав значительное влияние на развитие интеллектуальной истории в её французской версии (у Даниеля Роша, Роже Шартье и др.)[14]. Но все же в работах большинства авторов (историков и философов) в первой половине XX в. основное внимание уделялось именно развитию идей как таковых.

В работах первой половины XX в. господствовал «дух историзма», как его понимали тогда историки, т.е. считалось, что идеи принадлежат конкретной эпохе, образуя направления мысли, изучение которых возможно в сравнительно–историческом ключе. Резкий поворот (во всяком случае такое впечатление в ту пору возникало) в изучении истории политических идей в послевоенные годы произошёл после выхода в свет работы К. Поппера «Открытое общество и его враги», который доказывал, что в европейской политической мысли *всегда* присутствовали идеи, содержавшие оправдание «закрытого» или, до того, как его час пробил, тоталитарного общества. Под влиянием перестроечной политической конъюнктуры некоторые отечественные авторы с восторгом неофитов бросились на поиски «истоков тоталитаризма и ленинизма» в сочинениях авторов, до них считавшихся представителями «домарксова социализма»[15]. В отсутствие в нашей науке (за немногими исключениями) самостоятельных наработок, лишенных идеологического лоска, в области изучения политических идей Нового времени в Европе как раз и состоялась рецепция не только работы Поппера, но и в 1990–2000-е гг.– идей «кембриджской школы». И в этом отношении «российская ситуация» не напоминает «во многом французскую», она просто ничем ее не напоминает, потому что во Франции, в отличие от России, существует

[12] Hasard: 1979: 5.
[13] Mesnard 1952: 3.
[14] Занин 2019.
[15] Медушевский 1993.

мощный пласт исследований второй половины XX в., переизданных в конце XX в. в 30 томах «Библиотеки эволюции человечества» (Bibliothèque de l'évolution de l'Humanité) издательством «Albin Michel». Вот почему наличие (или отсутствие) национальных исследовательских традиций следует учитывать при анализе проблемы рецепции «кембриджской школы» как в отечественной науке, так и в зарубежной.

Наряду с работой Поппера в первые послевоенные годы появляются во многом созвучные с его взглядами исследования Лео Штрауса, далеко не столь широко известные в нашей науке, как книга его современника. Задолго до эмиграции в США в 1930-е гг., Лео Штраус расценивал возникновение тоталитаризма в фашистской Германии, рост коммунистического движения и построение сталинской модели социализма как серьезный вызов всей политической мысли и культуре Европы, оказавшейся в кризисе собственной идентичности, поскольку перед его лицом она перестала «верить в себя, в свои начинания и в свое превосходство», так и не сумев создать универсальное общество свободных и равных наций, состоящих из мужчин и женщин, равных и свободных, и живущих в процветании», коль скоро «14 пунктов» Вильсона и «четыре свободы» Рузвельта «остались благими пожеланиями», а свобода слова привела «к росту антисемитизма в демократических обществах»[16]. Этот «кризис», как считал Лео Штраус, захлестнул саму науку истории политической философии, поскольку господствовавший в ней, по его словам, «историцизм» (признание идей продуктом времени) в теоретическом плане отрицал рациональность и направленность западной мысли, а в практическом плане обернулся «поссибилизмом, конформизмом и филистерством». Тем самым подразумевалось, что эта наука есть выражение самосознания общества. Тогда как Поппер предлагал изучать, если можно так выразиться генетически присущие западной мысли «негативные» черты, Л. Штраус призывал историков выявлять «изначальный смысл» исторически возникших концепций политической философии, не считая *a priori* современные ему – истинными, а возникшие в прошлом – ложными или, по крайней мере, «утратившими актуальность», поскольку они несли на себе отпечаток своего времени. Он считал, что «историцизм» можно преодолеть только если, во-первых, изучить «неисторицистские концепции прошлого», во-вторых, согласиться с тем, что современные «неисторические концепции политической философии оказались неспособными ответить на вопросы, поставленные самой жизнью», а в-третьих, если подвергнуть историцизм строгому рассмотрению с точки зрения его самого, то обнаружится, что он сам зависел от «переходного состояния той эпохи, в которую он возник, предлагая причудливое и случайное решение проблемы, возникшей на основе весьма спорных предпосылок»[17]. Подлинный историзм, считал Штраус, стремится к пониманию вопросов психологии и экономики «*в свете размышлений* изучаемых авторов», того, «каким образом они сами смотре-

[16] Tarcov, Pangle 1984: 1008.
[17] Strauss 1953: 24–25.

ли на своих современников и предшественников», о чем он и писал, солидаризируясь с герменевтикой, Г.-Г. Гадамеру в письме от 26 февраля 1961 г.[18] Правда, открытым остался вопрос о том, *что из себя представлял тот «свет»*, который проливали на них те или иные авторы?

Согласно Штраусу, тексты политических философов часто выглядят как обращение к непосвященным («экзотерика»), внутри которого может скрываться его истинная мысль («эзотерика», подлежащая герменевтическому анализу), высказать которую, однако, подчас бывает невозможно по причинам политическим (опасность борьбы с общепризнанными мнениями), социальным (философия ниспровергает верования, ценности и мифы, образующие фундамент общества, который она может таким образом разрушить). Вместе с тем, существование «эзотерического» учения философов (скрытых и их непонятных современникам идей), противоставляемого мнениям большинства, свидетельствует о том, что философы «имели смелость действовать во имя изменения мира»[19]. Поэтому в концепции Штрауса существует дуализм между «экзотеризмом» и «эзотеризмом»: изучая первый мы *объясняем* то, «как именно говорил философ» (условия, в которых он высказывался), а во втором случае стараемся *понять* то, «что он в действительности сказал». Строки его исследования, посвященные Макиавелли, могут служить примером анализа в обоих направлениях: «Макиавелли, отлично знавший Ксенофонта, убрал половину и, согласно Ксенофонту, лучшую часть его учения, изложенного в сократических сочинениях […] всё в сочинениях Макиавелли показано в новом свете, но не за счёт расширения горизонта, за счёт его сужения». Но чем это объясняется? Флорентиец уничтожил мораль античного мыслителя именно потому, что во имя самой «возвышенной морали современная ему инквизиция уничтожала людей»[20].

По Штраусу, подлинный историзм, «рассматривая проблемы [политической философии – С. З.] как таковые, позволяет человеческому духу свободно выйти за свои исторические пределы» и сосредоточиться на анализе «основополагающих и постоянно существующих проблем в истории политической мысли»[21]. Итак, путем изучения истории политической философии, освобожденной от «историцистких» пут, воспитывается сознание свободного человека, глубоко осознающего свою культурную идентичность. Вместе с тем, парадоксальном образом его точка зрения совпадала с точкой зрения Поля Жане, который заявлял, что история политической науки «есть ничто иное, как история последовательного расширения границ разума и границ управления человеческими делами с его помощью»[22].

Таким образом, «кембриджский метод» создавался в период критики «историцизма» у Л. Штрауса. Невозможно проанализировать ни

[18] Переписка Гадамера и Штрауса: Correspondence 1978: 6.
[19] Lampert 2009: 91–93.
[20] Strauss, Cropsey 1984: 341.
[21] Strauss 1953: 33.
[22] Janet P. Op.cit., p. XI, XXXVII,

историю[23], ни идеи «кембриджской школы», ни раскрыть все богатство, а порой и противоречивость, методологических размышлений К. Скиннера[24] в рамках статьи и даже монографии, однако есть смысл указать на некоторые методологические посылы его самого и представителей «школы», следуя примеру авторов упомянутого коллективного труда их критиков: «(1) В сфере политической/социальной реальности не существует универсальных истин или извечных вопросов; все системы идей соответствуют определенным фазам опыта и упорядочены в соответствии с ним. (2) Идеи прошлого должны быть полностью растворены в их точном контексте (культуре, ситуации и т. д.) […] (3) […] тексты не должны рассматриваться как средство достижения собственных интересов историка, проводящего анализ. (4) Историчность требует, чтобы мы сосредоточились на том, что автор сознательно намеревался сказать. (5) И ни одно последующее описание этих идей [мыслителей – С. З.] не может основываться на критериях описания и классификации, которые были бы непонятными ему самому»[25]. В последнем случае, по словам Дж. Данна «скрытые истины, будь то вигские, марксистские или штраусовские, — это всего лишь механистические суеверия, модели, точно так же неспособные объяснить микрокосм Джона Локка, как и макрокосм “исторического процесса”»[26]. Эта фраза свидетельствует об отношении «кембриджской школы» и к поиску Штраусом «эзотерики» (герменевтический анализ текста), и к «макрокосму» (в терминах Штрауса) «постоянно существующих проблем в истории политической мысли». По сути, «кембриджская школа» притязает на ревизию идей Л. Штрауса и на аутентичные *объяснения* идей в точном историческом контексте.

Согласно Пококу, он сам не переходил границ чисто исторических исследований, тогда как Скиннер работал в русле политической философии. С этим связаны, как нам представляется, нюансы в трактовке некоторых аспектов «кембриджского метода», суть которого состоит в том, что, во-первых, мысль выражается тем или иным автором на языке его эпохи, и поэтому прослеживается взаимное влияние языка и мысли: «те модели и предварительные представления, в терминах которых мы неизбежно организуем и к которым приспосабливаем свои впечатления и мысли, сами будут влиять на то, что мы думаем или ощущаем. Чтобы понимать, мы должны структурировать, а структурировать то, что нам незнакомо, мы можем, только опираясь на то, что нам знакомо»[27]. Кроме того, «рациональные агенты желают, чтобы доводы в пользу их верований соотносились с их собственной истиной»[28]. Итак, не только действия субъектов *всегда* остаются рациональными при том, что они притязают обладание истиной в том смысле, так как, согласно формаль-

[23] См.: Pocock 2009: VII–VIII.
[24] См.: Pocock 2009: 123–142, а также: Павлов 2018: 271–273.
[25] Femia 1988: 157.
[26] Dunn 1969: 5.
[27] Кембриджская школа 2018: 121–122.
[28] Skinner 2018: 43.

ной логике, истина есть суждение, достаточно обоснованное и признаваемое истинным ими самими. Во-вторых, они «обрабатывают эмпирические данные наблюдений с помощью концептов, а, следовательно, и с помощью словаря, который мы используем, чтобы их выразить»[29]. В-третьих, язык однозначно описывает реальность, поскольку «наш социальный словарь помогает определить характер социальных практик. Увидеть роль нашего оценочного языка в легитимизации социальных действий — значит увидеть точку, в которой наш социальный словарь и наша социальная структура взаимно поддерживают друг друга». Как заметил по этому поводу Чарлз Тейлор, «мы можем говорить, если того желаем, о взаимной зависимости социальной реальности и языка, но на самом деле это различие искусственное, ибо язык описывает социальную реальность»[30]. Исходя из во многом аналогичных соображений Дж. Покок полагал, что «историк дискурса должен рассматривать философию и практику в их сосуществовании»[31].

Таким образом, образуется замкнутая система: социальная реальность обуславливает язык, а наше ее восприятие тем языком, которым мы пользуемся. Что тогда приводит эту «систему» в движение? По выражению Дж. Покока, «создание, исполнение текста есть его *действие как parole (слово) в контексте langue (язык)*. Оно может быть просто продолжением тех действующих конвенций, из которых состоит язык; оно может указывать нам на то, что язык продолжал использоваться в мире, который меняется сам и начал менять язык; но оно может и действовать в языке»[32]. «Сила» этого «действия» как раз, так сказать, и «приводит в движение» систему в той мере, в какой «интерпретатор и «контр-автор» (counterauthor) начинают «читать» текст, присваивая содержащиеся в нем слова и речевые акты, повторяя их по-своему и самостоятельно выбирая контекст, так что они включаются в его собственные речевые акты» и так,[33] что он сам «оспаривает или перечеркивает упрочившийся моральный трюизм»[34]. В свою очередь Дж. Покок считал написание произведения «действием» социальным в том случае, если «философы […] несут свои произведения переписчику или типографу и выпускают в свет»[35]. Возразим, однако же, что во втором случае действие становится факультативным (не всякий текст доходит до читателя), не говоря о том, что меняется и сама «социальная реальность», и текст, предназначенный для публикации в прежней обстановке, не производит ожидаемого автором действия в новой, но, спустя столетия, как заметил Дж. Покок, оказывает сильнейшее влияние на читателей[36].

[29] Ibid.: 61.
[30] Skinner 1988: 132.
[31] Кембриджская школа 2018: 342–343
[32] Цит. соч: 340.
[33] Там же: 359
[34] Там же: 220.
[35] Там же: 378
[36] Цитата из сочинения Покока у Скиннера: Skinner 2018: 147–149.

Как бы то ни было, у автора текста слово не расходится с делом, а «каждый из этих языков [присущих отдельному автору], вне зависимости от их происхождения, будет приводить в действие определенную силу, которую можно назвать парадигматической […] т.е. каждый язык будет *избирательно представлять* информацию как релевантную для проведения и характера политики и будет способствовать определению политических проблем и ценностей именно таким, а не каким-либо другим способом» (курсив мой – *С.З.*)[37]. Поэтому, согласно Данну, не стоит обращать внимания на то, «что эта книга [трактат Локка] может означать очень много вещей для большого числалюдей, ведь в этом случае она оказалась бы *понятной, но не объясненной*. […] То, что я пытаюсь здесь сделать, - проследить рациональность индивидуального интеллектуального проекта в конкретном биографическом и историческом *контексте*, в котором он обладал такой рациональностью»[38]. Этот подход основан на подразумеваемой посылке, что *объяснить* можно только *действие* (в данном случае, языковое) по созданию произведения контекстом, в котором оно происходит. Что же касается «интеллектуальных течений» или (в терминах «кембриджской школы») «идеологий», то, по Пококу, «вслед за Ницше, Скиннер показывает, что то, что мы считаем необходимым и основополагающим, политически представляет собой незапланированный результат *случайных* дебатов и баталий»[39], в ходе которых происходит «риторическое пере-описывание (re-description)», и именно таким образом «фабрикуются идеалы на нашей земле»[40].

Таким образом, и текст, и контекст выражаются в языке, а потому он, согласно К. Скиннеру, «должен быть наилучшим и часто единственным источником сведений о деятельности, описанной с его помощью»[41]. В этой ситуации историку следует поставить перед собой вопрос о том, какой «тип знания и понимания [мира] возникает при изучении словаря, нами используемом для описания и оценки мира», и принять во внимание то, что «не может существовать никакая история элементарных идей как таковых, но только история различных их узусов (usage, using), посредством которых идеи мобилизуются различными агентами и в различные эпохи», а так же учесть то, что меняются не сами концепты, «а происходят изменения в терминах, выражающих наши концепты». Поэтому нужно изучить «свойственный [теориям] относительно стабильный словарь»[42]. Тем самым, историк имеет дело со словарем, в лингвистике называемом «комбинаторным».

Критики Скиннера пытались опровергнуть его утверждение, согласно которому текст, «будучи истолкован с помощью аппарата выражений, иллокуций и локуций и в предположении, что он был создан ра-

[37] Кембриджская школа»2018: 322.
[38] Dunn 1969: 9.
[39] Кембриджская школа 2018: 522.
[40] Skinner 2018: 239–240.
[41] Кембриджская школа 2018: 534–535.
[42] Skinner 2018: 222–232. Изучение «словаря» эпохи и есть цель главного сочинения К. Скиннера: Skinner 2009: 8–9.

ционально, является *собственным объяснением*»[43]. Но, по мнению Мартина Холлса, не всякое действие, тем более коллективное, можно считать рациональным. Более того, само действующее лицо может иметь различные *мотивации* (их предлагали изучать, в отличие от Скиннера, сторонники герменевтики), а они могут оказаться рациональными в одном контексте и иррациональными – в другом[44]. С этим мнением нужно согласиться, поскольку, как показал Роберт Нозик, мотивации социальных «агентов» носят вполне рациональный характер, когда они стремятся попасть в общество, где их «ценят более всего», но вместе с тем, вряд ли картину утопического общества, нарисованную их воображением, можно считать «рациональной»[45]. Заметим, что Скиннер в отношении утопии Томаса Мора высказался вполне определенно: «авторы такого рода историй немедленно теряют контакт с агентами, использующими язык»[46]. Кроме того, согласно Холлсу, существуют и «ненамеренные иллокутивные акты», и Локк мог ненамеренно высказаться таким образом, что «иллокутивная сила» его высказывания оказалась независимой от его желаний»[47]. Критика произвела впечатление на Скиннера, который, ссылаясь на «позднего Витгенштейна» и «как всегда точного Джона Остина»,[48] доказывал, что, в том случае, когда автор защищает, критикует кого-либо или нападает на кого-то, то сам текст содержит «интенциональную иллокутивную силу» (intended illocutionary force), и, таким образом, историком устанавливается «эквивалентность между интенциями при написании текста и значением того, что было написано». Хотя, конечно, бывает и так, что автор «не вполне осознает свои намерения […] или же ему не удаётся их сформулировать». И все же Скиннер сделал уступку своим критикам, заявив, что «охватить эти интенции» можно, если «сосредоточиться на изучении господствующих конвенций», т.е. на том, что К. Касториадис назвал «социальным воображением, унаследованными символами и представлениями»[49].

Своеобразная «инклюзия» Скиннером намерений (интенций) локутора в речевые акты, а текстов в контекст повлекла, по мнению его критиков, по меньшей мере три последствия. Во-первых, по Скиннеру, язык «актора» ограничивают «языковые конвенции», хотя в действительности они есть ничто иное, как «ресусы», которыми он пользуется в «иллокутивном акте» с целью расширить его «возможности»[50]. Во-вторых, в духе структуралистских концепций, восходящих еще к лингвистике Соссюра (различение «слова» и «языка», воспринятое Пококом), Скиннер, вероятно, считал язык «непродуктивным», некоей «оболочкой, в итоге заключающей в себе интенциональные высказывания» акторов,

[43] Hollis 1988: 139.
[44] Ibid.: 140–144.
[45] Nozick 1974: 364
[46] Skinner 2018: 117.
[47] Graham 1988: 155.
[48] Имея в виду его знаменитую книгу Austin 1976.
[49] Skinner 2018: 133–134.
[50] Minogue 1988: 203.

«имеющих привилегию понимать их объективное значение»[51]. Но существует ли в этом случае языковое творчество «акторов», осознающих «объективное значение» своих слов? Согласно Н. Таркову, поместив идеи Макиавелли в «языковой контекст» времени (словарь), Скиннер пришел к тому, что «оригинальные идеи Макиавелли не просто вписывались в общепринятые контексты XVI в. […], но и адаптировались к нашему [полученному в результате исследования] контексту, а связь с политическими проблемами, а также с теологией и моралью» исчезла[52]. Между тем, по мнению Ч. Тейлора, «мотивы таких действий [иллокутивных актов] можно понять лишь в контексте политических баталий определенной эпохи, а важность текста как действия измеряется тем, насколько он способствовал исходу этих баталий»[53]. Иными словами, нельзя игнорировать и *объективно возникший* политический контекст, ограничиваясь только изучением языкового. В-третьих, не приводит ли «историзм» создателей «кембриджского метода» с его требованием «трезвого воспроизведения нашего исторического прошлого» к тому, что мы не обращаем внимания, с одной стороны, на «фундаментальные сдвиги *в нашем общем* понимании прошлого, настоящего и будущего», на которые обращал внимание М. Фуко в своей «Истории безумия»?[54] А с другой, это «трезвое воспроизведение» может оказаться ловушкой для историка, поскольку, если «рациональное *действие* само по себе является *объяснением*, то любое историческое объяснение становится ложным»[55].

Хотя критики Скиннера подчас задавали ему острые вопросы, тем не менее они не подвергали сомнению в целом методологическую основу его исследований, в которой, в частности, отечественные специалисты обнаруживали противоречия[56]. Поэтому в тексте «Ответа моим критикам» Скиннера дополненном и включенном в виде глав его книги 2018 г. (гл. VI, VII и VIII) содержались лишь уточнения, тогда как свою концепцию он не поменял. В книге он повел различие между «интенциональным иллокутивным действием» (способностью актора использовать ресурсы языка) и его «иллокутивной силой» (объективно существующими ресурсами языка)[57]. Он настаивал на том, что его «интересовало в меньшей степени [объективное] значение акта, а в большей – его осуществление»[58]. Даже изучая ритуальное действие (пример, приведенный М. Холлсом), «мы узнаем об основном намерении актора действовать именно так, а не иначе», а не о его «мотивах», которые вряд ли потребуются историку для *объяснения* того или иного действия. А потому гораздо важнее «расшифровать намерения акторов, поместив их действие в эту расширенную структуру ценностей и практик» или «кон-

[51] Keane 1988: 206–207.
[52] Tarcov 1988: 203.
[53] Taylor 1988: 219.
[54] Keane 1988: 212–213.
[55] Hollis 1988:146.
[56] Павлов 2018.
[57] Ibid. 136–143.
[58] Skinner 2018: 145.

текст»[59]. При этом, конечно, остается проблема «схватывания» (uptake) аудиторией идей «локутора», в чем, по словам Скиннера, «лингвистика помочь не может». Вместе с тем он считал необходимым ввести две другие «детерминанты»: «интенциональную силу высказывания, состоящуя в его значении» и «контекст и повод для высказывания», которые в той или иной ситуации имеют значение «аргументов». Заметим, что прежним осталось мнение Скиннера об «ограниченности нашей коммуникации имеющимися концептами»[60]. Подводя итог своим размышлениям, он указывал на то, что его метод позволил выяснить отсутствие в эпоху Нового времени связи между «свободой» и «правами», и, следовательно, его применение позволяет понять «фундаментальные сдвиги в нашем общем понимании прошлого» и «усовершенствовать образование в этом направлении»[61]. Нетрудно заметить, что таким образом он вел заочную полемику с Лео Штраусом о целях преподавания истории политической мысли (философии), а его метод, ориентированный на изучение «интенций», исключал герменевтический анализ текста.

Отметим три, как нам представляется, основополагающих (отчасти, неявно выраженных) аспекта методологии К. Скиннера: (1) концепты наличествуют в языке, они неизменны, меняется лишь способ их выражения; (2) структуралистская лингвистика, представители которой ставили акцент на «интенциональном иллокутивном акте (действии)», открывает достаточные возможности для *объяснения* «значения» происходящего в communicatio politica (термин Аристотеля)[62]; (3) изучая «иллокутивный акт» в существующей «структуре ценностей и практик» (но, заметим, не «представлений и символов» в духе Касториадиса), мы учитываем то, что эффект его «схватывания» зависит от «интенциональной силы» (значения) и от коммуникативной ситуации. Таким образом, концепция Скиннера развита в рамках парадигмы «использования» (using) языка и концептов в речевом действии актора, а не в рамках парадигмы «создания» и тех, и других, или творчества.

Идя по стопам Скиннера, Патрик Райли[63] в своем исследовании концепта «общей воли до Руссо» собрал множество текстов французских писателей XVI–XVIII вв., где содержался, как он думал, этот концепт, и пришел к выводу, что его различное выражение свидетельствует об эволюции его содержания от «религиозного» к «светскому». Но, как заметил Брюно Бернарди, подобный подход предполагает, что «общая воля была концептом, образованным до Руссо»[64]. Между тем как Руссо, как свидетельствует анализ черновых рукописей его политических сочинений, «создал концепт, представляющий собой полный разрыв с его предшественниками», к примеру, с Дидро, текст которого, посвященный

[59] Ibid.: 173–174, 182–183.
[60] Ibid.: 149–150 153
[61] Ibid.: 164.
[62] Цитата у К. Скиннера: Skinner 2009: 820.
[63] Riley1987.
[64] Bernardi 2006: 395.

«общей воле», он снабдил своими комментариями в процессе редактирования своей статьи «О политической экономии», где он впервые обосновал этот концепт[65]. Бернарди считал, что назрела необходимость создания «истории концептов» с целью изучения изменений содержания одной и той же политической теории, которая «может включать в себя гетерогенные, а подчас и противоречивые, концепты», сформулированные по-разному. К примеру, у Руссо можно обнаружить различные их виды («концепт–тезис», «концепт-проблема», «концепт–поле размышлений»), которые он образовывал путем заимствования, в частности, парадигм, используемых в естественных науках его времени. Руссо-автор трактата «Химические установления» применил для создания концепта «общей воли» парадигму «смешения веществ» (mixion): полученное таким образом новое вещество обладает свойствами, несовпадающими со свойствами веществ исходных. Точно также в результате смешения «частных воль» возникает «общая воля», качества которой отличаются от качеств каждой из них в отдельности[66]. Подход Бернарди и целой команды исследователей, подготовивших не только научно-критические издания почти всех политических сочинений Руссо, но и девять книг научных комментариев к большинству из них, развивается в русле идей М. Фуко считавшего спецификой гуманитарных наук «перенесение» (transportation) концептов из одной области знания в другую»[67]. Поэтому, вопреки утверждению К. Скиннера, «концепты» не являются «готовыми» средствами для описания действительности, но они создавались в Новое время, благодаря развитию научного знания в целом.

Во многом аналогичные нарекания вызывает и подход Данна к изучению «концепта обязательства». Критикуя мнение Коллингвуда («история политической теории — это история проблемы, более или менее постоянно меняющейся»), он заявлял, что только «теоретическая сложность языка, его центральное место в человеческом существовании и его ключевая роль в определении характера человеческого сознания» имеет значение для историка. Не говоря о том, что всякая «концепция рационального содержания человеческих ценностей есть концепция антиисторическая»[68]. Своей задачей он считал объяснение той «роли, которую такие убеждения играют в причинно-следственной связи», стремясь «понять то, в какой степени, если в них верят, они меняют мир и творят историю», как и то, что «может или не может произойти по политическим причинам», ведь «теории в большинстве случаев и в значительной степени ложны» [69]. То есть, нужно изучать не «рациональное содержание ценностей» или «ложных теорий», а речевые *действия*, имеющие политический эффект. Тогда как объяснить то, замеченное Б. Бернарди, обстоятельство, что в Новое время «вопрос об обязательстве является

[65] Ibid.: 430–431.
[66] Ibid.: 397.
[67] Foucault 1966: 368.
[68] Dunn 1980: 2, 7.
[69] Ibid.: 10.

общим пространством, в котором образовывались направления мысли, одновременно и конкурирующие между собой, и сливающиеся в одно русло»?[70] Дж. Данн считал «самым важным пробелом трактовке основного предмета эссе [свою] неспособность более четко отделить исторические превратности анализа собственности Локка от его общей теории политической легитимности и права на сопротивление, и, в частности, неспособность подчеркнуть влияние продолжавшейся (довольно узкой) институционализированной традиции, […] которую можно встретить у авторов, писавших о естественном праве как в континентальной Европе, так и в Шотландии»[71].Так может быть в том-то и дело, что, согласно замечанию Бернарди в работе о «концепте обязательства», он возник в политической мысли Европы в процесссе создания, так сказать, «смежных концептов» свободы и суверенитета, начиная с Бодена и заканчивая Лейбницем и Барбейраком? Элемент самокритики у Данна весьма показателен. Оказывается, нельзя считать концепты некоей данностью или готовым инструментарием, потому что они разрабатываются в рамках интеллектуального течения, внутри которого меняются и проблемы (вопреки мнению Коллингвуда), и концепты, призванные их решить. Согласно Бернарди, сосредоточившись на «иллокутивном действии», можно «переоценить его значение в ущерб концептуальному анализу»[72].

П. Рикёр как-то заметил, «что мир, зависящий от обстоятельств, затмевается квази-миром текстов […] и можно сказать, что этот мир воображаемый, в том смысле, что его сделали представляемым (présentifié) с помощью письменности»[73]. Кажется, от этой иллюзии «квази-мира» не отрешились создатели «кембриджского метода». Они переосмысливали лингвистические концепции стуктуралистов (иронично названные Рикёром «чисто английским блюдом»), которые, вслед за Д. Юмом, исходили из того, что «мотивы, намерения, доводы в пользу действия неразрывным образом связаны с самим действием». Отсюда и попытка Скиннера, Покока и Данна свести концепты к «локутивному действию», чтобы «*объяснить* почему автор писал так, а не иначе». Между тем, согласно Рикёру, существуют и конкретные объективные обстоятельства, в которых прослеживается связь между причинами и следствиями[74], поскольку немало политических сочинений их авторы писали по конкретному поводу или же, выполняя определённый заказ. Рикёр не отрицал того, что «иллокутивная сила» высказывания зависит от её способности к «экстериоризации с помощью кодифицированных грамматических или семантических форм», названных Скиннером «словарем», но вместе с тем обращал внимание на то, что любой текст содержит в себе «референцию» к миру, а потому не существует «текста с абсолютной идеологией». И, добавим, текста с «абсолютным словарем» тоже. По Ри-

[70] Bernardi 2007: 13.
[71] Dunn J. 1980: 5.
[72] Bernardi 2006: 432.
[73] Ricoeur 1986: 158.
[74] Ricoeur 1986: 188–189.

кёру, «текст освобождает свое значение от опеки мыслительного намерения, он освобождает свою референцию от границ показанной [автором] референции. Для нас мир – это совокупность референций, открытых самими текстами […] и отныне они открываются нам в качестве возможных способов бытия как символические измерения нашего бытия в мире»[75]. Схватывая (uptake) сказанное «локутором», мы схватываем главным образом значимое для нас самих. Рикёр пояснял, что «между моделью текста и социальными феноменами имеется промежуточное звено в виде семиологической системы» (на которую ссылался Скиннер, цитируя Касториадиса), образующей «аутентичный фундамент социальной жизни». Из этого следует, что не только «корреляты внутри семиологических систем становятся главной задачей объяснения, но и необходимо заново сформулировать (и в новых терминах) проблему мотиваций в социальных группах»[76]. И ее решение Рикёр видел на путях изучения «социального воображения» и даже «вымысла» (fiction).

В рамках статьи приходится ограничиваться постановкой вопросов. Изучая «иллокутивное действие» того или иного мыслителя, не всегда берется в расчет «семиологическая система», которую «локутор» себе представлял. Холлс упрекнул Скиннера в том, что тот «исключил мотивы» из своего анализа «иллокутивного действия», и справедливо, поскольку оно само является частью «символической коммуникации», т.е. «мира культуры», где как раз и раскрываются мотивации «актора»[77]. Приведем ради примера хрестоматийное признание Руссо в «Исповеди» (кн. IX) о том, как он представлял себе ситуацию, когда совершал «иллокутивное действие», публикуя свои главные произведения: «Обе партии, бросавшиеся друг на друга [философы и верующие – *С.З.*] с величайшей яростью, больше походили на бешеных волков, с ожесточением рвущих на части друг друга, чем на христиан и философов, желающих… обратить друг друга на путь истины. […] и бог знает, к чему привела бы эта религиозная и гражданская война […] я задумал смягчить их взаимную ненависть, уничтожив их предрассудки». В этих строках прослеживается мотив «иллокутивного действия» Руссо-писателя. Он решился высказаться не потому, что того требовала «объективная необходимость» (политический конфликт во французском обществе), а потому, что, увидев ее сквозь призму «семиологической системы» («бешеные волки», «гражданская война»), он *решился* на «иллокутивное действие».

В одном из автобиографических писем Ж.-Ж. Руссо рассказывал о своих прогулках в лесу Монморанси как раз во время работы над трактатом «Об общественном договоре», где «общая воля» характеризуется

[75] Ibid: 211.

[76] Ibid.: 234.

[77] «Культурные достижения, ставшие возможными благодаря языковой мотивации, становятся для людей «второй природой». Здесь мы снова сталкиваемся с двусмысленностью содержания [текста], поскольку символическая коммуникация является не просто внешним инструментом, но и присуща людям в качестве агентов. Ее мотивационные свойства характеризуют как «сущность человеческого положения вещей», так и то, чем люди являются «сами по себе». (Burke 1945: 33).

как «смешение» и «тождество частных воль»: «собака моя была моим другом, а не рабом, и она никогда мне не повиновалась, ибо наша воля была одинаковой»[78]. В свое время Пьер Розанваллон заметил, что цель интеллектуальной истории заключается в том, чтобы «понять то, как создавались и развивались политические рациональности, т.е. системы представлений [о том], как люди действуют и видят свое будущее»[79]. Отсюда и его предложение, во-первых, изучить «старания построить ответы на то, что они воспринимают более или менее смутно как проблему», а во-вторых, «те напряжения, которые постоянно возникают между реальностью и представлениями о ней»[80]. Несмотря на «напряжения», «реальность» неотделима от представления исторического деятеля о ней в той мере, согласно Мишелю Фуко, в какой «жизнь, потребности, речь удваиваются в представлении (représentation), но в форме, которая может быть совершенно бессознательной», ибо оно «устремляется к внешним границам сознания»[81]. Возвращаясь к приведенной цитате из письма Руссо можно сказать, что его представление о своей повседневной жизни как раз и заключает интуиции, впечатления и ожидания, отразившиеся в его концептах, которые вряд ли стоит считать «рациональными» или же, так сказать, «готовыми» к использованию. Очевидно, понимая сложность взаимосвязи действительности, мысли и представлений, Даниэль Рош в своей известной работе о роли лошади в европейской цивилизации предложил рассматривать в едином комплексе социальные практики, экономические отношения, идеи и представления, сосредоточив внимание на культурной доминанте эпохи[82].

Автор этих строк не ставил задачу критиковать «кембриджский метод», или же выявить противоречия или методологические колебания его основоположников, но постарался привлечь внимание к тому, что его применение сопряжено с проблемами, важность которых не всегда, как представляется, ими осознавалась. Сегодня тексты «кембриджской школы» следует, исходя из логики её же представителей, поместить в контекст развития гуманитаристики второй половины XX в., чтобы понять, каким образом мы «схватываем» их «иллокутивные акты», например, пускаясь в «кабинетские» размышления или предаваясь медитациям о применимости «кембриджского метода» к изучению российской истории[83]. В любом случае, фокус нашего взгляда на него будет зависеть не только от названного контекста, но и от результатов наших собственных конкретно-исторических исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Занин С.В. Немного о «ежах» и «лисах», или откуда возьмутся «броненосцы»? (заметки о «новой культурной истории Просвещения»), Диалог со временем. 2019. № 66. [Zanin S.V. Nemnogo o «ezhakh» i «lisakh», ili otkuda vozmutsya «bronenosczy`»? (zametki o

[78] Rousseau 1959: 1141.
[79] Rosanvallon 1996: 307.
[80] Rosanvallon 1986: 100.
[81] Foucault 1966: 373, 367.
[82] Roche 2008-2015.
[83] Павлов 2018: 294–295.

«novoj kul`turnoj istorii Prosveshheniya»), (A bit About "Hedgehogs" and "Foxes", or Where Will "Armoured Ships" Come From? (Notes on the "New Cultural History of the Enlightenment"), Dialog so vremenem. 2019. № 66].

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. [Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual`noj istorii. (The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History) M.: НЛО, 2018].

Медушевский А.Н. Демократия и тирания в Новое и новейшее время // Вопросы философии. 1993, № 10. [Medushevskij A.N. Demokratiya i tiraniya v Novoe i novejshee vremya (Democracy and Tyranny in Modern and Contemporary Times) // Voprosy` filosofii. 1993, № 10].

Моска Г. История политических доктрин. М., Мысль, 2012. [Moska G. Istoriya politicheskikh doktrin. (History of political doctrines) M., My`sl`, 2012].

Павлов А. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос, Том 28 (№ 4), с. 261–302. [Pavlov A. Priklyucheniya metoda: Kembridzhskaya shkola (politicheskoj my`sli) v kontekstakh (Adventures of Method: The Cambridge School (of Political Thought) in Contexts) // Logos, Tom 28 (n. 4), S. 261-302.]

Austin J. How To Do Things with Words. Oxford University Press, 1976.

Bernardi B. La fabrique des concepts. Recherche sur l'invention conceptuelle chez Rousseau Paris: Honoré Campion, 2006.

Bernardi B. Le principe d'obligation. Paris: EHESS, 2007.

Burke K. A Grammar of Motives. University of California Press, 1945.

Carlyle R.W., Carlyle M.A. A history of Mediaeval Political Theory in the West. N.Y., 1930. T. I.

Correspondence Concerning «Warheit und Methode», Independent Journal of Pilosophe, II (1978).

Dunn J. An Historical Account of the Argument of the "Two Treatises of Government". Cambridge: C.U.P., 1969.

Dunn J. Political obligation in its historical context. Essays in political theory. Cambridge: U.P., 1980.

Dunning W.A. A History of Political Theories Ancient and Medieval. L.: MacMillan & Co., LTD, 1921. 2 tt.

Foucault M. Les mots et les choses. Paris, Gallimard, 1966.

Gierke O. Das deutsche Genossenschaftrecht. Berlinь Weidmannsche Buchandlung, 1868, t. II.

Gierke O. Natural Law And the Theory of Society 1500 to 1800. Cambridge: C.U.P., 1934. 2 tt.

Hazard P. La crise de la conscience européenne, 1680–1715. Paris, Fayard, 1961.

Hazard P. La pensée européenne au XVIIIe siècle. Paris, Fayard , 1979.

Histoire de la pensée politique médiévale. Éd. J. H. Burns. Paris, PUF, 1996.

Janet P. Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale, Paris, 1887, p. LXXI.

Lampert L. Strauss's Recovery of Esotericism, in: The Cambridge Companion to Leo Strauss. Ed. by Steven B. Smith. Cambridge University Press, 2009.

Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics. Edited and introduced by James Tully. Princeton University Press, 1988.

Mesnard P. L'essor de la philosophie politique au XVIe siècle. Paris, 1952.

Nozick R. Anarchie, État et utopie, Paris, PUF, 1974.

Patrick R. The General Will before Rousseau. The transformation of the Divine into the Civic. Paris, PUF, 1987.

Pocock J.G.A. Political Thought and History. Essays on Theory and Method. Cambridge: U.P., 2009.

Ricoeur P. Du texte à l'action. Essai d'herméneutique II. Paris : Éd. du Seuil, 1986.

Roche D. La Culture équestre de l'Occident, XVIe–XIXe siècle. Paris, Fayard, 2008-2015.

Rosanvallon P. Pour une histoire conceptuelle du politique (note de travail) // Revue de synthèse, janvier-juin, n 1-2, 1986, p. 93-105.

Rosanvallon P. «Le politique», in : Une école pour les sciences sociales. P.: Cerf-EHESS, 1996.

Rousseau, J.-J. Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade», Paris, Gallimard, 1959 T. I : 1141.

Skinner Q. Les fondements de la pensée, politique moderne, Paris : Albin Michel, 2009.

Skinner Q. Visions politiques. Volume 1: Sur la méthode. Genève, Droz, 2018,

Strauss L. Natural Right and History. Chicago, 1953.

Strauss L., Cropsey J., Histoire de la philosophie politique. Paris : PUF, 1984, p. 1008.

***Занин Сергей Викторович**, доктор исторических наук, абилитированный доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой Истории, Самарский государственный медицинский университет; ведущий научный сотрудник, Институт Всеобщей истории РАН; s.v.zanin@samsmu.ru; zansamara@mail.ru*

Texts of the Cambridge school and their context

The article examines the historiographical situation that arose as a result of the publication of the main methodological works of representatives of the Cambridge school and its subsequent critical reception. It has been established that in the first half of the 20th century, in works devoted to the history of political thought (philosophy), priority arose in studying its development as such, without considering the influence of the institutions of society. The Cambridge School "was influenced by the "historicism" of Leo Strauss, who shared the ideas of hermeneutics, but revised his views from the standpoint of linguistic structuralism and, giving priority to explaining "intentional act" in the "context", thereby justifying historical relativism in a new way. The article emphasizes that the very concept of the Cambridge school was developed within the framework of the paradigm of "using" language in the actor's illocution, and not within the framework of the paradigm of "creating" "concepts", "semiotic systems" of communication and "representations", which in the second half of the 20th century were given significant attention in the "conceptual history", as well as in the works of P. Ricoeur and M. Foucault. Therefore, today, the texts of the Cambridge School should, based on the logic of its representatives, be placed in the context of the development of humanitarianism in the second half of the 20th century in order to understand how we "take up" today its "illocutionary acts".

Keywords: *historiography of the history of political thought, "Cambridge method", concepts, representations, "symbolic communication".*

Sergey Zanin, *Dr.Sc. (History), Habilit Dr. (Law), Professor, Head of the Department of History, Samara State Medical University, leading researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; s.v.zanin@samsmu.ru, zansamara@mail.ru*

С.В. Володенков, С.Н. Федорченко

КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ[1]

Целью настоящей статьи является выявление базовых особенностей эволюции концепций социального проектирования будущего в их взаимосвязи с трансформациями концепций исторического времени и режимов историчности. Методология работы основана на принципах исторической эпистемологии, что позволяет акцентировать анализ исторических условий, ценностных рамок и уникальности воззрений прошлого. В рамках статьи показано, что архаичные истоки концепций (Древний Египет, Греция, Рим) характеризовались циклической темпоральностью, божественной предопределенностью, эсхатологическими ожиданиями и ключевой ролью сакральных процедур. Эволюционный путь пролегал от теологической предопределенности через социальные утопии, связанные со становлением темпоральности прогресса (Ренессанс – Новое время), к современным научно обоснованным моделям (XX–XXI вв.), формирующимся в условиях «презентистского» режима историчности. В работе показано, что сквозной чертой на всех этапах эволюции является алгоритмичность и процедурность в работе с будущим, а также постоянное переосмысление архаичных элементов (эсхатологии, сакральных процедур). Ключевым выводом выступает тезис о том, что эволюция концепций социального проектирования будущего представляет собой не линейный прогресс, а процесс трансформации, детерминированный сменой доминирующих режимов темпоральности и интегрирующий архаичные элементы в новые формы конструирования социальной реальности.

Ключевые слова: *социальная архитектура, социальное проектирование будущего, социальные утопии, социальная инженерия, префигуративная политика, футуринг, эсхатология, темпоральность, режим историчности.*

Кто не знает в какую гавань плыть, для того нет попутного ветра.
Сенека. «Нравственные письма к Луцилию».

Социальное проектирование относится к особой сфере профессиональной деятельности, связанной с разработкой социально значимых проектов, направленных на качественное развитие, совершенствование общества, государства, установление их связей с личностью и социальными группами. Итог любого социального проектирования – конструирование, нормативное обоснование и внедрение в повседневную жизнь конкретных социальных проектов, связанных с образом будущего страны. Даже если социальное проектирование активно апеллирует к прошлому, знаковым историческим событиям, традициям, ценностям, идеям, то все равно оно создает неповторимый, новый образ будущего социального устройства. При этом в основе социального проектирования будущего всегда лежали некие концепции[2] – совокупность взглядов,

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Севастопольского государственного университета. Проект: «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии», регистрационный номер 1025031000058-9-5.6.1

[2] Концепции социального проектирования будущего понимаются авторами в более широком смысле (не как строгие концептуальные системы с четким категориальным аппаратом, предложенные конкретным ученым или коллективом исследователей, а как совокупность популярных образов, идей, примерных предположений о грядущем

принципов, идей мыслителей, философов, политиков, ученых. Такие концепции социального проектирования будущего предлагают примерные ориентиры для взаимодействия человека, общества и государства, задают систему моральных, ценностных координат. В зарубежных исследованиях данные концепции часто связаны с категорией «создания будущего». Примером этого являются концепции лидерства[3].

На протяжении длительного времени появлялись разные концепции социального проектирования будущего. Импульсом для их появления выступало стечение исторических обстоятельств – развитие экономических отношений, науки, формирование новых социальных групп, сообществ, кризис или трансформация социальных и политических институтов. Иногда признается, что в основе подобных концепций лежат два подхода – системный (идея приоритета коллективистского начала в обществе, лежащая в учении Платона) и ре-дукционистский (акцент на индивидуализме, восходящем к идеям софистов и Протагора)[4]. Такое видение сохраняет аналитическое значение и предполагает некоторую конкуренцию идей в своей основе. Между тем авторы статьи склонны признать, что вместо выделения идеальных коллективистских и индивидуалистических подходов логичней признать их сочетание в тех или иных концепциях, популярных в конкретные исторические периоды...

Приведенные соображения определяют цель исследования – выявление базовых особенностей эволюции концепций социального проектирования будущего. В методологическом аспекте работа опирается на принципы исторической эпистемологии[5] (разработанные или описанные в трудах Г. Башляра, Д. Лекура, Ж. Кангилема, М. Фуко, Б. Латура, Х.-Й. Райнбергера, Л.В. Шиповаловой, М. Пасквинелли, Ю.В. Шапошниковой и др.), акцентирующей внимание на анализе исторических условий, ценностных рамок и уникальности воззрений прошлого при формировании концепций социального проектирования будущего. Особое значение приобретает изучение связи этих концепций с изменчивыми концепциями времени и режимами историчности, т.е. способами артикуляции прошлого, настоящего и будущего[6]. Историческая эпистемология изучает саму науку как культурно-исторический феномен. Близкая к ней политическая эпистемология фокусируется на взаимосвязях знания, конструируемых образов о будущем с политикой и властью.

Отталкиваясь от историко-эпистемологического анализа, можно предположить, что концепции социального проектирования будущего в своей эволюции не только зависели от конкретных интеллектуальных и политических акторов, но и были обусловлены доминировавшими в ту

развитии общества, государства и цивилизации, оказывающих влияние на социальную архитектуру страны). Вместе с тем авторы признают, что в своем развитии такие концепции сохраняют некоторые архаичные идеи.

[3] Whyte and all 2025: 173.

[4] Румянцева 2015: 156–157.

[5] Пасквинелли 2024: 31–32.

[6] Koselleck 2004.

или иную эпоху режимами темпоральности. Они проделали путь от архаичных, эсхатологических представлений, через социальные утопии, к научно обоснованным социальным проектам. При этом на всех этапах сохранялась преемственность в виде алгоритмичности и процедурности работы с образами грядущего.

Конструирование будущего и режимы историчности

Любая попытка социального проектирования будущего имплицитно или эксплицитно опирается на определенную концепцию времени. Историки и философы выделяют различные режимы историчности – доминирующие в ту или иную эпоху способы связи между прошлым, настоящим и будущим[7]. Для архаичных и античных обществ был характерен режим, ориентированный на прошлое как на «золотой век», а темпоральность часто носила циклический характер. Христианская культура ввела линейную темпоральность, направленную к эсхатологическому финалу, где будущее было предопределено божественным промыслом. Переломным стало Новое время, когда «пространство опыта» перестало соответствовать «горизонту ожидания[8]». Возникла темпоральность прогресса, где будущее мыслилось как открытое, лучшее по сравнению с прошлым и настоящим, и потому подлежащее активному конструированию. Согласно Р. Фрэнчу, появление печатного станка привело к эпистемологическому сдвигу[9]. Новая темпоральность возникала в условиях конкуренции традиционных сакральных, религиозных образов с новыми идеями, образами национального государства, науки и университета.

Наконец, для современной эпохи («долгого» XX века) характерен, по мнению Ф. Артога, «презентизм» – режим историчности, при котором и прошлое, и будущее осмысляются через призму сиюминутных отношений в настоящем, а само будущее становится одновременно и непредсказуемым, и объектом перманентного управления[10]. Фрэнч описывает этот процесс через идею последнего постмодернистского эпистемологического сдвига, при котором образы, нарративы, предлагаемые политиками, государственными деятелями, учеными, стали подвергаться сомнению[11]. О презентизме в аспекте формирования новых режимов темпоральности, тесно соединяющих, смешивающих настоящее и будущее, пишет и австрийский философ Армен Аванесян. По его мнению, о темпоральности нового типа свидетельствует феномен лайфлога[12] – ношения людьми цифровых устройств (например, смартчасов), регулярно регистрирующих их состояние, чтобы лучше подготовиться к изменениям со здоровьем в будущем. Аванесян полагает, что современные компьютеризированные системы и алгоритмы активно участвуют в создании сложно-темпоральных обществ.

[7] Hartog 2015.
[8] Koselleck 2004.
[9] French 2015.
[10] Hartog 2015.
[11] French 2015.
[12] Аванесян 2021: 55-57.

Необходим анализ эволюции концепций социального проектирования будущего сквозь призму смены режимов историчности, т.к. такой подход позволяет преодолеть упрощенную эволюционную схему «от религии к науке» и выявить более глубокую историческую динамику.

Архаичные истоки концепций социального конструирования будущего

Социальное конструирование будущего, политическое прогнозирование, форсайт невозможно представить без осознания человеком своей активной роли в моделировании сценариев развития общества и государства. Античная культура выработала противоречивое решение этой проблемы. Если древнеримское мировоззрение предполагало неизбежность, неотвратимость и непостижимость иррационального Фатума, то древнегреческое понятие Ананке, означающее скрытый план, принцип необходимости (служащий общей пользе), предлагало для человека более активную роль в конструировании окружающей действительности. В отличие от рокового Фатума, проект человеческой судьбы в рамках модели Ананке мог быть изменен в процессе своего осуществления под влиянием разнообразных факторов – от обстоятельств до характера людей. Также есть мнение, что древние греки представляли мойр, богинь судьбы, как процесс, сопутствующий человеческому существованию[13].

В древности социальная проекция будущего была неразрывно связана с некими потерянными благополучными временами в прошлом, «золотым веком», «Сатурновым царством». В античной традиции отход от «золотого века» объяснялся не «первородным грехом» (концепция, свойственная более поздней христианской культуре), а общей деградацией человеческой природы или нарушением изначального порядка. В том же Древнем Риме не просто констатировалась эта деградация, но, начиная с IV эклоги «Буколик» Вергилия, проектировалось возвращение нового «золотого века» в грядущем...

«Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство...»[14].

Черты официальной социальной утопии Рима эпохи принципата Августа также можно обнаружить в «Энеиде» Вергилия и в «Секулярном гимне» Горация. Так, в I книге «Энеиды» Юпитер пророчит бесконечную власть основателям Рима[15], а в VI книге Анхис, отец спустившегося в подземный мир Энея, предрекает величие римского государства:

«Ты же народами править властительно, римлянин, помни!
Се - твои будут искусства: условия накладывать мира,
Ниспроверженных щадить и ниспровергать горделивых!»[16].

Такие элементы формирования желаемого образа будущего (которые можно условно назвать прото-пропагандой[17]) в виде позитивной

[13] Денисова 2014: 61–62.
[14] Вергилий Публий Марон 2000: 39.
[15] Вергилий Публий Марон 2000: 148.
[16] Вергилий Публий Марон 2000: 275.

перспективы, связи времен, нового имперского режима принципата с прежними республиканскими традициями, были важны в плане обеспечения согласия и единства в древнеримском государстве, долгое время раздираемого гражданской войной. Примечательно, что желаемый образ будущего одновременно подавался обществу на контрасте с порицаемым образом врагов, противников сохранения республиканских традиций[18]. Не случайно, Сивиллины книги, в которых находились пророчества (в т.ч. о будущем государства), даже стали объектом политической борьбы в Древнем Риме. Так называемые пророчества, толкования молний, наказы нимфы Вегойи о границах, основаниях святилищ, городов также оказали большое влияние на развитие доримской культуры этрусков, специфику социальных и политических процессов Этрурии. Установленная связь предсказаний, предвестий с повседневными социальными практиками, традициями и целенаправленной государственной политикой заставляет предположить, что в эту историческую эпоху появлялись зачатки концепций социального проектирования будущего.

Практически в большинстве современных концепций социального проектирования будущего сохранились важнейшие архаичные элементы – процедурность, алгоритмичность в работе представителей определенной группы, наделявшейся обществом правом обращения к будущему. В Древнем Египте, Древней Греции и Древнем Риме этим правом обладали жреческие группы. К примеру, древнеримские ауспиции не просто означали гадание по птицам для выяснения воли богов, но и являлись сакральной основой политической власти магистратов. В определенном смысле попытка управления будущим угадывается и в древнеримском ритуале вбивания гвоздя для предотвращения бедствий, эпидемий[19]. Одна из самых архаичных процедур, повлиявших на современное социальное конструирование, это поиск предвестий, предзнаменований (благоприятных и неблагоприятных). Сейчас это хорошо заметно в политическом прогнозировании, ориентированном на выявление предвестников (прекурсоров) политических событий посредством нейронных сетей. Мало того, алгоритмичность, процедурность сохранилась и в дошедших до нас древнейших ритуалах. Достаточно обратиться к сути индийского ритуала Агничаяны, в процессе которого происходит алгоритмичное возведение из тысячи кирпичей точного размера алтаря в виде сокола, символизирующее воссоздание распавшегося тела верховного бога Праджапати. Проектируемый индуистский алтарь обращается на восток, что знаменует грядущий полет возрожденного бога к восходящему солнцу[20]. Дошедшие до нашего времени древнейшие ритуалы демонстрируют архаичные истоки алгоритмичности, процедурности в современных концепциях социального конструирования будущего.

[17] Ахиев 2017.
[18] Чисталев 2014.
[19] Сморчков 2012: 35, 161.
[20] Пасквинелли 2024: 46–47.

На первый взгляд, современные концепции социального конструирования будущего отличают от их архаичных предшественников обход темы эсхатологичности, прерывности социальных процессов и самой истории. Действительно, античная мифология и средневековая традиция (к примеру, христианская), древние предания разных народов[21] имели достаточно отчетливую отсылку к общему сюжету – последней битве, в которой должны сразиться боги с хтоническими чудовищами. Эсхатологические ожидания различных культур и цивилизаций часто включают предопределенность конца мира (гарантированность определенного драматического сценария будущего), его предзнаменования, описания самой мировой катастрофы, а также цикличность процессов. Примечательно, что к общим мотивам позднеантичной и русской эсхатологической традиции относят обезлюдение земли после катастрофы, грядущее возрождение жизни от небольшой группы людей, приход нового «золотого века» после катастрофы, отсылку к цикличному характеру таких эсхатологических катастроф, параллели между будущей катастрофой и древним всемирным потопом[22]. Позже яркая попытка социального конструирования будущего появляется в эсхатологических рамках русской средневековой религиозно-политической концепции «Москва – Третий Рим», сформулированной псковским монахом Филофеем. Концепция предполагала, что в будущем Россия, как Третий Рим, – преемница Римской и Византийской империй, станет защищать православие.

При этом современный агрессивный политический дискурс между разными государствами, бесконечное нарастание конфликтов, угрозы атомной войны, риски мировой пандемии, голода, социальных волнений, глобального экономического или экологического кризиса, содержащиеся в экспертных отчетах, прогнозах, сценариях показывают актуальность эсхатологического компонента в современных моделях, проектах и концепциях социального конструирования будущего. Так, эсхатологичность присутствует в современных конфликтологических концепциях, помогающих специалистам определить траекторию развития конфликта. Это, прежде всего, концепции эскалации конфликта Г. Кана и Ф. Глазла. Недавнее экспериментальное применение интеллектуальных систем (GPT-4-Base, Llama-2-Chat, Claude 2.0, GPT-3.5 и GPT-4) в моделировании международных отношений также показывает предпочтение ими вариантов эскалации политических конфликтов[23].

Таким образом, в древний и средневековый период человеческой истории появились первые идеи социального конструирования будущего, элементы которых сохраняют свое значение и по сей день. Их общей чертой являлось предопределенность будущего богами (богом в случае монотеистической религии), а также ожидание эсхатологической катастрофы и конца человечества.

[21] Эсхатологические мотивы видны в преданиях индоевропейских народов, германо-скандинавской мифологии, преданиях майя, зороастризме, индуизме, христианстве.
[22] Бессонов 2024: 132.
[23] Rivera and all 2024: 836–898.

От утопий к современным концепциям социального проектирования будущего

М. Венцель, Х. Кремер, И. Кох и А. Реквиц полагают, что отношение к будущему прошло несколько этапов. Первый период длился с древнейшего времени до XVIII в., второй приходился на раннюю современность, охватывающую, как правило, период с рубежа XVI–XVII вв. по XVIII в., третий настал в начале XX в. и завершился в 1970-х гг., а четвертый начался в 1980-е гг. и продолжается в настоящее время[24].

Попытки формирования будущего вплоть до XVIII в. часто пересекались с религиозно-мистическим опытом, жреческой деятельностью, гаданиями, предсказаниями, проповедями и молитвами. Но в XVIII–XIX вв. ситуация начинает кардинально меняться, в отношении к будущему возникает коренной перелом - кризис эсхатологических концепций проектирования будущего. С этого периода будущее становится не предопределенным, а «пустым холстом», начиная играть ключевую роль в формировании человеческого опыта. Развитие книгопечатания, городов, университетов, светской культуры, появление новых социальных групп, рост производительности труда привели к эрозии монополии церкви на будущее. Эсхатологический конец света отодвигался на более отдаленное время, а на само будущее как на «пустой холст» философы, ученые, мыслители стали активно проецировать свои проекты социального, экономического и политического развития страны или всего человечества.

В Новое время место эсхатологических концепций проектирования будущего постепенно занимают социальные утопии, связанные с прогрессом, трансформациями общества и государства. Конечно, черты социальной утопии можно усмотреть в работах древних (Гомер, Гесиод, Платон, Лао Цзы, Шан Ян) и средневековых (Аль-Фараби, Ибн Баджа, Аврелий Августин, Иоахим Флорский) авторов. Но, начиная с эпохи Возрождения и Нового времени, рост и популяризация социальных утопий накладываются на трансформации, происходящие с институтами церкви и государства. В отличие от традиционно-религиозных эсхатологий новые социально-утопические эсхатологии характеризовались идеологизацией сознания, подменяющего трансцендентные смыслы имманентными данными[25]. Социальные утопии начинают включать идеи, апеллирующие к рациональному началу, отсылать к идее грядущего «торжества разума». Та же разностная машина Чарльза Бэббиджа появилась не просто в качестве ответа на запрос автоматизации вычисления логарифмов. Она была необходима для более точных определений долготы, а значит, сохранения британской гегемонии на море. В свою очередь, Бэббидж, вовлеченный в промышленные круги, своими идеями оказал влияние на становление политической экономии, систему разделения труда, трудовую теорию машины, капитализм и концепции социального проектирования будущего посредством машинизации[26].

[24] Wenzel and all 2020: 1445.
[25] Лагунов и др. 2022: 116.
[26] Пасквинелли 2024: 84–88; 149.

Вместо средневекового принципа учета прошлого опыта, ограждающего человека от повторений ошибок, мыслители начали интересоваться практиками планирования, проектирования будущего как некой социальной деятельности. Опыт уже считался недостаточным фактором для осознания текущих событий, поэтому возросло значение приемов планирования и контроля[27]. Социально-утопические концепции, содержащие рационалистические идеи, известны по произведениям «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы[28], «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона, «Путешествие в Икарию» Этьена Кабе, «История Севарамбов» Дени Вайра д'Алле[29]. Существует мнение, что государство после Реформации, Просвещения, индустриальной революции переняло у церкви патерналистские и административные функции, а массовый человек, оторванный от религиозных институтов, социально изолированный индивид постепенно терял инициативу, отвыкал от способности полагаться на себя, оказываясь в новой зависимости от социального окружения[30]. Атомизированный индивид утрачивает приоритет морального развития, отдавая предпочтение повышению жизненного уровня и общественного благосостояния. Место религиозных учений, икон, ритуалов, статуй занимают идеологические конструкты, государственные церемонии, военные парады, бюсты политиков, массовые политические демонстрации. Это нашло отражение и в концепциях социального проектирования будущего, фокус внимания в которых сместился на новые темы социального прогресса, развития государственного управления, демократии, городского самоуправления, избирательной и партийной систем, политической коммуникации, новых отраслей экономики и технологий[31].

В «долгом» XX в. происходит радикальная трансформация режима историчности. Если ранее доминировала ориентированная на будущее темпоральность прогресса, то с чередой мировых войн, крахом колониализма и кризисом «больших нарративов» утверждается «презентизм». Этот сдвиг, который Алейда Ассман интерпретирует как «распад» или «расстройство» временного режима, основанного на прогрессе, приводит к фрагментации исторического сознания и ориентации на управление рисками в настоящем[32]. Будущее перестает восприниматься как однозначно лучшее и предсказуемое, на первый план выходит управление рисками и неопределенностью. Это напрямую повлияло на концепции

[27] Hassard 2002: 885–892.

[28] Хотя проект социальной утопии того же Кампанеллы содержал не только рациональные, но и теократические и религиозные черты.

[29] Халуторных 2023.

[30] Одайник 2010: 59–69.

[31] Именно в это время появились одни из первых идей по социальной архитектуре – Дж. Петцлер в книге «Социальная архитектура; или причины и средства сноса и реконструкции социального здания» (Petzler 1876) использовал метафору здания для описания обществ, их структур, процессов и культуры. У зданий есть «архитектура» – формальная и неформальная структура, процессы, коммуникации, а также ценности («фундамент»), правила («стены» и «перекрытия»), культура («атмосфера» внутри).

[32] Assmann 2020.

социального проектирования. К. Маркс во многом переосмыслил идеи машинизации Бэббиджа... В период развития концепций с начала XX в. до 1970-х гг. их авторы, используя технологически изощренные практики, еще сохраняли веру в возможность контроля над будущим. Однако с 1980-х уверенность в приемах планирования все больше начинает подвергаться сомнению[33], что знаменует вступление в эпоху «презентизма».

Именно в этом контексте — кризиса прежней темпоральности прогресса и утверждения презентистского режима историчности — следует понимать появление запроса на разработку новых концепций социального проектирования будущего, которые апеллируют не к далекому светлому будущему, а к импровизации, немедленному конструированию образов и управлению текущими процессами. Примечательно, что Аванесян видит в презентизме определенные манипулятивные риски: «Мнимая фиксация на настоящем означает, что вы попадаетесь на удочку тем политическим и экономическим силам, которые разрабатывают и производят это настоящее»[34]. Философ обращает внимание на то, что существует два направления современного презентизма. Первое направление презентизма связано с ожиданием сингулярности, идеями о переходе власти к искусственному интеллекту, конце любой возможности человека контролировать свое настоящее. Второе направление презентизма, по мнению Аванесяна, можно условно связать с наивным гуманизмом, который не может заставить нас отбросить существующие технологии и их влияние на наше общество только добрыми намерениями[35]. Социальные сети не только формируют условия одержимости настоящим, текущим моментом времени, но и позволяют человеку возвращаться в прошлое, создавая архив, контролируемый алгоритмами.

Возникает специфическая алгоритмическая власть, происходит аккумуляция компонентов коллективной памяти в цифровых архивах, упорядочивающихся логикой алгоритмических баз данных. Появляется иммерсия – поглощение цифровых архивов реальным временем, настоящим. Иммерсивные архивы, по оценке медиаисследователя А. Евангели, предполагают, что из распределенных экосистем данных формируются хроноценозы, совмещающие разные темпоральности, взаимодействие людей с машинами и неантропогенные процессы[36]. Параллельно технологии блокчейн распыляют традиционные формы коллективного времени, трансформируя в архив каждую транзакцию. При «презентистском» режима историчности, с его акцентом на управление рисками и уязвимостями настоящего, одной из ключевых концепций становится социальная инженерия. Она фокусируется на манипулятивных практиках, приемах обмана с целью получения доступа к информации или влияния на поведение. Рост этих практик обусловлен не только развитием технологий, но и распространенным в контексте управления рисками представ-

[33] Wenzel and all 2020: 1447.
[34] Аванесян 2021: 57.
[35] Аванесян 2021: 57–58.
[36] Евангели 2019: 38, 127, 188.

лением, что человек является более уязвимой мишенью для манипуляций, чем компьютерные системы[37]. Таким образом, социальная инженерия является характерным продуктом эпохи, где будущее конструируется через точечное воздействие на уязвимости текущего момента.

Приемы социальной инженерии включают личное влияние, вишинг, фишинг и смишинг. В рамках этой концепции поясняются риски манипуляций и разрабатываются превентивные меры. Концепция поэтапной социальной инженерии направленная на постепенное разрушение барьеров в образовании для уязвимых групп и связанная с идеей «открытого будущего» Д. Файнберга, демонстрирует, как в современных моделях сохраняется архаичная черта – алгоритмичность и процедурность, воплощенная здесь в идее поэтапных, методичных действий. Другой моделью, адекватно отражающей вызовы «презентизма», является префигуративная политика. Эта концепция, отталкивающаяся от идей М. Мид о префигуративной культуре, возникает в условиях, когда молодежь не находит у старшего поколения универсальных моральных ориентиров и вынуждена самостоятельно искать нормативность в ситуации риска[38]. Префигуративная политика представляет собой ответ на кризис «больших нарративов» будущего: она переносит акцент с проектирования отдаленного будущего на импровизационное создание его образов «здесь и сейчас» через акции, жесты, организационные формы и активизм[39]. Это политика, ориентированная не на завоевание власти для реализации проекта в будущем, а на немедленное воплощение элементов желаемого будущего в настоящем.

Схожими с префигурацией являются футуринговые концепции. Футуринг определяется как конструирование и распространение образов будущего через определенные практики (презентации, театральные пьесы), формирующие «окна в будущее»[40]. С. Альтштадт, уточняя эту концепцию, вводит понятие «культуры будущего» – совокупности символических порядков, проявляющихся в социальных действиях, нацеленных на будущее. Эти культуры определяют, какие образы будущего признаются значимыми и правдоподобными в данном обществе[41]. В условиях «презентизма» футуринг становится ключевым механизмом производства легитимных образов завтрашнего дня, которые не предсказывают, а скорее формируют социальную реальность.

Таким образом, концепция социальной архитектуры, восходящая к коммунитаристам XIX века[42], обретает новую актуальность. Социальная архитектура понимается как область, связанная с системным влиянием социального архитектора – специалиста, который, понимая причинно-следственные связи и культурные коды, стремится стимулировать трансформации для улучшения жизни общества[43].

[37] Steinmetz and all 2022: 592–607.
[38] Кирдяшкин 2018: 32–38
[39] Jeffrey, Dyson 2020: 654.
[40] Oomen and all 2021: 252–270.
[41] Altstaedt 2023: 279–297.
[42] Hayden 1973: 182–198.
[43] Siddique, Joseph 2021: 186–206

Несмотря на перспективность, однозначного определения социальной архитектуры до сих пор нет. Однако ее прямая связь с социальным конструированием будущего не вызывает сомнений. Социальный архитектор выступает как фигура, пытающаяся совместить системное, долгосрочное видение с необходимостью действовать в условиях «презентистской» темпоральности, что иллюстрирует общую сложность эволюции концепций социального проектирования.

Настоящее исследование позволило выявить базовые особенности эволюции концепций социального проектирования будущего. Проведенный историко-эпистемологический анализ, учитывающий трансформации режимов темпоральности, демонстрирует, что представления о конструировании социального будущего прошли сложный путь развития, характеризующийся как сменой парадигм, так и сохранением глубинных архетипических элементов. Концепции социального проектирования будущего имеют глубокие корни в древних культурах (Египет, Греция, Этрурия, Рим). При этом для ранних этапов, существовавших в рамках циклической и линейно-эсхатологической темпоральности, были характерны предопределенность и эсхатология, а также сакральная процедурность и алгоритмичность (ключевая роль жреческих групп и строго регламентированных ритуалов). Эти фундаментальные черты – алгоритмичность и процедурность – оказались удивительно устойчивыми. Кроме того, уже на ранних этапах образы будущего активно использовались как инструмент легитимации власти и обеспечения единства.

Переломным моментом стал период XVIII–XIX вв., ознаменовавшийся кризисом эсхатологических представлений и становлением темпоральности прогресса. Будущее стало восприниматься как «пустой холст», открытый для проектирования. На первый план вышли социальные утопии (Мор, Кампанелла, Бэкон и др.), которые сочетали рационалистические идеи и веру в «торжество разума» с элементами социально-утопической эсхатологии, где трансцендентное будущее замещалось имманентным. Это способствовало постепенной замене религиозных символов идеологическими конструктами и государственными церемониями, а также закладывало основы для тематического разнообразия проектирования (социальный прогресс, госуправление, технологии).

В XX–XXI вв. происходит дальнейшая рационализация и специализация, появляются научно обоснованные концепции. Их формирование происходит в условиях кризиса «темпоральности прогресса» и утверждения «презентистского» режима историчности. К основным из них относятся: социальная инженерия, фокусирующаяся на манипулятивных практиках и точечном управлении рисками в настоящем, но сохраняющая архаичную алгоритмичность; префигуративная политика, акцентирующая роль импровизационных действий и активизма в создании образов будущего «здесь и сейчас»; футуринг, выводящий на первый план процессы конструирования и распространения образов будущего через символические порядки и практики, формирующие «культу-

ру будущего»; и, наконец, социальная архитектура, в которой специалист стремится стимулировать социальные изменения, пытаясь совместить системное видение с действиями в условиях «презентизма».

Важнейшим итогом эволюции стало смещение центра тяжести с религии и божественного предопределения на технологию как ключевой элемент, влияющий на социально-экономические и политические процессы. Но несмотря на все трансформации – от фатума к рациональному проектированию, от утопий к наукоемким моделям – сквозной и непреходящей чертой концепций социального проектирования будущего на всем историческом протяжении остается алгоритмичность и процедурность. Эта устойчивость архаичных элементов особенно рельефно видна при анализе эволюции не самих техник, а стоящих за ними режимов темпоральности – от ориентации на прошлое, через проекцию в далекое будущее прогресса, к попыткам управления ускользающим настоящим. Даже самые современные методы (сценарное планирование, использование ИИ) несут в себе отголоски древних ритуалов, а эсхатологические мотивы сохраняют актуальность в контексте глобальных рисков.

Таким образом, эволюция концепций социального проектирования будущего представляет собой не просто линейный прогресс от мифа к науке, а сложный процесс трансформации, детерминированный сменой доминирующих режимов темпоральности. Элементы архаичного мышления (процедурность, алгоритмичность, эсхатологичность) постоянно переосмысливаются и интегрируются в новые, технологически опосредованные формы конструирования социальной реальности завтрашнего дня, для которых характерны центральная роль технологий и удивительная устойчивость архаики (например, алгоритмические процедуры древнего ритуала Агничаяны находят свое концептуальное отражение в пошаговых сценарных планах современных футурологов, а эсхатологические ожидания «конца света» трансформируются в модели глобальных катастрофических рисков). Понимание этой преемственности и глубинных механизмов работы с будущим, опосредованных темпоральностью, имеет ключевое значение для критического осмысления современных практик социального проектирования и прогнозирования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Аванесян А. Майамификация. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 192 с. [Avanesyan A. Mayamifikatsiya (Mayamification). M.: Ad Marginem Press, 2021, 192 p.].

Ахиев С.Н. Борьба за Западное Средиземноморье: политика и пропаганда в Риме (41–36 гг. до н.э.) // Античный мир и археология. 2017. № 18. С. 144–164. [Akhiev S.N. Bor'ba za Zapadnoe Sredizemnomor'e: politika i propaganda v Rime (41–36 gg. do n.e.) (The Struggle for the Western Mediterranean: Politics and Propaganda in Rome 41–36 6 BC)) // Antichnyy mir i arkheologiya. 2017. No.18. P. 144–164.].

Бессонов И.А. Русская народная эсхатология и эсхатология поздней античности: структурные и мотивные параллели // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 1. С. 123–136. [Bessonov I.A. Russkaya narodnaya eskhatologiya i eskhatologiya pozdnei antichnosti: strukturnye i motivnye paralleli (Russian Folk Eschatology and Eschatology of Late Antiquity: Structural and Motif Parallels) // Traditsionnaya kul'tura. 2024. Vol. 25. No. 1. P. 123–136.].

Вергилий Публий Марон. Буколики; Георгики; Энеида. Харьков: Фолио, АСТ, 2000. 510 с. [Vergilii Publii Maron. Bukoliki; Georgiki; Eneida (Bucolics; Georgics; Aeneid). Khar'kov: Folio, AST, 2000. 510 p.].

Денисова Т.Ю. Апория судьбы или были ли греки фаталистами? // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 3(21). С. 57–70. [Denisova T.Yu. Aporiya sud'by ili byli li greki fatalistami? (The Aporia of Fate or Were the Greeks Fatalists?) // Idei i idealy. 2014. Vol. 1. No. 3(21). P. 57–70].

Евангели А. Формы времени и техногенная чувственность. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. 272 с. [Evangeli A. Formy vremeni i tekhnogennaya chuvstvennost' (Forms of time and technogenic sensuality). Nizhniy Novgorod: Krasnaya lastochka, 2019. 272 p.].

Кирдяшкин И.В. Префигуративный аспект политической социализации современной молодежи и его особенности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 32–38. [Kirdyashkin I. V. Prefigurativnyi aspekt politicheskoi sotsializatsii sovremennoi molodezhi i ego osobennosti (Prefigurative aspect of political socialization of modern youth and its features) // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie. 2018. Vol. 23. P. 32–38.].

Лагунов А.А., Бакланов И.С., Иванова С.Ю. Христианская эсхатология и социальные утопии: к 100-летию со дня рождения протопресвитера Александра Шмемана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. №1. С. 110–119. [Lagunov A.A., Baklanov I.S., Ivanova S.Yu. Khristianskaya eskhatologiya i sotsial'nye utopii: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya protopresvitera Aleksandra Shmemana (Christian Eschatology and Social Utopias: On the 100th Anniversary of the Birth of Archpriest Alexander Schmemann) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. 2022. Vol. 26. No. 1. P. 110–119.].

Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб.: Азбука-классика, 2010. 256 с. [Odainik V. Psikhologiya politiki: Politicheskie i sotsial'nye idei Karla Gustava Yunga (Political and social ideas of Carl Gustav Jung). Spb.: Azbuka-klassika, 2010. 256 p.].

Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. М.: Individuum, 2024. 352 с. [Paskvinelli M. Izmeryat' i navyazyvat'. Sotsial'naya istoriya iskusstvennogo intellekta (Measure and Impose: A Social History of Artificial Intelligence). M.: Individuum, 2024. 352 p.].

Румянцева Н.Л. О методологии социального проектирования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5–1. С. 156–160. [Rumyantseva N.L. O metodologii sotsial'nogo proektirovaniya (About the methodology of social design) // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2015. Vol. 7. No. 5–1. P. 156–160.].

Сморчков А.М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с. [Smorchkov A.M. Religiya i vlast' v Rimskoi Respublike: magistraty, zhretsy, khramy (Religion and power in the Roman Republic: magistrates, priests, temples). M.: RGGU, 2012. 602 p.].

Халуторных О.Н. Нарративы социальных утопий // Гуманитарный вестник. 2023. № 5(103). [Khalutornykh O.N. Narrativy sotsial'nykh utopii (Narratives of social utopias) // Gumanitarnyi vestnik. 2023. No. 5(103). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narrativy-sotsialnyh-utopiy].

Чисталев М.С. Антиегипетская политическая пропаганда Октавиана Августа в римской поэзии: образ Клеопатры как врага Рима // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1–2. С. 293–300. [Chistalev M.S. Antiegipetskaya politicheskaya propaganda Oktaviana Avgusta v rimskoy poezii: obraz Kleopatry kak vraga Rima (Octavian Augustus' Anti-Egyptian Political Propaganda in Roman Poetry: The Image of Cleopatra as an Enemy of Rome) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. V. 1-2. P. 293–300.].

Altstaedt S. Future-cultures: How future imaginations disseminate throughout the social // European Journal of Social Theory. 2023. Vol. 27. Iss. 2. P. 279–297.

Assmann A. Is Time Out of Joint? On the Rise and Fall of the Modern Time Regime. Ithaca; London: Cornell University Press, 2020. 258 p.

French R.P. Deconstructing The End of Leadership: Postmodernity, Epistemology, and Worldviews // SAGE Open. 2016. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016628588

Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. New York: Columbia University Press, 2015. 274 p.

Hassard J. Organizational time: Modern, symbolic and postmodern reflections // Organization Studie. 2002. Vol. 23. Iss. P. 885–892.

Hayden D. The "Social Architects" and Their Architecture of Social Change // The Journal of Applied Behavioral Science. 1973. Vol. 9. Iss. 2–3. P. 182–198.

Jeffrey C., Dyson J. Geographies of the future: Prefigurative politics // Progress in Human Geograph. 2020. Vol. 45. Iss. 4. P. 641–658.

Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. N.Y.: Columbia U.P., 2004. 336 p.
Oomen J., Hoffman J., Hajer M.A. Techniques of futuring: On how imagined futures become socially performative // European Journal of Social Theory. 2021. Vol. 25. Iss. 2. P. 252–270.
Petzler J. Social Architecture; or, Reasons and Means for the Demolition and Reconstruction of the Social Edifice. L.: Samuel Tinsley, 1876. 439 p.
Rivera J-P., Mukobi G., Reuel A., Lamparth M., Smith Ch., Schneider J. Escalation Risks from Language Models in Military and Diplomatic Decision-Making research-article // FAccT '24: Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2024. P. 836–898.
Siddique J., Joseph P. The Social Architect: A New Framework for Effective Activism and Social Leadership // Cadmus. 2021. Volume 4 - Issue 4. P. 186–206.
Steinmetz K.F., Holt T.J. Falling for Social Engineering: A Qualitative Analysis of Social Engineering Policy Recommendations // Social Science Computer Review. 2022. V. 41 (2). P. 592–607.
Wenzel M., Krämer H., Koch J., Reckwitz A. Future and Organization Studies: On the rediscovery of a problematic temporal category in organizations // Organization Studies. 2020. Vol. 41. Iss. 10. P. 1441–1455.
Whyte J., Mosca L., Comi A., Liu L.X. Project Leadership for Future Making // Project Management Journal. 2025. Vol. 56. Iss. 2. P. 173–181.

***Володенков Сергей Владимирович**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Севастопольский государственный университет; профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, s.v.cyber@gmail.com*

***Федорченко Сергей Николаевич,** доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Севастопольский государственный университет; доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; s.n.fedorchenko@mail.ru*

Concepts of Social Design of the Future: from History to the Present[44]

The aim of this article is to identify the fundamental features of the evolution of concepts in the social design of the future, in their connection with transformations in the concepts of historical time and regimes of historicity. The methodology is based on the principles of historical epistemology, which facilitates a focused analysis of historical conditions, value frameworks, and the uniqueness of past perspectives. The article demonstrates that the archaic origins of these concepts (Ancient Egypt, Greece, Rome) were characterized by a cyclical temporality, divine predetermination, eschatological expectations, and the key role of sacred procedures. The evolutionary path progressed from theological predetermination, through social utopias linked to the emergence of the temporality of progress (Renaissance – Modern Era), towards contemporary scientifically grounded models (20th–21st centuries) formed under the conditions of a "presentist" regime of historicity. The study reveals that a cross-cutting feature at all stages of evolution is the algorithmicity and procedurality inherent in engaging with the future, as well as the constant rethinking of archaic elements (eschatology, sacred procedures). The key conclusion posits that the evolution of concepts in the social design of the future constitutes not a linear progression, but a process of transformation driven by shifts in dominant temporal regimes and integrating archaic elements into new forms of constructing social reality.

***Keywords:** architecture, social design of the future, social utopias, social engineering, prefigurative politics, futuring, eschatology, temporality, regime of historicity.*

***Sergey Volodenkov**, Doctor of Political Sciences, Leading researcher, Sevastopol State University; Professor, Lomonosov Moscow State University, Member of the Russian Society of Intellectual History; s.v.cyber@gmail.com*

***Sergey Fedorchenko**, Doctor of Political Sciences, Leading researcher, Sevastopol State University; Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Member of the Russian Society of Intellectual History; s.n.fedorchenko@mail.ru*

[44] The study was carried out as part of the state assignment of Sevastopol State University. Project: “Design of the social architecture of the Russia's future: images and scripts”, registration number 1025031000058-9-5.6.1

П.А. Рязанов, Л.В. Софронова

«БЛАЖЕННЫ ТЕ, ЧТО УМИРАЮТ, УГОЖДАЯ ГОСПОДУ» ПАПА ПИЙ II О СВОЕМ УЧАСТИИ В КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ ПРОТИВ ТУРОК

Среди римских пап, провозглашавших крестовые походы против турок, Пий II (годы понтификата 1458–1464) выделяется тем, что он публично объявил о своем намерении отправиться на войну и подкрепил его конкретными действиями. Его смерть в Анконе, откуда он собирался отплыть на Восток, может восприниматься как подвиг веры и демонстрация непреклонной решимости довести благочестивое начинание до конца. Исследователи часто рассматривают экспедицию Пия II как нереалистичное и обреченное на провал предприятие, по крайней мере, после отказа от участия герцога Бургундского. Тем более трагичным и самоотверженным актом представляется последнее путешествие тяжело больного папы в Анкону. Однако для Пия II это было обдуманным поступком. Предложив себя в качестве духовного лидера похода, он уже не мог отступить, так как, по его мнению, это нанесло бы сильный удар по авторитету католической церкви. Ей был необходим пример жертвенного служения, который демонстрировали первые римские папы. Это было и попыткой возродить изживавшую себя крестоносную идею. В случае присоединения к походу герцога Бургундского (до определенного момента вполне вероятного) план папы имел шансы на практическую реализацию. К отправке в Анкону Пия II подталкивали и личные религиозные мотивы, его обет, данный Богу, свидетелем которого, благодаря булле «Ezechielis prophetae», стал весь католический мир. Как гуманист и историк, он не мог оставить без внимания проблему своей посмертной славы. Даже на пороге смерти понтифик понимал, что создаваемый им героический образ может разрушиться, если он отступит под давлением обстоятельств.

Ключевые слова: *Пий II, Эней Сильвий Пикколомини, Филипп III Добрый, Мантуанский собор, Святой Престол, крестовый поход, турки.*

История поздних крестовых походов знает интересный пример, когда римский понтифик не только объявил войну против врагов Христа, но и заявил о своем намерении отправиться на неё вместе с прелатами католической Церкви, чтобы духовно поддерживать крестоносцев. Пий II (в миру известный как Эней Сильвий Пикколомини) тяжело переживал завоевание турками Константинополя – религиозного центра и культурной сокровищницы христианского мира. Победы османов представлялись ему экзистенциальной угрозой христианскому миру, не только восточному, но и западному. Но в отличие от предшественников, он пошел гораздо дальше в деле организации крестового похода, решив оставить Рим и отправиться на Восток для борьбы с османами. Мы поставили задачу выяснить, какими соображениями он руководствовался, в чем видел свою роль в судьбе этой кампании. Мотивы его поступка рассматривались в историографии лишь отчасти, хотя различные аспекты антитурецкой политики понтифика получили освещение[1].

Значительную роль в закреплении образа Пия II как самоотверженного борца за веру сыграл труд Людвига фон Пастора по истории папства. В заключении своего повествования о понтифике он писал сле-

[1] Зарецкий 2000; Медведев 1986; Медведев, Гаврилов 2004; Пашкин 2013; Рязанов 202; 2023: 352–356; 2022b; Ady 1913: 157–181, 304–348; Helmrath 2000; Housley 2013: 119–127; 2012 и ниже.

дующее: «рвение, с которым Пий, уже слабый от старости и измученный физическими страданиями, пытался организовать крестовый поход, его неутомимая активность в деле, которое он сам вынужден был признать почти безнадежным, его защита западной церкви и цивилизации, путем объединения сил Запада, от османского владычества, грозившего уничтожением им обеим, снискали ему наше восхищение и обеспечили ему почетную память на все времена»[2]. В более поздних исследованиях были предложены политические, религиозные и психологические объяснения его действий. Так, Н. Бисаха пришла к выводу, что к концу его понтификата крестовый поход стал для него глубоко личным актом и тщательно продуманной демонстрацией веры перед паствой, которую он решил увлечь за собой своим примером. Если до вступления на папский престол он больше беспокоился об угрозе западной культуре и цивилизации, то после избрания усилилась его приверженность крестовому походу как религиозному начинанию[3]. По мнению А. Уайта, причины, по которым Пий II не выбрал, подобно предшественникам, более благоразумную политику, лежат глубже, чем его гуманистическое образование, в тех чертах характера, которые привлекли его к гуманизму, а не к праву, а именно – в предпочтении воображаемого конкретному. Его упорное стремление продолжать начатое вопреки обстоятельствам есть дерзкий вызов, брошенный действительности. В заключительном акте своей жизни Пий в Анконе – греческий трагический герой. Его недостаток, отказ признать реальность, также является источником его героизма[4]. К. Сеттон полагал, что крестовый поход для Пия II не был «гуманистической попыткой достичь бессмертия». Его следует объяснять скорее религиозными причинами, нежели гуманизмом и политикой, «хотя руководство крестовым походом, безусловно, помогло бы поднять упавший престиж папства, оно вряд ли обеспечило бы папскую гегемонию в Италии». Готовность Пия II лично отправиться в поход, по его словам, «представляет собой одну из самых благородных картин Кватроченто»[5].

Идея личного участия папы в крестовом походе была озвучена им на Мантуанском соборе в речи «Cum bellum hodie» (26 сентября 1459 г.): «И теперь, если вы посчитаете нужным, мы не откажемся посвятить Христу наше больное тело и уставшую душу в этой счастливой экспедиции. Если вы призовете нас, мы сочтем за честь быть пронесенными на носилках по лагерю, по боевым порядкам, посреди врагов и не будем сочетать высокопарные слова с малодушием»[6]. Однако христианские государи и их послы восприняли тогда эти слова, скорее, как фигуру речи, а не как декларацию реальных намерений папы. Аудитория относилась скептически к крестоносным замыслам Пия II, и понтифик уловил эти настроения: «Вы молча ждете окончания речи, и вас, кажется, не

[2] Pastor 1889: 261.
[3] Bisaha 2004.
[4] White 2014: 363–364.
[5] Setton 1978: 260–261.
[6] Cotta-Schönberg 2024a: 216; Mansi 1757: 28–29.

трогают наши увещевания. И, быть может, найдутся среди вас такие, которые скажут: “Этот первосвященник много говорит, чтобы послать нас на битву и бросить наши тела на вражеские мечи. Таков обычай священников: они возлагают на других тяжкое бремя, которого сами не коснулись бы и пальцем”. Не думайте так, дети мои. Никто из тех, кто на памяти ваших отцов занимал этот Престол, не сделал для веры Христовой больше, чем мы сделаем с вашей помощью и по благоволению Господа. Мы прибыли сюда, как видите, достаточно обессиленными, подвергая опасности свое тело, и не без ущерба для земель Церкви. Мы поставили защиту веры выше наследия Св. Петра, выше нашего здоровья и покоя. Расходы непомерно возросли, а доходы существенно сократились. Мы сообщаем об этом не из хвастовства. Напротив, нам неприятно и стыдно, что мы не можем сделать большего. О, если бы мы обладали сейчас силами как в молодом теле[7], то без нас вы не отправились бы на войну и не подверглись бы опасности. Мы сами выступили бы под вашими стягами, сами понесли бы крест Господень, сами держали бы знамя Христово против неверных врагов и считали бы себя блаженными, если бы нам было позволено умереть за Христа»[8].

Как видим, в тот момент папа говорил о своей готовности принести себя в жертву ради защиты веры только в исключительном случае, когда об этом попросят сами католические правители (что само по себе было невероятным). Однако со временем Пий II стал рассматривать вопрос своего участия в экспедиции как способ сподвигнуть государей лично встать во главе своих армий. Прежде всего, это касалось венецианского дожа и герцога Бургундского Филиппа III Доброго. Возвратившись из Мантуи, Пий II, по собственному признанию, мало занимался крестовым походом, причиной чему было его отчаяние, а не равнодушие[9]. После того, как венецианцы, оказавшись на пороге войны с турками, сами стали искать союзников в лице Венгрии и Святого Престола, папа увидел, что в деле объединения антитурецких сил наметился прогресс. Но, чтобы достичь вовлечения христианских держав в полноценный военный союз, нужен был неординарный шаг. В марте 1462 г. папа выступил перед шестью кардиналами с речью «Existimatis fortasse». Он признал, что отошел от дела организации экспедиции, не из-за недостатка мужества, а из-за отсутствия возможностей. Он проводил бессонные ночи, ворочаясь с боку на бок и обдумывая, каким образом помочь погибающему Евангельскому закону. Но увы, Церковь не может победить турок собственными силами, если только христианские государи не объединят свои войска: «Мы думаем, как это осуществить. Мы ищем пути, но ни один не представляется подходящим. Если на ум приходит сбор конвента, то Мантуя учит нас, что это бесполезный план. Если мы отправляем послов, которые просят помощи у королей, их высмеивают. Если налагаем десятину на духовенство, то апеллируют к будущему со-

[7] Вергилий. Энеида. 5.475: «quae fuerint iuvenali in corpore vires».
[8] Cotta-Schönberg 2024a: 214; Mansi 1757: P. 28.
[9] Cotta-Schönberg 2024b: 26; Pius II 1984: 460.

бору. Если провозглашаем отпущение грехов и обещаем духовные дары тем, кто жертвует деньги, то обвиняют в жадности, ибо считают, что все делается ради накопления золота. Никто не верит нашим словам. Подобно торговцам, переставшим отвечать своим кредиторам, мы лишены доверия. Все, что мы делаем, истолковывается худшим образом, и поскольку все правители невероятно жадны, а церковные прелаты – рабы денег, они судят о нас, исходя из собственных наклонностей. Нет ничего сложнее, чем добиваться золота от скряги»[10].

Перебрав в уме все возможные способы реализации своего замысла, папа нашел только одно средство, представившееся ему самым действенным. Он вспомнил об обете, который публично принял герцог Бургундский Филипп III в год падения Константинополя (в действительности в 1454 г.), что он лично выступит против султана. Впрочем, Филипп поставил одно важное условие – его участие в кампании будет возможно в том случае, если герцога поддержит другой великий государь Европы – либо император Фридрих III Габсбург, либо французский король Карл VII (†1461), либо венгерский король Ладислав Постум (†1457), либо иной magnus princeps. Поскольку к настоящему времени никто не изъявил желание присоединиться к герцогу, тот считает себя оправданным, ибо условие не выполнено. «Он оправдан, но не освобождён: обязательство остается в силе, обет говорит сам за себя и клятва не безмолвна. Условие все ещё может быть выполнено: какой-нибудь великий правитель может снарядиться в этот поход и призвать Филиппа следовать за собой. Если и тогда последний не подчинится, то будет виновен в нарушении клятвы и обета, чего, как мы полагаем, он не потерпит»[11].

В качестве этого правителя и союзника Пий II предлагал себя: «Хотя мы стары и больны телом, сидит в нас желание начать войну с турками за католическую веру и отправиться в сам поход и призвать герцога Бургундского следовать за нами, так как мы являемся и государем, и понтификом, и потребовать от него верности обету и клятве. Никакого оправдания не будет: если викарий Христа, который больше короля и императора, отправится на войну, то будет неприлично герцогу, связанному обетом, оставаться дома»[12]. Ядром союза папа считал Святой Престол, Бургундию, Венгрию и Венецию, надеясь также на отправку контингента французским королем и на добровольцев из Германии, Англии и Испании. В случае начала кампании он рассчитывал на восстание покоренных балканских народов и выступление против турок эмира Карамана. «Если мы не ошибаемся, – сказал в заключение Пий II, – это единственное средство, которым можно пробудить спящих христиан и тронуть сердца королей и народов. Объявление этого плана, подобно удару грома, прогонит сон и пробудит верующих встать на защиту религии. Не будет недостатка в оружии, лошадях, людях или кораблях. Мы легко подготовимся к войне на суше и на море, когда станет ясно, что римский

[10] Cotta-Schönberg 2024b: 26–28; Pius II 1984: 461.
[11] Cotta-Schönberg 2024b: 30; Pius II 1984: 461–462.
[12] Cotta-Schönberg 2024b: 32; Pius II 1984: 462.

понтифик вместе со Святым сенатом [т.е. коллегией кардиналов] идет прямо на поиски всеобщего спасения и не желает чужого серебра, ибо намеревается отдать не только свое золото, но само тело во имя Христа. Вот что пришло нам на ум. Теперь вам решать, плод ли это нашего измышления или Божественного вдохновления»[13].

Таким образом, мы наблюдаем вполне продуманную стратегию, которая, впрочем, не исключает и другого мотива: личное участие в походе первого папы-крестоносца вошло бы в историю Церкви как выдающееся и героическое событие. В своей решимости пострадать и умереть за веру он вдохновлялся примером ранних римских пап и в первую очередь самого Св. Петра, наместником которого являлся. Если верить «Запискам» Пия II, кардиналы ответили ему, что «это достойное намерение для викария Иисуса Христа, который, как и Господь, без колебаний отдал бы жизнь за своих овец»[14]. Правда, позднее в одной из речей он отметил, что кардиналы сначала были ошеломлены папской инициативой и не могли одобрить такое великое дело, неслыханное в прежние времена, но после многократных обсуждений согласились с его планом[15].

23 сентября 1463 г. понтифик подтвердил свое намерение перед коллегией кардиналов на тайной консистории. Его речь «Sextus agitur annus» была произнесена в тот момент, когда герцог Бургундский согласился поддержать кампанию, а Венеция и Венгрия заключили антитурецкий союз. Папа был готов оставить Рим, приведя в порядок дела в Италии. Он говорил о том, что доверие к Церкви подорвано из-за стяжательства и показной роскоши духовенства. Критики «не совсем неправы: среди кардиналов и других куриалов много тех, которые так поступают и, если сказать по правде, роскошь и надменность нашей Курии чрезмерны»[16]. Возвратить веру в Церковь можно, лишь встав на путь раннехристианских мучеников и исповедников: «Воздержание, целомудрие, невинность, ревность о вере, религиозное рвение, презрение к смерти и горячее принятие мученичества поставили Римскую Церковь во главе целого мира. Как известно, первыми приняли славную мученическую смерть Петр и Павел. Затем на суд язычников влачили понтификов одного за другим длинной чередой. Обвиняя ложных богов и открыто исповедуя, что Христос – истинный и единственный Бог, они принимали смерть под изощренными пытками, таким образом способствуя насаждению новой религии. Ученики верили, что истину говорят их учителя, подтвердившие смертью свое учение, которых никакие муки не заставили отречься от него. Как истинные и добрые пастыри, они положили жизни за паству свою, подражая Учителю и Господу Иисусу, вечному и лучшему пастырю, который, будучи заклан за своих овец на алтаре Креста, снова соединил в мире род человеческий с благочестивым Отцом»[17].

[13] Cotta-Schönberg 2024b: 36; Pius II 1984: 463.
[14] Pius II 1984: 463.
[15] Cotta-Schönberg 2024b: 416; Mansi 1757: 177; Pius II 1984: 773.
[16] Cotta-Schönberg 2024b: 411; Mansi 1757: 175; Pius II 1984: 771.
[17] Cotta-Schönberg 2024b: 412; Mansi 1757: 175–176; Pius II 1984: 771.

Когда римляне приняли христианство, место мучеников заняли исповедники, которые светом учения и сиянием святой жизни принесли верующим не меньшую пользу. Благодаря и тем, и другим Церковь стала великой, но её невозможно сохранить, если не подражать предшественникам. «И недостаточно быть исповедниками, проповедовать народу, обличать пороки и превозносить до небес добродетели. Надо обратиться к тем, кто был прежде, отдавшим свои тела за Завет Господа. Нет ничего, что мы не должны были бы с готовностью претерпеть ради спасения вверенной нам паствы, даже если за это следует положить жизнь»[18]. Пий II подчеркнул, что будет подражать Господу, благочестивому и доброму пастырю, который, не колеблясь, положил жизнь свою за овец (Ин. 10:11). «Так и мы положим жизнь нашу за нашу паству, поскольку иначе не можем помочь христианской религии, подвергающейся попранию и насилию со стороны турок»[19].

Папа также обратился к теме благой смерти (bene moriamur), которая с учетом состояния здоровья понтифика могла стать славным и благочестивым финалом его служения: «Мы приняли решение пойти войной на турок и пригласить христианских государей не только словом, но и делом последовать за нами. Возможно, когда они увидят, что их учитель и отец, римский понтифик, викарий Иисуса Христа, отправляется на войну старый и больной, то постыдятся оставаться дома: они возьмутся за оружие и с мужеством посвятят себя защите святой религии. И если это не тот способ, которым можно поднять христиан на войну, то другого мы не знаем. Нам угодно ступить на этот путь. Мы знаем, что в старости нашей поступать так опасно и что мы отправимся на верную смерть. Но мы не отказываемся от этого. Мы все вверяем Богу. Да будет воля Его[20]. Однажды мы должны умереть, и не важно где, лишь бы хорошо умереть. Блаженны те, кто умирает, угождая Господу[21]. Хорошая смерть искупает плохую жизнь. Мы будем считать это благом для себя, если Богу будет угодно, чтобы наши дни окончились в служении Ему. И вам, так настоятельно побуждавшим нас воевать с турками, не подобает оставаться дома в мире. Вы как члены тела должны подчиняться голове и следовать за ней, куда бы она ни направилась»[22].

Каким Пий II видел свое участие в походе? Об этом он говорит следующее: «Мы вооружим настолько большой флот, насколько позволят возможности Церкви. И хотя мы стары и страдаем от болезней, мы взойдем на корабль, поднимем паруса и поплывем в Грецию и Азию. Кто-то скажет: “И что ты будешь делать на войне, старый священник? Тебя одолевает тысяча болезней, а ты идешь в бой? Какой прок в сражении от когорты облаченных в тоги? Какую пользу может принести в походе священный орден кардиналов? Они едва вынесут тимпаны и

[18] Cotta-Schönberg 2024b: 412; Mansi 1757: 176; Pius II 1984: 771–772.
[19] Cotta-Schönberg 2024b: 406; Mansi 1757: 173–174; Pius II 1984: 769.
[20] Мф. 6:10; Лк. 11:2.
[21] Откр. 14:13.
[22] Cotta-Schönberg 2024b: 414; Mansi 1757: 176–177; Pius II 1984: 772.

трубы, не говоря уже о вражеских бомбардах. Они провели молодость в удовольствиях, а теперь ты будешь изнурять их старость оружием? Ты поступаешь необдуманно. Лучше бы тебе остаться дома с кардиналами и всей Курией. И, оплатив снаряжение флота, отправить его с сильным и привыкшим к невзгодам войском на борту, или дать денег венграм, чтобы они повели на турок могучую армию”»[23].

Ответ папы содержал уже приведенные выше аргументы: ни авторитета, ни доходов Церкви не будет достаточно, чтобы дать отпор врагу. Ежегодно папская казна едва получает 300 тыс. дукатов, половина из которых идет на содержание гарнизонов крепостей, наместников, военачальников и куриалов. При этом год войны будет стоить не менее одного миллиона, тогда как сведущие люди в Мантуе сообщили папе, что военные действия продлятся в течение трех лет и даже более того. В этих условиях только личное участие понтифика могло изменить сам характер кампании, склонить герцога Бургундского к исполнению обета и обеспечить реальную поддержку со стороны других держав. Согласно папскому плану, военные действия на суше в первую очередь должны были обеспечиваться венграми и их союзниками. В Пелопоннесе, на море и в прибрежных районах действовали венецианцы. Если флот республики понтифик рассматривал как свой главный военно-морской актив, то её пехота и кавалерия, по его мнению, серьезно уступали турецким и не могли эффективно противостоять противнику во внутренних областях[24]. Для усиления позиций венецианцев он планировал собрать союзный флот в Анконе, часть которого комплектовалась самим папой и кардиналами. Корабли должны были доставить крестоносцев в Далмацию или Грецию, где на тот момент сражались венецианские силы.

Свою миссию папа видел в том, чтобы окормлять и воодушевлять войско, а также непосредственно следить за ходом кампании, не позволяя основным участникам закончить её раньше времени. Его вдохновлял пример Моисея, который во время битвы евреев с амаликитянами в пустыне Рефидим молился на холме о победе Иисуса Навина. Пока Моисей держал руки поднятыми, одолевал Израиль, как только опускал – брали верх амаликитяне. Когда же от усталости руки его отяжелели, Аарон и Ор поддерживали их с двух сторон до самой победы на заходе солнца (Исх. 17:8–13): «Мы не отправляемся сражаться лично из-за телесной немощи и нашего священнического служения, не совместимого с владением мечом. Вместо этого мы будем подражать святому отцу Моисею, который молился на горе, пока Израиль сражался с амаликитянами. Мы встанем на высокой корме[25] или какой-нибудь вершине горы, имея перед глазами Божественную Евхаристию, то есть Господа нашего Иисуса Христа. И будем просить Его сохранить наших воинов и даровать им победу. Сердца смиренного и сокрушенного Господь не уничижит[26].

[23] Cotta-Schönberg 2024b: 408; Mansi 1757: 174; Pius II 1984: 769–770.
[24] Cotta-Schönberg 2024b: 352–360; Pius II 1984: 760–763.
[25] Вергилий. Энеида. X.261: «stans celsa in puppi».
[26] Пс. 50:19.

Будьте и вы с нами, кроме старцев, которым мы прощаем то, что они останутся дома. И вы будете вместе молиться и добрыми делами умилостивите Бога быть благосклонным к христианскому народу»[27].

О решимости папы говорит финальная часть речи, где он касается вопросов управления церковными делами в его отсутствие. Свое выступление он завершает такими словами: «Ради Бога нашего мы оставляем наш Престол и Римскую Церковь, и посвящаем милосердному Господу эти седины и это немощное тело. Он не забудет нас. И если не дарует нам возвращение, то дарует вход на небеса и сохранит свой Первый Престол и свою невесту [Папский Престол и Церковь] невредимыми»[28].

Большинство кардиналов поддержали папское решение, но епископ Сполето выразил неуверенность в том, что план осуществим. Несмотря на его присутствие на дискуссиях, где обсуждались и опровергались аргументы против участия кардиналов и папы в походе, епископ привел их вновь и получил отповедь понтифика. Кардинал Аррасский посмел возразить Пию II, что решение прочих участников не должно быть вынужденным: «Я не одобряю твоих слов о том, что кардиналы должны последовать за тобой. На мученичество идут по собственному выбору, а не по приказу». Но понтифик «проигнорировал слова безумного человека и, выслушав мнения других, не нашел никого, кто бы не похвалил и не поддержал его отбытие»[29]. Намерение папы было обнародовано в булле «Ezechielis prophetae» (22 октября 1463 г.), в которой официально провозглашалось начало крестового похода. Пий II ярко описывал жестокости турок при покорении греческих и славянских земель, поругание святынь и самого образа Христа в Константинополе. Завоевав Святую Землю и подчинив своей власти четыре древних патриарших Престола, Магомет угрожал теперь отнять у христиан и Римскую Церковь. Понтифик сетовал на то, что прежние его призывы остались без ответа. Следуя словам пророка Исаии: «Взойди на высокую гору, благовествующий Сион! возвысь с силою голос твой, благовествующий Иерусалим! возвысь, не бойся»[30], папа собрал Мантуанский собор: «Мы взывали, подобно трубе. Мы возвышали наш голос[31]. И вся церковь слышала, но не вняла словам нашим»[32]. Однако понтифик уверял, что успокоится только тогда, когда увидит, что христианские правители подняли оружие против нечестивых турок: «Наш пастырский долг – заботиться о пастве Господней, поскольку мы наследовали место того, кому было сказано Господом: “Паси овец моих”[33]. Овцы – народ верных во Христе. Мы должны заботится о них, защищать и оберегать их изо всех сил, чтобы не угрожали им укусы волков или других зверей. Но что

[27] Cotta-Schönberg 2024b: 420; Mansi 1757: 178–179; Pius II 1984: 774.
[28] Cotta-Schönberg 2024b: 422; Mansi 1757: 179; Pius II 1984: 774–775.
[29] Pius II 1984: 775–776.
[30] Ис. 40:9.
[31] Ис. 58:1.
[32] Cotta-Schönberg 2024b: 426; Pius II 1551: 915.
[33] Ин. 21:17.

делать несчастному пастуху, когда бесчисленные стаи волков нападают на стадо, а собаки, получившие приказ подняться, лаять и защищать овчарню, не повинуются и разбегаются? Таково нынешнее наше положение. Турки, подобно волкам и лютым зверям, пытаются разорвать и разрывают паству Господню, то есть народ христианский. Мы призывали на помощь христианских государей как стражей христианского народа. Они закрывают уши. Они не желают слышать голос пастыря»[34].

Несмотря на бездеятельность правителей, Пий II объявляет о своей готовности пойти на крайние меры ради спасения паствы Господней, ибо слова Святого Евангелия (Ин. 10:11-12) напоминают ему, что следует делать: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их».

«При лечении серьезных недугов врачи применяют и серьезные средства. Подобает и нам поступить также. Не следует пастырю оставлять своих овец. Волкам нужно дать отпор, даже если придется положить жизнь за стадо. Мы должны подражать доброму пастырю, господу нашему Иисусу Христу, и следовать по стопам лучшего учителя, который исполнил делом то, чему учил словом. До сих пор мы призывали других подняться на защиту веры и пойти на войну, были готовы отправлять послов и делать другие дела по своим возможностям, пребывать ради нужд Церкви подле овчарен, которые все ещё остаются не захваченными. Теперь мы пообещаем большее и, поскольку мы не в состоянии пробудить от оцепенения сердца христиан иным способом, то подвергнем себя опасностям и пожертвуем главой нашей на войне против турок. И насколько нам может послужить Римская Церковь и Патримоний Святого Петра [т.е. Папская область], настолько мы для защиты католической веры покажем и не пожалеем себя на этом пути»[35].

Папе не следует проливать кровь, продолжал Пий II, но «если религия находится в опасности и не может быть защищена без нашего меча, нам не запрещено то, что, как читаем, было разрешено Самуилу и Илии», т.е. призывать помощь Божью для победы над врагом (1 Цар. 7:7–11) и бороться с язычниками за истинную веру (3 Цар. 18:21–40). «Наше намерение не в том, чтобы сражать на войне мечом. Ибо как мы вытащим клинок, если едва можем поднять руку, чтобы благословить народ? Мы будем сражаться молитвой, а не мечом, помогать воюющим молениями, а не оружием». Далее папа вновь повторил, что он подобно Моисею во время битвы с Амалеком будет молиться на корме или горе, пока идет сражение, благословляя крестоносцев и проклиная врагов[36]. «Мы пойдем с развернутым знаменем Креста Господня. Предшествовать будут Святейшее тело Христово и рака со святыми мощами. Мы последуем за Спасителем, идущим на войну», – воодушевлял он христианский мир. Пий II прямо говорил, что цель его личного участия – усо-

[34] Cotta-Schönberg 2024b: 428–429; Pius II 1551: 916.
[35] Cotta-Schönberg 2024b: 429; Pius II 1551: 916–917.
[36] Cotta-Schönberg 2024b: 430–431; Pius II 1551: 917–918.

вестить монархов Европы: «И кто из христиан будет настолько суровым, настолько окаменевшим и жестокосердным, что охотно остался бы дома, услышав, как римский понтифик, преемник блаженного Петра, викарий Господа нашего Иисуса Христа, носитель ключей вечной жизни, отец и учитель всех верующих, со священным конклавом кардиналов и множеством клириков отправляется на войну для защиты религии? И чем он сможет оправдаться? Старый, слабый, больной человек отправляется в поход, а ты, молодой, здоровый и крепкий телом спрячешься дома? Первосвященник, кардиналы, епископы ищут битвы, а ты, рыцарь, барон, маркиз, герцог, король, император – неужели ты будешь отдыхать в собственных покоях?»[37] Папа спешил обнадежить христиан в том, что его миссия на востоке вполне выполнима, так как турецкие силы вовсе не бесчисленны, не столь дисциплинированы и не имеют такого тяжелого вооружения, как европейцы. Следуя доктрине примата папы римского, Пий II убеждал католиков, что его появление в восточных провинциях будет с благоговением воспринято православными народами и обеспечит их поддержку: «Если вы, западные христиане, выступите в поход и последуете за пастырем ваших душ, то выступят и многие христиане из Греции и Азии, которые не сомневаются, что римский понтифик есть истинный наместник Христа. На востоке уже давно не было римского прелата. Как только станет известно о прибытии латинского флота с римским прелатом на борту, то мы не сомневаемся, что бесчисленные толпы прибегут лицезреть преемника блаженного Петра, чтобы с плачем и слезами лобызать его святые стопы, и предложат ему самих себя и свое достояние»[38].

Когда папа опубликовал буллу, казалось, что события развивались благоприятно для реализации его замыслов. 12 сентября был заключен венециано-венгерский союз, а 19 октября Святой Престол подписал договор с Бургундским герцогством и республикой Св. Марка о крестовом походе против турок. До Рима ещё не дошли новости о тяжелом поражении венецианцев под Коринфом и оставлении ими Гексамилиона[39]. Отсюда и оптимизм Пия II, который сообщал, что на суше кампания будет поддержана венграми короля Матвея Корвина и албанцами («многие последуют за нашим лагерем через Грецию и другие подвластные врагу провинции»), а на море – венецианцами. Их дож в предыдущие месяцы отправил на восток огромный флот и отвоевал у турок почти весь Пелопоннес. «Возведя, как говорят, за несколько дней стены и башни, он[40] закрыл со стороны полуострова Истм, ширина которого составляет шесть миль между двумя морями. Памятное деяние и должно рассматриваться

[37] Cotta-Schönberg 2024b: 431; Pius II 1551: 918.
[38] Cotta-Schönberg 2024b: 435; Pius II 1551: 920.
[39] Система укреплений Истмийского перешейка неоднократно восстанавливалась поздними Палеологами для защиты Морейского деспотата от османов (Рязанов 2022a). В августе-сентябре 1463 г. венецианцы начали кампанию по завоеванию Пелопоннеса, быстро восстановили стены и башни на перешейке, но 20 октября были разбиты у стен Коринфа и спешно эвакуировались с Истма: Setton 1978: 248–249.
[40] Кампанией руководили флотоводец Алвизе Лоредан и полководец Бертольдо д'Эсте.

среди выдающихся сооружений древних»[41]. Было объявлено, что в июне следующего года папа устремится в Анкону, откуда выйдет с флотом в Адриатическое море и «прямым курсом отправится на другую его сторону против врагов веры». Его экспедицию поддержат военно-морские силы герцога Бургундского и венецианцев[42].

Надежды на помощь французского короля Людовика XI оказались тщетными, после того как он заявил папскому легату Лоренцо Роверелле, епископу Феррары, что замысел Пия II – выдумка, чтобы отвлечь внимание монарха от его собственных экспансионистских планов в Италии[43]. Более того, в феврале 1464 г. Людовик XI приказал своему вассалу, герцогу Бургундскому, отложить участие в экспедиции, так как его помощь могла потребоваться или для заключения мира с англичанами, или для ведения против них военных действий. Герцог подчинился, но уведомил папу, что не отказывается от обещания, а откладывает его исполнение до следующего года. Вместо себя Филипп направил своего сына Антуана, «Великого бастарда Бургундского», с трехтысячным отрядом (после получения известия о смерти папы они вернулись обратно)[44]. Узнав об изменении герцогом решения, Пий II советовался с восемью кардиналами, которые посчитали, что для сохранения авторитета Церкви папа должен выступить в поход лично. Хотя условием отъезда понтифика была поддержка предприятия Филиппом, были высказаны опасения, что отказ герцога будет объясняться нежеланием самого папы, а не иначе[45].

Пий II часто обращался к теме своей телесной немощи, старости и недугов. Это усиливало драматический эффект его речей и жертвенность поступка. На момент смерти в Анконе 14 августа 1464 г. ему было 58 лет, возраст для того времени почтенный, хотя ещё не преклонный. Годы усугубляли течение его болезни (скорее всего, ревматоидного артрита), называемой тогда «подагрой». Из-за болей в ногах он не мог нормально передвигаться и большую часть понтификата путешествовал в кресле на носилках. Кроме того, папа страдал от почечных камней и хронического бронхита[46]. Тем не менее, несмотря на слабое здоровье, он был настроен довести начатое дело до конца (в том числе, и своего).

Религиозное рвение и упорство Пия II в исполнении данных им обещаний иллюстрирует следующий эпизод его биографии. В 1435 г. во время дипломатической миссии к Якову I ещё молодой Эней Сильвий Пикколомини направился из Слёйса к берегам Шотландии. Плавание продолжалось двенадцать дней, в течение которых судно попало в два сильных шторма, было отнесено в сторону Норвегии и дало течь. Эней принес обет Богородице, что в случае спасения отправится в паломничество

[41] Cotta-Schönberg 2024b: 429–430; Pius II 1551: 917.
[42] Cotta-Schönberg 2024b: 435; Pius II 1551: 920.
[43] Речь «Sextus agitur annus»: Cotta-Schönberg 2024b: 418; Mansi 1757: 177–178; Pius II 1984: 773.
[44] Vaughan 1970: 369–372.
[45] Pius II 1984: 806.
[46] White 2014: 70, 114, 160.

к ближайшей Её святыне. Достигнув, наконец, Шотландии, он сдержал свое обязательство и прошел босиком десять миль (ок. 15 км) от порта Данбар до церкви Святой Девы Марии в Уайткерке. «Отдохнув два часа, он встал и не мог сдвинуться с места: его ноги ослабли и онемели от зимней стужи. Спасло его то, что там не оказалось никакой еды и нужно было проделать путь в другую деревню. Пока слуги его скорее несли, чем вели, его ноги, шаг за шагом касаясь земли, согрелись, и он, неожиданно оправившись от болезни, начал ходить»[47]. Вероятно, переохлаждение стало причиной артрита, который мучал его до конца жизни[48].

Свой последний путь в Анкону папа проделал уже в крайне тяжёлом состоянии, не желая отказываться от обета. Его смерть от лихорадки подвела итог грандиозным замыслам, которые он не смог претворить в жизнь. Вместо большого папского флота в гавани Анконы стояло на якоре лишь шесть кораблей, а прибывшая 12 августа венецианская эскадра под началом дожа Лоредана насчитывала двенадцать галер вместо сорока[49]. Показательно, что незадолго до кончины, не дожидаясь подхода венецианских кораблей, понтифик находил в себе силы для приготовлений к экспедиции. В частности, он обсуждал с кардиналом Хуаном Карвахалем возможность отплытия к побережью Далмации, чтобы обезопасить Рагузу от турок[50].

В связи с этим возникает вопрос, был ли у Пия II четкий план военной кампании, в которой он хотел принять непосредственное участие? Сам папа не озвучивал точного маршрута и направления удара крестоносного флота. Это можно было бы объяснить секретностью. Однако создается впечатление, что окончательного и согласованного плана не было и решения принимались ситуативно. Далмация, видимо, была приоритетной целью первого этапа экспедиции, по крайней мере, по состоянию на конец марта-апрель 1464 г. Так, в своих «Записках» Пий II сообщает, что по прибытии на воды в Петриоло он принял послов от Скандербега, сербского деспота Стефана Бранковича, жившего тогда в Албании, и боснийского воеводы (герцога) Степана Вукчича Косача, которые просили о помощи: «Всем был дан ответ, что понтифик скоро прибудет с флотом к берегам Далмации и не только принесет помощь страждущим, но и атакует турок на их собственных землях. Приехали также и посланники из Рагузы, которые предложили понтифику, собиравшемуся в экспедицию, две галеры и умоляли его посетить их город,

[47] Pius II 1984: 45–46.

[48] White 2014: 69-70. Примечательно, что Эней решил возвращаться через Англию, отказавшись от предложения сесть на то же судно, на котором он добрался до Шотландии (чтобы, подвергнувшись опасности дважды, на третий раз не попасть в кораблекрушение). Как он узнал позднее, корабль затонул, только выйдя из порта, вместе с капитаном и экипажем, за исключением четырех человек. «Понимая, что сохранен благодатью и милостью Божией, Эней, скрываясь за внешностью купца, переправился через Шотландию в Англию»: Pius II 1984: 47.

[49] White 2014: 328–331.

[50] Pastor 1889: 256; Setton 1978: 269.

когда он поплывет на Восток. Понтифик принял их с радушием и, даровав желанные для них милости, отпустил, исполненными надежд»[51].

Из-за неясности проблема маршрута обычно обходится исследователями стороной или обозначается в общих чертах на основании сказанного самим Пием II (Греция, Константинополь, Азия). Послы сообщали, что, находясь в Анконе, папа не мог принять дальнейшего решения до прибытия дожа[52]. Поэтому весьма вероятно, что в случае начала экспедиции её маршрут определялся бы Лореданом, так как после отказа от участия герцога Бургундского он оставался единственным крупным военным лидером, который привел корабли в Анкону.

Несмотря на кажущееся вероятным отсутствие продуманного плана кампании, Пий II сохранял сильное желание во что бы то ни стало отправиться на войну даже тогда, когда все уже пошло прахом. По большому счету, в конце его понтификата предприятие держалось лишь на непреклонной воле самого Пия II, которую поддерживало несколько верных кардиналов, таких как Виссарион и Карвахаль. Его исторический портрет в значительной мере сформировался благодаря энергичной проповеди крестового похода, а также исполненного драматизма и воплощенного в жизнь намерения пожертвовать собой ради спасения христианского мира.

Среди причин, которые вынуждали его упорствовать в этом деле, мы бы выделили ещё одну, глубоко личную и субъективную, но не менее важную, чем другие. Как гуманист и историк, Пий II не мог оставить без внимания проблему своей посмертной славы. Он прилагал немалые усилия к формированию своего исторического портрета, сохранив для потомков подробные мемуары, речи и письма. Даже на пороге смерти понтифик понимал, что создаваемый им героический образ может разрушиться, если он поддастся давлению обстоятельств. Отступление было бы разумным шагом для человека и политика, но Пий II не согласился на это, словно чувствуя на себе пристальный взгляд истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Зарецкий В.П. Ренессансная автобиография и самосознание личности: Эней Сильвий Пикколомини (Пий II). Н.Новгород: ННГУ, 2000. 154 с. [Zaretskii V.P. Renessansnaya avtobiografiya i samosoznanie lichnosti: Enei Sil'vii Pikkolomini (Pii II) (Renaissance autobiography and the self-consciousness of the individual: Aeneas Silvius Piccolomini (Pius II)) Nizhnii Novgorod: NNGU, 2000. 154 p.].

Медведев И.П. Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 157–163. [Medvedev I.P. Unikal'nyi arkhivnyi dokument za podpis'yu Vissariona Nikeiskogo (A unique archival document signed by Bessarion of Nicaea) // Vizantiiskii vremennik. 1986. T. 46. P. 157–163].

Медведев И.П., Гаврилов А.К. Речь Виссариона Никейского на Мантуанском соборе о падении Константинополя // Византийский временник. 2004. Т. 63. С. 292–317. [Medvedev I.P., Gavrilov A.K. Rech' Vissariona Nikeiskogo na Mantuanskom sobore o padenii Konstantinopolya (The Speech of Bessarion of Nicaea at the Council of Mantua on the fall of Constantinople) // Vizantiiskii vremennik. 2004. T. 63. P. 292–317].

[51] Pius II 1984: 807.

[52] Pastor 1889: 256, not. 3.

Пашкин Н.Г. Конгресс в Мантуе и антитурецкая политика папы Пия II // Античная древность и средние века. 2013. Вып. 41. С. 299–308. [Pashkin N.G. Kongress v Mantue i antituretskaya politika papy Piya II (Congress of Mantua and Antiturkish Policy of Pope Pius II) // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 2013. Vol. 41. P. 299–308].

Рязанов П.А. Deus excitavit fidelem populum suum: папа Пий II о начале венецианo-турецкой войны 1463–1479 гг. // Преподаватель XXI век. 2025. № 2. [Ryazanov P.A. Deus excitavit fidelem populum suum: papa Pii II o nachale venetsiano-turetskoi voiny 1463-1479 gg. (Deus excitavit fidelem populum suum: Pope Pius II on the beginning of the Venetian-Turkish War, 1463–1479) // Prepodavatel' XXI vek. 2025. № 2].

Рязанов П.А. Гексамилион и проблема защиты Пелопоннеса от турок в византийской политике конца XIV – первой половине XV в. // Средние века. 2022a. Вып. 83 (1). С. 137–163. [Ryazanov P.A. Geksamilion i problema zashchity Peloponnesa ot turok v vizantiiskoi politike kontsa XIV – pervoi polovine XV v. (Hexamilion and the Problem of Protecting the Peloponnese from the Turks in the Byzantine Politics of the Late 14th – First Half of the 15th Centuries) // Srednie veka. 2022a. T. 83/1. P. 137–163].

Рязанов П.А. Греческие интеллектуалы и гуманистическая культура Италии конца XIV – начала XVI века. Нижний Новгород: Автор, 2023. 511 с. [Ryazanov P.A. Grecheskie intellektualy i gumanisticheskaya kul'tura Italii kontsa XIV – nachala XVI veka (Greek Intellectuals and Italian Humanist Culture of the Late 14th Century – the Beginning of 16th Century). Nizhnii Novgorod: Avtor, 2023. 511 p.].

Рязанов П.А. Кардинал Виссарион и начало венециано-турецкой войны 1463–1479 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022b. №4. С. 43–50. [Ryazanov P.A. Kardinal Vissarion i nachalo venetsiano-turetskoi voiny 1463–1479 gg. (Cardinal Bessarion and the Beginning of the Ottoman-Venetian War, 1463-1479) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2022b. №4. S. 43-50].

Ady C.M. Pius II (Æneas Silvius Piccolomini) – the Humanist Pope. London: Methuen, 1913.XIII, 367 p.

Bisaha N. Pope Pius II and the Crusade // Crusading in the Fifteenth Century: Message and Impact / Ed. N. Housley. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. P. 39–52.

Cotta-Schönberg M. von (ed. and transl.). Collected Orations of Pope Pius II. Vol. 8. Final Version. 2024a. URL: https://hal.science/hal-01590769v2 (дата обращения: 24.04.2025).

Cotta-Schönberg M. von (ed. and transl.). Collected Orations of Pope Pius II. Vol. 10. Final Version. 2024b. URL: https://hal.science/hal-01591201 (дата обращения: 24.04.2025).

Helmrath J. Pius II. und die Türken // Europa und die Türken in der Renaissance / Hrsg. von B. Guthmüller und W. Kühlmann. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2000. S. 79–137.

Housley N. Crusading and Ottoman Threat, 1453–1505. Oxford: O.U.P., 2013. XII, 242 p.

Housley N. Pope Pius II and Crusading // Crusades. 2012. Vol. 11. P. 209–247.

Pastor L. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg im Breisgau: Herder, 1889. Bd. II.

Pius II. Commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contigerunt / Ed. A. van Heck. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1984. Vol. I.

Pius II. Opera quae extant omnia. Basileae: Heinrich Petri, 1551. 1034 p.

Pii II P.M. olim Aeneae Sylvii Piccolominei Senensis Orationes politicae et ecclesiasticae / Ed. G.D. Mansi. Lucca: Benedini, 1757. T. II.

White A. Plague and Pleasure: the Renaissance World of Pius II. Washington: The Catholic University of America Press, 2014. XXII, 407 p.

Setton K.M. The Papacy and the Levant (1204–1571). Philadelphia: American Philosophical Society, 1978. Vol. II.

Vaughan R. Philip the Good: The Apogee of Burgundy. London: Longmans, 1970. XVII, 456 p.

***Рязанов Павел Александрович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород, РФ); pryazanov@hse.ru*

***Софронова Лидия Владимировна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (г. Нижний Новгород, РФ; lidiasof@yandex.ru*

«Blessed are those who die pleasing the Lord»: Pope Pius II about his participation in the Crusade against the Turks

Among the Roman pontiffs who proclaimed crusades against the Turks, Pius II (1458-1464) stands out for having publicly declared his intention to go to war and backed it up with concrete actions. His death in Ancona, from where he was about to set sail for the East, can be perceived as a feat of faith and a demonstration of his unwavering determination to see his pious undertaking through to the end. Researchers often view Pius II's expedition as an unrealistic and doomed-to-fail venture, at least after the refusal of the Duke of Burgundy to participate. All the more tragic and self-sacrificing is the last journey of a seriously ill pope to Ancona. For Pius II, however, it was a well-considered act. Having offered himself as the spiritual leader of the campaign, he could no longer retreat, as he felt it would be a severe blow to the authority of the Catholic Church. It needed the example of sacrificial service demonstrated by the first Roman patriarchs. Also it was an attempt to revive the outmoded crusader idea. In case the Duke of Burgundy had joined the campaign (up to a certain point, this was quite probable), the pope's plan would have had a chance of practical realization. Finally, Pius II was pushed to go to Ancona by personal religious motives. The whole Catholic world witnessed his vow to God, thanks to the bull «Ezechielis prophetae». As a humanist and historian, he could not ignore the problem of his posthumous fame. Even at death' door, the pontiff understood that the heroic image he had created might collapse if he yielded under the pressure of circumstances.

Keywords: *Pius II, Aeneas Sylvius Piccolomini, Philip III the Good, Council of Mantua, the Holy See, Crusade, Turks.*

Pavel A. Riazanov*, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Theory and History of Law and State Department, HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; pryazanov@hse.ru*

Lidia V. Sofronova*, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Department of World History, Classical Disciplines and Law, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; lidiasof@yandex.ru*

Е.П. Тельменко

«КОМПЕНДИУМ ОТКРОВЕНИЙ» ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ ПРОРОЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Анализ «Компендиума откровений» в статье ограничен вопросами, касающимися рефлексии Савонаролы о его собственной миссии, а также о сущности пророчеств и «способов» передачи божественной воли, как средства не только убеждающего, но и в определенной степени принуждающего окружающих к преобразованиям. Текст «Компендиума» свидетельствует о том, что монах был твердо убежден и стремился уверить окружающих, что его пророчество – результат божественного вдохновения, «безвозмездный дар». Он стремился донести пастве мысль о том, что «откровения» – это не только и не столько предсказание грядущих событий, сколько объявление воли Всевышнего, ведущего народ к исправлению и конечной цели – вечному спасению. Савонарола практиковал два «способа» пророчеств: «*profezia assoluta*», которое исполнится в любом случае, и «*profezia condizionata*», «обусловленное угрозой или обетованием», где исходящий от Бога призыв усиливался приемом *imprecatio* (благословение/проклятие). «Абсолютное пророчество» о судьбе Флоренции и обновлении христианского мира должно было наделить современников монаха уверенностью в благоприятном исходе реформирования общего «тела» города (Церкви), а «условное» – придать стимул коллективным и индивидуальным действиям.

Ключевые слова: *Джироламо Савонарола, Флоренция, реформа, «Компендиум откровений», пророчество («profezia assoluta», «profezia condizionata»), imprecatio.*

Проблема пророческого статуса Джироламо Савонаролы продолжает притягивать внимание ученых. За последнее время в исследованиях, посвященных доминиканскому монаху, произошел качественный прорыв. Характеризуя его, один из ведущих специалистов в области истории права и Церкви П. Проди заявил: «Мы можем с уверенностью сказать, что оставили позади одномерные представления о Савонароле, господствовавшие до недавнего времени, и приблизились к гораздо более многогранному пониманию, созвучному исторической реальности. Все еще сохраняющиеся исключения, такие как психотический Савонарола Франко Кордеро[1] или, наоборот, олеографический (oleografico)[2] Савонарола, возникший в контексте возможной канонизации, лишь подтверждают своими карикатурными изображениями изменения в историографии»[3].

При всем многообразии подходов к исследованию наследия флорентийского пророка-реформатора можно отметить определенное сходство в постановке и решении ряда вопросов. Во-первых, в толковании пророчества как реакции на кризис церковных институтов в эпоху позднего Средневековья[4]. Во-вторых, в разграничении между милленаристскими (и апокалиптическими) предсказаниями и пророчеством. Так, по

[1] Ф. Кордеро в 1986–1988 гг. опубликовал труд о Савонароле в 4-х томах, где продемонстрировал свою увлеченность психоанализом. Видения доминиканца он связал с «самогипнозом», а режим, к установлению которого стремился Савонарола-«эгоцентрик», охарактеризовал как «тео-эгократия». Cordero 2009 (V. 1–4): 53; (V. 2); XX (V. 1).

[2] Возможное значение: имитация, искажающая оригинал.

[3] Prodi 2013: Cap. 4.

[4] Vasoli 1974; Vasoli 1996; Fubini 2010: 301.

мнению Проди, включение Савонаролы «в вал апокалиптических пророчеств», присущих средневековому обществу и переполняющих печатные издания конца XV – начала XVI в. является «чрезмерным упрощением» и не способствует глубокому пониманию доминиканца, который «открыто дистанцировался от милленаристской апокалиптической традиции»[5]. К. Леонарди подробно развивает эту тему, заявляя, «у Савонаролы нет апокалиптических интересов, но есть исторические», и поясняя, что тот, кто пророчествует, пребывает «внутри истории, поскольку … может опираться только на историческое знание, чтобы направлять человеческие действия в ней; рядом с историей, ибо видит ее в божественном свете»[6]. Стоит заметить, что подобное разграничение стало причиной критики означенными авторами выдвинутого в 1970-е гг. Д. Вайнстейном положения о том, что «флорентийский миф», связанный с давней традицией «культа флорентийского величия» и основанный на представлении о городе как наследнике республиканского Рима и центре духовного обновления – «Новом Иерусалиме», «поглотил Савонаролу», который в ходе событий 1494 г. обратился от обычного для того времени апокалиптизма к «флорентийскому милленаризму»[7]. С одной стороны, оппоненты признают логичность и познавательную эффективность избранного американским историком подхода в отношении интерпретации событий во Флоренции во время лидерства доминиканца, а с другой, отмечают, что он искажает образ монаха как пророка, политика и реформатора, который обращен к настоящему – реальным проблемам социума[8]. В-третьих, признание того, что ключ к пониманию Савонаролы – в его пророчестве и ощущении себя пророком, приводит ученых к необходимости сформулировать определение пророчества. Консенсус исследователей состоит в том, что пророчество толкуется не как предвидение будущего, а как критика современного общества – его несоответствия евангельским заветам, «суд над настоящим от имени Бога». Что касается теоретической основы рассуждений Савонаролы о пророчестве, то здесь для всех ученых очевидно преимущественное влияние на него Фомы Аквинского. К. Леонарди и Д.К. Гарфаньини[9] указывают на то, что Савонарола, как и Аквинат, толкует пророчество как особый тип знания – сверхприродный, как основанный на «divinum lumen», безвозмездный дар, благодаря которому он видит историю в свете божественного управления; пророк для него – несовершенный инструмент Бога, задача которого обратить людей к Господу, к принятию и исполнению Его воли и, в конечном итоге, способствовать спасению. При этом, итальянские историки отмечают, что Савонарола наполнил томистское теоретизирование собственной практикой, а также внес коррективы в вопрос о подтверждении пророчества (если для Фомы это чудеса, то для Савонаролы – дела и поступки паствы,

[5] Prodi 2013: Cap. 3.
[6] Leonardi 1999: 22, 17. См. также: Fubini 2010: 306; Venturelli 2009.
[7] Weinstein 1968; Weinstein 1970.
[8] Leonardi 1999; Prodi 2013; Venturelli 2009.
[9] Leonardi 1990; Leonardi 1999; Garfagnini 1996; Garfagnini 2006.

проистекающие от проповедей-возвещений). Более того, пройдя определенный путь в рефлексии о собственной пророческой миссии, в «Диалоге о пророческой истине (Dialogus de veritate prophetica)», изданном, вероятно, в феврале-марте 1498 г., он выступил в качестве «теолога пророчества»[10], обосновывая необходимость пророческой проповеди в Церк-ви. Соответственно, необходимо отметить тему подражания доминиканца ветхозаветным пророкам (в том числе, и в связи с их оппозиционностью официальной светской и церковной власти), особое внимание которой уделили Р. Фубини, М. Туркетти, П. Вентурелли[11]. В заключение стоит указать на еще одно, уже ставшее общим, положение, выражающееся в признании 1494 г. переломным, поскольку именно с этого времени фра Джироламо начинает открыто заявлять о себе как о пророке.

К интеллектуальному наследию и деятельности доминиканца проявляют интерес современные российские ученые. Рассуждения А.В. Топоровой о сущности пророчества Савонаролы, в целом, имеют сходство с описанной выше позицией итальянских историков[12]. В свою очередь, исследовательница отмечает ярко выраженное индивидуальное, личное и даже сильное субъективное начало в проповедях доминиканца, обусловленное присвоением пророческого статуса, что выделяет его из числа современных ему проповедников[13]. О.Л. Акопян, проведя сравнительный анализ трудов Джованни Пико делла Мирандолы, Савонаролы (трактат «Против астрологов») и Максима Грека, направленных против «прорицательной астрологии», отметил среди аргументов доминиканца распространенную у полемистов мысль о том, что предсказания несовместимы «с идеей о свободе выбора, дарованной человеку»; указал на преимущественное обращение монаха к примерам Ветхого Завета, что, по мнению ученого, «еще раз доказывает не только религиозную основу» его трактата, «но и саморепрезентативные устремления его автора»[14].

«Компендиум откровений (Compendium revelationum)»[15] – произведение, предшествующее ранее упомянутому «Диалогу о пророческой истине». И если «Диалог», согласно К. Леонарди, являет собой более высокий уровень размышлений Савонаролы о пророчестве, когда, оставаясь «в рамках средневековой профетологии, в частности, учения Аквината», он «переосмыслил ее на экклезиологическом уровне», а также неизбежно вышел на проблему «исторического противоречия между институтом Церкви и пророческой харизмой»[16], то «Компендиум», как будет показано далее, это не только изложение собственных видений, с подтверждением их подлинности, а значит и своего пророческого призвания (пока еще не следуя ветхозаветным пророкам в их автономности по отношению к официальной духовной власти), но и сочинение позво-

[10] Leonardi 1999: 19–20.
[11] Fubini 2009; Fubini 2010; Turchetti 1998; Venturelli 2009.
[12] Топорова 2011: 172–176, 200–201.
[13] Топорова 2011: 41, 203, 223–224, 234.
[14] Акопян 2018: 159.
[15] Savonarola 1974: 2–125.
[16] Leonardi 1990: 594–595.

ляющее выявить специфику пророчества как инструмента воздействия монаха-реформатора на современников. Анализ трактата будет ограничен вопросами, касающимися рефлексии доминиканца о его собственной миссии, а также о сущности пророчеств и «способов» передачи божественной воли, как средства не только убеждающего, но и в определенной степени принуждающего окружающих к преобразованиям.

«Компендиум» был составлен Савонаролой между весной и летом 1495 г. 18 августа того же года появляется его первое печатное издание на вольгаре, а 3 октября – латинская версия. Работа фра Джироламо над трактатом относится к тому времени, когда во Флорентийской республике первоначальный порыв к единству, связанный с событиями ноября – декабря 1494 г.[17], сменяется разделением на противоборствующие партии и группировки; растет противодействие и критика в отношении доминиканца, объявившего себя пророком и активно вмешивающегося в государственные дела; затягивается часть политических преобразований – после продолжительных споров только 19 марта принимается «Закон о всеобщем мире и праве на апелляцию “шести бобов”», а 13 августа 1495 г. – запрет созыва Парламенто, с трудом продвигается инициатива строительства помещения, способного вместить всех членов созданного в декабре 1494 г. верховного органа управления – Большого совета. Кроме того, в пору написания «Компендиума» существенным образом трансформируется соотношение сил на Апеннинском полуострове. Карл VIII, поход[18] которого стал началом Итальянских войн, 22 февраля 1495 г. вступает в Неаполь; его успехи приводят к созданию 31 марта 1495 г. антифранцузской коалиции «между папой, императором, королем Испании, венецианцами и герцогом Миланским»; флорентийцы не присоединились к этой Лиге, «не желая порвать с королем, ибо ожидали обещанного Карлом возврата своих крепостей»[19], в соответствии с ноябрьским договором 1494 г.; 20 мая 1495 г., опасаясь быть отрезанным от Франции, король покидает Неаполь и движется на север, после битвы у Форново 6 июля его основные силы оставляют Италию. Наконец, приходят вести из Рима – Папа Александр VI в бреве 21 июля требует немедленного прибытия Савонаролы для разъяснения сути своих проповедей и пророчеств. Монах, ссылаясь на нездоровье, не выполняет приказ и предлагает копию «Компендиума».

Главной целью сочинения, по словам фра Джироламо, являлась собственноручная запись предсказаний, оглашенных им публично после

[17] 9 ноября 1494 г. в городе произошел практически бескровный переворот – был изгнан Пьеро Медичи; затем последовало недолгое (17–28 ноября) пребывание французских войск (см. примечание и текст ниже); 22–23 декабря, с целью укрепить республиканские устои, был создан Большой совет.

[18] Предлогом для Неаполитанской экспедиции (1494–1495) послужило так называемое «Анжуйское наследство»: со второй половины XIII в. Неаполитанское королевство принадлежало Анжуйской династии, а в 1442 г. перешло к Арагонскому дому, смерть в январе 1494 г. Фердинанда I позволила французскому королю предъявить претензии на престол в Неаполе.

[19] Гвиччардини 2002: 106.

того, как, прибыв во Флоренцию в 1490 г., он «первого августа, в воскресенье» начал «толковать Апокалипсис в нашем Сан Марко» и до времени составления трактата[20]. Основной, заявленный самим доминиканцем, мотив, побудивший его взяться за труд, был связан с опасениями в случайном или намеренном искажении исходящего через него послания Бога. Необходимо указать на то, что Савонарола, подобно прочим проповедникам, не составлял заранее полных текстов своих выступлений перед паствой, но пользовался предварительными набросками. Проповеди распространялись в печати преимущественно благодаря конспектам слушателей. Так, существенная их часть сохранилась благодаря записям флорентийского нотариуса Лоренцо Виоли (1465–1556)[21], чьей «чудесной» точностью в передаче слов и действий доминиканца, невозможной без Божьего соизволения и помощи, восхищались современники[22]. Монах, однако, выражает обеспокоенность в том, что, «не имея возможности успеть своим пером за скоростью моей речи», его последователи могли «не вполне» уловить истину, «но весьма отрывочно и со множеством искажений». Кроме того, флорентийский пророк указывает на ситуацию, когда передатчики его мысли, «либо из-за недостаточного понимания, либо по злобе, распространяли в народе то, что я не говорил, или умаляли то, что я сказал, а также иной раз извращали». Среди подобных людей, согласно доминиканцу, следует особенно остерегаться «теплохладных» и «мирских мудрецов», приписывавших ему «множество ложных вещей»[23]. И, наконец, еще одна, волновавшая пророка, проблема – расхождения в восприятии и усвоении информации непосредственными слушателями и читателями его откровений, связанные со свойствами самих реципиентов. «Я знаю, однако, что также эти написанные слова будут все равно истолкованы различным образом, *согласно XII стиху Даниила:* "*Многие прочитают ее, и умножится ведение*" (Дан. 12:4), *то есть мнение»,* – заявляет монах и выражает надежду, что тот, кто обратится к чтению «с простотой сердца» (Притч. 3:32; Мф. 11: 25), будет озарен истиной и извлечет «какой-либо добрый плод»[24]. Таким образом, написанные самим братом труды должны были гарантировать отсутствие искажений в передаче его мыслей и пророчеств, а их публикация в печати – способствовать максимально широкому распространению и пропаганде идей пророка-реформатора.

Необходимо отметить, что появлению «Компендиума» предшествовала проповедь 13 января 1495 г., которую Савонарола посвятил «по-

[20] Savonarola 1974: 4, 8–9.
[21] Об этом см.: Garfagnini 1986: XX–XXVII, etc.
[22] Landucci 1883: 162.
[23] Savonarola 1974: 4–5.
[24] Ibid: 5. Здесь следует указать на присутствующее в учении Савонаролы противопоставление современных «теплохладных (равнодушных)» христиан тем, кто стремится избавиться от двойственности в мыслях и делах, кто предпочитает внешнему культу искреннюю веру, кто способен настолько прочувствовать ее истины, чтобы сделать их основой собственного существования – именно они («простые») представлялись монахом главными действующими лицами грядущей реформы Церкви.

вторению всего того, что нами было сказано... в прошлые годы относительно преобразования Церкви»[25], и которую он явно использовал при составлении той части трактата, что следует за изложением причин его появления. В этом выступлении фра Джироламо рассуждал о сущности пророчества; об обнаружении у себя этого дара в 15 или 20 лет и постепенном его проявлении «сначала в Брешии», а затем – по возвращении во Флоренцию, «центр (пуп) Италии», дабы из нее вести распространились на весь полуостров[26]. В проповеди он также напомнил о своих сбывшихся пророчествах, огласил видение Креста и Меча, которое, согласно «Компендиуму», обрел в 1492 г.[27], и уверил слушателей в том, что вскоре последует исполнение вновь объявленных «откровений».

Основная часть трактата связана с изложением проповеди 1 апреля 1495 г. в день октавы Благовещения, где доминиканец описал свое «посольство» в Рай[28]. В этом выступлении монах обратил внимание паствы на свои предсказания о том, что в случае реформирования Флоренция будет «прославлена больше чем когда-либо», станет «сильнее и богаче»; указал на трудности, обнаружившиеся с началом преобразований, когда «из-за неверия, безрассудства и коварства многих, которые, когда уже был устроен Большой совет, … противодействовали всеобщему миру и апелляции на шесть бобов … Бог прогневался», а он сам стал сомневаться «как бы обещания, данные тебе, Флоренция, не были отменены»; и затем сообщил, что, – увидев как «через некоторое время», по «величайшей доброте Господа» и посредством увеличения молитв и постов, законы были приняты, – подумал, «что не все потеряно» и решил «стать послом к Вседержителю, дабы призвать обещанные милости». Далее брат поведал, как «в день Благовещения, который у вас является началом года»[29], он «предстал перед преславной Девой, Матерью Божией» и просил ее «быть нашей заступницей перед Святой Троицей; и она с величайшей лаской согласилась»; он же «эту добрую весть в тот день принес тебе, проповедуя в нашем Сан Марко». В ночь октавы праздника[30] Савонаролa, по его словам, совершил путешествие к Престолу Девы Марии и получил ответ Господа, озвученный Богородицей: Флоренция должна хранить веру, упорствовать в молитвах, укреплять терпение, ибо этим достигнет вечного спасения и славы среди людей[31]. Псевдо-Бурламакки – современник и последователь брата, вспоминал, что вести, которые тот обрел «в качестве посла флорентийского народа к Царице небесной», оказались настолько чудесными и удивительными, что были дважды повторены на проповедях – сначала «в день Благовещенья» для народа, а затем «в день октавы Благовещения» во дворце Синьории, после чего

[25] Savonarola 1969: 37–62. Цит. с. 37.
[26] Ibid: 41.
[27] Ibid: 52–53; Savonarola 1974: 12–14, 22–23.
[28] Ibid: 27–118.
[29] 25 марта – день Благовещения и начала нового года во Флоренции.
[30] Восьмой день праздника.
[31] Savonarola 1974: 27–29, 110.

опубликованы «на латинском и тосканском языке»[32]. Эта проповедь, как уверял Савонарола, включена в «Компендиум» «в том виде, в котором она была произнесена»[33]. Однако в современном издании трактата приводится ряд доводов, в том числе опирающихся на труды Р. Ридольфи, позволяющих утверждать, что ее текст был существенно расширен монахом. Среди них: значительный объем, как минимум, вдвое превышающий самые длительные выступления доминиканца; внезапное окончание без обычного для проповедей заключения, которое обнаруживается спустя несколько страниц, повествующих о других «откровениях»[34].

Этот раздел «Компендиума» имеет связь с другим сочинением Савонаролы, появившимся поздней осенью 1495 г., после издания латинской версии трактата, публичным «Посланием некоему другу»[35]. В нем Савонарола, вынужденный подчиниться бреве Папы от 16 октября 1495 г., рекомендующему воздержаться от проповедей[36], по пунктам отвечал на обвинения противников, касающиеся религиозных и политических дел. Эта апология имеет сходство с основными положениями диалога монаха с Искусителем, появившимся на пути «посольства» к Деве Марии. Кроме того, в «Послании» брат дал отпор тем, кто подвергал насмешкам его сообщение о пребывании в Раю, заявив, что при внимательном чтении трактата можно понять, что он не «телесно присутствовал» там – «это было полностью воображаемое видение (visione imaginaria)»; и что только невежественные и грубые или злобные люди не понимают, что «все те вещи, которые я там видел, сформированы в воображении посредством ангелов», и «таким же образом пророки видели множество вещей», особенно Иезекииль, который «часто говорит, что так побывал в различных местах, которые, разумеется, посещал духовно, а не телесно»[37]. Продолжение трактата связано с событиями мая–июня 1495 г.: приближением французской армии; письмом монаха Карлу VIII 26 мая; речью к королю во время дипломатической встречи 17 июня в Поджибонси, о которой монах поведал пастве 21 июня. Внешнеполитическая ситуация требовала развеять страхи флорентийцев, касающиеся завершения Неаполитанской экспедиции Карла VIII, и убедить их в необходимости сохранения союза с французским королем, который представлялся монахом в качестве «посланника божественного правосудия»[38], необходимого для осуществления плана Господа по преобразованию современной Церкви. Заключительный раздел «Компендиума» воспроизводит часть проповедей на Псалмы июня – июля 1495 г., где монах порицает критиков и поддерживает сторонников его реформ[39].

---

[32] La Vita del beato Ieronimo Savonarola … 1937: 82.
[33] Savonarola 1974: 23.
[34] См. Nota critica: Savonarola 1974: 381.
[35] A un amico … 1933: 91–103.
[36] См. текст бреве: *Виллари* 1995 (Т.1): 296.
[37] A un amico … 1933: 101.
[38] Savonarola 1974: 17–19, 118–119.
[39] См. Nota critica: Savonarola 1974: 380–381.

Итак, после изложения причин написания «Компендиума» Савонарола счел необходимым «вкратце пояснить способ пророческих откровений, чтобы каждый понял, как пророки узнают от Бога то, что проповедуют людям»[40]. Прежде всего, он указал читателям, что «пророком называют того, кто видит вещи, отдаленные от естественного познания», присущего всякому творению. К ним он отнес то, что возможно в будущем, а также связано с проявлениями свободной воли. Соответственно, сотворенный интеллект не может достоверно судить о грядущих событиях на основании их причин, поскольку не в силах предугадать, в какую сторону они, в итоге, склонятся. С этим положением была связана уже привычная для слушателей монаха критика предсказательной астрологии (astrologia iudicatoria), о чем, в т.ч. свидетельствует как упомянутая выше проповедь 13 января 1495 г., так и воспроизведенное в трактате повествование о «посольстве» Савонаролы в Рай, где вступивший в диалог с братом Дьявол высказывает одно из предположений противников доминиканца о том, что его «откровения» связаны с влиянием звезд и планет[41]. Из этих рассуждений следует утверждение: знание будущего – исключительное «свойство божественной премудрости», ибо только Господь «в вечности своего света» ведает прошлое, настоящее и будущее. Именно от Всевышнего эти знания обретают те, кого он избрал чтобы наделить «сверхъестественным светом», дающим возможность «причастности к Его вечности» и позволяющим судить о том, что откровения «истинны и от Бога»[42]. То, что надлежит знать и предсказывать пророку, открывается ему различными способами через содействие ангелов. Монах, ссылаясь на Св. Писание и свой опыт, выделяет три способа: первый – внутреннее озарение, обретение мудрости и знания (Соломон, пророк Давид); затем – формирование в воображении символов и видений (Валтасар и Даниил); и, наконец, речь, когда пророк «слышит внутри себя разные слова различных людей»[43].

Затем фра Джироламо переходит к пояснению своей миссии пророка. Прежде всего, он указывает на цель Бога – обновление современной Церкви. А поскольку во главе ее стоит кафедра апостола Петра в Риме, то и следующее заявление доминиканца выглядит вполне логичным: «Всемогущий Господь, видя умножение грехов в Италии, особенно в главах, как церковных, так и светских, не в силах более переносить этого, решил очистить свою Церковь через великое испытание». При этом, поскольку Всевышний не только справедлив, но и милосерд, он, согласно монаху, цитирующему Ветхий Завет, «*ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам* (Ам. 3:7)», дабы те способствовали спасению избранных[44]. Эта же мысль повторяется в трактате при воспроизведении проповеди на октаву Благовещения, где Савонарола отве-

[40] Savonarola 1974: 5.
[41] Savonarola 1969: 39–40; Savonarola 1974:32–34.
[42] Ibid: 6.
[43] Ibid: 7–8.
[44] Ibid: 8.

чает на следующие замечания Искусителя: почему избран именно он; неужели монах святее других; если в прежние времена Христос говорил со многими, то сейчас, когда есть значительное количество копий Св. Писания и трудов ученых богословов, в этом нет нужды. Приведя примеры выдвижения Петра и Павла в качестве первых среди апостолов, избрания Луки и Марка для написания Евангелий, а «идолопоклонника и дурного человека» Валаама – дабы пророчествовать о Христе и Церкви, Савонарола заключает, что и в его случае «никакого основания этому не может быть, но только Божественная воля», и что эти «безвозмездные дары (grazie gratis date[45]) скорее даются на благо других, а не для собственной выгоды». Также, отсылая паству к текстам Ветхого и Нового Завета, он в очередной раз замечает, что поскольку изменения во Вселенской Церкви всегда сопровождались великими испытаниями, как духовными, так и телесными, возникала необходимость «подготовить избранных Божиих и укрепить их в доброй жизни, чтобы для них это не оказалось неожиданностью», для чего Господь посылал пророков. Сходным образом и в настоящее время, когда «Церковь достигла дна, и Бог желает обновить ее через множество скорбей, появилась нужда посредством Своих слуг просветить об этом избранных, дабы они могли подготовиться и не оказались застигнутыми врасплох»[46]. Всевышний же, «среди прочих своих слуг», избрал «недостойного и бесполезного для этой обязанности» – Савонаролу, и приказал прибыть во Флоренцию в 1490 г. Выбор Богом города также не случаен. «…так как Флоренция находится в середине Италии, как сердце находится в центре тела, то (Он) соизволил избрать этот город, в котором возвещаются подобные вещи, чтобы через него они могли распространяться в другие места», – заявляет доминиканец, и таким образом связывает свою миссию с определенным политическим и культурным центром Италии[47].

Оказавшись в городе на Арно в 1490 г., Савонарола, по его словам, в течение всего года провозглашал народу три вещи: «во-первых, что Церковь должна обновиться в настоящее время; во-вторых, что перед этим обновлением Бог пошлет большое бедствие для всей Италии; третье, что это произойдет скоро»[48]. Последнее заявление стало одним из оснований для критики доминиканца его противниками. Современники оставили сообщения о том, что весной 1491 г. состоялась его публичная полемика с популярным в то время проповедником, которому оказывал особое покровительство Лоренцо Медичи, «монахом-еремитом» Мариано да Дженаццано, который в день Вознесения произнес в церкви Сан-Галло проповедь на новозаветный текст: «*Не ваше дело знать времена или сроки* (Деян. 1:7)»[49]. В «Компендиуме» Дьявол, представший также в

[45] О «дарованной благодати» см. у Фомы Аквинского (Сумма теологии. Часть II-I. Вопрос 111. О разделении благодати): Фома Аквинский 2010: 357–369.
[46] Savonarola 1974: 38–40.
[47] Ibid: 8.
[48] Ibid: 9.
[49] Cinozzi 1898:14–15; La Vita del beato Ieronimo Savonarola … 1937: 27–29.

образе еремита, обращаясь к фра Джироламо с вопросом: «Как ты можешь знать это время обновления Церкви», сопровождает его ссылкой на тот же текст Св. Писания. В ответ доминиканец, обратив внимание оппонента на окончание библейской фразы – «не наше дело знать времена и сроки, не все, а только те, которые Отец установил Своей властью», приводит примеры, когда «для Ноя было определено время потопа, для Иеремии – семьдесят лет пленения народа Израиля, а для Даниила – семьдесят две недели до пришествия Христа, и для многих других пророков были установлены времена, и они определенным образом их оглашали»[50]. Тема сроков исполнения пророчеств появляется и во время беседы Савонаролы с Девой Марией во время его пребывания в Раю. На вопрос, что ответить флорентийцам, желающим узнать, когда исполнятся обещанные Господом «милости», Дева советует говорить также как, когда он начал проповедовать близость бедствий для Италии: «…скажи и теперь: "Я говорю *скоро и быстро* (*cito et velociter*), и не определяю ни нынешний месяц апрель, ни июль, ни сентябрь, ни год, ни два, ни шесть, ни какое-либо другое точное время: но *скоро и быстро*"»[51].

Причину того, почему Всевышний, открыв своему пророку «конкретное время смерти Иннокентия VIII и Лоренцо Медичи и революции во Флорентийском государстве, которая… произойдет, когда король Франции будет в Пизе», о чем, по словам монаха, он поведал некоторым из своих близких, не пожелал указать точные сроки как испытаний, так и процветания города, Савонарола объясняет тем, что пророчество может быть «ограничено условием»[52]. Напомним, что «посол» Флоренции получил от Богородицы подтверждение обретения земных и небесных благ одновременно с указанием, что горожанам следует держаться веры, молитвы и терпения. А в продолжении беседы Дева просит передать флорентийцам, что дурные граждане «будут наказаны Богом, если не обратятся к покаянию», а добрые и праведные «обретут больше или меньше бедствий, …чем больше или меньше они будут жить как христиане, возвышать добродетели и изгонять пороки»[53]. Аналогичные рассуждения присутствуют и в предшествовавшей «Компендиуму» проповеди 13 января 1495 г., где брат, обращаясь к пастве, говорит: «И не смейся над этим *cito* (*скоро*), не говори, что оно похоже на *cito* Апокалипсиса, которое не наступает уже сотни лет. Поверь мне, это будет скоро… поверь, что время приближается; точно его назвать нельзя, поскольку того не желает Господь, дабы его избранные постоянно пребывали в страхе, вере и любви к ближнему, неизменно находились на пути Бога … и не насмехайтесь над этим *cito*, ибо говорю вам: если не сделаете того, что я сказал, горе Флоренции, горе народу, горе малому, горе великому»[54]. Таким образом, «откровение» без указания конкретных сроков его исполнения

[50] Savonarola 1974: 38–39.
[51] Ibid: 114–115.
[52] Ibid: 15–16; Savonarola 1969: 59.
[53] Savonarola 1974: 114.
[54] Savonarola 1969: 60–61.

связано с поощрением людей к покаянию и исправлению, и сопровождается характерным для пророков приемом – «*imprecatio*»[55], имеющим двойственное значение – либо проклятие, либо благословение, в зависимости от того, насколько народ будет следовать воле Бога.

Согласно утверждениям Савонаролы, в первые годы пребывания во Флоренции, он, из-за неподготовленности паствы, провозглашал грядущие события опираясь на толкование текстов Св. Писания и притч, основанных «на том, что в настоящее время наблюдается в Церкви», прибегал к помощи «рациональных доводов и различных сравнений». Затем, наблюдая постепенные улучшения в «расположении людей к вере», монах «иной раз представлял какое-либо видение, однако не говоря, что это было видение, но предлагая его в форме притчи»[56]. Избранный им путь не обходился без сомнений: противодействие и насмешки окружающих порождали «малодушные» мысли проповедовать обычным, общепринятым способом. Обращаясь ко времени начала великопостных выступлений в 1491 г. Савонарола пишет: «Я вспоминаю, как в первый Великий пост, когда я должен был проповедовать во Флоренции в Санта Репарата[57], уже подготовив проповедь для второго воскресенья, которая была составлена в такой манере, я решил оставить ее и более не проповедовать подобных вещей. Бог свидетель, что весь день субботы и всю ночь до утра воскресения я бодрствовал, но не мог никак обратиться к другому...; и утром, обессилев от продолжительного бдения, услышал голос, говоривший мне: “Глупец, ты не видишь, что это воля Божья, и что ты должен проповедовать подобным образом”. И таким образом, в это утро я произнес повергающую в трепет (spaventosa) проповедь»[58].

Вспоминая в выступлении перед паствой 13 января 1495 г. о том, к каким доказательствам он прибегал вначале для обоснования трех положений об обновлении Церкви, монах разделил их на вероятные (probabili) и убедительные (dimostrative), указав, что если первые можно оспорить, то вторые – нет, поскольку они основаны на Св. Писании; затем, обратившись к особенностям интерпретации образов (figure) Библии, пояснил, что ее текст обладает двумя смыслами – буквальным и мистическим, последний, в свою очередь, проявляется в аллегорическом, метафорическом и анагогическом толкованиях[59]. А в «Компендиуме», обращаясь к своему прежнему опыту предсказаний, он напоминает[60]: «те, кто постоянно меня слушал, знают, насколько Писание, которое я начал из-

[55] Turchetti 1998: 25.

[56] Savonarola 1974: 9, 11.

[57] Собор Санта Мария дель Фьоре был возведен на месте церкви Санта Репарата; в сочинениях горожан часто встречается именование собора прежним названием.

[58] Savonarola 1974: 9–10. Псевдо-Бурламакки пишет, что в тот день монах «произнес ужасающую (horribil) проповедь, к великой радости и страху слушателей». См.: La Vita del beato Ieronimo Savonarola … 1937: 23.

[59] Savonarola 1969: 42–43, 46. См. также: Топорова 2011: 209–227.

[60] В связи с этим А.В. Топорова отмечает, что случае Савонаролы «порой создается впечатление, что едва ли не любую цитату из Священного Писания можно интерпретировать в желательном для проповедника смысле». См. Топорова 2011: 210.

лагать, всегда было актуально для нашего времени». Более того, доминиканец указывает на «поразительное для сведущих и ученых людей» обстоятельство, связанное с его проповедями на Книгу Бытия: «начав проповедовать … в 1491 году и продолжая до 1494 года во время всех Рождественских и Великих постов», он «никак не мог достигнуть потопа, но только когда наступили эти испытания»; накануне похода Карла VIII в Италию он «весь Рождественский и Великий пост 1494 года употребил на в тайну изготовления Ноева ковчега»; «затем снова стал проповедовать в сентябре, в день святого апостола Матфея, и продолжил текст с того места, где я остановился, то есть: *И вот, Я наведу на землю потоп водный* (Быт. 6:17) и проч., ибо уже было общеизвестно, что король Франции со своими людьми вошел в Италию». Вся эта история, как утверждает фра Джироламо, привела в тому, что «многие … в смятении признали, что этот пример из Книги Бытия был постепенно передан посредством Божественного вдохновения». Таким образом, он, во-первых, стремится показать, что Бог говорил его устами посредством Писания, даже когда он не решался открыто демонстрировать свой пророческий дар; во-вторых, указывает на то, что осуществление предсказанных событий во второй половине 1494 г. позволило стать «более откровенным» с паствой в том, что он «обрел видение предстоящих вещей от света иного, нежели только знание Св. Писания». Савонарола напоминает, что в то время часто повторял уже исключительно «вдохновленные небесами» слова: «*Так говорит Господь Бог: Меч Господень на землю скоро и быстро*», однако, не раскрывая полностью видения, во время которого они были обретены[61].

Обращаясь к ситуации осени 1494 года фра Джироламо замечает: «Когда приближались король Франции и революция во Флорентийском государстве, хотя я и видел над городом Флоренцией меч и много пролитой крови, все же, принимая во внимание, что Бог избрал ее, чтобы услышать все эти предсказания, меня посетила великая надежда, что это пророчество ограничено условием, и, если они покаются, Господь простит их хотя бы частично»[62]. В итоге сбылось и это ожидание, утвердившее Савонаролу в статусе пророка избранного Богом города, ибо «каждый человек может быть свидетелем того, что милосердие Божие избавило флорентийский народ от величайших опасностей»[63].

Исполнение оглашенных ранее прорицаний позволило монаху открыто вещать от имени Господа, в том числе раскрывая пастве видения, по его словам, не извлеченные из Писания, но «вновь сошедшие с небес»: о Мече – очистительных испытаниях для Италии и Флоренции; о двух Крестах над Римом и Иерусалимом – обновлении Церкви; о «посольстве» в Рай для подтверждения обещанных Флоренции земного процветания и вечного спасения. Запись означенных откровений в «Компендиуме» также сопровождалась мыслью: все, «что еще не про-

[61] Savonarola 1974: 10–11.
[62] Ibid: 15–16.
[63] Ibid: 21.

изошло и было предсказано, несомненно, сбудется таким образом, о каком было сказано», ни отклонившись ни на йоту[64].

Поскольку конечная цель Всевышнего – преобразование современных христиан, а особая роль в осуществлении божественного плана отведена Флоренции, реформа Церкви и милости, обещанные горожанам, толкуются доминиканцем как «*profezia assoluta*» – пророчество, которое исполнится в любом случае. Господь, как разъяснял читателям трактата Савонарола, может наделить своего посланника знанием таких вещей, которые «неизменно присутствуют в его вечности», то есть «пророчеством предвидения или предопределения (*profezia di prescienzia ovvero di predestinazione*)». В этом случае «Бог непременно предоставит должные средства», с помощью которых цель будет достигнута, несмотря на все препоны и противодействие[65]. Вместе с этим «способом» прорицаний Савонарола указывает на другой – «условное пророчество (*profezia condizionata*)», когда «предсказанные вещи произойдут, если не изменится характер причин»[66]. Его фра Джироламо имел в виду, когда в проповеди на Аггея 16 ноября 1494 г. указывал прихожанам, что Господь через своих пророков «всегда говорит: *при условии* (sub conditione) – "Если ты сделаешь"»[67]. Действительно, монах постоянно обращается к пастве в условном наклонении: «так будет, если они сделают то-то и то-то». К уже приведенным выше примерам добавим еще один, где «абсолютное» пророчество сочетается с «условным». Завершая «Компендиум», доминиканец заявляет: «Также, неоднократно удостоверяемый божественным светом, я публично повторял, что то, что было обещано городу Флоренции, **в любом случае исполнится**, *даже* если весь мир будет против этого. И **если** флорентийцы продолжат и усовершенствуют свою добрую жизнь, чему они уже положили начало, **то** они, во-первых, уменьшат большую часть своих невзгод, которые должны наступить прежде их утешений; во-вторых, намного приблизят явление обещанных им милостей (le grazie); в-третьих, к ним будут причастны они и их дети, хотя, скорее их дети, чем они: ибо, **хотя описанные выше милости были безусловно обещаны городу Флоренция, они не были все же обещаны какому-либо конкретному лицу**»[68]. Как видим, *profezia condizionata* не отменяет «пророчество предопределения», но относится преимущественно к отдельным ситуациям, либо к конкретным людям. К этому «способу» Савонарола прибегает, призывая следовать воле Господа граждан Флоренции – в проведении политических и духовных реформ, короля Франции – в осуществлении миссии инструмента божественного правосудия, каждого христианина – в культивировании индивидуального благочестия, которое в итоге приведет к преображению общего «тела» Церкви. Кроме того, исходящий от Бога призыв

[64] Ibid: 19, 54–55, 122–123.
[65] Ibid: 113, 119–120.
[66] Ibid: 120.
[67] Savonarola 1965: 88.
[68] Savonarola 1974: 121–122.

к действию усиливается упомянутым выше приемом *imprecatio*, что позволяет фра Джироламо обозначить его для читателей «Компендиума» как «пророчество, обусловленное угрозой или обетованием (*profezia condizionata di comminazione ovvero di promissione*)»[69].

Итак, Савонарола был твердо убежден и стремился уверить окружающих, что его пророчество – результат божественного вдохновения. Вместе с упомянутым выше исполнением прорицаний одним из действенных доказательств, к которым он прибегал, являлось указание на «плоды» практикуемой им «манеры проповеди», основанной на «простоте» и пророчествах. Монах неоднократно рассуждает об этом, общаясь с Искусителем. Например, на замечание Дьявола, что он «заблуждается в простоте», ибо «желая обратить народ от порока к добродетели, предсказал многие скорби и лживо обещал многие блага», фра Джироламо отвечает, что «простота в высшей степени угодна Богу», и что не может быть, чтобы «посредством лжи я произвел плоды в проповедях». В другом месте диалога он утверждает, что «по результатам познается причина (Бог – Е.Т.)», а «от этих проповедей и способа проповедования, вышел величайший плод в душах»[70]. Вместе с тем, заявляя о себе как об устах Господа, монах в период написания «Компендиума» не противопоставлял себя институту Церкви, всячески демонстрируя свою связь с ним и подчиненность Римской курии. В том же диалоге с Искусителем он говорит: «… мне не нужно доказывать свою миссию чудесами или Писанием, поскольку общеизвестно, что я послан моими начальниками, и не утверждаю, что послан только Богом, а не ими; и они не могут справедливо (iustamente) называть меня еретиком…; что касается меня, не знаю, чтобы когда-либо говорил или писал то, что противоречит учению Христа и Церкви; и во всем, что я сказал и написал в прошлом, и что буду говорить и писать в будущем, я подчиняюсь исправлению Святой Римской Церкви и готов также предстать перед всяким для исправления во всем, в чем я заблуждаюсь»[71]. Донося пастве мысль о том, что пророчество – это не только и не столько предсказание грядущих событий, сколько объявление воли Всевышнего, ведущего народ к реформированию и конечной цели – вечному спасению, Савонарола не указывал точные сроки исполнения прорицаний, обосновывая это тем, что божественная справедливость связана с милосердием, а потому у всякого есть возможность либо следовать по пути Господа – покаяться и преобразоваться, либо продолжать грешить. Здесь стоит обратить внимание на то, что и «*profezia assoluta*», и «*profezia condizionata*» предполагали наличие свободной воли человека. При этом двойственность пророческого *imprecatio* (благословение / проклятие), – неизменно сопровождавшего «откровения» Савонаролы, – увеличивала силу воздействия «условного пророчества» на окружающих, и таким образом выступала мощным средством убеждения при проведении политических и нравственных реформ, приближая или

[69] Ibid: 120.
[70] Ibid: 31, 71–72.
[71] Ibid: 47.

отдаляя исполнение пророчества, в том числе «абсолютного». В целом, можно заключить, что «пророчество предвидения или предопределения» о судьбе Флоренции и об обновлении христианского мира, должно было в условиях внутренней и внешней нестабильности наделить современников уверенностью в благоприятном исходе реформирования общего «тела» города (Церкви), в то время как «условное пророчество» – стать стимулом к индивидуальному или коллективному действию.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Акопян О.Л. Волки в овечьих шкурах: «Рассуждения против прорицательной астрологии» и ренессансная мысль Италии конца XV – начала XVI в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 256 с. [Akopyan O.L. Volki v ovech'ih shkurah: «Rassuzhdeniya protiv proricatel'noj astrologii» i renessansnaya mysl' Italii konca XV – nachala XVI v. (Wolves in Sheep's Clothing: the Disputationes adversus astrologiam divinatricem and Italian Renaissance Thought in the late XVth – early XVIth cc.). Moscow; St Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. 256 p.].

Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. В 2 т. в 1 кн. М.: Ладомир, 1995. 929 с. [Villari P. Dzhirolamo Savonarola i ego vremya. V 2 t. v 1 kn. (Life and Times of Girolamo Savonarola. In 2 Vol. 1 book.). Moscow: Ladomir, 1995. 929 p.].

Гвиччардини Ф. История Флоренции // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Брагиной. СПб.: Алетейя, 2002. С. 72–140. [Gvichchardini F. Istoriya Florentsii (Guicciardini F. The History of Florence) // Sochineniya velikikh ital'yantsev XVI v. / introd., comments by L.M. Bragina. St. Petersburg: Aleteiya, 2002. P. 72–140].

Топорова А.В. Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 381 с. [Toporova A.V. Propoved' i propovedniki v Italii: ot Srednih vekov k Vozrozhdeniyu (Preachers and Preaching in Italy: From the Middle Ages to the Renaissance). Moscow: TEZAURUS, 2011. 381 p.].

Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 90–114. Киев: Ника-Центр, 2010. 432 с. [Foma Akvinskii. Summa teologii. Chast' II–I. Voprosy 90–114 (Sancti Thomae Aquinatis. Summa Theologiae. Pars Prima Secundae. Quaestiones 90–114 / Thomas Aquinas. Summary of Theology. Part II–I. Questions 90–114). Kiev: Nika-Tsentr, 2010. 432 p.].

A un amico [Firenze, 1495] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 91–103.

Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatoruìn S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrarla, fratri lacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 1–28.

Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa, 1452–1494. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. CXCIII, 366 pp.

Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495. Torino, 2009. 560 p.

Cordero F. Savonarola. Vol. 3. Demiurgo senza politica, 1496–1497. Torino, 2009. VIII, 668 pp.

Cordero F. Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498. Torino, 2009. VIII, 823 pp.

Fubini R. Profezia e riforma nel pensiero di Girolamo Savonarola // Studi slavistici. VII. 2010. P. 299–311.

Fubini R. Savonarola riformatore. Radicalismo religioso e politico all'avvento delle guerre d'Italia // Archivio Storico Italiano. Firenze: Leo S. Olschki, 2009. Vol. 167. № 3 (621). P. 489 –520.

Garfagnini G.C. Il messaggio profetico di Savonarola e la sua recezione Domenico Benivieni e Gianfrancesco Pico // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 197 – 211.

Garfagnini G.C. Introduzione // Violi L. Le giornate / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: L. S. Olschki, 1986. P. I–LXIX.

Garfagnini G.C. La luce dell'anima. Savonarola e la profezia // I castelli di Yale. Quaderni di filosofia. 2006. Vol. VIII. P. 45–59.

La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e gia attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 pp.

Landucci L. Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. XV, 377 pp.
Leonardi C. Jérôme Savonarole et le statut de la prophétie dans l'Église // Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Age. 1990. T. 102. № 2. P. 589–596.
Leonardi C. La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola // Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. P. 3–23.
Prodi P. Profezia vs utopia. Bologna, 2013. 251 p.
Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. 476 p.
Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della citta di Firenze / a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p.
Savonarola G. Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1969. Vol. 1. 305 p.
Turchetti M. Savonarola: la tirannide secondo un profeta // Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. P. 17–41.
Vasoli C. A proposito delle tradizioni profetiche e millenaristiche nella storia religiosa italiana tra la fine del Quattrocento e gli inizi del Cinquecento // Vasoli C. Civitas mundi: studi sulla cultura del Cinquecento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1996. 17–42.
Vasoli C. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Convegno polacco-italiano, Varsavia: 25-27 settembre 1972. Wroclaw, Warszawa etc., 1974. P. 16–29.
Venturelli P. Girolamo Savonarola e la sua predicazione «repubblicana». Appunti e considerazioni // Bibliomanie. Letterature, storiografie, semiotiche. 2009. 17. № 3 (aprile/giugno). Electronic source: https://www.bibliomanie.it/?p=7724
Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. VIII, 399 pp.
Weinstein D. The Myth of Florence // Florentine Studies. Politics and Society in the Renaissance Florence / ed. by N. Rubinstein. London, 1968. P. 15–44.

***Тельменко Елена Павловна**, доктор исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет; teilman@mail.ru*

«The Compendium of Revelations» by Girolamo Savonarola The Prophecy as a Tool of Transformation

The analysis of «The Compendium of Revelations» in the article is limited to questions concerning Savonarola's reflection on his own mission, as well as on the essence of prophecies and «methods» of transmitting divine will, as a means of not only convincing, but also to a certain extent forcing others to reforms. The text of «The Compendium» testifies to the fact that the monk himself was firmly convinced and sought to assure others that his prophecy was the result of divine inspiration, a «gratuitous gift». Savonarola sought to convey to his flock the idea that «revelations» are not only and not so much a prediction of future events, as an announcement of the will of the Almighty, leading the people to correction and the final goal – eternal salvation. The Dominican practiced two «methods» of prophecy: «*profezia assoluta*», which would be fulfilled in any case and «*profezia condizionata*», «conditioned by a threat or promise», where the call from God was strengthened by the technique of *imprecatio* (blessing/curse). It appears that the «absolute prophecy» about the fate of Florence and the renewal of the Christian world was supposed to give the monk's contemporaries confidence in a favorable outcome of the reform of the general «body» of the city (the Church), and the «conditional» one was supposed to give impetus to collective and individual actions.

***Keywords:** Girolamo Savonarola, Italy, Florence, the reform, «Compendium of Revelations», the prophecy («profezia assoluta», «profezia condizionata»), imprecatio.*

***Elena Telmenko** Dr. Sc. (History), Associate Professor, North-Caucasus Federal University; teilman@mail.ru*

М.А. Ковалёв

Э. БЁРК И ВИГИ РОКИНГЕМА В ПОЛЕМИКЕ О ГЕРБОВОМ АКТЕ 1765 ГОДА

В статье представлен анализ взглядов британского просветителя и политика XVIII в. Э. Бёрка и его единомышленников из фракции маркиза Рокингема на проблемы колониальной политики Великобритании в Северной Америке в середине 1760-х гг. Опираясь в основном на материалы парламентских дебатов, автор пришел к выводу, что точка зрения будущего «родоначальника консерватизма» фактически не отличалась от идей его современников-вигов. Политический язык вигов-рокингемитов демонстрировал общие для «политического класса» Британии того времени паттерны. Анализ парламентских речей «чатэмитов», «гренвиллитов», «рокингемитов» и даже «старых тори» не выявил принципиальных расхождений между предшественниками либералов, консерваторов и радикалов – ведущих идеологий следующего, XIX века. По мнению автора, эволюцию взглядов Бёрка, прослеживаемую, как правило, по нарративным источникам, следует рассматривать с учётом идейно-политического контекста, материал для которого могут предоставить парламентские документы.

Ключевые слова: *Э. Бёрк, Гербовой акт, Ч. Рокингем, консерватизм, либерализм, виги. У. Питт Старший, Георг III, Американские колонии.*

Эдмунд Бёрк (1729–1797) – один из интереснейших интеллектуалов в истории политической мысли, над загадкой которого бьётся не одно поколение историков. Философ и политик, чей способ рассуждения вполне укладывается в парадигму Просвещения, но в то же время считающийся (задним числом) основоположником консерватизма. Защитник свободной торговли и прав американских колонистов, большую часть политической карьеры проведший в оппозиции. В то же время он первым осудил Французскую революцию, назвав ее заговором[1], и, расколов партию вигов[2], оказывал давление на британское правительство с целью вовлечения Англии в коалиционные войны.

Важнейшие произведения Бёрка, касающиеся Французской революции и её последствий, вышли в конце его жизни. В них авторская мысль предстаёт уже чётко сформулированной в своём окончательном виде. Тогда как основная часть политической карьеры Бёрка (отсчитываемая либо с публикации в 1756 г. памфлета «Защита естественного общества», либо с избранием в парламент в декабре 1765 г.), оказывается вне проблематики консерватизма и либерализма. На наш взгляд, большой потенциал для исследования имеет сосредоточение именно на его практической работе по проведению в жизнь своих принципов при абстрагировании от разрозненных политико-философских суждений

[1] Бёрковская теория заговора, как правило, не акцентировалась в историографии. А.В. Чудинов объявил его конспирологические высказывания «метафорой» (Чудинов 1996: 72–73.). Более убедительной представляется версия Э. Найджела, который проанализировал роль Бёрка в секуляризации средневековой теории заговора путём перекладывания ответственности за «смуту» с пуритан – на деистов (Nigel 2017: 213–232). Как бы то ни было, ближайшие сподвижники Бёрка понимали заговор против монархии и церкви самым буквальным образом. См.: Ковалёв 2024: 222.

[2] O'Gorman 1967: XIV–XV.

мыслителя. Только повседневная работа в парламенте позволяет увидеть непосредственный контекст бёрковских изысканий[3]. В свете вышеозначенного период жизни Бёрка, связанный с началом его присутствия в парламенте, представляет особенный интерес. Поддержав правительство своего патрона маркиза Ч. Уотсон-Уэнтворта, 2-го маркиза Рокингема (1765–1766), просветитель принял участие в дебатах вокруг вопросов, касающихся колониальной политики. Центральное место среди них занимала в тот период полемика об Акте о гербовом сборе.

Политический дебют Бёрка не случайно оказался связан с колониальными вопросами. Парижским миром 1763 г. завершилась Семилетняя война. Её непосредственными итогами стали не только громадные территориальные приобретения Великобритании, главным образом в Индии и Северной Америке, но и развитие в стране негативных тенденций. Финансовый кризис подрывал персоналистский режим, основанный на патронаже, который выстраивал вступивший в 1760 г. на престол Георг III. Сама же Британия, по словам В.В. Грудзинского, превратилась тогда в межконтинентальную державу. Новый масштаб проблем требовал новых подходов к их решению, к чему правительство было не готово[4]. Таков контекст, в котором Бёрк впервые проявил себя как политик, произнеся свою первую речь 17 января 1766 г.[5]

«Колониальную» проблематику Бёрка, как и всё его творчество, рассматривали с разных позиций. Взгляды исследователей можно сгруппировать, соотнеся их с несколькими концепциями. Первую можно обозначить как классический либерализм. Её придерживаются Н. Диркс, который указывает на борьбу Бёрка с попытками государственного регулирования деятельности компаний, и П. Маршалл, считающий Бёрка противником Навигационного акта[6]. Другую, традиционалистскую теорию, развивают О'Нил, Д. Фидлер и Дж. Уэлш. Если первый вменяет Бёрку идею государства как источника монополий и гаранта привилегий для компаний, то два последних соавтора рассматривают понимание им британских свобод как разновидности национальной традиции[7]. Дифференцированный подход отличает работу Ф. Уэлена: по его мнению, Бёрк не возражал против свободы торговли, пока деятельность компании не выходила за чисто коммерческие рамки[8]. Наибольшую логичность и аргументированность следует признать за позицией британо-ирландского учёного Р. Борка, чья теория близка к модели органицизма: по его словам, взгляд Э. Бёрка на Британскую империю сформировался в полемике с либеральным подходом У. Питта Ст. и представлял собой иерархическую систему субгосударств[9]. Следовательно, основной предмет дис-

[3] В парадигме Кембриджской школы интеллектуальной истории именно контексту историки политической мысли придают определяющее значение. Skinner 1969: 3.
[4] Грудзинский 2015: 122.
[5] Cowie 1994: 12.
[6] Dirks 2006: 60; Marshall 2019: 121.
[7] O'Neil 2016: 50; Fidler 1999: 14.
[8] Whelan 1996: 33–34.
[9] Bourke 2015: 281–282.

куссий составляет наличие или отсутствие оригинальной точки зрения у Бёрка в период, когда он примыкал к вигской оппозиции королю.

Злополучный Акт о гербовом сборе был принят 22 марта 1765 г. в министерство Дж. Гренвилла, одного из фаворитов короля. Новый закон облагал продажу всей печатной продукции и оформление документов специальным «штемпельным налогом»[10]. Он вызвал бурю возмущения в британских владениях по обе стороны Атлантики. Парламентские баталии по поводу Акта возобновились 3 февраля 1766 года. В тот период, (июль 1765 – июль 1766 г.) пост премьер-министра занимал маркиз Рокингем. Другие крупные политические силы представляли Дж. Гренвилл и У. Питт Ст. – предшественник и преемник Рокингема на министерском посту соответственно. Всю палитру мнений по вопросу гербового налога можно поделить на три группы исходя из степени лояльности к сопротивлявшимся колонистам. Наиболее непримиримые позиции занимал Гренвилл, поддержанный Э. Наджентом и Х. Стенли. Позиция Гренвилла носила вполне реакционный характер: бунт непростителен, его следует подавить, а участников мятежа – примерно наказать. Стенли указывал на необходимость поддерживать достоинство британской конституции. Ведь население колоний по закону обязано содержать свои войска. Наджент высказал остроумное суждение, что колонисты унесли с собой из Англии привилегии, однако обязанности оставили на старой родине. Примечательно, что оратор назвал их эмигрантами, видимо, намекая на преимущественно пуританское вероисповедание[11].

Умеренную группу политиков занимала фракция рокингемитов. Один из её видных представителей, Ч. Йорк, развернул блестящую аргументацию против Акта с позиций здравого смысла: коль скоро закон не может быть приведён в исполнение, его следует отменить. Но он исходит не из принципа защиты прав колонистов – напротив, его интересуют права Вестминстерского парламента. Общины, утверждает он, должны свободно выполнять свои функции. Всё, что им мешает, включая несправедливые законы, нужно устранить, т.е. британское правительство само должно ликвидировать наибольшие злоупотребления раньше, чем это сделают его противники. Канцлер казначейства У. Доудсвелл, в свою очередь, добавил, что право вводить налоги, как и отзывать колониальные хартии, остаётся за парламентом, однако Акт в данной ситуации выгоднее отменить. К фракции Рокингема неожиданно примкнул видный юрист У. Блекстон, в то время занимавшийся составлением своих фундаментальных «Комментариев к английским законам». Определив себя в речи как тори, Блекстон, тем не менее, отказал британском правительству в праве ввода налогов именно на основании английских законов.

У Э. Бёрка наиболее четко среди единомышленников проводится идея разделения принципа суверенитета Британии и частный вопрос о налогообложении. В целом разделяя взгляды своих соратников, он особенно подчеркнул необходимость сохранить честь британского прави-

[10] An act for granting and applying certain stamp duties… // The Statutes at Large. 1765: 179-204.
[11] Walpole 1845: 279, 280–281.

тельства. Для чего необходимо занять выжидательную позицию и принимать только взвешенные решения[12].

Совсем небольшая группа депутатов отстаивала права американских поселенцев как таковых, в их числе – известный оппозиционер У. Бекфорд Старший. Его возмутило в речах коллег главным образом отсутствие апелляции к праву и справедливости. Ведь согласно доктрине классического либерализма, закон представляет лишь внешнее выражение права. Тогда как современники оратора рассматривали привилегии тех или иных институций как самостоятельную силу. Вот почему некоторые учёные возводят либерализм не к фракции вигов, а к движению радикалов XVIII в., берущего начало от Дж. Уилкса и, собственно, Бекфорда Ст.[13] Поддержку ему составил лорд Ф. Кемпбелл, представитель шотландского рода Аргайлов, известного давними вигскими симпатиями. Шотландский аристократ отметил возможность полного нивелирования прав колонистов в условиях сговора короны с парламентом[14].

В феврале-марте 1766 г. обсуждение Акта продолжалось с неутихающей силой. Повод к новым столкновениям в парламенте давали беспорядки на Североамериканском континенте. 7 февраля Г. Сеймур-Конвей, государственный секретарь Южного департамента и ярый противник Акта, выступил с речью, в которой отметил ужасающее положение в американских колониях. На что Ч. Гренвилл заявил о намерении отправить к королю обращение с просьбой отдать приказ усмирить восстания, тем самым принудив местных жителей к исполнению актов парламента. Ч. Тауншенд, сторонник У. Питта Ст. и будущий канцлер казначейства в целом поддержал идею обращения, хотя и оспорил последние слова Гренвилла, которые можно было истолковать как поддержку Акта о гербовом сборе. Такое опасение разделяли Ч. Йорк, Э. Бёрк и др. Что же касается самого Питта, он высказался против послания королю.

Позднее предложение Г. Эллиота смягчить Акт, не отменяя его, было поддержано его покровителем Гренвиллом. Бёрк высмеял эту инициативу[15]. Автор мемуаров о жизни парламента того времени Х. Уолпол не конкретизирует, в чём именно заключалась насмешка Бёрка. Однако о её характере можно судить по аналогичному случаю, относящемуся к обсуждению ограничения американской торговли в конце апреля, когда Гренвилл, назвав Навигационный акт 1651 г. «священным», сразу же предложил внести в него изменения. За что удостоился издевательств Бёрка, Бекфорда и Доудсвелла. Если Бекфорд тем самым оспаривал существование вечных, оторванных от людей законов, то двое других, очевидно, полагали, что священные порядки не могут быть изменены[16].

Детализировать представление Бёрка об Акте о гербовом сборе может его корреспонденция. 9 февраля 1766 г., в разгар дебатов, он по-

[12] Ibid.: 277, 279–280.
[13] Семёнов 2017: 134–135.
[14] Walpole 1845: 279–280.
[15] Ibid. P. 283.
[16] Ibid. P. 316.

лучил от видного купца из Глазго Арчибальда Хендерсона[17] письмо, где купец жалуется на то, что разорение американских колонистов, сделав их неоплатными должниками, нанесёт удар по торговле в самой Британии. Хендерсон указывает, что правительство может назначить собственных судий в Шотландию, но кто в таком случае обеспечит выполнение их решений?[18] Тем самым, американская и шотландская проблемы оказываются тесно связаны в рамках единого имперского «тела» Великобритании. Такое положение прекрасно осознавал Бёрк, указывая в письме к своему другу и многолетнему корреспонденту Ч. О'Хара, что ирландские свободы охраняются по ту сторону Атлантики[19].

Отмена Гербового акта 18 марта 1766 г. вызвала всеобщее ликование не только среди американских купцов Лондона, но и простых горожан. По крайней мере, так рисует ситуацию в своём журнале сам парламентарий[20]. Казалось бы, позиция Э. Бёрка отлично вписывается в позднейший нарратив об «основоположнике консерватизма». Она учитывает и элементы традиционного мышления. Законы при таком понимании есть данные Богом непреложные истины, а государство – исторические сложившееся «напластование» учреждений, каждое - со своими корпоративными привилегиями. Чему не противоречит и гибкое отношение властей к интересам подданных. Но так ли велики различия в политическом языке двух вигских фракций – Питта Ст. и рокингемитов?

Знаменитая речь Питта 14 января 1766 г. (она носит неформальное название «Нет налогов без представительства!») акцентирует взаимосвязь граждан и государства, действующего от их имени. Но это слишком общее описание взглядов «великого коммонера». Как и большинство его противников, в своей речи он настаивает на суверенитете и верховенстве правительства Великобритании. Его аргументация – чисто юридическая, апеллирующая к законам и привилегиям, а не к правам человека. Уэльс не облагался налогом, пока не был инкорпорирован в государственное тело, указывает Питт. Так следует поступать и с Америкой. Колонии имели конституционные права исторически, а со времён Вильгельма III – непрерывно[21]. И само употребление термина «коллективное тело» применительно к Британской империи намекает на корпоративное понимание Питтом права[22]. Освободительная же риторика была характерна и для торийских публицистов начала XVIII века (Дж. Свифта, Г. Болингброка). Обратившись к официальным государственным документам того времени, мы увидим аналогичную картину. Декларативный акт от 18 марта 1766 г., дополнявший указ об отмене

[17] Burke 1887: 266. Члены фракции Рокингема ввели практику обмена информацией между парламентариями и представителями коммерческого класса.
[18] Henderson A., mr., to Edm. Burke, esq. // Burke 1844: 100–101.
[19] Burke E. To Charles O'Hara. 31 Dec. [1765] // Burke 1984: 217.
[20] The Annual Register, For the Year 1766. L. 1767. P. 77.
[21] Очевидно, парламентарий имеет в виду сокращение прав колоний в период правления Якова II Стюарта (1685–1688). См.: Соколов 2019: 134.
[22] Pitt W. The American Stamp Act // The Speeches… 1848. P. 77.

Акт о гербовом сборе, в своей преамбуле настаивал на верховенстве британской власти, постулировал зависимое положение колоний и указывал на недопустимость узурпации местными ассамблеями прерогатив Вестминстерского парламента[23]. Сам же Акт об отмене мотивирует снятие налогообложения именно неудобствами для коммерции Великобритании, а не незаконным или неправовым его характером[24].

Откуда же такое совпадение мотивов и аргументов не только представителей «партии двора», но и различных групп оппозиции с казённой терминологией? По-видимому, расхождение политических ценностей ранних либералов и консерваторов, по меньшей мере в середине XVIII века, следует считать преувеличенным. Большинство политиков применяли приблизительно общий набор идей и понятий, утилитарно используя их в целях личной и групповой схватки за власть. С этой точки зрения, взгляды «оппозиционного вига» У. Питта Ст. и «государственного вига» Э. Бёрка не имели принципиальных различий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Грудзинский В.В. Имперская проблема и англо-ирландская уния 1801 года // Вестник Челябинского государственного университета, 2015, № 24 (379). История. Вып. 66. С. 122–136. [Grudzinskij V.V. Imperskaja problema i anglo-irlandskaja unija 1801 goda (The Imperial problem and the Anglo-Irish Union of 1801) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, № 24 (379). Istorija. Vyp. 66. S. 122–136.]

Ковалёв М.А. Уильям Уиндхэм и полемика в партии вигов вокруг Французской революции (1792–1793 годы) // Британские исследования / С.Н. Гаврилов (ред.). Вып. VIII. М. 2024. С. 213–228. [Kovaljov M.A. Uil'jam Uindhjem i polemika v partii vigov vokrug Francuzskoj revoljucii (1792-1793 gody) (William Wyndham and the Whig Party controversy surrounding the French Revolution (1792-1793)) // Britanskie issledovanija / S.N. Gavrilov (red.). Vyp. VIII. M. 2024. S. 213-228.]

Семёнов С.Б. Национальная ассоциация и движение за парламентскую реформу в Англии в XVIII в. // Политические партии Англии. (Монография в честь Татьяны Леонидовны Лабутиной). СПб. 2017. С. 120–135. [Semjonov S.B. Nacional'naja associacija i dvizhenie za parlamentskuju reformu v Anglii v XVIII veke (The National Association and the Movement for Parliamentary Reform in England in the 18th c.) // Politicheskie partii Anglii. (Monografija v chest' Tat'jany Leonidovny Labutinoj). SPb. 2017. S. 120–135.]

Соколов А.Б. Правь, Британия, морями? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб. 2019. [Sokolov A.B. Prav', Britanija, morjami? Politicheskie diskussii v Anglii po voprosam vneshnej i kolonial'noj politiki v XVIII veke. (Rule, Britannia, the waves? Political discussions in England on foreign and colonial policy in the 18th century.) SPb. 2019.]

Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции. Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М. 1996. [Tchudinov A.V. Razmyshlenija anglichan o Francuzskoj revoljucii. Je. Bjork, Dzh. Makintosh, U. Godvin. (Reflections of the British on the French Revolution. E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin) M. 1996.]

An act for granting and applying certain stamp duties, and other duties, in the British colonies and plantations in America, towards further defraying the expences of defending, protecting, and securing the same; and for amending such parts of the several acts of parliament relating to the trade and revenues of the said colonies and plantations, as direct the manner of determining and recovering the penalties and forfeitures therein mentioned // The Statutes at Large. From Magna Charta to the End of the Eleventh Parliament of Great Britain. Vol. XXVI. L. 1765. P. 179-204.

An Act for the better securing the Dependency of His Majesty's Dominions in America upon the Crown and Parliament of Great Britain // The Statutes at Large. Vol. XXVII. L. 1767. P. 19–20.

[23] An Act to repeal an act made in the last session… // The Statutes at Large… 1767. P. 19.

[24] An Act for the better securing the Dependency of His Majesty's Dominions in America upon the Crown and Parliament of Great Britain // Ibid. Pp. 19–20.

An Act to repeal an act made in the last session of parliament, titled… // The Statutes at Large. Vol. XXVII. L. 1767. P. 19.
Bourke R. Empire and Revolution. The Political Life of Edmund Burke. Princeton; Oxf. 2015.
Burke E. A short account of a late short administration // Burke E. The Works of the Right Honourable Edmund Burke. Vol. I. L. 1887. P. 266.
Burke E. to Charles O'Hara. 31 Dec. [1765] // Selected letters of Edmund Burke. Chicago. 1984. P. 217.
Cowie L. W. Edmund Burke. 1729-1797. A Bibliography. Westport; L. 1994.
Dirks N.B. The Scandal of Empire. India and the Creation of Imperial Britain. Cambr.; L. 2006.
Fidler D. P., Welsh J. M. Introduction // Edmund Burke's Writings and Speeches of International Relations / Ed.by D. P. Fidler, J. M. Welsh. Boulder. 1999.
Henderson A., mr., to Edm. Burke, esq. // Burke E. Correspondence of the Right Honourable Edmund Burke. In 2 vols. Vol. I. L. 1844. Pp. 99–101.
Marshall P. J. Edmund Burke and the British Empire in the West Indies. Wealth, Power and Slavery. Oxf. 2019.
Nigel A. Burke and the Conspiratorial Origins of the French Revolution // Conspiracy and conspiracy theory in Early Modern Europe. From the Waldensians to the French Revolution / ed. by B. Coward and J.Swann. N.Y. 2017. Pp. 213–232.
O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. N.Y. 1967.
O'Neil D. Edmund Burke and the Conservative Logic of Empire. Oakland. 2016.
Pitt W. The American Stamp Act // The Speeches of the Right Honourable the Earl of Chatham in the Houses of Lords and Commons. With a Biographical Memoir, and Introductions and Explanatory Notes to the Speeches. L. 1848. Pp. 66–79.
Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. Vol. 8, № 1 (1969). Pp. 3–53.
The Annual Register, For the Year 1766. L. 1767.
Walpole H. Memoirs of the reign of king George the Third. Vol. II. L. 1845.
Whelan F. G. Edmund Burke and India. Political Morality and Empire. Pittsburgh. 1996.

Ковалёв Максим Александрович, *к.и.н., доцент, доцент кафедры истории, археологии и краеведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; mkovalyov.89@mail.ru*

E. Burke and the Rockingham Whigs in the controversy over the Stamp Act of 1765

The article presents an analysis of the views of the British educator and politician of the 18th c. E. Burke and his associates from the faction of the Marquis of Rockingham on the problems of the colonial policy of Great Britain in North America in the mid. 60s of the 18th century. Relying mainly on the parliamentary debates, the author determined the positions that Burke defended during the political struggle. The point of view of the future "founder of conservatism" was no different from the ideas expressed by his Whig contemporaries. The political language of the Rockinghamite Whigs demonstrated patterns common to the "political class" of Britain at that time. An analysis of the parliamentary speeches of the "Chathamites", "Grenvillites", "Rockinghamites" and even the "old Tories" did not reveal any fundamental differences between the predecessors of the liberals, conservatives and radicals – the leading ideologies of the next century. The position of Burke, as well as the entire Rockingham faction, was not unique in the 1760s. The evolution of Burke's views, traced, as a rule, on the basis of narrative sources, must be considered in the ideological and political context, for which parliamentary documents can provide a lot of material.

Keywords: *E. Burke, Stamp Act, Ch. Rockingham, conservatism, liberalism, Whigs. W. Pitt the Elder, George III, American Colonies.*

Kovalev Maxim Aleksandrovich, *Ph.D. in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Archeology and Local Lore at the Humanitarian Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov; mkovalyov.89@mail.ru*

Е.А. Языкова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРУД ЖЕНЩИН В ЭПОХУ РОМАНТИЗМА: ВЗГЛЯД РОБЕРТА САУТИ

В статье рассматривается влияние Роберта Саути (1774–1843), видного английского поэта и мыслителя, на интеллектуальную деятельность женщин-писательниц в эпоху романтизма. Анализ переписки поэта-лауреата с начинающими авторами позволил переосмыслить его роль в формировании литературной среды 1820–1830-х гг. Автор стремится показать, как Саути воспринимал и оценивал литературную деятельность женщин, какие опасности видел на их творческом пути, и от каких ошибок пытался их предостеречь. Долгое время в англоязычной историографии господствовало мнение о мизогинистических взглядах Саути. Автор оспаривает эту точку зрения, предлагая альтернативную интерпретацию напутствий мыслителя молодому поколению, независимо от их пола и социального положения. Исследование показало, с какими трудностями сталкивались женщины, стремясь выйти за рамки навязанной им роли «ангела в доме» и найти своё место под литературным солнцем. В статье предпринята попытка взглянуть по-новому на интеллектуальный климат эпохи романтизма и выявить роль женщин в литературной среде Великобритании 1820-1830-х гг.

Ключевые слова: *эпоха романтизма, Великобритания, Роберт Саути, Лукреция Мария Дэвидсон, Мэри Мария Коллинг, Шарлотта Бронте, Кэролайн Боулз.*

1820–1830-е гг. были непростым временем, как для романтиков старшего поколения, к которым относятся, прежде всего, представители «Озёрной школы» У. Вордсворт, С.Т. Кольридж и Р. Саути, так и для современных историков, литературоведов и филологов. 1820–1830-е гг. всегда были чем-то вроде «сумерек» между более яркими романтической и викторианской эпохами[1]. В указанное десятилетие эпоха романтизма постепенно уступала место викторианской. Эпоха романтизма – яркий период в истории английской литературы и искусства. Это был не просто стиль, а мировоззрение, реакция на рационализм эпохи Просвещения и на социальные потрясения, вызванные Французской революцией и промышленной революцией. Романтизм, как идейное течение, охватил многие страны. Романтизм, по мнению Н.С. Креленко, представлял собой «умонастроение в обществе, проявившееся, в частности, в том, что перед поколением, родившимся в период общеевропейских потрясений, встала задача понять истоки, смысл, а может быть и перспективы происходящих перемен… Уже не победная поступь торжествующего Разума, а судьба народов, их взлеты и падения интересовали всякого сколько-нибудь образованного человека. В этой атмосфере история стала “музой века”, Прошлое обрело глубокий смысл и, одновременно, злободневность, в нем искали ключи к пониманию настоящего»[2].

Эпоха романтизма в Великобритании, охватившая несколько десятилетий XIX в., была наполнена мифами и легендами. Даже вполне реальные события под воздействием оценок и комментариев современников превращались в полулегендарные. Отказавшись от наследия эпохи

[1] Leighton 1992: 20; Tucker 1994: 521.
[2] Креленко 2009: 64.

Просвещения, романтики своим творчеством стремились привнести в общество некую эмоциональную глубину. Чтобы возродить все то, что было утеряно в эпоху Разума, романтики обратились к иррациональному и эмоциональному. Мифы и легенды стали способом противостоять сухому рационализму Просвещения. Однако романтики не были оторваны от реальности, со всеми ее проблемами и сложностями. Французская революция и последовавшие за ней Наполеоновские войны стали спусковым крючком для подъема национального сознания. Обратившись к фольклору романтики пытались привнести в культуру то, что, по их мнению, и составляло «народный дух» и «национальную идентичность». Другой важной особенностью восприятия мира стало обращение к природе, как источнику вдохновения. С одной стороны. романтики воспринимали природу не как объект научного изучения, а как живое, одушевленное существо, наполненное тайной и красотой, а с другой – проявляли интерес к сверхъестественному, мистике и потустороннему миру. Романтики предоставляли возможность англичанам уйти от суровой реальности промышленной революции и социальных проблем в мир фантазии и приключений. Влияние романтизма распространилось и на те аспекты личной жизни англичан, которые обычно не обсуждались. Так, негласное разделение всех женщин на «ангелов в доме» и «роковых женщин» было пересмотрено. Все больше женщин стремились освободиться от навязанных им социальных ролей и занять свое место в мире. Многие женщины первоначально писали анонимно или, как сестры Бронте, под мужскими именами. Эпоха романтизма способствовала признанию женского интеллектуального труда как достойного занятия, способного удовлетворить потребность женщин в самореализации.

Викторианская эпоха, как и эпоха романтизма, не была статичной. По мнению Л.А. Фадеевой: «Образ викторианской эпохи формировался, трансформировался, корректировался в коллективной памяти англичан в зависимости от исторического опыта, изменения реалий повседневности и сопряженных с ними идейно-политических и социально-психологических сдвигов»[3]. Ее рамки, формально определяемые годами правления Виктории, весьма условны, «мы не должны представлять себе эти семьдесят лет как что-то однородное только потому, что шестьдесят из них приходятся на правление королевы Виктории»[4]. Как и для эпохи романтизма, для викторианства было характерно четкое разделение гендерных ролей: мужчина был главой семьи, добытчиком и общественным деятелем, за женщиной сохранялась роль матери семейства, хранительницы домашнего очага[5]. Мораль, долг, социальная ответственность – викторианские ценности, сохраняющие актуальность и сегодня.

Сохраняя элементы преемственности, переход от романтизма к викторианству, отмечен, однако, существенными изменениями. В 1820–1830-е гг. общество, наполненное экономическими, политическими,

[3] Фадеева 1999: 152.
[4] Тревельян 1959: 536.
[5] Вершинина 2007: 137–138.

религиозными, культурными противоречиями, было озабочено поисками надлежащей социальной роли для женщины. «Сумерки романтизма» долго воспринимались как время, в котором женщины должны были быть воплощением «ангела в доме». Однако всегда находились женщины, которые не желали и не могли позволить себе отказаться от радости литературного труда, порой он становился для них единственным возможным способом заработать себе на жизнь или же самореализоваться[6].

Современные исследователи пытаются расширить границы литературного канона Великобритании XIX в. Зарождение интереса к женской литературе эпохи романтизма началось с конца 1970-х гг., когда появились первые работы данной тематике. Так, в 1977 г. американская исследовательница Э. Шоуолтер, автор концепции гинокритики, в работе «Своя литература: британские женщины-романистки от Бронте до Лессинг» предприняла попытку составить более надежную литературную карту для исследования интеллектуального наследия английских женщин-романисток. Автор отмечает, что: «В атласе английского романа женская территория обычно изображается как пустыня, ограниченная с четырех сторон горами: пиками Остин, утесами Бронте, хребтом Элиот и холмами Вулф»[7]. Прослеживая все трудности, с которыми сталкивались женщины-романистки, Шоуолтер дает читателю новое представление о целеустремленности, которой обладали писательницы.

Следом вышла работа Сандры Гилберт и Сьюзан Губар «Сумасшедшая на чердаке: женщина-писательница и литературное воображение девятнадцатого века»[8]. Исходя из «мужского» тезиса о том, что всех женщин можно подразделить только на «ангелов» и «демонов», авторы пришли к выводу, что это ложное утверждение на протяжении нескольких десятков лет формировало образ как женщин в целом, так и женщин-писательниц. Став одним из флагманов второй волны феминизма, работа была переиздана еще два раза в 2000 и 2022 гг., что свидетельствует о значительном интересе научного сообщества к данной теме.

Особое внимание специалисты стали уделять наследию женщин-писательниц с 1980-х гг., что, прежде всего, было связано с появлением такого понятия, как «новый историзм». Будучи явлением междисциплинарным, «новый историзм» позволил исследователям уйти от четкого литературного канона, ставящего одних авторов в первый ряд и исключающего других. Одной из первых, кто заговорил о необходимости включить в литературный канон Британии XIX в. кого-то кроме «большой шестерки» – У. Блейка, У. Вордсворта, С.Т. Кольриджа, Дж. Китса, П.Б. Шелли и Дж.Г. Байрона стала профессор английской литературы М. Батлер. В 1982 г. вышла ее книга[9] «Романтики, бунтари и реакционеры: английская литература и ее история, 1760–1830», ставшая одной из основных работ по «новому историзму» в англоязычных странах.

[6] Дэвис 1999; Креленко, Чернова, Костина 2018.
[7] Showalter 1977: vii.
[8] Gilbert, Gubar 1979.
[9] Butler 1982.

В 1992 г. британский литературовед А. Лейтон обратилась к истории восьми совершенно не похожих друг на друга поэтесс, творивших с первой трети XIX в. до начала XX в. Несмотря на столь обширные временные рамки, автор считает, что все эти женщины были, по сути, викторианками, так как: «Литературные движения не начинаются и не заканчиваются в определенные фиксированные даты… Викторианство начинается до 1837 г. и продолжается после 1901 г.»[10].

В настоящей статье 1820–1830-е гг. будут рассматриваться, с одной стороны, как «сумерки романтизма», чем они и были для стареющего Роберта Саути, и, с другой стороны, как «рассвет викторианства», чем они были для юной Шарлотты Бронте.

Как справедливо отмечают российские историки, формирование исторической памяти обусловлено не столько самим событием, сколько представлениями о нем[11]. В статье в качестве основного источника используются письма, представляющие ценный ресурс для исследователей, стремящихся понять прошлое во всей его многогранности. Письма позволяют проникнуть в мир эмоций, переживаний, мыслей и чувств людей, живших в то время. Желая разобраться в конкретном историческом событии, обратимся к письму 1836 года, когда молодая писательница решила обратиться за советом к маститому поэту-лауреату.

К 1836 г. Роберт Саути – влиятельный английский публицист, историк и мыслитель, занимающий в среде английской интеллектуальной элиты весьма заметное место. К концу 1830-х гг. он написал и опубликовал все свои основные работы, включая поэмы «Жанна д'Арк» (1793), «Талаба-разрушитель» (1801) и «Проклятие Кехамы» (1810), биографии «Жизнь Нельсона» (1813), «Жизнь Уэсли» (1820) и «Жизнь Оливера Кромвеля» (1821), а также социально-политические трактаты – «Сэр Томас Мор, или беседы о прогрессе и перспективах общества» (1829) и «Эссе моральные и политические» (1832).

Положение дел в литературном сообществе, в среде, напитанной подчас нездоровой конкуренцией, с финансовыми, политическими и идеологическими проблемами, вызывало у Р. Саути смешанные чувства. С одной стороны, он уже много лет провел в этой атмосфере и смог не только в ней выжить, но и принести пользу обществу. С другой стороны, он прекрасно осознавал, что начинающему писателю крайне сложно пробиться. Молодые же люди, желающие заниматься литературным делом исключительно с целью извлечения прибыли и воспринимающие сочинительство, как бизнес, задевали его эстетические чувства. К первой трети XIX в. Саути обзавелся обширным кругом знакомств, включающим видных публицистов, редакторов и издателей, получил звание поэта-лауреата, стал отцом большого семейства и, казалось, преуспел в жизни. Все это не сделало его забронзовевшим кабинетным мыслителем, он охотно вел переписку с начинающими авторами, кому-то помогал советом, находил должность или собирал средства для обучения.

[10] Leighton 1992: 2-3.
[11] Репина 2018: 18.

Возможно, именно известная открытость мыслителя и побудила юную Шарлотту Бронте, мечтающую посвятить себя литературной карьере, обратиться за советом к Роберту Саути. Чтобы понять нюансы переписки, мы рассмотрим несколько случаев, не похожих друг на друга, но объединенных общим знаменателем – помощью признанного автора начинающим литераторам.

Размеренный и педантичный Саути, ценивший баланс между работой, творчеством и личной жизнью, с трудом находил общий язык с молодыми писателями, увлеченными блеском литературных вечеров и жаждой славы. Помимо превращения творчества в ремесло, поэта-лауреата особенно беспокоило психоэмоциональное состояние юных авторов. Имея жизненный опыт, который подтверждал опасность становления психически неокрепших умов на литературный путь, Саути неоднократно указывал на последствия умственного и эмоционального перенапряжения, свойственных творческим людям. Несмотря на то, что ему к 1819 г. было уже сорок пять лет, он получил такое же предостережение поберечь свои силы и избегать умственных переутомлений от своего старшего друга и наставника – Вальтера Скотта[12].

Проблема получения достойной оплаты своих трудов, популярность в обществе, разочарования из-за возможных неудач, а также вероятность физического и психоэмоционального переутомления – все это не было исключительно проблемами мужской части творческого сообщества Великобритании 1820–1830-х гг. Р. Саути признавал, что со всеми этими неприятностями сталкивались и женщины, желающие оставить свой след в литературе. Так, его не оставила равнодушным судьба Лукреции Марии Дэвидсон. В 1829 г. в свет вышла книга «Амир Хан и другие стихотворения: след Лукреции Марии Дэвидсон», краткий биографический очерк к которой подготовил американский изобретатель и художник Сэмюэл Финли Бриз Морзе. Кто же такая Лукреция Мария Дэвидсон, и какую роль в ее судьбе сыграл Роберт Саути?

Лукреция Мария Дэвидсон, вторая дочь доктора Оливера и миссис Маргарет Дэвидсон, родилась в Платтсбурге (штат Нью-Йорк) 27 сентября 1808 г.[13] Она рано научилась читать и писать, а в возрасте девяти лет написала свое первое произведение «Эпитафия малиновке». Её родители осознавали, что у них растет особенный ребенок, но из-за финансовых и семейных трудностей не могли дать ей необходимого образования. Домашняя рутина, забота о больной матери, редкие часы сочинительства и мечты о собственной библиотеке – вот и всё чем приходилось довольствоваться девушке. Однако темные тучи, закрывающие её будущее, развеялись в 1824 г., когда один джентльмен, приехавший с визитом в Платтсбург, увидел некоторые ее произведения и узнал об обстоятельствах, в которые она попала. Протянув девушке руку помощи, он предложил оплатить ее обучение в школе миссис Уиллард в Трое[14].

[12] Southey 1849–1850: 341.
[13] Davidson 1829: V.
[14] Ibid: XV.

Счастью Лукреции не было предела, но учеба, переезд и нервное перенапряжение подорвали ее здоровье и вынудили вернуться домой. Второй попыткой получить образование стало поступление в школу мисс Гилберт в Олбани, где она проучилась немногим более трех месяцев и из-за неудовлетворительного состояния здоровья вновь вернулась домой[15]. Лукреция умерла в Платтсбурге 27 августа 1825 г. в возрасте 16 лет и 11 месяцев от туберкулеза, известного тогда как чахотка, хотя предполагалось, что ее состояние могло быть связано с нервной анорексией. Она оставила после себя внушительное поэтическое наследие, её работы произвели большое впечатление на читающую публику[16].

Роберт Саути, познакомившись с работами Лукреции в 1829 г., подготовил их обзор для «The Quarterly Review»[17]. Он признавал важность творческого наследия Лукреции, ставя ее в один ряд с Т. Чаттертоном и К. Уайтом[18]. Благодаря популярности «The Quarterly Review» история девушки быстро стала известна далеко за пределами Великобритании. Эссе Саути было почти дословно скопировано французским литератором и переводчиком Амедеем Пишо, и опубликовано в «Revue de Paris». Год спустя в Москве в «Литературной газете» В. Романович также скопировал фрагменты текста обзора и подготовил свою статью о юной особе. В ней критик признал талант поэтессы и добавил, что, если бы она была жива, могла бы составить конкуренцию своим современникам в Англии[19]. Наконец, после публикации в 1841 г. сборника произведений Лукреции и ее сестры Маргарет Миллер «Поэтический след» Эдгар Аллан По написал рецензию для журнала «Graham's Magazine», поставив под сомнение обычай чествовать умерших молодых поэтов[20].

История Лукреции, рассказанная Робертом Саути, стала для многих ее современниц стимулом к творчеству. Две выдающиеся поэтессы эпохи романтизма, француженка Марселин Деборд-Вальмор (1786–1859) и россиянка Каролина Карловна Павлова (1807–1893) написали элегии, посвященные вопросу женского гения: «Лукреция Дэвидсон»[21] (1832) и «Три души»[22] (1845). Смерть Лукреции не только захватила воображение видных критиков по обе стороны Атлантики, но и вдохновила других поэтесс на написание элегий на основе ее судьбы[23].

Два года спустя Саути вспомнил о Лукреции Дэвидсон. В 1831 г. он и английская писательница Анна Элиза Брей (1790–1883) поддержали – Мэри Марию Коллинг (1804–1853) и опубликовали сборник ее басен, включив письма Анны к Роберту с рассказом о жизни Мэри[24]. Же-

[15] Ibid: XVI.
[16] Vincent 2003.
[17] The Quarterly Review 1829: 289–301.
[18] The Quarterly Review 1829: 293.
[19] Литературная газета 1830.
[20] Poe 1850: 219-228.
[21] Desbordes-Valmore 1832.
[22] Павлова 1845.
[23] Vincent 2003.
[24] Colling 1831.

лая помочь М. Коллинг на литературном поприще, мыслитель опубликовал отзыв о ее работе в «The Quarterly Review»[25]. Особенность случая с Мэри Коллинг заключалась в том, что она была служанкой, знала свое место и не рассчитывала на то, что ее жизнь когда-либо изменится. Да, как и многие девочки ее возраста, она ходила в школу, где научилась читать и писать, но только счастливый случай свел служанку и интеллектуалку. Протекция Анны Брей сделала имя Мэри Коллинг популярным в среде английской интеллектуальной элиты.

Однако резкая смена жизненных обстоятельств не пошла Мэри на пользу. Первые опасения по этому поводу высказал Р. Саути в письме к А. Брей еще в 1831 г.: «То, что вы сказали о здоровье Мэри, заставляет меня сделать одно предостережение. Поскольку она нервная и легко поддается заболеванию, желательно избегать всего, что могло бы вызвать нервозность... Я боюсь физических последствий, которые могут вызвать перевозбуждение и чрезмерные интеллектуальные нагрузки, особенно если они сопровождаются каким-либо тревожным желанием добиться совершенства в творческой карьере»[26]. Он оказался прав. Сложно сказать, чем именно заболела М. Коллинг. Некоторые специалисты считают, что у нее развился синдром Туретта. За два года до того, как психическое здоровье М. Коллинг пошатнулось, главный ее наставник Р. Саути уже скончался. Его вдова Кэролайн Боулз и А. Брей, как могли, поддерживали молодую женщину, но в 1845 г. Мэри была помещена в психиатрическую лечебницу, а в 1853 г., в возрасте 47 лет скончалась[27].

Анализируя роль Р. Саути в становлении и развитии М. Коллинг не представляется возможным утверждать, что он лишь покровительствовал Мэри с вершин своего лауреатства. Безусловно, между Мэри и Робертом, как и между Мэри и Анной и Робертом и Анной существовала вполне понятная, как творческая, так и социальная дистанция. Тем не менее, отношение Саути к таланту Коллинг было отношением знатока, чувствующего и понимающего ценность работ Мэри, обычной девушки из рабочего класса. Для него ее творчество представлялось «культурным артефактом»[28], которое складывалось из прирожденной гениальности Мэри и из их с А. Брей чуткого совместного руководства. Результатом же этого процесса стало творческое наследие Мэри Коллинг.

Рассмотрев совершенно разные жизненные сценарии, связующими звеньями, в которых стала фигура Саути, а также их весьма печальный конец, разберем последний (отнюдь не по значению, а хронологически) случай, когда видному деятелю эпохи романтизма была вновь предложена роль «наставника» юной творческой души.

В 1836 г. Роберт Саути получил письмо от двадцатилетней Шарлотты Бронте, которая просила совета у поэта-лауреата по поводу своей творческой деятельности. Его ответ послужил развитию весьма обшир-

[25] The Quarterly Review 1832: 80-103.
[26] Southey 1856: 228-230.
[27] Obey 2010: 74.
[28] Obey 2010: 77.

ной дискуссии в среде литературоведов, филологов и историков второй половины XX в. В конечном счете, интеллектуальным сообществом было решено считать поэта «женоненавистником»[29], не желающим мириться с присутствием молодых людей на творческой арене эпохи романтизма. Что же в этом письме так негативно настроило против него многих исследователей?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к словам самого Саути. «Я, сделавший литературу своей профессией, посвятивший ей свою жизнь и ни на минуту не раскаявшийся в своем осознанном выборе, считаю своим долгом, тем не менее, предостеречь каждого молодого человека, который обращается ко мне за поддержкой и советом, от выбора столь опасного пути. Вы скажете, что женщина не нуждается в такой осторожности, для нее в этом не может быть никакой опасности. В определенном смысле это верно, но есть опасность, о которой я хотел бы со всей добротой и серьезностью предупредить вас. Мечты наяву, которым вы обычно предаетесь, скорее всего, вызовут расстройство ума; и по мере того, как все обычные дела этого мира будут казаться вам плоскими и бесполезными, вы будете непригодны для них, не становясь пригодными ни для чего другого. Литература не может и не должна быть делом всей жизни женщины»[30]. Как раз это последнее предложение, вырванное из контекста, и стало основанием для предположения о женоненавистнических воззрениях Саути. В 1967 г. английская писательница Уинифред Герин, известная своими биографическими работами о семействе Бронте, опубликовала труд: «Шарлотта Бронте: эволюция гениальности». Безусловно, У. Герин не могла обойти вниманием переписку между двумя писателями, причем указав на то, что первые письма от зазнавшегося интеллектуала стали для юной Шарлотты «горьким зельем, которое ей пришлось проглотить»[31]. Двадцать один год спустя, в 1988 г. британская исследовательница Ребекка Фрейзер в биографии «Шарлотта Бронте: жизнь писательницы», пришла к выводу, что Р. Саути был выразителем распространенного мнения XIX в. о женщинах-писательницах[32].

К началу 1990-х гг. мнение о предвзятом отношении Саути к женщинам-писательницам вышло за пределы узкого круга литературоведов, посвятивших свои исследования семье Бронте. Так, англоязычная исследовательница Норма Кларк, в своей работе «Амбициозные цели: писательство, дружба, любовь. Сестры Джудсбери, Фелиция Хеманс и Джейн Уэлш Карлайл»[33] рассматривает судьбы четырех женщин ранней викторианской эпохи, чтобы показать, как каждая из них действует и реагирует на идеологические силы, которые считают интеллектуальную деятельность мужской привилегией, сферой, недоступной для женщин.

[29] Clarke 2022: 65.
[30] Southey 1849–1850: 327–330.
[31] Gérin 1967: 111.
[32] Fraser 2008: 109–110.
[33] Clarke 2022.

Раскрывая особенности интеллектуальной деятельности женщин в начале XIX в., Н. Кларк также не могла обойти случай между Ш. Бронте и Р. Саути, сделав вывод, что ответ последнего стал «ключевым выражением культурного женоненавистничества»[34].

В 1995 г. Шеффилдский университет провел конференцию «Литература: женское дело», в которой такие исследователи, как, например, Джуди Симмонс, призывали пересмотреть характеристику поэта как женоненавистника[35]. Однако ни в докладах на самой конференции, ни в книге, вышедшая после нее[36], не были рассмотрены истинные мотивы письма Роберта Саути к Шарлотте Бронте.

Нам представляется, что в своих письмах английский интеллектуал всего лишь хотел предостеречь Ш. Бронте, как и многих других молодых авторов, независимо от их пола и положения, об опасностях, которые могут повстречаться на ее творческом пути. Он также настоятельно советовал не заниматься творчеством только ради извлечения финансовой выгоды. Для него, как для человека, много знающего о литературном труде, самой серьезной угрозой для молодых дарований казались «…мечты наяву, которые могут вызвать расстройство ума…»[37]. Однако он никогда не заявлял, что эти самые «мечты наяву», желание прославиться и занять свое место на литературном Олимпе, прерогатива исключительно женского пола.

Несмотря на попытки, некоторых феминистских исследований, представить Р. Саути как мизогиниста, знание истинных мотивов его предостережений позволяет усомниться в убедительности подобной интерпретации. Да и сама Шарлотта Бронте, получив письмо Р. Саути, не только не расстроилась, не впала в уныние – она ликовала: «Я должна поблагодарить Вас за добрый и мудрый совет, который Вы дали мне. Я не смела, надеяться на такой ответ, такой деликатный по тону, такой благородный по духу… Вы не запрещаете мне писать; Вы не говорите, что то, что я пишу, совершенно лишено достоинств. Вы только предостерегаете меня от безрассудства пренебрежения моими обязанностями ради творческих удовольствий; писать ради любви к славе, ради эгоистического возбуждения...»[38]. Это письмо стало настолько важным для Ш. Бронте, что она на конверте собственноручно указала следующее: «Совет Саути, сохранить навсегда»[39].

Мнению Р. Саути о таланте Шарлотты Бронте не повредило даже письмо её брата Патрика Бренуэлла Бронте к У. Вордсворту. Брат, по примеру старшей сестры, пытался заручиться поддержкой известного литератора, но так и не получил ответа. Скорее всего, письмо Патрика вызвало недоумение у У. Вордсворта, о чем Р. Саути сообщает в письме

[34] Clarke 2022: 65.
[35] Simons, Fullbrook 1998.
[36] Ibid.
[37] Southey 1849–1850: 328–329.
[38] Gaskell 1857: 141–142.
[39] Hubert 1997: 22.

к другой поэтессе – Кэролайн Боулз. В этом письме он также обсуждает сложившуюся ситуацию: «Я послал порцию сдерживающих предостережений бедной девушке, чье легкомысленное письмо дошло до меня в Бакленде. Оно было хорошо воспринято, и она поблагодарила меня за него. Судя по всему, она старшая дочь священника, получила дорогостоящее образование и, что весьма похвально, работает гувернанткой в какой-то частной семье. Примерно в то же время, когда она писала мне, ее брат написал Вордсворту, у которого это письмо вызвало отвращение, поскольку в нем содержалась грубая лесть в его адрес и множество оскорблений в адрес других поэтов, включая меня. Я хорошо отзываюсь о сестре, о которой я узнал из ее второго письма, и, вероятно, она будет хорошо думать обо мне до конца своих дней»[40].

Восприняв совет Саути как доброе нравоучение от друга, а не как суровую женоненавистническую отповедь, Шарлотта вошла в историю мировой литературы, как одна из самых ярких представительниц эпохи романтизма и реализма. К сожалению, романистка скончалась в возрасте 38 лет. Точная причина смерти так и не установлена, по одной из версий виной была беременность Шарлотты, по другой её заболевание тифом. Так или иначе, за свою недолгую, но весьма яркую карьеру она успела оставить значительное творческое наследие, а одним из первых, кто вдохновил ее на это, несомненно, был Саути.

Рациональная и устойчивая уверенность в своих силах, недопущение нервных потрясений – Бронте признавалась, что эти качества она приобрела из-за полученных в юности наставлений поэта-лауреата, что, в конечном счете, и сказалось на складе ее характера[41]. Спустя восемь лет, обращаясь в письме к своему другу и учителю Константину Эже, она подчеркнула, что ее творчество имело значение, ведь «…Саути и Кольридж – два наших выдающихся автора, которым я отправила несколько рукописей, были рады выразить свое одобрение...»[42].

Исходя из всего вышесказанного, утверждать, что поэт-лауреат был каким-то образом несправедлив к юной Шарлотте Бронте, не представляется возможным. Безусловно, реакция Саути на женское творчество была вполне объяснимым явлением для 1820–1830-х гг., когда вопрос о допущении женщин в литературное сообщество, вызывал многочисленные споры. Тем не менее, Саути никогда не утверждал, что женщине не место в литературном деле. Так, его вторая жена Кэролайн Боулз (1786–1854) активно занималась сочинительством.

Родившаяся в Хэмпшире, она была единственным выжившим ребенком Чарльза Боулза (1737–1801), капитана Ост-Индской службы в отставке, и Энн Беррард (1753–1817). Продолжающийся упадок доходов ее семьи отразился на их переезде из Бакленд-мэнора, места рождения К. Боулз, в более скромный Бакленд-коттедж. В 1818 г. Боулз, опасаясь,

[40] Southey, Southey 1881: 348.
[41] Gaskell 1857: 140.
[42] Smith 1995: 358.

что потеряет свой дом из-за неумелого руководства опекуна, написала Саути, спрашивая его совета по поводу публикации ее стихов с целью заработать столь необходимые средства[43]. Это положило начало переписке, которая переросла в теплую дружбу и литературное сотрудничество и завершилась бракосочетанием 4 июня 1839 г. Несмотря на то, что финансовая ситуация Боулз стабилизировалась, она продолжила литературную карьеру, сотрудничала с эдинбургским журналом «Blackwood», публиковала стихи и прозу, а также работала с Р. Саути над незаконченной поэмой «Робин Гуд». Уже после смерти мужа, К. Боулз вернулась в Хэмпшир, где продолжила заниматься литературным делом.

1820–1830-е гг. стали временем, когда литературный рынок Великобритании претерпевал значительные изменения. Все большее внимание в данное десятилетие приковывали к себе женщины-писательницы, не желающие мириться с ролью «ангела в доме». «Железный век» ставил свои условия, и женщинам приходилось балансировать между домашним и общественным пространством, по преимуществу, принадлежащим исключительно мужчинам[44]. «Озёрные поэты», ярким представителем которых был Роберт Саути, проявляли активный интерес к новому поколению, причем не только к молодым людям, но и девушкам, способным привнести в литературу что-то новое, обогатить ее.

Роберт Саути по мере сил помогал юным дарованиям. Некоторых он убеждал заняться чем-то другим, кроме литературы, искал средства для их обучения или лично оказывал финансовую поддержку. В ком-то же он видел тот талант, который мог открыть двери в мир большой литературы. В таких случаях он изыскивал средства для публикации и распространения работ своих протеже, помогал найти издателей и завести нужные знакомства. Большие опасения у Р. Саути вызывали психоэмоциональные расстройства, которым были подвержены многие начинающие литераторы. Как мог он старался обезопасить молодое поколение от грозящих им опасностей, общался с ними лично, вел переписку, публиковал статьи-предостережения в периодических изданиях. Но он не мог остановить одну из самых ярких тенденций первой трети XIX века – стремление к самореализации.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918 / пер. с англ. Е. Незлобиной. М.: ИД Гос. ун-та. Высшей школы экономики, 2011. 408 с. [Abrams L. Formirovanie evropeiskoi zhenshchiny novoi epokhi. 1789-1918 (The formation of the European woman of the New Era. 1789-1918). M.: Izd. dom Gos. un-ta. Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. 408 p.].

Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М.: НЛО, 2004. 400 с. [Alyabyeva L. Literaturnaya professiya v Anglii v XVI-XIX vekakh (The literary profession in England in the XVI–XIX centuries). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 400 p.].

Вершинина Д.Б. Британский суфражизм и викторианские ценности // Диалог со временем. 2007. № 20. С. 135–154 [Vershinina D.B. Britanskij sufrazhizm i viktorianskie cennosti (British suffragism and Victorian values) // Dialog so vremenem. 2007. № 20. P. 135–154].

[43] Bernhardt-Kabisch 1977: 187.

[44] Креленко, Чернова, Костина 2018: 140-141.

Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / пер. с англ. Т. Доброницкой. М.: НЛО, 1999. 400 с. [Davis N. Z. Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka (Ladies on the sidelines. Three female portraits of the 17th century). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 400 p.].

Креленко Н.С. Новое и новейшее время стран Запада: проблемы историографии и судьбы историков: Учебное пособие. Саратов, ИЦ «Наука», 2009. 204 с. [Krelenko N. S. Novoe i novejshee vremya stran Zapada: problemy istoriografii i sudby istorikov. (Modern and contemporary Times of Western countries: problems of historiography and the fate of historians). Saratov, ITs «Nauka», 2009. 204 p.].

Креленко Н.С., Чернова Л.Н., Костина А.К. Такие разные… Судьбы английских интеллектуалок Нового времени. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. 352 с. [Krelenko N.S., Chernova L.N., Kostina A.K. Takie raznye… Sud'by angliiskikh intellektualok Novogo vremeni. (So different… The fate of English intellectuals of Modern Times). M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2018. 352 p.].

Литературная газета, издаваемая бароном А.А. Дельвигом. СПб.: В тип. К. Крайя,1830. Т. I. № 19. [Literaturnaya gazeta, izdavaemaya baronom A. A. Del'vigom. (Literary newspaper, published by Baron A. A. Delvig). SPb.: V tip. K. Kraiya, 1830. T. I. № 19.

Павлова К. Три души [Pavlova K. Tri dushi (Three souls)]. URL: https://slova.org.ru/pavlova/tri-dushi/ (12.12.2024).

Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002. 352 с. [Repina L.P. Zhenshhiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropeiskogo proshlogo. (Women and Men in history: A new picture of the European past). M.: ROSSPEN, 2002. 352 p.].

Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2018. 512 с. [Sobytie i vremya v evropeiskoi istoricheskoi kul'ture XVI – nachala XX veka (Events and time in the European historical culture of the XVI – early XX century) / Pod obshch. red. L. P. Repinoi. M.: Akvilon, 2018. 512 p.].

Тревельян Д.М. Социальная история Англии: Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А.А. Крушинской, К.Н. Татариновой. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 607 с. [Trevelyan D.M. Socialnaya istoriya Anglii: Obzor shesti stoletij ot Chosera do korolevy Viktorii (The Social History of England: A review of six centuries from Chaucer to Queen Victoria). M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959. 607 p.].

Фадеева Л.А. Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан //Диалог со временем. 1999. №. 1. С. 152–169 [Fadeeva L.A. Obraz viktorianskoj epohi v kollektivnoj pamyati anglichan (The image of the Victorian era in the collective memory of the British) // Dialog so vremenem. 1999. №. 1. P. 152–169].

Bernhardt-Kabisch E. Robert Southey. Boston: Twayne Publishers, 1977. 198 p.

Butler M. Romantics R. Reactionaries: English Literature and its Background 1760–1830. New York: Oxford University Press, 1982. 213 p.

Clarke N. Ambitious Heights: Writing, Friendship, Love-The Jewsbury Sisters, Felicia Hemans, and Jane Welsh Carlyle. L.; N.Y.: Routledge, 2022. 245 p.

Colling M.M. Fables and Other Pieces in Verse. London: Longman, Rees, Orme, Brown and Green, 1831. 178 p.

Davidson L. M. Amir Khan, and Other Poems: The Remains of Lucretia Maria Davidson. New York: G. & C. & H. Carvill, 1829. 174 p.

Desbordes-Valmore Marceline. Lucretia Davidson. URL: https://crisco4.unicaen.fr/verlaine/index.php?navigation=textesauteurs&auteur=DES_2&code_text=DES248&choix_liste=toutes

Fraser R. Charlotte Brontë: a writer's life. New York: Pegasus Books, 2008. 543 p.

Gaskell E. The Life of Charlotte Brontë. In 2 vols. New York: D. Appleton, 1857. Vol. I. 285 p.

Gérin W. Charlotte Brontë: the evolution of genius. Oxford: Clarendon P., 1967. 617 p.

Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination. New Haven: Yale University Press, 1979. 733 p.

Goode A. The ‘Cambridge fever’ of 1815: An Emmanuel tragedy URL: https://www.emma.cam.ac.uk/members/blog/?id=471#:~:text=The%20disease%20was%20probably%20typhoid,nine%20members%20of%20the%20University

Grierson H.J.C. The Letters of Sir Walter Scott 1808–1811. L.: Constable & GO LTD, 1932. 544 p.

Hubert M. The Brontë's Christmas. Stroud: Sutton, 1997. 115 p.

Leighton A. Victorian Women Poets: Writing against the Heart. Charlottesville: University Press of Virginia, 1992. 321 p.
Obey E. The Poor Girl's Talent": Romantic Mentorship and Mary Colling's" Fables // Keats-Shelley Journal. 2010. Vol. 59. P. 65–77.
Poe E. A. "Margaret Miller and Lucretia Maria Davidson" (Text-B), The Works of the Late Edgar Allan Poe. Vol III: Literati &c. (1850), 3:219-228. URL: https://www.eapoe.org/works/CRITICSM/dvdson.htm
Showalter E. A Literature of Their Own. British Women Novelists from Bronte to Lessing. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1977. 378 p.
Simons J., Fullbrook K. (ed.). Writing, a Woman's Business: Women, Writing and the Marketplace. Manchester and New York: Manchester University Press, 1998. 197 p.
Southey R. Selections from the Letters of Robert Southey in 4 vols. / ed. by John Wood Warter. L.: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1856.
Southey R., Southey C. B. The Correspondence of Robert Southey with Caroline Bowles: To which are Added: Correspondence with Shelley, and Southey's Dreams. Dublin: Hodges, Figgis; L.: Longmans, Green, 1881. 388 p.
The letters of Charlotte Brontë: with a selection of letters by family and friends / Ed. by M. Smith. Oxford: Clarendon, 1995. Vol. 1. 627 p.
The Life and Correspondence of the late Robert Southey: In 6 vols / ed. by C.C. Southey. Longman, Brown, Green, and Longmans, 1849-1850. Vol. IV. 390 p.
The Quarterly Review 1817-01: Vol. 16. Iss. 32. P. 538. (04.01.2025)
The Quarterly Review March & July 1832: Vol. 47. P. 80-103.
Tucker H. F. House Arrest: The Domestication of English Poetry in the 1820s // New Literary History. 1994. Vol. 25. №. 3. P. 521-548.
Vincent P. H. Lucretia Davidson in Europe: Female Elegy, Literary Transmission and the Figure of the Romantic Poetess. Romanticism on the Net, 2003, (29-30). URL: https://www.erudit.org/en/journals/ron/2003-n29-30-ron695/007724ar/.

***Языкова Екатерина Андреевна**, кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, yazykova64@yandex.ru*

The intellectual work of women in the age of romanticism Robert Southey's view

This article examines the influence of Robert Southey (1774–1843), a prominent English poet and thinker, on the intellectual activity of women writers in the era of Romanticism. The analysis of the poet laureate's correspondence with aspiring authors allows us to rethink his role in shaping the literary environment of the 1820s and 1830s. The author of the article seeks to show how Southey perceived and evaluated the literary activity of women, what dangers he saw on their creative path, and what mistakes he tried to warn them against. For a long time, first of all, the opinion about Robert Southey's misogynistic views prevailed in English-language historiography. However, the author of the article disputes this point of view, offering an alternative interpretation of the thinker's words to the younger generation, regardless of their gender and social status. The study showed the difficulties women faced in trying to go beyond the role of the "angel in the house" imposed on them and find their place under the literary sun. The article attempts to take a fresh look at the intellectual climate of the Romantic era and identify the role of women in the literary environment of Great Britain in the 1820s and 1830s.

***Keywords:** the age of Romanticism, Great Britain, Robert Southey, Lucretia Maria Davidson, Mary Maria Colling, Charlotte Bronte, Caroline Bowles.*

***Yazykova Ekaterina**, Ph.D. in History, Saratov State University; yazykova64@yandex.ru*

А.В. Карабыков

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ В.С. СОЛОВЬЁВА[1] СТАТЬЯ I: ОБЩИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ

В статье рассматривается религиозно-философская система В.С. Соловьёва. Доказывается, что эволюционизм лежит в основе его учения, проявляясь в метафизике и теологии, натурфилософии и социальной мысли, этике и эстетике. Обосновывается воззрение, что гностические элементы соловьёвской системы выполняют в ней роль связующего звена между эволюционным и традиционно-христианским мировоззрением, предполагавшим статический образ. Изменяя своё учение в направлении от гностицизма к христианской ортодоксии и при этом храня его эволюционистский характер, Соловьёв изнутри перестраивал его в русле отказа от статики. Тем самым он сделал первый значительный шаг в истории русской мысли на пути к построению теистического эволюционизма. Показано, что в зрелые годы Соловьёв представлял вселенную так сотворённой, чтобы она развивалась сама собой – при участии Бога-Творца, влияющего на её разумно-живое начало. Затем раскрывается содержание прогрессизма – важнейшей черты соловьёвского мировоззрения, нёсшего на себе печать своей оптимистичной эпохи. По мнению философа, глобальная эволюция прогрессивна, и критерии свершающегося прогресса раскрыты в понятии всеединства. Вместе с тем акцентированный оптимизм сочетается у Соловьёва с признанием трагичности эволюции. Этот трагизм объясняется тем, что одной из манифестаций прогресса является рост свободы, входящей в идеал всеединства. Но в свете эволюционизма этот рост означает повышение трудности созидательного процесса, возрастание числа и серьёзности неудач в его ходе.

Ключевые слова: *всеединство, Мировая душа, мировой процесс, дарвинизм, прогресс, христианство, гностицизм.*

В наши дни глобальный эволюционизм стал общекультурной парадигмой, в рамках которой на основе общих принципов ведётся поиск объяснений астрофизических, космологических, биологических и социокультурных процессов. Представляющая универсум в виде самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, эта парадигма ещё сама находится в становлении. Не лишённая существенных недостатков, она уже показала себя эвристически продуктивной и многообещающей[2]. На её фоне интересно рассмотреть глобально-эволюционистскую систему, разработанную русским мыслителем и поэтом В.С. Соловьёвым (1853–1900). Религиозно-метафизический пафос, отличающий эту систему от современной версии глобального эволюционизма, склоняет видеть в первой не столько предтечу, сколько альтернативу последней. Подобные альтернативы, в связи или безотносительно к соловьёвской системе, развиваются на современном этапе в концепциях теистического эволюционизма, различаясь по степени близости к одному из двух (научно-натуралистическому или религиозно-метафизическому) полюсов, но так, что каждая сохраняет причастность к обоим. Похожее совмещение отличает и проект отечественного философа, стяжавшего славу непре-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00373 «Рецепция эволюционизма в русской философско-богословской мысли XIX–XXI вв.», https://rscf.ru/project/25-28-00373/».

[2] См.: Любомиров 2018: 755.

взойдённого объединителя теорий, чьё мировоззрение называют «религиозным материализмом» и «конкретным натурфилософским спиритуализмом»[3]. В этой работе я хочу показать, сколь глубоко и всеохватно было влияние эволюционистских установок на мышление Соловьёва и наряду с их проявлениями изучить характер использования дарвинизма, самой авторитетной из всех эволюционных теорий в то время, присущий автору учения о всеединстве. В начале будут показаны своеобразные черты его системы, в которых сказывается и оригинальность русского философа, и печать умонастроений эпохи. Сначала я рассмотрю взаимодействие гностических и ортодоксально-христианских начал в соловьёвском учении, затем присущий ему прогрессизм и признание трагичности эволюционной истории. Во второй части работы будет прослежено отношение Соловьёва к дарвинизму.

«Бог любит хаос»

Если сравнить эволюционистский синтез В.С. Соловьёва с коррелятивной современной парадигмой, построенной на натуралистической основе, легко заметить, что его система более масштабна по охвату. В ней есть оригинальное звено, в котором как бы замыкается единый мировой процесс, так что его начальная ступень, по сути, сходится с финальной, преобразовываясь качественно. Речь идёт о до-космической ступени, относящейся к самым истокам глобальной эволюции во внутрибожественной жизни и к началу становления материальной вселенной. Известно, что в этом моменте учение Соловьёва претерпело трансформацию, которая была сопряжена с переосмыслением Софии, Премудрости Божией – стержневого понятийного символа его доктрины[4]. В ранних произведениях: «София» (1875–1876) и «Чтения о Богочеловечестве» (1878–1881), – философ понимает Софию как аспект Божества и отождествляет её с Душой мира. В силу этого тождества материальная вселенная образуется не как творение, а как эманация Божества. И не по доброй воле Создателя, а вследствие злоключения – “самораскола” в самом Боге, случившегося по вине Софии. Восхотев утвердиться в своей самости, она исторгла себя из Единого. Коль скоро вне Бога нет и не может быть ничего в точном смысле, её ниспадение явилось своего рода инфляцией, расширением Божества. Так возникла материальная периферия со свойственной ей турбулентностью и разрозненностью частей, порождающими зло эгоизма и индивидуалистической замкнутости.

Как видим, исходная схема, сложившаяся под воздействием теософии Якоба Бёме (1575–1624) и её продолжателей, а также гностических и каббалистических представлений, определяется в терминах катастрофизма и, более точно, предмирного грехопадения[5]. Вина за него, а зна-

[3] Булгаков 1993: 20; см. также: Бальтазар 2023: 11.

[4] Обзор истории этого символа в иудео-христианской традиции – Аверинцев 2023: 201–207; диалектический анализ образа Софии в творчестве В.С. Соловьёва – Лосев 2000; краткий очерк учения о Софии (софиологии) в истории русской мысли – Козырев 2014.

[5] О влиянии Я. Бёме и идущей от него теософической традиции на мысль Соловьёва см.: Zdenek 1962; это подтверждается обзором эзотерических источников, с которы-

чит, и за наличие зла в так возникшей вселенной лежит на самом Божестве. Мир материальный не должен был существовать, но, образовавшись, он должен был развиваться. Предвечная катастрофа сочетается в этой схеме с вынужденной эволюцией, чей долгий, мучительно-трудный путь обещает вернуть дурную стихийную множественность к восстановленному единству, когда хаос будет претворён в космос, разлад в гармонию, вражда в любовь. Как Божество остаётся всем и во всём в неком ослабленно-отвлечённом смысле, так всё, включая самые отдалённые и ущербные Его истечения, вновь станут Им в другом, сильном, качестве, означающем достижение полной одухотворённости и всеединства. Проходя красной нитью через всё творчество Соловьёва, понятие всеединства указывает на состояние, характеризуемое «полной свободой составных частей в совершенном единстве целого»[6].

Позднее, движимый стремлением снять с Божества вину за зло и сблизить своё учение с христианской ортодоксией, философ в значительной мере очистил свою метафизику от гностических элементов. В таких его зрелых трудах, как «Россия и Вселенская Церковь» (1889), «Смысл любви» (1892–1894), «Оправдание добра» (1897–1899), София больше не отождествляется с Душой мира. Премудрость продолжает мыслиться как аспект Божества и ассоциируется с Логосом-Христом и Святым Духом. На правах блаженной игры она вызывает в Боге неисчислимые «возможности всех внебожественных существований», которые тут же канут в Его глубине[7]. Она же по окончании мирового процесса явит собой «завершённое единство всего» в Божестве[8]. Со своей стороны, Душа мира предстаёт теперь сотворённой, как materia prima, с создания которой начинается произведение вселенной[9]. Но Соловьёв, как и прежде, не приемлет идею сотворения ex nihilo. Согласно его воззрениям, до того, как стать первоматерией, Мировая душа находится в лоне Бога как «чистая мощь», обращённая к исходу вовне и материализации. Это стихийный момент внутрибожественной жизни. Имея над ним полную власть, Бог тем не менее позволил ему раскрыться в форме мирового процесса. Таково суверенное решение Творца, продиктованное чистой любовью. Он восхотел, «чтобы вне Его Самого была другая природа, которая постепенно становилась бы тем, что Он есть от века – абсолютным всем»[10]. Но кроме конечного результата – одухотворённого

ми был знаком русский философ, см.: Бурмистров 2016; общий контекст учений о предмирном грехопадении в период творчества Соловьёва см.: Храмов 2019.

[6] Соловьёв VI: 44. Здесь и далее – там, где нет особых указаний – ссылки на произведения В.С. Соловьёва даются по собранию сочинений в десяти томах (под ред. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. СПб., б.г. в репринтном варианте, выпущенном издательством «Жизнь с Богом» (Брюссель, 1966)). В сносках указывается номер тома и стр. Дополнительный том XI, выпущенный тем же издательством в 1969 г. указывается с годом.

[7] Соловьёв 1969 XI: 292.

[8] Соловьёв 1969 XI: 298.

[9] Соловьёв 1969 XI: 295.

[10] Соловьёв 1969 XI: 292.

универсума, Богу угоден сам процесс творения с его стихийным буйством. По словам философа, «…Бог любит хаос и в его небытии, и Он хочет, чтобы сей последний существовал, ибо Он сумеет вернуть к единству мятежное существование, Он сумеет наполнить бесконечную пустоту изобилием Своей жизни. Поэтому Бог дает свободу хаосу»[11]. Итак, вместо катастрофы с негативными последствиями мы имеем преднамеренное творение, движимое в направлении всеединства. В своей относительной автономности от Божества Мировая душа в лице всех существ и человечества, искусившись свободой и умудрившись, должна прийти к любовному единству с Создателем.

Чем менее гностическим становилось учение В.С. Соловьёва, тем более последовательно проводился в нём принцип эволюционизма, освобождаемый от катастрофистского обертона. Но и тем менее убедительно выглядят рудименты катастрофизма, унаследованные от ранней схемы его метафизики. Помимо инерции, эта сохранность обязана двум обстоятельствам: необходимости согласовать учение с Книгой Бытия и стремлению упрочить теодицею. Рудиментами служит пара падений: Мировой души и Адама, причём второе – лишь локальная реплика первого. Дозволив Душе первичную объективацию, Бог дал ей свободу выбора, в силу чего та могла, даже став отделённой, остаться верной Единому или же отчуждаться далее, увлекаемая своей тягой к материализации[12]. Но всеединству она предпочла самовольство и вследствие этого трудный путь эволюции. Ситуация повторилась, когда на сцене творения появился наш праотец. Неся в себе образ Божий, Адам был изъят из мирового процесса. Возвышаясь над ним, он был в силах и должен направлять его к финальному всеединству, будучи в этом смысле Мессией для мира[13]. Но, увлечённый похотью к материальной природе (здесь наш мыслитель вновь вторит Бёме и гностикам), Адам ниспал в поток земной эволюции. Так возникло естественное, «хаотическое» человечество, обречённое вместе со всем дольним миром идти крестным путём становления.

Однако коль скоро эволюционный процесс прогрессивен и, несмотря на весь свой трагизм, не может не кончиться так, как задумано Богом, «эта кара (за грехопадение. – *А.К.*) есть благодеяние, и необходимое последствие зла есть необходимое средство безусловного блага»[14]. Так на эволюционистский лад Соловьёв истолковывает стародавнюю богословскую мысль о «счастливой вине» Адама. По ней, прегрешение праотцев создало нужду в спасении, а значит, в Боговоплощении, что приуготовило нам участь лучшую, чем жизнь в Эдемском саду. Имея в виду, это значение, мыслитель сопровождает его своим: раз ложный выбор привёл к вовлечению человека в процесс эволюции, в котором ему предназначена крайне важная роль, то при всей своей некорректности этот выбор оказался не таким уж плохим, может быть, даже прямо хо-

[11] Соловьёв 1969 XI: 293.
[12] Соловьёв 1969 XI: 295; см. также: Drozdek 2009: 59–61.
[13] Соловьёв 1969 XI: 311.
[14] Соловьёв 1969 XI: 313.

рошим, так что, если б Адам не пал, его следовало заставить. Вместе с тем для всего построения Соловьёва эти несчастно-счастливые приключения Мировой души и первочеловека имели не самые выгодные последствия: из-за них оно выглядит не вполне согласованным.

«Всемирное совершенствование»

Принципиальный прогрессизм глобально-эволюционистского синтеза В.С. Соловьёва разительно отличает его и от современных научных теорий, и от преобладающих ныне версий теистического эволюционизма, где прогрессистские идеи чаще всего скрываются в подтексте, а говорится лишь о направленном, а не случайно-вероятностном процессе. В прогрессизме слышен самый громкий отзвук той оптимистической эпохи, в которую выпало жить философу и трагическое окончание которой он предощущал в последние годы жизни. Подобно многим в то время, он смотрел на историю мира как на «восходящий процесс всемирного совершенствования»[15]. По его замечанию, такое воззрение утвердилось под влиянием эволюционной биологии, так что «самое понятие процесса в общем сознании обыкновенно поглощается понятием поступательного развития или эволюции. Этот оттенок преобладает и… в понятии мирового процесса»[16]. Отсюда явствует, что в то время сама биологическая эволюция представлялась безусловно прогрессивной[17].

Чтобы понять, в чём состоит и выражается «всемирное совершенствование», на взгляд мыслителя, нужно вспомнить идеал и конечную цель, предначертанные мировому процессу. Этим идеалом и целью является всеединство, определяемое «наибольшей самостоятельностью частей при наибольшем единстве целого»[18]. Очевидно, что приближение к данному состоянию должно проявляться в росте внутренней сложности, то есть числа элементов и их отношений, а также свободы, гармонического единства и согласованности элементов в структуре целого. На личностном уровне свобода, согласие и единство сливаются в понятии любви. Вкупе со сложностью, они и являют собой основные критерии, по которым оценивается «совокупность всех перемен, совершающихся во вселенной»[19]. Соловьёв убеждён, что стремление к всеединству проявляется в самой последовательности стадий мирового процесса. За «первой материализацией Души мира» следует появление неорганической, а затем органической природы. Её эволюцию венчает создание человека, знаменующее начало нового, исторического, этапа. Его кульминационным событием стало Боговоплощение, с которого начался переход на финальную, богочеловеческую, ступень мирового процесса, подводящую непосредственно к всеединству, или Царству Божиему[20]. Все перечисленные стадии не упраздняют, а восполняют

[15] Соловьёв VIII: 211.
[16] Соловьёв X: 248.
[17] См. подр.: Ruse 2003: 334–339; Ruse 2019: 136–137, 145–147.
[18] Соловьёв VI: 45.
[19] Соловьёв X: 248.
[20] См.: Соловьёв 1969 XI: 313.

друг друга, образуя всё более сложный универсум, где вместе со свободой элементов возрастает их упорядоченная целостность. Сходная динамика прослеживается в рамках каждой ступени. Применительно к органическому этапу о ней явственно говорит теория эволюции. Соловьёву, вне всяких сомнений, импонировал образ эволюционного древа, представленный Дарвином в «Происхождении видов» (1859). Он передаёт постепенное "разрастание" из корня одной или нескольких примитивных форм непостижимого многообразия видов[21]. Кроме того, биология учит о поступательном усложнении самих организмов, чья пышная крона тянется ко всё более изощрённо устроенным формам, словно бы образующим всеединство в миниатюре. Добавим, что умножение видов сопровождается ростом их симбиотической связанности и других отношений, обеспечивающих динамическое равновесие в природе. Хотя русский философ не застал подъёма экологии, его мышление пронизано экологическими интуициями, что делает его одним из предшественников современной экофилософии и, в частности, экологической этики.

Историческая стадия эволюции отличается от органической в нескольких принципиальных моментах. Прежде всего она остаётся ещё не пройденной мировым процессом. Человечество – его ключевой субъект на этом этапе – пребывает в становлении. Природную же эволюцию Соловьёв считал в целом оконченной: с появлением нашего вида её смысл был исчерпан. Но если исторический процесс далёк от подобного завершения, чтó позволяет утверждать его прогрессивность? Обоснование, которое предлагает философ, развивается в двух направлениях. С одной стороны, озирая мировую историю и особенно Новое время, он приходит к заключению о главенстве позитивных изменений, наблюдаемых в её ходе. «Несмотря на все колебания и зигзаги прогресса…, все-таки остается несомненным, что равнодействующая истории идет от людоедства к человеколюбию, от бесправия к справедливости и от враждебного разобщения частных групп к всеобщей солидарности. Доказывать это значило бы излагать сравнительный курс всеобщей истории», – писал Соловьёв на исходе XIX столетия[22]. Приняв по-своему историософское кредо Просвещения, он не уставал учить в свои зрелые годы о «воспитательном и очистительном процессе истории, который медленными и сплетёнными путями ведёт природное человечество к превращению в духовное»[23]. Вытекая из понятия всеединства, критерии этого прогресса, в сущности, остаются теми же, что и на органической стадии эволюции, и «равнодействующая истории» им отвечает. «Внешним образом общее направление исторического процесса может быть определено как постепенное расчленение и индивидуализация частных сфер человеческой жизни, при возрастающем взаимодействии людей и объединении целого человечества»[24].

[21] См.: Дарвин 1939 III: 353–359.
[22] Соловьёв VII: 72.
[23] Соловьёв 1989 II: 278.
[24] Соловьёв X: 250.

С другой стороны, признавая факт несовершенства дел в сферах социальной и частной жизни, а также неясность будущего, Соловьёв оправдывал веру в прогресс с помощью эволюционных соответствий. То, как активно он использовал этот приём, чтобы отвести от себя обвинения в утопизме, красноречиво свидетельствует об эволюционистском характере его образа мысли. Так, обсуждая проблемы искусства, которому он приписывал теургический смысл, состоящий в преображении мира, Соловьёв объясняет его неадекватность своей подлинной сути общей неразвитостью искусства, преодолимой с течением времени[25]. Это относится и к половой любви. Если мы не находим в ней её подлинного назначения – «воплощения идеальной человечности» и «создания абсолютной индивидуальности», к коим призваны любящие, столь досадное обстоятельство имеет ту же причину: «Любовь для человека есть пока то же, чем был разум для мира животного: она существует в своих зачатках или задатках, но еще не на самом деле»[26]. Далее аналогия уточняется: мозг развился не по воле самих сапиенсов – над любовью же нам следует *работать* в направлении её одухотворения. Эта мысль даёт начало новой параллели, в этот раз из сферы эволюции языка. В сочинении «Смысл любви» Соловьёв прибегает к распространённой тогда междометной гипотезе, по которой язык происходит из рефлекторных выкриков, которые медленно культивировались на пути к настоящей речи. Так и любовь мужчины и женщины пребывает ещё на “междометной” ступени, «в тёмной области смутных аффектов и невольных влечений», но это лишь ранняя, примитивная фаза в её продвижении к высшей форме[27].

Наконец, в той же самой эволюционистской логике объясняется как таковая ситуация человека. Будучи тленными, мы ощущаем противоестественность смерти и жаждем жить вечно. Соловьёв находит эту интуицию многозначительной и столь же многообещающей. Мы хотим, значит можем и, следовательно, должны – вот её истинное содержание, которое обнаруживается в правильно понятой идее сверхчеловека[28]. Опытным подтверждением, что история в самом деле направляется идеалом бессмертия, служит вся новая эра, начавшаяся с Рождества и Воскресения Христа. У этих событий есть два фундаментальных смысла. В ретроспективном плане они ознаменовали финал органической эволюции. Приняв человеческую природу и освободив её от владычества смерти, Бог тем самым сообщил ей абсолютность. Это стало указанием на то, что эволюционный поиск совершенной органической формы пришёл к концу. Вся дальнейшая работа творческого становления может совершаться теперь внутренне, духовно, в рамках данной формы. Она единственно пригодна для этого, потому что способна «вместить всю полноту абсолютного содержания»[29]. В перспективе же эти события

[25] См.: Соловьёв VI: 90.
[26] Соловьёв VII: 23.
[27] Соловьёв VII: 25–26.
[28] Соловьёв IX: 265–274.
[29] Соловьёв VII: 12–13; Соловьёв IX: 269–270.

значат то, что можно удобно выразить римской пословицей, обратив её смысл в контрарный: «Одна ласточка *делает* весну». То, что произошло с Христом, проливает свет на грядущую участь человечества. Из природного и смертного оно обратится в духовное и нетленное. Ибо с Богочеловека началась заключительная стадия земной истории – эволюция богочеловечества или, что то же, в полноте осуществлённого всеединства через обóжение и победу над смертью. Таким образом, «к человеку стремилась и тяготела вся природа, к Богочеловеку направлялась вся история человечества», и сейчас мир на пути к Царству Божьему, означающему «всеобщее воскресение и [бытийное] восстание всяческих», не одних только людей, а всего творения, и «полную реализацию божественного в природно-человеческом чрез Богочеловека-Христа»[30].

«Мучительное рождение»

Восходящий к идеальной цели, мировой процесс становится всё трагичнее с каждой новой его ступенью. Поскольку приближение к идеалу означает возрастание свободы и, стало быть, неопределённости, достичь большего совершенства невозможно без роста числа проб и масштаба ошибок. У Соловьёва существование зла во всех его формах имеет единое объяснение – именно незавершённость творческой эволюции мироздания. По замечания П.П. Гайденко, соловьёвская теодицея, «как ни парадоксально, имеет общий вектор с естественнонаучным эволюционизмом»[31]. Это не просто верно, но и не парадоксально, если принять во внимание глобально-эволюционистский контекст всей доктрины философа. В несовершенстве мира он усматривает залог его последующего развития, которое совершается на основе диалектики свободы и детерминизма: «Творение есть постепенный и упорный процесс; это – библейская и философская истина, так же, как и факт естественной науки. Процесс, предполагая несовершенство, предполагает тем самым определенный прогресс, состоящий во все более и более глубоком и полном объединении материальных элементов и анархических сил, в преображении хаоса в космос, в живое тело, могущее послужить для воплощения Божественной Премудрости»[32]. О росте свободы говорит последовательность стадий мирового процесса: в неорганическом мире почти всецело царствует детерминизм, в органическом заметно больше свободы, а с появлением человека, на исторической стадии, свобода – первостепенный фактор, и его роль только усиливается с течением времени. В этом процессе обнаруживается динамизм Мировой души. Первооснову вселенной философ рисует по-человечески психологизированной: ей свойственно противоборство стремлений двух типов: стихийно-импульсивных, идущих из её низменного, хаотического начала, и возвышенно-духовных, обращающих её к единению с Божеством[33]. Творец одарил её свободой, она злоупотребила ею и с тех пор проходит через, по сути, тот же «воспитатель-

[30] Соловьёв III: 165; Соловьёв 1989 II: 308.
[31] Гайденко 2001: 60.
[32] Соловьёв XI: 304.
[33] Соловьёв XI: 295–296.

ный и очистительный процесс», что и всемирная история человечества. Видя внутреннюю борьбу, кипящую в ней, Бог отзывается на светлые порывы Мировой души, привлекает её к себе, чтобы та, совершенствуясь в своей свободе, утверждалась на пути к всеединству. Это медленное воспитание ведёт к тому, что Душа становится способна создавать, по внушению Божества, «всё более совершенные формы объединения небесного (предвечных идей в Боге. – *А.К.*) с земным (веществом, материей. – *А.К.*)», чтобы наполнить мир своими произведениями[34].

Итак, чем больше возрастает свобода, тем напряжённее становится творческий процесс: каждый следующий градус совершенства даётся ценой бóльших усилий в борьбе с неподатливой хаотичностью вещества. В неорганическом мире и флоре мы находим избыток формальной правильности при скудости жизненных проявлений, свободы и духа. В животном царстве мы замечаем следы долгих поисков и борений. «Отвоевывая шаг за шагом у хаотических стихий материал для своих органических созданий, космический ум бережет каждую свою добычу и покидает только то, в чем его победа была мнимою, на что безмерность хаоса наложила свою неизгладимую печать»[35]. Нужно заметить, что живая фантазия Соловьёва была пленена палеонтологическими находками, которыми изобиловал его век. В особенности динозавры, «все эти допотопные чудища», не давали ему покоя. Огромные существа, сделавшие блестящую эволюционную карьеру, по всей вероятности, прерванную катастрофой, совсем не научно, а скорее поэтически причислены русским философом к “жертвам” сей мнимой победы. Они «неудавшиеся создания», «выкидыши» природы, чем объясняется их уход в небытие[36]. «…Могут ли они принадлежать к совершенному и непосредственному творению Бога? – вопрошает мыслитель, как бы спо-ря с креационистами. – Если каждый род этих чудовищных созданий был *тов ме'од* (хорошо весьма)[37], почему же они окончательно исчезли с нашей земли, уступив место более удачным, более стройным и лучше уравновешенным формам?»[38]. Причины столь спекулятивных выводов, нестыкуемых с естествознанием, кроятся в прогрессизме. Подчёркнутый оптимизм в отношении мирового процесса оплачивается за счёт выбраковки родов и видов жизни. «Если они погибли, значит с ними что-то было не так» – таков вердикт любой слишком радужной и амбициозной телеологии.

Вообще говоря, вселенная представлялась Соловьёву необычайно морализованной. В этом свойстве он видел динамику, коррелирующую с ростом свободы. По мере овладения Душой мира своими стихийными силами, заодно со свободой в мироздании растёт альтруизм, который является универсальной формой любви. Уже даже всемирное тяготение

[34] Соловьёв XI: 303.
[35] Соловьёв VI: 56–57.
[36] Соловьёв XI: 304.
[37] Отсылка к первой главе Книги Бытия, ср. «Посмотрел Бог на всё, что Он создал, – оно было весьма хорошо» (Быт.1:31).
[38] Соловьёв XI: 304.

Соловьёв характеризует в нравственных терминах. Пусть ещё только механистически, внешне оно собирает физический мир воедино, обнаруживая в первых проблесках альтруизма стремление к всеединству. Еще больше дух любви присущ свету, который мыслится символически как дарение миру духовных энергий, делающих возможными жизнь и красоту. В одушевлённой природе мы встречаем существенное «повышение бытия» в нравственном плане. В первую очередь, в царстве животных, где вместе с резким ростом свободы заметны зачатки моральных и эстетических чувств. Сопряжённое с очевидным антропоморфизмом, это воззрение, как мы увидим далее, питало его энтузиазм в отношении теории полового отбора, имевшей – при всём колоссальном авторитете её основателя Дарвина – одиозную репутацию в эволюционистских кругах того времени[39]. Наконец, исторический этап мирового процесса был ознаменован гигантским скачком в обсуждаемом «повышении бытия». Если помнить о психологизации Мировой души по образу человека в учении Соловьёва, не приходится удивляться, что люди, в сущности, повторяют свойственный ей образ действия. С ними Бог обращается в том же духе – через внушение и притяжение, не попирая свободы смертных, ибо для финального «явления Царства Божия, необходимо согласие собирательной воли в человечестве на воссоединение всего с Богом»[40].

Не так давно, защищая В.С. Соловьёва от нападок критиков, считающих, что его творческое дело обнаружило бесплодность и в известном смысле тупиковость для дальнейшего развития отечественной мысли, Б.В. Межуев справедливо указал, что Соловьёв ставил и, как мог, решал крайне актуальные проблемы, не получившие ни до, ни после него должной разработки в русских философии и богословии. Круг этих проблем, а в его центре – взаимоотношения религии и науки, может быть сведён к вопросу: «Что делать религиозному человеку с очевидно безбожным Космосом?»[41]. К безбожному космосу нужно добавить бессмысленную историю. Этот вопрос, как он сформулирован Межуевым, анахроничен и вместе с тем прогностичен. Соловьёв, как большинство современных ему философов, исходил из других интуиций: ни космос, ни история не казались ему опустошёнными. Скорее материалисты страдали духовной раздвоенностью. Утверждая в теории безбожность вселенной, в практической этике они зачастую придерживались кантианства и, как Эрнст Геккель (1834–1919) поэтизировали природу. В то же время «расколдование мира» набирало силу: через два-три поколения после Соловьёва и космос, и история духовно опустели в сознании масс и элит.

Так что было делать религиозному человеку в этой небывалой прежде ситуации? Ответ русского философа прост и радикален: обожить космос и наполнить смыслом историю, вернув им то, что их по праву. И мы едва ли погрешим против истины, признав, что этот ответ был услышан. За истекшие полстолетия в слоях контркультуры отчётливо проявилась

[39] См.: Hamlin 2024.
[40] Соловьёв VIII: 225.
[41] Пружинин и др. 2024: 101.

воля к новому «заколдованию мира», принимавшая самые разные формы, от утончённо-интеллектуальных до примитивно-магических[42]. По-видимому, установки, близкие соловьёвским, неискоренимы и при господстве натуралистического мировоззрения. Причём их культурная значимость возрастала по мере рассеивания оптимизма, сопровождавшего научно-технический рост и то, что порой называют социальным прогрессом. Сам Соловьёв претворял свои интуиции и принципы в грациозную метафизику всеединства. Мы видели, что она не была вполне ортодоксально-христианской, хотя и менялась со временем в эту сторону. Я думаю, дело не только в личных склонностях и предпочтениях мыслителя. Ему было мало ресурсов, которые предоставляли традиционное христианство и в целом классический теизм. У них имелось одно серьёзное ограничение, затруднявшее построение глобально-эволюционистской системы. Это ориентированность на статический образ мира, сочетающийся с креационизмом в обычном смысле, а не с идеей вселенной, саморазвивающейся по замыслу и при участии Бога. Теистические версии эволюционизма только делали свои первые шаги, да и то в основном на Западе, а не в России. Вписать научный эволюционизм в контекст христианского мировоззрения стало задачей на XX в., и она обрела приемлемое решение ближе к его завершению.

Гностицизм, прежде всего в его христианизированной форме, взятой у Бёме и его английских последователей, а также у Шеллинга, стал для молодого Соловьёва средством преодоления данного ограничения. Как Бёме в начале XVII в., сознавший, что мир вдруг пришёл в состояние турбулентности, откликнулся динамической метафизикой, так и Соловьёв счел нужным сделать подобное. В его время мир вновь пришёл в движение, нараставшее от десятилетия к десятилетию. Но прихотливая мифология гностиков была слишком лёгким или, точней, легковесным выходом из затруднения. Отдаляя от неё своё творчество, философ шёл сразу в двух направлениях, сближая их, насколько возможно. Он приближался к последовательному эволюционизму и одновременно к христианской ортодоксии. Остаётся открытым вопрос: почему он дошёл не до конца в этом русле, сохранив часть гностического багажа? Бесспорно, одна из причин лежит в том, что ортодоксия и эволюционизм не совместимы полностью, без натяжек. Гностические элементы служили ему своего рода клеем, скреплявшим их так, чтобы можно было не допускать компромиссов, например, в вопросе о грехопадении.

Ближе к нашему времени ситуация переменилась. Сегодня противники безбожного космоса и лишённой смысла истории больше не строят всеохватных доктрин, подобных учению о всеединстве. С одной стороны, перед нами поборники эзотеризма, en masse усвоившие эволюционную перспективу, с другой – религиозные фундаменталисты, её отвергающие, а с третьей – та часть христиан, которая развивает и разделяет свой, теистический, тип эволюционизма. Как правило, этот тип не

[42] См., напр.: Berman 1981; McGrath 2002.

столь глобален, как у Соловьёва: он распространяется на космологическую и биологическую ступени мирового процесса, но не на историческую. Те, кто сегодня экстраполирует принципы эволюционизма на человеческую историю, чаще всего стоят на позициях, враждебных христианству. Итак, глобально-эволюционистский проект Соловьёва словно бы разделился на более частные области поисков и построений. Но в нём есть послание, значение которого представляется непреходящим, в особенности для нас, живущих в условиях экологического кризиса. Оно посвящено важности целостного восприятия природного мира, осознания нашей укоренённости в нём и сродства со всеми формами жизни, наделёнными своим совершенством, значимостью, красотой – своей причастностью к Богу.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое. Римские речи. М.: Никея, 2023. 400 с. [Averintsev S.S. Slovo Bozhie i slovo chelovecheskoe. Rimskie rechi (The word of God and the word of man. Roman speeches). Moscow: Nikeya, 2023. 400 p.]

Бальтазар Г.У. фон. Владимир Соловьев: пер. с нем. М.: ББИ, 2023. 143 с. [Bal'tazar G.U. fon. Vladimir Solov'ev (Vladimir Solovyov). Moscow: BBI, 2023. 143 p.].

Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Наука, 1993. 603 с. [Bulgakov S.N. Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1 (Works in two vol. Vol. 1). Moscow: Nauka, 1993. 603 p.].

Бурмистров К.Ю. Владимир Соловьев и европейский эзотеризм: проблема источников // Соловьёвские исследования. 2016. 50/2. С. 47–65 [Burmistrov K.Yu. Vladimir Solov'ev i evropeiskii ezoterizm: problema istochnikov (Vladimir Soloviev and Western Esotericism: The Problem Of Source Studies) // Solov'evskie issledovaniya. 2016. 50/2. P. 47–65].

Дарвин Ч. Сочинения в 9 тт. Т. 3. Происхождение видов путем естественного отбора / Под. ред. А.Д. Некрасова. М., Л.: АН СССР, 1939. 831 с. [Darwin Ch. Sochineniya v 9 tt. T. 3. Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora, in 9 vs. Vol. 3. The origin of species by natural selection) / Ed by. A.D. Nekrasov. M.; Leningrad: AN SSSR, 1939. 831 p.].

Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с. [Gaidenko P.P. Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka (Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age). Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 472 p.].

Козырев А.П. Софиология // Русская философия: Энциклопедия / Под ред. М.А. Маслина. М.: Книжный клуб Книговек, 2014. С. 591–595 [Kozyrev A.P. Sofiologiya // Russkaya filosofiya: Entsiklopediya (Sophiology // Russian Philosophy: An Encyclopedia) / Ed. by M.A. Maslin. Moscow: Knizhnyi klub Knigovek, 2014. P. 591–595].

Лосев А.Ф. Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева // Вл. Соловьев: pro et contra. Антология. В 2 тт. Т. 2. СПб.: РХГА, 2002. С. 823–871 [Losev A.F. Filosofsko-poeticheskii simvol Sofii u Vl. Solov'eva // Vl. Solov'ev: pro et contra. Antologiya (Vl. Solovyov's philosophical and poetic symbol of Sofia // Vl. Solovyov: pro et contra. The Anthology in two volumes. Vol. 1). V 2 tt. T. 2. Saint Petersburg: RKhGA, 2002. P. 823–871].

Любомиров Д.Е. Чарльз Дарвин и современная эволюционная парадигма // Труды Международной научной конференции «Чарльз Дарвин и современная биология» / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 755–760. [Lyubomirov D.E. Charl'z Darvin i sovremennaya evolyutsionnaya paradigma // Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Charl'z Darvin i sovremennaya biologiya» / Ed. by E.I. Kolchinskij. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. P. 755–760].

Пружинин Б.И., Козырев А.П., Межуев Б.В., Оппо А., Сидорин В.В., Тахо-Годи Е.А., Хориэ Хироюки, Чжань Байчунь, Щедрина Т.Г. Владимир Соловьев и будущее русской философии (материалы международного «круглого стола») // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 94–116 [Pruzhinin, Boris I., Kozyrev, Aleksey P., Mezhuev, Boris V., Oppo, Andrea, Sidorin, Vladimir V., Takho-Godi, Elena A., Horie, Hiroyuki, Zhang, Baichun, Shchedrina, Tatiana G. Vladimir Solov'ev i budushchee russkoi filosofii (materialy mezhdunarodnogo «kruglogo stola») (Vladimir Solovyov and the Future of Russian Philosophy: International «Round Table» Materials) // Voprosy filosofii. 2024. 2. P. 94–116].

Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 тт. / под ред. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова; 2-е изд. СПб., б.г. (репринт Брюссель: Жизнь с Богом, 1966, т. 11 (1969)) [Solov'ev V.S. Sobranie sochinenii v 10 tt. (Collected works in 10 vols.) / Ed. by S.M. Solov'ev i E.L. Radlov; 2-e izd. Saint-Petersburg, b.g. (reprint Bruxelles: Zhizn' s Bogom, 1966, Vol. 11 (1969)].

Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. 735 с. [Solov'ev V.S. Sochineniya v dvukh tomakh. T. 2. Chteniya o Bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika (Works in two volumes. Vol. 2. Readings on God-manhood. Philosophical journalism). Moscow: Pravda, 1989. 735 p.].

Храмов А.В. Предмирное грехопадение и эволюция в русской и английской религиозной мысли 1870–1920 гг. // Соловьёвские исследования. 2019. 61/1. С. 181–194. [Khramov A.V. Predmirnoe grekhopadenie i evolyutsiya v russkoi i angliiskoi religioznoi mysli 1870–1920 gg. (Pre-mundane fall and evolution in the Russian and English religious thought of the 1870–1920ss.) // Solov'evskie issledovaniya. 2019. 61/1. P. 181–194].

Berman M. The Reenchantment of the World. New York: Cornell University Press, 1981. 357 p.

Drozdek A. Solovyov: Chaos and All-unity. Laval theologique et philosophique, 2009. 65/1. P. 55–66.

Hamlin K.A. Myth 21. That Sexual Selection Was Darwin's Afterthought to Natural Selection // Darwin mythology: debunking myths, correcting falsehoods / Ed. by K. Kampourakis. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2024. P. 239–249.

McGrath A.E. The Reenchantment of Nature: The Denial of Religion and the Ecological Crisis. Galilee et al.: Doubleday, 2002. 204 p.

Ruse M. Belief in God in a Darwinian Age // The Cambridge Companion to Darwin / Eds. by J. Hodges, G. Radick. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2003. P. 333–355.

Ruse M. Removing God from Biology // Science without God? Rethinking the History of Scientific Naturalism / Eds. by P. Harrison, J. Roberts. Oxford, New York: Oxford University Press, 2019. P. 130–147.

Zdenek D.V. The Influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought // Slavic Review. 1962. 21/1. P. 43–64.

Карабыков Антон Владимирович, *доктор философ. наук, кандидат филолог. наук, доцент, профессор, кафедра культурологии и социокультурного проектирования, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; meavox@mail.ru*

V.S. Solovyov's global evolutionism Article I: General analysis of the system

The article examines V.S. Solovyov's religious and philosophical system in the aspect of its global evolutionist pathos. It is proved that evolutionism underlies his teaching and manifests itself in its metaphysics and theology, natural philosophy and social thought, ethics and aesthetics. The author argues that the Gnostic elements of the Solovyov's system serve as a link between his evolutionary worldview and the traditional Christian world-picture, which assumed a static image. By changing his teaching in the direction from Gnosticism to Christian Orthodoxy and at the same time preserving its evolutionist character, Solovyov was rebuilding that world-picture in line with the rejection of statics. So, he took the first significant step in the history of Russian thought towards creating a theistic evolutionism. It is shown that in his mature years, Solovyov imagined the universe to be created in such a way that it would develop by itself – with the participation of God the Creator, who appealed to its intelligent and living basis. Then the content of progressivism is revealed as one of the most important features of Solovyov's worldview, which bore the stamp of its optimistic era. According to the philosopher, global evolution is progressive, and the criteria of progress are given in the concept of all-unity. Solovyov combines his emphasized optimism with recognition of tragic aspect of evolution. This tragedy is explained by the fact that one of the manifestations of progress is the growth of freedom, which is part of the ideal of all-unity. But in the light of evolutionism, this growth means an increase in the difficulty of the creative process as well as in the number and severity of failures in its course.

Keywords: *all-unity, Soul of the world, world process, Darwinism, progress, Christianity, Gnosticism.*

Anton V. Karabykov, *Doctor of Philosophic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; meavox@mail.ru*

А.Ю. Вязинкин

ПЁТР ЛАВРОВ КАК ИСТОРИК ИДЕЙ, ИЛИ ГЕНЕАЛОГИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ

В статье представлен анализ идейного и научного наследия отечественного мыслителя Петра Лаврова в контексте проблематики истории идей на примере его исследования генеалогии социалистической идеи. Основное внимание уделено осмыслению Лавровым истории как длящегося процесса развития критического мышления. По мнению автора, Лавров, заимствовав у О. Конта историческую схему развития человеческого мышления, дополнил ее теоретическими положениями субъективного метода, предполагающего необходимость учета физиологии и психологии личности, то есть теории потребностей человека. Эта установка позволила обосновать возникновение «научного» варианта социализма в XIX в., а предыдущее развитие социальных учений от античности до конца XVIII в. рассматривать как подготовку рабочего социализма. Результаты исследования позволяют сделать вывод о презентистском характере истории идей Лаврова, что создает предпосылку для новой интерпретации роли идейного наследия народничества в интеллектуальной истории России.

Ключевые слова: *П.Л. Лавров; народничество; история идей; интеллектуальная история; рабочий социализм.*

Исторические взгляды крупнейшего теоретика народничества Петра Лавровича Лаврова (1823–1900) крайне редко становятся предметом изучения ученых-историков. В основном историки русской философии рассматривают исторические взгляды Лаврова исключительно в контексте историософской проблематики. Но и историки философии отмечают, что центральная идея «этического социализма» народника вырастала из штудий над историей мысли[1]. Цель данной работы состоит именно в том, чтобы впервые представить Лаврова как историка идей на примере его анализа генеалогии социалистической идеи.

Исторические взгляды Лаврова базируются на общетеоретическом представлении о том, что «история может быть рассматриваема как всеобъемлющее знание»[2], поэтому история вообще рассматривается народником как история развития критической мысли, как история мышления, история идей. При этом каждый исторический период раскрывается исследователю именно как совокупность психических отправлений и социологических явлений в собрании личностей[3], а для социального ученого его времени – как фазис прогресса. Теоретическая установка Лаврова в истории идей связана с представлением о том, что если общественная мысль останавливается на определенной группе идей, то общество, связавшее с ней свою судьбу, обречено на гибель, поскольку «формы мысли (именно идеи) преходящи»[4]. Последнюю ступень истории мысли, по мнению народника, представляет этап формулировки современных понятий об истине и справедливости[5], в его толковании –

[1] См. Рашковский 2005: 201.
[2] ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1762. Оп. 1. Д. 286. Л. 5.
[3] Лавров 1934а: 390.
[4] Лавров 1903: 25.
[5] Лавров 1875: 61.

научное учение о рабочем социализме. Конечно, и идеи самого Лаврова оказали существенное влияние на интеллектуальную историю России второй половины XIX в. «Он был удивительно радиоактивен»[6], – вспоминали о нем близкие, разделявшие его социальные идеи. Работой Лаврова «Исторические письма» зачитывалось целое поколение русских революционеров. Романтизм самопожертвования, пафос деятельной жизни, повсюду устремляющейся к идеалу социальной справедливости, умелое сочетание научности с жесткими нравственными требованиями, предъявляемыми к поколению – все это сделало востребованной философию подлинного властителя дум народнической интеллигенции.

Интеллектуальная генеалогия социалистической идеи представлена Лавровым в работе «Из истории социальных учений», где он оговорился, что не собирался писать полноценную историю социалистических идей, т.е. строго научное исследование социальных движений, поскольку это, по его мнению, было еще преждевременно. Замысел Лаврова состоял в фокусировке внимания на истории социальных идей, совокупность которых могла представить социалистическое движение как законное «с чисто исторической точки зрения»[7], а также в выявлении исторических форм обоснования идеи социальной справедливости. Для него важно было указать на созидательные аспекты идейных основ социальных движений, которые у него ассоциировались прежде всего с интеллектуальной позицией, обосновывающей задачу практической реализации «торжества труда над праздным эксплуататорством»[8]. Лавров понимал, что его работу будут воспринимать как апологию социализма, поэтому особо подчеркивал, что его замысел связан прежде всего с желанием представить социальные учения, интеллектуально предваряющие появление научного социализма, как исторически значимые попытки создать науку, определяющую закономерности развития общества.

«Социалистическая идея» в античности

По мнению Лаврова, в Древней Греции возникли первые мотивы философской и научной критики, которые пришли на смену тотальному религиозному сознанию. Он полагал, что проблема рационального общественного устройства могла быть поставлена в античности в ограниченном варианте, т.е. с учетом исторических обстоятельств. Общественные процессы в этот исторический период создавали определенные условия для выработки представления о социальной справедливости, сближения развитых личностей с массами, способов «привития» социуму образов общественного идеала. Эти условия возникновения новых социальных учений были благоприятны для понимания зависимости общественных процессов от характера хозяйственных отношений и разнообразия аффективных связей[9]. Однако цельности и последовательности в социаль-

[6] ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 178. Карт. 11174. Ед. хр. 27. Л. 5.
[7] Лавров 1934б: 143.
[8] Там же: 144.
[9] Там же: 197.

ных учениях, пытавшихся решить проблему справедливой общественной организации, теоретик народничества не увидел.

Лавров отмечает, что для разработки социального учения об общественной справедливости, которая начинается с борьбы против обычая и предания, необходимы были новые экономические условия, способствующие возникновению другой политической комбинации[10]. Народник указывает на историческую ситуацию «нравственного разложения» демократических Афин: рост хищничества в отношении слабых полисов, продажность на всех уровнях социальной иерархии, предвзятые приговоры судов и т. д. По Лаврову, интеллектуальная атмосфера V в. до н. э. такова: одни, ужаснувшись разнузданности, обращаются к образцу аристократической Спарты, жестко противостоящей праздности и разврату, другие же (Сократ и его ученики) – проповедуют уважение к труду[11]. Впрочем, отмечает народник, усилия последних оказались напрасны.

Древнегреческие риторы и софисты, отмечает Лавров, понимали все возможные затруднения, с которыми столкнутся практики, пытаясь при помощи продуманной системы законов добиться «улучшения общественного быта»[12]. Народник акцентировал внимание на том, что «сочинение» законодательства, в особенности Ликургом, овеяно легендами, что способствовало слепому подчинению масс. Лавров связывает перемену в идейной истории Эллады в V в. до н.э. с тем, что философы вышли из школ на площадь, чтобы популяризировать свои идеи. Общение риторов с массами неизбежно требовало адаптации политических и философских теорий к их интересам и умственным способностям. Народник полагает, что именно оспаривание древнего обычая, лежащего в основе традиционного миросозерцания, привело к обновлению содержания теоретико-философского и общественно-политического мышления: «всякое знание, как всякое жизненное действие, не безусловно, а только относительно; <…> “человек есть мера всему”; <…> следовательно, во имя пользы можно изменять все общественные порядки, и закон, установленный однажды обществом, имеет такое же право на уважение гражданина, как старое правило, освященное именем Ликурга или Миноса, Кекропса или Кадма, пожалуй даже, Афины или Аполлона»[13]. Это создавало благоприятные интеллектуальные условия для появления на исторической сцене «прожектеров законов», теоретиков общественного идеала, которые уже «догадывались о необходимости изменить экономические и семейные отношения для того, чтобы произвести действительное изменение и в политическом строе»[14].

Лавров задерживается на политической теории Гипподама Милетского, отмечая в ней чрезвычайно прозорливые для своего времени идеи: «во всем этом построении, о котором сведения весьма недоста-

[10] Там же: 199.
[11] Там же: 201.
[12] Там же: 203.
[13] Там же: 204.
[14] Там же: 205.

точны, важна одна мысль, что система правильного распределения собственности одна может служить основою правильного построения государства»[15]. Однако для проекта идеального общества Гипподама, о котором мы знаем в пересказе Аристотеля, характерна прежде всего не идея социальной справедливости, но числовая аргументация, оправдывающая рационалистическую тенденцию и пифагорейский принцип[16].

Привлекли народника и идеи равенства имущества и воспитания, принадлежащие Фалею Халкидонскому. Тем не менее Лавров отмечал и негативные стороны этого учения, трудно преодолимые для мыслителей, родившихся и воспитанных в рабовладельческом обществе, построенном на авторитете исторического опыта: «конечно, все его “равенства” относились лишь к гражданам; верный преданию древности и вполне отожествляя ремесленный труд с рабством, он основывал свое государство равных на невольничестве всего ремесленного класса, обращая его только в рабство не частное, а государственное»[17]. Советский и российский антиковед Э.Д. Фролов полагал, что теория Фалея содержит в себе зародышевые элементы социалистической мысли, хотя эгалитаризм его социальной программы не носил всеохватного характера: «идеальное общество мыслилось Фалеем как сословная корпорация, поскольку гражданами могли быть только землевладельцы, тогда как ремесленники низводились на положение государственных рабов»[18].

Коммунистические теории, по мнению Лаврова, уже в V в. до н. э. «бродили» в древнегреческом обществе. Сократ провозглашал уважение к труду, а Аристофан осмеивал «продажность демократии»[19]. Впрочем, между новатором Сократом и консерватором Аристофаном не было согласия в вопросах социальной и политической организации. Аристофан высмеивал не только «продажность демократии», но и нарочитую аскетичность Сократа[20], представлял его как «наглого софиста, натурфилософа и богохульника»[21]. В интеллектуализме Сократа и софистов комедиограф прозорливо «угадывал угрозу иным добрым традициям и зерно будущих губительных утопий»[22], Лавров же, склонный поддерживать все «левые» (эгалитарные, эмансипаторные, материалистические, революционные) теории, стремился выявить лишь те идеологические элементы, которые могли способствовать рождению социалистической идеи.

В политической философии Платона народник отмечает позитивные тезисы против «брачной монополии» и личной собственности, «признание воспитания, как важнейшей общественной функции для выработки надлежащих членов общества»[23]. Эти элементы, по его мнению,

[15] Там же: 206.
[16] Фролов 1991: 377.
[17] Лавров 1934б: 206.
[18] Фролов 1991: 378.
[19] Лавров 1934б: 206.
[20] Гаврилов 1989: 67.
[21] Нерсесянц 1996: 165.
[22] Гаврилов 1989: 76.
[23] Лавров 1934б: 212.

были фундаментальными основаниями социалистической идеи. Далее они дополняются развитием научного метода и разработанной идеей справедливости у Аристотеля[24]. Лавров обращается к учениям киников и стоиков, отмечая идеи отрицания государства и семьи первых и положительную теорию общечеловеческого братства вторых. Можно сказать, что для народника они составляют квинтэссенцию эмансипаторных социальных учений античности. Лавров представляет беглый обзор квазисоциалистических утопий III–II в. до н.э.: фантазию о гиперборейцах Гекатея Абдерского, экваториальную утопию Ямбула, идеальное общество на острове Панхея Эвгемера. Однако теоретик народничества отмечает, что их значение для развития социальных учений невелико.

Лишь однажды Лавров обращается не к античной мысли, а к практике – к попытке «социальной революции» царей-реформаторов Агиса IV Еврипонтида и Клеомена III Агиада в Спарте в III в. до н.э., но констатирует, что их преобразования носили скорее реставрационный характер: «при ближайшем рассмотрении мы заметим тут не попытку построить общество в новой форме, в виду удовлетворения лучше понятым человеческим потребностям, а попытку восстановить старое общество законов Ликурга, во имя идеализированного предания»[25]. Некоторые историки считают, что это действительно была социальная революция[26], проявление заботы о равенстве[27]. Т. Африка, напротив, полагает, что «спартанская революция» была «восстановлением военной мощи; средством было насилие, пропаганда и политический миф»[28]. Позиция историка заключается в том, что «спартанская революция» была основана не на стоической концепции братства, но на «конституционном фольклоре».

В позднеримский период Лавров диагностировал ослабевание критической мысли, на смену которой пришли авторитет священных символов и мистицизм языческий и монотеистический. Принятие христианства в империи он также оценил негативно: античный мир «стал под знамя тупого аскетизма и непонятного догмата, думая найти себе опору в федерационной организации международной церкви»[29]. Союз империи с христианскими иерархами явился причиной гонений на ереси, т.е. ожесточенной борьбы с любым сомнением в догмате. Наконец, упадок критической мысли трактуется Лавровым как условие бессилия «социалистической идеи»: «не имея опоры в критической мысли, давно пренебреженной, не имея опоры в свободе религиозной мысли, подавленной ортодоксальною церковью, которая стала лизать сандалии последних, самых ничтожных и развратных, цезарей, социализм последнего античного периода во всех своих проявлениях заглох»[30].

[24] Там же: 213.
[25] Там же: 214.
[26] Hadas 1932.
[27] Fuks 1962.
[28] Africa 1960: 267.
[29] Лавров 1934б: 217.
[30] Там же: 218.

«Религиозные социалисты»

В своей истории социальных учений Лавров следует за теоретическими построениями О. Конта в философском осмыслении интеллектуальной истории. Средневековая мысль оценивается им в контексте контовского представления о теологической фазе интеллектуального развития человечества. Согласно Конту, для теологической стадии характерно упование на сверхъестественные факторы, «произвольное вмешательство которых объясняет все кажущиеся аномалии мира»[31]. Лавров отмечает, что сознание средневекового человека представляет собой такую «форму мысли», которая, во-первых, заменяет ему недостающее знание, а во-вторых, «призрачно» удовлетворяет его чувство справедливости[32]. Саму форму мысли Лавров связывает с возможностью возникновения социальных учений, близких по своему идейному содержанию к социалистическому»: социальная эмоция христианского верования была пронизана надеждой на справедливость и чаянием эгалитарного общежития. С другой стороны, религиозная форма мысли в целом, по мнению народника, предполагает теорию случая и произвола богов, а также незыблемость авторитета класса посредников между сверхъестественными силами и простым человеком. Эти факторы, отмечал Лавров, «обессиливали страждущие классы и делали бесплодными слабые попытки масс и отдельных лиц расширить свою умственную деятельность или улучшить свое общественное положение»[33].

Развитие цивилизации хотя и давало научные плоды, но способствовало увеличению «пропасти» между высшими сословиями, которым были доступны многообразные блага, включая знание, и простым народом. Истолковывая сословный антагонизм с позиций социальной истории идей, Лавров сформулировал характерную для народничества концепцию: труд широких народных масс «дал досуг для деятелей мысли; они, благодаря вековой каторге масс, создали стройные миросозерцания»[34]. Но, по его мнению, эти «стройные миросозерцания» не были нацелены на решение вопроса об организации справедливого общежития.

«Религиозными социалистами» Лавров называл средневековых проповедников, которые требовали реорганизации общества на основаниях социальной справедливости во имя религиозных начал, желали уничтожить сословное неравенство, уменьшить страдания широких масс, утешить людей социальной надеждой. «Средневековые ереси», среди которых Лавров выделял богомилов и таборитов, отрицали церковные и сословные иерархии. Он видел в этих средневековых явлениях характерное для «социалистической агитации» умонастроение, ориентированное на исправление несправедливых форм общежития путем «нравственной и политической революции»[35]. Однако эти «религиозно-социалистические»

[31] Конт 2003: 23.
[32] Лавров 1934б: 145-146.
[33] Там же: 147.
[34] Там же: 148.
[35] Там же.

движения, по мнению Лаврова, были обречены на провал в условиях господства теологического строя мысли, а принцип авторитета, характерный для еретических и сектантских движений, «подрывал в них всякое общественно-прогрессивное значение»[36]. Социальные учения Средневековья признавались официозом ересью, поскольку уподоблялись массовому наваждению: массы как будто бы поддавались лукавому искушению, впадали в состояние фантазии без контроля сознания, становились сомнамбулами, тогда как для средневековой ментальности характерно представление о том, что «сны – это наваждения <…>, они способны привести к ереси»[37]. Еретические учения Средневековья, по сути, утопические фантазмы, поскольку ереси, существуя в мире жесткой иерархии, предлагали полное равенство – «равенство возвращенного рая»[38].

Сама христианская идея греха, предполагающая самоуничижение и транслируемая на широкие массы посредством каждодневных проповедей, по мнению Лаврова, нейтрализовала активность народа, подорвала на корню практическую возможность революционных преобразований. Христианская этика не могла предложить реального решения социального вопроса, не могла создать реального общественного равенства. Влияние христианской этики порождало лишь «благотворительность, послужившую к еще большему разделению и обособлению человечества на классы, на касты»[39]. Не способствовала решению социального вопроса и христианская установка на подчинение авторитету духовенства.

Лавров отмечает, что движения городских общин нередко инициировались «сверху» (приводит в пример деятельность понтификов Александра III и Григория VII). Вместе с тем, отмечает теоретик народничества, эти редкие факты не составляли систему социально-политической активности, которая могла бы совершить реальную социальную революцию. Идеалы же средневековых подвижников, преданных аскетической практике, Лавров квалифицировал как фантастические и отрицавшие основные человеческие потребности, утверждал, что они не имели «ничего общего с реальной жизнью, которая шла в замках, городах и деревнях феодальной Европы»[40].

Аскетический идеал торжествовал в монастырях, где господствовало, по мнению Лаврова, «коммунистическое начало». Но такое стало возможным благодаря отречению монахов от мирской общественной деятельности, что уничтожало общественную инициативу. Результат, как отмечает Лавров, должен был быть плачевным: «в два-три поколения монастыри, основанные на богословско-коммунистических началах, превращались в притон отупения, сребролюбия и разврата»[41]. Нравственное влияние Церкви и ее незыблемый авторитет неизбежно породили идею необходимости сохранения статус-кво.

[36] Там же: 149.
[37] Ле Гофф 2001: 326.
[38] Дюби 2000: 126.
[39] Лавров 1934б: 149.
[40] Там же: 150.
[41] Там же.

Средневековые социальные идеи, направленные на установление общества равенства и справедливости, Лавров квалифицировал как «христианский социализм». Но эту форму социальной теории он считал чуждой и враждебной «действительному прогрессу мысли и жизни»[42]. По его мнению, социальный переворот под эгидой средневекового христианства требовал безусловного подчинения авторитету Церкви. Даже движения, направленные против Церкви, вдохновлялись авторитетом безальтернативного догмата. Лавров писал: «Социалистические общества, построенные под этим влиянием, должны были дать почти всюду самые уродливые результаты. История всех еретическо-социалистических движений, вызванных оппозициею против средневековой церкви, подтверждает это положение»[43]. На основаниях догматизма и авторитаризма, по мнению народника, не может быть построено справедливое общество, поскольку догматы и авторитеты нейтрализуют критическую мысль, а без критической мысли невозможен и обдуманный план общественной перестройки.

В критике Лавровым идейного содержания средневековых социальных движений мы усматриваем скрытую полемику народника с христианским социализмом, феноменом европейской мысли середины XIX века, представленным в теоретических работах Ч. Кингсли, Ф.Р. де Ламенне и др. Исследователи связывают появление христианского социализма в Европе с тем, что популярность социалистической идеи вызвала к жизни сравнительный анализ основных положений этого учения с содержанием социального учения христианства. Общие идеи, которые отмечал и сам Лавров, у христианства и социализма есть. В первую очередь речь идет о коллективизме, характерном как для социализма, так и для христианства. Для обеих масштабных концепций мироустройства характерен «надличностный нарратив»[44]. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, общая платформа у христианства и социализма есть, но их синтез не является идеологией освобождения, а напротив, становится итерацией феодализма: «Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным. Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм – это лишь святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа»[45].

В целом верно замечание исследователя христианского социализма XIX столетия Б. Мерчленда о том, что это явление было скорее религиозным и моральным, чем политическим и экономическим, а сами христианские социалисты «стремились поддержать христианские традиции в условиях нового экономического порядка и защитить веру от атеизма

[42] Там же: 151.
[43] Там же: 153.
[44] Шипилов, Шипилова 2024: 32.
[45] Маркс, Энгельс 1955: 449.

и секуляризма, которые часто сопровождали этот порядок»[46]. Христианские социалисты в Англии опирались на идеи социальной справедливости и христианской морали[47]. Идеи преодоления общественной несправедливости и в целом критический социальный пафос характерен и для крупнейшего теоретика христианского социализма Ф.Р. де Ламенне[48].

В статье «Сент-Бев как человек» Лавров продемонстрировал хорошее знакомство с работами и взглядами де Ламенне и выразил позитивное отношение к его отходу от ультрамонтанства и повороту к социалистическим теориям[49]. Это, однако, не отменяет общего крайне скептического отношения Лаврова к попыткам совместить христианское мировоззрение с социалистическими теориями. Резюмируя, он обозначает интеллектуальные и социальные причины, которые препятствовали развитию теорий социальной революции в эпоху средневековья: 1) религиозный строй мысли, враждебный рационалистическому построению научной социологической теории; 2) авторитет духовенства, который препятствовал организации народного протеста; 3) «ложные экономические начала» в попытках реализовать «социалистические революции» (представление о земле как основном источнике богатства, полное преобладание натурального хозяйства над промышленным)[50].

«Политическая метафизика»

Лавров понимает историю идей по Конту, утверждая, что теологический фазис был сменен фазисом метафизическим[51]. Суть политической метафизики, по мнению народника, заключалась в выработке общих представлений и абсолютных идей, которые определялись как действующие агенты истории. Он трактует такую практику в общественно-политической мысли как искусственную замену теологических акторов истории в лице богов и иных сверхъестественных сил, этих администраторов социальной и исторической реальности, на отвлеченные понятия-сущности. К корпусу отвлеченных идей политической метафизики Лавров относил идеи права, свободы, равенства, идеи республики и конституции. Однако он указывал на разрыв между политической метафизикой и социальной реальностью. Простое провозглашение свободы или республики, которые понимались как универсальные «лекарства», способные исцелить от социальной несправедливости и унижения человеческого достоинства, в действительности не могло изменить общественной действительности. Манифестация того или иного метафизического принципа не спасает народы от угнетения, его недостаточно в деле освобождения широких народных масс.

По мнению Лаврова, «метафизические приемы мысли» удовлетворяли интеллектуальные потребности только привилегированного меньшинства, но его представители не были готовы к практическому воплo-

[46] Murchland 1982: 64.
[47] Новиченко 2001: 147.
[48] Кротов 2011: 267.
[49] Лавров 1881: 444–445.
[50] Лавров 1934б: 156.
[51] Там же: 159.

щению этих идей в социальной реальности. А те, что были достаточно решительны, не умели эффективно претворить в жизнь соответствующие социальные и политические перемены. Широкие народные массы, напротив, оказались в заложниках политиков-метафизиков и социальных экспериментаторов. За их неумелые реформы «народ платил тяжелыми поборами, кровью, иногда остатками лучших преданий прошедшего»[52]. Отвлеченные от реальной жизни концепты, предлагаемые экспериментаторами, могли быть модными книжными идеями, но оставались непонятными для широких народных масс, которые были объектом этих экспериментов. Вместе с тем Лавров отмечает, что социальные теоретики, стремившиеся к популяризации собственных идей в народе, постепенно приучали широкие массы к совершенствованию приемов общественной борьбы. Эти процессы в Новое время постепенно формировали в народе не только отрицательную критику, но и созидательную, подготавливая условия для теоретической разработки идеала рабочего социализма, который должен был восторжествовать на руинах «метафизического строя буржуазно-легального государства». Лавров отмечает, что отрицательная критика состояла в эту эпоху в противопоставлении метафизического убеждения теологическому авторитету. Носитель новых идей вырабатывал в себе не только теоретическое убеждение, но и идею претворения в жизнь идеалов, и эта самостоятельная мысль создала науку, в чем и состояло интеллектуальное основание эпохи Просвещения. Возникновение науки на основе новых метафизических начал было условием выработки теории радикального социального переворота, цель которого состоит в устранении диктата правительств, занятых политическими интригами, и духовенства, чье нравственное влияние интеллектуально и духовно закабаляло широкие народные массы[53].

Параллельно, отмечает Лавров, критика католического традиционализма шла с позиций буквального понимания «евангельского мифа» о бедной жизни Христа. Жизненность этого «мифа» обосновывается востребованностью метафизической идеи совершенного божественного общества, существующей в психоэмоциональной парадигме надежды христиан на справедливое будущее. Некоторые из еретических направлений подобного толка стали в XVI в. частью масштабного протестантского движения. Эта отрицательная критика традиционализма, хотя и имела положительные черты с точки зрения решения социального вопроса, но, по сути, опиралась на букву предания, и представляла собой метафизическую форму мышления, базирующуюся на богословских началах. Христианское предание, по мнению Лаврова, написано «темным языком» и потому под него могло быть искусственно подведено любое мировоззренческое содержание: от супранатурализма до материализма. Это свойство подразумевает вариативность протестантской идеологии в связи с проблемой социальной революции: «он [протестантизм – *А.В.*] был и остался всегда не прогрессивным началом развития,

[52] Там же: 160.
[53] Там же: 160–162.

указывающим определенные прогрессивные направления, но учением, способным приноровиться ко всякому времени, ко всякому направлению, толкавшему человечество на путь прогресса или реакции, как и ко всякой проповеди застоя»[54]. Теоретические основы протестантизма не имели в себе оснований положительной критики, но историческое значение протестантизма было связано с его союзом с индивидуализмом, политической оппозицией и идеей свободы религиозной совести. Для отрицательной критики просветителей характерна идея «метафизической свободы», что Лавров трактует как отсутствие реального положительного идеала. По его мнению, эти теории, отрицая авторитет Церкви и монарха, тем не менее не имели опорной силы, которую в лице рабочего пролетариата обрел в XIX в. «новый социализм»[55].

История показала, отмечает Лавров, насколько силен реакционный элемент в политическом либерализме. Метафизический принцип свободы, утверждает теоретик народничества, нередко оказывался прикрытием стремления эксплуатировать широкие народные массы и отъема у пролетариата средств для исправления социального положения. Переход от теоретического либерализма к практическому консерватизму, полагает Лавров, был неизбежен. Исследуя генеалогию идеи социальной свободы, народник отмечает, что уже протестантизм, провозглашавший идеал свободы религиозного убеждения, нередко становился гонителем иноверцев: «Лютер вооружился против народного и социалистического движения анабаптистов; Кальвин сжег Серве за отрицание “троицы”, гнал Кастеллио за провозглашение того самого принципа религиозной терпимости, который дал возможность утвердиться кальвинизму»[61].

«Бумажные» права не соответствуют чаяниям пролетариата, заинтересованного в реальном общественном перевороте, который бы ликвидировал несправедливый государственный строй и предоставил бы право на свободный труд. И все же отрицательная критика либерализма, отмечает Лавров, была важна как научный анализ и теоретическая борьба «на почве реализма»[62]. Именно этот научный анализ является источником работы организационной мысли, которая способна выстроить философскую систему реальной социальной революции.

Научная критика столкнулась с тяжелым историческим наследием в ментальности интеллектуалов и масс, содержание которого представляло собой амальгаму из народных предрассудков, отвлеченных философем, мифических преданий и метафизических положений. В XVI в., отмечает Лавров, отрицательная критика подготовила материал для критического разбора авторитетов средневекового предания, применяемого к точным наукам, а в следующем столетии выработала методологию реальной науки в области естествознания. В XVII–XVIII вв. произошли существенные сдвиги в европейской ментальности, когда критическая

[54] Там же: 165–166.
[55] Там же: 166–167.
[61] Там же: 168–169.
[62] Там же: 169.

мысль подорвала «в самых существенных основах средневековые привычки мысли»[63], освободив человеческий ум. Идеология политической свободы подкреплялась научным реализмом и здравым смыслом, которые использовались без оглядки на утратившие актуальность авторитеты традиции. Однако одной политической революции для изменения положения пролетариата недостаточно. Великая французская революция, по мнению Лаврова, была решающей попыткой отрицательной критики на теоретических основаниях метафизической свободы, отвлеченного народовластия и радикальных общественно-политических преобразований совершить реальную политическую революцию.

Народник высоко оценил вклад теоретиков французской революции в развитие освободительной мысли и генезис социалистической идеи. Великая французская революция, основанная на идеях свободы в ее буржуазно-конституционной форме и радикальной республики в виде союза автономных коммун, «отняла у жалких потомков деятелей средневекового строя всю силу, все влияние, все обаяние, какое они имели когда-то, и превратила их усилие восстановить старое в жалкую и бессильную игру без будущности и без смысла; наконец, расчистила почву для деятельности органической критики, которая должна была не только разрушить старое, но положить основы здания нового социального строя будущего, опирающегося на труд и свободную федерацию»[64].

Лавров отмечает, что идеология, породившая Великую французскую революцию и построенная на идее политической революции под лозунгами «свобода, равенство, братство», в действительности подготовила возникновение созидательной критики общества. Последняя заключалась в создании программы общественного строя, в котором личность, опираясь на свой производительный труд, обретает действительную свободу, а разумная кооперация рабочих порождает действительное равенство. Становление такого общества в перспективе должно осуществляться на теоретическом и практическом базисе «реальной солидарности всех личностей, созидающих общее гармоническое царство труда»[65]. Подтверждает эту позицию и современный историк Р. Шартье, отмечающий, что идеология Великой французской революции основывалась на подготовленных в европейской интеллектуальной культуре просветителями значимых принципах: то есть на «критике религиозного фанатизма и проповеди веротерпимости, доверии к наблюдению и опыту, критическом рассмотрении всех институтов и обычаев, понятии естественной морали, новом осмыслении связи политики с обществом, которое исходит из идеи свободы»[66].

По мнению народника, переход от отрицательной критики к созидательной неизбежен, поскольку соответствует логике исторического развития критической мысли: неизбежный переход от разлагающей ра-

[63] Там же: 170.
[64] Там же: 171–172.
[65] Там же: 172.
[66] Шартье 2001: 26.

боты мысли к организующей. Таким образом, Лавров находит «оправдание» существованию политической метафизики, пусть и не решающей социальный вопрос вполне, именно в том, что она есть закономерный этап развития критической мысли, который готовит общественную науку, на чьей основе возможно построение рационального социализма. Политическая метафизика не могла решить социального вопроса по причине устойчивости архаичных элементов европейской культуры: «Церковная, монархическая и территориально-экономическая традиции обладали еще слишком значительными силами, были слишком живучи для того, чтобы, даже при состоянии полного разложения средневекового строя, церковь, монархическое государство и юридическая форма землевладения были бы склонны уступить свое место другой системе учреждений, другому строю, самые основания которого, как следует помнить, не были еще выработаны тогда даже в теории»[67].

Таким образом, политическая метафизика подготовила теоретическую почву для разработки теории научного реализма и научного социализма, причем, как отмечает Лавров, в России эта новая теория, как организующий элемент социалистической идеологии, вынуждена бороться еще и с не отжившими элементами средневековой культуры – императорским самодержавием и православной обрядностью[68].

Идея социальной революции должна дополнить идею революции политической, что и стало происходить, когда политический либерализм был дополнен социалистическими концепциями Г. Бабёфа, Ш. Фурье, А. Сен-Симона. Социалистические теории, утверждает Лавров, показали подлинный общественный идеал, который повлиял на политическое сознание активистов освободительного движения таким образом, что «среди политических деятелей, либеральных конституционалистов и радикальных революционеров, исчезла вера в их метафизического бога, в их всеврачующие формулы свободы, конституции легального государства и т.п.»[69]. Предшественники же социалистов – политические метафизики представляют собой в XIX в. силу реакционную, предлагающую вместо социальной революции идеи сильной государственной власти и полицейского порядка. Перемещение власти, обновление «легальной комбинации» не соответствуют требованиям времени, утверждает народник, эти идеи не являются прогрессивными, но, напротив, представляют собой основу реакционного миросозерцания.

Ценности «политической метафизики» интерпретируются Лавровым как фикции, т.е. как декларации и приемы политической мысли, которые в реальности не находят себе применения, поскольку любой свод законов, любой кодекс бессилен перед действительным мошенничеством бирж, акционерных компаний, правительств и т.д. Лавров подытоживает свое отношение к феномену «политической метафизики»: «Метафизический бог отвлеченной политической свободы имел смысл

[67] Лавров 1934б: 173.
[68] Там же: 174.
[69] Там же: 175.

лишь как отрицание конкретных форм церкви, абсолютной монархии, землевладения, как основы экономических отношений. Он оказывается пустым словом, когда пред ним становится задача нового времени»[70].

Политическая власть и система права, созданные либеральной идеологией политических метафизиков, предоставили «свободу» эксплуатации образованным меньшинством широких народных масс, «равенство» влиятельного капиталиста с нищим пролетарием[71]. Концепция «политической метафизики» определяется Лавровым не только в контексте отвлеченной истории идей, но и в контексте социальной истории, цель которой, как он полагает, состоит в выработке социалистического мировоззрения и идеала осознанной солидарности. С его точки зрения, либеральные идеи политического освобождения зачастую были не истиной убеждения, но инструментом интересов буржуазии, ставившей «политическую метафизику, великие принципы отрицательной критики, как стенобитное орудие для своих завоеваний»[72]. Лавров приводит примеры, когда буржуазия, даже придерживавшаяся республиканских взглядов, примыкала к самым реакционным силам для борьбы с рабочими движениями во Франции и Германии. Эти явления Лавров считает феноменами разложения общества, результатом которых стали политический индифферентизм и нравственный упадок буржуазного социума Европы. Но народник был полон оптимизма, указывая на организующее начало научной критики, лежащей в основе социалистической идеологии.

***

Лавров признает, что источник религиозного творчества, метафизических изысканий и научного знания один и тот же – потребности человека, ставящие перед ним практические жизненные задачи. Мифологические картины, отвлеченные идеи и четко определенные категории научного знания, выстроенные в линию познавательных результатов человека, представляют собой типичную позитивистскую схему развития мышления. Но в следующей фазе умственной работы, отмечает Лавров, «человек связывает эти результаты обдуманной и критически взвешенной гипотезой и строит их в одно философское целое»[73]. Однако позитивистская схема дополнена у теоретика народничества самостоятельными идеями, которые отчасти предвосхищают установку А. Лавджоя, полагавшего, что за внешними различиями «историк отдельных идей стремится разглядеть общие “ингредиенты”: логические, псевдологические или аффективные»[74].

Для истории социальных учений Лаврова характерен определенный элемент презентизма. Народник представляет мотивы взаимосвязи экономических, социальных, политических и умственных трансформаций отошедших в историю обществ в соответствии с интеллектуальны-

[70] Там же: 176.
[71] Там же: 178.
[72] Там же: 179.
[73] Там же: 180.
[74] Лавджой 2001: 10.

ми представлениями своего времени. Причем этот презентизм вновь проявляется в тех случаях, когда теоретику удобно провести исторические параллели, обосновывающие закономерность (вплоть до неизбежности) возникновения и развития социалистической идеи.

Появление научного социализма в XIX столетии, отмечает народник, связано с достижениями биологии и психологии. В дополнение к этому сама политическая революция, затем неизбежное на фоне полного господства капиталистического производства явление рабочих союзов и обширной литературы, посвященной рабочему вопросу. И все это в совокупности порождает идею международного рабочего социализма, ведущим теоретиком которой выступил сам Лавров.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Лавров П.Л. История как знание // ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 2. Д. 286.

Лавров П.Л. Опыт истории мысли. Т. 1. [Вып. 1]. СПб.: ред. журн. «Знание», 1875. 162 с.

Лавров П.Л. Сент-Бев как человек // Отечественные записки. 1881. Т. CCLIV. № 2. Отд. 1. С. 435–464.

Лавров П.Л. Цивилизация и дикие племена. СПб.: Коммерч. скоропеч., 1903. 264 с.

Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934а. Т. 1. С. 163–394.

Лавров П.Л. Из истории социальных учений // Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934б. Т. 2. С. 143–252.

Статьи памяти П.Л. Лаврова // ОР РГБ. Ф. 178. Карт. 11174. Ед. хр. 27.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Гаврилов А.К. Ученая община сократиков в «Облаках» Аристофана // Некоторые проблемы истории античной науки. Сборник научных работ. Л., 1989. С. 62–77. [Gavrilov A.K. Uchenaja obshhina sokratikov v «Oblakah» Aristofana (The learned community of abbreviations in Aristophane's "Clouds") // Nekotorye problemy istorii antichnoj nauki. Sbornik nauchnyh rabot. Leningrad., 1989. P. 62–77].

Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с. [Duby G. Trehchastnaja model', ili Predstavlenija srednevekovogo obshhestva o sebe samom (The three-part model, or the ideas of medieval society about itself). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 2000].

Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д: «Феникс», 2003. 256 с. [Comte A. Duh pozitivnoj filosofii. Slovo o polozhitel'nom myshlenii (The spirit of positive philosophy. A word about positive thinking). Rostov n/D: Feniks, 2003].

Кротов А.А. Философия просвещения и христианский социализм (Ф. Р. Ламенне) // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 1(2). СПб., 2011. С. 261–267. [Krotov A.A. Filosofija prosveshhenija i hristianskij socializm (F. R. Lamenne) (Philosophy of Enlightenment and Christian Socialism (F. R. Lamennais)) // Filosofskoe obrazovanie: Vestnik Associacii filosofskih fakul'tetov i otdelenij. Vyp. 1(2). Saint-Petersburg, 2011. P. 261–267].

Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с. [Lovejoy A. Velikaja cep' bytija: Istorija idei (The Great Chain of Being: A Study of The History of An Idea). Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2001].

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с. [Le Goff J. Srednevekovyj mir voobrazhaemogo (The Medieval World of the Imaginary). Moscow: Progress, 2001].

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч.: в 50 т. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459. [Marx K., Engel's F. Manifest kommunisticheskoj partii (Communist Party Manifesto) // Sochinenija: v 50 t. Izd. 2-e. Moscow: Gospolitizdat, 1955. T. 4. P. 419–459].

Нерсесянц В.С. Сократ. М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1996. 312 с. [Nersesjanc V.S. Sokrat (Socrates). Moscow: Izdatel'skaja gruppa INFRA-M-NORMA, 1996].

Новиченко И.Ю. Чарльз Кингсли и английский христианский социализм середины XIX века. М.: РОССПЭН, 2001. 296 с. [Novichenko I.Ju. Charl'z Kingsli i anglijskij hristianskij socializm serediny XIX veka (Charles Kingsley and mid-19th century English Christian socialism). Moscow: ROSSPJeN, 2001].

Рашковский Е.Б. Историология Петра Лаврова: взгляд из сего дня // Россия и современный мир. 2005. № 1. С. 196–206. [Rashkovskiy E.B. Istoriologija Petra Lavrova: vzgljad iz sego dnja (Historiology of Pyotr Lavrov: a view from today) // Rossija i sovremennyj mir. 2005. № 1. P. 196–206].

Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1991. 440 с. [Frolov Je.D. Fakel Prometeja. Ocherki antichnoj obshhestvennoj mysli (Prometheus' torch. Essays on ancient social thought). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1991].

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001. 254 с. [Chartier R. Kul'turnye istoki Francuzskoj revoljucii (Cultural origins of the French Revolution). Moscow: Iskusstvo, 2001].

Шипилов И.А., Шипилова А.А. Христианский социализм в истории политико-правовой мысли // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 31–33. [Shipilov I.A., Shipilova A.A. Hristianskij socializm v istorii politiko-pravovoj mysli (Christian socialism in the history of political and legal thought) // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. № 2(230). P. 31–33].

Africa Th. Phylarchus, Toynbee, and the Spartan Myth // Journal of the History of Ideas. Vol. 21. 1960. № 2. P. 266–272.

Fuks A. Agis, Cleomenes, and Equality // Classical Philology. Vol. 57. 1962. № 3. P. 161–166.

Hadas M. The Social Revolution in Third-Century Sparta // Classical Weekly. Vol. 26. 1932. № 10. P. 73–76.

Murchland B. The Dream of Christian Socialism: An Essay on its European Origins. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1982.

***Вязинкин Алексей Юрьевич**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «История и философия». Тамбовский государственный технический университет; vyazinkin@yandex.ru*

Pyotr Lavrov as a historian of ideas, or genealogy of the socialist idea

The article presents an analysis of the ideological and scientific heritage of the Russian thinker Pyotr Lavrov in the context of the history of ideas using the example of his study of the genealogy of the socialist idea. The main attention is paid to Lavrov's theoretical and methodological understanding of history as an ongoing process of development of critical thinking. According to the author, Lavrov, having borrowed from A. Comte the historical scheme of the development of human thinking, supplemented it with the theoretical provisions of the subjective method, which presupposes the need to take into account the physiology and psychology of the individual, that is, the theory of human needs. The latter made it possible to substantiate the emergence of the "scientific" version of socialism in the XIX-th century, and the previous development of social teachings from antiquity to the end of the XVIII-th century as preparation for workers' socialism. The findings allow us to draw a conclusion about the presentist nature of the history of Lavrov's ideas, which creates the prerequisite for a new original role of the ideological and memory content of populism in the intellectual history of Russia.

***Keywords:** P.L. Lavrov; populism; history of ideas; intellectual history; workers' socialism.*

***Viazinkin Aleksei Yurievich** PhD (Philosophy), associate professor, Tambov State Technical University; vyazinkin@yandex.ru*

Т.Г. Скороходова

ОПЫТ ПОСТИЖЕНИЯ ИНДИЙСКОЙ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОМЕШЧОНДРО ДОТТО[1]

Исторические труды бенгальского экономиста и политика Ромешчондро Дотто рассматриваются в контексте исторического мышления Бенгальского Возрождения. Следуя императиву исследования истории и общества Индии, Р. Дотто попытался объять всю историю своей страны – от древней цивилизации до Нового времени. Его историческая мысль проявилась в различных формах, от исторических романов и книг для учащихся до профессионального исследования. Р. Дотто предложил описание связного и прогрессивного движения индийской истории до начала XX века. Он соединил особенности и многомерность истории Индии и представил взаимодействие разных сфер социальной жизни (экономической, гражданской, политической, культурной и духовной). Он обозначил главные векторы истории страны и создал её ясные контуры. Опыт понимания Р. Дотто позволил объединить прошлое и настоящее в общем национальном сознании для ответа на вызовы Нового времени.

Ключевые слова: *История Индии, Историография Индии нового времени, Ромешчондро Дотто, Бенгальское Возрождение, историческое сознание.*

Эпоху национально-культурного ренессанса XIX – начала XX в. в Британской Индии отличало динамичное развитие разных форм национального самосознания. Его интегральной частью была общественная мысль, чьи представители-интеллектуалы, учёные, просветители, реформаторы, писатели и политики, взяли на себя труд постижения собственного общества ради содействия его пробуждению и развитию в современном мире. Значимым компонентом общественной мысли Индии была историческая мысль. Следуя М.К. Мамардашвили, предложившему понимать философию как явленное «сознание вслух», – обострённое и для человека судьбоносное, «поскольку от этого сознания человек, как живое существо, не может отказаться», а единственную цель её – как «высказывание вслух того, от чего отказаться нельзя»[2], интерпретируем историческую мысль как компонент социальной философии, «историческое сознание вслух», высказывание о любых событиях, фактах, процессах, измерениях и смыслах исторического бытия людей, сделанное благодаря напряжённой работе сознания.

Историческая мысль в эпоху Индийского Ренессанса переживала период становления, поскольку в традиционном обществе она не сформировалась, а равнодушие к истории и историописанию было цивилизационной особенностью Индии[3]. К развивающейся в регионах Индии исторической мысли относились, помимо исследований прошлого своей страны индийцами[4], все формы постижения хода, содержания и смысла ее истории – от просветительских (лекции, доклады, учебники), иллю-

[1] В отечественной литературе обычно употребляется хиндиязычный вариант имени – Рамеш Чандра Датт; здесь избран вариант, близкий к бенгалоязычному произношению.
[2] Мамардашвили 2019: 36, 37.
[3] Алаев 2013: 9.
[4] См.: Алаев 2013; Ванина 2014.

стративных (обращение к истории за обоснованием идей и за примерами), художественных (исторические романы и повести) до философских (открытие смысла и перспектив развития страны). Как часть становления национального самосознания, историческая мысль развёртывалась на трёх уровнях: 1) общее осознание историчности бытия социума в настоящем в тесной связи с прошлым и будущим, 2) научное познание истории Индии и 3) выработка особой философии индийской истории.

Особую роль в становлении исторической мысли Индии Нового времени сыграли интеллектуалы Бенгалии – передового региона, периферийного традиционному обществу остального субконтинента и наиболее интенсивно затронутого процессом модернизации. История была предметом неизменного интереса деятелей Бенгальского Ренессанса от Раммохана Рая до Рабиндраната Тагора[5], и неудивительно, что и первые крупные фигуры индийской историографии были бенгальцами – Раджендролал Митро (1822/4–1891) и Ромешчондро Дотто (1848–1909), историческая мысль которого проявилась в разных формах, включая профессиональные исторические труды. Отечественные индологи редко обращают внимание на Р. Дотто и его наследие. Так, Л.Б. Алаев отмечает, что «его упражнения в интерпретации древней истории не представляют большого интереса. Это не оригинальные работы, и их значение было быстро утрачено»[6]. Но речь идёт только об их значении для историографии; если сменить ракурс с исторического на философский и смотреть на общее содержание всей исторической мысли Ромешчондро, то его опыт постижения индийской истории заслуживает внимания как часть интеллектуальных исканий второй половины XIX в., связанных с открытием индийской истории и обретением себя в ней.

Ромешчондро Дотто – политик и экономист, писатель и общественный деятель, выходец из знаменитой семьи Дотто, принадлежавшей к элите бходролок (букв. «джентльмены, благородные люди») и деятельно освоившей европейскую культуру. С юных лет он изучал историю и литературу Европы одновременно с культурным наследием Индии. Вместе с друзьями – будущим политиком Сурендронатхом Банерджи и Бихарилалом Гупто – Ромешчондро отправился в Англию, где изучал юриспруденцию и экономику. Вернувшись на родину после успешно сданных экзаменов на право быть чиновником Индийской Гражданской службы, он сделал успешную карьеру, был членом Национального конгресса. Параллельно он занимался литературным творчеством, переводил на английский с санскрита памятники древней литературы, изучал индийскую экономику, стал одним из ведущих учёных-гуманитариев. После отставки Р. Дотто с 1898 г. преподавал в Университетском колледже Лондона, и его исторические труды издавались в Англии.

В 1870-х гг. бенгальские интеллектуалы постоянно поднимали вопросы о развитии научного познания собственной страны[7], и в публич-

[5] См.: Dasgupta 2011; 2012.
[6] Алаев 2013: 106.
[7] См. напр.: Biswas 2012.

ных выступлениях прозвучало сразу несколько призывов к соотечественникам. Писатель и социолог Бонкимчондро Чоттопаддхай в публицистике говорил о необходимости тщательного изучения индийцами своей философии в сопоставлении с европейской и ради понимания её влияния на особенности цивилизации и истории[8], и о насущной потребности в познании соотечественниками истории регионов Индии. Ромешчондро Дотто в книге «Крестьянство Бенгалии» фактически обосновал необходимость социологического познания индийского социума. Резонируя с призывом старшего коллеги, он подчеркнул важность обращения к истории народа, благо история политическая и без того в избытке: «Усиленно трудящиеся массы человечества, населяющие деревни и города, выращивающие год за годом рис и пшеницу, которыми поддерживается обширное здание могущественных империй; массы, создающие из года в год роскошные вещи и поддерживающие торговлю и славу страны, – им совершенно нет места даже на дальнем плане красочной картины под названием “История”»[9]. В 1876 г. молодой профессор Метрополиттэн-колледжа Сурендронатх Банерджи в лекции «Исследование индийской истории» обосновал императив научного познания истории Индии для обретения чувства национального достоинства и обоснования нравственного и социального возрождения страны[10]. Факт осознания императивности развития социогуманитарных наук в Индии и для Индии отразил разлитую в интеллектуальной атмосфере потребность в профессиональном научном знании, в сообществе современных учёных-индийцев, изучающих и изнутри понимающих свою страну.

Ромешчондро отозвался на этот императив и оставил достойный след в историографии. Его заслуги были признаны: историк стал членом Имперского института и Королевского Азиатского общества в Британии[11]. Но историческая мысль проявилась в более широком диапазоне форм, соотнесённых с разными ролями, в которых выступил Р. Дотто: автора исторических романов на бенгали; просветителя, создающего доступные молодёжи книги и учебники; и историка, скрупулёзно исследующего экономическую историю Британской Индии. И объективно получилось, что Ромешчондро небезуспешно действовал по трём векторам, содержавшимся в императиве исторического познания: превращение истории в предмет гордости и признак идентичности (художественная проза), усвоение исторического знания и опыта прошлых поколений в интересах современного общества (книги об истории) и исследование конкретных тем на основе доступных источников и научной методологии (экономическая история, краткая история бенгальской литературы).

Не обращаясь к деталям биографии Р. Дотто[12], подчеркнём, что он с юных лет чувствовал склонность к занятиям историей, история также

[8] См.: Чоттопаддхай 2016.
[9] Dutt 1980: 28.
[10] Банерджи 2012.
[11] Gordon 1979: 44.
[12] См.: Gupta 1911; Dutt 1981.

была его любимой гуманитарной наукой в университете (история Англии вместе с историей Британской Индии, история Древней Греции). Он рано приобрёл привычку «тщательно рассматривать исторические материалы, соотнося их с историческими прецедентами, которые могли бы служить объяснением для настоящих событий и проникновением в будущие тенденции развития»[13]. Поэмы и романы Вальтера Скотта были его любимым чтением[14], а в путешествиях по Ирландии и Шотландии специально осматривал достопримечательности, связанные их героями и местами действия. Благодаря университетскому курсу принцип историзма в рассмотрении любых явлений и процессов, а также идея прогресса оказались интегральной частью мышления Ромешчондро.

Всё наследие исторической мысли Р. Дотто фактически представляет собой попытку охватить всю целостность истории Индии как динамической эволюции цивилизации от древности до современных автору дней, хотя и с неизбежными в этом случае лакунами, но в строгом русле векторного линейного историзма. При этом «проба пера» в постижении истории состоялась в жанре художественной литературы, но довольно скоро Р. Дотто обратился к созданию исторических трудов.

Изначальным его мотивом было просвещение, и обращаясь к индийской, а впоследствии и к английской аудитории, он преследовал образовательные цели – передать знание об индийской истории и в целом, и об отдельных значимых эпизодах. В случае с индийской аудиторией в просвещении была патриотическая подоплёка формирования национального самосознания соотечественников на основе знания истории. Обратившись к созданию художественных текстов на исторические сюжеты, а затем к собственно историческому повествованию, помимо личного интереса к истории своей страны, Р. Дотто ощутил ответственность за соотечественников, которым и адресовал свои книги. Судя по предисловиям и введениям к его трудам, Леонард Гордон видит его склонность наставлять аудиторию, исполняя множество задач и совмещая несколько ролей, обеспеченных «доступом к определённым традициям, которые иначе не могут быть его читателям доступны». Из этих же соображений бенгальский мыслитель стремится быть «интерпретатором и транслятором “истинной истории Индии” и её поэзии, литературы и религиозных текстов для западной аудитории»[15].

Р. Дотто подчёркивал исключительную важность для него индийской читательской аудитории. Сокрушаясь, что «знание студента-индуса об индийской истории начинается практически от даты мусульманского завоевания», но он не знает своей древней истории, он тем самым указывал на отсутствие целостного знания и видения истории Индии[16].

Предпосылки работы Р. Дотто заданы особенностями его исторического сознания. И первой было осознание достоинства прошлого сво-

[13] Rule 1977: 15.
[14] Цит. по: Ibid.: 6.
[15] Gordon 1974: 45.
[16] Dutt 1893: xvi.

ей страны, которое сформировалось под влиянием литературы европейского романтизма, впечатлений от посещения исторических мест и достопримечательностей в Европе и самого факта сохранения европейцами памяти о прошлом, его событиях, героях и мучениках. Сравнение европейского чувства истории с индийским отношением к прошлому были следствием его понимания Европы, а на родине были свои источники вдохновения – британские индологические изыскания и, в частности, книга «Анналы и древности Раджастхана» (1829) полковника Джеймса Тода[17], – любимое чтение образованных бенгальцев. Образцом служили романы и пример Бонкимчондро Чоттопаддхая, близкого друга отца Р. Дотто, к которому он «с детства …испытывал глубокое уважение и привязанность»[18]. Уже в Англии Ромешчондро осознанно стремился «возродить гордость индийцев собственным прошлым»[19]. От осознания достоинства индийского прошлого был один шаг до патриотического чувства, направлявшего перо молодого романиста. Но научно-рационалистическая выучка автора не позволила ему остановиться на культивировании патриотизма художественными средствами. Возможно, с возрастом он начал интеллектуально перерастать свои литературные устремления и погрузился в научную и просветительскую работу.

Ромешчондро внёс вклад в художественное освоение индийской истории как автор четырёх исторических романов на бенгали – «Завоеватель Бенгалии» (Banga Bijetā, 1974), «Цветочный браслет» (Mādhabi kankan, 1877), «Утро жизни маратхов» (Maharāstra jivan prabhāt, 1878), «Вечер жизни раджпутов» (Rājput jivan sandhya, 1878). В 1879 г. они вышли отдельным изданием под названием «Сто лет» (Sata barsa), поскольку все вместе охватили период с середины XVI до середины XVII в. «Завоеватель Бенгалии» повествует о подчинении региона могольским императором Акбаром (1556–1605) и установлении системы управления при содействии индуиста Тодара Мала. Действие «Цветочного браслета» происходит в последние годы правления Шах Джахана (1628–1658). По сюжету романтический герой из благородной бенгальской семьи Норендронатх Чоудхури призван явить смелость и выдающиеся способности индусов в военном деле. Обманом лишённый наследства, он идёт служить мусульманскому правителю Бенгалии и, участвуя в разных военных действиях, открывает в себе склонность к самодисциплине и самопожертвованию, ничем не уступая в военной доблести мусульманам и раджпутам. Раненый, он попадает в Красный Форт Дели, где наблюдает за хитросплетениями придворной жизни Могольской империи. Сюжет «Вечера жизни раджпутов» разворачивается во времена правления императора Джахангира (1605–1627). Роман посвящён героической борьбе правителя княжества Мевар Раны Пратапа Сингха за свободу от Могольской империи. Как и в первом романе, герой и его окружение – реальные лица. Кульминацией автор сделал жи-

[17] См.: Ванина 2018.
[18] Gupta 1911: 68
[19] Rule 1977: 82.

вое описание крупного сражения на горном перевале Халдигхата между меварским войском во главе с Ман Сингхом и могольскими отрядами принца Салима (будущего Джахангира). После этого события в начале романа Пратап Сингх и его сын Амар Сингх упорно и безнадёжно почти четверть века ведут борьбу за возвращение контроля над Меваром, но в итоге вынуждены признать поражение. «Утро жизни маратхов» повествует о становлении маратхского государства и превращении этого народа при Шиваджи в серьёзную военную силу. Вождь маратхов сделан главным героем, который ведёт борьбу с Аурангзебом. У Ромешчондро «было намерение написать и пятый исторический роман, сюжетом которого был бы распад и падение Могольской империи и переход главной политической власти в Индии к Маратхской конфедерации. Но тем не менее, это стремление он в жизнь не претворил»[20]. Аудитория одобрительно встретила исторические романы Дотто, которые впоследствии они стали любимым чтением бенгальской молодёжи и замечательно прививали чувство истории и пробуждали желание хранить историческую память. В них действуют и чувствуют, буквально участвуют в истории люди – от реальных личностей до персонажей, созданных фантазией автора, – в исторических обстоятельствах. Р. Дотто создаёт историю людей, социальную и человеческую, и с её помощью приобщает соотечественников к пониманию историчности их собственного бытия.

Однако в романах есть и романтизация *индусского* прошлого, и отождествление индусского с индийским – выраженная черта мысли и творчества периода культурного национализма. Тенденция противопоставления двух периодов в истории Индии, а с ними и двух религиозных общностей индусов и мусульман обозначилась на уровне мышления во второй половине века; известную роль в этом сыграла британская ориенталистика, создавшая оппозицию «тёмного периода» истории («тиранической» власти мусульман) и «славного» древнего прошлого и «перспективного» британского настоящего[21], а также «демонизация» мусульман в англоязычной литературе[22]. Романы Р. Дотто героизировали борьбу против мусульман, превращая её в символ *индусской* религиозной общности, и прославляли *индусское* наследие истории субконтинента. Но несмотря на сюжеты борьбы из «мусульманского» периода, Дотто «не проявляет никакой враждебности в отношении мусульман и даже порою придаёт им героический облик». Он подчёркивал, что «Мусульмане – смелые люди, поскольку они пятьсот лет правили Индией, и они не смирились бы с позором поражения от руки индуса»[23]. Вряд ли его романы и другие труды можно безоговорочно относить к сознательному прославлению «индусской доблести и индусской религии»[24]. Тем более что в целом «представление мусульман у Дотто согласуется с общепри-

[20] Gupta 1911: 71.
[21] См.: Mukherjee, Maddern 1986: 10–12.
[22] См.: Chaudhuri 2002: 44.
[23] Rule 1977: 82.
[24] Gordon 1974: 46.

нятыми историческими свидетельствами»[25]. В силу либерального мышления он не был озабочен вопросами религиозной идентичности и не вписывал в романы общинную проблематику.

Просветительская интенция Р. Дотто воплотилась в источниковедческой и исследовательской работе 1880-х гг. Вместе с братом Джогешчондро Дотто они изучали археологические древности Северной и Восточной Индии и были убеждены, что создать «полную» историю Индии в древности на основе санскритских источников возможно, поскольку древняя литература может заменить отсутствующие исторические источники[26]. Метод Дотто выявила Полин Рул: «определённый взгляд на историка, который начинает свою работу с некоторого шаблона (shape), предсуществующей в его уме интерпретации», – подобно скульптору; методом от предпонимания к подтверждению его трудоёмкими исследованиями он сам «пытался писать позитивистскую историю» в стиле восходящего к Г. Т. Боклю одного из типов позитивистского историописания[27]. Так получается история индусского ума и идей, нанизанная на популярную в Бенгалии теорию социальной эволюции и методологию позитивизма. Стремление Р. Дотто обобщённо обрисовать динамику цивилизации в истории выдаёт философский подход к ней: условное дедуктивное «собирание» эпох в линейно-векторном представлении их развёртывания и преемственности во времени под эгидой пришедшего из эпохи европейского Просвещения понятия «цивилизация».

Своё философское предпонимание Р. Дотто первоначально заявил в серии статей «Цивилизация в Древней Индии» (апрель 1877–1878), опубликованных в “Bengal Magazine” под псевдонимом Уна. Контекст его исторической мысли задавало убеждение в значении истории и наследия древности для настоящего: «Знание истории страны даёт стимул интеллектуальному движению и ускоряет прогресс наций. Прошлое должно учить настоящее, и настоящее должно проливать свет на прошлое. Индия, хотя и бедная в настоящем, хранит семейные реликвии своей древней славы и престиж её сыновей – только по линии прошлого»[28]. Строго говоря, статьи не были обоснованным историческим обзором; скорее портретом древних индусов как торговой и предприимчивой нации вместе с картиной их достижений в ремёслах, искусствах, науках, не говоря уже о священных текстах, эпосе и литературе[29].

Спустя время Р. Дотто почувствовал себя способным исполнить задачу представления и интерпретации древней истории Индии, опираясь на все доступные источники. Итогом стала трёхтомная «История цивилизации в Древней Индии, основанная на санскритской литературе», попытка обобщающего научно-популярного труда. Дотто не ставил цели дать глубокую интерпретацию событий или обнародовать новые

[25] Rule 1977: 83.
[26] Ibid.: 123–124.
[27] Ibid.: 130.
[28] Una 1877: 418.
[29] Rule 1977: 129.

открытия. Книга важна как факт интеллектуальной истории, феномен просветительской работы и компонент «открытия Индии», на что указал О. Поддар: «Эта… работа в высшей степени преисполнена целью заново открыть Индию критическим, но проницательным взглядом, её древнюю славу, которой можно восхищаться и извлекать из неё уроки»[30].

Книга решает задачи интеграции полученных к концу XIX в. результатов научных изысканий в целостное повествование об эволюции цивилизации Индии с древности до начала II в. н.э. на чётком хронологическом «каркасе». Дотто специально просил читателей считать его труд не собранием «исторических открытий, которое не входило в намерения автора», но только лишь простой попыткой «связать вместе в методичном порядке результаты трудов более способных учёных»[31].

Проблема исторического сознания – как её видел Р. Дотто – заключена не в неоднородности и мере достоверности фактологического знания о разных периодах, но в том, что никто не попытался «сконструировать общую историю индусского периода». С одной стороны, сохранённые в памяти традиционные тексты просто не могут не дать «ключа к общему контуру истории древней Индии», а с другой стороны, проделанная учёными работа должна позволить «собрать воедино результаты их учёных изысканий в форме связной истории, которая будет понятна обычному читателю и обычному студенту»[32]. На тот момент Р. Дотто был озабочен отсутствием *общего* представления об истории страны у индийцев в целом и у всех, кто её изучает – в частности. История страны «не должна быть ни чистым листом, ни запутанной мешаниной исторических и легендарных имён, религиозных притч, эпических и пураническ их мифов». Рационально-просветительский мотив – помочь соотечественникам обрести *реалистическое*, а не мифологическое видение прошлого, свободное от вымысла и иллюзии, – побуждает Р. Дотто обозначить потребность общества в знании о ходе и содержании своей истории, которая придаёт *философский* смысл его самоотверженному начинанию. «Никакое исследование не будет столь мощным в воздействии на формирование сознания и характера нации, как критическое и тщательное исследование её прошлой истории», – заключает он, считая, что оно должно заменить присущее индийцам «необоснованное и суеверное поклонение прошлому»[33].

«История Древней Индии – это история тридцати столетий человеческой культуры и прогресса. Она делится на несколько отличных друг от друга периодов, каждый из которых на протяжении множества лет будет сопоставим с целой историей многих из современных народов»[34] – так открывается Введение, задающее общее понимание предмета у Р. Дотто: это история древней цивилизации, не уступающей другим по-

[30] Poddar 1977: 225.
[31] Dutt 1893: I, xvi.
[32] Ibid.: xv.
[33] Ibidem.
[34] Ibid.: 1.

добным ей (египетской, ассирийской, китайской) по древности и богатству культуры и, возможно, превосходящей их. Он указывает на выдающееся отличие её текстов: они «без сомнения недостаточны в некоторых отношениях, они не содержат обзоров династий, войн, так называемых исторических событий», но намного лучше, нежели тексты иных народов описывают «продвижение цивилизации», т.е. «прогресс человеческого ума»[35]. Вольно или невольно Дотто подчеркнул цивилизационную особенность, равнодушие к «земной истории» (и тем более датировкам) при феноменальной способности веками держать в памяти литературные произведения, в которых хранится дух, мысль и культура.

Подход к истории как тексту о культуре и человеческом уме, – философский, недаром Ромешчондро имеет в виду некоего «философского историка человеческой цивилизации», которому нет нужды быть индусом, чтобы понимать индусскую цивилизацию на основе её текстов, и одновременно тех, кто придерживается «ошибочного впечатления, что у Древней Индии нет истории, сколько-нибудь достойной изучения»[36]. История политическая, зафиксированная в источниках других народов, – лишь малая часть истории любой цивилизации, но не всякому, а только «философскому» (с особым подходом и складом ума) историку под силу узреть её многоплановый характер и за деяниями царей, войнами и политическими трансформациями не упустить ее другую, значительную часть. Р. Дотто интересуют повседневность, нравы и образ мысли, общественная жизнь, и он рисует не только историю культуры, религии, философии, науки, литературы, искусства, но и экономику, образ жизни, социальную и политическую историю, позволяя древним индийцам «самим говорить о себе» словами гимнов Вед и иных текстов[37] и позитивистски принимая их свидетельства за готовые достоверные данные.

Историю цивилизации Дотто выстроил как последовательность пяти периодов, начиная с условного 2000 г. до н.э., когда «одарённый народ ариев, отделённый обстоятельствами от внешнего мира, создал свою цивилизацию в природных и климатических условиях, которые были весьма благоприятны»[38]. Первый период – Ведийский (2000–1400 гг. до н.э.) открывается появлением ариев на субконтиненте и созданием гимнов Ригведы «в долине Инда»[39]. Деятельные и энергичные арии весьма отличались от пассивных и склонных к размышлениям индусов поздних эпох: покорили местное «варварское» население и создали «единственное кастовое» разделение на ариев и аборигенов. Описание Ведийского периода отмечено влиянием ориенталистской концепции «золотого века индийской истории»[40]. Ведийские арии создали земледельческую цивилизацию и отличались развитым общественным устройством[41]. Их соци-

[35] Ibid.: 2.
[36] Ibid.: 3.
[37] Ibid.: xix.
[38] Ibid.: 3.
[39] Ibid.: 23, 30.
[40] Dasgupta 2012, 22–33.
[41] Dutt 1893: I, 64, 105–106.

альную жизнь Дотто считает (в традиции бенгальских реформаторов XIX в.) примером для современников: мудрецы Вед были «практичными “мирскими людьми”, богослужение проводили главы семей, исполняя в них роль “малого мудреца”»[42], женщины пользовались свободой: «и сами были *риши*, и создавали гимны, и исполняли жертвоприношения наравне с мужчинами. …Не было никаких *нездоровых* ограничений в отношении женщин, никаких попыток держать их взаперти, необразованных или лишённых законного места в обществе»[43]. Не было ни препятствий к «заморским путешествиям», ни вегетарианства, и т.д.

Второй, Эпический (1400–1000 г. до н.э.) период отмечен расселением ариев в долине Ганга и появлением сильных царств и национальных общностей, которые создали науки и литературу, системы образования и развивали новые формы религиозной жизни, выраженной в брахманах, араньяках и упанишадах. К тому времени Р. Дотто отнёс события Махабхараты и Рамаяны и проследил становление четырёхварновой системы, явно более свободной, нежели поздняя, когда «вся нация за исключением жрецов была жестоко отстранена от религиозного знания, ...которое является пищей ума нации и жизнью жизни нации»[44]. Сформированная в долине Ганга кастовая система низвела аборигенное население до шудр, лишённых доступа к культуре.

Созидание цивилизации предстало у Р. Дотто как процесс, названный «индуизацией» – распространением религии и социальной организации ариев на аборигенные народы, включая «старую дравидийскую цивилизацию» и Восточную Индию (Бенгалию)[45]. «Неарийские» народы встраиваются в общее условно кастовое социальное устройство; их определение в категорию шудр и закрепление наследственного статуса за варнами было лишь первым этапом «индуизации», в следующий период продолженной. Критически настроенный в отношении индуизма и особенно кастовой системы, Дотто предвосхитил концепции санскритизации и инклюзивизма в индологии XX в., принятые для описания механизмов включения народов в пространство индийской культуры.

Рационалистический (или Философский) период (1000–320 гг. до н.э.) Р. Дотто считал «самым блестящим периодом индусской истории» не только по установлению индусской цивилизации до южных пределов Индии[46], но благодаря расцвету наук, философии и динамичной религиозной жизни. Наследие эпохи подобно сокровищнице, из которой современники Дотто могут черпать опыт решения проблем, включая негативные уроки истории. С одной стороны, с систематизации и упорядочения всего и вся в форме сутр для духовного руководства верующих начинается создание ригидного и застывшего общества. «Кастовые правила… были сделаны более жёсткими в соответствии с нерушимыми

[42] Ibid.: 63.
[43] Ibid.: 67.
[44] Ibid.: 160.
[45] Ibid.: 12–13.
[46] Ibid.: 12.

кодифицированными правилами Рационалистического периода, и вся общественная система индусов подверглась такому же жёсткому обращению»[47]. С другой стороны, в зацикленное на ритуалах, жестокое к шудрам общество пришёл Будда, провозгласивший «метод самосовершенствования и святости» и принесший, по сути, «вселенскую (catholic) религию любви», и «Человечество ответило на этот проникновенный призыв…»[48]. Возник буддизм с его высокой и эгалитарной этикой, в которой нуждались и религия, и исповедовавшее её общество.

С «блестящего правления Чандрагупты» Маурья в Магадхе Дотто начал четвёртый период – Буддийский (320 г. до н.э. – 500 г. н.э.)[49]. Созданием государства с официальной религией буддизма при его внуке Ашоке началось превращение этой религии в мировую; в Индии она сосуществовала бок о бок с ортодоксальным индуизмом. Однако с началом христианской эры буддизм постепенно приходит в упадок: Будду стали почитать как божество, церемонии буддизма присвоил индуизм, превращаясь в новую, пураническую форму, далёкую и от ведийской религии. Пуранический период (500–1000) Дотто назвал «эпохой индусского возрождения» – от «великого Викрамадитьи», правившего в Северной Индии (Удджайини) и «утвердившего независимость индусов», отразив атаку саков. Поначалу это была эпоха *культурного* расцвета, развивались художественная литература, драма и театр, науки, затем «последовали два века непроницаемой тьмы» – период падения династий в Северной Индии и удивительное возвышение «нового рода индусских феодальных баронов как хозяев Индии – современных раджпутов»[50].

Содержание каждого периода Р. Дотто рассматривает по проблемно-тематическому принципу, буквально оказываясь в плену у санскритской литературы, по которой ход реальной истории *не прослеживается*, за небольшими исключениями. В каждой книге первым обязательно идёт обзор литературы периода, всегда есть глава о социальной жизни, о зарождении учёности или о науке, о художественной культуре. Тщательно освещается эволюция социальной структуры – кастовой системы (от эпического периода); по возможности восстанавливается облик древних государств и империй и особенности правления известных царей, сопряжённые с наиболее достоверно установленными событиями.

Повествование в «Истории цивилизации…» Дотто завершил описанием упадка: возвышение брахманов и связанное с ним уничтожение обычаев, в которых проявлялась человеческая свобода (высокий статус и свобода женщин, заморские путешествия и др.). Тогда индийская история обнаруживает несомненное сходство с европейской – крушение империй, начало «тёмных веков» и государств феодального типа[51]. «И в Европе, и в Индии древнее правление и древние институты были разру-

[47] Ibid.: 244.
[48] Ibid.: 307.
[49] Ibid.: 14.
[50] Ibid.: 18-19.
[51] Ibid.: 20–21.

шены; новые народы утвердили своё правление и свою власть на этой земле; и эти новые народы – германские хозяева Европы и раджпутские хозяева Индии – должны были столкнуться с возвышающейся силой мусульман. Европа отстояла свою независимость, Индия боролась, но пала»[52]. Причиной завоевания Индии стала, по мнению Р. Дотто, кастовая система, не позволявшая смешиваться и объединяться в новый народ так, как это произошло в феодальной Европе[53]. Важно, что упадок цивилизации и культуры древности историк фиксирует без привязки к началу иноземного вторжения и правления. Упадок всё равно сменяет «индусское возрождение», и построенная брахманами при поддержке раджпутских князей система всё равно застывает и коснеет. Это объяснимо его критическим отношением к роли брахманов в истории, которые неизменно пытались подчинять себе общество, но также объяснимо желанием мыслителя уйти от идеализации и мифологизации истории.

«Собирание» индийской истории древности удалось не столько историографически, сколько в плане смысла: эволюция общества, буквально нанизанная на векторную линейную модель времени, предстаёт как сложное развитие, с открытиями и достижениями, взаимодействиями и конфликтами, накоплением полезного и неудачного в жизни общества. Р. Дотто создаёт историю светскую, не прибегая к религиозному историзму в любом из его вариантов западного или восточного толка. Его понимание укладывается в реформаторскую парадигму эпохи с её порывом брать за образец социальных инноваций традиционные тексты дхармашастр и ведийского комплекса, в которых отсутствуют привычные запреты и обычаи поздних эпох. Особенно тщательно у Р. Дотто выражена линия становления кастовой системы, её развёртывания и усиления под влиянием брахманской варны. В социально-реформаторском ключе упадок древней цивилизации, её уязвимость перед иноземными завоеваниями понимается историком-просветителем как следствие деятельности брахманов по созданию и закреплению социальной разобщённости в виде каст, а отчасти и сужения влияния в Индии эгалитарного буддизма.

Труды о следующих периодах истории Индии Дотто продолжил предназначал для учащихся. В 1900 он издал краткий компендиум, включающий период с ведийских времён до 1818 г. Средневековье (с 800 г. до н.э.) Дотто осветил конспективно, как череду доминирования преимущественно мусульманских правителей – афганцев (1206–1526), Моголов (1526–1707), пока их не сменяет «эпоха возвышения маратхов». Культурным течениям (в религиозной оболочке) посвящены отдельные главы («Состояние народа при Афганском правлении», «Состояние народа при Могольском правлении»). Историк не рисует мрачными красками мусульманские этапы истории. В частности, он замечает, что в Индии войны этой эпохи были менее изнуряющими и не столь разорительными, как в Европе периода феодализма (от Фридриха Барбароссы до Колумба), угнетение мусульманских правителей – менее болезненно для ремё-

[52] Dutt 1893: II, 164.
[53] Ibid.: 333.

сел и сельского хозяйства, торговля процветала, а «религиозные реформы и интеллектуальные движения… проходили более мирно и с менее жестоким преследованием и подавлением, нежели в Европе»[54].

В курсе лекций по истории Индии в Университетском колледже Лондона Р. Дотто довёл изложение до «коронного правления» с 1858 г. в основном по событиям *политической истории*; при этом «индусский» период описан предельно лаконично, «мусульманский» более конкретизирован, с вниманием к происходящему в разных регионах субконтинента, включая состояние народа и обстоятельства его жизни, взлёт духовных течений, включая бхакти и сикхизм, а также формирование мусульманской общины из обращённых индусов низких каст. Он отдал должное правителям-мусульманам, покровительствовавшим культуре, учёности и духовным поискам, но также критически оценил недостатки политики падишахов периода упадка Могольской империи. Период британского правления изложен кратко, по генерал-губернаторам и вице-королям, возглавлявшим правительство Индии. «Состоянию народа» места не находится, – только войнам, аннексиям и некоторым положительным законам, регулирующим внутреннюю жизнь.

Профессиональным учёным Р. Дотто явил себя в истории экономики. «Экономическая история Индии» (1902–1903) от начала британского правления до конца викторианской эпохи была первой индийской работой о колониальном периоде в его существенном аспекте – социально-экономической модернизации. Созданию книги предшествовала аналитическая работа по изучению положения индийского крестьянства и случаев массового голода, а затем – работа в Англии с материалами по современной экономической политике. На первом плане в «Экономической истории Индии» – интерес Дотто к истории народа, сострадание его плачевному положению. Тем более что именно народ занят производством экономических благ: «Превосходные труды о военных и политических делах британцев в Индии написаны видными историками. Но так и не написана история народа Индии, его торговли, производства и сельского хозяйства, его экономического состояния при британском управлении»[55], – заявил он в предисловии к первому тому. Как англофил Дотто воздал должное всем позитивным изменениям, принесённым британцами, – прежде всего современным институтам, управлению и науке, но самой большой проблемой, сохраняющейся в Индии свыше столетия, оказывается бедность страны, – экономическая зависимость от Англии, которая не заботится о благосостоянии народа. На этом фоне Средневековье и Могольское правление для Р. Дотто «даже при глупцах-правителях» выглядят периодами экономического благополучия[56].

Дотто стремился объективно представить эволюцию традиционно аграрной страны, в которой установлено правление развитой западной державы. С одной стороны, он видел безусловные преимущества для

[54] Dutt 1900: 99–100.
[55] Dutt 1902: v.
[56] Ibid.: ix–x, xiv.

индийцев благодаря импорту институтов современности – установление мира, распространение правосудия, западных идей и образования, разделение властей на исполнительную и судебную, распространение западной литературы и появление первых университетов в 1857 г., создание транспортной инфраструктуры, технические нововведения и т.д.[57] Но достижения власти лишь упоминаются, так как предмет книги не в этом. С другой стороны, приход новой экономической политики в Индию создал для основной массы населения крайне неблагоприятные условия, при которых возможны голод, бедность и страдания.

Диапазон тем, рассмотренных Р. Дотто по проблемно-тематическому, региональному и хронологическому принципам, чрезвычайно широк: политика каждого из генерал-губернаторов и затем вице-королей, внутренняя и внешняя торговля, становление систем налогообложения (заминдари, райятвари, маузавар и др.), экономическое состояние Северной и Южной Индии, ремёсла, административные реформы с их достижениями и провалами, налогообложение и финансы периода Ост-Индской компании, затем при коронном правлении, формирование индийского внешнего долга и т.д. Трансформация экономики Индии в первом томе «Экономической истории» описана сквозь призму установления новых отношений собственности и связанных с ним систем налогообложения – заминдари и райятвари (на Юге Индии). Вместо сохранения и реформирования «древних институтов» самоуправления и производства на микроуровне, британское правление их ослабило и привело в упадок общины, утратившие все источники своего богатства из-за такой экономической политики. Вытеснение «старинных форм» самоуправления и исчезновение деревенских сообществ (community) — «прискорбное печальное изменение» на фоне прогрессивных нововведений британского правления[58]. Во-вторых, у Р. Дотто община представала вполне экономически состоятельным богатым сообществом, тогда как разорение стало следствием политики выкачивания средств из страны (economic drain)[59], которая и превратила её из процветающей в бедную и голодающую– невиданное прежде в истории Индии явление[60]. Несмотря на идеализацию общины, Р. Дотто принял её разрушение как неотменяемый факт, препятствующий появлению «народной основы» политического управления, которая связывает правительство с населением[61].

Экономическая эволюция Индии при британской администрации состояла в сведении к минимуму местного ремесленного производства, в т.ч. ориентированного на внешний рынок, и превращении Индии в «приложение» к британской экономической системе, поставщика сырья и рынок готовой продукции[62]. Базовый изъян политики британцев Дотто

[57] Ibid.: 40, 388, 429; Dutt 1904: 242.
[58] Dutt 1902: 152.
[59] Ibid.: 46–47, 49–51, 380–420.
[60] Ibid.: 420.
[61] Dutt 1904: 197.
[62] Ibid.: 375, 394.

видел в том, что она строилась «на гибельном экономическом истощении, которое теперь увеличилось до ежегодного перечисления [из Индии] многих миллионов фунтов». «Финансовые отношения между Индией и Англией всегда – с самого начала были несправедливы; и Индия, с её обширными ресурсами, плодородной почвой и трудолюбивым населением теперь – самая бедная страна на земле после полутора веков британского правления»[63]. Описывая периоды британского правления, Дотто показывает чередование более мудрого управления с недальновидным, неблагоприятным для народного благосостояния; первое признаёт политическое развитие народа и расширяет формы его участия в распоряжении своей судьбой и так усиливает британские позиции в Индии; второй тип правления – автократический – не вызывает доверия, подавляет законные устремления народа и исключает его из участия в решении своих дел, ослабляя Империю и создавая естественное и всеобщее недовольство, которое распространяется и углубляет политический риск (danger)[64]. Общий вердикт бескомпромиссно жёсток: «История британского правления в Индии повторяет урок, которому научила нас история: невозможно управлять страной в интересах народа, не даровав этому народу известную меру самоуправления и представительства[65].

Решение проблем экономической зависимости и неблагоприятного развития Р. Дотто видел в плоскости политико-административной и правовой: ответом на потребность народа в субъектности должно быть неуклонное расширение участия его представителей во власти на всех уровнях и обсуждение насущных вопросов на основе сотрудничества с британским правительством. «Экономическая история Индии» явила свежий образец аналитического исследования «истории современности», фундированного данными официальных документов и выстроенного как описание противоречивого процесса трансформации экономики под воздействием политики. Это была достойная вершина предприятия Р. Дотто по охвату индийской истории как целостности в её динамике, доведённой до начала XX в. Больше других его книг она была связана с настоящим, с пробуждением общества и его озабоченностью проблемами развития; общественные деятели и политики получали в ней фактологическое и аналитическое подтверждение запроса на расширение самоуправления и развитие национального производства, на перспективу экономической самостоятельности и самоуправления.

Несмотря на довлевшие над ним ограничения замысла и уровня развития историографии, Р. Дотто удалось объять многотысячелетнюю историю индийского субконтинента, выстроить главные векторы её содержания и показать, что несмотря на лакуны в источниках и в периодах эволюции общества, внимания, изучения и, следовательно, *запоминания* достойно всё: история цивилизации, история культуры, социальная история, история хозяйства (материальная/экономическая), история рели-

[63] Ibid.: 39–40.
[64] Ibid.: 440.
[65] Dutt 1902: 432.

гий и история политическая. Его опыт описания истории для юношества демонстрировал затруднения на этом пути: крен в историю социальную или политическую, культурную или религиозную, описание в ущерб анализу, фактографию и схематизм и т.д. Однако просветительские книги об истории Индии были безусловно положительной вехой в формировании общественного исторического сознания; хотя условный и схематичный, но отчётливо выраженный каркас индийской истории был создан для усвоения соотечественниками.

В исторической мысли Р. Дотто объективно предложено понимание связного и в целом прогрессивного – несмотря на замедления и «тёмные века» – движения истории Индии от древности до современности; до него этой задачи никто не решал. В попытке объять всю индийскую историю заключается его заслуга в развитии исторического сознания Новой Индии, при всех неизбежных и простительных издержках и промахах автора. Ему удалось в общем прогрессе индийской истории связать воедино её специфику и многомерность, несводимость к привычному тождеству истории и эволюции политики во времени. Переплетение разных аспектов общественной жизни, их взаимозависимость и связь присутствуют в повествовании о древней цивилизации, но наилучшим образом проявлены в описании обусловленности колониальной экономики политикой британской администрации.

Опыт постижения индийской истории Р. Дотто имел особый смысл для развития самопонимания общества: в его книгах прошлое и настоящее связывались в значимое для общего национального самосознания единство, позволяющее находить ответы на вопросы современности.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Банерджи Сурендронатх. Исследование индийской истории. Пер. с англ. Т.Г. Скороходовой // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 144–156. (Banerjee Surendranath. The Study of Indian History) // Voprosy filosofii. 2012. № 9. P. 144–156.

Чоттопаддхай Бонкимчондро. Исследование индусской философии. Пер. с англ. Т.Г. Скороходовой // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 167–174. (Chattopadhyay Bankimchandra. The Study of Hindu Philosophy) Voprosy filosofii. 2016, № 11, P. 167–174.]

Dutt Romesh Chunder. The Civilization of India. L.: Bedford Street, 1900. VI, 146 p.

Dutt Romesh Chunder. The Economic History of India in the Victorian Age. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1904. XXVI, 628 p.

Dutt Romesh Chunder. The Economic History of India under Early British Rule from the Rise of the British Power in 1754 to the Accession of Queen Victoria in 1837. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co,1902. 436 p.

Dutt Romesh Chunder. A History of Civilization of Ancient India Based on Sanskrit Literature. In 2 Vols. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1893.

Dutt Romesh Chunder. Peasantry of Bengal. Ed with Introd. by N. Kaviraj. Calcutta, Manisha, 1980. LIV, 194 p.

Una [Dutt Romesh Chunder]. Civilization in Ancient India // Bengal Magazine. Vol. V. April 1877. P 416–435.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алаев Л. Б. Историография истории Индии. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 470 с. [Alaev L. B. Istoriografiya istorii Indii (Historiography of history of India). Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 2013. 470 p.

Ванина Е. Ю. Подполковник Джеймс Тодд: шотландский первооткрыватель индийского средневековья // Средние века. 2021. Т. 82. № 3. С. 8–29. [Vanina E. Iu. Podpolkovnik

Dzheims Todd: shotlandskii pervootkryvatel' indiiskogo srednevekov'ia (Lieutenant Colonel James Tod: A Scottish Discoverer of Medieval India) // Srednie veka. 2021. T. 82. № 3. S. 8–29.

Ванина Е. Ю. Индия: история в истории. М.: Наука – Восточная литература, 2014. 343 с. [Vanina E. Iu. Indiia: istoriia v istorii (India: History in History). M.: Nauka – Vostochnaia literatura, 2014.]

Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 352 с. [Mamardashvili M. K. Soznanie i tsivilizatsiia (Cossciousness and Civilization). St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 352 p.]

Biswas Arun Kumar. The Era of Science Enthusiasts in Bengal (1841–1891): Akshayakumar, Vidyasagar and Rajendralala // Indian Journal of History of Science. 2012. 47.3. p. 375–425.

Chaudhuri Rosinka. Gentleman Poets in Colonial Bengal. Emergent Nationalism and The Orientalist Project. Calcutta.: Seagull Books, 2002. 213 p.

Dasgupta Subrata. Awakening: The Story of the Bengal Renaissance. Noida: Random House India, 2011. 481 p.

Dasgupta Subrata**.** The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. 2nd impr. New Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.

Dutt Rabindra Chandra. Romesh Chunder Dutt. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting. 1981. IX, 234 p.

Flora Guiseppe. The Evolution of Positivism in Bengal: Jogendra Chandra Ghosh, Bankimchandra Chattopaddhyay, Benoy Kumar Sarkar. (Annali / Institute Universario Orientale. Vol. 55. Fasc. 2. Suppl. № 75) Napoli, 1993. 58 p.

Gordon Leonard A. Bengal: The Nationalist Movement, 1876–1940. New Delhi: Manohar, 1979. XIII, 407 p.

Gupta J. N. Life and Work of Romesh Chandra Dutt, CIE. L.: J.M. Dent & Co, N.Y: E.P. Dutton & Co 1911. 508 p.

Mukherjee S. N., Maddern M. Introduction // Chatterjee Bankim Chandra. Sociological Essays; Utilitarianism and Positivism in Bengal / Transl. & Ed. by S. N. Mukherjee and M. Maddern. Calcutta: Wild Peony, 1986. P. 1–23.

Poddar Aravinda. Renaissance in Bengal. Search for Identity. 1860–1919. Simla: Indian Institute of Advanced Studies, 1977. 252 p.

Rule Pauline. The Pursuit of Progress: A Study of Romesh Chunder Dutt. 1848–1888. Calcutta: Editions Indian, 1977. XVI, 170 p.

Скороходова Татьяна Григорьевна, *д. филос. н., к. и. н., профессор, Пензенский государственный университет; skorokhod71@mail.ru*

An Experience of Comprehension of Indian History Historical Thought by Ramesh Chundra Dutt

The historical works by Bengal economist and politician Ramesh Chundra Dutt (1848–1909) are considered in the context of historical thinking of the Bengal Renaissance. Following the intellectual imperative to study of history and society of India, R. C. Dutt attempted to embrace all wholeness of his own country's history from the ancient civilization to Modernity. His historical thoughts had appeared in different forms from historical novels and educational books to professional research. R. C. Dutt offered description of coherent and progressive movement of Indian history to the 20th. He had connected the features and multidimensionality in India's history and had represented the interaction of different spheres of social life (economical, civil, political, cultural, spiritual). He had marked the main vectors of her history and had made its clear schema. R. C. Dutt's experience of comprehension permitted to unite the past and the present in general national consciousness to answer the challenges of Modernity.

Keywords: *Modern Indian historiography, Ramesh Chundra Dutt, the Bengal Renaissance, historical consciousness, Ancient Indian history, British India.*

Skorokhodova Tatiana Grigorievna*, Doctor of Philosophical science; PhD in Historical sciences, Professor, Penza State University; skorokhod71@mail.ru*

Н.Н. Баранов

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛИТ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

Понятие «элита» вошло в современный социально-политический язык сравнительно недавно. Поэтому представляется важным анализ его содержания, значения и словоупотребления в историческом контексте на основе методологического инструментария «истории понятий». В рамках этой концепции введение в оборот каждого нового общественно-политического термина рассматривается как способ преодоления разрыва между уровнем опыта и горизонтом ожиданий. В ситуации краха кайзеровской империи и системного кризиса Веймарской республики среди открытых противников представительной демократии шла активная дискуссия о принципах формирования и функциях нового руководящего слоя общества, способного предложить реальную альтернативу «гнилой демократии». Эта дискуссия нашла отражение на страницах консервативных партийно-политических изданий и представляет несомненный научный интерес, так как в ней впервые активно употреблялся термин «элита» и высказывалось отношение к нему. Несмотря на высокий интеллектуальный накал, дискуссия не получила логического завершения. Только некоторыми ее положениями и фактически помимо воли их авторов воспользовались создатели национал-социалистического режима. Но тем самым идеи консервативной революции были надолго дискредитированы, а на их носителей был навешан ярлык «попутчиков» нацизма.

Ключевые слова: *Германия, Веймарская республика, элита, правящий класс, консервативная революция.*

Перемены, которые переживали руководящие слои общества, являются важной составной частью и одновременно индикатором тектонических сдвигов, произошедших в Европе на протяжении последних двух столетий. Изучение предпосылок, процесса и последствий трансформации элит способно дать ключ к пониманию масштабных социально-политических процессов. Не удивительно, что эта проблема находится в центре внимания многих академических институций. Так, в университете Лейпцига уже два десятка лет действует проект «От сословных обществ к национальным сообществам. Трансформация элит и общественная модернизация в восточно-центральной Европе (1750–1914)». Он получил поддержку таких авторитетных организаций, как Историческое общество имени Леопольда Ранке и Институт личной истории в Бенсхайме. Среди важнейших результатов проекта отметим труды, посвященные истории дворянства и буржуазии в Германии в сравнении с другими европейскими странами, реакции дворянства на процессы модернизации, семейным стратегиям и профессиональным карьерам[1].

Тема получила развитие и в «популярной истории». Британское генеалогическое общество за последние два десятилетия издало серию научно-популярных книг под общим названием «Мой предок был…». Из 29 книг 10 имеют отношение к проблематике трансформации элит[2]. В городе Киль с 1993 г. всем желающим предлагает услуги по генеало-

[1] Adel und Moderne; Deutsche Adel; Menning; Reif 2008; Reif 2012.
[2] Herber; Ray-mond; Towey.

гическим и геральдическим изысканиям «Институт исследований немецкого дворянства», в большей степени следующий традициям «Готского альманаха». Одним из важных результатов его деятельности стала подготовка обширного библиографического обзора по истории дворянства центральной Европы с конца XV в. до наших дней[3].

Убедительным свидетельством актуального интереса к указанной проблематике в нашей стране стало издание на русском языке программного труда одного из самых ярких представителей консервативной мысли в Германии второй половины XX в. Г.-К. Кальтенбруннера «Элита. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации»[4].

Однако в рамках данной статьи хотелось бы особое внимание уделить эволюции содержания, значения и употребления самого термина «элита». Попытки теоретических построений на тему руководящих или привилегированных слоев общества предпринимали мыслители разных эпох – от Платона до Макиавелли и Карлейля, но эти авторы не использовали термин «элита». Развитие научно обоснованной концепции элиты начинается с работ Гаэтано Моски и Вильфредо Парето. Несмотря на все их различия, обоих теоретиков объединяло стремление разработать реалистичные и беспристрастные концепции для описания социального мира и таким образом преодолеть кризис либеральной демократии, в котором, по их мнению, оказались европейские общества.

Когда Г. Моска и В. Парето ввели этот термин в политологию и социологию, они осознавали, что противоречие между концептом демократии, базирующимся на основе политического равенства, и реально существующим неравномерным распределением политической власти давало ключ для понимания политической социальной структуры любого общества. Их суждение о невозможности установить истинную демократию, о постоянном существовании и господстве элит оказали сильное влияние на современную политическую мысль. Соответственно, их концепции элиты были встроены в целую теорию условий социальной стабильности или (особенно в случае Парето) социальных изменений. Однако ни один из них не абсолютизировал этот термин. Парето скорее использовал «элиту», «аристократию» и «правящий класс» как синонимы, Моска же предпочитал писать о «политическом классе», позже о «правящем классе» и, наконец, об «элите»[5]. Таким образом, в модели элиты изначально была встроена концептуальная неопределенность. Это неизбежное следствие стремления авторов превратить концепцию элиты в над-историческую категорию, обладающую универсальной аналитической и объяснительной силой. На основе качественного диагноза политического времени практически в любой европейской стране концепция элиты приобрела определенное значение и применение, адаптированное к конкретному национально-государственному дискурсу и про-

[3] Bill.
[4] Кальтенбруннер.
[5] Mosca; Pareto.

блематике. Поэтому немецкая семантическая нагрузка термина «элита» отличалась, например, от «якобинского» подхода во Франции с его акцентом на преемственности правящих слоев без учета их социального происхождения, или британской концепции, которая формировалась вне французской традиции, а потому гораздо больше обращалась к конкретным обозначениям привилегированности (upper class, nobility, the rich).

Фактически термин «элита» сравнительно поздно вошел в политический язык Германии. Вплоть до середины XX в. он, с точки зрения современников, очевидно, не годился для описания представителей господствующих слоев или функционеров, которые могли быть объектами как надежд, так и критики. При этом термин сам по себе был хорошо известен. Но он использовался только в двух случаях – при описании методов селекции растений и для обозначения специальных воинских частей. Об этом свидетельствуют соответствующие словарные статьи в самых авторитетных энциклопедических изданиях начиная с последней четверти XIX в. и до начала 30-х гг. XX в.[6] Когда речь заходила о привилегированных в политическом, экономическом и культурном отношении группах общества, преимущественно использовались описательные и конкретные сословные термины: «аристократия», «дворянство», «бюргерство» или «образованные слои». В последние годы существования германской империи и в Веймарской республике все эти определения использовались в ходе дискуссий о том, каким должен быть будущий «руководящий слой», который предстояло создать. Эти дискуссии были обусловлены системным кризисом социально-политической организации вильгельмовской Германии, который только усугубило поражение в войне, и очевидной неспособностью традиционных элит – дворян-землевладельцев, прежде всего остэльбского юнкерства, и крупных промышленников, создавших своеобразный «альянс ржи и стали» – сохранить власть и обеспечить стране перспективу развития.

Левые давали свой ответ, который сводился к революционной ломке существующего строя и развитию альтернативных начал в духе советской, пролетарской или народной демократии. Правые делали акцент на обновление дворянства как руководящей и наиболее влиятельной группы. Активными участниками дискуссий были как носители традиционных консервативных взглядов – А. Гугенберг, Ф. фон Папен, так и идеологи консервативной революции Э.Ю. Юнг, Э. Юнгер, К. Шмитт. Важным объектом дискуссии выступало дворянство, которое с точки зрения консерваторов должно было продемонстрировать способность к самореформированию, чтобы вновь обрести способность выполнять функции господствующего сословия. Этого предполагалось добиться, главным образом, путем исключения из него евреев или их потомков[7].

В то же время немало младоконсерваторов мечтало о создании меритократической «новой аристократии», которая в лучшем случае мо-

[6] Meyers 1875: 47; Brockhaus 1908: 964; 1930: 459; Meyers 1925: 1557; Herder: 127.
[7] Malinowski: 144–219.

жет интегрировать лишь часть старого потомственного дворянства и будет пополняться людьми, способными выполнять руководящие функции. В этой семантике смешивались и пересекались очень разные мировоззренческие установки и интеллектуальные позиции. Такой подход был характерен практически для всех участников обсуждения проектов нового сословно-корпоративного порядка. Они требовали политических и правовых привилегий для формирующейся новой аристократии, чтобы оградить ее власть от претензий неимущих слоев общества на демократическое участие. Однако эта концепция содержала более или менее выраженные компоненты, которые вряд ли можно было примирить с представлениями старого дворянства, основанными на семейных традициях и связях[8]. Если речь шла также о включении в руководящий слой отдельных личностей, представляющих «аристократию духа», обладающих лидерскими индивидуальными качествами, то подобный подход с его корнями в буржуазном индивидуализме демонстрировал явный разрыв с традиционными дворянскими представлениями о непрерывной последовательности поколений и наследственной земельной собственности как маркера высокого социального статуса[9].

В рамках консервативно-революционного мышления было мало места для концепции элит. Причина заключается в специфическом понимании принципа господства, на котором основывалась модель государственного порядка, принятая, прежде всего, представителями условно-авторитарного крыла новых правых, младоконсерваторов и последователей концепции «нового государства» Франца фон Папена. Его же придерживались все сторонники традиционного понимания сущности дворянства[10]. Отношениям господства и подчинения придавался глубоко личностный характер, который должен был проявляться как «власть над людьми внутри сферы персонального контроля на основе их собственных, личных и наследственных прав»[11]. Для всех консервативных и новых правых пропагандистов политического и общественного переустройства Германии господство и подчинение представляло самую элементарную форму социализации человека, и осуществить ее могло только истинное дворянство. Из этого почти неизбежно следовал решительный отказ от концепции элит и связанных с ними социальных моделей меритократии и индивидуальной конкуренции, поскольку они рассматривались в качестве опорных элементов либерального буржуазного общества.

В конце Веймарской республики Э.Ю. Юнг, один из архитекторов новых правых, в статье под говорящим названием «Дворянство или элита» пояснил этот отказ совершенно четко. Юнг определил «элиту» как «буржуазное» понятие: «Элита должна добиваться успеха, чтобы быть признанной»[12]. Этот принцип успеха, индивидуалистический, конку-

[8] Adel und Moderne: 178.
[9] Kemper: 130.
[10] Moehler: 121.
[11] Funck, Malinowski: 255.
[12] Jung 1933: 533.

рентно ориентированный, динамичный, в конце концов, капиталистический, по мнению Юнга явно противоречил сущности человеческого бытия. В противоположность этому Юнг представлял дворян не только как «биологический принцип» – способ формирования и сохранения наследственной знати – но и как «принцип бытия». Поэтому социальная модель «дворянства» для него была принципиально более ценной, чем концепция элиты. «Способность связывать людей и повелевать ими без всяких затрат и усилий составляет сущность человека-господина. Повеление, подчиняющее себе, это излучение, которое даже может быть немым. Дворянство властвует на основе своей высшей сути»[13]. Таким образом, Юнг в явно антидемократическом ключе указал на функцию господства в качестве центральной задачи дворянства. Он предположил, что политический порядок, сформированный силами из «органически выращенного высшего слоя», априори является более стабильным, чем система, основанная только на (буржуазной) элите[14].

Иначе обстояло дело в рядах «таткрайс» – кружка, сложившегося вокруг главного редактора журнала «Die Tat» («Дело») Ганса Церера, который представлял политико-идеологический авангард консервативной революции в условиях политического кризиса Веймарской республики. Его представители использовали термин «элита» для обозначения тех, кто «в силу своего исторического опыта и осознанного подхода к сути своей позиции априори ориентируется на средний, нейтральный уровень, таким образом, не претендуя на активную деятельность и лидерские позиции»[15]. Обращение к этому определению «элитного слоя» обусловлено было в первую очередь ощущением утраты истинного вождя. Присоединение Гитлера в октябре 1931 г. к «Гарцбургскому фронту», инициаторами создания которого были традиционные правые, у многих национал-революционеров вызвало разочарование. Однако авторы, входившие в круг Церера, ни в коем случае не представляли новую политическую элиту как простое продолжение исторической аристократии. Они надеялись объединить интересы привилегированного класса с интересами среднего сословия, которое, по их оценке, составляло почти половину населения Германии. Эта концепция не нашла поддержки в других консервативных кругах. Поначалу оставались влиятельными идеи младоконсерваторов о дворянстве как определенной группе, властвующей в силу своей природы, но в долгосрочной перспективе успешнее были усилия к возрождению значительной части вырождавшегося мелкопоместного дворянства к востоку от Эльбы. Заэльбские юнкеры после ноября 1918 г. на место отсутствующего монарха как главы мира дворянства поставили свой собственный обновленный образ вождя с акцентом на расовую чистоту, идеологическую уверенность и силу воли, что предопределило принятие ими фелькишеского принципа фюрерства[16].

[13] Jung 1933: 534.
[14] Jung 1930: 332.
[15] Zehrer: 556.
[16] Malinowski: 22.

Собственно, фелькишеская концепция нового дворянства с самого начала накладывалась на веру в вождя: веру в силу незаурядного лидера, способного решить проблемы своего времени. Лидер осуществлял свою власть по принципу приказа и послушания в ситуации чрезвычайно асимметричных властных отношений; процесс принятия решений осуществляется строго сверху вниз, при этом фюрер управляет им же самим отобранными по критериям верности, идеологической выдержанности и стойкости характера младшими вождями. «Вождь следует не за толпой, но за миссией, он не льстит толпе; жесткий и безжалостный он идет впереди нее в хорошие и плохие дни. Вождь радикален. Он есть то, что он делает, и будет делать все, что он должен. Вождь несет ответственность, то есть, он исполняет божью волю, которую он воплощает в себе. Бог дает нам вождя и помогает нам в подлинной верности»[17]. Эта вера в вождя была распространена в Германии уже к концу XIX века как в широких кругах образованного класса вслед за Ницше в форме культа гения и сверхчеловека, так и в форме сугубо буржуазного экономического почитания «хозяина в доме»[18]. В конечном счете, вера в «сильную руку» на политическом поле проявилась в качестве культа Бисмарка, а в условиях кризиса политической легитимности конца кайзеровской империи под влиянием пропаганды пангерманистов – в семантической рефлексии по поводу терминов «элита» и «вождь»[19].

Межвоенный период оказался временем расцвета веры в вождей по всей Европе. Многие европейские интеллектуалы уповали на «диктаторов-философов»[20]. Нацизм превратил эту веру в главное политическое оружие посредством всеобъемлющего внедрения и соблюдения принципа фюрерства. Этот основной принцип стал в Германской империи с 1933 г. организационным фундаментом всей общественной жизни: авторитет сверху, подчинение снизу[21]. Национал-социализм не сводим исключительно к гитлеризму, но апелляция к воле фюрера указывала на высшую инстанцию легитимации политического действия.

Как же эта семантика элиты, а также специфическое значение и употребление таких терминов, как «дворянство», «вождь», «элита» или «высший класс», может характеризовать немецкое общество первой трети XX века? Во-первых, политические мыслители из числа традиционных консерваторов и новых правых оказались неспособны разработать модель политической и социальной элиты, способной к принятию решений, которая могла сочетаться с требованиями массового участия. Эти проекты не отвечали требованиям времени ни в организационном плане, ни с точки зрения их социального качества. Исходя из этого, можно с определенной уверенностью утверждать, что после провала проектов общественного порядка новых правых последней политико-

[17] Kershaw: 27.
[18] Schreiner.
[19] Gerwarth; Schildt.
[20] Mai: 40.
[21] Volks-Brockhaus: 223.

идеологической альтернативой оставалось только диктаторское национал-социалистическое государство.

На примере СС, которые должны были олицетворять нацистскую руководящую элиту становится ясно, почему нацистский режим не нуждался в точном определения элиты. Несмотря на явное неприятие сословной замкнутости дворянства, организация СС как властная элита национальной общности ни в коем случае не была социально открытым сообществом отобранных индивидов, выдержавших конкуренцию на основе личных заслуг. Вместо этого такое «новое дворянство», которое намерены были создать национал-социалисты, состояло вовсе не из индивидуальностей, а из представителей семейных, родовых групп, кланов. Поэтому успех не был ни критерием отбора, ни социальной функцией всей этой группы. Отбор эсэсовцев и их жен находился под знаком примата их расовых, наследственных биологических и физических качеств, а также их идеологической верности. Успехи в обучении или проверочные испытания не играли никакой роли, однако проявленные при решении административных или военных проблем решимость (или бесцеремонность) учитывались при дальнейшем продвижении по службе. Успех представлялся как желанный результат расового биологического отбора, но не как условие формирования нацистской элиты.

После 1945 года все эти термины и заключенные в них опыт и стремления были глубоко дискредитированы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Кальтенбруннер Г.-К. Элита. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации. М.: Silene Noctiflora, 2025. 192 с. [Kaltenbrunner G.-K. Elita. Vospitanie na sluchaj chrezvychajnoj situacii (Elite. Educating for emergencies). Moskow: Silene Noctiflora, 2025. 192 p.].

Adel und Moderne. Deutschland im europäischen Vergleich im 19. und 20. Jahrhundert / E. Conze, M. Wienfort (Hg.). Köln: Böhlau, 2004. 354 S.

Bill C.H. Neue Adels-Bibliographie. Monographien, Sammelbände und Aufsätze des Erscheinungszeitraums ab 1493 bis heute zum Adel in den deutschsprachigen Ländern. Sonderburg, 2025. 1932 S.

Brockhaus' Konversations-Lexikon. Bd. 5. Leipzig, 1908. 1056 S.

Der grosse Brockhaus: Handbuch des Wissens. Bd. 5, Leipzig, 1930. 784 S.

Der große Herder. Bd. 4. Freiburg/Br.: Herder, 1932. 1630 S.

Deutscher Adel im 19. und 20. Jahrhundert. G. Schulz, M. A. Denzel (Hg.). St. Katharinen: Scripta Mercaturae, 2004. 540 S.

Funck M., Malinowski St. Geschichte von oben. Autobiographien als Quelle einer Sozial- und Kulturgeschichte des deutschen Adels in Kaiserreich und Weimarer Republik // Historische Anthropologie. 1999. № 7. S. 236–270.

Gerwarth R. Der Bismarck-Mythos. Die Deutschen und der Eiserne Kanzler. München: Siedler Verlag, 2007. 285 S.

Herber M. My ancestor was a lawyer. London: Society of Genealogists Enterprises, 2006. 215 P.

Jung E.J. Adel oder Elite? // Europäische Revue. 1933. № 9. Bd. 2. S. 533–535.

Jung E.J. Die Herrschaft der Minderwertigen. Berlin: Deutsche Rundschau, 1930. 692 S.

Kemper C. Das „Gewissen“ 1919–1925. Kommunikation und Vernetzung der Jungkonservativen, München: Oldenbourg, 2011. 517 S.

Kershaw I. Der Hitler-Mythos. Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich, Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. 396 S.

Mai G. Europa 1918-1939. Mentalitäten, Lebensweisen, Politik zwischen den Weltkriegen. Stuttgart: Kohlhammer, 2001. 276 S.

Malinowski St. Vom König zum Führer. Deutscher Adel und Nationalsozialismus, Frankfurt/M.: Fischer, 2004. 672 S.

Meyers Konversations-Lexikon. Eine Encyklopädie des allgemeinen Wissens. Bd. 6. Leipzig: Verlag des bibliographisches Institut, 1875. 1040 S.
Meyers Lexikon. Bd. 3. Leipzig: Verlag des bibliographisches Institut, 1925. 1678 S.
Menning D. Standesgemäße Ordnung in der Moderne. Adlige Familienstrategien und Gesellschaftsentwürfe in Deutschland 1840–1945, München: Oldenbourg, 2014. 469 S.
Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989. 295 S.
Mosca G. Elementi di Scienza Politica. Torino: Fratelli Bocca, 1923. 540 p.
Pareto V. Trattato di sociologia generale. Firenze, 1916. 833 p.
Raymond S. A. My Ancestor Was a Gentleman: a guide to sources for family historians. London: Society of Genealogists Enterprises, 2012. 160 P.
Reif H. Adel und Bürgertum in Deutschland. Bd. 1. Entwicklungslinien und Wendepunkte im 19. Jahrhundert. Berlin: Akademie-Verlag, 2008. 355 S.
Reif H. Adel im 19. und 20. Jahrhundert. Reihe „Elitenwandel in der Moderne“. München: Oldenbourg, 2012. 182 S.
Schildt A. Radikale Antworten von rechts auf die Kulturkrise der Jahrhundertwende. Zur Herausbildung und Entwicklung der Ideologie einer „Neuen Rechten“ in der Wilhelminischen Gesellschaft des Kaiserreichs // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. 1995. № 4 S. 63–87.
Schönfuß F. Mars im hohen Haus. Zum Verhältnis von Familienpolitik und Militärkarriere beim rheinischen Adel 1770–1830. München: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 478 S.
Schreiner K. „Wann kommt der Retter Deutschlands?“ Formen und Funktionen von politischem Messianismus in der Weimarer Republik // Saeculum. 1998. № 49. S. 107–160.
Towey P. My Ancestor Was an Anglican Clergyman. London: Society of Genealogists Enterprises, 2006. 86 P.
Volks-Brockhaus. Deutsches Sach- und Sprachwörterbuch für Schule und Haus, Leipzig: F. A. Brockhaus, 1940. 793 S.
Zehrer H. Die dritte Front // Die Tat. Monatsschrift zur Gestaltung neuer Wirklichkeit. 1932. № 24. Bd. 5. S. 97–120.
Zehrer H. Die eigentliche Aufgabe // Die Tat. Monatsschrift zur Gestaltung neuer Wirklichkeit. 1932. № 24. Bd. 10. S. 777–800.
Zehrer H. Rechts oder Links? Die Verwirrung die Begriffe // Die Tat. Monatsschrift zur Gestaltung neuer Wirklichkeit. 1931. № 23. Bd. 7. S. 505–559.

***Баранов Николай Николаевич**, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Екатеринбург, Россия; nikolaibaranov@urfu.ru*

The Problem of Elite Transformation in Political Discussions in Weimar Germany

The existence and transformation of elites in society in the era of modernity remains significant in contemporary research. This is evidenced by projects implemented within the framework of both academic and public history. The concept of "elite" entered the modern sociopolitical language relatively recently. Therefore, it is important to analyze its content, meaning and usage in the historical context based on the methodological approach of the ‘history of concepts’. Within this framework, the emergence of each new socio-political term is defined as a way to overcome the gap between ‘the level of experience’ and ‘the horizon of expectations’. In the situation of the collapse of the Kaiser's empire and the systemic crisis of the Weimar Republic there was an active discussion among open opponents of representative democracy about the principles of formation and functions of a new ruling stratum of society capable of offering a real alternative to ‘rotten democracy’. Despite the high intellectual intensity, this discussion did not reach a logical conclusion. Only some of its positions, and in fact against the will of their authors, were used by the architects of the National Socialist regime. Thus, the ideas of the conservative revolution were discredited for a long time, and their bearers were labeled as ‘fellow travelers’ of Nazism.

***Key words:** Germany, Weimar Republic, elite, ruling class, conservative revolution.*

***Nikolay N. Baranov**, Dr. Hab. in History, Associate Professor, Ural Federal University, Head of the Chair of Modern and Contemporary History, Yekaterinburg, Russia; nikolaibaranov@urfu.ru*

А.Г. Цыпкина

«СО ЩИТОМ ИЛИ НА ЩИТЕ!»: ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК В.А. СТЕКЛОВ И ГЛАВНАУКА В 1923–1926 ГГ.[1]

В статье описан прежде не рассмотренный в научной литературе конфликт Академии наук и Наркомпроса в 1923 г., а также его контекст и последствия. Автор вводит в научный оборот новый комплекс документов: переписка руководства Академии наук с государственной властью в лице сотрудников Наркомпроса, Главнауки и наркома просвещения А.В. Луначарского. В ряде случаев установлены новые датировки документов. Проанализированы записи вице-президента В.А. Стеклова о Главнауке и официальные ответы ведомства, восстановлена хронология событий. Показаны противоречия между общей политической линией Стеклова и линией Наркомпроса/Главнауки в 1920-е гг. Конкретизирована роль В.А. Стеклова при составлении Устава Академии наук 1927 г., а сама работа над уставом советской Академии наук вписана в общий контекст взаимоотношений с властью. Проанализированные архивные материалы показывают, насколько напряжённой и продолжительной была борьба за институционализацию Академии наук в новой советской системе и почему именно на всесоюзном статусе РАН настаивал академик Стеклов. Несмотря на некоторое количество статей, посвящённых Стеклову, а также положению РАН в начале 1920-х гг. при утверждении советской власти и первых мер институционализации, комплекс документов относительно его взаимоотношений с Наркомпросом и Главнаукой оставался фактически неучтённым. К анализу привлечены различные категории документов: официальная переписка, личная, протоколы заседаний и проч.
Ключевые слова: *В.А. Стеклов, Наркомпрос, Главнаука, Ленинградское отделение, устав Академия, А.В. Луначарский, С.Ф. Ольденбург, Ф.Н. Петров, В.Т. Тер-Оганесов*

После Февральской революции возникает насущная необходимость встраивать Академию наук в новую систему власти. В числе особой комиссии авторитетных ученых академик-математик В.А. Стеклов начал в 1917 г. работу над новым уставом Академии наук. После утверждения устава Временным правительством первый избранный президент АН престарелый академик А.П. Карпинский решает сохранить эту комиссию как временный орган управления Академией. В октябре 1917 г. власть снова меняется, приходят большевики. В Академии, переименованной в Российскую из Императорской, обнаруживается раскол мнений: академики-гуманитарии выступают против новой власти, а представители математических и естественнонаучных специальностей готовы идти на сотрудничество. К числу кадетов и им сочувствующих относились непременный секретарь АН С.Ф. Ольденбург, занимавший пост с 1904 г., и президент Академии А.П. Карпинский (с 1917 г. по 1936 г.). В ноябре 1917 г. А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург, М.А. Дьяконов, М.И. Ростовцев готовят текст заявления, в котором большевики называются «насильниками, захватившими власть»[2]. Антиправительственное обращение в итоге не поддерживается общим собранием, а подобные чувства протестной интеллигенции со-

[1]Статья подготовлена при поддержке фонда РНФ, проект № 24-78-00097 «Академия наук и органы власти: особенности, принципы и способы взаимодействия в XX в.»
[2] Колчинский, Синельникова 2020: 96–97; Летопись 2007: 309.

всем «не соответствуют настроениям масс»[3]. В.А. Стеклов предлагает «бросить раз и навсегда нелепые разговоры о протестах и спокойно продолжать деловую учёную работу», и его поддерживает вице-президент И.П. Бородин[4]. Так шедшую на прямую конфронтацию с властью Академию удерживают представители естественно-научной и технической интеллигенции. И 24 января 1918 г. Академия заявляет о готовности к сотрудничеству[5]. Положение спасает то, что сторонниками налаживания отношений с Академией были В.И. Ленин и его секретарь Н.П. Горбунов, а также Л.Б. Троцкий, А.В. Луначарский и Н.А. Семашко[6]. В 1918 г. образовывается научный отдел Наркомпроса, что совпадает с принятием решения СНК взять Академию наук на обеспечение правительства.

Но финансирования не хватает, учёные начинают голодать, многие умирают от голода, холода и болезней[7]. На волне кризиса и растерянности Академия единогласно избирает В.А. Стеклова вице-президентом (31 мая 1919 г. – и.о. вице-президента, 5 мая 1924 г. – переизбран на 5 лет)[8]. Стеклов не был ни кадетом, ни большевиком и был готов проводить взвешенный курс, нацеленный на сотрудничество с властью с максимально возможным сохранением академической автономии. Учитывая почтенный возраст президента А.П. Карпинского и кадетское прошлое С.Ф. Ольденбурга, Академия наук нуждается в лидере, способном восстановить дееспособность и финансирование учреждения, сохранив Академию не только институционально, но и численный состав научных сотрудников. Одновременно В.А. Стеклову предлагают должность ректора Петербургского университета, но он отклоняет это предложение, прекрасно понимая, что в переходный период не будет иметь возможности справиться с нагрузкой двух этих постов одновременно[9].

В.А. Стеклов к тому моменту уже имел значительный опыт как управленческой, так и общественной работы, и даже опыт урегулирования политических конфликтов. Стеклову принадлежит исключительная роль в мирном исходе Харьковского восстания 1905 г., когда власти согласились не предпринимать в отношении восставших, которых удалось урезонить, радикальных мер. Блестящий лектор, учёный и превосходный педагог, Стеклов пользовался авторитетом у студентов также благодаря своей антиправительственной позиции[10]. Об университетской деятельности Стеклова, отстаивавшего научную независимость высшей школы, напишет впоследствии и С.Ф. Ольденбург[11]. Политический и общественный талант Стеклова был должным образом оценен, в 1905 г. ему пред-

[3] Колчинский, Синельникова 2020: 97.
[4] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. Протоколы ОС РАН. 1917. § 306. С. 288. Цит. по Летопись 2007: 22; Стеклов 1991: 28; Цит. по: Колчинский, Синельникова 2020:103.
[5] Есаков 1994: 130–131, Летопись 2007: 23.
[6] Летопись 2007: 23.
[7] Колчинский2003: 428.
[8] Летопись 2007: 365, 484.
[9] Стеклов 1991: 289.
[10] Демидов 2015: 21–22.
[11] Ольденбург 1926: 3.

ложили должность ректора Харьковского университета. От этой должности Стеклов отказался, уступив её профессору Л.В. Рейнгарду, но согласился быть деканом математического факультета. В прекращении существования самодержавия, его «нелепого и перестуженного существования», Стеклов как давний противник реакционных царских указов в области образования и университетской автономии, видел закономерный исход событий[12]. Он дал довольно жёсткую характеристику «господ белых», о чудовищной политической безграмотности которых им было не раз недвусмысленно сказано. Понимая несостоятельность кадетской партии и обреченность белого движения[13], «потерявших», с его точки зрения, «политическое чутьё», Стеклов в свое время отказался участвовать в деятельности под эгидой кадетов[14][15], и потому для большевиков он представлял менее одиозную фигуру. Про Академию эпохи В.А. Стеклова академик П.П. Сушкин писал следующим образом: «Карпинский резко постарел, во многом плохо разбирается, <…> влияния он не имеет. Ольденбург устал и стареет <…>, всецело попал под влияние Стеклова… Академия Стекловизируется и Ферсманизируется»[16].

В научной литературе об истории РАН в первые годы существования советской власти имя вице-президента В.А. Стеклова иногда упоминается, но его роль в становлении АН СССР практически не рассматривалась. Некоторые исследователи отмечали его выдающийся вклад в организацию науки начала XX в., но ограничивались лишь общими словами в его адрес[17]. На то, что именно при нём сложилась та система финансирования Академии наук, которая существовала до 2013 г., впервые в научной литературе обратили внимание математики[18].

Скоро стало понятно, что выстраивание отношений с властью не сможет состояться без участия представителей высшего эшелона государственного управления. 22 ноября 1920 г. В.А. Стеклов, С.Ф. Ольденбург, А.П. Карпинский, А.Е. Ферсман и В.М. Истрин подписывают текст письма в СНК СССР о катастрофическом положении науки и учёных, включающее ходатайство об упорядочении оплаты труда научных сотрудников. В ответ на это в декабре 1920 г. при Наркомпросе создаётся комиссия под председательством А.В. Луначарского, в которую от Академии наук вошли В.А. Стеклов, А.Е. Ферсман и С.Ф. Ольденбург[19].

27 января 1921 г. состоялась известная встреча представителей Академии с Лениным, которую устроил чл.-к. (с 1905 г.) Академии наук М. Горький. Об этой встрече было немало написано, в т.ч. самим Горь-

[12] Стеклов 1991: 283.
[13] Стеклов 1991: 285.
[14] Письма В.А. Стеклова С.Ф. Ольденбургу. СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 562. Л. 20-20об.; Стеклов 1991: 285.
[15] На собраниях кадетов В.А. Стеклов только убеждался в бесплодности и несостоятельности их представлений об обществе и власти.
[16] Цит. по: Кольцов 2003: 482.
[17] Соболев 1999: 73; Есаков 1994: 121; Кольцов 2003: 481; Сорокина 1995: 109–119.
[18] Козлов, Павлов, Сергеев 2015: 12–13.
[19] Летопись 2007: 393, 395.

ким, а также биографами Стеклова[20]. Указывалось, что Стеклов и Ленин понравились друг другу. Луначарский впоследствии вспоминал о личных указаниях от Ленина Наркомпросу «относиться к Академии бережно и осторожно»[21]. Благодаря позиции В.И. Ленина, Академия наук была спасена от ликвидации и оставалась на тот момент единственным учреждением, сохранившимся от царского правительства в неизменном виде. Тем не менее ОГПУ тщательно следило за кадрами Академии[22]. Помимо видных представителей высшей власти (В.И. Ленина, А.В. Луначарского, Н.А. Семашко, А.И. Рыкова, М.И. Калинина, Л.Б. Красина), Академии наук предстояло столкнуться с управленцами среднего звена. Непростая задача добиться надлежащего положения для АН в новой системе выпала на долю В.А. Стеклова. К числу его заслуг относится создание Особого Временного комитета науки (ОВКН) в апреле 1922 г. по внесенному им предложению[23], который сильно облегчил на первое время взаимоотношения с властью. По постановлению СНК на Комитет возлагалось «выяснение научных и материальных потребностей ученых учреждений и принятие всех необходимых мер к их удовлетворению», его представители имели «право непосредственного доклада Совнаркому и его председателю». Комитет осуществлял свою деятельность «посредством аппарата Наркомпроса»[24]. Комитет действовал с 24 июня 1922 г., утверждённый специальным декретом СНК[25], в его заседаниях участвовали представители Госплана и разных наркоматов. К числу достижений ОВКН В.А. Стеклов относил организацию исследований по метеорологии, восстановление сети сейсмических станций, организацию обмена изданиями между учеными учреждениями. С помощью Комитета была налажена перевозка грузов с научными принадлежностями, организована возможность беспошлинных отправлений и непосредственной закупки за границей приборов, реактивов и установок (за 1922 г.), одобрено предложение и всяческое содействие подготовке празднования 200-летнего юбилея РАН[26]. Список можно продолжать – в комитете обсуждались первейшие нужды Академии наук. Через этот Комитет удалось провести много нужных льгот, усовершенствовать управление. Академии также было предоставлено право вести самостоятельную переписку с учреждениями за границей. Кроме того, РАН стала финансироваться непосредственно по особой смете СНК. Но часть этих льгот была не до конца оформлена юридически – их только предстояло закрепить в новом уставе РАН[27], что, в частности, и привело в какой-то момент к прямому столкновению с Главнаукой.

[20] Игнациус 1967 и др.
[21] Владимиров, Маркуш1981: 66.
[22] ГАРФ. Р-8429. Оп. 1. Д. 8. Доклад об Академии наук.
[23] Организация науки 1968: 67; Летопись 2007: 435.
[24] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Постановление Малого Совнаркома от 10 мая 1922 г. Л. 10.
[25] Собрание узаконений и распоряжений…
[26] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 21 об. – 22.
[27] Подробнее см.: СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 2. Д. 516.

В своих воспоминаниях Стеклов об этом писал так: «Я добился в конце концов (только в сентябре 1923 г.) давно проводимой мною мысли о приравнении ее к особому главку, равносильному самому Наркомпросу. Последний, не имея в своей среде людей государственного масштаба, <…>, оказывал и оказывает всем нашим начинаниям всякие препоны. <…> С удовлетворением могу сказать, <…> немало я принес пользы академии этими трудами и заботами. Это оказалось возможным и осуществимым лишь потому, что в полном согласии со мной <…> оказался ак. С.Ф. Ольденбург, который разделял со мною тяжесть взятого нами на свои плечи дела, …и то, что наш президент А.П. Карпинский <…> был всегда и во всем с нами солидарен»[28]. Так сложилось, что Ольденбургу пришлось выступать против собственного проекта[29].

Острая фаза противоречий между Академией и Главнаукой пришлась на 1923 г., когда своими постановлениями и декретами Наркомпрос стал оспаривать у Академии наук недавно полученные ею права.

В воспоминаниях Стеклова иногда встречается мысль, что столкновения, на которые приходится тратить «массу сил», не лежали «в основе» системы и не имели ничего общего именно с политической повесткой в целом, а являлись часто случайным произволом и амбициями конкретных людей. Но было верно лишь отчасти. 7 сентября 1923 г. по ходатайству академии, СНК СССР позволил Академии наук стать главным распорядителем своих кредитов, что и означало приравнивание Академии наук к «особому главку, равносильному самому Наркомпросу»[30]. «Без сомнения, - писал Стеклов, - Наркомпрос постарается [это распоряжение СНК] всячески смазать, ослабить всяческими правдами и неправдами его силу, вероятно, если не будет достаточно дальновиден, будет чинить всякие неприятности Академии, но я пойду на всё и не уступлю: либо со щитом, либо на щите! Не сомневаюсь, что правое дело восторжествует». Наркомпрос препятствовал этому, потому что боялся финансового ущерба себе[31], «не имея в своей среде людей государственного масштаба»[32]. И Стеклов был прав – конфликт начался.

15 марта 1923 г. Президиум Коллегии Наркомпроса утвердил Положение о Государственном учёном совете (ГУС), в ведении которого, по мысли Наркомпроса, находилось «общее методическое и программное руководство в области научной художественной жизни, научного, технического и художественного образования и социального воспитания Республики [РСФСР]». В число обязанностей такого органа должно было входить «решение вопросов об открытии новых научных учреждений и <…> высших ученых заведений, и о закрытии существующих», «утверждение их уставов» и даже «разработка программ их деятельности». Кадровый вопрос тоже оставался за Наркомпросом. Соот-

[28] Стеклов 1991: 293.
[29] Подробнее об этом проекте см.: Ананьев, Бухарин 2020.
[30] Стеклов 1991: 293.
[31] Стеклов 1991: 294.
[32] Стеклов 1991: 293.

ветственно, подбор кадров АН, составление её планов и сдачу отчётов должна была решать Главнаука. После декларации такой программы Главнаука приступила к осуществлению этих положений на практике.

24 июля 1923 г. Наркомпрос принял соответствующее распоряжение № 413 о порядке сношений всех подведомственных учреждений.

На основании сведений переданных В.А. Стекловым 17 и 23 ноября 1923 г., 3 декабря 1923 г. в Главнауке состоялось заседание Совещания Наркомов просвещения союзных и автономных республик, которые заслушали доклад Главнауки «об учреждениях, имеющих общесоюзное значение и об урегулировании управления этими учреждениями». Первым пунктом она утверждала положение, за которое боролся Стеклов – «признать необходимым работу в области сейсмологии, метеорологии, гидрологии и библиографии вести по одному для всей территории СССР плану», а вторым – «разработку и предварительное согласование этих планов поручить соответствующим отделам Наркомпросов всех союзных республик»[33]. Это план, по их представлениям, должен был утверждаться наркомами просвещения всех союзных республик, которые никакого отношения к работе в области сейсмологии не имели.

Кроме того, новый начальник Главнауки Ф.Н. Петров, сменивший И.И. Гливенко в середине 1923 г., добивался выдвижения ведомства, во главе которого он оказался. Задачу, которую Ленин формулировал для Академии – объединение научных сил страны или «штаб советской науки», – Петров, судя по его речи на заседании I Всероссийского съезда научных работников 27 ноября 1923 г., захотел забрать для Главнауки. О том, что конфликт был частью принципиальных разногласий, свидетельствует его речь. 27 ноября 1923 г. Ф.Н. Петров поставил перед Главнаукой несколько новых задач, среди которых было «установление связи с подведомственными учреждениями», и прямо заявлял: «Главнаука сейчас перестраивает свой аппарат, чтобы быть действительно способной выполнить роль организатора научного творчества нашей республики. Главнаука не будет являться только административным органом и органом финансирования подведомственных ему учреждений, нет, Главнаука в советском государстве должна занять роль органа, объединяющего все моменты нашей научно-исследовательской, творческой работы в России». С точки зрения Петрова, на тот момент Главнаука «ещё не выдвинула тех основных задач, которые должны быть выделены в нашем советском строительстве», и он намеревался это исправить, поставив перед ведомством новые «принципиальные задачи»[34].

Всё это он говорил, отослав в Академию наук значительное количество «срочных» запросов. Так, Главнаука 6 октября 1923 г. запросила от Академии инвентаризацию имущества и предложила РАН в месячный срок переработать действующий Устав Академии применительно к новым научно-исследовательским Институтам ВУЗ'ов. «В ответ на указ. отношение, РАН 17 окт. с.г. за № 2034 уведомила Главнауку, что ею

[33] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 52. Л. 41.
[34] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 417. Л. 441–449 об.

приступлено к выработке нового Устава, каковой будет закончен по возвращении из заграничной командировки Непременного Секретаря, но что предложение выработать Устав Академии Наук «применительно Уставу исследовательских Институтов ВУЗ'ов вкралось, очевидно, по недоразумению, так как разработка Устава АН как высшего научного органа СССР, не может быть проведена применительно к исследовательским Институтам ВУЗов, обслуживающих интересы отдельных учебных заведений». Тогда же Главнаука «предложила в месячный срок представить «подробный доклад, охватывающий все стороны деятельности Академии Наук»[35]. 26 ноября 1923 г. Академии наук было предложено обращаться в «высшие государственные учреждения и к лицам, их возглавляющим, исключительно через Главнауку». Этим Главнаука не только пыталось оспорить «приравнивание Академии наук к особому Главку», но и в целом затормозить работу ОВКН при СНК, в котором Академии наук имела право непосредственного доклада наркомам.

27 ноября 1923 г. в РАН поступила «по-видимому, от Главнауки (без подписи и даты) схема отчета по научным учреждениям, в коей намечен план составления отчетных данных»[36]. Общее собрание постановило просить вице-президента «лично выяснить все обстоятельства, касающиеся означенной переписки Главнауки с РАН» в Москве, препроводила ему все соответствующие запросы[37]. 3 декабря Правление РАН слушало циркулярное предложение Главнауки от 27 ноября с требованием «при сношениях с наркоматами и ведомствами испрашивать предварительно руководящие указания со стороны Главнауки»[38]. 5 декабря из Москвы пришёл очередной циркулярный запрос о представлении «в кратчайший срок отчетов, планов работ и других сведений, затребованных Отделом», а также «сведений о штатах Учреждения, с подробной мотивировкой их и разделением на штатный и нештатный персонал», а 11 декабря Главнаука попросила «в связи с предстоящим установлением твердых штатов Научных Учреждений не занимать вакантных должностей, как научных и технических работников без специального на то разрешения в каждом отдельном случае Главнауки»[39].

К подобным письмам от Главнауки прилагались обширные для заполнения анкеты, которые Главнаука предполагала использовать просто для ознакомления с работой учреждения[40]. Канцелярский аппарат Академии, по сути состоявший из вице-президента, непременного секретаря и управляющего делами конференции, с такими запросами не справлялся. Поэтому в письме к Луначарскому в какой-то момент Стеклов и Ольденбург были вынуждены написать, что может остановиться вся

[35] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. ОС 5 ноября 1923 г. §164. Л. 28об. Стр. 56.
[36] Там же. § 195. Стр. 66. Лист 33 об.
[37] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 32–34 об., Л. 49.
[38] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 42.
[39] Там же. Л. 48.
[40] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 32–34, 49; ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 417. Л. 388–391. Эта практика аппарата советской власти некоторыми исследователями советского времени ставилась в заслугу. См., например: Бастракова 1973: 244–245.

работа учреждения, если Академия вместо научной работы будет занята исключительно ответами на предлагаемые анкеты: «Главнаукой требуется представление плана работ издательского плана, персонального списка научных сотрудников с подробными сведениями о них и протоколов заседаний всех административных органов», а «для представления такого рода сведений и в Главнауку и в Петроградского ее Отделение невозможно ограничиться существующим канцелярским штатом, и потребуется отпуск особого кредита на оплату сверхурочного труда, бумагу и канцелярских принадлежностей»[41].

Этот эпизод расхождения Академии с Главнаукой был спровоцирован более крупными разногласиями, которые не только были озвучены Петровым в его речи или записаны Стекловым в своих воспоминаниях, но и подробно изложены руководителями Главнауки в письме к Луначарскому, который, видимо, после получения письма от Академии сделал в Главнауку соответствующий запрос. Разногласия в том числе касались отчётности за финансирование, выделяемое СНК[42]. Более того, политическая линия шла ещё дальше: так, в постановлении III совещания Наркомов просвещения в декабре 1923 г. в последнем пункте неслучайно указывалось, что «объявление Российской Академии наук и Академии материальной культуры» общесоюзными учреждениями было признано нецелесообразным[43]. Такое заключение было даже подписано секретарем коллегии Наркомпроса 28 декабря 1923 г.

Главнаука также упрекала Академию наук в том, что та якобы не передала в Главнауку отчеты о работе сейсмических станций. На это Стеклов отвечал, что требуемые сведения в виде обстоятельной записки («лично сделал извлечение из приготовлявшегося отчета о деятельности сейсмической станции для Комитета Науки и годичного отчета Академии, где на нескольких листах подробно изложил всё существенное») были переданы им лично заведующему Главнаукой Ф.Н. Петрову 23 ноября 1923 г. Он обратил внимание на то, что «Главнаука сама, на основании этих материалов, входила в СовНарКом и не может не иметь в своём распоряжении всех этих материалов. Для чего же она вторично и спешно требует от Академии снова писать и переписывать то, что у нее давно в руках?»[44]. Об отношении Стеклова к происходящему недвусмысленно свидетельствует приписка на одном из черновиков ответа: «Как будто бы времена Щедрина пришли не только для такого первоклассного учреждения, как Академия наук, но и для всей республики!»[45].

На помощь уставшему от претензий Главнауки Стеклову приходит недавно вернувшийся из заграничной командировки С.Ф. Ольденбург.

[41] Там же. Л. 53.

[42] Ответ Стеклова об ассигнованиях, выделенных, в т.ч. на Физико-математический институт, основателем и первым директором которого он был, однозначен: раз Академии наук выделяет деньги СНК СССР, то она и будет отчитываться СНК.

[43] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 41.

[44] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3.Д. 3. Л. 64–65 об.

[45] Такое восклицание вице-президента на черновике очередного ответа в Главнауку хранит теперь его архив. СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 65.

13 декабря 1923 г. РАН отправляет в Главнауку подробный ответ «на отношение от 19 ноября 1923 г., которое поступило в РАН только в декабре»[46], составленный Стекловым и Ольденбургом совместно[47]. Руководство РАН резюмировало его содержание так: «Несмотря на принципиальное несогласие с взглядом Главнауки на ее отношения к Академия Наук, последняя не видела оснований к невыполнению указанных выше запросов Главнауки, и по мере фактической возможности, сообщала и сообщает запрашиваемые у нее данные. Если же в одном случае Академия Наук и квалифицировала направление к ней Главнаукой запроса как некоторое недоразумение, то, конечно, выражение это не относилось к выполнению Главнаукой ее обязанностей, а исключительно к несоответствию присланной анкеты условиям и объёму работ Академии Наук, каковые, без сомнении, должны быть близко известны Главному Управлению Научных Учреждений, как учреждению, относящемуся к своей компетенции руководством деятельностью Академии Наук[48]».

Поскольку, по всей видимости, ситуация заходила в тупик, руководство Академии решило также обратиться к А.В. Луначарскому с ответом на один из циркуляров Главнауки. Для понимания ситуации и отношения к ней руководства РАН приведём цитату из этого письма, написанного В.А. Стекловым[49]: «При перенесении столицы государства в Москву, в Петрограде был образован Отдел Главнауки, в кругу ведомства которого фактически оказалась Российская Академия Наук, как и в административном, так и в бюджетном отношении. Между тем Академия Наук, будучи по существу и задачам своей деятельности учреждением общегосударственным и даже международным, никогда не состояла в ведении того или иного окружного управления и, будучи в ведомстве центрального органа Народного Просвещения, пользовалась правом непосредственным сношений со всеми государственными учреждениями и полной бюджетной самостоятельностью как в распределении, так и в расходовании ассигнуемых на ее содержание средств. …Искусственное и явно несоответствующее значению Академии включение ее в число научных учреждений Окружного типа может вредно отразиться на дальнейшем существовании и оставить ее интересы без своевременной поддержки…». Таким образом руководители РАН попросили передать Академию наук в непосредственное ведение хотя бы основных, а не местных органов Наркомпроса. Видимо, А.В. Луначарский запросил мнение Главнауки, потому что Главнаука прислала на имя Луначарского письмо с подробным описанием ситуации так, как она её видела, и резюмировав его прямой формулировкой своей политики в отношении РАН так: «Главнаука считает, что взаимоотношения ее с Академией Наук должно определяться следующими требованиями:

[46] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 51–53.
[47] Но за подписью С.Ф. Ольденбурга как Непременного Секретаря, ответственного за переписку РАН.
[48] Вероятна некоторая ирония. – АЦ.
[49] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 1-1об., Л. 8.

1. Академия Наук в организационно-административном отношении находится в ведении Главнауки[50].
2. Академия Наук в финансовом отношении должна удовлетворяться по смете, включенной в общий параграф по ученым учреждениям. Существующее в настоящее время положение, в силу которого научные и хозяйственные нужды Академии удовлетворяются по особому параграфу, совершенно недопустимо[51].»

2 января 1924 г. после визита Стеклова в Москву на специальном заседании Президиума коллегии Наркомпроса, посвященном «взаимоотношениям Главнауки с РАН» было постановлено, что «Коллегия Наркомпроса и Нарком по Просвещению могут контролировать работу Академии Наук только через свои аппараты, т.е. через Главнауку и Государственный Учёный Совет», однако Главнауке было предложено «написать циркулярное письмо в разъяснение своего циркуляра, касающегося права сношения учреждений Главнауки с другими ведомствами». Главнауке было поручено «пересмотреть характер рассылаемых по учреждениям анкет, сделав их менее громоздкими». РАН также было предложено «представлять аккуратно в срок» запрашиваемые Главнаукой сведения. Через месяц в той же коллегии было запланировано слушать «доклад о деятельности Академии Наук, обязав последнюю к этому же времени представить проект положения (Устава.– А.Ц.) о РАН»[52].

Доклад о деятельности РАН и проект устава было постановлено «заслушать через месяц в заседании коллегии Наркомпроса». Неудивительно, что разработкой Устава РАН занялся в первую очередь академик Стеклов, реализовавший идею о ОВКН и отстоявший для Академии ряд льгот, которые было нужно теперь закрепить юридически.

Копии постановления были разосланы Ф.Н. Петрову и А.В. Луначарскому, а также в РАН. Хотя циркуляр о переписке был отменен, работа по завоеванию Академией необходимой для работы самостоятельности продолжалась вплоть до утверждения устава в 1927 г., так как Главнаука пыталась оспорить эти льготы, как и самостоятельность в «сношениях» с другими международными советами и учреждениями. Так, в мае 1924 г. Главнаукой было отправлено письмо Стеклову о том, что, «основываясь на мнении Наркоминдела», она просит «все планы и мероприятия по вопросу о вхождении в Международный совет изысканий» направлять для согласования через неё. Для выяснения обстоятельств вице-президент и непременный секретарь вызывались в Главнауку[53]. 13 мая 1924 г. Главнаука также «предложила РАН принять к сведению», чтобы она «все сношения с учреждениями союзных республик производила через Главнауку» (этот вопрос вице-президент тоже должен был выяснить лично в Москве и, видимо, даже без непременного

[50] Эти 3 пункта в копии отчёркнуты слева и Стекловым написано: «Или Петров с Тер-Оганесовым, или Академия Наук. Пусть Правительство выбирает, что ему выгоднее!?»
[51] Это тоже было отчёркнуто Стекловым в переданном ему экземпляре и резюмировано им же: «Чепуха». СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3.Л. 12.
[52] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 56.
[53] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 51. Л. 232.

секретаря)[54]. 20 ноября 1924 г. Главнаука просила Академию командировать представителя на совещание директоров учреждений Главнауки[55] – следовательно, и тогда борьба за выход Академии наук из «учреждений окружного типа» ещё продолжалась. Единственным спасением и возможностью для Академии наук спокойно работать могло стать либо признание за Академией всесоюзного статуса, либо институциональное учреждение ОВКН в качестве постоянного всесоюзного органа. В.А. Стеклову удалось осуществить первое[56].

Предпринятая советской властью попытка поставить Академию наук в зависимость от Наркомата Просвещения, была не первой попыткой такого рода, с которой пришлось столкнуться В.А. Стеклову в его академической научно-организационной деятельности. В 1912–1913 гг. похожее намерение выразил министр просвещения царского правительства Л.А. Кассо, который хотел получить право утверждения штатов Академии наук для своего министерства. Интересно, что и тогда именно В.А. Стеклову пришлось составлять подробную записку, в которой он на основании действующего тогда законодательства изложил не только юридическую неправомочность требований министра, но сущностную: «Вопрос этот имеет принципиальное жизненное значение для Академии, ибо последней не только по таким сравнительно малозначительным поводам приходится обращаться с ходатайствами на Высочайшее имя, достаточно упомянуть, что представления об утверждении вновь избранных академиков делаются также через Министра Народного Просвещения, который впредь, пользуясь нынешним прецедентом, может по своему усмотрению представлять или не представлять тех или других угодных или неугодных ему лиц на Высочайшее утверждение»[57]. До вмешательства власти в выборы Академии наук в 1929 г. В.А. Стеклов не дожил, окончательно подорвав своё здоровье под проливным дождём во время празднований 200-летнего юбилея Академии[58].

Вот как писал сам Стеклов в своих воспоминаниях о своей деятельности по освобождению РАН от неудачной попытки управления Академией, предпринятой Главнаукой: «Несмотря на всяческое сопротивление Наркомпроса, боящегося финансового ущерба себе от такого выдвигания РАН, эта последняя признана учреждением более широкого масштаба, чем сам Наркомпрос, который принадлежит только РСФСР и союзного значения не имеет, не имея даже своего представителя с правом голоса в СНК СССР. В это же время РАН является теперь, если не ошибаюсь, единственным ученым учреждением, уравненным в бюджетных правах с Наркоматом. <…> И в беседах, и в докладных записках, подававшихся мною представителям власти, я доказывал необходимость этого акта для пользы дела и нормального развития научной

[54] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 57.
[55] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 51. Л. 236.
[56] Цыпкина 2024.
[57] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 53. Л. 4–5.
[58] Игнациус 1967: 126–127.

деятельности академии»[59]. «Сначала получилось (в 1922 г.) половинчатое решение, - пишет Стеклов, - в Финансовом комитете Совнаркома: сметы РАН выделялись в особые литеры, что не привело ни к чему путному. Теперь достигнут решительный результат»[60]. Эта работа по переподчинению Академии наук СНК включала в себя соответствующее закрепление привилегий в уставе. По отзывам академика-математика А.Н. Крылова, основную нагрузку в составлении Устава Академии наук нёс Стеклов, что полностью подтверждается документами его архива и черновиками Устава, хранящими на себе пометки вице-президента.

На заседании Комиссии под председательством т. Раевича по вопросу рассмотрения проекта Устава 1 ноября 1925 г. был одобрен проект Декрета Центрального Исполнительного Комитета и СНК СССР. На основании этого декрета РАН признавали АН СССР, но всё же оставляли в ведении Народного Комиссариата Просвещения с тем, чтобы Наркомпрос контролировал деятельность Академии наук международного характера и на территории союзных республик – во взаимодействии с другими Наркомпросами[61]. Однако прежде предоставленные АН льготы были подтверждены[62].

В Уставе Академии наук было закреплено, что Академия «поддерживает тесные научные связи со всеми другими учёными учреждениями СССР», «организует разного рода публичные лекции и доклады». Бюджет утверждается Совнаркомом, Академия является главным распорядителем своего кредита, который выделяется в особый параграф при смете Наркомпроса РСФСР, а действительные члены утверждаются особым порядком ЦИК СССР. При этом Академия «по всем своим делам» должна была иметь возможность «непосредственно сноситься со всеми Наркоматами и всеми другими учреждениями СССР». Печатные издания за подписью Непременного Секретаря, действующего от лица Академии, цензуре не подлежали, а сама она имела право беспошлинного ввоза из заграницы любых принадлежностей научного характера (приборы, мешки, реактивы, коллекции и проч. по списку). Это была крупная победа В.А. Стеклова.

Однако Устав 1927 г. окончательно был принят уже после смерти В.А. Стеклова, и писать статьи по случаю такого знаменательного события выпало уже на долю С.Ф. Ольденбурга[63]. Уже в 1929 г. Непременный Секретарь С.Ф. Ольденбург был снят с должности, а в состав «кадетствующей интеллигенции» были введены академики-коммунисты.

Вернувшийся из Украины В.И. Вернадский был потрясён размахом деятельности новой советской Академии, и в 1926 г. в письме к сы-

[59] Стеклов 1991: 294.
[60] Там же.
[61] СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 6. Л. 11.
[62] Там же.
[63] Статья С.Ф. Ольденбурга «Новый устав и научные задачи Академии наук СССР» от июня 1927 г. // Документы по истории Академии наук СССР. 1926–1934 гг. Л., 1988. 288 с. Иодко О.В. (сост.) Б.В. Левшин (отв. ред). С. 56–60.

ну мы встречаем такие его строки: «То, что сделано за эти годы в Академии, удивительно! Размах работы совершенно небывалый»[64]. Несомненно, в этом была значительная заслуга Стеклова.

Деятельность Владимира Андреевича на благо Академии наук была оценена ещё современниками. С именем Стеклова в целом связывали то, что Академия наук пережила революцию и гражданскую войну[65]. Однако позиция Стеклова по отношению к невозможности прикрепления АН СССР к Наркомпросу РСФСР или совету представителей Наркомпросов отдельных республик нуждалась в постоянной защите на протяжении 1923–1926 гг. – до того, как институциональное положение Академии было зафиксировано в Уставе 1927 г. Изменения, внесённые в Устав АН СССР в 1930 г., не коснулись статуса Академии как всесоюзного учреждения. Главнаука постепенно исчезает из жизни Академии, сначала превратившись в «сектор науки Наркомпроса РСФСР», а потом, 1933 г., закрывшись окончательно.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГАРФ. Р-8429. Оп. 1. Д. 8. Доклад об Академии наук.

Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сборник документов. Л., 1968. Отв. ред. К.В. Островитянов.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351290-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-ob-uchrezhdenii-osobogo-vremennogo-komiteta-nauki-20-iyunya-1922-goda

ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 417 (Главнаука в 1922–1923 гг.). Речь Ф.Н. Петрова на I Всероссийском съезде научных работников в ноябре 1923 г. Л. 440-449об.

Стеклов В.А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Сер. Научное наследство. Т. 17. Л., 1991. С. 235–299.

СПбФАРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. Протоколы общих собраний РАН за 1923 г.

СПбФАРАН. Личные фонды ак. В.А. Стеклова (Ф. 162), ак. С.Ф. Ольденбурга (Ф. 208.), ак. А.П. Карпинского (Ф. 265).

СПбФАРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3, Д. 6, Д. 51, Д. 52, Д. 53, Д. 70.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 353, 562.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Формирование научного отдела Наркомпроса: неизвестный проект из фонда академика С.Ф. Ольденбурга в СПбФ АРАН (к столетию советской науки) // ЭНОЖ «История». 2020. Вып. 1(87). Т. 11 [Anan'ev V.G., Bukharin M.D. Formirovanie nauchnogo otdela Narkomprosa: neizvestnyi proekt iz fonda akademika S.F. Ol'denburga v SPbF ARAN (k stoletiyu sovetskoi nauki) (Formation of the scientific department of the People's Commissariat of Education: an unknown project from the fund of academician S.F. Oldenburg) // ENOZh «Istoriya». 2020. Vyp. 1(87). T. 11. URL: https://history.jes.su/s207987840008155-9-1/

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Российская наука и государство в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 9. С. 900–910 [Anan'ev V.G., Bukharin M.D. Rossiiskaya nauka I gosudarstvo v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg. (Russian Science and the State in the Late 1920s – Early 1930s) // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2022. T. 92. № 9. S. 900–910].

Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). М., 1973. 294 с. [Bastrakova M.S. Stanovlenie sovetskoi sistemy organizatsii nauki (1917-1922) (Formation of the Soviet system of scientific organization (1917-1922)) M., 1973. 294 s.].

Владимиров В.С., Маркуш И.И. Владимир Андреевич Стеклов – ученый и организатор науки. М., 1981. 96 с. [Vladimirov V.S., Markush I.I. Vladimir Andreevich Steklov —

[64] Кольцов 2003: 498.

[65] Успенский 1926: 855.

uchenyi i organizator nauki. (Vladimir Andreevich Steklov as a scientist and manager in science.) M., 1981. 96 s.

Демидов С.С. Владимир Стеклов – математик на рубеже эпох // Труды математического института В.А. Стеклова. 2015. Т. 289. С. 17–30 [Demidov S.S. Vladimir Steklov – matematik na rubezhe epokh (Vladimir Steklov – a mathematician at the turn of the eras) // Trudy matematicheskogo instituta V.A. Steklova. 2015. T. 289. S. 17-30].

Есаков В.Д. От императорской к Российской. Академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132 [Esakov V.D. Ot imperatorskoi k Rossiiskoi. Akademiya nauk v 1917 g. (From Imperial to Russian.Academy of Sciences in 1917.)// Otechestvennaya istoriya. 1994. № 6. S. 120– 132].

Игнациус Г.И. Владимир Андреевич Стеклов: 1864–1926. М., 1967. 212 с. [Ignatsius G.I. Vladimir Andreevich Steklov: 1864–1926. M., 1967. 212 s.]

Козлов В.В., ПавловВ.П., СергеевА.Г. В.А. Стеклов (1863–1926) // ТрудыМИАН. 2015. Т. 289. С. 7–16 [Kozlov V.V., Pavlov V.P., Sergeev A.G. V.A. Steklov (1863–1926) // TrudyMIAN. 2015. T. 289. S. 7–16].

Кольцов А.В. Академик В.А. Стеклов – вице-президент Академии наук СССР // ВИЕТ. 1959. Вып. 7. С. 107–112 [Kol'tsovA.V. Akademik V.A. Steklov – vitse-prezident Akademii nauk SSSR (Academician V.A. Steklov – Vice-President of the USSR Academy of Sciences) // VIET. 1959. Vyp. 7. S. 107–112].

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. 522 с. [Komkov G.D., Levshin B.V., Semenov L.K. Akademiya nauk SSSR. Kratkii istoricheskii ocherk. (Academy of Sciences of the USSR. Brief historical essay.) M., 1974. 522 s.].

Колчинский Э.И. Советизация науки в годы НЭПа (1922–1927): послереволюционный кризис и поиск форм сотрудничества. Глава 9 // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки ред.-сост. Э.И. Колчинский, Спб., 2003. С. 440–549 [KolchinskiiE.I. Sovetizatsiya naukiv gody NEPa (1922–1927): poslerevolyutsionnyi krizis I poisk form sotrudnichestva. Glava 9. (Sovietization of science during the NEP years (1922-1927): post-revolutionary crisis and the search for forms of cooperation. Chapter 9) // Naukaikrizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki red.-sost.E.I. Kolchinskii, Spb., 2003. S. 440-549].

Кольцов А.В. Неравноправный брак по расчёту // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки ред.-сост. Э.И. Колчинский, Спб., 2003. С. 480–499 [Kol'tsovA.V. Neravnopravnyi brak po raschetu (Unequalmarriage of convenience) // Naukaikrizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki red.-sost.E.I. Kolchinskii, Spb., 2003. S. 480-499].

Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922 гг. СПб., 2020. 273 с. [KolchinskiiE.I., Sinel'nikovaE.F.Samoorganizatsiya rossiiskoi nauki v gody krisisa 1917–1922 gg. (Self-organization of Russian science during the years of crisis: 1917-1922) SPb., 2020. 273 s.].

Кольцов А.В. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969. 280 с. [Kol'tsovA.V. Lenin i stanovlenie Akademii nauk kak tsentra sovetskoi nauki. (Lenin and the formation of the Academy of Sciences as the center of Soviet science.) L., 1969.].

Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк Истории Академии наук СССР. М., 1964. [Knyazev G.A., Kol'tsov A.V. Kratkii ocherk Istorii Akademii nauk SSSR (A brief outline of the history of the USSR Academy of Sciences.). M., 1964. 225 s.]

Лагно А.Р. Функции непременного секретаря АН СССР: на примере деятельности акад. В.П. Волгина // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. Вып. № 21. С. 1–11. [Lagno A.R. Funktsii nepremennogo sekretarya AN SSSR: na primere deyatel'nosti akad. V.P. Volgina (Functions of the Permanent Secretary of the USSR Academy of Sciences: on the example of the activities of Academician V.P. Volgin) // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2009. Vyp. № 21. S. 1–11].

Летопись Российской Академии наук. Т. IV. 1901–1934. СПб., 2007. Отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина.1051 с. [Letopis' Rossiiskoi Akademii nauk. (Chronicle of the Russian Academy of Sciences) T. IV. 1901-1934. SPb., 2007. Otv.red. E.I. Kolchinskii, G.I. Smagina. 1051 s.].

Ольденбург С.Ф. Владимир Андреевич Стеклов // Научный работник. 1926. № 5–6. С. 3–5 [Ol'denburg S.F. Vladimir Andreevich Steklov (Vladimir Andreevich Steklov) // Nauchnyi rabotnik. 1926. № 5–6. S. 3–5]

Смирнов И. В.А. Стеклов. Биографический очерк // Памяти В.А. Стеклова. Л.: 1928 [Smirnov I. V.A. Steklov. Biograficheskiiocherk (V.A. Steklov. Biographical essay) // Pamyati V. A. Steklova. L.: 1928].

Соболев В.С. Для будущего России. СПб. 1999. 192 с. [Sobolev V.S. Dlya budushchego Rossii (For the future of Russia.). SPb. 1999.192 s.]

Сорокина М.Ю. «Молчать долее нельзя» (из эпистолярного наследия акад. С.Ф. Ольденбурга) // ВИЕТ. 1995. № 3. С. 109–119 [Sorokina M.Yu. «Molchat' dole nel'zya» (iz epistolyarnogo naslediya akad. S.F. Ol'denburga) (We can't remain silent any longer (from the epistolary heritage of academician S.F. Oldenburg)) // VIET. 1995. № 3. S. 109–119].

Успенский Я.В. Владимир Андреевич Стеклов // Известия АН СССР. Сер. VI. 1926. Т. XX. № 10–11. С. 837–856 [Uspenskii Ya.V. Vladimir Andreevich Steklov // Izvestiya AN SSSR. Ser. VI. 1926. T. XX. № 10–11. S. 837–856]

Цыпкина А.Г. Прения о всесоюзном статусе Академии наук // Российская история. 2024. № 6. С. 95–102 [Tsypkina A.G. Preniya ovsesoyuznom statuse Akademii nauk (Debate on the all-Union status of the Academy of Sciences) // Rossiiskaya istoriya. 2024. № 6. S. 95-102].

Анна Георгиевна Цыпкина, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН; anna021090@yandex.ru*

"With a shield or on a shield!": Vice-President of the Academy of Sciences V.A. Steklov and the Main Directorate of Scientific Institutions

This article describes the conflict between the Academy of Sciences and the People's Commissariat of Education in 1923, which has not been discussed in the scientific literature, as well as its context and consequences. In this article a new set of documents was introduced into scientific circulation - the correspondence of the Academy of Sciences with the state authorities like the Main Directorate of Science and the People's Commissar of Education A.V. Lunacharsky. In a number of cases, new dates of archival documents are established. The notes of Academician V.A. Steklov regarding the Main Directorate of Science and official responses are analyzed. The contradictions between the general political line of Steklov and the line of the People's Commissariat of Education/Glavnauka in the 1920s are shown. The role of Steklov in drafting the Charter of the Academy of Sciences in 1927 is specified. The work on the Charter of the Academy of Sciences is included in the general context of relations with the authorities. In general, the presented archival materials show how intense the preliminary struggle was for the institutionalization of the Academy of Sciences in the new Soviet system and why Steklov insisted on the all-Union status for the RAS. Despite the significant number of articles devoted to Steklov and his activities, as well as the position of the RAS in the early 1920s during the establishment of Soviet power and the first measures of institutionalization, the set of documents regarding his relationship with the People's Commissariat of Education remained virtually unaccounted for. For the first time, the role of Steklov and the extent of his participation in establishing contacts with representatives of state power at various levels were shown using specific documents as an example. Various categories of documents were analyzed: official letters and personal correspondence, verbatim reports, etc. Considerable attention is also paid to the analysis of scientific literature.

Keywords: *V.A. Steklov, People's Commissariat for Education, Glavnauka, A.V. Lunacharsky, S.F. Oldenburg, F.N. Petrov, V.T. Ter-Oganesov, Petrograd Department of Science, Charter of the Academy of Sciences.*

Tsypkina Anna G., *PhD, senior researcher in IWH RAS; anna021090@yandex.ru*

This work was supported by RSF, project no. 24–78–00097 *"Academy of Sciences and the Authorities: Features, Principles and Methods of Interaction in the 20th century".*

Т.В. Бернгардт

ШТРИХИ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ П.Л. ДРАВЕРТА информационный потенциал библиографического указателя

В фокусе исследования биобиблиографический указатель «П.Л. Драверт»[1]. Автор демонстрирует возможность использования результатов библиометрического анализа библиографического ресурса для изучения жизни и деятельности персоны на примере учёного, поэта, исследователя Сибири Петра Людовиковича Драверта.

Ключевые слова: *П.Л. Драверт, персональный указатель, библиографический ресурс, наукометрия, библиометрический анализ, интеллектуальная биография.*

Изучение и описание жизни выдающейся личности – жанр, привлекающий внимание читателей. Вместе с тем Л.П. Репиной отмечено, что «с развитием микроисторических подходов форма историко-биографических исследований наполняется", а «номенклатура» неизмеримо выросла за счет жизнеописаний людей, которые выступали как «реальные агенты», «акторы»»[2] конкретных исторических процессов, не являясь при этом выдающимися историческими деятелями. Современные авторы констатируют формирующееся направление новой биографической истории, с её стремлением к максимальному расширению источниковой базы, с акцентом на эго источники, но не только.

В статье предпринята попытка показать возможность использования библиометрического анализа биобиблиографического указателя при написании интеллектуальной биографии П.Л. Драверта. Мы видим в интеллектуальной биографии изучение жизни интеллектуалов в «синтезе биографического, текстуального и социокультурного анализа»[3], «экспликацию в динамике форм интеллектуальной деятельности личности, рассматриваемых в контексте интеллектуальной культуры»[4]. Важной также представляется мысль Т.К. Холматова о том, что интеллектуальная биография не ограничивается датами жизни и смерти автора, это длящийся процесс, включающий цитирование, посмертные публикации работ, то, что связано с корпоративной памятью и её поворотами, а также с меняющимися образами науки и канонами профессионализации.

Предлагаемое исследование находится на стыке библиографии и персональной истории. Такой синтез осмыслен в работе историка экономической мысли Дональда Уокера, предложившего типологию биографического жанра и выделил в ней библиографическую биографию[5], которая включает в себя анализ трудов ученого, историю их создания, источниковую и статистическую базу, технику и методологию исследования, понятийный аппарат и междисциплинарные связи.

[1] Драверт 2019: 24–171.
[2] Репина 2002: 5.
[3] Репина 2006: 106–107.
[4] Холматов 2023: 13.
[5] Цит. по: Нейман 2002: 13–14.

В настоящее время в науковедении существуют методы библиометрического анализа, проводимого на основе библиографических ресурсов. Ряд авторов указывают на возможность использования библиографических указателей в представлении персональной информации[6]. Интересны работы А.С. Крымской, в которых персональная библиография имеет применение в плане диагностики внедрения новаций в реальные научные исследования[7]. Возрастает поток работ, посвящённых использованию цифровых индикаторов библиометрии для оценки продуктов научной деятельности той или иной персоны[8]. Для создания библиометрического портрета учёного специалисты используют БД Web of Science, Scopus, РИНЦ, отраслевые БД[9].

Актуальность обращения в нашем случае к биобиблиографическому указателю «П.Л. Драверт», связана и с тем, что речь идёт о типе учёного-универсала, специалиста в различных областях наук. Как правило, в поле зрения современных исследователей попадают отдельные (специальные) области исследования и как результат – мозаичный портрет учёного. Библиографический указатель позволяет преодолеть эту мозаичность. Наконец библиографический указатель позволяет преодолеть типичный стереотип в описании интеллектуальной биографии – апелляция к академическим изданиям, в редких случаях к публицистике. В то время как указатель включает информацию о публикациях в местной и центральной прессе, что расширяет наши представления об интеллектуальном климате эпохи и коммуникативном поле науки.

Общая характеристика указателя

Анализируемый биобиблиографический указатель, представляющий собой модель научного и литературного творчества П.Л. Драверта, позволяет избежать разрыва исторических связей и, по возможности, не только сохранить историческую память о персоне, но также прояснить её механизмы. Указатель (часть сборника материалов Всероссийской научно-практической конференции «Вторые Дравертовские чтения») содержит следующие разделы: 1. Публикации П.Л. Драверта с подразделами: научные и научно-популярные работы, редакторские работы, литературные произведения; 2. Литература о жизни и деятельности; 3. Библиографические пособия. Указатель частично аннотирован, в библиографических записях приводятся сведения о рецензиях и отзывах на труды П.Л. Драверта. Для расширения поисковых возможностей составителями подготовлен именной вспомогательный указатель, с помощью которого возможно выстроить цепочки латентных связей между публикациями. Это наиболее полный справочник, подводящий черту под исследованиями на момент юбилея 2019 г. В общей сложности нам удалось выявить информацию о 1399 публикациях за 1903–2019 гг. При подсчёте общего количества изданий отдельные оттиски ранее напеча-

[6] Гудкова 2022: 126–137; Казанцева 2021: 144–149 и др.
[7] Крымская 2004; 2008: 515–572 и др.
[8] Вахрушев 2019: 67–76; Ежов 2006.
[9] Ильина, Зибарева, Ведягин 2018: 652–666.

танных статей, зафиксированных в указателе, не учитывались. Некоторые статьи были подготовлены П.Л. Драверт к печати ещё при жизни, но по различным причинам были опубликована уже после его смерти. Заметим, что работа над библиографическим ресурсом продолжается и в настоящее время сотрудниками Омской государственной областной научной библиотеки (ОГОНБ) имени А.С. Пушкина.

О методике исследования: В данной статье внимание обращено на подраздел «Научные и научно-популярные работы» и раздел «Литература о жизни и деятельности». Сюжеты раздела «Литературные произведения» нуждаются в специальном исследовании с точки зрения наукометрии. В частности, представляется актуальной проблемой степень синхронизации его научного и поэтического творчества.

Показатели, определяющие структуры микропотока документов, отраженных в указателе получены путём его сплошного просмотра. За единицу учёта была принята публикация. При исследовании тематических структур микропотока документов в разделе «Литература о жизни и деятельности» не учитывались работы, отнесённые к категориям «краткие биографические справки», «упоминания П.Л. Драверта в различных видах изданий», «цитирование стихов персоны», «репродукции и экслибрисы его портрета». В то же время публикация могла учитываться несколько раз, если в её многоаспектном описании присутствовало несколько тематических рубрик. В стремлении преодолеть формальную структуру указателя литературы, нами при изучении разделов были выделены тематические блоки по содержательному признаку. В качестве индикаторов использовались дескрипторы (термины) и общеупотребительные слова (словоупотребление) как в заголовках работ, так и в аннотациях к ним. При выделении тематических рубрик подраздела «Научные и научно-популярные работы» за основу были взяты деления таблиц Универсальной десятичной классификации (УДК) как эквивалент перевода текстовой формы в цифровую.

Измерение частоты использования выделенных маркеров, с одной стороны, даёт возможность понять какие темы волновали П.Л. Драверта как исследователя. С другой стороны, позволяет выявить особенности изучения интеллектуальной биографии П.Л. Драверта в исследовательской литературе, прояснить закономерное и случайное в изучении его фигуры в исторической динамике. В качестве методики обработки данных использованы количественные методы наукометрии, в частности приёмы библиометрического анализа, дающие возможность изучения статистическими методами метаинформации о документах.

П.Л. Драверт: этапы жизненного пути

Драверт Петр Людовикович (Людвигович) (1879–1945) – минералог, геолог, поэт, исследователь Сибири. В 1914 г. он закончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. Обучение дважды прерывалось ссылками и продолжалось в общей сложности 15 лет. В этот период П.Л. Драверт вел исследова-

тельские работы на Волге, Урале, в Прибайкалье (1901–1904 гг.). В период якутской ссылки (1906–1910 гг.) занимался изучением минералов в Олекминском и Вилюйском округах, соляных месторождений по реке Кемпендяй, флоры и фауны бассейна реки Лены. С 1918 г. работал старшим ассистентом, затем профессором и заведующим кафедрой минералогии и геологии Омского сельскохозяйственного института (ОМСХИ). В 1922–1924 гг. являлся Президентом Ученого Бюро Сибирской сельскохозяйственной академии. Был одним из наиболее активных ленов ЗСОРГО, в 1922–1923 гг. – председателем. В 1938–1940 гг. заведовал научной частью государственного заповедника «Боровое» (ныне Республика Казахстан). В годы Великой Отечественной войны вел опыты по использованию минеральных суррогатов для замещения дефицитного натурального сырья. Наряду с В.И. Вернадским[10], А.Е. Ферсманом[11] и Л.А. Куликом[12] считается создателем советской метеоритики. В 1927–1945 гг. – председатель Омской метеоритной комиссии, член метеоритного комитета АН СССР. Участвовал в поиске Тунгусского метеорита. Обнаружил и описал 7 метеоритов, упавших в Сибири. Часть многогранной деятельности учёного – археология и палеонтология. В 1934 г. П.Л. Драверт был принят в члены Союза писателей СССР. В последние годы жизни работал научным сотрудником Омского областного краеведческого музея. Умер 12 декабря 1945 г. В Архиве РАН хранится его личный фонд, поступивший от вдовы ученого П.К. Бадаевой. Часть архива ученого, его коллекции и семейные реликвии находятся в Омском государственном историко-краеведческом музее (ОГИК музее), его личная библиотека – в Центре книжных памятников ОГОНБ[13]. В публикациях, посвящённых пребыванию П.Л. Драверта в г. Омске, его имя, как учёного и преподавателя, преимущественно связывают с ОмСХИ. Однако из аннотации к очерку «Наши первые учителя» (2000)[14] мы узнаем, что профессору П.Л. Драверту было поручено организовать кафедру «Геофизика» в созданном в 1930 г. Сибирском государственном автомобильно-дорожном институте, где он и работал заведующим кафедрой в 1930–1931 гг.[15]. Портрет П.Л. Драверта, наряду с другими выдающимися учеными, висит в портретной галерее в Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Итак, попытаемся прояснить возможности биобиблиографического указателя в изучении интеллектуальной биографии учёного. Какие новые штрихи можно обнаружить в биографии П.Л. Драверта, относительно его сложившейся хрестоматийной биографической партитуры?

[10] Вернадский В.И. (1863–1945): российский естествоиспытатель, геолог, минералог, геохимик, организатор и историк науки, философ.

[11] Ферсман А.Е. (1883–1945): геолог, академик АН СССР (1919). Один из основоположников геохимии.

[12] Кулик Л.А. (1883–1942): минералог, один из первых исследователей Тунгусского метеорита.

[13] Энциклопедия … 2023: 94.

[14] Здесь и далее в круглых скобках указывается дата издания работы.

[15] Драверт 2025.

Научное наследие П.Л. Драверта

В подраздел библиографического указателя «Научные и научно-популярные работы» раздела «Публикации П.Л. Драверта» включена информация о 238 авторских публикациях. Информационные потоки в основном формируют периодические издания. Нами зафиксировано преобладание публикаций в журналах (31,9%), газетах (27,3%) и продолжающихся изданиях (16%), что указывает на стремление автора оперативно доносить информацию до читателя. Заметим, что газетные заметки, отражённые в этом подразделе по своей природе, выполняют функцию информирования о чём-либо и не предполагают включения конкретных исследовательских материалов.

Изучение географической структуры мест выхода периодических и продолжающихся изданий на хронологической шкале жизни и деятельности персоны показывает определённую закономерность – место публикации научных работ часто не связано с пребыванием П.Л. Драверта на определённой территории, что является свидетельством интенсивных коммуникационных связей и складывания сетей общения по интересам.

Брошюры, которые занимают 10,5 % от общего числа работ, с 1903 по 1917 гг. издавались преимущественно как приложения к протоколам заседания Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Они, за редким исключением, были посвящены минералогии. За пределами этого интереса – брошюра по этнографии и географии Якутии, где П.Л. Драверт в 1912 г. находился в ссылке, в 1918 г. внимание автора привлекают вопросы изучения лечебных вод и грязей Казанской губернии. В сложный для страны период Гражданской войны учёный реагирует на экзистенциональный вызов общества, связанный с голодом, проявляя, в т.ч. талант популяризатора науки. Он издаёт брошюры о питательных свойствах корневища сусака (1918 г.) и о его использовании в качестве суррогата хлеба (1921 г.). На последнее в 1922 г. в газете «Рабочий путь», журналах «Сибирские огни» и «Сибирская природа» были напечатаны отзывы, в которых отмечалась полезность выхода брошюры, чтобы «хотя бы временно, население могло себя обезопасить от голодной смерти»[16]. Результаты изучения полезных ископаемых Омского Прииртышья учёный также представил в многочисленных статьях и брошюрах (1932, 1933), которые были изданы Омским бюро краеведения. Единственная брошюра, посвященная метеоритам, наблюдениям над их падением и поиску, напечатана в 1944 г. издательством газеты «Советский Иртыш». Статьи в справочных изданиях составляют 8,4% (20). Для Сибирской советской энциклопедии, П.Л. Драверт написал 19 словарных статей о минералах и химических элементах.

При рассмотрении публикационной активности П.Л. Драверта, нами выделено два периода. Первый – с 1903 (появление первой публикации) по 1945 (смерть П.Л. Драверта) годы. Второй – «Жизнь после смерти» (1946–2014 – год последней публикации П.Л. Драверта, отражённой в изучаемом указателе литературы).

[16] Б.С. 1922: 89.

Первая научная работа издана автором в 24 года (1903) в казанский период его жизни. Это был отчёт, напечатанный в качестве «Приложения к протоколам заседания Общества Естествоиспытателей при Казанском университете» о поездке на Средний Урал в 1900 г. До 1925 г., когда появляется первая газетная заметка о наблюдении за полётом болида над Омском, центральными темами в научном творчестве П.Л. Драверта были минералогия и геология. Наибольшую публикационную активность автора мы наблюдаем в 1937 и 1941 гг. (по 18 публикаций) (График 1). В 1937 г. было напечатано 13 словарных статей в Сибирской советской энциклопедии. В 1941 г. 16 из 18 публикаций были изданы до начала войны. Большая часть – о метеоритике. Две заметки в газете «Омская правда» (октябрь и декабрь 1941 г.) имеют утилитарный характер и посвящены местному минеральному сырью.

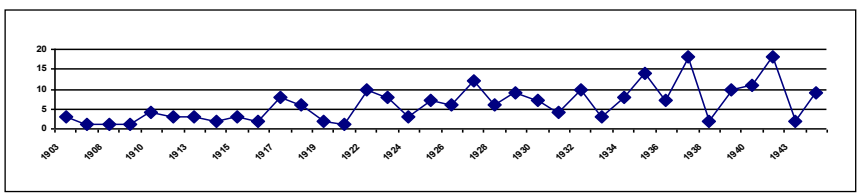

График 1. Динамика изданий научных и научно-популярных работ П.Л. Драверта в период с 1903 по 1945 гг.

В период посмертных публикаций П.Л. Драверта интерес исследователей был проявлен к работам в области метеоритики, археологии (изучение омской стоянки), этнографии (дикие люди молены и чучуна) (График 2). Работы, опубликованные в 1946 и 1948 гг. в журнале «Метеоритика», были подготовлены к печати самим П.Л. Дравертом, но из-за приостановки издания журнала в годы войны не были напечатаны.

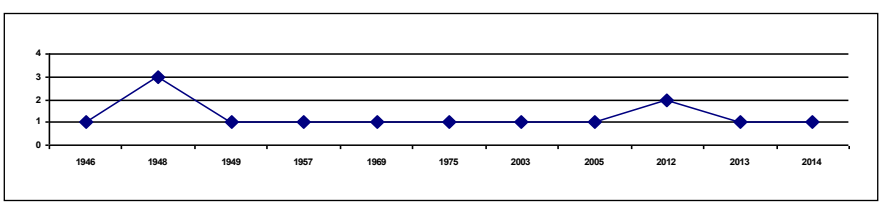

График 2. Динамика изданий научных и научно-популярных работ П.Л. Драверта в период с 1946 по 2014 гг.

Динамика распределения работ по языковому признаку показывает направленность ученого на читателя внутри страны. В зарубежных журналах было напечатано 4 статьи (*Mineralogical Magazine,* 1934 г.; *Journal of the Royal Astronomical Society of Canada,* 1937 г, 3 статьи).

Обратимся к тематике работ П.Л. Драверта. Его исследовательское поле включало в себя различные географические и астрономические объекты, историю литературы, краеведение, археологию, этнографию, организацию науки и другие вопросы (Таблица 1). Остановимся лишь на наиболее часто встречающихся тематических блоках.

Вопросы поиска и освоения природных богатств занимают заметное место в научном творчестве П.Л. Драверта. В блоке «Экономическая геология. Месторождения полезных ископаемых» 96 публикаций, часть из них посвящены результатам изучения конкретных географических объектов находящихся на различных территориях страны: Омская область (13,5 %), Якутия (12,5 %), Татарстан (11,5 %), Северный Казахстан (9,4 %) и др. Например, агрономические руды, фосфориты, известковое сырьё, ванадий и никель (Омская область), Сунтарский соленосный район, Кемпендяйский соляной ключ, месторождение исландского шпата (Якутия), Сюкеевское месторождение серы (Татарстан), курорт Борове (Казахстан). Эта работа не прерывается и в военные годы. Так, в письме от 20.07.1942 омскому писателю, фольклористу, краеведу И.С. Коровкину П.Л. Драверт пишет, что, по решению Омского облисполкома едет в качестве начальника геологической бригады «для поисков и обследования месторождений известкового сырья и некоторых других ископаемых, необходимых нашей промышленности»[17]. Несмотря на плохое самочувствие, он решается на эту экспедицию и откладывает другие приглашения для научных консультаций (Боровое) и отдыха (Алтай).

В блоке «Межпланетная среда. Кометы. Метеоры, метеорные тела и метеориты» отражено 73 работы, посвященные не только описанию результатов непосредственного наблюдения учёным за падением метеоритов и болидов. В сфере его интересов оказывались и исторические аспекты метеоритики. В журналах «Сибирские огни», «Природа», «Мировидение» Драверт публикует в 1935 г. ряд работ о Тобольских (по летописям XVII, XVIII вв.) и Кармановском (1925) метеоритах. В 1939 г. в журнале «Природа» была напечатана статья о метеорите «Тюмень» (1903). В том же году выходит публикация о кометах, наблюдавшихся в Иркутске в 1811, 1821, 1825 гг. («Бюллетень Центральной комиссии по метеоритам, кометам и астероидам»). П.Л. Дравертом была написана статья и об Ишимском метеорите, упавшем в 1849 г., но увидела она свет только в 2003 г. в краеведческом альманахе «Коркина слобода» (г. Ишим).

Изучение метаинформации микропотока документов, отражённых в указателе, дало возможность выявить, что астрономическим объектам (метеоритам, болидам), наименования давались, в основном, по географическому или административно-территориальному названию места их падения (Таборский метеорит, Тарский болид и др.). В названиях ряда статей указывалось на минералогический состав метеорита (каменный метеорит «Хмелевка», железный метеорит «Тюмень»)[18]. В поле зрения учёного находились и вопросы сейсмологии. В Известиях ЗСОРГО и журнале «Природа» появляются статьи о землетрясениях в Казахстане (1926). Позже ученый вновь возвращается к этой теме (1929). Практической и экспериментальной геохимии посвятищеныл работы, напечатанные в Трудах Комиссии сырья Казанского комитета военно-технической

[17] Письма … 1969: 152.

[18] Названия метеоритов приводятся в формулировках, обозначенных в заголовках библиографических описаний.

помощи (1917) и Приложениях к протоколам заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете (1915, 1917).

Раздел таблиц УДК	**Название разделов и подразделов**	**Кол-во работ**
001.89	Организация науки и научно-исследовательских работ	8
316.62	Социальное поведение	2
39	Этнография	3
523.6	Межпланетная среда. Кометы. Метеоры, метеорные тела и метеориты.	1
523.68	Метеоры, метеорные тела, метеориты	61
523.682.4	Болиды. Взрывающиеся метеорные тела.	11
549	Описательная минералогия. Специальное минераловедение	3
550.34	Сейсмология	3
550.4.02	Практическая и экспериментальная геохимия	4
550.8	Прикладная геология и геофизика.	2
551.7	Историческая геология. Стратиграфия.	1
553	Экономическая геология. Месторождения полезных ископаемых.	96
56	Палеонтология	2
579.242	Покоящиеся формы. Анабиоз	1
58	Ботаника	2
615.838	Гидротерапия (водолечение). Бальнеотерапия. Курортотерапия в целом	1
616-036.22	Эпидемии. Эпидемиология	1
636.082	Разведение животных. Племенное дело. Генетика	1
664	Пищевая промышленность в целом. Производство и консервирование пищевых продуктов	4
82.0	Теория литературы. Изучение литературы. Литературная техника	11
902/904	Археология. Предистория. Археологические памятники	2
903.27	Следы художественной деятельности человека, например, пещерная живопись	1
908	Краеведение	9
Рецензии		5
Отзывы		3
Не определено		5

Таблица 1. Тематическая структура микропотока публикаций научных и научно-популярных работ П.Л. Драверта.

Обращался П.Л. Драверт и к вопросам литературы и культуры. В общей сложности по этим темам им было написано 24 статьи, 19 из которых напечатаны в периодических изданиях, например, газетах «Рабочий путь» (Омск) – 7, «Камско-волжская речь» (Казань) – 4, «Омская правда» – 2, в журнале «Сибирские огни» (Новосибирск) – 3. Учёный

писал о сибирской художественной литератур и о классиках русской литературы. Говоря о своей страсти к чтению, проснувшейся очень рано, в письме М.К. Азадовскому[19] 22 мая 1927 г. он пишет: Пушкина «…и теперь ставлю и уважаю превыше всех»[20]. В 1937 г., год столетия со дня смерти поэта, выходит в газете «Омская правда» его статья «Пушкин и Сибирь». В 2005 г. отрывок из неё вошёл в сборник «Пушкин в сердцах омичей». А в 1941 г. в газете «Омская правда» учёный публикует статью «О рукописи поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»», отрывки из которой были впервые опубликованы в 1842 г. в «Отечественных записках». Для П.Л. Драверта был характерен интерес и к национальной культуре якутского народа. В 1927 г. в журнале «Сибирские огни» была напечатана статья «Из истории якутского национального театра», а в приложении к ней программа Якутской оперы «Кулан кугас аттах Кулантай бухатыр».

В зависимости от условий работы и личных склонностей учёные условно подразделяются на «индивидуалистов» и «коллективистов». П.Л. Драверта скорее можно отнести к первому типу, хотя соавторство вписывалось в дух эпохи, когда пропагандировались коллективные формы творчества. В соавторстве им написано 12 (5%) работ по геологии, минералогии, метеорологии, биологическом методе борьбы с малярийным комаром, организации научно-исследовательской работы, организации историко-литературного музея в Сибири, культуре поведения в общественных местах. Устойчивых авторских союзов не наблюдается. В качестве соавторов выступали Б.К. Поленов[21] (образование гидрата хлористого натрия в Кемпендяйском соляном ключе, 1909); М.К. Коровин[22] (гипс, 1929); Л.А. Кулик (метеориты, 1932); П.Н. Чирвинский[23] (эоловое отложение «зерненого чернозёма» на снеговом покрове, 1944) и др. Драверт выступал и в качестве рецензента. Им было написано 5 отзывов на работы А.Е. Ферсмана «Самоцветы России. Т. 1» (1921) и «Драгоценные и цветные камни СССР. Т. 2: Месторождения» (1925), В.Л. Комарова «Краткий очерк растительности Сибири» (1923), А. Арсентьева «Определитель породообразующих минералов при помощи микроскопа» (1923) в журналах «Сибирские огни» (4) и «Сибирская природа» (1).

Плотное библиографическое описание и его прочтение в оптике наукометрии, позволяет сделать вывод об образе П.Л. Драверта как учёного, характерном для первой половины XX в. Его образ связан с запросом этого века на естественно-научное и техническое знание, на изучение производительных сил для строительства нового общества, на складывание образа «народной науки». Последнее провоцировало всплеск популяризации науки, что подпитывалось дореволюционной традицией просвещения и служения на благо страны. Речь идёт о специалисте-интеллигенте в силу ряда обстоятельств, без учёной степени и звания

[19] Азадовский М.К. (1888–1954): фольклорист, литературовед, этнограф, библиограф.
[20] П.Л. Драверт … 1969: 230.
[21] Поленов Б.К. (1859–1923): геолог.
[22] Коровин М.К. (1883–1956): геолог, палеонтолог.
[23] Чирвинский П.Н. (1880–1955): геолог, минералог и петрограф.

выполняющего функции учёного-исследователя и организатора науки. Его интерес к метеоритике и экономической геологии созвучен запросам на модернизацию общества. Утилитарность образа науки подпитывалась индустриальной парадигмой развития страны, а вера в преображающую силу науки стимулировала процессы её популяризации. Отсюда характерное для творчества Драверта преобладание малых форм и переплетение жанров научного и научно-популярного текстов.

«Здесь на родной земле оставил я свой след …»

Раздел указателя «Литература о жизни и деятельности» представляется нам не просто как перечень работ, характеризующих этапы интеллектуальной биографии П.Л. Драверта, которая не ограничивается ни датами жизни, ни временем публикации его работ. Задавая вопросы библиографическому тексту, мы получаем на них ответы: какие стороны жизни и деятельности Драверта исследовались, какова интенсивность и ракурсы этой работы; изучался ли Драверт только как учёный и поэт, или ещё как учитель (во взаимоотношениях со студентами ОмСХИ и молодыми поэтами), как популяризатор научного знания, как человек?

Всего в разделе выявлена информация о 686-ти публикациях. По большей части это статьи (85,4%), 47,8% которых помещено в периодических и продолжающихся изданиях, 17% в тематических сборниках, 7% составляют словарные статьи в справочных изданиях, 13% в книгах (монографии, сборники воспоминаний). Большая часть работ опубликована в газетах (30%) и, соответственно, не носит исследовательского характера. В то же время, как и упоминания П.Л. Драверта в различных видах изданий (13%), они могут быть использованы в качестве фактографической базы для изучения его личности во всём её многообразии. В биобиблиографический указатель включены также сведения о трёх книгах, экслибрисе, офорте с портретом П.Л. Драверта, его фотографиях, а также цитировании стихов учёного в журналах и книгах.

Первые публикации о деятельности П.Л. Драверта как исследователя появились в 1907 г. Первые работы о Драверте-поэте увидели свет в 1913 г. Пики публикаций в первом периоде (1907–1945 гг.) приходятся на 1927 (13) и 1930 (8) гг. В 1927 г. это были в основном эпизодические упоминания о в связи с разведанными им полезными ископаемыми, работе ЗСОРГО, вкладе в изучение Якутии в период его пребывания в ссылке. Статьи, специально написанные о нем в обозначенный период,

немногочисленны (5) и все посвящены его литературному творчеству.

График 3. Динамика изданий работ о П.Л. Драверте в период с 1907 по 1945 гг.

Во втором периоде (1946–2019 гг.) вышло 549 работ. Пики публикаций приходятся на 1979 (36 работ), 2009 и 2015 (по 24), 2008 (22) гг. и т.д. (График 4). Было зафиксировано, что отдельные юбилеи – 5-летие (1950), 10-летие (1956) со дня смерти, 85-летие (1964), 120-летие (1999) со дня рождения П.Л. Драверта не отмечены большим числом работ. Устойчивая публикационная активность в изучении жизни и деятельности П.Л. Драверта наблюдается с 2002 г. (от 7 до 24 статей). Наибольшее их количество напечатано в преддверии и в год 100-летнего – 1978 (15) и 1979 (36) и 135-летнего – 2014 (21) и 2015 (24) юбилеев со дня его рождения. В 2015 г. это в основном статьи из сборника материалов Всероссийской научно-практической конференции «Драверовские чтения», которую один раз в пять лет с 2014 г. проводит ОГОНБ.

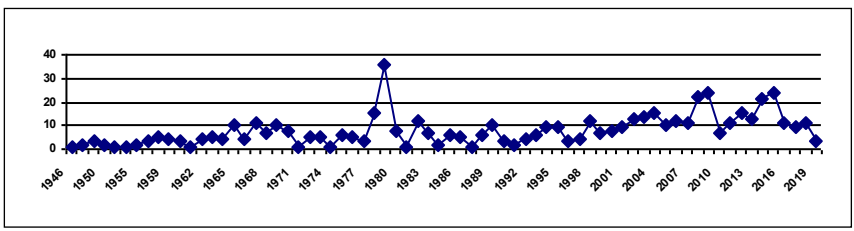

График 4. Динамика изданий работ о П.Л. Драверте в период с 1946 по 2019 гг.

Публикации, метаинформация о которых включена в данный раздел, были нами распределены по тематическим блокам, выделенным по содержательному и формальному (принадлежности к определённому учреждению) признакам. (Диаграмма 1).

Одним из ведущих направлений в изучении наследия П.Л. Драверта является его литературное творчество (23,3%). На втором месте (16,47%) работы комплексного характера, отражающие все сферы его деятельности). К этой группе отнесены и статьи, посвящённые юбилеям литературной и научной работы. Первые публикации такого рода появились ещё при жизни Драверта в 1925 г. и были посвящены 25-летию его деятельности. Особое место среди публикаций раздела занимают работы, посвященные сохранению памяти о П.Л. Драверте (12,8 %). Коммеморация П.Л. Драверта в культурной памяти происходила в разных формах. Имя учёного и поэта сохранено в *топонимике и названиях минералов*. Уникальный геоморфологический памятник природы около с. Лежанка Горьковского района (Омская обл.), на особенности геологических обнажений которого учёный обратил внимание в 1928 г., назван «Берег Драверта». Этой теме посвящено шесть статей (2003, 2009, 2014, 2017). Названия работ позволяют увидеть разные ее аспекты, связанные, например, с развитием туризма на «Берег Драверта»: в 2009 г. заметка посвящена школьному туризму, в 2017 г. – информационному пресс-туру на «Берег Драверта». Грот Баянаульских гор (Казахстан) с писаницами древнего человека, открытый ученым в 1926 г., назван «Грот Драверта» (1979, 2015). Имя П.Л. Драверта увековечено и в названии минерала. Га-

зеты «Вечерняя Уфа» (03.05.2018) и «Санкт-Петербургские ведомости» (24.05.2018) напечатали заметки о новых минералах, открытых на полуострове Камчатка, в результате извержения вулкана Толбачик в 1975–1976 гг. Сульфат меди и магния назвали дравертитом.

Одной из форм репрезентации образа П.Л. Драверта являются *юбилейные выставки*, заметки о которых были опубликованы в газетах и журнале. Так, о выставке в Омском краеведческом музее, посвящённой 100-летию со дня рождения ученого, узнаём из газет «Омская правда» (02.02.1979)[24] и «Молодой сибиряк» (06.02.1979). На выставке были представлены фотографии, документы, рукописи, предметы из коллекции Драверта по нумизматике, экслибрисы. Публикациями на организованную ОГИК музеем выставку к 130-летию П.Л. Драверта (в отделе природы) откликнулись газеты «Омский вестник» (21.01.2009), «Аргументы и факты» (21-27.01.2009) и «Красный путь» (04.02.2009). Художественно-документальной выставке, проходившей в феврале-марте 2008 г. в Архиве РАН «Музы в храме науки», где были представлены работы выдающихся учёных, в том числе П.Л. Драверта, посвящена публикация, напечатанная в «Московском журнале» (2013, № 11).

Одной из точек, вокруг которой концентрируется и сохраняется коллективная память о П.Л. Драверте, являются проходившие в юбилейные годы *торжественные собрания, заседания, литературные вечера*. Информацию о них можно почерпнуть в указателе. Так, о прошедшем в год 90-летия со дня рождения П.Л. Драверта в ОГОНБ им. А.С. Пушкина литературном вечере размещена заметка в «Омской правде» (21.01.1969). 100-летнему юбилею учёного и поэта были посвящены расширенное заседание Омского отдела Географического общества СССР (1979), собрание действительных членов Омского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества (1979), заседание совета Омского сельскохозяйственного института (1979), юбилейный вечер в ОГОНБ (1979).

В год 130-летия со дня рождения П.Л. Драверта (2009) было издано 24 работы. Одним из информационных поводов публикаций в различных изданиях послужило создание уникального *места памяти* – установка 31 июля 2009 г. в г. Омске на бульваре Мартынова, известного как Аллея литераторов, мемориального камня в честь Петра Людовиковича. Серия публикаций об этом событии были напечатаны во многих омских журналах и газетах («Омская муза» (2009, № 2), «Омский вестник» (22.07 и 29.07 2009), «Аргументы и факты» (22-28.07.2009), «Новое обозрение-Версия» (29.07-4.08.2009), «Ваш Ореол» (05.08.2009), «Вечерний Омск» (12.08.2009), «Бизнес-курс» (19.08.2009), «Московский комсомолец в Омске» (19.08.2009)). В статье председателя Омской городской общественной организации «Общество коренных омичей» В.И. Селюка, опубликованной в газете «Вечерний Омск» (22.07.2009) прослежен весь путь – от идеи создания Аллеи литераторов в 1999 г. до её воплощения в жизнь и открытия памятного камня омскому учёному и поэту.

[24] Статья в «Омской правде» написана научным сотрудником Омского краеведческого музея (ныне ОГИК музей) Т.М. Назарцевой.

П.Л. Драверт выступал как организатор науки, образования, инициатор создания литературного музея в Омске. Эта сторона его деятельности как человека с гражданской позицией, откликавшегося на актуальные вопросы жизни общества, отражена в 41 публикации (5,98 %), большая часть которых посвящена его работе в качестве председателя Омской метеоритной комиссии (7). Ещё ожидает изучения вопрос деятельности Драверта как организатора и руководителя кружка юных геологов при Омском бюро краеведения и его участии в экспедиционной работе областной детской технической и сельскохозяйственной станции. Этой стороне личности Драверта как популяризатора науки посвящено всего две статьи (1934 и 1940 гг.), информационного характера.

Омский краевед С.Р. Лаптев вспоминал: «Пётр Людовикович до самозабвения был влюблён в свою минералогию, влюблен как поэт и художник в свое творение»[25]. О П.Л. Драверте как минералоге опубликованы 34 (4,95%) работы. Первые – в 1907 г. в газетах «Якутский край» и «Сибирская жизнь» (Томск) – посвящены изучению соленосного района в Сунтарском улусе Якутии, где он в это время находился в ссылке.

О П.Л. Драверте-метеоритоведе издано 33 (4,8%) публикации. Первое упоминание учёного в связи с исследованиями метеорита находим в библиографической записи на заметку от 10 ноября 1930 г. «Омской правде». До 1948 г., когда в журнале «Метеоритика» были изданы статьи П.Н. Чирвинского о роли П.Л. Драверта в метеоритике и его участии в петрографическом исследовании каменного метеорита Орловка, публикации носили характер упоминаний или информационных заметок в газетах. О работе ученого по исследованию редкого природного явления, сопровождающего полет метеоритов, которому он дал наименование «электрофонные болиды» (это его название было принято и используется научным сообществом и в настоящее время) написано три работы («Вокруг света» (1982), Астрономический календарь на 1991 г. и проч.).

Документальная повесть о работе П.Л. Драверта по поиску и изучению метеоритов «Охотник за метеоритами» создана журналистом, автором книг и очерков на научно-популярные темы Л.И. Кузнецовой. Книга вышла в свет в 1965 г. Первоначально повесть была напечатана в журнале «Сибирские огни» (1963). Очерк об изучении ученым Охонского метеорита опубликован этим же автором в 1967 г.

В 32 публикациях отражены результаты изучения архива П.Л. Драверта (материалы 1817–1946 гг.) из фонда коллекций личного происхождения ОГИК музея. Авторы пишут о минералогической и нумизматической коллекциях ученого, коллекциях экслибрисов, почтовых марок, российских благотворительных знаков, палеонтологических находках. Письмам, полученным П.Л. Дравертом в 1941–1944 гг. от И. Коровкина, поэтов Г. Суворова и И. Малютина, академика В.И. Вернадского, посвящена статья А. Лейфера в альманахе «Омская старина» (1995). О составе личной библиотеки П.Л. Драверта, находящейся в ОГОНБ, опубликовано 22 работы. Деятельность Драверта как краеведа, его археологические,

[25] Лаптев 1995: 197–205.

этнографические и палеонтологические находки, генеалогия семьи Дравертов изучались в менее значительном объёме (Диаграмма 1).

Многогранность личности П.Л. Драверта подтверждают и публикации словарных статей в справочных изданиях. В них было помещено 29 статей о его научном и литературном творчестве. В частности, в Большой советской энциклопедии о нём было написано ещё в 1931 г. Статьи о П.Л. Драверте включены в словари «Русские ботаники», «Репрессированные геологи», «Казанский университет», «Изобразительное искусство Сибири XVII — начала XXI вв.», «Энциклопедия земли Вятской», энциклопедии «Томск от А до Я», «Великая Россия», «Археология Омска», «Энциклопедия Омской области» и др.

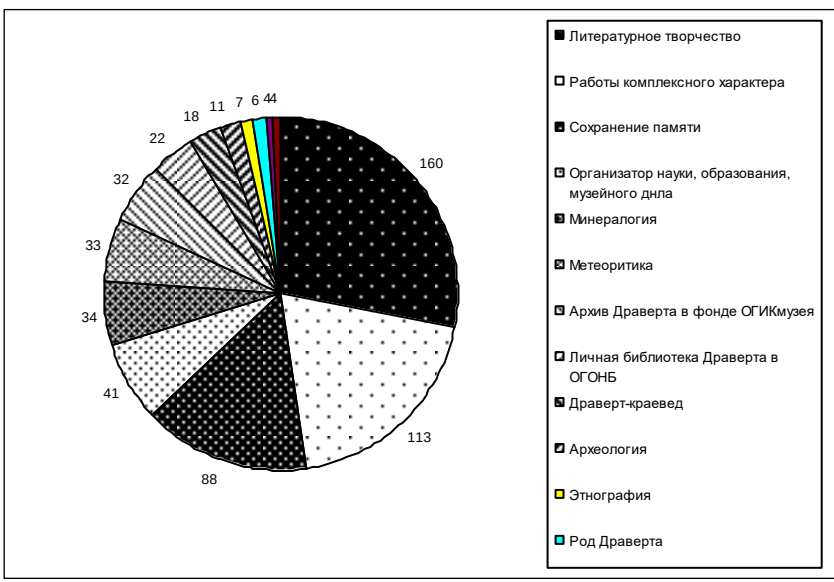

Диаграмма 1. Тематическая структура микропотока публикаций о жизни и деятельности П.Л. Драверта

Изучение авторской структуры микропотока публикаций, позволило выявить тенденции в изучении жизни и деятельности П.Л. Драверта. В общей сложности выявлено 308 авторов[26]. Среди исследователей, регулярно обращавшихся к изучению жизни и деятельности П.Л. Драверта, отмечены А.Э. Лейфер[27] (32), Е.И. Беленький[28] (14), А.Ф. Палашенков[29] (9), В.В. Рычков (9), В.П. Трушкин[30] (7) и А.В. Ремезов[31] (6). Предметом

[26] В тех случаях, когда работа была подписана криптонимом, по справочным изданиям производилось уточнение Ф.И.О. По 4-м имён выяснить не удалось. В 79 работах авторы не были указаны. Зафиксировано, что в основном это единичные публикации.
[27] Лейфер А.Э.: писатель, публицист.
[28] Беленький Е.И.: омский литературовед и критик, член союза писателей СССР.
[29] Палашенков А.Ф.: краевед, этнограф, директор Омского областного краеведческого музея (1943–1957). Данных о В.В. Рычкове пока не найдено.
[30] Трушкин В.П.: литературовед, критик, библиофил-библиограф.

изучения А. Лейфера с 1970 по 2013 гг. стали разные стороны жизни и деятельности нашего героя: дружба с К.Э. Циолковским, общественная работа и переписка в годы войны, памятные места, личный архив и библиотека и др. Особо важны работы А.Ф. Палашенкова, связанные с формированием мест памяти, его воспоминания о похоронах Драверта, работе комиссии по составлению описи имущества, завещанного им ОГИК музею. Поэтическое творчество П.Л. Драверта стало предметом изучения Е.И. Беленького (1957–1982). Заметное место занимает изучение литературного наследия нашего героя и в серии работ В.П. Трушкина о творчестве сибирских писателей, литературной жизни Сибири в 1910-1930-е гг. П.Л. Драверт как исследователь Сибири, краевед и поэт представлен в работах А.В. Ремизова. Вехой в изучении личности П.Л. Драверта стала книга московского краеведа Л.Л. Андреевой «Петр Драверт. Ученый и поэт» (2014), при работе над которой автор использовал более 30 архивных и библиотечных фондов различных городов России.

Подводя итоги проведенного анализа биобиблиографического указателя «П.Л. Драверт» отметим, что введение в исследовательское поле историка науки и историка интеллигенции библиографического ресурса – это не только обращение к нему как к лоции в выявлении литературы для собственного исследования. Применение наукометрии и приёмов библиометрического анализа расширяют возможности получения информации о степени изученности разных сторон жизни и деятельности ученого, позволяют выявить формы (виды) интеллектуальной деятельности и способы презентации результатов научных изысканий в различных видах изданий, проследить процесс восприятия его работ в научном и литературном сообществе в динамике; выделить факторы, оказавшие влияние на интерес к фигуре ученого и вписать его судьбу в контекст антропологизации науки с её вниманием к процессам коммеморативных практик. Не случайно региональная самоидентификация связывается, как правило, с «присвоением» интеллектуальных героев, что проявилось в нарастающем интересе омских исследователей к личности П.Л. Драверта и увековечению памяти о нём.

И, наконец, биобиблиографическое зеркало, отразило в портрете Драверта черты поколения интеллектуалов, молодость которого пришлась на дореволюционный период, а зрелость связана с вхождением уже в советскую действительность, в период становления советской науки. В процесс наукотворчества как в дореволюционной, так и в советской России вовлекаются специалисты, не имевшие научных степеней и званий («мундирная наука», «непрофессиональная наука»).

Интеллектуальная биография П.Л. Драверта – подтверждение тезиса, высказанного в работах Д.А. Александрова и Н.Л. Кременцова о том, что «советский социальный заказ воспринимался и рационализировался многими учёными как внутринаучный стимул собственной дея-

[31] Ремизов А.В.: директор ОГОНБ имени А.С. Пушкина, член Русского географического общества и Союза краеведов России.

тельности. Он имел опору в традиции русского учёного «служения народу» и веры в преобразующую силу науки»[32]. Сциентизм, помноженный на поэзию и просвещение – характерные черты этоса поколения, к которому принадлежал П.Л. Драверт.

Драверт Петр Людовикович // Архивы Российской Академии наук. Страница № 44 (фонд 1708). URL: https://arran.ru/pubpage?dir=8&pagenom=44. [Dravert Petr Lyudovikovich (Peter Ludovicovich Dravert) // Arhivy Rossijskoj Akademii nauk. Stranica № 44 (fond 1708)]

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. № 4. С. 3–22. [Aleksandrov D.A. Istoricheskaya antropologiya nauki v Rossii (Historical anthropology of science in Russia) // VIET. 1994. № 4. P. 3–22].

Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917–1950-е годы) // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 67–80. [Aleksandrov D.A., Kremencov N.L. Opyt putevoditelya po neizvedannoj zemle. Predvaritel'nyj ocherk social'noj istorii sovetskoj nauki (1917–1950-e gody) (Experience of a guidebook to the uncharted land. Preliminary sketch of the social history of Soviet science (1917–1950s)) // VIET. 1989. № 4. P. 67–80].

Б.С. Сибирская природа. 2022. № 1. С. 89. [B.S. Sibirskaya priroda. 2022. № 1. P. 89].

Вахрушев М.В. Альтметрики, вебометрики и информетрики как взаимодополняющие направления в современной библиометрии // Научные и технические библиотеки. 2019. № 8. С. 67–76. [Vahrushev M.V. Al'tmetriki, vebometriki i informetriki kak vzaimodopolnyayushchie napravleniya v sovremennoj bibliometrii (Altmetrics, Webometrics and Informetrics as complementary directions in modern bibliometrics) // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki. 2019. № 8. P. 67–76].

Гудкова В.В. «М.А. Булгаков. Аннотированный библиографический указатель». Значение и роль в издании и изучении наследия писателя // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX-XXI вв. Москва, 2022. С. 126–137. [Gudkova V.V. «M.A. Bulgakov. Annotirovannyj bibliograficheskij ukazatel'». Znachenie i rol' v izdanii i izuchenii naslediya pisatelya ("M.A. Bulgakov. An annotated bibliographic index". The importance and role in publishing and studying the writer's legacy) // Mihail Bulgakov v potoke rossijskoj istorii XX-XXI vv. Moskva, 2022. P. 126–137].

Ежов А.Н. Персонализированные страницы учёных-гуманитариев: библиометрический анализ, типизация, перспективы использования: автореф. дисс. к.п.н. СПб., 2006. [Ezhov A.N. Personalizirovannye stranicy uchyonyh-gumanitariev: bibliometricheskij analiz, tipizaciya, perspektivy ispol'zovaniya (Personalized pages of humanities scientists: bibliometric analysis, typification, usage prospects): avtoref. diss. k.p.n.]. Sankt-Peterburg, 2006.

Ильина Л.Ю., Зибарева И.В., Ведягин А.А. Отражение отражений: деятельность ученого в зеркале библиометрии // Кинетика и катализ. 2018. Т. 59. № 5. С. 652–666. [Il'ina L.YU., Zibareva I.V., Vedyagin A.A. Otrazhenie otrazhenij: deyatel'nost' uchenogo v zerkale bibliometrii (Reflections of Reflections: Scholarly Activity in the Mirror of Bibliometrics) // Kinetika i kataliz. 2018. T. 59. № 5. P. 652–666].

Казанцева Л.А. Библиографический указатель «Алексей Дементьевич Фатьянов»: источник изучения биографии музееведа и историка иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачёва // Сукачёвские чтения. 2021. № 18. С. 144–149. [Kazanceva L.A. Bibliograficheskij ukazatel' «Aleksej Dement'evich Fat'yanov»: istochnik izucheniya biografii muzeeveda i istorika irkutskogo oblastnogo hudozhestvennogo muzeya im. V.P. Sukachyova (Bibliographic index "Alexey Dementievich Fatyanov": a source for studying the biography of the museologist and historian of the Irkutsk Regional Art Museum named after V.P. Sukachev) // Sukachyovskie chteniya. 2021. № 18. P. 144–149].

Крымская А.С. Библиографический указатель трудов Г.А. Тишкина и цитирующей литературы. Картографическое отражение его научной деятельности // Страницы истории. СПб., 2008. С. 515–572. [Krymskaya A.S. Bibliograficheskij ukazatel' trudov G.A. Tishkina i citiruyushchej literatury. Kartograficheskoe otrazhenie ego nauchnoj deyatel'nosti (Bibliographic index of the works of G.A. Tishkin and the quoting literature. Cartographic reflection of his scientific activity) // Stranicy istorii. Sankt-Peterburg, 2008. P. 515–572].

[32] Александров … 1989: 67–80; 1994: 3–22.

Крымская А.С. Персональная библиография в технологии управления знаниями: автореф. дисс. к.п.н. 05.25.03. Санкт-Петербург, 2004. [Krymskaya A.S. Personal'naya bibliografiya v tekhnologii upravleniya znaniyami (Personal bibliography in knowledge management technology): avtoref. diss. k.p.n. 05.25.03.]. Sankt-Peterburg, 2004.

П.Л. Драверт – Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1969. С. 228–236. [P.L. Dravert – Azadovskomu (P.L. Dravert to Azadovsky) // Literaturnoe nasledstvo Sibiri. T. 1. Novosibirsk, 1969. P. 228–236].

П.Л. Драверт: Биобиблиографический указатель // Петр Людовикович Драверт: наследие ученого-краеведа в собраниях библиотек, музеев и архивов. Омск, 2019. С. 24–171 [P.L. Dravert: Biobibliograficheskij ukazatel' (P.L. Dravert: A Biobibliographical Index) // Petr Lyudovikovich Dravert: nasledie uchenogo-kraeveda v sobraniyah bibliotek, muzeev i arhivov. Omsk, 2019. P. 24–171].

Лаптев С.Р. Воспоминания о П.Л. Драверте // Иртыш: альманах. Вып. 1. Омск, 1995. С. 197–205 [Laptev S.R. Vospominaniya o P.L. Draverte (Memories of P.L. Dravert) // Irtysh: al'manah. Vyp. 1. Omsk, 1995. P. 197–205].

Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. Москва: Едиториал УРСС, 2002. С. 11–31. [Nejman A.M. Biografiya v istorii ekonomicheskoj mysli i opyt intellektual'noj biografii Dzh.M. Kejnsa (Biography in the history of economic thought and the experience of intellectual biography of J.M. Keynes) // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 8. Special'nyj vypusk: Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya. Moskva: Editorial URSS, 2002. P. 11–31].

Письма П.Л. Драверта // Сибирские огни. 1969. № 8. С. 151–153. [Pis'ma P.L. Draverta (Letters of P.L. Dravert) // Sibirskie ogni. 1969. № 8. P. 151–153].

Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2. Санкт-Петербург, 2006. С. 101–108. [Repina L.P. Biograficheskij podhod v intellektual'noj istorii (The biographical approach in intellectual history) // Filosofskij vek. Al'manah. Vyp. 32. Bendzhamin Franklin i Rossiya: k 300-letiyu so dnya rozhdeniya. CHast' 2. Sankt-Peterburg, 2006. P. 101–108].

Репина Л.П. Персональная история и персональная биография // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. Москва: Едиториал УРСС, 2002. С. 5–10. [Repina L.P. Personal'naya istoriya i personal'naya biografiya (Personal history and personal biography) // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 8. Special'nyj vypusk: Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya. Moskva: Editorial URSS, 2002. P. 5–10].

Холматов Т.К. Интеллектуальная биография С.Б. Веселовского (1876–1952): резюме дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Москва, 2023. [Holmatov T.K. Intellektual'naya biografiya S.B. Veselovskogo (1876–1952) (Intellectual Biography of S.B. Veselovsky (1876–1952)): rezyume dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kand. ist. nauk. Moskva, 2023].

Энциклопедия Омского краеведения. Омск. 2023. С. 94 [Enciklopediya Omskogo kraevedeniya (Encyclopaedia of Omsk local history). Omsk. 2023. P. 94].

Бернгардт Тамара Викторовна, *к.и.н., доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, tvb21@yandex.ru*

Touches to the intellectual biography of P.L. Dravert the information potential of the bibliographic index

The focus of this study is the local history bibliographic index ‘P.L. Dravert ’1. The attempt is made to show the possibility of using the results of bibliometric analysis of bibliographic resource for studying the life and activity of a person on the example of scientist, poet, researcher of Siberia Peter Ludovikovitch Dravert.

Keywords: *P.L. Dravert, personal index, bibliographic resource, scientometrics, bibliometric analysis, intellectual biography, local history.*

Tamara Berngardt, *Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Russian Language, Literature and Documentary Communications, F.M. Dostoevsky Omsk State University; tvb21@yandex.ru*

О.А. Любезников

АРХИТЕКТОР Н.П. НИКИТИН И ЕГО ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ О МОНФЕРРАНЕ: МЕХАНИЗМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ЗАЩИТЫ В 1945 ГОДУ

Диссертационная культура в СССР в 1930–1940-е гг. анализируется, как правило, на основании официальных источников – заявлений диссертантов, протоколов и стенограмм процедур защиты, отзывов оппонентов. Неформальный процесс подготовки защиты, сопряженный с подбором благожелательного ученого совета, официальных и неофициальных оппонентов, остается в тени. В статье на основе источников личного происхождения, отложившихся в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петер0-урга, реконструируются механизмы организации и проведения защиты докторской диссертации архитектора Н.П. Никитина в 1945 г. Являясь представителем дореволюционной архитектурной школы Академии художеств и занимаясь в раннесоветские десятилетия не столько оригинальным проектированием и строительством, сколько реставрацией памятников Ленинграда, Никитин к излету 1930-х гг. подготовил фундаментальное исследование по истории возведения Исаакиевского собора и стремился, защитив его в соответствии с принятыми нормативными положениями как докторскую диссертацию, обрести ученое звание профессора. Содействие хорошо знавших его крупнейших мастеров архитектуры и реставрации, академиков А.В. Щусева и И.Э. Грабаря, отражало сохранявшуюся в 1940-е гг. неоднородность архитектурного сообщества, состоявшего из советских и дореволюционных специалистов.

Ключевые слова: *диссертация, Никитин, Монферран, Грабарь, Щусев, диссертационная культура, история науки, архитектура, архитектор.*

Устойчивый интерес к изучению отечественной диссертационной культуры[1] XX в. подталкивает современных исследователей к анализу сохранившихся диссертационных дел и других документов официального делопроизводства, на основании которых реконструируются процессы подготовки и защиты диссертаций как в дореволюционные, так и раннесоветские десятилетия[2]. Восстановить же неформальную сторону процедуры научной аттестации сложнее: соответствующие источники личного происхождения, как правило, содержат отрывочные сведения, и теневые механизмы диссертационной истории редко оказываются раскрыты[3]. Тем больше значения приобретают отложившиеся в фондах архивохранилищ Москвы и Петербурга эпистолярные источники, связанные с именем ленинградского архитектора-реставратора Николая Петровича Никитина (1884–1971), которые не только позволяют при соотнесении их сведений воссоздать достаточно подробно этапы, предшествующие его защите в 1945 г., но и весьма рельефно отразить специфику взаимоотношений и существовавшие иерархии внутри остававшегося все еще неоднородным, состоявшим из дореволюционных и уже советских специалистов архитектурного сообщества.

[1] История диссертационной культуры в Российской империи и СССР составляет самостоятельное направление в отечественной историографии. См.: Кричевский 1985; Иванов 1994; Козлова 2001; Диссертационная культура… 2022.

[2] Скворцов 2022; Ананьев, Бухарин 2022; Алеврас, Гришина 2022; Ростовцев, Сидорчук 2024.

[3] Дружинин 2012b.

Случай Н.П. Никитина представляется показательным еще и потому, что советская номенклатура научных специальностей, по которым присуждались ученые степени, оказалась шире дореволюционной – в имперский период в России стать обладателем ученой степени по архитектуре было нельзя, таким образом сами защиты диссертаций в этой области в 1930-е – 1940-е гг. не могут рассматриваться как возрождение традиции[4]. В большей степени дореволюционным реалиям, свойственным архитектурной корпорации, соответствовало обретение звания профессора. Его обладателем, однако, по постановлению СНК СССР от 20 марта 1937 г. «Об ученых степенях и званиях», могло стать лицо, имеющее ученую степень доктора наук[5]. И получение ученой степени явилось первой задачей, которую стремился решить Никитин.

Выходец из крестьянской семьи из-под Тарусы, Никитин юность провел в Москве, проходя обучение в Строгановском училище как художник по прикладному искусству и в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества на архитектурном отделении, а в 1917 г. в Петрограде окончил архитектурное отделение Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств[6]. За время обучения он приобрел и позднее сохранил близкие отношения с зодчими, оказавшимися на административных позициях в советские годы. Сотрудничая с наставником по ВХУ, руководителем мастерской М.Т. Преображенским (1854–1930) в деле технического обслуживания и реставрации Исаакиевского собора в 1910–920-е гг.[7], Никитин к исходу 1930-х подготовил монографию об истории строительства здания[8], формально изданную как биографию архитектора собора О. Монферрана[9]. В книге нашли отражение свойственные школе архитекторов-исследователей Академии художеств установки и принципы изучения памятника русского архитектурного наследия. Архитекторами-исследователями, увлеченными национальным зодчеством, история памятника реконструировалась на основе не только подробного натурного архитектурно-археологического изучения, учитывающего необходимость сохранения всех значимых напластований различных периодов, но и посредством глубоких источниковедческих разысканий и научно-исторического анализа письменных (в т.ч. делопроизводственных) источников о его возведении и бытовании[10]. «Архи-

[4] Идея преемственности между дореволюционной и советской диссертационными системами отражена в исследованиях: Скворцов 2019; Алеврас, Гришина 2022.
[5] Козлова 2001: 150.
[6] РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 2106. Л. 3, 6; ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 2, 2 об.
[7] Любезников 2017.
[8] Никитин 1939.
[9] Любезников 2019.
[10] Историк Академии художеств В.Г Лисовский отмечал: «В заслугу Академии художеств прежде всего следует поставить организацию и проведение “исторических исследований”, которые, будучи обусловленными потребностями практики в “национальном стиле”, постепенно приобрели большое самостоятельное значение, позволив заложить основы научной истории русского зодчества и способствовав формированию отечественной школы архитекторов-реставраторов». Лисовский 1986: 43. См. также: Любезников 2023.

тектором-исследователем собора», чьи «исследования заключались как в исследованиях историко-художественных, так и в научно-технических, иногда очень сложных»[11], называл Никитина старший коллега, крупный архитектор-реставратор К.К. Романов (1882–1942)[12].

Видимо, не позднее июня 1939 г. К.К. Романов в отзыве о деятельности Никитина сообщал, что его монография, «вполне готовая к печати», передана в издательство, а автор как один из крупнейших специалистов «по вопросам реставрации, охраны и изучения архитектуры XVIII – начала XIX в.» достоин «получения искомой им степени без защиты диссертации»[13]. В соответствии с упомянутым постановлением 1937 г. без защиты диссертации возможным было присуждение степени доктора наук «лицам, известным выдающимися научными трудами, открытиями или изобретениями»[14]. Никитина трудно было отнести к числу таковых, он решил защищать кандидатскую диссертацию в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ), в котором с 1934 г. исполнял обязанности доцента кафедры архитектуры.

15 июня 1939 г. в ответ на обращение ЛИИЖТа Высшая Аттестационная комиссия (ВАК) Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) допустила Никитина к защите кандидатской диссертации без предварительной сдачи кандидатских испытаний «в порядке исключения»[15]. В ноябре выяснилось, что защитить диссертацию по специальности, близкой архитектору, в ЛИИЖТе нельзя. «“История архитектуры” в список дисциплин, по которой ЛИИЖТ имеет право принимать защиты диссертаций, Комитетом по делам высшей школы не включена», проинформировал Никитина Научно-исследовательский сектор вуза[16]. Тогда в марте 1940 г. он предложил фрагмент монографии в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. Защита диссертации «Неравномерная осадка и деформация здания антирелигиозного музея (б. Исаакиевского собора)» состоялась в Ученом совете Строительного факультета ЛИИЖТа 10 мая 1940 г.[17]

Сложившаяся к началу 1940-х гг. система научной аттестации в технических вузах логичным образом предполагала обретение их профессорско-преподавательским составом ученых степеней по техническим наукам. Никитина как художника-архитектора – именно эта квалификация присваивалась после окончания Академии художеств – подобная практика не удовлетворяла в полной мере. Не считая себя инженером, архитектор стремился к профессорскому званию в области зодчества и полагал, что исследование об Исаакиевском соборе может вы-

[11] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 46.
[12] Медведева 2022.
[13] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 48.
[14] Постановление СНК. Об ученых степенях и званиях. 20 марта 1937 г. № 464.
[15] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
[16] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
[17] ЦГА СПб. Ф. Р-2881. Оп. 15. Д. 337. Л. 15.

ступать в качестве докторской[18]. Потому он попытался получить отклики на монографию от крупных деятелей архитектурного сообщества.

19 февраля 1941 г. датирован отзыв, подготовленный «первым в табели о рангах советских зодчих»[19] Алексеем Викторовичем Щусевым (1873–1949). Никитин мог знать его и его брата П.В. Щусева со времени обучения в Строгановском училище. А.В. Щусев привлекал к своим проектам учеников «Строгановки»[20]. В переписке Никитина с обоими братьями упоминаются другие выпускники училища и затрагиваются личные (медицинские) вопросы[21]. В своем отзыве А.В. Щусев, знавший устные предания о строительстве Исаакиевского собора[22], признавал убедительной концепцию Никитина о постепенной творческой эволюции Монферрана, который «изучая архитектуру и строительство на практике, превратился из художника-рисовальщика в настоящего архитектора, испытав многочисленные неудачи на строительстве Собора», и полагал, что монография «заслуживает высокой оценки как со стороны архитектурно-исследовательской, так и научно-исторической»[23].

Схожий отзыв дал 20 февраля 1941 г. бывший в 1920-е гг. фактически главным архитектором Ленинграда[24] Лев Александрович Ильин (1880–1942). Он охарактеризовал «основной путь архитектурной работы» Никитина, в котором тот «и нашел, так сказать, себя» – «путь научного исследования памятников архитектуры, их реставрации и фиксации результатов исследования в научном труде». Воздавая похвалу монографии, Ильин подчеркнул специфику работы Никитина и поддержал его стремление: «Н.П. Никитин, не являясь ведущим архитектором в области современного советского зодчества, может считаться одним из крупных архитекторов-ученых исследователей русской архитектуры. По совокупности своих реставрационных работ и по основному труду своему “Огюст Монферран” – он может претендовать на ученую степень доктора архитектурных наук»[25]. Итак, от планов по обретению докторской степени Никитин не отказывался.

К началу 1941 г. Никитин заручился поддержкой влиятельных фигур архитектурной корпорации, которые – при благожелательном отно-

[18] Согласно введенной в 1934 г. инструкции «О порядке применения постановления СНК СССР от 13 января 1934 г. “Об ученых степенях и званиях”», в качестве диссертации могла быть представлена опубликованная работа. См.: Постановление Совета Народных Комиссаров. Инструкция Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК Союза ССР о порядке применения постановления СНК Союза ССР от 13 января 1934 г. об ученых степенях и званиях. 10 июня 1934 г.

[19] Дружинин 2025: 17.

[20] Кейпен-Вардиц 2013: 138.

[21] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 52. Л. 2, 9, 10.

[22] А.В. Щусев вспоминал о строительстве собора, рассказывая об обучении в Академии художеств: «Многие профессора <…> помнили, как строили Исаакиевский собор и рассказывали нам – малышам об этом. Один старый профессор с сожалением рассказывал нам, как там брали казенное, кроме него одного». Щусев А.В. 2023: 544.

[23] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 39, 39 об.

[24] Бусырева 2008: 117.

[25] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 41-42.

шении к нему персонально – высоко оценили достоверность его построений и убедительность выводов. Эта оценка опубликованной работы подчеркнула научную квалификацию архитектора, утвердив его стремление к получению ученого звания. Великая Отечественная война, однако, отсрочила следующие шаги. По возвращении в Ленинград из эвакуации осенью 1944 г. Никитин вновь обратился к А.В. Щусеву.

Дальнейшие события, связанные с кулуарной подготовкой защиты архитектором докторской диссертации, реконструируются на основании неопубликованных эпистолярных источников. Авторы писем (Никитин и его корреспонденты), как правило, лаконичны и при этом необычайно откровенны, пытаясь в емких выражениях (поначалу в условиях военной цензуры) обрисовать открывающиеся возможности, потенциальные трудности и способы преодоления последних.

19 ноября 1944 г. А.В. Щусев в письме к Никитину скупо, в одном предложении обронил: «В Академии архит[ектуры] на имя ученого секретаря Николая Петровича Былинкова пишите, он Вам все устроит»[26]. Речь шла об ученом секретаре Академии архитектуры СССР Н.П. Былинкине (1900–1993)[27]. Никитин к совету прислушался и 11 декабря сообщил Былинкину о мотивах добиться ученого звания: «В Ленинграде и его пригородах нет ни одного здания историко-художественного значения, которое при реставрации за эти двадцать пять лет, не прошло бы через мои руки. <…> Несмотря на все вышеизложенное и мой 60-летний возраст, я до сих пор еще доцент и кандидат технических наук. Это обстоятельство, на которое я раньше мало обращал внимания, в настоящее время причиняет мне многие неудобства, как в моей работе, так и в быту»[28]. Помимо этого – полуофициального – обращения, Никитин задействовал и давние связи, посвятив в проблему престарелого архитектора Дмитрия Петровича Сухова (1867–1958), одного из наставников по Строгановскому училищу[29]. 23 декабря 1944 г. директор Всероссийской Академии художеств академик Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960), знавший Никитина с 1920-х гг. по его работе в Ленинградской государственной реставрационной мастерской[30], обозначил пути решения поставленного вопроса: «Мы с Д.П. Суховым все время совещались, изыскивая наиболее краткий и верный путь для продвижения и завершения Вашего дела. Как будто он наметился. Думается, что правильнее и скорее всего была бы защита докторской диссертации, как это сделал Е.И. Катонин[31], притом по Вашему выбору – либо в Академии художеств, либо в Академии архитектуры. Если Вы останавливайтесь на

[26] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 52. Л. 6 об.
[27] Яралов 1975: 54.
[28] РГАЭ. Ф. 293. Оп. 4. Д. 162. Л. 87 об.
[29] Вульфина, Дудина 2014: 16.
[30] Рославский 2015: 376; Грабарь 1983: 31.
[31] Е.И. Катонин (1889–1984) – архитектор, выпускник Академии художеств 1918 г., в 1920-е гг. сотрудник Реставрационной мастерской Ленинградского отделения Главнауки, с 1926 г. – сотрудник Архитектурно-планировочного отдела Ленсовета. См.: Бусырева 2008: 117–118.

первом варианте, то надо уже сейчас подавать заявление, чтобы успеть опубликовать день защиты. Впрочем, и при втором варианте это также необходимо. Лично я буду в Ленинграде около 7 – 8 февраля 45 года и смогу сам принять участие в процедуре защиты. Я вот только не имею *(так! – О.Л.)* (а документы все у Дм. Петровича), имеете ли Вы кандидатскую степень? Если нет, то можно будет добиться права защиты на доктора, минуя кандидата (что делается через ВКВШ и чего я смогу для Вас добиться), если да, то это совсем просто»[32].

В этом пояснении И.Э. Грабарь демонстрирует глубокую вовлеченность в сложившуюся систему научной аттестации и знание действовавших инструкций, предписывавших публичный характер защиты, подчеркивает свой аппаратный вес и обещает прямое участие в процедуре защиты, предлагая увязать ее с собственным визитом в Ленинград.

Не менее откровенным был и Щусев. Он считал необходимым информировать ленинградца Никитина о ходе обсуждений в Москве. 29 декабря 1944 г. Щусев уведомлял потенциального диссертанта: «Грабарь чрез КВШ будет проводить Вам звание д[окто]ра, я поддержу. Напишите все формальные данные о Вашем стаже и книге и пришлите Грабарю. Он проведет. Без формы нельзя, а письма только мультиплицируют то, что уже давно было бы сделано по форме, как это делают все»[33]. Щусев констатировал и распространенность формального обретения ученой степени, и возможность использования авторитетных лиц для проведения нужных кандидатур в Комитете по делам высшей школы, особо выделяя непререкаемый авторитет Грабаря.

О влиянии Грабаря на систему научной аттестации архитекторов свидетельствует направленное 23 января 1945 г. письмо Никитину от исполнявшей обязанности ученого секретаря Ученого совета Академии архитектуры СССР Елены Михайловны Шаховой (1905–1976), в котором с предельной откровенностью описаны все «подводные камни» и специфика процесса организации защиты. Шахова сообщала: «Н.П. Былинкин передал мне Ваше письмо, а Д.Е. Аркин документы (в 1 экз.), привезенные в Москву И.Э. Грабарем. Ознакомившись вплотную и внимательно с Вашими документами, я, к сожалению, с Вами лично не знакома, и переговорив с президентом Академии академиком В.А. Весниным и с ВАКом при ВКВШ, я не хотела писать Вам что-либо определенное, не переговорив предварительно с Игорь Эммануиловичем *(так! – О.Л.)*, и только 19/I мне удалось с ним встретиться лично и договориться окончательно обо всем. <…> Вам нужно срочно защищать докторскую диссертацию “О Монферане” *(так!)*, почему мы все остановились именно на этом решении? Дело в том, что прохождение утверждения в ВАКе в звании профессора теперь (без докторской степени) проходит с большими трудностями и очень длительно, столько же времени, сколько тратится на утверждении *(так!)* в степени доктора, то есть 8–10 месяцев. Это выяснил и И.Э., то же подтвердили и мне в ВАКе. <…> И.Э. просил

[32] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 49. Л. 2–2 об.
[33] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 52. Л. 8–8 об.

Вам передать, что, видимо, можно будет ставить вопрос о звании профессора одновременно с защитой В/диссертации. Технически нужно будет, чтоб возбудил ходатайство о присвоении Вам звания профессора Ученый совет В/института – Академия архитектуры Вас в этом поддержит (право просьбы присвоения звания доцента, профессора принадлежит только ученому совету института, где соискатель преподает)»[34].

Составив благодаря разъяснениям Шаховой представление об этапах получения профессорского звания, Никитин при встрече с Грабарем в Ленинграде отверг предложение защищаться в Академии художеств[35], вероятно, из-за настороженного отношения к ряду преподавателей-архитекторов, активных в период авангарда, профессионально и идеологически далеких от изучения и рецепции в творчестве русского национального зодчества, напряженными были отношения с деканом Архитектурного факультета М.И. Рославлевым (1888–1948)[36]. 10 марта 1945 г. Никитин сообщил Шаховой: «Защищать диссертацию в московской Академии архитектуры меня более устраивает, чем в Академии художеств»[37]. Прокомментировал он и самую актуальную для него проблему: «Если возможно, как Вы пишете, поставить вопрос о присвоении мне звания профессора одновременно с защитой, то это было бы очень хорошо. <…> Вопрос о представлении меня к зван. профессора моим институтом я еще не поднимал; боюсь, что институт уклонится от этого, т.к. будучи железнодорожным он не сочтет себя компетентным в области архитектуры»[38]. Памятуя об опыте защиты кандидатской диссертации не по архитектуре, а по техническим наукам[39], Никитин сомневался в получении профессорского звания в ЛИИЖТе. Он воспринимал себя как архитектор и, как бы убеждая Шахову в праве на научные регалии, писал: «Если увидите Ал.В. Щусева, пожалуйста, поговорите с ним, он очень хорошо ко мне относится и хвалит мою книгу»[40]. Основную роль в организации защиты Никитин отводил Грабарю: «Игорь Эммануилович был так добр, что согласился взять на себя все оформление моей защиты»[41]. Архитектор, исходя, помимо прочих соображений, из самой специфики своей монографии, написанной на стыке архитектуры, истории искусства и теоретических штудий о реставрации, по сути прибегал к явному покровительству своеобразного патрона – Грабаря.

Грабарь не без удовольствия занимался «делом Никитина». 27 марта 1945 г. он передал Шаховой заявление архитектора в Академию архитектуры с просьбой о допуске к защите, датированное задним числом

[34] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 1 об., 2.
[35] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.
[36] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 49. Л. 13.
[37] РГАЭ. Ф. 293. Оп. 4. Д. 162. Л. 53–53 об.
[38] РГАЭ. Ф. 293. Оп. 4. Д. 162. Л. 53 об., 54.
[39] Вопрос о влиянии в 1940-е гг. практик присуждения ученых степеней на процесс определения границ дисциплинарных полей поставлен в литературе. См.: Ананьев, Бухарин 2023.
[40] РГАЭ. Ф. 293. Оп. 4. Д. 162. Л. 54 об.
[41] РГАЭ. Ф. 293. Оп. 4. Д. 162. Л. 53 об.

(3 октября 1944 г.)[42], и подлинники других необходимых документов[43]. В конце войны Никитин рассматривался Грабарем как один из немногих опытных реставраторов, которых необходимо привлечь к восстановительным работам, к инициированному весной 1945 г. делу воссоздания кафедр русской архитектуры в архитектурных вузах, в т.ч. в Академии художеств[44]. Грабарь ценил Никитина и хлопотал о защите. Он сообщал в письме 15 мая 1945 г.: «Дорогой Николай Петрович, как видите, я дело двинул и все идет хорошо. Профессором я смогу Вас провести (одновременно с назначением в Академию) в ВКВШ»[45]. В своих силах и возможностях Грабарь был уверен. Никитин же переживал за возможный итог предприятия. 14 июля 1945 г. он заказным письмом обратился к 77-летнему Д.П. Сухову со списком вопросов. «Глубокоуважаемый и дорогой мой учитель», – адресовался он к престарелому зодчему и деликатно интересовался: «Хочу опять напомнить Вам о себе и попросить Вас помочь мне в деле моей диссертации, которое Вам хорошо известно. <…> Вчера я виделся с Игорем Эммануиловичем Грабарем, одним из моих оппонентов, он меня очень ободрил. Не знаю, как отнесутся ко мне другие. <…> Мне хотелось бы знать. 1. Все ли мною выполнено в части представления документов? 2. Фамилии моих оппонентов. 3. Дату моей защиты (заблаговременно). 4. Все, что Вам известно, о моей защите (официально и неофициально из разных источников). 5. Общую конъюнктуру условий, среди которых будет протекать защита и т.д. и т.д.». Напротив этих вопросных пунктов Сухов приписал лаконичные ответы, оговорив, что ему известно «только официальное», что защита намечена на октябрь, что одним из оппонентов будет Д.Е. Аркин и оценив конъюнктуру условий как «благоприятную»[46].

Переписка Никитина показывает его несколько периферийное положение в архитектурной среде, в которой он, правда, имел давние прочные связи, и позволяет судить о системе научной аттестации архитекторов в 1940-е гг. Присуждение ученых степеней по архитектуре как научной специальности требовало привлечения к процедуре и зодчих, и историков искусства. Среди последних ключевой фигурой был Грабарь, который с сожалением отмечал, что архитекторов, обладающих научным подходом, «немного у нас», и называл себя «принципиальным противником давать степень доктора только за творческую работу»[47]. Никитина же он искренне относил к числу настоящих исследователей.

С мнением Грабаря согласились и другие оппоненты, составившие к октябрю 1945 г. благоприятные отзывы[48]. Архитектор С.А. Торопов (1882–1964), посетовав на отсутствие «подробного архитектурного анализа самого здания Исаакия», назвал работу интересной «для историков

[42] РГАЭ. Ф. 293. Оп. 4. Д. 162. Л. 52.
[43] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
[44] ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 45. Л. 10, 13 об.
[45] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 49. Л. 4.
[46] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 47. Л. 6–6 об.
[47] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 80. Л. 4.
[48] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

и архитекторов-исследователей»[49]. Напротив, искусствовед Д.Е. Аркин (1899–1957), ответственный секретарь возглавляемой Грабарем[50] Комиссии по учету и охране памятников искусства, отметил, что Никитин «показал себя не только историком, умеющим владеть архивными материалами и восстанавливать по ним подлинную картину прошлого, но и аналитиком архитектурных форм»[51]. Наиболее развернутый отзыв на заседании Ученого совета Академии архитектуры СССР 28 ноября 1945 г. дал Грабарь. Он обосновал актуальность необычной в советском идеологическом контексте темы диссертации, в значительной части посвященной истории возведения храма. Искусствовед подчеркнул: Исаакиевский собор является «самым мощным по массам ориентиром, настолько вбытовавшимся в общий архитектурный облик города, что сейчас Ленинград без него уже немыслим»[52]. Изучение истории столь значимого сооружения, по мысли Грабаря, можно только приветствовать. Подчеркивая исследовательский характер диссертации, оппонент обращал внимание на использование Никитиным «огромного материала первоисточников», извлеченных из архивов, документов, раскрывающих «картину жизни, быта, интриг, злоупотреблений и хищничества придворных сфер и бюрократических кругов эпохи Александра и Николая»[53].

Центральное место Грабарь уделил установлению диссертантом «факта коллективности» создания Исаакиевского собора. Этот акцент в речи оппонента вполне соответствовал социально-политическому контексту 1945 г., но все же не был порожден официальной идеологической линией, связанной с переоценкой роли русских ученых и художников в мировой культуре[54]. «Как же могло случиться, что из простого чертежника он [Монферран] превратился в знаменитого архитектора? <…> Каким образом он мог в конце концов выстроить такое здание, которое является лучшим кафедральным собором во всей Европе, построенным за весь XIX век…», – задавался вопросами Грабарь и признавал: «Как могло это получиться – было загадкой, которую мы не разгадали, – разгадал Николай Петрович Никитин, и с такой убедительностью, что никаких возражений здесь быть не может, – Монферран учился все время у наших лучших архитекторов, это произведение столько же Монферрана, сколько и этих архитекторов, причем не одного, а целого ряда их»[55]. Отмечая «доказательность авторских положений», Грабарь отвергает возможные обвинения Никитина в конъюнктурном характере предложенной им в тогдашних условиях патриотизации идеологии картины профессионального становления Монферрана. «Книга Николая Петровича существенно меняет наше представление о роли и заслуге таких мастеров русской архитектуры, как Стасов, двое Михайловых и др., не

[49] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 24, 26.
[50] Молок 2023: 268.
[51] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 34 об.
[52] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 36.
[53] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 37.
[54] Дружинин 2012: 45–64.
[55] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 55 об., 56–56 об.

занося их на еще большую высоту. Оказывается, что подлинными создателями этой архитектуры были все они и Монферран вместе. Всякий другой автор, добравшись до столь необычайного вывода, соблазнился бы заклеймить такого горе-строителя, низведя его до полного ничтожества, что не Монферран, а сделали все наши. Неверно. Он [Никитин] по этому ложному пути не пошел. Глубокая объективность и честность историка продиктована его справедливым отношением к делам и труду, и Монферран остался крупнейшим строителем, научившимся у наших мастеров и ставшим большим архитектором. <…> Николай Петрович в высшей степени объективный историк, т.е. справедливый историк архитектуры»[56]. Однозначный хвалебный отзыв патриарха отечественного искусствознания, по-видимому, гарантировал успех защиты.

После ответов диссертанта на отзывы оппонентов и замечание неофициального оппонента архитектора Александра Васильевича Кузнецова (1874–1954), с которым Никитин находился в близких отношениях[57], состоялось голосование. Все 15 присутствовавших членов Ученого совета Академии архитектуры СССР – А.В. Щусев, Н.Я. Колли, Б.М. Иофан, И.В. Рыльский, В.Н. Семенов, С.Е. Чернышев, А.А. Веснин, Г.П. Гольц, Н.И. Брунов, А.В. Кузнецов, Г.Ф. Кузнецов, Д.Е. Аркин, А.В. Филиппов, А.П. Иваницкий, Я.А. Корнфельд – единогласно поддержали присуждение Никитину докторской степени[58].

Результаты голосования воодушевили Грабаря, который в письме к Никитину от 30 ноября 1945 г. не преминул акцентировать внимание на своем участии в процессе: «Я жестоко простудился, продолжая выезжать с гриппом и температурой. Не хотелось, чтобы Ваша защита прошла без меня, за что и наказан. <…> Получите выписку из постановления Ученого совета о единогласном присуждении, что вообще бывает весьма редко, ибо всегда есть если не “инакомыслящие”, то “воздержавшиеся”»[59]. На основании такой успешной защиты можно было ожидать скорого утверждения диссертанта в докторской степени в ВАКе.

Беспокоясь о ходе дела в ВАКе, Никитин обращался за неофициальным содействием, по-видимому, к сотруднице ВКВШ Г.Д. Булыгиной (1916 – ?), признаваясь, что докторская степень – не самоцель: «Как долго тянется это дело (защита была 28.XI.45). Насколько мне известно, по поводу моей диссертации должны дать отзывы еще специальные рецензенты ВКВШ. Возможно, они-то и задерживают окончание дела. Надо надеяться, что все кончится благополучно, и я от Вас первый получу долгожданное известие (если можно телеграммой). Но этим дело еще не кончится; в случае утверждения в степени еще надо хлопотать об утверждении в звании профессора, правда, это уже автоматически, но все же пройдет не один месяц»[60].

[56] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 57, 58 об.
[57] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 50.
[58] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 49, 62 об., 63.
[59] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.
[60] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

Действительно, после того как 27 февраля 1946 г. дело Никитина прошло утверждение Экспертной комиссии по строительным специальностям под председательством профессора Л.А. Серка, и 30 марта соискатель был утвержден в степени доктора архитектуры[61], получение профессорского звания затянулось.

Эта процедура оказалась малознакома Грабарю как директору Всероссийской Академии художеств, к которому Никитин, исполнявший обязанности заведующего Кафедрой русской архитектуры в подчиненном Академии Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, постоянно обращался. В июне 1946 г. Грабарь уведомлял его: «Третьего дня я в последний раз нажал все нужные кнопки в ВАК и получил категорическое заверение, что в ближайшие дни все будет сделано. Ждите»[62]. Выяснилось, однако, что «присвоение звания профессора не будет поставлено даже на повестку ВАКа без выписки из протокола заседания Ученого совета (и тайного голосования, с ним связанного)». На экстренно созванном по звонку Грабаря заседании в Институте им. И.Е. Репина кандидатура Никитина поддержки не получила[63]. Архитектор оставил Кафедру и Институт им. И.Е. Репина, а осенью должность директора Академии решил освободить и Грабарь[64]. Его активное содействие Никитину подошло к концу. Архитектор продолжил преподавать в близком для себя ЛИИЖТе. По ходатайству ЛИИЖТа 25 января 1947 г. Никитин и был утвержден в ВАКе в ученом звании профессора по кафедре «здания»[65].

Неодобрение кандидатуры Никитина для получения профессорского звания на заседании Ученого совета в Институте им. И.Е. Репина, как и его первоначальное нежелание защищать диссертацию в Ленинграде нуждаются в дальнейшем изучении. Известно, что выдвинутая когортой авторитетных специалистов (И.Э. Грабарем, А.В. Щусевым, Н.В. Барановым, Н.Н. Белеховым и др.) инициатива создания Кафедры русской архитектуры во главе с Никитиным встретила противодействие со стороны руководства Института, прежде всего ректора В.Ф. Твелькмейера[66]. Он полагал более правильным развитие Кафедры истории русского искусства, во главе которой стоял[67] давний, еще с 1930-х, оппонент Никитина искусствовед М.К. Каргер[68]. Неудача в организации Кафедры русской архитектуры, не получившая освещения в специальных работах[69], актуализирует задачу детального рассмотрения истории Академии художеств и социально-исторического исследования архитектурного и искусствоведческого сообществ Ленинграда в 1940-е гг.

[61] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 12, 16.
[62] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.
[63] НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.
[64] Грабарь 1983: 87.
[65] ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Л. 1, 10, 11–11 об.
[66] ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 45. Л. 14, 23.
[67] Михайлов 2023: 65.
[68] Медведева, Елшин 2022: 242–246.
[69] Грачева 2022.

Диссертационная эпопея Н.П. Никитина, занимательная сама по себе, отразила процесс становления советской системы научной аттестации и состояние профессионального архитектурного сообщества накануне, во время и сразу после Великой Отечественной войны. В этот период, стремившийся к получению ученой степени и звания архитектор старшего поколения, известный своими работами раннесоветских десятилетий, мог рассчитывать на благосклонное отношение признанных еще с дореволюционных лет авторитетов в области архитектуры и искусства (академиков И.Э. Грабаря и А.В. Щусева[70]), обладавших административным ресурсом и аппаратным весом для положительного исхода дела. При этом в условиях советского индустриального развития при массовом формировании инженерных кадров сама специфика архитектуры как новой по сравнению с дореволюционными реалиями отрасли, по которой защищались диссертации, давала соискателю, принимавшему во внимание особенности формальной системы научной аттестации, возможность обрести ученую степень и звание и в техническом вузе.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Грабарь И.Э. Письма, 1941–1960. М.: Наука, 1983. 368 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9506. Оп. 20. Д. 46. Никитин Николай Петрович; Д. 80. Алешин Павел Федотович.

Наумов О.Н. Эпистолярное наследие В.К. Лукомского. Часть II // Гербоведение. Т. VII. М.: Старая Басманная, 2018. С. 129–209.

Научный архив Российской академии художеств (НА РАХ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 5. Документы, связанные с утверждением в ученых степенях и званиях; Д. 6. Переписка с Е.М. Шаховой; Д. 47. Письма Н.П. Никитина Д.П. Сухову; Д. 49. Переписка с И.Э. Грабарем; Д. 50. Письма А.В. Кузнецова и его дочери; Д. 52. Письма А.В. Щусева; Д. 53. Письма от друзей и знакомых.

Никитин Н.П. Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л.: Лен. отд. Союза сов. арх., 1939. 348 с.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 680. Оп. 2. Д. 2106. Личное дело Никитина Н.П.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 293. Оп. 4. Д. 162. Личное дело диссертанта Никитина Н.П.

Постановление Совета Народных Комиссаров. Инструкция Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК Союза ССР о порядке применения постановления СНК Союза ССР от 13 января 1934 г. об ученых степенях и званиях. 10 июня 1934 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/353273.

Постановление Совета Народных Комиссаров. Об ученых степенях и званиях. 20 марта 1937 г. № 464. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/386638-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-ob-uchenyh-stepenyah-i-zvaniyah-20-marta-1937-g-locale-nil-464

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 347. Оп. 1. Д. 45. Стенографический отчет заседания Ученого совета филиала по обсуждению работы проф. Удаленкова А.П. «О путях самостоятельного развития русского зодчества и о причинах задержки в создании советской архитектуры» и др.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2881. Оп. 15. Д. 337. О присвоении ученой степени к.т.н. Никитину Н.П.

Щусев А.В. «…И когда-нибудь я выйду в люди» // Творческая биография А.В. Щусева. Статьи / авт.-сост. Э.О. Захарова, А.А. Оксенюк. М.: Фонд «Связь Эпох»; Кучково поле Музеон, 2023. С. 543–550.

[70] Центральная роль И.Э. Грабаря и А.В. Щусева в негласной иерархии в архитектурно-художественной среде СССР в 1940-е гг. отмечалась современниками. См.: Наумов 2018: 168, 201.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х – начале 1940-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 337–354. [Alevras N.N., Grishina N.V. Doktorskaya dissertatsiya v sovetskoi dissertatsionnoi sisteme: opyt zashchit v 1930-kh – nachale 1940-kh godov (Doctoral Dissertation in Soviet Dissertation System: Experience of Defenses in 1930s — Early 1940s) // Nauchnyi dialog. 2022. T. 11. № 3. P. 337–354].

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Давайте отложим. Ошибиться всегда успеем»: Докторская одиссея Иеремии Иоффе (1935–1943). [Anan'ev V.G., Bukharin M.D. «Davaite otlozhim. Oshibit'sya vsegda uspeem»: Doktorskaya odisseya Ieremii Ioffe (1935–1943) ("Let's pause for a moment. We could always be wrong": The Doctoral Odyssey of Ieremiia Isaevich Ioffe (1935–1943)] // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2022. T. 15. № 1. P. 102–136.

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Докторская диссертация И.И. Иоффе в отзывах официальных оппонентов и рецензентов ВАК (по материалам ГА РФ) // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 315–364. [Anan'ev V.G., Bukharin M.D. Doktorskaya dissertatsiya I.I. Ioffe v otzyvakh ofitsial'nykh opponentov i retsenzentov VAK (po materialam GA RF) (Doctoral dissertation of I.I. Ioffe in the reviews of official opponents and reviewers of the Higher Attestation Commission (according to the materials of the State Archives of the Russian Federation)) // Istoricheskie zapiski. 2023. № 22 (140). P. 315–364].

Бусырева Е.П. Лев Ильин. СПб.: ГМИ СПб, 2008. 256 с. [Busyreva E.P. Lev Il'in (Lev Ilyin). St. Petersburg: GMI SPb, 2008. 256 p.].

Вульфина Л.Б., Дудина Т.А. Москва как место проживания: Дмитрий Петрович Сухов. Архитектор. Реставратор. Художник. М.: Арт-Волхонка, 2014. 216 с. [Vul'fina L.B., Dudina T.A. Moskva kak mesto prozhivaniya: Dmitrii Petrovich Sukhov. Arkhitektor. Restavrator. Khudozhnik. (Moscow as a place of residence: Dmitry Petrovich Sukhov. Architect. Restorer. Artist). Moscow: Art-Volkhonka, 2014. 216 p.].

Грачева С.М. Всероссийская академия художеств (ВАХ): страницы истории (1932–1947) // Искусство Евразии. 2022. № 4 (27). С. 82–105. [Gracheva S.M. All-Russian Academy of Arts^ pages of history (1932–1947) // The Art of Eurasia. 2022. № 4 (27). P. 82–105].

Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.) / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В Гришиной. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 464 с. [Dissertatsionnaya kul'tura rossiiskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva: opyt i praktiki podgotovki i zashchit dissertatsii (XIX – nachalo XX v.) (Dissertation culture of the Russian historical and scientific community: experience and practices of preparation and defense of dissertations (19th – early 20th century)) / Pod red. N.N. Alevras, N.V Grishinoi. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 464 p.].

Дружинин П.А. «Дело Щусева». 1937 год в истории советской архитектуры. М.: Кучково поле Музеон, 2025. 592 с. [Druzhinin P.A. «Delo Shchuseva». 1937 god v istorii sovetskoi arkhitektury ("The Shchusev Case". 1937 in the History of Soviet Architecture). Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2025. 592 p.].

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1. М.: НЛО, 2012a. 592 с. [Druzhinin P.A. Ideology and Philology. Leningrad, 1940s: Documentary Research. Vol. 1. Moscow: NLO, 2012a. 592 p.].

Дружинин П.А. «Одна абсолютно обглоданная кость»: История защиты А.Л. Дымшицем докторской диссертации // НЛО. 2012b. № 3 (115). С. 124–147. [Druzhinin P.A. «Odna absolyutno obglodannaya kost'»: Istoriya zashchity A.L. Dymshitsem doktorskoi dissertatsii ("One Completely Gnawed Bone": The Story of A.L. Dymshits' Defense of His Doctoral Dissertation) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012b. № 3 (115). P. 124–147].

Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 195 с. [Ivanov A.E. Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii. XVIII v. – 1917 g. (Academic Degrees in the Russian Empire. 18th Century – 1917). Moscow: IRH, 1994. 195 p.].

Кейпен-Вардиц Д.В. Храмовое зодчество А.В. Щусева. М.: Совпадение, 2013. 304 с. [Keipen-Vardits D.V. Khramovoe zodchestvo A.V. Shchuseva (Temple architecture by A.V. Shchusev). Moscow: Sovpadenie, 2013. 304 p.].

Козлова Л.А. «Без защиты диссертации…»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–159. [Kozlova L.A. «Bez zashchity dissertatsii…»: Statusnaya organizatsiya obshchestvennykh nauk v

SSSR, 1933–1935 gody ("Without defending a dissertation...": The status organization of social sciences in the USSR, 1933–1935) // Sotsiologicheskii zhurnal. 2001. № 2. P. 145–159].

Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153. [Krichevskii G.G. Uchenye stepeni v universitetakh dorevolyutsionnoi Rossii (Academic degrees in universities of pre-revolutionary Russia) // Istoriya SSSR. 1985. № 2. P. 141–153].

Лисовский В.Г. Академия художеств и ее архитектурная школа в процессе развития русской архитектуры XIX – начала XX века: Автореф. дис. … д. искусств. Л.: АХ СССР, Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 1986. 53 с. [Lisovskii V.G. Akademiya khudozhestv i ee arkhitekturnaya shkola v protsesse razvitiya russkoi arkhitektury XIX – nachala XX veka: Avtoref. dis. … d. iskusstv (The Academy of Arts and its architectural school in the process of development of Russian architecture of the XIX – early XX centuries: Abstract of diss. … Doctor of Arts). L.: AKh SSSR, In-t zhivopisi, skul'ptury i arkhitektury im. I.E. Repina, 1986. 53 p.].

Любезников О.А. «Русская школа исследователей памятников русской архитектуры»: воспоминания архитектора Н.П. Никитина об Академии художеств начала XX века // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2023. Т. 11. С. 167–178. [Lyubeznikov O.A. «Russkaya shkola issledovatelei pamyatnikov russkoi arkhitektury»: vospominaniya arkhitektora N.P. Nikitina ob Akademii khudozhestv nachala XX veka («The Russian school of researchers of Russian architectural monuments»: architect N.P. Nikitin's memoirs about the Academy of Arts at the beginning of the XX century) // Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury. 2023. T. 11. P. 167–178].

Любезников О.А. Архитектор Н.П. Никитин и его книга «Огюст Монферран»: Проблема научной репрезентации истории Исаакиевского собора в сталинскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 41–47. [Lyubeznikov O.A. Arkhitektor N.P. Nikitin i ego kniga «Ogyust Monferran»: Problema nauchnoi reprezentatsii istorii Isaakievskogo sobora v stalinskuyu epokhu (Architect N. P. Nikitin and his book Auguste Montferrand: Problem of Scientific representation of the history of St. Isaac's cathedral in the Stalin era) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 4 (181). P. 41–47].

Любезников О.А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб.: ЛЕМА, 2017. 68 с. [Lyubeznikov O.A. Isaakievskii sobor v 1917-1920-e gg. Arkhitektory M.T. Preobrazhenskii, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov i problema muzeefikatsii pamyatnika (St. Isaac's Cathedral in 1917-1920. Architects M.T. Preobrazhensky, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov and the problem of museumification of the monument). St. Petersburg: LEMA, 2017. 68 p.].

Медведева М.В. Константин Константинович Романов (1882–1942) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 167–188. [Medvedeva M.V. Konstantin Konstantinovich Romanov (1882–1942) (Konstantin Konstantinovich Romanov (1882–1942)) // Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznennyi put' i vklad v nauku / Nauch. red.-sost. V.A. Goroncharovskii. St. Petersburg: IIMK RAN, 2022. P. 167–188].

Медведева М.В., Елшин Д.Д. Архивные материалы из собрания ИИМК РАН об исследованиях Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде в 1933 – 1935 гг. // Архитектурная археология. 2022. № 4. С. 220–249. [Medvedeva M.V., Elshin D.D. IHMC RAS archival materials for the research of St. George's cathedral of Yuriev monastery in Novgorod carried out in 1933–1935 // Architectural archeology. 2022. No. 4. P. 220–249.].

Михайлов К.А. Михаил Константинович Каргер (1903–1976): Биографические очерки. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 114 с. [Mikhailov K.A. Mikhail Konstantinovich Karger (1903–1976): Biographical Essays. St. Petersburg: IIMC RAS, 2023. 114 p.].

Молок Н. Давид Аркин: «идеолог космополитизма» в архитектуре. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 470 с. [Molok N. David Arkin: «ideolog kosmopolitizma» v arkhitekture (David Arkin: "ideologist of cosmopolitanism" in architecture). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 470 p.].

Рославский В.М. Москва – Петроград. Два центра отечественной реставрации. М.: Индрик, 2015. 576 с. [Roslavskii V.M. Moskva – Petrograd. Dva tsentra otechestvennoi restavratsii (Moscow-Petrograd. Two centers of Russian restoration). Moscow: Indrik, 2015. 576 p.].

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. На пути к новой корпоративности: защиты диссертаций в раннесоветский период // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 117. С. 101–116. [Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V. Na puti k novoi korporativnosti: zashchity dissertatsii v rannesovetskii period (On the way to a new corporate identity: Dissertations in the early soviet period) // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2024. Vyp. 117. P. 101–116].

Скворцов А.М. Диссертационные дела ученых-историков 1930-х гг. как источник по истории науки // Мат-лы Междунар. конф. Рос. нац. ком-та по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (28 марта – 1 апреля 2022 г.). М., 2022. С. 101–103. [Skvortsov A.M. Dissertatsionnye dela uchenykh-istorikov 1930-kh gg. kak istochnik po istorii nauki (Dissertation files of scientists-historians of the 1930s as a source on the history of science) // Mat-ly Mezhdunar. konf. Ros. nats. kom-ta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posvyashchennoi 90-letiyu Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN (28 marta – 1 aprelya 2022 g.). Moscow, 2022. P. 101–103].

Скворцов А.М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е – 1940-е годы: защита докторской диссертации А.В. Мишулиным // Научный диалог. 2019. № 2. С. 296–310. [Skvortsov A.M. Iz istorii razvitiya sovetskoi istoricheskoi nauki v 1930-e – 1940-e gody: zashchita doktorskoi dissertatsii A.V. Mishulinym (On History of Soviet Historical Science Development in 1930—1940-ies: A. V. Mishulin's Doctoral Thesis Defence) // Nauchnyi dialog. 2019. № 2. P. 296–310].

Яралов Ю. Ученый-педагог. К 75-летию со дня рождения Н.П. Былинкина // Архитектура СССР. 1975. № 12. С. 53–54. [Yaralov Yu. Uchenyi-pedagog. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya N.P. Bylinkina (Scientist and teacher. On the 75th anniversary of N.P. Bylinkin's birth) // Arkhitektura SSSR. 1975. № 12. P. 53–54].

***Любезников Олег Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; o.lyubeznikov@spbu.ru*

Architect N.P. Nikitin and His Doctoral Thesis about Montferrand Mechanisms for Organizing and Conducting the Doctoral Defense in 1945

In modern historiography the dissertation culture in the USSR in the 1930s and 1940s is usually examined based on official sources: statements by dissertators, protocols and transcripts of defense procedures and opponents' reviews. The informal process of preparing the defense, which was behind the scenes and involved selecting a benevolent academic council and official and unofficial opponents, remains in the shadows. In this article, based on numerous personal sources stored in a number of archival repositories in Moscow and St. Petersburg, the mechanisms for organizing and conducting the defense of the doctoral thesis of architect N.P. Nikitin in 1945 are reconstructed. Being a representative of the pre-revolutionary architectural school of the Academy of Arts and engaged in the early Soviet decades not so much in original design and construction as in the restoration of architectural monuments of Leningrad, N.P. Nikitin by the end of the 1930s prepared a fundamental study on the history of the construction of St. Isaac's Cathedral and sought, by defending this work as a doctoral dissertation in accordance with the accepted regulations, to obtain the academic title of professor. The assistance provided to N.P. Nikitin by the greatest masters of architecture and restoration, academicians A.V. Shchusev and I.E. Grabar, who knew him well, contributed to his speedy defense and reflected the heterogeneity of the architectural community in the 1940s , which consisted of Soviet and pre-revolutionary specialists.

***Keywords:** thesis, Nikitin, Montferrand, Grabar, Shchusev, dissertation culture, history of science, architecture, architect.*

***Lyubeznikov Oleg Anatolievich,** PhD (History), Associate Professor, Department of the Museum Management and Historical Monuments Preservation, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University; o.lyubeznikov@spbu.ru*

Д.Д. Подледнов, Е.Д. Казанцева

«АНТИКУЛЬТУРНЫЕ ПОЗИЦИИ» ЖАНА ДЮБЮФФЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ АР БРЮТА

В статье предпринимается попытка изучить процесс формирования идей ар брюта и концептуализации этого понятия французским художником и теоретиком искусства Жаном Дюбюффе. Опираясь на теоретические основания, изложенные в тексте «Антикультурные позиции», авторы обозначают ключевые пункты несогласия Дюбюффе с культурными ценностями современного ему общества. Идейная основа работы Дюбюффе состоит в том, что мир в целом, включая культуру и искусство, должны полностью измениться и обнулиться после завершения Второй мировой войны, поскольку именно устаревшие ценности, идеалы, устои и нормы, утвердившиеся в обществе, которое стремилось к рациональности, привели к великим гуманистическим и социальным катастрофам середины XX в. Дюбюффе видит своей целью отойти от любого рационального восприятия и рациональной репрезентации объективной реальности, обратившись к ментальному пространству: субъективности видения художника, бессознательному и подсознательному началу, эстетике и художественным техникам первобытного искусства, которое он превозносит в сравнении с западной культурой. По мнению Дюбюффе, классическое искусство более не способно отражать актуальную картину мира, поскольку оно всё более отдаляется от повседневной жизни, теряет искренность и перестает быть средством выражения подлинных идей и чувств. Стилистический анализ живописных и скульптурных работ Ж. Дюбюффе демонстрирует практическое воплощение его концептуальных идей, описанных в «Антикультурных позициях». Художник создает собственный визуальный язык, инспирированный стилистикой детского рисунка, первобытного искусства и творчества художников, обладающих ментальными расстройствами. Именно произведения, созданные в русле концепции ар брюта, по мнению Дюбюффе, вернут искусству его ключевые функции – транслировать идеи, «обращаться к разуму, а не глазам» и служить медиумом коммуникации, инструментом познания и выражения.

Ключевые слова: *идеи ар брюта, творчество Жана Дюбюффе, искусство XX века, ар брют, антикультурные позиции, искусство аутсайдеров.*

Во второй половине XX в. в искусстве и культуре развивается множество новых феноменов, авторы предпринимают попытки переосмыслить художественную деятельность. Одним из таких феноменов является направление ар брют, идеологом и основателем которого выступил французский художник Жан Дюбюффе (1901–1985).

Ар брют – «сырое», «грубое», «неприготовленное» или «аутсайдерское» искусство[1]. Как и многие другие художники середины XX в., Дюбюффе и его последователи пытались найти формы нового языка искусства (в частности, работая с абстрактными образами) «вернуться» в поле архаики, путем обнуления культурных кодов: «Ар брют – это искусство детей, заключенных, медиумов, шизофреников <...>, всех, кто относится к до-искусству, суб-искусству (*sub-art*) или выходит за рамки искусства, определяемого как профессиональная деятельность»[2]. Некоторые аспекты искусства и теоретических воззрений Дюбюффе ранее

[1] Hallman 2016: 122.

[2] Alloway 1966: 17. Скорее всего, автор говорит о всех тех работах, которые не являются институциональными, и входят в поле любительских художественных практик.

уже были рассмотрены в контексте искусствоведения и визуальной культуры. Ряд исследователей предпринимает попытку выявить основные особенности визуального языка Дюбюффе, сопоставив его работы с творчеством других известных художников. Л. Липпард акцентирует внимание на сравнении объектов искусства М. Эрнста (представитель дадаизма и сюрреализма) и Дюбюффе, находит сходства и различие в их искусстве через анализ используемых материалов, сюжетов и техник[3]. Другой исследователь искусства аутсайдеров, хранитель коллекции ар брюта в Лозанне Мишель Тевоз отделяет искусство Дюбюффе от круга схожих по визуальным основаниям работ других художников, в частности, Элен Смит, которая фиксирует в своем искусстве увиденное в спиритических сеансах и подробно описывает жизнь на Марсе: от репрезентации людей, флоры и фауны до архитектурных сооружений и письменности[4]. Р. Раттнер рассматривает формальные характеристики художественных работ Дюбюффе, анализируя вербальную составляющую его произведений: она выполняет определяющую функцию, модифицируя и развивая визуальное содержание. Автор заключает, что художник создает собственный абсурдный "параллельный мир", который является отражением реальности и одновременно насмехается над ней[5].

Существуют исследования, посвященные более локальным темам, отраженным в произведениях Дюбюффе. Например, Ж.Х. Даффи рассматривает метаизобразительные особенности работы Дюбюффе "Куку Базар". Статья посвящена взаимосвязям произведения с авангардным театром, искусством сценографии и танцем. Значимость этой работы подтверждается словами самого Дюбюффе из письма Томасу Мессеру (на тот момент – директору Фонда Соломона Р. Гуггенхайма): «...этот анимационный ансамбль…является самой важной из всех моих работ и наиболее репрезентативной из них". Даффи считает работу "Куку базар» логическим продолжением более раннего творчества Дюбюффе[6].

Ряд исследователей вспоминают имя Дюбюффе как создателя концепции "ар брют", коллекционера и основателя общества Ар брюта, никак не связывая его теоретические изыскания с полем профессиональной художественной деятельности[7]. А.А. Суворова обозначает дискурс ар брюта, прибегая к методологии М. Фуко, определяет поверхности возникновения, инстанции разграничения и решетки спецификации рассматриваемого феномена[8].

Ряд исследователей пытаются отойти от анализа искусства Дюбюффе, акцентируя внимание на развитие интеллектуальной мысли и появление новых концептов. К. Минтурн сравнивает взгляды Дюбюффе и К. Леви-Стросса, которому было близко искусство М. Эрнста, А. Бре-

[3] Lippard 1962.
[4] Thevoz 1994.
[5] Rattner 1973.
[6] Duffy 2016.
[7] Wojcik 2008
[8] Суворова 2019

тона и др. Автор упоминает, что К. Леви-Стросс был в постоянной переписке с Дюбюффе и советовал ему обратить внимание на расширение выборки объектов искусства, которые могут быть включены в поле ар брюта, например, включив в него искусство заключенных. И, как мы знаем, Дюбюффе всегда пытался очертить границы ар брюта от других форм маргинализированного искусства. Таким образом, упомянутая статья посвящена анализу взаимовлияния мыслей и действий рассматриваемых авторов на становление концепции ар брюта[9]. Д. Холлман, как и Л. Хун Сук представляет идейные позиции Дюбюффе в контексте завершения Второй мировой войны через отрицание европейских культурных ценностей, но делает это только на основе теоретических текстов[10]. К.Г. Блохина анализирует появление концепта ар брюта через теоретические работы Дюбюффе: «Ар брют предпочтительнее культурного искусства», 1949 (L'Art Brut préféré aux arts culturels), «Удушающая культура», 1968 (Asphyxiante culture) и др[11].

Существуют междисциплинарные исследования, рассматривающие идеи и художественную деятельность Дюбюффе в рамках психологического и социологического дискурсов. В.В. Авдеева в своих работах обращается к психологической оптике исследования произведений ар брюта: в историческом контексте рассматривает особенности психологических подходов рубежа XIX–XX вв., а также искусствоведов и художников XX-XXI вв. Автор условно выделяет три этапа восприятия искусства душевнобольных на основе анализа деятельности врачей психиатрических клиник. По мнению автора, именно психологический подход позволяет "раскодировать" непрофессиональное искусство, и, в частности, ар брют[12]. Вместе с этим, интересен взгляд К.Г. Богемской, которая характеризует подход Дюбюффе как «антипсихиатрический», поскольку в его интерпретации творчества приоритет отдаётся художественной, а не медицинско-психиатрической перспективе[13].

В настоящей статье авторы предпринимают попытку рассмотреть идеи Жана Дюбюффе как идеолога и теоретика ар брюта, опираясь как как на его теоретические работы, например, «Антикультурные позиции» (1968), так и на ряд художественных произведений: «Арабская роза» (1948), «Савонарола» (1954), «Отель дю Канталь» (1961), «Шоссе д'Антен (Путешествия, пальто)» (1962) и «Улица Монмартр» (1962). Сочетание искусствоведческого анализа живописных произведений Дюбюффе и сопоставление их с его теоретическими поисками, дает комплексное представление о концептуальной идее, которая, пронизывая его искусство, артикулируется в теоретических основаниях ар брюта.

На первый взгляд кажется, что ар брют – искусство, не отражающее ничего реального, оно целиком наполнено фантазиями и выдумка-

[9] Minturn 2004
[10] Hallman 2016; Хун Сук 2017
[11] Блохина 2016
[12] Авдеева 2021
[13] Богемская 2001

ми людей, которые не включены в институциональный художественный дискурс, по причине своей ненормативности: наличия психической акцентуации, отсутствия специализированного художественного образования, использования различных нестандартных художественных практик и т.п. Однако подвергая критическому анализу произведения художников ар брюта, можно отметить, что видение нормативного человека (зрителя, который привык к нормативному искусству и сюжетам) и ненормативного человека (художника-аутсайдера, произведения искусства которого «разрывают» шаблон нормативного искусства) слишком отличны, здесь мы знакомимся с внутренним миром непрофессиональных художников, пытаясь радикально изменить наше представление о том, чем должно быть искусство и какие смыслы мы должны считывать: «Ар брют не состоит из диких и простых образов, ужасных образов, созданных первобытным разумом; напротив, психотическое и непрофессиональное искусство чаще всего является результатом компульсивного поведения и систематического заблуждения. Как отметил Дюбюффе в беседе, его искусство формируется не психопатической одержимостью, которая имеет место в этом мире. Напротив, психопаты и непрофессионалы в искусстве стремятся создать чуждый мир с помощью сложной системы самореференции. Это закрытый для нас порядок, порядок со скрытыми координатами, который характеризует ар брют»[14].

Жан Дюбюффе родился в 1901 г. в семье торговцев вином, но предпочел заниматься живописью, а не семейным бизнесом. В 1918 г., в возрасте 17 лет Дюбюффе учился в Академии Жюлиана в Париже[15]. В свои студенческие годы он потерял интерес к творчеству: высокое и признанное искусство его не вдохновляло, этот тезис потом ляжет в основу многих теоретических текстов Дюбюффе и обретет свои эстетические принципы в его произведениях. В 1923 г. Дюбюффе знакомится с исследованием немецкого психиатра и историка искусства Ханса Принцхорна – книгой «Искусство душевнобольных»[16]. Принцхорн одним из первых предположил, что рисунки людей с ментальной акцентуацией имеют свою эстетическую ценность и могут быть подвергнуты искусствоведческому анализу: «Исторически коллекция Принцхорна стоит на развилке дороги, где антропологические исследования и зарождающаяся наука о психопатологии сходятся с авангардным исследованием истоков художественного самовыражения»[17]. Важно отметить, что книга была издана на немецком языке, которым Дюбюффе не владел. Вдохновляясь только изображениями, которые сопровождают основные тезисы, он увидел близкий ему эстетический язык, тот язык, который может быть понятным для каждого человека: «Для Дюбюффе эта книга действительно стала откровением, и в ней можно найти катализаторы, если не источники, для многих его художественных идей. Теории Принцхорна

[14] Alloway 1966: 18
[15] Ragon 1958:16
[16] Суворова 2019: 120
[17] Douglas 1996: 35

перекликаются с некоторыми немецкими романтическими идеями XIX и начала XX в. По мнению Принцхорна, искусство душевнобольных отражает универсальное творческое стремление, которое обычно подавляется культурными ограничениями»[18].

С 1924 по 1933 гг. художник взял перерыв в занятиях искусством. На время Дюбюффе вернулся в семейный бизнес, много путешествовал и смог посетить разные страны, познакомиться с различными тенденциями в искусстве. К творчеству он вернулся с новыми идеями, образами и сюжетами: в 1944 г. в Галерее Рене Друэна (Париж) проходит первая выставка Дюбюффе после перерыва. В 1945 г. он начинает формировать свою коллекцию произведений ар брюта. Как описывал сам Дюбюффе, его коллекция включает различные виды искусства: от рисунков и картин до лепнины и скульптур, созданных спонтанно и имеющих экспериментальный характер. Сами произведения почти не связаны с традиционным искусством или канонами изображения, их авторы – малоизвестные персоны, чуждые среде институциональных художников[19].

Периодом «зарождения» ар брюта фактически является вторая половина 1940-х гг., поскольку, во-первых, в 1948 г. Дюбюффе основывает общество Ар брюта; во-вторых, в 1940-е гг. Дюбюффе начинает собирать свою коллекцию ар брюта, путешествуя по Франции и Швейцарии, его поддерживали, в т.ч. и финансово, коллеги – Андре Бретон (основоположник сюрреализма, чьи идеи разделял Ж. Дюбюффе) и арт-дилер Шарль Раттон; в-третьих, появляется «Фойе Ар Брюта», где Дюбюффе показывает свою коллекцию собранных работ.

Дюбюффе описывал искусство ар брюта следующим образом: «Это не наивное искусство и не сюрреалистическое искусство, оба из которых являются просто ответвлениями культурного процесса, а ар брют – это искусство само по себе непредсказуемое и полностью изобретенное, как в аутентичной среде (материалах, техниках и т.д.), так и в своем вдохновении»[20]. Здесь Дюбюффе проводит явную границу между такими тенденциями в искусстве как ар брют, сюрреализм и наивное искусство, так как несмотря на то, что по своей эстетике они близки, у них разные поверхности возникновения.

В послевоенное время Дюбюффе ведет активную теоретическую работу, пытаясь представить свое видение культуры 1950–1960-х гг. Так, в конце декабря 1951 г. в Чикагском арт-клубе (США) он читает лекцию «Антикультурные позиции», содержание которой ляжет в основу одноименного эссе. Основная идея заключалась в сравнении западной культуры с культурой первобытных народов: «Я считаю, что значительное влияние <...> всё большее знакомство с мышлением так называемых примитивных народов за последние пятьдесят лет, а особенно знакомство с их произведениями искусства, которые сильно удивили и заинтересовали западную публику. Мне кажется, что многие начали заду-

[18] Rowell 1973: 17
[19] Dubuffet 1967:167–168
[20] Dubuffet 1967: 167–168

мываться: а не может ли Запад многому научиться у этих “дикарей”? Возможно, их решения и способы действий, которые сначала показались нам грубыми, на самом деле разумнее наших. Может быть, именно наши методы грубы. Возможно, утонченность, глубина мысли, интеллектуальная сила находятся на их стороне, а не на нашей»[21]. Центром сравнения западной и первобытной культуры у Дюбюффе стали взаимоотношения человека с природой, природным началом.

Дюбюффе подвергает критике ценности западного общества середины XX в.: «Я думаю, что эта культура (западная культура – прим. авторов) очень похожа на мёртвый язык, не имеющий ничего общего с живой речью, на которой говорят на улице. <...> Эта культура всё дальше и дальше отдаляется от повседневной жизни. <...> У неё больше нет живых корней. Лично я стремлюсь к искусству, которое находилось бы в непосредственной связи с повседневной жизнью, исходило бы из нее и являлось бы прямым и искренним выражением нашей настоящей жизни и наших подлинных чувств»[22]. В основном, Дюбюффе говорит о том, что мир в целом, а также культура и искусство в частности, должны полностью измениться, обнулиться после завершения Второй мировой войны, поскольку именно устаревшие ценности, идеалы, устои и нормы, рационального, казалось бы, общества привели к великим социальным катастрофам середины XX в.

Таким образом, Дюбюффе преднамеренно отходит от любого рационального восприятия и рациональной репрезентации объективной существующей реальности, поэтому он стремится к искажению изображаемых объектов, отказывается от законов перспективы и привычных способов построения объемных форм. Таким образом, отрицая пространство рационального художник акцентирует внимание на пространстве ментальном: «[Классическое] использование перспективы постоянно встречается в искусстве, к которому мы привыкли. На самом деле мы настолько привыкли к традиционному искусству, что испытываем трудности в восприятии образов, организованных по другому принципу <...> ментальное пространство не похоже на трехмерное воспринимаемое пространство и не использует такие понятия, как «над» или «под», «перед» или «за», «близко» или «далеко». [Ментальное пространство] предстает в виде текущей, кружащейся, извилистой воды, и поэтому для его описания требуются совершенно другие средства, нежели те, которые считаются подходящими для описания воспринимаемого мира»[23].

Говоря о соотношении рациональной и бессознательной составляющих в процессе создания искусства, Дюбюффе приходит к выводу, что живопись, в отличие от других видов искусства и, например, вербального языка, позволяет выразить самые глубокие смысловые пласты, остающиеся за пределами трансляции и понимания для зрителя: «Живопись

[21] Dubuffet 2019: 50
[22] Dubuffet 2019: 50–51
[23] Dubuffet 1967: 447-448

позволяет, гораздо лучше, чем слова, выражать различные стадии мысли, включая ее более глубокие, подсознательные уровни. В этом у живописи есть два неоспоримых преимущества перед словесным языком. Во-первых, живопись воплощает предметы с большей силой и приближает нас к ним гораздо ближе. Во-вторых, живопись раскрывает внутренний танец разума художника, открывая ему более широкий выход во внешний мир. Эти два качества делают живопись не просто исключительным инструментом мышления, но, если хотите, поистине уникальным инструментом прозрения — и, более того, инструментом, позволяющим передать это прозрение другим, дать им возможность испытать его вместе с художником. Благодаря этим мощным средствам живопись способна озарить мир удивительными открытиями, наделить человека новыми мифами и новой мистикой, а также открыть бесчисленное множество неожиданных аспектов реальности и ценностей, которые еще не были осознаны. Именно в этом, я считаю, заключается куда более достойная задача для художников, нежели просто создание приятных глазу сочетаний форм и цветов»[24].

Дюбюффе рассуждает о процессе зарождения идей и очень подробно описывает процесс появления идей для создания своих произведений. Он обращается к спонтанным идеям, неоформленным замыслам, появляющимся на аффективной, досознательной стадии – именно эти случайные мысли и идеи являются наиболее ценными и близкими для культуры того времени, когда произведение создается, нежели обращение к более выверенным традиционным идеям: «Я хочу поговорить о большом почтении, которое западная культура испытывает к сложным, продуманным идеям. Я не считаю их высшим проявлением человеческой деятельности. Мне кажется, что идеи — это скорее ослабленный этап мыслительного процесса. <...> Идеи подобны пару, который, коснувшись уровня разума и логики, конденсируется в воду. Я не считаю, что величайшая ценность умственной деятельности заключается в этой промежуточной точке — и именно она меня не интересует. Напротив, я стремлюсь ухватить мысль на этапе её развития, который предшествует этому уровню оформленных идей. Вся западная культура — её искусство, литература и философия — основана на этом уровне продуманных идей. Но мое собственное искусство и моя собственная философия полностью опираются на более глубокие, скрытые пласты. Я всегда стремлюсь уловить мыслительный процесс у самых его корней, где, я уверен, сок гораздо насыщеннее»[25].

Постоянной темой в творчестве Дюбюффе является обыденный предмет, при этом в разные периоды жизни художника изменяется объект изображения: в 1950-х и начале 1960-х гг. – это камни, столы, коровы и пейзажи. В цикле работ «L'Hourloupe» преобладают предметы, созданные человеком: кофейники, бутылки, кровати, умывальники, нож-

[24] Dubuffet 2019: 55
[25] Dubuffet 2019: 51–52

ницы: «<...> когда смотришь на такую картину, смотришь на всё вокруг по-новому, свежим взглядом, и учишься видеть непривычную и забавную сторону вещей. Когда я говорю «забавная», я имею в виду не только смешную, но и величественную, трогательную и даже трагическую сторону обычных вещей»[26]. Создавая подобные образы, Дюбюффе пытается преподнести банальные предметы в непривычном ракурсе или сюжете, намеренно искажая их формальные характеристики, отходя от всевозможных традиций искусства. Человек как герой произведений, присутствует в работах Дюбюффе на протяжении всей его карьеры, однако преобладает в творчестве середины и конце 1940-х гг., при этом стоит отметить, что художник редко создавал свои произведения с натуры или модели.

Оригинальный подход внедряет Дюбюффе в создание графического искусства – художник обращается к неконвенциональным визуальным языкам, предлагая эстетику детского рисунка: «Грубые несовершенства и детский стиль, которые стали его отличительными чертами, кажутся неуместными в работах художника, которого часто называют величайшим художником послевоенной Франции»[27]. Работа, созданная сухой пастелью на бумаге – «Арабская роза» (1948) стилизована под детский рисунок. Автор сознательно уходит от всех канонов классического изображения – нарушает законы перспективы, искажает пропорции, формы человеческого тела, использует хаотичные линии вместо штриховой техники, делает изображение плоским, избегая объемов, при этом четко определяя передний и дальний планы, линию горизонта. Дюбюффе максимально упрощает изображение, делая его понятным для всех зрителей. Стремление к «детскости» может интерпретироваться как идея обнуления, стремление отказаться от привычных методов в графическом искусстве. Стоит отметить, что детский рисунок никогда не признавался на институциональном уровне и всегда относился к непрофессиональному, любительскому искусству.

Скульптура «Савонарола» (1954) из серии «Маленькие статуэтки ненадежной (нестабильной) жизни» была создана из смеси известняка и глины (клинкера), продуктов сгорания углерода и мусора. Название работы отсылает к истории Джироламо Савонарола – политического и религиозного деятеля, проповедника в Италии XV в.

«Костер тщеславия» (1497) – церемония сожжения предметов искусства, светских книг, одежды, парфюмерии и т.д. по указанию Дж. Савонаролы. Интересным представляется то, как перекликается этот исторический факт со способом создания (техникой) скульптуры: сюжет о сожжении, символизирующий идею очищающего огня, воплощается в работе Дюбюффе посредством продуктов сгорания углерода. Форма фигуры является абстрактным изображением силуэта проповедующего Дж. Савонаролы, держащего руку в указующем жесте (см.

[26] Dubuffet 1967: 47
[27] Rattner 1973: 77

Памятник Савонароле на площади Пьяцца Савонарола, Флоренция, Италия, 1875).

Форма скульптуры при первом рассмотрении напоминает объект, естественно образованный в природе, а не созданный руками человека, что перекликается со стремлением художников середины XX в. к своеобразному «возвращению» к природному началу. Силуэт скульптуры абстрактен, не ассоциируется напрямую с человеческим телом, каноном итальянской скульптуры эпохи Возрождения. Привлекает внимание фактура произведения: поверхность неоднородна по цвету и текстуре, частично словно покрыта ржавчиной, что дает дополнительную ассоциацию с упадком, разложением, распадом, разрушением. Постамент в искусстве классической эпохи служит не только для физического возвышения изображаемой фигуры, но и является указанием на важность, значимость персоны, акцентирует ее своеобразие. Таким образом при просмотре произведения пластического искусства возвышаются над обычными людьми, у Дюбюффе постамент также присутствует, однако он небольшой, соразмерен самой скульптуре: 35x24x14 см., и служит скорее утилитарной, чем парадной функции, что является противоположностью для типичного изображения важных политических и религиозных деятелей. Таким образом, Дюбюффе стремится дистанцироваться от традиционных правил, переосмыслить само понятие скульптуры; автор призывает отбросить накопленный культурный опыт, пересмотреть его релевантность: «…происходит важная перемена в сознании людей. Определенные ценности, которые долгое время считались очевидными, начинают теперь казаться сомнительными и даже ложными. И, напротив, другие ценности, которые прежде пренебрегались, становятся более значимыми. <...> В ближайшем будущем произойдет окончательный отказ от гуманизма, на котором наша культура основывалась начиная с эпохи Возрождения»[28].

Большая часть творчества Дюбюффе связана с актуализацией визуальных языков, которые могут противопоставляться превалирующим концепциям в искусстве и культуре, образам привычным и понятным для массового зрителя. В живописной картине «Отель дю Канталь» (1961) считывается исследование городского ландшафта Парижа 1960-х гг. Вместе с этим, эпоха 1950-х–1960-х гг. в США и Европе – это функционирование визуального языка поп-арта и культуры консьюмеризма. Искусству поп-арта свойственна работа с готовыми образами и сюжетами, например, в коллажной технике художники не транслируют идеализированные вымышленные миры или авторскую мифологию, а пользуются вырезками из журналов и газет, отсылая к массовой культуре и работая с готовыми и узнаваемыми образами. Несмотря на то, что Дюбюффе использует классические материалы – холст и масло, стиль рассматриваемой картины вновь тяготеет к детскому рисунку: «Стиль картины нарочито примитивный, даже детский. Автомобили на улице

[28] Dubuffet 2019: 50

нарисованы в упрощенном стиле, как и их водители. У автомобилей только два колеса, окно, и они выглядят так, как будто видны сверху»[29].

Схожими с предыдущей работой являются картины «Шоссе д'Антен (Путешествия, пальто)» (1962) и «Улица Монмартр» (1962). Жан Дюбюффе вновь изображает культурный ландшафт Парижа, буквально захваченный идеями потребления. В работах мы можем видеть искаженные силуэты, использование дисгармоничных цветовых сочетаний. Часть персонажей нарисована стоящими на тротуаре, часть – на фоне другого пространства, «встроенными» в фасад зданий, поэтому эти силуэты воспринимаются как манекены, выставленные в витринах магазинов вдоль улицы. Как обычно, Дюбюффе специально искажает пространство города и тела людей – освобождая их от канонов тела, телесности, моды и т.д.: «Результатом является запутанный панорамный эффект города, в котором люди, машины, надписи, все это составляет дикий плоский узор - напоминающий пазл»[30].

Исследуя искусство Дюбюффе 1940-х–1960-х, можно отметить, что темы, сюжеты, техники произведений перекликаются с основными теоретическими тезисами «Антикультурных позиций». Дюбюффе нравилась идея о том, что в искусстве можно задействовать любые материалы. Даже при работе с таким классическим для живописи материалом как масло, Дюбюффе трансформировал состав и текстуру масляной краски, добавляя в нее примеси песка, клея, и других дополнительных материалов. В некоторых его работах можно увидеть использование дегтя, гравия, известняка, штукатурки, асфальта или грязи.

Многие произведения Дюбюффе подвергались критике не только за игнорирование привычных принципов изобразительного искусства, но и за то, что его искусство не поддается осмыслению с точки зрения конвенциональных норм о красоте и эстетике. Его искусство не является нормативным (в понимании М. Фуко), не следует конвенциональным тенденциям. Дюбюффе отвергает классическое для западной культуры понимание эстетической категории прекрасного, выдвигая на передний план саму идею и смысл произведения: «Я хочу поговорить о понятии красоты, принятом в западной культуре. Начну с того, чем мое представление отличается от общепринятого. Последнее утверждает, что существуют красивые и некрасивые предметы, красивые и некрасивые люди, красивые и некрасивые места и так далее. Я убежден, что красота не существует нигде. Я категорически отказываюсь соглашаться с мыслью о том, что существуют уродливые люди или вещи. Для меня эта идея удушающая и отвратительная. <...> Западный человек называет дикарем того, кто не понимает, что существуют красивые и уродливые вещи, и кому вообще нет до этого дела. Удивительно, что на протяжении веков, и сейчас — даже больше, чем когда-либо — западные люди продолжают спорить, что именно является красивым, а что нет. Все

[29] Da Costa 2006: 73
[30] Selz 1962: 160

убеждены, что красота безусловно существует, но при этом невозможно найти двух человек, которые бы согласились в оценке того, какие объекты ею обладают. Из века в век эти представления меняются. Западная культура в каждом новом веке называет красивым то, что в предыдущем считалось уродливым»[31].

Отказавшись от классического понимания красоты, Дюбюффе размышляет о том, что ждет искусство в своем развитии, он приходит к выводу, что живопись не должна нести сугубо эстетическое функцию, ее задача в том числе, нести в себе смыслы, быть медиумом в процессе коммуникации между людьми: «Тогда искусство вернётся к своей подлинной функции, гораздо более значимой, чем простое создание форм и цветов, приятных для так называемого удовольствия глаз. Я не нахожу этой функции – расставлять цвета в приятных композициях – чем-то особенно возвышенным. Если бы живопись была только этим, я бы не потратил на нее ни единого часа своей жизни. Искусство обращается к разуму, а не к глазам. Так его всегда воспринимали примитивные народы, и они правы. Искусство – это язык, инструмент познания, инструмент выражения. Живопись – это язык гораздо более непосредственный, но в то же время гораздо более насыщенный смыслом. Она действует через знаки, которые не являются абстрактными и бестелесными, как слова. Напротив, знаки живописи гораздо ближе к самим предметам. Более того, живопись использует материалы, которые сами по себе являются живыми субстанциями. Именно поэтому живопись позволяет проникнуть в суть вещей гораздо глубже, чем слова»[32].

Таким образом, понятие и искусство ар брюта зарождается и концептуализируется на основе идей «Антикультурных позиций» и видении мира Дюбюффе. Он отказывается от классических методов создания произведений искусства, говоря о том, что они больше не отражают актуальное состояние мира после завершения Второй мировой войны. Дюбюффе акцентирует идейный уровень искусства, отвергая устоявшиеся эстетические категории, такие как прекрасное и безобразное. Для ар брюта не существует единого общепринятого художественного языка, традиционные изобразительные законы могут быть отвергнуты автором, однако это не должно нести за собой критику данного произведения и художественного мастерства. Отныне искусство не обязано вписываться в институциональную рамку, потому что в основе каждого произведения должна лежать идея – но не истина, которая известна и доступна всем, а та мысль, которая находится на периферии сознания художника, пусть возможно, она и не является нормативной и стереотипной для того или иного периода культуры. Художественные произведения Дюбюффе подтверждают его теоретические изыскания, изложенные в «Антикультурных позициях» – они далеки от конвенционального искусства, в них перемешиваются стремление к заимствованиям из искус-

[31] Dubuffet 2019: 53
[32] Dubuffet 2019: 54-55

ства первобытного периода, а также новаторские способы создания произведений. Он полностью отходит от рацио, ставя на первый план не стремление показать степень владения художественной техникой или тяготение основных персонажей к изобразительному идеалу определенного периода, а трансляцию непосредственно идеи. На протяжении многих лет Дюбюффе коллекционирует, а затем и экспонирует произведения художников, которые оказались на периферии художественного истеблишмента – без художественного образования, или в силу изоляции от общества (например, по причинам, связанным с психическими расстройствами). Жан Дюбюффе подчеркивает, что, изучая творчество таких людей, мы раздвигаем границы понимания, что такое нормативное искусство – каким оно должно быть, и постигаем абсолютно иное видение, которое лежит в понимании границ Другого.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Авдеева В.В. Психологический подход в изучении наивного искусства: практика ар брюта // Человек и культура. 2021. 1. С. 16–25. [Avdeeva V.V. Psikhologicheskii podkhod v izuchenii naivnogo iskusstva: praktika ar bryuta (A Psychological Approach to the Study of Naive Art: the Practice of Art Brut) // Man and culture. 2021. 3. P. 16–25.]

Богемская К.Г. Жан Дюбюффе. Понять примитив. Самодеятельное, наивное и аутсайдеровское искусство в XX веке. СПб: Алетейя, 2001. 185 с. [Bogemskaya K.G. Zhan Dyubyuffe. Ponyat' primitiv. Samodeyatel'noe, naivnoe i autsaiderovskoe iskusstvo v XX veke (Understand the Primitive. Amateur, Naive and Outsider Art in the Twentieth Century) Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2001. 185 s.]

Блохина К.Г. Понятие живописного языка в теории и практике Жана Дюбюффе // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. 6. С. 635-641 [Blokhina K.G. Ponyatie zhivopisnogo yazyka v teorii i praktike Zhana Dyubyuffe (The concept of pictorial language in theory and practice by Jean Dubuffet) // Actual Problems of Theory and History of Art. 2016. 6. P. 635–641.]

Суворова А. А. Деятельность Жана Дюбюффе и дискурс ар брюта // Вестник РГГУ. Серия: философия, социология, искусствоведение. 2019. 3(17). С. 118–130 [Suvorova A.A. Deyatel'nost' ZHana Dyubyuffe i diskurs ar bryuta (The Work of Jean Dubuffet and the Discourse of Art Brut) // Vestnik RGGU. Seriya: filosofiya, sociologiya, iskusstvovedenie. 2019. 3(17). P. 118–130]

Хун Сук Л. Экзистенциальные вопросы во французском послевоенном искусстве: Вторая мировая война как культурная травма // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8: История. 2017. 3. С. 81–93. [Hun Suk L. Ekzistencial'nye voprosy vo francuzskom poslevoennom iskusstve: Vtoraya mirovaya vojna kak kul'turnaya travma (Existential Issues in French Post-war Art: The Second World War as a Cultural Trauma) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2017. №3. P. 81–93]

Alloway L. Jean Dubuffet, 1961-66. New York: The Solomon R. Guggenheim Museum, 1966.

Da Costa V., Hergott F. Jean Dubuffet: Works/Writings/Interviews. Barcelona: Ed. Poligrafa Publ., 2006.

Douglas C. Precious and Splendid Fossils // Beyond Reason: Art and Psychosis. Works from the Prinzhorn Collection. California: University of California Press, 1996. P. 35–47.

Dubuffet J. Anticultural Position // Rawvision. 100. 2019. P. 50–55.

Dubuffet J. Prospectus et tous écrits suivants. Vol. 1. France: Gallimard Press, 1967.

Hallman J. The Shock of the Crazed: The hidden world of art brut // The Baffler. 2016. 32. P. 122-132.

Jean H. Duffy Dubuffet Plays Hide-and-Seek: Lineage, Reflexivity, and Perception in "Coucou Bazar" // The Art Bulletin. 2016. 98, 2, P. 237-260.

Lippard L. Ernst and Dubuffet: A Study in like and unlike // Art Journal. 1962. 21, P. 240-245.

Minturn K. Dubuffet, Levi-Strauss, and the Idea of Art Brut // RES: Anthropology and Aesthetics. 2004. 46, P. 247-258.

Ragon M. Dubuffet. New York: Grove Press. 1959.

Rattner R. “Hard Hit and Setting Snares” by Jean Dubuffet // Bulletin of the Detroit Institute of Arts. 1973. 52 (2/3). P. 76–82.
Rowell M. Jean Dubuffet: An Art on the Margins of Culture // Jean Dubuffer: A Retrospective. New York: The Solomon R. Guggenheim Foundation, 1973.
Selz P. Jean Dubuffet: The Recent Work // Dubuffet. N.Y.: The Museum of Modern Art. 1962.
Thevoz M., Wittman L.H. Dubuffet: The Nutcracker // Yale French Studies. 1994. 84, P. 198-221.
Wojcik D. Outsider Art, Vernacular Traditions, Trauma, and Creativity // Western Folklore, 2008. 67, 2/3, P. 179–198.

Подледнов Денис Дмитриевич, *старший преподаватель, Департамент медиа, НИУ «Высшая школа экономики»; denis.podliodnov@gmail.com*

Казанцева Елена Дмитриевна, *преподаватель, Департамент медиа, НИУ «Высшая школа экономики»; helenakazantseva@mail.ru*

Jean Dubuffet's “Anti-cultural Positions” and the Formation Ideas of Art Brute

The article attempts to study the process of art brut’s ideas formation and conceptualization of this concept by French artist and art theorist Jean Dubuffet. The authors of the article, based on the theoretical foundations set out in the text “Anti-cultural positions”, identify the key points of disagreement. Dubuffet with the cultural values of his contemporary society in the period after the end of the Second World War. The ideological basis of the work of J. Dubuffet's idea is that the world as a whole, as well as culture and art in particular, must completely change and reset after the end of World War II, since it was the outdated values, ideals, foundations and norms established in a society that aspired to rationality that led to the great humanistic and social catastrophes of the mid-twentieth century. Thus, J. Dubuffet sees as his goal to move away from any rational perception and rational representation of objective existing reality, turning to the mental space: the subjectivity of the artist's vision, his unconscious and subconscious beginnings, aesthetics and artistic techniques of primitive art, which J. Dubuffet extols in comparison with Western culture. According to J. Dubuffet, classical art is no longer able to reflect the actual picture of the world, as it is increasingly moving away from everyday life, losing its sincerity and ceasing to be a means of expressing genuine ideas and feelings. The article examines the artist's works: “Arab Rose” (1948), “Savonarola” (1954), “Hotel du Cantal” (1961), “Highway d’Antin (Travel, Coats)” (1962) and “Montmartre Street” (1962). Stylistic analysis of paintings and sculptures by J. Dubuffet demonstrates the practical implementation of his conceptual ideas described in the “Anti-Cultural positions”. The artist creates his own visual language inspired by the stylistics of children's drawings, primitive art and the work of artists with mental disorders. According to Dubuffet, it is the works created in line with Art Brut’s concept that will restore art to its key functions – to convey ideas, “appeal to the mind, not the eyes”, and serve as a medium of communication, a tool of cognition and expression.

Keywords: *Ideas of Art Brut, Paintings by Jean Dubuffet, The Art of the 20th Century, Art Brut, Anti-Cultural Positions, Outsiders Art.*

Denis D. Podlednov*, Lecturer, Department of Media Studies, HSE University; denis.podliodnov@gmail.com*

Elena D. Kazantseva, *Lecturer, Department of Media Studies, HSE University; helenakazantseva@mail.ru*

О.Э. Терехов, О.Н. Терехова

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ТОМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются возникновение и эволюция томской историографической школы. Авторы отмечают влияние школы на развитие историографии и методологии всеобщей и отечественной истории. Дается характеристика основных этапов эволюции школы, определяются главные научные тенденции на различных этапах ее существования, анализируется предметно-проблемное поле ее исследований в области историографии и методологии всеобщей истории. Подчеркивается роль Б.Г. Могильницкого в научном и институциональном становлении и развитии школы. Авторы отмечают существенный вклад томской школы в изучение историографии и методологии истории, как на советском, так и на российском этапе ее развития. Создавая обобщающие исследования по истории исторической мысли, представители школы рассмотрели ключевые проблемы: основные направления и школы в западной и отечественной исторической науке, теоретико-методологические вопросы исторической науки, категории исторического познания, проблему социальной функции и ответственности исторической науки и историка и другие.

Ключевые слова: *Томская историографическая школа, методология истории, категории исторического познания, историография.*

Проблема традиции, преемственности и инноваций стала особенно актуальной для отечественной исторической науки на рубеже XX–XXI вв. Российская историческая наука стремилась вобрать в себя все интеллектуальное разнообразие богатого историко-теоретического опыта XX столетия. В связи с этим стала актуальной проблема синтеза и трансформации характерных черт отечественной исторической мысли и науки в целом, о чем в свое время говорил интеллектуальный лидер томской историографической школы Б.Г. Могильницкий[1].

История томской школы историографии и методологии истории – пример подобного синтеза и трансформации научного опыта отечественной исторической науки. Сформировавшаяся в 1960-х гг. в Томском университете при деятельном участии известного советского историка–медиевиста и ректора А.И. Данилова (1916–1980), школа прошла эволюцию, характерную для отечественной исторической науки: от изучения «буржуазной» исторической науки и исторической мысли с позиций советского марксизма до междисциплинарного исторического синтеза и методологического плюрализма современности. Авторы под понятием «томская историографическая школа» подразумевают группу исследователей, организационным ядром которой стала кафедра истории древнего мира, средних веков и методологии истории во главе с Б.Г. Могильницким (1929–2014) с 1967 по 2009 гг. Сотрудники кафедры занимались исследованием историографических и методологических вопросов западной и отечественной исторической науки. Данилов дал первоначальный толчок развитию школы, а ее институциональное и организационное становление произошло уже в 1970–1980-х гг. и продолжило свое

[1] Могильницкий 2007.

развитие в постсоветский период под непосредственным руководством Могильницкого, сполна воплотившего идеи своего учителя в жизнь.

Как на советском, так и российском этапе своего развития школа сохраняла высокий уровень научно-теоретической аналитики. Это делает труды исследователей школы, созданные даже в эпоху господства советского марксизма, востребованными до настоящего времени. Такой уровень стал возможен потому, что в период формирования школы ее создатель Данилов изначально ставил перед своими учениками высокую планку при решении научно-теоретических задач. Об этом неоднократно вспоминал Могильницкий[2]. Другой характерной чертой томской школы был акцент на исследовании зарубежной историографии и методологии исторической науки, что стало ее фирменным научным знаком. Оценивая роль томской школы в развитии историографии и методологии всеобщей истории в советский период, нельзя не согласиться с мнением двух ее известных представителей Н.В. Трубниковой и В.М. Мучника, которые писали, что «изучение зарубежной немарксистской историографии, чему на протяжении многих лет посвящали представители школы свои штудии, несомненно, решало в советские годы задачу, вполне актуальную в научном смысле – пробивало окошко в идеологической стене, ограждавшей советскую историографию от окружающего научного мира». Ту же задачу выполняло обращение к интеллектуальному наследию русской дореволюционной исторической науки. А.И. Данилов и Б.Г. Могильницкий «были искренне убеждены в возможности обогатить марксистскую методологию» опытом немарксистской исторической науки[3]. На постсоветском этапе школа рассматривала данную проблематику с позиций теоретико-методологического плюрализма. Говоря о главной интенции научного метода томской школы – объективации исторического знания, нельзя не согласиться с В.В. Согриным, который писал, что школе удалось исследовать разные стороны мирового историографического процесса, что сделало ее одной из самых сильных, если не самой сильной в современной российской историографии[4].

Институциональным атрибутом томской историографической школы стало издание известного сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (МИВИН), с 1963 по 2007 гг. Под редакцией А.И. Данилова, Б.Г. Могильницкого, Н.С. Черкасова, В.В. Иванова, Н.И. Смоленского, В.М. Мучника, В.С. Гурьева, С.Г. Ким, И.Ю. Николаевой вышло 28 выпусков. Сборник стал площадкой не только для представителей томской школы, но приобрел статус одного из главных печатных изданий по историографии и методологии всеобщей истории в отечественной исторической науке. В нем печатались известные отечественные специалисты: Б.Г. Могильницкий, Н.И. Смоленский, И.И. Шарифжанов, П.Ю. Рахшмир, А.И. Патрушев, И.Ю. Николаева, Л.П. Репина, Г.П. Мягков, Е.Б. Рашковский и др. Характер-

[2] Могильницкий 1984; 1999; 2003; 2006; 2007; Могильницкий, Смоленский 2001.
[3] Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период…: 205.
[4] Согрин 2009: 100.

ной чертой эволюции редакционной политики МИВИНа стало то, что в. в последних выпусках авторами многих статей являются представители уже российского этапа развития школы: С.Г. Ким, Н.В. Трубникова, А.В. Бочаров, Л.А. Гаман, О.В. Хазанов, Н.А. Сайнаков и др. Они, исходя из научных запросов времени, расширили предметное поле её исследований. Все поколения школы внесли свой вклад в развитие МИВИНа.

Проблема поколений исследователей, составивших разнообразный научный облик томской историографической школы, выводит нас на вопрос её периодизации. Могильницкий называл представителей школы, начавших активную научную деятельность в 1980–1990-е гг., третьим поколением и «научными внуками» А.И. Данилова, которые вывели школу на новый уровень теоретико-методологического осмысления историографических и методологических проблем[5]. Ее эволюция включает в себя два этапа – советский и современный российский. Советский этап можно разделить на два периода. Первый период (1960-е гг.) – становление школы под непосредственным лидерством Данилова. Второй период (1970–1980–е гг.) – начало активного развития школы под руководством и влиянием Могильницкого, который оставался ее интеллектуальным лидером до своей смерти в 2014 г. На российском этапе в 1990-е гг. происходит переход от марксистской методологии к междисциплинарным методам исследования, и главное, поиск новых предметных областей изучения и ее кардинальная трансформация, когда в полном объеме проявились ее теоретико-методологические и тематически-проблемные новации. К настоящему времени история школы получила определенное отражение в историографии. Во-первых, это статьи Могильницкого, в которых он подробно анализирует становление школы. Во-вторых, тексты Л.Н. Хмылева, И.Ю. Николаевой, Г.П. Мягкова и Е.А. Чиглинцева, А.В. Бочарова, Н.В. Трубниковой, Е.С. Кирсановой посвященные Б.Г. Могильницкому, в которых авторы раскрывают различные стороны его научного наследия[6]. В-третьих, публикации, затрагивающие историю школы в целом[7]. В этой связи необходимо отметить параграф о развитии историографии и методологии истории в коллективной монографии об исторических исследованиях в ТГУ с 1991 по 2017 г., написанный Н.В. Трубниковой и В.М. Мучником[8].

В данной статье на основе авторской периодизации истории школы рассматриваются основные тенденции ее развития и вклад в отечественную историческую науку.

Возникновение в 1960-х гг., под влиянием А.И. Данилова, томской школы по историографии и методологии всеобщей и отечественной истории, объединившей молодых ученых и аспирантов не только Томского университета, не было одномоментным актом. Ее истоки уходят в ко-

[5] Могильницкий 1999: 131.
[6] Хмылев, Николаева 1999; Николаева 2009; Мягков, Чиглинцев 2014; Бочаров, Трубникова 2019; Кирсанова 2020.
[7] Хаминов 2011; Рамазанов, Кирсанова 2019; Ивонин, Ивонина 2021.
[8] Исторические исследования в Томском университете… 204–221.

нец 1940-х гг., когда Данилов начал свою педагогическую и научную деятельность в Томском университете. После защиты докторской диссертации и кратковременного пребывания в Казанском университете, он был в 1961 г. назначен на должность ректора ТГУ. К этому времени в ТГУ уже работал его первый аспирант Могильницкий[9]. Поскольку в центре научных интересов Данилова находилась немецкая историография западноевропейского феодализма и методология истории, направленность научных изысканий его учеников естественным образом была, в какой-то мере, предопределена. Изначально предметом исследования томской школы стал широкий спектр проблем по историографии всеобщей истории и методологии исторической науки.

В фокусе внимания томских историков оказались проблемы теоретико-методологических основ немарксистской историографии XIX–XX вв. Данная установка исходила от Данилова, который считал, что предметом историографии должна быть не просто историография какой-либо проблемы, а рассмотрение методологических основ концепций, освещающих эту проблему. Такой методологический подход к историографическому исследованию выводил историка на более широкое предметно-проблемное поле исторической мысли во всей ее полноте и целостности. Именно этот подход к историографии, как истории исторической мысли, будут в дальнейшем развивать Могильницкий, его ученики и последователи. Этот подход стал отличительной чертой томской историографической школы, сделав ее оригинальным научным направлением в советской и российской исторической науке.

Важным этапом в развитии школы стали защита в 1967 г. докторской диссертации Б.Г. Могильницкого и выход на ее основе монографии[10]. Этот труд, безусловно, несет на себе идеологический отпечаток времени, но важно отметить, что Могильницкий изначально не замыкался в догматике советского исторического материализма, а был нацелен на расширение границ марксистского понимания истории. Уже во введении Могильницкий формулирует одну из главных проблем, которой он будет заниматься в последующие годы – проблему связи истории как науки с современностью. Могильницкий утверждал, что «всякая общественная наука должна быть современна в высоком смысле этого слова»[11]. Интерес Могильницкого к истории русской либеральной медиевистики пореформенного времени был обусловлен, по его словам, тем, что созданная ее представителями концепция западноевропейского феодализма обогатила мировую историческую мысль[12]. Русская либеральная историческая мысль, по мнению автора, обращаясь к проблемам западноевропейского феодализма, пыталась актуализировать политические запросы пореформенной России: «история должна была доказать неотвратимость торжества буржуазных порядков в России, и вместе с

[9] Могильницкий 1958.
[10] Могильницкий 1969.
[11] Там же: 3.
[12] Там же: 5–6.

тем идеологи русского либерализма стремились с ее помощью обосновать политическую дряблость своего класса, его неспособность и нежелание решительной борьбы с самодержавием»[13]. В плане методологии исследования русской либеральной медиевистики Могильницкий, как верно отметила Е.С. Кирсанова, синтезирует три подхода: структурный: генетический и функциональный[14]. Помимо вопроса связи исторической науки и современности, в ходе своего исследования он поднимает проблемы, которые напрямую выводят его на теорию исторического познания и которые он будет развивать дальше в своем научном творчестве: предмет исторической науки, объективность и субъективность исторического познания, историческая закономерность и др.

На рубеже 1960–1970-х гг. томская школа вступает во второй период советского этапа своего развития. Кафедра истории древнего мира, средних веков и методологии истории, заведующим которой в 1967 г. стал Могильницкий, превращается в институционально-организационное ядро школы. В 1970-е гг. оформляются три проблемно-тематических направления: методологические и историографические концепции русской дореволюционной историографии (Л.Н. Хмылев, А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов и др.), теоретико-методологические основы концепций, по определению Могильницкого[15], классического немецкого историзма (А.Я. Воробьев, В.С. Гурьев, Е.И. Кириленко, Н.С. Кречетова) и британская историография (А.Н. Ящук, Г.К. Гульбин, А.М. Нейман и др.).

В 1970-х гг. значительное место в научных интересах Могильницкого занимали вопросы методологии истории. Итогом стала известная монография 1978 г.[16], в которой было продолжено развитие идей, изложенных в его докторской диссертации. Уже по структуре книги можно понять, какие вопросы в первую очередь волновали автора: предмет истории как науки, объективность исторического знания, история и современность, социальные функции исторической науки. С одной стороны, Могильницкий утверждает, что интерес к теоретико-методологическим проблемам в работе историков означает возросшую зрелость исторической науки, а всестороннее исследование проблем исторического познания является ее важнейшей задачей. С другой стороны, он отмечает, что важность изучения теоретико-методологических проблем исторического познания вызвана их социальной обусловленностью[17].

В 1980-е гг. эволюция томской историографической школы характеризовалась продолжением исследования традиционных для нее предметных областей и, одновременно, их расширением в направлении изучения междисциплинарных методов в истории, исторической культурологии и антропологического поворота в истории. В данном контексте следует отметить работы И.Ю. Николаевой и В.М. Мучника, которые

[13] Там же: 400.
[14] Кирсанова: 124.
[15] Могильницкий 1984: 66.
[16] Могильницкий 1978.
[17] Там же: 3.

обратили внимание на развитие американской «психоистории». Результатом стала коллективная монография 1985 г.[18], авторы которой в духе эпохи видят главную задачу критики «буржуазной историографии» в анализе ее новейших тенденций в условиях ее кризиса[19], к которым они относят «психоисторию», использующую для изучения истории методы психоанализа. Авторы отмечают, что их интерес к «психоистории» обусловлен тем, что она находится в центре современной американской исторической науки, и, прежде всего, такой ее важной части как социальная история[20]. Факт положительного влияния психоанализа на изучение истории признается, но с оговоркой, что эти методы будут дополнены историческими, и при их применении будут учитываться конкретные исторические условия[21]. В дальнейшем методологические элементы «психоистории» стали одной из составных частей концепции полидисциплинарного методологического синтеза И.Ю. Николаевой.

Кандидатская диссертация и монография В.М. Мучника посвящена малоисследованной в советской исторической науке проблеме – изучению научного наследия А.Дж. Тойнби. Используя биографический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический методы, Мучник анализирует генезис и эволюцию исторических взглядов автора «Постижения истории». Исследования Тойнби, по мнению Мучника, стали важнейшей вехой в развитии современного «буржуазного историзма», а его оригинальная теоретико-методологическая и эмпирическая концепция истории, несмотря на все ее противоречия, «обеспечит заинтересованное внимание еще не одного поколения историков»[22].

В завершении десятилетия выходит учебное пособие Могильницкого по методологии для студентов ВУЗов[23]. Пособие несет на себе отпечаток времени: Могильницкий апеллирует к методам материалистического понимания истории, но при этом призывает не забывать о богатстве опыта мировой исторической науки. Историк–марксист должен уметь, по его убеждению, применять марксистско-ленинскую методологию к анализу исторической действительности.

На рубеже 1980-х и 1990-х гг. начинается эволюция томской школы в направлении изучения новейших тенденций западной исторической науки и перехода к плюралистическому и междисциплинарному пониманию историографического процесса, что проявилось в статьях И.Ю. Николаевой[24], В.М. Мучника[25], С.Г. Ким[26]. Интеллектуальный и исследовательский скачок (не побоимся этого слова) томской школы на

[18] Могильницкий, Николаева, Гульбин 1985.
[19] Там же: 3.
[20] Там же: 7–8.
[21] Там же: 266–267.
[22] Мучник 1986: 187.
[23] Могильницкий 1989. Рекомендовано по специальности «История» Министерством высшего и среднего специального образования СССР.
[24] Николаева 1990.
[25] Мучник 1990.
[26] Ким 1990.

новый уровень анализа методологии и историографии как предметных областей исторической науки был подготовлен всем ходом ее предшествующего развития, о чем справедливо писал Могильницкий[27].

Данное обстоятельство обусловило научные искания и тематику школы уже в постсоветский период. 1990–2000-е гг. стали временем ее расцвета. Расширилась предметная область исследования: историческая культурология, историческая антропология, интеллектуальная история, гендерная история, микро- и макроистория, исторические взгляды русских религиозных философов. В это время выходят ряд концептуальных трудов представителей школы, а она сама становится одним из интеллектуальных и научных центров российской исторической науки.

Постсоветский период развития томской школы открывает монография «К новому пониманию человека в истории». Основная задача книги, которую ставили перед собой ее авторы (Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, В.М. Мучник, И.Ю. Гурьева, Г.К. Гульбин, С.Г. Ким), заключалась в том, чтобы рассмотреть какой «вклад в гуманитаризацию исторического знания внесла современная западная научная мысль»[28]. Актуальность исследовательского ракурса основывалась на тенденции нового этапа в развитии исторической мысли Запада, в центре которого стояла проблема «человека в истории», или антропологический поворот в истории. По мнению авторов, поворот западной исторической науки к созданию нового образа человека в истории и ее дальнейшей гуманитаризации является закономерным итогом развития западной историко-теоретической мысли XX века. Этот процесс трактуется авторами монографии как «историографическая революция»[29]. Ее наиболее характерной чертой стала культурантропологизация исторической науки и исторического познания[30]. Понятие «историографическая революция» становится одним из ключевых в работах представителей томской школы в ее российский период развития для характеристики современного состояния исторической науки, особенно в трудах Могильницкого.

В 1990-е гг. начинается становление нового поколения школы, которое в своих научных поисках руководствовалось принципами методологического плюрализма и междисциплинарного анализа. Изменяется и научный облик МИВИНа, отдельные номера которого специально выделяли под тексты кафедральной молодежи. В статьях Н.В. Трубниковой, Т.И. Зайцевой, А.В. Бочарова, О.В. Хазанова, Л.А. Гаман отразилась динамика предметной и теоретико-методологической эволюции школы.

В работах Могильницкого последнего десятилетия XX в., в условиях «смены вех» российской исторической науки, вновь поднимаются проблемы методологии исторического исследования, исторической закономерности, альтернатив исторического развития. К концу десятиле-

[27] Могильницкий 1999: 131.
[28] К новому пониманию человека в истории 1994: 3.
[29] Данное понятие было введено в отечественную историческую науку М.А. Баргом, и этот историографический факт высоко оценивается в книге.
[30] Там же: 44–45.

тия теоретико-методологическая рефлексия Могильницкого фокусируется на проблеме соотношения исторической науки, исторического сознания и общественного сознания, поскольку «место, занимаемое историей в этом ряду, определяет – ее роль в современном мире»[31]. Проблеме взаимосвязи и взаимообусловленности исторической науки и исторического сознания была посвящена коллективная монография 2000 г.[32] Во введении Могильницкий ставит вопрос о социальной значимости исторической науки и фиксирует «бьющее в глаза противоречие между необычайно возросшим познавательным потенциалом исторической науки и резким падением ее социального статуса»[33] в ситуации ее кризиса. Несмотря на то, что к концу XX в. историческая наука, по его мнению, перестала быть наставницей жизни, ее значение велико, ибо она формирует и фиксирует историческую память, которая, в свою очередь, через свои социокультурные паттерны воздействует на историческое и общественное сознание. Именно в триединстве исторической науки, исторического сознания и общественного сознания Могильницкий видел актуальность истории. Он писал, что «на рубеже нового тысячелетия вырисовывается поставленная еще Февром задача активного воздействия исторической науки на сознание общества»[34]. В этом заключается, по его словам, полезность истории. Взаимоотношения между тремя указанными составляющими исторического мировоззрения актуализируют одну из центральных проблем в научном наследии Могильницкого – проблему социальной ответственности и социального статуса профессиональной историографии. Могильницкий размышлял над возможностями разработки в исследовательском ракурсе проблемы: историческая наука – историческая память – историческое сознание – общественное сознание.

Первое десятилетие XXI века ознаменовалось рядом крупных научных достижений томской историографической школы. В 2000-е гг. вышло трехтомное учебное пособие Могильницкого по истории исторической мысли XX в.[35], которое включило в себя лекционные курсы, читавшиеся автором на протяжении многих лет и новые авторские размышления в период написания трехтомника. В его основе – проблема, волновавшая Могильницкого с 1990-х гг., а именно: соотношения роли исторической науки и современности, взаимосвязи исторического познания и общественного сознания, социальной роли и ответственности историка, его социального и профессионального статуса. В итоге он противопоставляет понятия «история исторической мысли» и «история науки». Согласно Могильницкому, история исторической мысли не предполагает изучение систематического накопления исторических знаний, это, как раз, прерогатива истории науки, которая «…выясняет общие закономерности развития исторического познания как особой фор-

[31] Могильницкий 1999: 16.
[32] Историческая наука и историческое сознание 2000.
[33] Там же: 3.
[34] Там же: 27.
[35] Могильницкий 2001; 2003; 2008.

мы социальной активности человека. Это – история взаимоотношений исторической науки и современности»[36]. В контексте смены научных парадигм и анализа творчества ведущих представителей исторической мысли Могильницкий выстраивает структуру пособия: каждый его том посвящен рассмотрению той или иной парадигмы: выпуск первый – кризис историзма, выпуск второй – становление «новой исторической науки», выпуск третий – историографическая революция.

Важным достижением школы стала разработка И.Ю. Николаевой методологии полидисциплинарного синтеза и верификации полученных при ее помощи данных в качестве методики, позволяющей соединить возможности макро- и микроистории, в частности в области истории ментальности. Данная концепция Николаевой была апробирована в докторской диссертации и монографии, написанной на ее основе[37]. Концепция полидисциплинарного синтеза, созданная на основе ряда методологий изучения бессознательного, ставила в центр исторического исследования человека, прежде всего его личности «как сложной психологической и интеллектуальной структуры, опосредованной и опосредующей всю систему социокультурных горизонтальных и вертикальных связей»[38]. Именно личность, как сложная многоуровневая структура, согласно точки зрения И.Ю. Николаевой, должна стать базисным компонентом междисциплинарной методологии, который выведет исследователя к пониманию логики исторической причинности. В свою очередь такой подход дает возможность анализа человека «как базисного компонента сложных структурных систем»[39].

В 2002 г. вышла монография С.Г. Ким о развитии исторической антропологии в современной немецкой исторической науке, ставшая впоследствии основой ее докторской диссертации[40]. Интерес автора к данной проблематике обусловлен тем, что в современном гуманитарном знании в условиях междисциплинарной методологической революции, антропология соединила в себе многие предметные области, в т.ч. историческую антропологию, которая на пути междисциплинарного синтеза стремится соединить тело и душу человека в истории. Особенность развития исторической антропологии в Германии заключается в традиции теоретико-методологической рефлексии немецких гуманитариев, исходя из которой, по словам автора, «представляется уместным конкретизировать результаты усилий немецких учёных осмыслить проект исторической антропологии и её познавательных стратегий»[41].

В 2007 г. Н.В. Трубниковой была защищена докторская диссертация, посвященная французской исторической школе «Анналов»[42]. Автор, опираясь на методологические принципы интеллектуальной исто-

[36] Там же: 4.
[37] Николаева 2005; 2006.
[38] Николаева 2005: 28.
[39] Там же: 29.
[40] Ким 2002.
[41] Там же: 3–11.
[42] Трубникова 2007.

рии и социологии науки, рассмотрела становление и эволюцию школы «Анналов» не «изнутри», с точки зрения рефлексии ее представителей, а «снаружи» в общем контексте развития французской исторической науки конца XIX – начала XXI в. Трубникова констатирует, что историческое движение «Анналов» (терминология автора) является закономерным итогом и, одновременно, эволюцией «французского сообщества, исторической науки и гуманитарного знания в целом»[43]. Последующие работы Трубниковой показали, что традиции томской историографии и методологии всеобщей истории сохраняются и продолжают развиваться. В фокусе ее научных интересов – дальнейшее исследование наследия и опыта «Анналов»[44] и концептуализация основных тенденций современной западной историографии 1990–2000-х гг., исследование исторической памяти и социальной функции историка в современном обществе, эпистемологии, теории и методологии исторического познания и междисциплинарного синтеза. Отдельной темой ее работ стали проблемы современного зарубежного исторического россиеведения[45].

За несколько десятков лет существования томской историографической школы она прошла длительный и насыщенный научный путь. Возникнув, как школа историков-марксистов, стремившихся к подробному и непредвзятому изучению западной историографии, она со временем трансформировалась в попытку синтеза лучших традиций советской исторической науки и западной исторической мысли. Это делало ее оригинальным и узнаваемым научным феноменом в исследовательском поле советской историографии и методологии всеобщей истории. Следует также отметить широкий круг научных связей школы, ее прямое или косвенное влияние на разные поколения исследователей историографии и методологии всеобщей и отечественной истории. В условиях теоретико-методологического разнообразия современной российской историографии томская школа продемонстрировала новые возможности расширения предметной области исследований на основе междисциплинарного анализа. Научные достижения школы являются важным вкладом в отечественную историческую науку.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бочаров А.В., Трубникова Н.В. Борис Георгиевич Могильницкий: неустанный путь сквозь перипетии «историографического континуума» (к 90-летию со дня рождения) // Новое прошлое – The New Past. 2019. № 2. С. 252–263 [Bocharov A.V., Trubnikova N.V. Boris Georgievich Mogil'nitskii: neustannyi put' skvoz' peripetii «istoriograficheskogo kontinuuma» (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya) (Boris Georgievich Mogilnitsky: a tireless path through the vicissitudes of the «historiographic continuum» (to the 90th anniversary of his birth) // Novoe proshloe – The New Past. 2019. № 2. P. 252–263].

Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Уроки классики Томской школы историографии и методологии истории // История и современное мировоззрение. 2021. Т.3 № 2. С. 79–87 [Ivonin Yu.P., Ivonina O.I. Uroki klassiki Tomskoi shkoly istoriografii i metodologii istorii (Lessons of the classics from the Tomsk school of historiography and methodology of history) // Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie. 2021. T.3 № 2. P. 79–87].

[43] Там же: 46.
[44] Трубникова 2016.
[45] Трубникова 2013.

Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991–2017 / науч. ред. С.Ф. Фоминых, В.П. Зиновьев. Томск: ИД Томского гос.ун-та, 2017. 280 с. [Istoricheskie issledovaniya v Tomskom universitete v postsovetskii period. 1991–2017. (Historical research at Tomsk University in the post-Soviet period. 1991–2017) / nauch. red. S.F. Fominykh, V.P. Zinov'ev. Tomsk: ID Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017].

Историческая наука и историческое сознание / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, С.Г.Ким, В.М. Мучник, Н.В. Карначук. Томск: Изд-во Том ун-та, 2000. 234 с. [Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie (Historical science and historical consciousness) / B.G. Mogil'nitskii, I.Yu. Nikolaeva, S.G.Kim, V.M. Muchnik, N.V. Karnachuk. Tomsk:: Izd-vo Tom un-ta, 2000].

К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 226 с. [K novomu ponimaniyu cheloveka v istorii: Ocherki razvitiya sovremennoi zapadnoi istoricheskoi mysli (Towards a new understanding of human in history: Studies on the development of modern western historical thought) / Pod red. B.G. Mogil'nitskogo. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1994].

Ким С.Г. К характеристике современных тенденций в западногерманской немарксистской историографии: историческая антропология Т. Ниппердея // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. статей / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий. Выпуск 19. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 115–138 [Kim C.G. K kharakteristike sovremennykh tendentsii v zapadnogermanskoi nemarksistskoi istoriografii: istoricheskaya antropologiya T. Niperdeya (On the characteristics of modern trends in West German non-Marxist historiography: historical anthropology of Th. Nipperdey) // Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki: Sb. statei / Otv. Red. B.G. Mogil'nitskii. Vypusk 19. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1990. P. 115–138].

Ким С.Г. Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 196 с. [Kim S.G. Istoricheskaya antropologiya v Germanii: metodologicheskie iskaniya i istoriograficheskaya praktika (Historical anthropology in Germany: methodological search and historiographic practice) Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002].

Кирсанова Е.С. Вклад Б.Г. Могильницкого в развитие томской историографической школы (К 90-летию Б.Г. Могильницкого) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 122–126 [Kirsanova E.S. Vklad B.G. Mogil'nitskogo v razvitie tomskoi istoriograficheskoi shkoly (K 90-letiyu B.G. Mogil'nitskogo) (B.G. Mogilnitsky's contribution to the development of the Tomsk historiographic school (To the 90th anniversary of B. Mogilnitsky)) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2020. № 64. P. 122–126].

Криницкая Г.С. Еще раз о «новом»» синтезе в исторической науке // Вестник Томского университета. История. 2011. № 3(15). С. 123–128 [Krinitskaya G.S. Eshche raz o «novom»» sinteze v istoricheskoi nauke (The issue of «new» synthesis in historical science revisited) // Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya. 2011. № 3(15). P. 123–128].

Могильницкий Б.Г. Д.М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма. Автореф… дис… канд. ист. наук. Томск, 1958. 14 с. [Mogil'nitskii B.G. D.M. Petrushevskii kak istorik zapadnoevropeiskogo feodalizma. (D.M. Petrushevsky as a historian of Western European feudalism) Avtoref… dis… kand. ist. nauk. Tomsk, 1958].

Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск: Изд-во Томского университета, 1969. 410 с. [Mogil'nitskii B. G. Politicheskie i metodologicheskie idei russkoi libe-ral'noi medievistiki serediny 70-kh godov XIX v. – nachala 900-kh godov. (Political and methodological ideas of Russian liberal medieval studies of the mid-1870s – early 1900s) Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1969].

Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск: Изд-во Томского университета, 1978. 233 с. [Mogil'nitskii B. G. O prirode istoricheskogo poznaniya. (On the nature of historical knowledge.) Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1978. 233 s.].

Могильницкий Б.Г. Изучение методологии истории и историографии всеобщей истории в Томском государственном университете (1957–1982) // Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы / Отв. ред. Р.С. Василевский. Новосибирск: Наука, 1984. С. 63–72 [Mogil'nitskii B.G. Izuchenie metodologii istorii i istoriografii vseobshchei istorii v Tomskom gosudarstvennom universitete (1957–1982) (Study of the methodology of history

and historiography of world history at Tomsk State University (1957–1982) // Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri: itogi i perspektivy / Ot. red. R.S. Vasilevskii. Novosibirsk: Nauka, 1984. P. 63–72].

Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гульбин Г.К. Американская буржуазная «психоистория»: (Критический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 272 с. [Mogil'nitskii B.G., Nikolaeva I.Yu., Gul'bin G.K. Amerikanskaya burzhuaznaya "psikhoistoriya": Kriticheskii ocherk. (American bourgeois "psychohistory": (Critical essay). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1985].

Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории: Учеб. пособ. Для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М.: Высш. шк., 1989. 175 с. [Mogil'nitskii B.G. Vvedenie v metodologiyu istorii: (Introduction to the methodology of history) Ucheb. posob. Dlya stud. vuzov, obuchayushchikhsya po spets. «Istoriya». M.: Vyssh. shk., 1989].

Могильницкий Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А.И. Данилов – создатель томской историографической школы // Вестник Томского университета. 1999. № 268. С. 126–133 [Mogil'nitskii B.G. Iz istorii stanovleniya istoricheskogo obrazovaniya v TGU: A.I. Danilov – sozdatel' tomskoi istoriograficheskoi shkoly (From the history of historical education at TSU: A.I. Danilov– the creator of the Tomsk historiographic school) // Vestnik Tomskogo universiteta. 1999. № 268. P. 126–133].

Могильницкий Б.Г. Историческая наука и историческое сознание на рубеже веков // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции. Т. 1 / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий. Томск; Изд-во ТГУ, 1999. С. 5–17 [Mogil'nitskii B.G. Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie na rubezhe vekov (Historical science and historical consciousness at the turn of the century) // Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov: Materialy Vserossiiskoi konferentsii. Tom. 1 /Otv. red. B.G. Mogil'nitskii. Tomsk; Izd-vo TGU, 1999. P. 5–17].

Могильницкий Б.Г., Смоленский Н.И. Александр Иванович Данилов (1916–1980) // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 175–189 [Mogil'nitskii B.G., Smolenskii N.I. Aleksandr Ivanovich Danilov (1919–1980) // Novaya i noveishaya istoriya. 2001. № 2. P. 175–189].

Могильницкий Б.Г. Становление томской историографической школы // Томск Советский: Мат-лы городской научно-практической конференции Томского регионального отделения Общероссийского общественного объединения «Российские ученые социалистической ориентации» / Под ред. Н.А. Хлыстовой. Томск: Изд-во Института оптики атмосферы СО РАН, 2003. С. 172–183 [Mogil'nitskii B.G. Stanovlenie tomskoi istoriograficheskoi shkoly (Formation of the Tomsk Historiographic School) // Tomsk Sovetskii: Materialy gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Tomskogo regional'nogo otdeleniya Obshcherossiiskgo obshchestvennogo ob"edineniya «Rossiiskie uchenye sotsialisticheskoi orientatsii» / Pod red. N.A. Khlystovoi. Tomsk: Izd-vo Instituta optiki atmosfery SO RAN, 2003. P. 172–183].

Могильницкий Б.Г. Творческий путь А.И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века // Диалог со временем. 2006. Вып. 17. С. 200–223 [Mogil'nitskii B.G. Tvorcheskii put' A.I. Danilova i problema preemstvennosti v razvitii otechestvennoi istoriko-teoreticheskoi mysli XX veka (Creative path of A.I. Danilov and the problem of continuity in the development of Russian historical and theoretical thought of the twentieth century) // Dialog so vremenem. 2006. Vyp. 17. S. 200–223].

Могильницкий Б.Г. У истоков томской историографической школы. А.И. Данилов и проблема преемственности в отечественной историко-теоретической мысли XX века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Сб. статей / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 5–25 [Mogil'nitskii B.G. U istokov tomskoi istoriograficheskoi shkoly. A.I. Danilov i problema preemstvennosti v otechestvennoi istoriko-teoreticheskoi mysli XX veka (At the origins of the Tomsk historiographic school. A.I. Danilov and the problem of continuity in Russian historical and theoretical thought of the twentieth century) // Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki. Sb. statei / Otv. red. B.G. Mogil'nitskii, I.Yu. Nikolaeva. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. P. 5–2].

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века; Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 206 с. [Mogil'nitskii B.G. Istoriya istoricheskoi mysli XX veka; (History of Historical science of the 20th century/ Lecture course. Part I: The crisis of historicism) Kurs lektsii. Vyp. I: Krizis istorizma. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001].

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века; Курс лекций. Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 178 с. [Mogil'nitskii B.G. Istoriya istoricheskoi mysli XX veka; Kurs lektsii. Vyp. II: Stanovlenie «novoi istori-

cheskoi nauki». (History of Historical science of the 20th century; Lecture course. Part II: Formation of the «New Historical Science».) Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003].

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 554 с. [Mogil'nitskii B.G. Istoriya istoricheskoi mysli XX veka: Kurs lektsii. Vyp. III: Istoriograficheskaya revolyutsiya. (History of Historical science of the 20th century; Lecture course. Part III: The historiographical revolution) Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008].

Мучник В. М. В поисках утраченного смысла истории. Генезис и эволюция исторических взглядов А. Дж. Тойнби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 200 с. [Muchnik V. M. V poiskah utrachennogo smysla istorii. Genezis i evolyuciya istoricheskih vzglyadov A. Toynbee (In search of the lost meaning of history. The genesis and evolution of A. Toynbee's historical views). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1986].

Мучник В.М. Об антисциентистских тенденциях в западной историко-теоретической мысли 70–80-х гг. // Методологические и историографические вопросы исторической науки / Отв. Ред. Б.Г. Могильницкий. Выпуск 19. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 33–59 [Muchnik V.M. Ob antistsientistskikh tendentsiyakh v zapadnoi istoriko-teoreticheskoi mysli 70–80-kh gg. (On anti-scientific tendencies in Western historical and theoretical thought of the 1970s–80s) // Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki / Otv. ked. B.G. Mogil'nitskii. Vypusk 19. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1990. P. 33–59].

Мягков Г.П., Чиглинцев Е.А. Б.Г. Могильницкий: «…отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества». Памяти выдающегося ученого // Ученые записки Казанского ун-та. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 283–289 [Myagkov G.P., Chiglintsev E.A. B.G. Mogil'nitskii: «…otyskat' vozmozhnost' dukhovno-nravstvennogo vozrozhdeniya nauki i vsego obshchestva». Pamyati vydayushchegosya uchenogo (...to find an opportunity for the spiritual and moral revival of science and the whole society». In memory of an outstanding scholar) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2014. T. 156. Kn. 3. P. 283–289].

Николаева И.Ю. Проблема интеллектуальной истории в современной американской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. статей / Отв. ред. Б.Г. Могильницкий. Выпуск 19. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 60–81 [Nikolaeva I.Yu. Problema intellektual'noi istorii v sovremennoi amerikanskoi istoriografii (The problem of intellectual history in modern American historiography) // Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki: Sb. statei / Otv. red. B.G. Mogil'nitskii. Vypusk 19. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1990. P. 60–81].

Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с. [Nikolaeva I.Yu. Problema metodologicheskogo sinteza i verifikatsii v istorii v svete sovremennykh kontseptsii bessoznatel'nogo. (The problem of methodological synthesis and verification in history in light of modern concepts of the unconscious) Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005].

Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного: автореф… дис. докт. ист. наук. Томск, 2006. 53 с. [Nikolaeva I.Yu. Problema metodologicheskogo sinteza i verifikatsii v istorii v svete sovremennykh kontseptsii bessoznatel'nogo (The problem of methodological synthesis and verification in history in light of modern concepts of the unconscious): avtoref… dis. dokt. ist. nauk. Tomsk, 2006].

Николаева И.Ю. Судьба ученого и учителя на перекрестке микро- и макроистории // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2 (6). С. 7–13 [Nikolaeva I.Yu. Sud'ba uchenogo i uchitelya na perekrestke mikro- i makroistorii (The fate of a scientist and a teacher at the crossroads of micro- and macrohistory) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2009. № 2 (6). P. 7 – 13].

Рамазанов С.П., Кирсанова Е.С. Историографическая школа в томском университете и ее лидеры // Историческое прошлое и образы истории. Материалы IV Международной научной конференции, посвященной 110-летию Саратовского университета. Под редакцией В.Н. Данилова, Л.Н. Черновой. Саратов, 2019. С. 184–190 [Ramazanov S.P., Kirsanova E.S. Istoriograficheskaya shkola v tomskom universitete i ee lidery (Historiographic school at Tomsk University and its leaders) // Istoricheskoe proshloe i obrazy istorii. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu Saratovskogo universiteta. Pod redaktsiei V. N. Danilova, L. N. Chernovoi. Saratov, 2019. P. 184–190].

Репина Л.П. Рец.: Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с. (Repina L.P. Review: Nikolaeva I.Yu. The problem of methodological synthesis

and verification in history in light of modern concepts of the unconscious) // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 224–227 [Repina L.P. Rets.: Nikolaeva I.Yu. Problema metodologicheskogo sinteza i verifikatsii v istorii v svete sovremennykh kontseptsii bessoznatel'nogo. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005. 302 s. // Novaya i noveishaya istoriya. 2007. № 5. P. 224–227].

Согрин В.В. Современная историографическая революция // Новая и новейшая история. 2009. №3. С. 99–106. [Sogrin V.V. Sovremennaya istoriograficheskaya revolyutsiya (Modern historiographic revolution) // Novaya i noveishaya istoriya. 2009. №3. P. 99–106].

Трубникова Н.В. Историческое движение «Анналов». Институциональные основы: традиции и новации: автореф… дис. докт. ист. наук. Томск, 2007. 49 с. [Trubnikova N.V. Istoricheskoe dvizhenie «Annalov». Institutsional'nye osnovy: traditsii i novatsii (Historical movement "Annals". Institutional foundations: traditions and innovations): avtoref… dis. dokt. ist. nauk. Tomsk, 2007].

Трубникова Н.В. На закате теорий тоталитаризма. Французская историография о России // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 844–890 [Trubnikova N.V. Na zakate teorii totalitarizma. Frantsuzskaya istoriografiya o Rossii (At the sunset of the theories of totalitarianism. French historiography on Russia) // Mezhdu kanunami. Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let / pod red. G.A. Bordyugova. M.: AIRO-XXI, 2013. P. 844–890].

Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016. 336 с. [Trubnikova N.V. Frantsuzskaya istoricheskaya shkola «Annalov». (French historical school «Annals») M.: Kvadriga, 2016].

Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с. [Khaminov D.V. Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v. (Historical education and science at Tomsk University in the late 19th–early 21st c.) Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011].

Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух // Вестник Томского университета. 1999. № 268. С. 178–184 [Khmylev L.N., Nikolaeva I.Yu. Uchitel', kotoryi uchit bukve, a ukreplyaet dukh (A teacher who teaches the letter and strengthens the spirit) // Vestnik Tomskogo universiteta. 1999. № 268. P. 178–184].

Терехов Олег Эдуардович, *доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет; terehov1968@mail.ru*

Терехова Оксана Николаевна, *кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет; oksanan1970@mail.ru*

Formation and evolution of the Tomsk historiographic school

The article examines the emergence and evolution of the Tomsk historiographic school. The authors note the influence of the school on the development of historiography and methodology in international and Russian history studies. The paper identifies features of the main stages in the evolution of the school, determines the main trends at various stages of its existence, and analyzes the subject area of its research. Particular emphasis is placed on the role of B.G. Mogilnitsky in the research and institutional formation of the school. The authors state that the Tomsk school, both at the Soviet and Russian stages of its development, made a significant contribution to the study of historiography and methodology of history. In their comprehensive studies in the context of the history of historical science, the representatives of the Tomsk school examined the key issues of historiography and methodology of history: the main trends and schools in Western and Russian historical science, categories of historical knowledge, theoretical and methodological issues of historical science, the problem of the social function and responsibility of historical science and the historian, etc.

Keywords: *Tomsk historiographic school, methodology of history, categories of historical knowledge, historiography.*

Terekhov Oleg, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University terehov1968@mail.ru*

Terekhova Oksana, *PhD (History), Associate, Kemerovo State University; oksanan1970@mail.ru*

Т.А. Булыгина, М.Е. Колесникова

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СТАВРОПОЛЬЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛОКАЛЬНОГО И ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРАЕ (Статья 1)

Статья посвящена истории развития высшего исторического образования и исторической науки на Ставрополье во второй половине XX в. Исследовательская традиция и формирование интеллектуального пространства в регионе рассмотрены в преемственности, через судьбы историков, историю отдельных учреждений и организаций, занимающихся историческим просвещением и подготовкой кадров. На примере исторического факультета Ставропольского государственного педагогического института (с 1996 г. – университета) показан процесс развития высшей школы в крае как важной составляющей интеллектуального пространства советского общества.

Ключевые слова: *гуманитарные науки, историческая наука, историческое образование, интеллектуальная история, краеведение, Ставрополье, университет*.

Во второй статье мы продолжаем рассматривать развитие исторического знания и исторического образования на Ставрополье во второй половине XX в. сквозь призму локального и общенационального интеллектуального пространства. Этот период характеризуется дальнейшим развитием профессионального сообщества историков на Ставрополье. В 1950-е гг. происходит численный рост преподавателей исторического факультета Ставропольского государственного педагогического института (СГПИ). Одним из первых, приглашенных на исторический факультет, был Виктор Александрович Романовский (1890–1971). Известный историк, архивист, исследователь истории западных русских земель эпохи феодализма, он приехал в Ставрополь из Караганды в 1948 г., где, работал после 5-летнего заключения в Карлаге, с 1940 г. преподавал в местном вузе. В 1944 г. он, несмотря на лишение всех степеней и званий в 1935 г., получил звание доцента[1], а в 1947 г. вновь защитил кандидатскую диссертацию. На наш взгляд, именно с В.А. Романовского началось формирование местного научного сообщества историков на Ставрополье. Судя по отчетам исторических кафедр, опубликованным в журнале «Вопросы истории», именно приезд Романовского способствовал формированию научной среды на историческом факультете СГПИ[2].

За время с ноября 1948 г. по декабрь 1950 г. основным направлением на исторических кафедрах СГПИ было повышение научной квалификации. Докторскую диссертацию по феодальному периоду в 1949 г. будучи заведующим кафедрой защитил сам В.А. Романовский, утверждена она была только в 1957 г.[3] Кандидатскую диссертацию по истории Туркмении XIX века защитила преподаватель Л.К. Кимберг. Речь идет не только о подготовке научно-педагогических кадров, но именно о складывании сообщества, в пространстве которого формировались молодые

[1] ГАСК. Ф. Р-6007. Оп. 1. Д. 493. Л. 1.
[2] Козлов 1948; Романовский 1950.
[3] ГАСК. Ф. Р-6007. Оп. 1. Д. 493. Л.1; Д. 497.

ученые, где были мэтр и его ученики, о научной школе, которая стала известной в пространстве исторической науки СССР. Происходило это благодаря Романовскому, судя по сохранившейся его переписке с известными учеными В.В. Мавродиным, П.А. Зайончковским, П.П. Смирновым, А.А. Зиминым и др. Его учеником был специалист по аграрной истории, будущий профессор, заведующий кафедрой истории СССР Петр Александрович Шацкий (1908–1982), основатель ставропольской научной школы по проблемам социально-экономического развития Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. Еще одно обстоятельство, способствовавшее формированию сообщества историков, связано с другим его учеником – выпускником СГПИ, который, с легкой руки В.А. Романовского, стал известным ученым-новатором, представителем Ленинградской исторической школы, Игорем Яковлевичем Фрояновым (1936–2020). Учеником Романовского был студент СГПИ, впоследствии известный лермонтовед и кавказовед, научный сотрудник Центра кавказских исследований МГИМО в 2004–2010 гг., директор «Общественного Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона» (Москва) Владимир Александрович Захаров (1946–2021). Воспитанником Романовского был и будущий академик РАН, много лет возглавлявший исторический факультет МГУ, который он успешно закончил в 1971 г., ставрополец Сергей Павлович Карпов.

На формирование местного сообщества историков как сегмента интеллектуального пространства, встроенного в общее советское интеллектуальное пространство, в первое десятилетие истфака СГПИ большое влияние оказала археолог Татьяна Максимовна Минаева (1896–1973). Окончив в 1913 г. Петербургскую учительскую семинарию, она работала в школе и гимназии, а в 1919 г. поступила в Саратовский университет, который успешно закончила в 1924 г. Работая в Саратовском музее Т.М. Минаева, стала активно заниматься археологическими изысканиями Поволжья. Ее учителем был известный ученик Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) декан воссозданного в 1935 г. истфака, профессор, заведующий кафедрой древнего мира и археологии Саратовского университета, а также вплоть до своего ареста в 1937 г. директор Саратовского государственного музея Павел Сергеевич Рыков (1884–1942). Ее соратником по археологическим раскопкам на границе Сталинградской (ныне Волгоградской) области и Казахстана был археолог и фольклорист, один из деятелей культуры Автономной ССР немцев Поволжья Павел (Пауль) Давидович Рау (1897–1930).

Общение с репрессированными археологами не прошло даром для Т.М. Минаевой. Проработав семь лет археологом в Сталинградском музее, в 1936 г. она была арестована и сослана в Татарскую АССР, где работала учителем начальных классов в сельской школе. Только в 1939 г. она получила возможность переехать на Северный Кавказ в Ставрополь. Здесь в местном краеведческом музее Т.М. Минаева вернулась к полевым исследованиям. Во время оккупации Ворошиловска (Ставрополя) «практически на виду у гитлеровской зондеркоманды, занимавшейся

изъятием и отправкой культурных ценностей в Германию, она совместно с группой музейных служителей спрятала под углем в подвалах уникальные ценности музея: картины, старинное оружие, редкие археологические и этнографические коллекции»[4]. В 1947 г. Минаева защитила диссертацию по открытым ею археологическим памятникам верховьев Кубани и с 1949 г. преподавала на историческом факультете СГПИ. В этот период на кафедре истории СССР уже работали пять кандидатов наук и доктор исторических наук, при этом четверо из доцентов активно работали над докторскими диссертациями, которые впоследствии защитили. Работая педагогом в вузе, Минаева продолжила полевые исследования, ежегодно возглавляла археологические экспедиции. Именно результаты ее раскопок в 1950–1960-е гг. городищ и поселений на р. Малый Зеленчук, в верховьях Кубани и на водоразделе р. Малый Зеленчук и Кубань сделали имя Т.М. Минаевой известным среди археологов-алановедов.

Наряду с научным ядром местного сообщества историков формировалась и его идеологическая составляющая в основном за счет приглашенных партийных функционеров. Во многом это было обусловлено введением с 1956/1957 учебного года во всех высших учебных заведениях страны курсов политической экономии, диалектического и исторического материализма и истории КПСС (Постановление ЦК КПСС от 18 июня 1956 г.), что потребовало привлечениея профессиональных кадров пропагандистов. Новые курсы должны были повысить уровень марксистско-ленинской подготовки молодых специалистов. С конца 1940-х гг. в Ставропольском пединституте работала Раиса Наумовна Китайгородская (1910–1993). До прихода в институт, с 1932 по 1947 г., т.е. в течение 14 лет она занималась пропагандистской и лекторской работой в комсомольских и партийных органах Дагестана и Орджоникидзевского (Ставропольского) края. С 1938 г. работала в партийных органах Ворошиловска (Ставрополя) с перерывом на эвакуацию в годы Великой Отечественной войны. Завершила свою партийную карьеру заведующей лекторским кабинетом крайкома ВКП(б). После войны, в 1947 г. она заочно окончила курс Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) и полный курс СГПИ по специальности учитель истории. Благодаря этому с марта 1949 г. была зачислена на должность старшего преподавателя кафедры марксизма-ленинизма СГПИ. В 1953 г. Р.Н. Китайгородская получила степень кандидата философских наук, а в 1957 г. ей было присвоено звание доцента. Наряду с педагогической деятельностью она продолжала активную идейно-пропагандистскую работу как внештатный лектор крайкома, горкома и райкома КПСС вплоть до 1987 г.

После 1965 г. из-за смены политических ориентиров, когда власть осудила уравниловку теории и практики, отдавая приоритет теории, происходит расширение штатов преподавателей-историков во всех вузах страны. Эта тенденция проявилась как на историческом факультете СГПИ, так и на общеинститутской кафедре по истории партии. В связи с этим вуз привлекал историков из рядов партийных функционеров. Ко-

[4] Быкова 2022.

гда же в годы перестройки обнаружился глубокий кризис партийной номенклатуры, тогда уже не кафедры нуждались в пополнении, а партийные работники – в трудоустройстве.

Судьба одного ученого, определявшего идеологическую составляющую в пору становления исторического факультета СГПИ, несколько отличалась от партийных функционеров. Речь идет об Александре Соломоновиче Трайнине (1917–1990)[5]. Ленинградец, он в 1941 г. закончил исторический факультет ЛГУ, несмотря на кратковременный арест в 1937 г. из-за общения со сводным братом Исидором Маховером, крупным чиновником в Наркомате тяжелой промышленности, сосланным в ГУЛАГ, где тот и умер (по другой версии, расстрелян, как и другие осужденные «без права переписки»). После ареста Трайнин был в том же году полностью реабилитирован, а в 1940 г. принят кандидатом в члены ВКП(б). Возможно, этот эпизод и сыграл важную роль в формировании его убеждений. В период Великой Отечественной войны он участвовал в боях за освобождение Украины, был ранен, штурмовал Севастополь, участвовал в освобождении Кишинева, Варшавы, в штурме Берлина. Демобилизовавшись, с 1946 г. А.С. Трайнин стал преподавать на кафедре марксизма-ленинизма Ленинградского государственного университета. В 1949 г. там же он защитил кандидатскую диссертацию по историческим наукам и по направлению в том же году приехал в СГПИ работать на кафедре марксизма-ленинизма. В 1961 г. А.С. Трайнин возглавил кафедру истории КПСС, а в 1967 г. защитил докторскую диссертацию по истории комсомола. После создания в 1968 г. Высшей комсомольской школы ЦК ВЛКСМ Трайнин оказался в числе 50 отобранных кандидатов со всей страны для формирования профессорско-преподавательского коллектива школы, и с 1969 г. стал там заведующим кафедрой истории КПСС. Он занимался проблемами коммунистического воспитания молодежи, работал на идеологическом направлении.

К 1960-м годам можно отнести не только изменение качественного состава преподавателей СПГИ, но и как следствие, значимость их научной продукции. Уже к концу 1950-х гг. СГПИ восстановил фактический статус высшего учебного заведения и, согласно приказа Министерства просвещения РСФСР 24 апреля 1958 г. «Об объединении однородных факультетов в Ставропольском и Пятигорском педагогическом институтах», помимо структурных изменений, касавшихся превращения Пятигорского пединститута в специализированный лингвистический вуз, Ставропольскому педагогическому институту была присвоена 1 категория. В вузе большое внимание уделялось повышению квалификации «молодых» преподавателей. Активно работали над диссертациями, обучаясь в аспирантуре Ростовского государственного университета, преподаватели истории П.А. Шацкий, Т.И. Беликов и Н.И. Иванько. Шацкий и Иванько) впоследствии стали докторами наук, ведущими специалистами и основателями научных направлений в локальном и всероссийском пространстве исторической науки. Заметим, что «молодежь» эта

[5] Бородай 2017.

была достаточно зрелой: все они прошли Великую Отечественную войну в действующей армии, у всех был значительный жизненный опыт, а 40-летний П.А. Шацкий после окончания Московского института философии, литературы и истории (ИФЛИ) успел поработать преподавателем учительского института еще до призыва в армию. Он окончил истфак Ставропольского пединститута, в декабре 1954 г. успешно защитил в Ростовском государственном университете кандидатскую диссертацию, посвященную развитию капитализма в сельском хозяйстве Ставропольской губернии. Надо отметить, что под влиянием В.А. Романовского, бывшего фактическим научным руководителем П.А. Шацкого, на кафедре начало складываться научное направление по аграрной истории региона. О признании достижений ставропольских историков свидетельствовали отзывы об участии В.А. Романовского и П.А. Шацкого во всесоюзном проекте по аграрной истории Восточной Европы. Симпозиумы по этой проблематике проводились с конца 1950-х в Москве, Киеве, Минске, Риге, Таллине. В предисловии к «Ежегоднику» за 1963 г., среди вузов, наиболее активно разрабатывавших данную проблематику, был отмечен Ставропольский государственный пединститут.[6]

Постепенно вплоть до конца 1960-х гг. научное сообщество исторического факультета СГПИ стало пополняться выпускниками, которые со временем стали в коллективе преобладать. Помимо П.А. Шацкого выпускником был фронтовик Трофим Иванович Беликов (1918–1993), который в 1949 г. в 36 лет он закончил исторический факультет СНПИ, поступил в аспирантуру Ростовского университета и в 1953 г. стал кандидатом наук. Николай Иванович Иванько (1919–1975) после тяжелого ранения, работая начальником отдела кадров в одном из учреждений Ставрополя, стал студентом заочного отделения истфаката СГПИ. В 1955 г., в 36 лет защитил кандидатскую диссертацию штурмовавший рейхстаг Максим Петрович Заикин (1913–2006). Еще в 1940 г. он закончил пединститут в Куйбышеве и с 1945 г. преподавал историю в Ставропольском Суворовском военном училище, а с 1962 г. более 30 лет работал на истфаке СГПИ. О его педагогическом мастерстве говорят воспоминания его учеников, считающих его «Учителем от Бога». В это время пополнил ряды преподавателей истфака СГПИ бессменный в течение 10 лет декан исторического факультета (с 1978 по 1987 г.) Евгений Алексеевич Трегубов (1925–1987). В 1950 г. он, 25-летний майор в отставке, с отличием окончил истфак СГПИ, а в 1972 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Среди первых студентов истфака СГПИ после освобождения Ставрополя был известный впоследствии в стране и за рубежом доктор философских наук, профессор Анатолий Васильевич Авксентьев (1924–2000), который в 1950 г. 26-летним юношей окончил истфак СГПИ, а в 1955 г. – аспирантуру МГУ и защитил кандидатскую диссертацию по философии[7]. Начиная с 1960 г., он 28 лет возглавлял кафедру философии

[6] Булыгина. 2014: 139.
[7] Авксентьев 1955.

СГПИ. В 1950 г. студентом истфака СГПИ после демобилизации из армии стал Всеволод Серафимович Мураховский (1926–2017). Еще в вузе он проявил организаторские способности и после окончания с отличием истфака был избран первым секретарем горкома ВЛКСМ. Не случайно в одном из воспоминаний он назван администратором высокого класса.[8] После отъезда в Москву М.С. Горбачева, В.С. Мураховский возглавил Ставропольский крайком КПСС, а с 1985 г. стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, председателем Государственного агропромышленного комитета СССР (Госагропрома).

«Положение о высших учебных заведениях» 21 марта 1961 г. заменило наименование руководителей вузов с «директора» на «ректора», и первым ректором СГПИ стал тоже фронтовик, историк Андрей Прокопьевич Чевелев (1909–1989), возглавлявший вуз до 1973 г. Он прибыл в Ставрополь из Ульяновска, где учился в аспирантуре и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Патриотическое движение трудящихся г. Ульяновска в годы Великой Отечественной войны». С 1952 г. А.П. Чевелев возглавлял кафедру истории СССР СГПИ, получил звание доцента, в 1959 г. был назначен заместителем директора СГПИ (проректор) по научной работе, а с марта 1965 г. – ректором института.

С развитием исторического факультета СГПИ расширился круг профессиональных историков, в первую очередь, через создание новых кафедр, а также благодаря подготовке кадров историков для других вузов. Примером может служить судьба Виктора Александровича Уланова. Вначале учитель математики, участник Великой Отечественной войны, ассистент кафедры геометрии Ставропольского пединститута, а с 1952 г. – ассис-тент, затем заведующий кафедрой марксизма-ленинизма. В 1954 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1958 г. пришел на работу в Ставропольский медицинский институт доцентом кафедры основ марксизма-ленинизма.

В это время формировались кадры ученых-историков и на базе Пятигорского государственного пединститута (ПГПИ). В 1948 г. исторический факультет ПГПИ закончил Сергей Андреевич Чекменев (1922–2008), который затем стал доктором исторических наук, профессором, ректором Пятигорского института иностранных языков (создан в 1961 г. на базе ПГПИ). В 1939 г. он поступил на исторический факультет учительского института в г. Микоян-Шахар (ныне Карачаевск), но с началом войны ушел в действующую армию. После демобилизации Чекменев поступил на 3 курс истфака ПГПИ, окончив институт, два года работал директором школы, затем стал аспирантом кафедры истории СССР ПГПИ и в 1953 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Заселение и освоение Ставрополья в конце – начале XIX в.», с 1957 по 1960 г. работал проректором по учебной и научной работе Карачаево-Черкесского государственного пединститута. Свое докторское исследование Чекменев выполнял в 1960-е гг. под руководством В.А. Романовского. Именно он заложил вместе со своим учителем и П.А. Шацким

[8] Черноиванов 1999.

одно из важных для истории региона направлений, связанных с социально-экономическим развитием Северного Кавказа. Это направление потом, в рамках научного сообщества Ставрополья продолжила профессор Татьяна Александровна Невская (1956–2023).

На время ректорства С.А. Чекменева пришелся расцвет Пятигорского института иностранных языков, получившего широкую известность в стране. В 1958 г. неязыковые специальности из Пятигорска перевели в Ставрополь, а в Пятигорске развернулась работа по развитию лингвистических специальностей. После изгнания гитлеровцев в Пятигорском пединституте был налажен учебный процесс, и были заложены основы научной работы по истории. К примеру, в 1944 г. стал проводиться спецсеминар «Основы советской археологии в связи с археологией Северного Кавказа», преподаватели кафедры истории СССР составляли историческую библиографию Северного Кавказа, работали над подготовкой биобиблиографического словаря знаменитых деятелей Северного Кавказа, над «Историографией Северного Кавказа»[9]. Здесь работал Панаит Георгиевич Акритас (1880–1976), который в 1953–1961 гг. руководил сектором археологии в Кабардинском (впоследствии Кабардино-Балкарском) научно-исследовательском институте.

На историческом факультете ПГПИ учился известный советский и российский археолог и историк, алановед Владимир Александрович Кузнецов (1927–2024). Он поступил в институт в 1949 г.[10] В студенческие годы серьезно стал заниматься археологией. На третьем курсе участвовал в археологической экспедиции в Нижнем Архызе под руководством П.Г. Акритаса, а с 4-го курса руководил ею, что на всю жизнь определило выбор им научной темы – археология и история алан Северного Кавказа. В 1955-1958 гг. он обучался в аспирантуре Института археологии АН СССР. Его научным руководителем был Евгений Игнатьевич Крупнов. В 1961 г. В.А. Кузнецов успешно защитил кандидатскую диссертацию «Локальные варианты аланской культуры Северного Кавказа», а в 1971 г. – докторскую «Алания в X-XIII веках»[11]. Его многочисленные монографии стали настольными книгами археологов.

Таким образом, интеллектуальное пространство Ставрополья стало наполняться профессиональными историками, хотя тенденция притока в историческую науку партийных работников сохранялась, а в 1990-е гг. усилилась. Приглашение специалистов из других регионов сократилось, так как появилась возможность готовить кадры из выпускников. Уже в 1966 г. половину состава кафедры истории составляли «местные» кадры выпускников СГПИ конца 1940-х – середины 1950-х гг. Однако приток партийных работников не прекратился. Так, в 1963 г. с должности заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома КПСС пришел в институт Дмитрий Васильевич Кочура (1918–1919). Окончив заочно исторический факультет СГПИ и находясь на партийной работе, он в

[9] Акритас 1944.
[10] Доде 2013: 378.
[11] Доде 2013: 382 -384.

1953 г. стал кандидатом исторических наук. В СГПИ Д.В. Кочура был назначен заведующим кафедрой истории КПСС (впоследствии кафедра политической истории), которую возглавлял более 45 лет, защитил докторскую диссертацию. Профессор Кочура приобрел высокий авторитет среди коллектива института и воплощал в себе непреклонную приверженность консервативным тенденциям в исторической науке[12].

В 1960-е гг. научная жизнь историков Ставрополья сформировала свои традиции: участие в конференциях, организация собственных конференций, работа научных студенческих кружков, публикационная деятельность, руководство аспирантами. Несмотря на отсутствие аспирантуры на истфаке, В.А. Романовский руководил аспирантами с 1952/53 учебного года. Это были И.Б. Иловайский, работавший над темой диссертации «Государственные крестьяне Ставропольской губернии и реформа Киселева» и Л.В. Чеканов – «Исторические взгляды Герцена»[13].

Одним из знаков того, что складывается научное сообщество в каком-либо локальном пространстве, является научное периодическое издание. С 1947 г. в СГПИ стал выходить такой сборник – «Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института» (1947–1972). С 7-го выпуска за 1951 год появляются номера, сформированные из работ гуманитариев, а 13-й выпуск за 1958 г. целиком состоял из статей сотрудников историко-филологического факультета СГПИ. В 1957 г. стал выходить сборник научных трудов преподавателей историко-филологического факультета[14]. Еще одной важной приметой формирования регионального научного сообщества стало создание системы подготовки сотрудников высокой квалификации.

В 1960 г. на кафедре истории СССР была открыта аспирантура, о которой В.А. Романовский просил в письме в министерство просвещения РСФСР еще в 1953 г.[15] К 1970 г. было выпущено семь аспирантов заочного отделения, из которых защитились два человека. Тем не менее, к этому времени 77% преподавателей имели ученые степени. К тому же ученые-историки стали принимать активное участие в союзных мероприятиях. Романовский часто оппонировал на защите диссертаций в Ростовском государственном университете и в Московском областном пединституте, был членом диссертационного совета Ростовского государственного университета[16].

Историки СГПИ внесли свой вклад в возрождение краеведения. По их инициативе в 1963 г. в крайкоме КПСС состоялось совещание во главе с заведующим идеологическим отделом И.И. Лихота и заведующим отделом науки и учебных заведений крайкома В.С. Мураховским, где обсуждалось издание учебника по краеведению Ставрополья[17].

[12] Колесникова 2008.
[13] ГАСК. Ф. Р-6007. Оп. 1. Д. 283. Л. 14.
[14] На его страницах вышла статья В.А. Романовского по краеведческой тематике. См.: Романовский 1958: 15 -38.
[15] ГАСК. Ф. Р-6007. Оп. 1. Д. 310. Л. 1.
[16] ГАСК. Ф. Р-6007. Оп. 1. Д. 160, 167, 168; Д.194. Л. 5.
[17] ГАСК. Ф. Р-6007. Оп. 1. Д. 306. Л. 1.

1970-е гг. стали новым этапом в развитии интеллектуального пространства Ставрополья. Изменялась политика власти в отношении науки и образования, сменялись поколения: уходили те, кто прошел войну и сталинские лагеря, приходили новые люди поколения 1950-х, в стране росла мобильность населения, что позитивно сказывалось на научных связях по оси столица–регионы. На смену экстремальным обстоятельствам 1940-х – начала 1960-х гг. пришло время ординарных решений и проектов, в которых можно рассмотреть черты изменений 1990-х гг.

В развитии исторического образования в одном из отдаленных регионов советского интеллектуального пространства, ясно просматриваются общие тенденции, связанные с политикой власти и историческими реалиями советского общества: от экспериментов в поисках лучшей модели исторического образования к унификации системы и централизации управления наукой и образованием. В то же время живая история становления и развития исторической науки и образования на Ставрополье демонстрирует уникальность локального сообщества, что связано с многообразием его контекстов: от специфики политического и социального развития степного Предкавказья в соседстве с обществами кавказского Предгорья и казачьими областями до своеобразия культурно-интеллектуальных факторов в регионе. Здесь в значительно большей степени историческая наука формировалась не на профессиональном знании досоветского периода, а на любительском родиноведении (краеведении), а высшее историческое образование зародилось только в 1930-е гг. В дальнейшем развитие ставропольской научно-исторической школы было связано со сменой политических ориентиров в обществе, оказывающих воздействие на историографический процесс и непосредственно влиявших на содержательные характеристики исторического образования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Авксентьев А.В. Философские и социологические взгляды декабристов Северного общества: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук / МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, 1955. 16 с. [Avksent'ev A.V. Filosofskie i sociologicheskie vzglyady dekabristov Severnogo obshchestva: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk / MGU im. M.V. Lomonosova (Philosophical and sociological views of the Decembrists of the Northern Society: Abstract of a dissertation for the Candidate of Philosophy Sciences degree). Moskva, 1955. 16 s.]

Акритас П. Работа кафедры истории СССР в Пятигорском государственном педагогическом институте // Исторический журнал. Июнь 1944. № 5-6. С. 94-95. [Akritas P. Rabota kafedry istorii SSSR v Pyatigorskom gosudarstvennom pedagogicheskom institute (Work of the Department of History of the USSR at the Pyatigorsk State Pedagogical Institute) // Istoricheskij zhurnal. Iyun' 1944. № 5-6. C. 94-95.]

Бородай А.Д. Ровесник революции. К 100-летию со дня рождения историка А.С. Трайнина // Исторические записки. 2017. № 3. С. 208–226. [Borodaj A.D. Rovesnik revolyucii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya istorika A.S. Trajnina (Coeval of the revolution. To the 100th anniversary of historian A. S. Trainin) // Istoricheskie zapiski. 2017. № 3. S. 208–226.]

Булыгина Т.А. Страницы жизни и творчества В.А. Романовского: вдали от Украины |// Харківський історіографічний збірник. 2014. В. 13. 328 с. [Bulygina T.A. Stranicy zhizni i tvorchestva V.A. Romanovskogo: vdali ot Ukrainy (Pages of the life and work of V.A. Romanovsky: Far from Ukraine) // Harkivs'kij istoriografichnij zbirnik, 2014. V. 13. 328 s.]

Быкова Н. «Подвиг учёного-музейщика» // Ставропольская правда. 2022. 19 января. С. 2. [Bykova N. «Podvig uchyonogo-muzejshchika» («The feat of a museum scientist») // Stavropol'skaya pravda. 2022. 19 yanvarya. S. 2.]

Доде З.В. Археолог в контексте эпохи. Эскиз к портрету // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / под ред. А.Б. Белинского. Вып. XI: Археология, краеведение, музееведение. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 377-404. [Dode Z.V. Arheolog v kontekste epohi. Eskiz k portretu (Archaeologist in the context of the era. Sketch of a portrait) // Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza / pod red. A.B. Belinskogo. Vyp. XI: Arheologiya, kraevedenie, muzeevedenie. Moskva: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2013. S. 377-404.]

Козлов И. Научная работа историков Ставропольского государственного педагогического института // Вопросы истории. 1948. №11. С. 156.[Kozlov I. Nauchnaya rabota istorikov Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Scientific work of historians of the Stavropol State Pedagogical Institute) // Voprosy istorii. 1948. №11. C. 156.]

Колесникова М.Е. Дмитрий Васильевич Кочура // Ставропольский хронограф на 2008 год: Краеведческий сборник. Ставрополь, 2008. С. 175-182.[Kolesnikova M.E. Dmitrij Vasil'evich Kochura (Dmitrij Vasil'evich Kochura) // Stavropol'skij hronograf na 2008 god: Kraevedcheskij sbornik. Stavropol', 2008. S. 175-182.]

Романовский В. Научная работа исторических кафедр Ставропольского педагогического института в 1949-1950 учебном году // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 162. [Romanovskij V. Nauchnaya rabota istoricheskih kafedr Stavropol'skogo pedagogicheskogo instituta v 1949-1950 uchebnom godu (Scientific work of the historical departments of the Stavropol Pedagogical Institute in the 1949-1950 acad. year) // Voprosy istorii. 1950. № 12. C. 162.]

Романовский В.А. Солдаты-декабристы на Кавказе // Сборник трудов историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института / Под ред. доц. А. В. Попова. Ставрополь: СГПИ, 1958. 91 с. [Romanovskij V.A. Soldaty-dekabristy na Kavkaze // Sbornik trudov istoriko-filologicheskogo fakul'teta Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Decembrist soldiers in the Caucasus) / Pod red. doc. A.V. Popova. Stavropol': SGPI, 1958. 91 s.]

Черноиванов В.И. Полтора века аграрных проблем. Сельскохозяйственное ведомство России в лицах. 1837-1991. Москва: ГосНИТИ, 1999. 604 с. [CHernoivanov V.I. Poltora veka agrarnyh problem. Sel'skohozyajstvennoe vedomstvo Rossii v licah. 1837-1991 (One hundred and fifty years of agrarian problems. Persons of the Agricultural Department of Russia. 1837-1991.). Moskva: GosNITI, 1999. 604 s.]

***Булыгина Тамара Александровна**, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, кафедра истории России, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; bul.tamara2011@yandex.ru*

***Колесникова Марина Евгеньевна**, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории России, директор, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; kolesnikovam2017@mail.ru*

Historical Science and History Education in Stavropol Krai as Components of the Local and National Intellectual Space Formation of the Higher Education System in the Region (Article 2)

The article deals with the history of development of the higher history education and historical science in Stavropol Krai in the second half of XX c. The research tradition and formation of the intellectual space in the region are considered through the fates of the historians, and history of several institutions responsible for history education and training. Stavropol Pedagogical Institute's (since 1996 – University's) Faculty of History is used as an example of how the higher education system in the region established and developed over the years as a part of the soviet society's intellectual space.

***Key words:** human science, historical science, history education, intellectual history, regional studies, Stavropol Krai, university.*

***Bulygina Tamara** – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol), bul.tamara2011@yandex.ru*

***Kolesnikova Marina** – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Russian History, Director Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol), kolesnikovam2017@mail.ru*

П.С. Стефанович

ТАТАРЫ И ИДЕНТИЧНОСТЬ РУСИ ВЗГЛЯД ЛЕТОПИСЦА ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО[1]

В статье анализируется рассказ так называемой Галицко-Волынской летописи о поездке князя Даниила Галицкого в ставку хана Батыя в начале 1246 г. С опорой на текстологические исследования летописи реконструируется оригинальный вид рассказа, написанного волынским летописцем, вероятно, вскоре после 1246 г., и вскрывается символический смысл первоначального рассказа. По мнению автора, летописец описывал встречу русского князя и татарского хана как столкновение разных культур и указывал на опасность потери собственной идентичности, которой подвергался князь Даниил. Особенность рассказа в том, что летописец проводил различение «своих» (руси) и «чужих» (монголов) не только по религиозному и политическому критериям (как это обычно делалось в других древнерусских текстах второй половины XIII–XIV в.), но и этнокультурному. Этот код этнического противопоставления автор статьи прочитывает в сцене непосредственного общения двух правителей, когда хан Батый, предлагая Даниилу монгольский напиток (особого вида кумыс), утверждает, что тот уже стал одним из «наших» – татарином. Такая трактовка обосновывается сравнением с другими сюжетами и эпизодами из более раннего летописания.

Ключевые слова: *Древняя Русь, Даниил Галицкий, Золотая Орда, русская идентичность.*

Татаро-монгольское нашествие и установление власти монголов, а затем Золотой Орды над русскими землями в середине XIII в. – важнейший рубеж истории Руси. Изменения бесспорны, хотя об их характере и значении продолжают спорить. В последнее время для оценки этих изменений историки всё больше обращаются к исследованию самосознания и взаимного восприятия общностей, столкнувшихся в ходе и в результате монгольских завоеваний. Глядя из древнерусской перспективы, историки особенно подчёркивают религиозные аспекты этого взаимодействия[2]. Действительно, религиозная парадигма сознания в средневековом обществе была важнейшей, и в старой, особенно советской, историографии ей уделяли внимания гораздо меньше, чем вопросам политическим и социально-экономическим. В древнерусских источниках отношения с татарами, если осмыслялись с какой-то степенью абстрагирования, то преимущественно с религиозной точки зрения, и именно приверженность своей религии мыслилась залогом сохранения идентичности.

Однако идентичность – это не только религия. Это и этнический, и культурный, и другие элементы, а чаще всего – сплав разных аспектов и факторов самосознания. И до нас дошли древнерусские тексты, где в об-

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении» Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2025 г. This work is an output of a research project «Language, literature, culture in historical and social dimensions» implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2025.

[2] См., например: Рудаков 2014.

щем пафосе «сохранить себя» просматривается этот сплав. Один из таких текстов – рассказ Галицко-Волынской летописи (далее – ГВЛ) о поездке князя Даниила Галицкого в ставку хана Батыя на Волгу. Учёные уже неоднократно анализировали его с разных точек зрения, в последнее время, в особенности, с текстологической, однако, на мой взгляд, его последовательной адекватной интерпретации пока не предлагалось. Назрела необходимость осмыслить этот текст в целом.

Обычно этот рассказ рассматривается в контексте политических отношений русских князей с монголами, и подчёркивается эмоциональная оценка унижения и вынужденного признания чужеземного владычества, данная в летописи в трагических тонах. Некоторые историки даже считают, что эта эмоциональность не позволила летописцу «глубоко проникнуть в сущность событий» и что «его объяснения были трафаретны и схематичны»[3]. Другие видят в тексте «бескомпромиссный религиозный фанатизм»[4] или «злобную риторику» «церковного мифа»[5]. На мой взгляд, летописный рассказ как раз очень содержателен, и его автор даёт ёмкую и выразительную характеристику исторической ситуации, хотя и в своеобразной художественной форме. Текст заслуживает более внимательного прочтения с учётом его происхождения, литературных особенностей и средневекового менталитета.

Как известно, ГВЛ, сохранившаяся в нескольких списках (из которых главные – Ипатьевский и Хлебниковский), является составным памятником. Исследователи выделяют в ней, как минимум, две части – летописание, ведшееся при Даниле Галицком до его смерти в 1264 г., и продолжающее его более позднее волынское летописание. Первая часть, удачно названная Л.В. Черепниным «Летописец Даниила Галицкого», явно составлялась в несколько приёмов и претерпела несколько этапов редакторской обработки[6]. В этой части содержится рассказ о поездке Даниила. В Ипатьевском списке ГВЛ он помещён в статью 6758 (1250) г., но эта датировка неверна (годовая сетка в этом списке вторична), князь ездил в Орду в реальности в конце осени 1245 – весной 1246 г.[7] Это была первая встреча Даниила с ханом, и смысл поездки был в том, чтобы получить у Батыя санкцию на власть над Волынской и Галицкой землями (хотя ценой признания вассальной зависимости от него)[8].

Имея в виду сложную историю текста ГВЛ, не приходится удивляться, что и этот летописный рассказ обнаруживает текстологическую неоднородность. Это отметил В.И. Ставиский, который в последние годы уделил этому рассказу несколько комментариев[9]. Не все из его

[3] Кучкин 1990: 20.
[4] Гальперин 2012: 67.
[5] Юрченко 2012: 236, 240.
[6] См. в недавней крупной работе, специально посвящённой текстологии ГВЛ: Галицько-Волинський літопис 2020.
[7] См.: Майоров 2016.
[8] Об историческом контексте см.: Стефанович 2019.
[9] См. в его заметках и тезисах (Ставиский 2011; Ставиский 2017; Ставиский 2021), а также его комментарий в книге: Галицько-Волинський літопис 2020: 405–410.

соображений представляются обоснованными, но во всяком случае, один вставной фрагмент он указал достаточно убедительно. Конечно, надо оговориться, что в отсутствии параллельных текстов исследователю приходится выявлять сбои и «швы», исходя из «внутренней» критики сохранившегося нарратива. Но такая методика уже не раз опробована на материале древнерусского летописания, и приносит результаты[10], хотя некоторая доля гипотетичности в них есть. Укажу вставку, прослеживая композицию всего летописного сообщения.

Начинается рассказ с решения Даниила ехать к Батыю, чтобы утвердить власть над только что завоеванным Галичем. Далее говорится о приезде князя в Киев и посещении Выдубицкого Михайловского монастыря и затем о движении его через Переяславль и владения темника Куремсы к Волге. Для описания перемещения князя дважды используется конструкция «…оттуда же еха/приде…» Однако между двух случаев использования конструкции эти же слова используются и ещё один раз, но не в территориально-географическом смысле, а в темпоральном – в значении «с того момента». Как заметил В.И. Ставиский, в этом третьем случае слова «оттуда же» вводят отдельный пассаж с осуждением религиозных обычаев монголов, а также сопровождаются дублированием выражения, описывающего душевное состояние Даниила: «нача болми/велми скорбети». Благодаря этому дублированию вставка ясно определяется (выделяю её подчёркиванием):

> Даниил «…прииде Переяславлю и срѣтоша татаровѣ, оттуда же ѣха к Куремѣсѣ и видѣ, яко нѣсть в них добра. Оттуда же нача болми скорбѣти душею, видя бо обладаемы дьяволом…[говорится о языческих верованиях и обрядах монголов]… о сквѣрная прелесть ихъ! Се же слыша [и] велми нача скорбѣти. Оттуда же приде к Батыеви на Волгу…»[11].

Вставка была посвящена язычеству монголов. Видимо, она была сделана позднейшим волынским летописцем. Её содержание в данном случае не анализируется, меня будет интересовать именно первоначальный текст Данилова летописца[12]. Дальнейшее повествование привожу полностью, выделяя подчёркиванием и другие предполагаемые вставки:

> «Оттуда же приде к Батыеви на Волгу, хотящу ся ему поклонити, пришедшу же Ярославлю человѣку Сънъгурови, рекшу ему: “Брат твои Ярославъ кланялъся кусту и тобѣ кланятися”. И рече ему: “Дьяволъ глаголеть из устъ *твоих*. Богъ заради уста твоя, и не слышано будеть слово твое”. Во тъ час

[10] Сошлюсь, на получившие международное признание работы А.А. Гиппиуса в русле «лингвотекстологической стратификации» текста, посвящённые древнейшему летописанию. См., например: Gippius 2014 и др.

[11] Здесь и далее цитирую в упрощённой орфографии по Ипатьевскому списку, опубликованному А.А. Шахматовым: ПСРЛ 1908: 806. В некоторых случаях исправляю по Хлебниковскому списку (выделяя курсивом).

[12] В.И. Ставиский считает сведения в этом вставном пассаже недостоверными (Ставиский 2011: 243–248). На мой взгляд, если вставка была сделана позже, из этого не следует автоматически, что информация, в ней содержащаяся, ложная. Напротив, всё указывает на то, что сведения были верные. В пользу их говорит и соответствие тому, что пишет о религии монголов Плано Карпини (сведения которого Ставиский напрасно пытается дезавуировать). Ср.: Дробышев 2019: 93–98.

позванъ Батыемь, избавленъ бысть Богомъ и злого их бѣшения и кудѣшьства. И поклонися по обычаю ихъ, и вниде во вежю его, рекшу ему: “Данило, чему еси давно не пришелъ? А нынѣ, оже еси пришелъ, а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылии кумузъ?” Ономуже рекшу: “Доселѣ есмь не пилъ. Нынѣ же ты велишь – пью”. Он же речe: “Ты уже нашь же тотаринъ. Пии наше питье”. Он же, испивъ, поклонися по обычаю ихъ, изъмолвя слова своя, рече: “Иду поклониться великои княгини Баракъчинови”. Рече: “Иди”. Шедъ, поклонися по обычаю. И присла вина чюмъ и рече: “Не обыкли пити молока, пии вино”.

О, злѣе зла честь татарьская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею: Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемь, со братомъ си, *и* инѣми странами, нынѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться! И дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходять. О, злая честь татарьская! Его же отець бѣ цесарь в Рускои земли, иже покори Половецькую землю и воева на иные страны всѣ. Сынъ того не прия чести, то иныи кто можеть прияти? Злобѣ бо ихъ и льсти нѣсть конца. Ярослава великого князя Суждальского *з*елиемь умориша, Михаила, князя Черниговьского, не поклонившуся кусту, со своимъ бояриномъ Федоромъ, ножемь заклана быста, еже предѣ сказахомъ кланяние ихъ, еже вѣнѣць прияста мученискы. *И* инии мнозии князи избьени быша и бояре.

Бывшу же князю у них дьнии 20 и 5, отпущенъ бысть, и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху с нимь. И приде в землю свою, и срете его братъ и сынови его, и бысть плачь обидѣ его, и болшая же бѣ радость о здравьи его.

Тое же зимы Кондратъ присла посолъ по Василка, река: “Поидемь на ятвязѣ”. Падшу снегу и серену, не могоша ити и воротишася на Нурѣ.

Бысть же вѣдомо странамъ приход его всимъ ис татаръ, яко Богъ спаслъ есть его»[13].

(Перевод О.П. Лихачевой[14]: «Оттуда он прибыл к Батыю на Волгу. Когда он хотел идти на поклон, пришел человек Ярослава Соногур и сказал: “Твой брат Ярослав кланялся кусту, и тебе придется поклониться”. Даниил сказал: “Дьявол говорит твоими устами. Пусть Бог заградит уста твои, чтобы слово твое не было слышно”. В это время его позвали к Батыю, и он был избавлен Богом от злого их беснования и кудесничания. Он поклонился по обычаю их и вошел в шатер Батыя. И сказал ему Батый: “Даниил, почему ты раньше не приходил? А сейчас пришел – это хорошо. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?” Даниил сказал: “До сих пор не пил. Сейчас, раз велишь, выпью”. Тот сказал: “Ты уже наш, татарин. Пей наше питье!” Даниил выпил, поклонился по обычаю их, проговорил положенные слова и сказал: “Иду поклониться царице Баракчин”. Батый сказал: “Иди!” Он пришел и поклонился по обычаю. И прислал ему Батый ковш вина, говоря: “Не привыкли вы пить кумыс, пей вино!”

О, злее зла честь татарская! Даниил Романович, великий князь, владел вместе со своим братом всею Русской землей: Киевом, Владимиром и Галичем и другими областями, а ныне стоит на коленях и называет себя холопом! Татары хотят дани, а он на жизнь не надеется. Надвигаются грозы. О, злая честь татарская! Его отец был царь в Русской земле, он покорил Половецкую землю и воевал в иных областях. Сын его не удостоился чести. Кто же иной может принять ее? Их злобе и коварству нет конца. Ярослава, великого князя Суздальского, уморили отравой, Михаил Черниговский и его боярин Федор, не поклонившиеся кусту, были зарезаны ножом, как мы преж-

[13] ПСРЛ 1908: 807–809.

[14] Галицко-Волынская летопись 1997: 257.

де об убиении их рассказывали, и приняли мученический венец. И иные многие князья и бояре были убиты.

Пробыл князь у них двадцать пять дней, был отпущен, и поручена была ему земля, которая у него была. Он пришел в землю свою, и встретили его брат и сыновья его, и был плач об обиде его и большая радость о здравии его.

И в ту же зиму Кондрат прислал посла за Васильком, говоря: “Пойдем на ятвягов”. Выпал снег и изморозь, и они не смогли идти и вернулись на Нуру.

Всем областям стало известно, что Даниил вернулся от татар и что Бог спас его»).

Две выделенные вставки определяются сравнительно уверенно. Слова об убийстве князя Михаила Черниговского и его боярина Федора отсылают к специальному рассказу об этом, приведенному выше в статье 6753 г. Ипатьевской летописи («еже предѣ сказахомъ кланяние ихъ»). Эти слова надо считать вторичными потому, что и сам рассказ вставной (на основе одной из ранних редакций жития этих святых)[15]. Упоминание о несостоявшемся походе Василька с Кондратом вставил волынский летописец, который специально пополнял текст «Летописца Даниила Галицкого» сведениями о деяниях Василька [16]. В.И. Ставиский предполагает и другие вставные фрагменты, однако эти предположения слабо обоснованы[17].

Первоначальный рассказ, как вытекает из общей схемы текстологического «расслоения» ГВЛ и как признают все исследователи, вышел из-под пера летописца Даниила Галицкого. Автор был несомненно современником описанных им событий и писал, вероятно, вскоре после них, но во всяком случае, не позднее 1264 г. Этот рассказ не мог быть совершенной литературной фикцией, так как был обращён к читателям, бывшим в курсе дела, и должен был представить князя в выгодном свете, отсылая к реальным фактам, а не предлагая заведомо неправдоподобную (выдуманную) картину [18]. С другой стороны, летописец творил,

[15] Может быть, вставными являются и фразы, примыкающие к этой вставке: «Ярослава, великого князя Суждальского, и зелиемь уморишa…» и «…инии мнозии князи избьени быша и бояре». Тем не менее, о Ярославе и его судьбе (его отравили в Каракоруме в 1246 г.) автор текста должен был знать, поскольку упомянул (в начале рассказа) о встрече Даниила с Сунгуром, «человеком» Ярослава.

[16] Эту вставку заметил ещё М.С. Грушевский: Грушевський 1901: 33.

[17] Прежде всего, подозрительными кажутся В.И. Ставискому почему-то упоминания «куста», которому должны были поклоняться князья в ханской ставке, и фрагменты с этими упоминаниями он выделяет как вставные (Ставиский 2011; Галицько-Волинський літопис 2020: 380–383). Между тем, о «кусте» говорят и другие древнерусские источники, независимые от ГВЛ (в частности, одна из редакций жития Михаила Черниговского и боярина Федора), и в любом случае, нет никаких формальных (текстологических и др.) оснований выделять эти фрагменты. Признавая, в принципе, вторичное происхождение фрагмента о мученичестве Михаила Черниговского и боярина Федора в статье 6753 г., В.И. Ставиский предлагает, однако, неоправданно сложное взаимоотношение текстов этого фрагмента, других фрагментов ГВЛ и житийных сочинений об этих святых (Галицько-Волинський літопис 2020: 378-388). Некоторые предположения о вставках делают также А.П. Толочко и В.А. Аристов (Там же: 411–415), но чисто гипотетические.

[18] В этом смысле авторы книги, на которую я неоднократно ссылаюсь (Галицько-Волинський літопис 2020), несколько «перегибают палку», настойчиво подчёркивая

а не составлял протокол, и в его нарративе присутствовали и известные политические интересы, и художественные приёмы. Важнейшая задача настоящей работы состоит именно в том, чтобы выявить эти интересы и приёмы, определить авторские подходы и интерпретации, показать, какое осмысление событий предлагал летописец.

Не принимая во внимание позднейших вставок, можно восстановить последовательность нарратива так: Даниил едет к Батыю, – прибыв в ханскую ставку, Даниил встречает Сунгура, «человека» суздальского князя Ярослава Всеволодича [19], и Сунгур указывает на необходимость «кланяться кусту», – Даниил распознал дьявола в «устах» Сунгура, а Бог «избавил» его от этого обряда, – Даниил кланяется «по обычаю их», т.е. монголов, хану Батыю и его жене Буракчине, причём передаётся разговор князя и хана, – летописец комментирует эту встречу как «злую честь» для князя, признавая его подчинение татарам и сравнивая его положение с судьбами его отца и других русских князей, – заключается рассказ сообщением о возвращении князя в свою землю и распространении вести по «странам», что Бог спас его.

Основное напряжение рассказа создаётся за счёт описания опасностей, которым подвергается князь в поездке, и разрешается оно в конце спасением Даниила: с Божьей помощью он вернулся домой. Рассказ подан в классической модели путешествия героя в дальнюю незнаемую землю и счастливого возвращения его после испытаний. В древнерусской литературе самым известным и ярким воплощением этой модели является описание похода новгород-северского князя Игоря на половцев в 1185 г. в «Слове о полку Игореве». Этот сюжет разработан в «Слове» на разных смысловых уровнях с многочисленными подтекстами и аллюзиями от Библии до фольклорных мотивов[20]. Конечно, в кратком летописном рассказе такой смысловой и художественной насыщенности не приходится ожидать, но аналогии очевидны, и главная среди них – это образ князя-героя, князя-солнца, погружающегося в тьму преисподней и возрождающегося в здешнем светлом мире. Если в «Слове» хтонический мир представлен половцами, то в летописи – монголами. В историографии этот замысел рассказа и его литературное воплощение остаются не оценёнными в должной мере.

Противостояние света и тьмы в «Слове о полку Игореве» подано как борьба «русичей»–христиан с половцами–«детьми бесовыми» и присутствует почти повсеместно в ткани произведения. В ГВЛ это противостояние не разработано подробно, оно чувствуется скорее в отдельных характеристиках или выражениях в описаниях военно-политических кон-

литературно-художественные черты ГВЛ и релятивируя (хотя эксплицитно и не отрицая напрочь) историческую достоверность этого произведения.

[19] Этот персонаж засвидетельствован в записках Плано Карпини как Сангор (Плано Карпини 2022: 191, 335). Он был боярином князя Ярослава из половцев, оставался в Орде ещё некоторое время после гибели Ярослава (сентябрь 1246 г.), и там его и встретил Даниил.

[20] См., прежде всего: Гаспаров 2000: 197–323.

фликтов руси с «безбожными» / «нечестивыми» / «погаными» монголами (татарами). Однако в этом рассказе о поездке Даниила к Батыю осознание такого космогонического столкновения сил Добра и Зла передано с предельной ясностью: автор не только прямо пишет о дьяволе, который «глаголет из уст» Сунгура, и о «злом бешении и кудешьстве» татар, и просто об их «злобе» и «лести», но использует аллюзию, чтобы придать общению Даниила и Батыя смысл встречи с самими бесами. Как заметил В.И. Ставиский, в словах Батыя, адресованных Даниилу: «ты уже нашь же тотаринъ», ясно просматривается образец – эпизод из отдельного рассказа о киево-печерских старцах («Сказания о первых черноризцах печерских»), вошедшего в состав Повести временных лет (в статье под 1074 г.)[21]. В «Сказании», в частности, рассказывалось о мучениях от бесов, которые претерпел один из старцев – Исакий, затворник, а потом юродивый. Говорилось, что мучения Исакия начались после того, как бесы обманули его, и когда он поклонился им, они «кликнуша и рѣша: “Нашь еси, Исакие, уже”»[22]. И потом «многажды бѣси пакости дѣаху» Исакию «и глаголаху: “Нашь еси, и поклонился еси нашему старѣишинѣ и намъ”. Он же глаголаше: “Вашь старѣишана Антихресть есть, а вы бѣси есте”»[23]. Избавлялся старец от бесов молитвой и крестным знамением.

И Повесть временных лет, и «Сказание» (включённое позднее в Киево-Печерский патерик) были, несомненно, известны автору «Летописца Даниила Галицкого», и аллюзия должна была прочитываться как однозначный намёк на дьявольскую сущность и Батыя, и вообще монгольской власти (или даже конкретнее: Батый – Антихрист, татары – бесы). Вместе с тем морок бесовщины хотя придавал мрачные оттенки рассказу, не определял его суть и характер в целом. Происходящее не подвергалось богословскому осмыслению, не подавалось как проповедь и не сводилось летописцем к религиозному конфликту как таковому. Прямо выраженное религиозное осуждение татарской «скверной прелести» содержалось только в том пассаже о язычестве монголов, который был вставлен позднейшим редактором в начало рассказа. Опознав вторичность этого пассажа, нужно несколько переставить акценты в оценке первоначального рассказа.

Основной смысл рассказа был не в том, чтобы заклеймить «поганство» и защитить христианство (конфликт религий оставался в подтексте как само собой разумеющийся), а чтобы прославить Даниила, которого «Бог спас» от всевозможных опасностей, ожидавших его в царстве Тьмы. Набор опасностей был ясно обозначен, и, как полагается опять же в классических моделях, их было три. В наборе этих опасностей мне видится основное содержательное наполнение рассказа, которое надо точно обозначить. До сих пор историки обращали внимание больше на одну из них, отчасти на другую, но практически игнорировали третью.

[21] Галицько-Волинський літопис 2020: 409. Заметив аналогию, В.И. Ставиский, однако, не комментирует её специально.
[22] ПСРЛ 1926: 192.
[23] ПСРЛ 1926: 196.

В первую очередь в литературе указывали на политические угрозы для Даниила. Об этом прямо говорил летописец, сообщая, что князю пришлось сидеть на коленях и признать себя ханским холопом. «Честь», вроде бы оказанная князю, обернулась «злее зла». Но в конце летописец сделал акцент на том, что князь вообще остался жив и сохранил власть: «поручена бысть земля его ему», – это был главный итог поездки, в перспективе летописца. Политическая реальность была такова, что хан выступал завоевателем и верховным правителем, а князь – побеждённым и его вассалом; но летописец, признав её, подчеркнул «оптимистическую» (для него и его аудитории) сторону дела – само спасение князя.

Кроме того, выразительный пассаж о язычестве монголов заставлял историков видеть религиозное осуждение монголов в рассказе. Пусть и отвергая этот пассаж как вторичный, всё равно, конечно, следует признать, что в первоначальном рассказе было указание на опасность для князя погибнуть из-за «вероисповедного вопроса»: телом – если отказаться пройти языческие обряды, душой – если согласиться на это, поддавшись искушению и греху. И недаром прямо было сказано, что сам Бог избавил Даниила от необходимости «кланяться кусту».

Но была и третья опасность. О ней говорил эпизод непосредственного общения Батыя с Даниилом. Ключевым моментом там был диалог хана и князя с предложением со стороны хана испить кумыс. Историки обычно трактуют эту сцену тоже в политическом контексте как описание символического подчинения русского князя монгольскому хану. С некоторыми разногласиями относительно того, насколько «злым» было реальное политическое значение этой «чести», такую трактовку развивают В.И. Ставиский и А.Г. Юрченко[24]. Разумеется, политические импликации в этой сцене были (в связи с означенной «первой опасностью»), но было ещё и нечто другое, на мой взгляд, более важное.

Понять смысл этого эпизода помогает культурная антропология и фольклор. Важно не упускать из виду прямой смысл всей сцены – угощение Даниила кумысом. Летописец рассказал об этой трапезе не случайно и придавал ей знаковый характер (независимо от того, что на самом деле происходило с князем в ханской ставке и что мог знать об этом летописец). Хорошо известно, что в традиционных культурах большое символическое и социально-культурное значение имеет употребление

[24] Оба развивают идею об адаптации (более чем формальной) Даниила в татарских властно-служебных кругах. Юрченко пишет, что Даниил полноправно вошёл в «имперскую элиту» (Юрченко 2012: 253–254). По мнению Ставиского, Даниил, признанный «холопом» Батыя, даже оказался зачисленным в определённые категории монгольских служилых людей (Ставиский 2017). Впрочем, в другой работе историк в мельком брошенном замечании допускает, что речь могла идти о сознательной хитрости татар, чтобы заставить князя отречься от христианства (Галицько-Волинський літопис 2020: 409). Идею о принятии Даниила в татарскую элиту отстаивает также рецензент моей статьи (оставшийся мне неизвестным). Заочная дискуссия с ним оказалась очень полезной для меня, и она заставила меня более артикулировано сформулировать замысел моей статьи: проанализировать не политические отношения как таковые, а их отражение в летописи, автор которой намеренно «маргинализировал» политическую сторону всей этой истории с Даниилом.

определенной пищи и напитков. Ограничения и запреты в еде структурировали культурную традицию и делали её особенной и узнаваемой, отличной от чужих. Как пишут авторы этнолингвистического словаря, питье воды или тех или иных напитков в традиционной культуре имеет символическо-обрядовый смысл: оно «укрепляет социальные связи, маркирует включение в социум новых членов или изменение статуса старых, служит приметой особого (сакрального) времени и особых событий»[25]. В церковно-канонической традиции тоже уделялось значительное внимание пищевым запретам; регулирование этой стороны повседневности откладывало отпечаток и на культурно-конфессиональное взаимодействие Руси и её соседей в эпоху XI–XIII вв.[26]

Употребление (или неупотребление) пищи и, в особенности, напитков – эта тема или сюжет, который так или иначе обыгрывается в древнерусских сочинениях в разного рода рассказах и известиях о взаимодействии руси с другими народами. Смысл этих рассказов был в том, чтобы наглядно показать отличия между своей культурой и чужой: в «нашей» культуре принято пить и есть такие-то продукты и таким-то образом, а у «них» – иначе, и потому они иные. С другой стороны, факт и процесс совместного пития представлялся как способ преодолеть эту разобщённость и заключить союз (реальный или мнимый, это уже могло быть поразному). В таком случае питие выступало как обряд (ритуал), имевший определённую семантику, а в каких-то случаях даже магический характер.

Можно вспомнить ряд рассказов или упоминаний такого рода (актуальной задачей было бы их обобщение), но здесь укажу только на один своего рода архетипический текст. В начальном летописании есть место, где заходит речь о «питии» как раз в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия. Это известный пассаж в рассказе о «выборе веры», когда описывается, как мусульманский миссионер излагал перед Владимиром, будущим крестителем Руси, правила и условия соблюдения ислама (статья 6494 (986) г.). В частности, проповедник говорил, что в исламе следует воздерживаться от употребления алкогольных напитков («вина не пити»). Хотя Владимира что-то из проповеди привлекло (прежде всего, разрешение многоженства), этот запрет, а также запрет есть свинину и необходимость обрезания, сразу вызвали у него отторжение: «…Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, и послушаше сладько. Но се ему бѣ не любо: обрѣзанье удовъ и о *неяденьи* мясъ свиныхъ, а о питьи отинудь рька: “Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти”»[27]. В отличие от неприятия обрезания и пищевых ограничений, не понравившихся лично князю, употребление алкоголя обосновано ссылкой на общественный уклад: среди русских людей «питье» – это «веселье», без которого обойтись невозможно.

[25] Валенцова 2009: 55. Ср. о семиотике «пищевого кода» в традиционной культуре (как раз в пограничных/переходных ситуациях встречи-проводов, согласия-отказа и т.п.): Пьянкова 2013.
[26] См.: Лаушкин 2019: 24–31.
[27] ПСРЛ 1926: 85.

В историографии давно устоялось понимание этого эпизода как свидетельства о важности института пира для поддержания интеграции и идентичности. Шла ли речь о «дружинных» пирах, т.е. собраниях военно-политической элиты, или о совместных трапезах более широких кругов населения (контекст не позволяет этого определить), ясна главная мысль летописца, что коллективное употребление алкоголя служило укреплению общности руси[28]. «Питье» выставлялось как важная этнокультурная традиция, включавшая, возможно, какие-то ритуальные элементы. Попытки пересмотреть такую интерпретацию эпизода и увидеть в нём, трактуя слова о «питье» как указание на христианскую литургию и прообраз принятия христианства русью, не представляются убедительными[29]. Никаких «евхаристических коннотаций», как выражается М.Ю. Андрейчева, ни диалог Владимира с исламским миссионером, ни летописный контекст не содержат. Это не богословский дискурс, а запись предания (возможно, бытовавшего как раз в «дружинной» среде), объяснявшего «выбор вер» в фольклорном ключе.

Даниил Галицкий в рассказе ГВЛ тоже представлен в ситуации выбора при столкновении культур, и сцена общения с татарским ханом насыщена символизмом. С одной стороны, летописец сообщает, что Батый предложил Даниилу отведать «чёрного молока», особого кумыса, который готовился по специальной технологии и очень ценился у кочевников. Употребление чёрного кумыса имело статусный и престижный характер, и предложение выпить тот напиток, который пили сам хан и высшая знать татар («наше питье»), можно было рассматривать как знак уважения[30]. Неслучайно летописец настойчиво пишет о «чести» Даниила, хотя и называет её «злой». С другой стороны, не менее ясно летописец пишет, что Даниилу кумыс не пришёлся по нутру и что Батый, поняв это, прислал ему в шатёр вино со словами: вы (русь) «не обыкли пити молока, пии вино». Оставшись при своих напитках, Даниил остался в своей культурной традиции. Попробовав кумыс в шатре Батыя, он только как бы заступил за грань этой традиции, но тут же в неё вернулся. И вернулся благополучно, как подчёркивает летописец, который должен был оправдать своего героя. Символизм этой «пограничной» ситуации оказывается двойной: летописец и отмечает особую «честь», оказанную князю татарами, но и придаёт знаковый характер отказу Даниила от татарского напитка (и вместе с тем, как бы и от самой «чести»).

И общий смысл, и символизм этой сцены остаются без удовлетворительных объяснений в существующих интерпретациях. Политические трактовки летописного рассказа, которые делают акцент на угощении Даниила кумысом как «чести» и включении его в «имперскую элиту», оставляют открытым вопрос, почему летописец затем никак не признал это включение, а наоборот, подчеркнул чуждость Даниила татарским обычаям. Религиозные трактовки, согласно которым смысл рассказа

[28] Ср., например: Ветловская 1987.
[29] Андрейчева 2019: С. 99–100 (автор опирается на соображения И.Н. Данилевского).
[30] Юрченко 2012: 241–248.

был в демонстрации сохранения Даниилом чистоты от «поганской» заразы, не объясняют, зачем тогда летописец вообще рассказал о питии кумыса в ханском шатре. Историки давно уже сопоставили с летописью свидетельство Вильгельма Рубрука, что некоторые христиане отказывались от монгольского кумыса именно по религиозным соображениям [31]. Надо было бы думать, что факт распития кумыса Даниилом скорее очернял его и что летописец, если сочувствовал своему герою, должен был бы замолчать этот факт. В таком духе как раз размышляет Ч. Гальперин и заключает, что летописец вообще осуждал Даниила и, рассказав о питии кумыса, хотел обвинить князя в отступлении от христианской веры[32]. Однако это заключение явно противоречит всему контексту рассказа, автор которого хотел Даниила оправдать и прославить.

На мой взгляд, логику рассказу можно понять, если признать, что летописец хотел показать не только опасности религиозного и политического свойства, подстерегавшие князя в ханской ставке, но и угрозу потери этнокультурной идентичности. Именно об этой угрозе говорили слова Батыя: «ты уже еси наш, татарин». Вне зависимости от того, что в реальности происходило во время встречи Даниила и Батыя и какое именно значение монголы вкладывали в угощение кумысом, мы должны воспринимать летописный нарратив как изложение событий, специально отобранных летописцем и представленных именно в его аранжировке. И летописец имел в виду, говоря современным языком, что питие кумыса из рук хана вело князя к принятию иной идентичности. Эти слова подразумевали не предательство веры или потерю суверенитета (об этом тоже говорилось, но не в этой сцене), а именно угрозу «отатариться». Их надо понимать в прямом смысле, то есть как своего рода предложение перехода в иной этнос. Символическое значение сцены совместного пития в данном случае заключалось в том, чтобы, с одной стороны, показать различие этнокультурных традиций: татары пьют кумыс, русь – вино, а с другой стороны, известить, что Даниил, оказавшись в пограничной ситуации столкновения этих традиций, преодолел принуждение (или искушение) отказаться от своей идентичности.

По сравнению с диалогом князя Владимира и мусульманского проповедника обмен репликами между Даниилом и Батыем построен наоборот или зеркально. Владимир говорил, как бы на своей территории, отвергая предложение пришедшего миссионера, и утверждал «свои» обычаи, свойственные руси. В ГВЛ с позиции силы говорит Батый и, заставив Даниила пить кумыс («наше питье»), утверждает, что тот уже стал «нашим» татарином, так что тому приходится защищаться и выпутываться из расставленной ловушки. В первом случае эксплицитно говорится о руси, во втором – о татарах. Но, разумеется, как «свою» Даниил защищал именно русскую идентичность, ибо летописец сразу же после описания встречи его с Батыем говорит о нём как «обла-

[31] Плано Карпини, Рубрук 1911: 84. Ср.: Селезнев 2011: 6.
[32] Гальперин 2012: 63–67.

дателе» Русской земли, а его отца Романа Мстиславича прославляет даже как «цесаря в Русской земле».

Важным и характерным представляется, что летописец использует в рассказе этноним «татары». Дело в том, что в реальности это слово не могло прозвучать ни в ставке Батыя, не тем более в его устах. Как известно, обозначение «татары» было для монголов экзоэтнонимом. Себя они называли монголами, причём к середине XIII в., с образованием империи чингизидов, «перемалыванием» разнородного населения, складыванием имперских институтов, включивших региональные элиты, этот термин приобрёл скорее характер политонима[33]. Полиэтничный характер огромного государства и имперское самосознание элиты создавали условия, в которых диалог князя и хана, представленный в летописи, был крайне маловероятным[34]. Возможно, в реальности приём Даниила в ставке Батыя и сопровождался какими-то предложениями – эксплицитными или имплицитными – вступить в монгольскую «имперскую элиту» (как предполагают некоторые учёные). Но в летописи представлена картина этой встречи в моделях, понятиях и терминах, свойственных древнерусским языку и сознанию. Летописец создаёт свой образ «татар» (не «монголов», как они сами себя называли!), встроенный в те представления о «чужих» народах, которые уже сформировались на Руси на основе опыта общения с разного рода этнополитическими общностями в эпоху XI–XIII вв.[35]

Таким образом, символический код и значение всей сцены общения Даниила с Батыем (и примыкающим к ней сообщением о посещении Даниилом ханши Буракчины) надо читать скорее в культурно-антропологическом ключе. На фоне других древнерусских текстов это довольно редкий случай, когда политическое и религиозное осмысление событий уравновешено взглядом, который мы сегодня назвали бы этнокультурным. Текстологическое изучение летописного рассказа хорошо показывает сбалансированность этих трёх подходов в первоначальной его версии. Вставка о языческих обрядах монголов нарушила баланс и заставила исследователей видеть в нём «церковные трафареты» и «религиозный фанатизм».

Весь рассказ ГВЛ о поездке Даниила в Орду представляет важное свидетельство осмысления современниками того кризиса идентичности, который несомненно переживала Русь в период установления господства монголов в середине – второй половине XIII в. Условия включения «русского улуса» в Монгольскую империю, затем Орду, предполагали, что между русью и татарами происходило довольно тесное общение и даже сотрудничество: князья и их окружение не только ездили к татарам с данью и за ярлыками, но и подолгу жили в Орде и даже женились на татарках, развивалась торговля, культурно-бытовой трансфер осуществ-

[33] См.: Измайлов 2009.

[34] Это обстоятельство подчеркнул рецензент статьи, за что я выражаю ему благодарность.

[35] Ср.: Лаушкин 2019: 156–193.

ляли многочисленные пленные и т.д. В этой ситуации книжники отвечали на этот вызов, защищая свою самобытность, которую можно (и даже нужно) было понимать широко. Конечно, в большинстве случаев упор делался именно на религиозные барьеры, и подчёркивалась приверженность Руси христианству. Но, как видим на примере этого рассказа, нарративно-риторические и литературно-художественные способы и модели обозначить свою идентичность и отличить своих от чужих могли быть разные. Это редкий пример в древнерусской литературе, когда книжник-интеллектуал использовал разные критерии различения, включая этнокультурный.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. СПб.: Нестор-История, 2019. 184 с. [Andrejcheva M.Yu. Obrazy inovercev v Povesti vremennyh let (Images of Foreign Believers in the "Tale of Bygone Years"). Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 184 p.].

Валенцова М.М. Пить // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 55–59. [Valentsova M.M. Pit' (Drink) // Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar' / ed. by N.I. Tolstoi. T. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. P. 55-59]

Ветловская В.Е. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 24. М.: Наука, 1987. С. 33–43 [Vetlovskaya V.E. Letopisnoe osmyslenie pirov i darenij v svete fol'klornyh i etnograficheskih dannyh (Chronicle interpretation of feasts and gifts in light of folklore and ethnographic data) // Russkij fol'klor. Materialy i issledovaniya. T. 24. Moscow: Nauka, 1987. P. 33–43].

Галицко-Волынская летопись. Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 184–357. [Galicko-Volynskaya letopis'. Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O. P. Lihachevoj (Galician-Volynian Chronicle. Translated by O.P. Lihacheva) // Biblioteka literatury Drevnej Rusi / ed. by D.S. Lihachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. T. 5: XIII vek. Saint-Petersburg: Nauka, 1997. P. 184–357].

Галицько-Волинський літопис. Текстологія / за ред. О. П. Толочка. Київ: Академперіодика, 2020. 929 с. [Galic'ko-Volins'kij litopis. Tekstologiya (Galician-Volynian Chronicle. Textology) / ed. by O. P. Tolochko. Kiïv: Akademperiodika, 2020. 929 p.].

Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж: ВГУ, 2012. 230 с. [Halperin Ch. Tatarskoe igo. Obraz mongolov v srednevekovoj Rossii (The Tatar Yoke. The Image of Mongols in Medieval Russia). Voronezh: VGU, 2012. 230 p.]

Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000. 608 с. [Gasparov B.M. Poetika «Slova o polku Igoreve» (The Poetics of the “Tale of Igos’s Campaign”). Moscow: Agraf, 2000. 608 p.].

Грушевський М.С. Хронольогія подій Галицько-Волинсько літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 1–72. [Grushevs'kij M.S. Hronol'ogiya podij Galic'ko-Volins'ko litopisi (The Chronology of the events of the Galician-Volhynian Chronicle) // Zapiski Naukovogo tovaristva imeni SHevchenka. T. 41. L'viv, 1901. P. 1–72].

Дробышев Ю.И. Монгольские ритуалы в русских летописях // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 4 (10). С. 91–102. [Drobyshev Yu.I. Mongol'skie ritualy v russkih letopisyah (Mongolian Rituals in the Russian Chronicles) // Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2019. 4(10). P. 91–102].

Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса // История татар с древнейших времен. Т. III. Казань: Академия наук Республики Татарстана, 2009. С. 349–365 [Izmailov I.L. Stanovlenie srednevekovogo tatarskogo etnosa (The Formation of the Medieval Ethnicity of Tatars) // Istoria tatar s drevneishikh vremen. Vol. III. Kazan’: Akademiia nauk Respubliki Tatarstana, 2009. P. 349–365].

Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Вып. 1. М.: Институт истории СССР, 1990. С. 15–69. [Kuchkin V.A. Mongolo-tatarskoe igo v osveshchenii drevnerusskih knizhnikov (XIII – pervaya chetvert' XIV v.) (The Mongol-Tatar yoke as described by ancient Russian writers (13th – first quarter of the 14th century)) // Russkaya kul'tura v usloviyah inozemnyh nashestvij i vojn. Vol. 1. Moscow: Institut istorii SSSR, 1990. P. 15–69].

Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. 304 с. [Laushkin A.V. Rus' i sosedi: istoria etnokonfessionalnykh predstavlenii v drevnerusskoi knizhnosti XI–XIII vv. (Rus' and its Neighbours: A History of the ethno-confessional ideas in the Old-Russian Writings). Moscow: Universitet Dmitria Pozharskogo, 2019. 304 p.].

Майоров А.В. Даниил Галицкий в пути к хану Батыю: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду // Stratum plus. 2016. № 6. С. 195–202. [Majorov A.V. Daniil Galickij v puti k hanu Batyyu: k sporam o prodolzhitel'nosti poezdki knyazya v Ordu (Daniel of Galicia on the way to Khan Batu: on the disputes about the duration of the prince's trip to the Horde) // Stratum plus. 2016. 6. P. 195–202]

де Плано Карпини И. История монголов / ред. А.А. Горский, В.В. Трепавлов. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с. [de Plano Carpini I. Istoriya mongolov (A History of the Mongols) / ed. by A.A. Gorskij, V.V. Trepavlov. Moscow: IDV RAN, 2022. 383 p.]

де Плано Карпини И. История монгалов, де Рубрук В. Путешествие в восточныя страны / Введение, пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1911. 224 с. [de Plano Carpini I. Istoriya mongalov (A History of the Mongols), de Rubruck W. Puteshestvie v vostochnyya strany (A Journey to the Eastern Lands) / ed. by A.I. Malein. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1911. 224 p.]

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л.: Археографическая комиссия, 1926. 577 с. [Polnoe sobranie russkih letopisej (PSRL) (Complete Collection of the Russian Chronicles). T. 1: Lavrent'evskaya letopis'. Leningrad: Arheograficheskaya komissiya, 1926. 577 p.]

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Археографическая комиссия, 1908. 938 с. [Polnoe sobranie russkih letopisej (PSRL) (Complete Collection of the Russian Chronicles). T. 2: Ipat'evskaya letopis'. Saint-Petersburg: Arheograficheskaya komissiya, 1908. 938 p.]

Пьянкова К.В. К вопросу о коммуникативных функциях пищи (на материале славянской культурно-языковой традиции) // Ритуал в языке и коммуникации / ред. Л.Л. Федорова. М.: ЯСК: Знак, 2013. С. 337–348. [P'yankova K.V. K voprosu o kommunikativnyh funkciyah pishchi (na materiale slavyanskoj kul'turno-yazykovoj tradicii) (On the issue of the communicative functions of food (based on the Slavic cultural and linguistic tradition)) // Ritual v yazyke i kommunikacii / ed. by L.L. Fedorova. Moscow: YASK: Znak, 2013. P. 337–348].

Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. Изд. 2-е. М.: Квадрига, 2014. 265 с. [Rudakov V. N. Mongoly-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV v. (Mongols Viewed by the Old-Russian Writers of the mid 13–15 Centuries). Moscow, 2014. 265 p.].

Селезнев Ю.В. Русский князь в ставке ордынского хана // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международный отношения. 2011. Т. 11. Вып. 2. Часть 2. С. 3–10 [Seleznev Yu.V. Russkij knyaz' v stavke ordynskogo hana (The Russian Prince at the Residence of the Khan of the Horde) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyj otnosheniya. 2011. 11/2. Part 2. P. 3–10].

Ставиский В.И. Читаем Галицко-Волынскую летопись // Ruthenica. 2011. Т. 10. С. 241–250. [Staviskij V.I. Chitaem Galicko-Volynskuyu letopis' (Reading the Galician-Volhynian Chronicle) // Ruthenica. 2011. Vol. 10. P. 241–250].

Ставиский В.И. «Ты оуже нашь же татаринъ» (К вопросу о формировании новой этнополитической общности на территории южной Руси в середине XIII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 214–217. [Staviskij V.I. «Ty ouzhe nash' zhe tatarin"» (K voprosu o formirovanii novoj etnopoliticheskoj obshchnosti na territorii yuzhnoj Rusi v seredine XIII v.) ("You are already ours, a Tatar" (On the issue of the formation of a

new ethnopolitical community on the territory of southern Rus' in the middle of the 13th century)) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXIX Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Moscow: IVI RAN, 2017. P. 214–217].

Ставиский В.И. О смысловой нагрузке ритуала «поклонения кусту» // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Выпуск XXXII / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 198–202. [Staviskij V.I. O smyslovoj nagruzke rituala «pokloneniya kustu» (On the semantics of the ritual of "worshipping the bush") // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Vypusk XXHII / ed. by E.A. Mel'nikova. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 198–202].

Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134 [Stefanovich P.S. Politicheskoe razvitie Galicko-Volynskoj Rusi v 1240–1340 gg. i otnosheniya s Ordoj (Political development of Galicia-Volhynian Rus' in 1240—1340 and relationship with the Horde) // Rossijskaya istoriya. 2019. 4. P. 116–134].

Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 368 с. [Yurchenko A.G. Zolotaya Orda: mezhdu Yasoj i Koranom (nachalo konflikta). Kniga-konspekt (The Golden Horde: Between Yasa and Koran (Beginning of the Conflict). Book-summary). Saint-Petersburg: EVRAZIYA, 2012. 368 p.].

Gippius A. Reconstructing the original of the Povest' vremennyx let: a contribution to the debate // Russian Linguistics. Vol. 38 (2014). P. 341–366.

***Стефанович Пётр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор РАН, профессор, Научно-исследовательский университет–Высшая школа экономики; ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН; pstefanovich@hse.ru*

Tatars and the Identity of Rus'
The View of the Chronicler of Daniel of Galicia

The author of article analyzes the story from the so-called Galician–Volhynian Chronicle about the trip of prince Daniel of Galicia to the residence of Khan Batu in early 1246. Based on textual studies of the chronicle, he reconstructs the original form of the story, written by the Volynian chronicler, probably soon after 1246. Then he reveals the symbolic meaning of the original story. In his opinion, the chronicler described the meeting of the Rus'ian prince and the Tatar khan as a clash of different cultures and pointed out the danger of losing his own identity, to which prince Daniil was exposed. The peculiarity of this story is that the chronicler distinguished between "his own" (the Rus') and "foreigners" (the Mongols) not only according to religious and political criteria (as was usually done by the authors of other Rus'ian texts of the second half of the 13th–14th centuries), but also according to ethnocultural criteria. The author of the article reads this code of ethnic distinction in the scene of direct communication between the two rulers, when Khan Batu, offering Daniel the Mongolian drink (a special kind of kumis), claimed that the prince had already become one of "ours" - a Tatar. This interpretation is substantiated by comparison with other stories and episodes from earlier Rus'ian chronicles.

***Keywords:** Old Rus', Daniel of Galicia, Golden Horde, Russian identity.*

***Stefanovich Petr S.**, professor, National Research University Higher School of Economics (HSE); Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; pstefanovich@hse.ru*

Д.С. Парфирьев

НЕ ТОЛЬКО ПОЛЯКИ: ЗАБЫТОЕ ВОЗЗВАНИЕ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА К «РУССКОМУ НАРОДУ» ГАЛИЦИИ

Воззвание Верховного главнокомандующего Николая Николаевича «Русскому народу» от 5 августа 1914 года до сих пор почти не привлекало внимания историков и упоминалось ими лишь в связи с широко известным воззванием того же адресанта к полякам. В статье впервые в историографии «русское» воззвание рассматривается как самостоятельный документ. Прослеживаются обстоятельства его издания и распространения, анализируется содержание воззвания, а также реакция на него русского общества и населения оккупированной Галиции. Аргументированно опровергается версия, что в основу текста легли наработки галицийских русофилов, – их риторика существенно расходилась с тезисами воззвания. Обращение Николая Николаевича нельзя считать программой «русификации» Галиции: напротив, оно было выдержано в весьма нейтральном ключе и не давало чёткого представления о характере будущего присоединения региона к России. Бурной реакции в самой России слова главнокомандующего, обращённые к «русскому народу», не вызвали, затерявшись на фоне обращения к полякам и более позднего воззвания «Народам Австро-Венгрии». До середины 1915 г. воззвание упоминалось лишь в спорах представителей украинского движения и их противников, где каждая из сторон трактовала содержание документа в свою пользу, а затем исчезло из общественного дискурса.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Австро-Венгрия, Галиция, Николай Николаевич, русофилы, украинцы, пропаганда.*

1 августа 1914 г.[1] от имени Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича-младшего, который приходился императору двоюродным дядей, было опубликовано воззвание к полякам. История его создания этого документа, определившего вектор польской политики Российской империи в последние годы её существования, и резонанс, произведённый им в России и за её пределами, широко освещены в научной литературе, в т.ч. в специальных исследованиях[2]. При этом на периферии внимания учёных до сих пор остаётся ещё одно воззвание за подписью Николая Николаевича, обнародованное 5 августа и адресованное «русскому народу» Галиции. Под «русским народом» подразумевались русины – восточнославянское население региона, которое российским правительством в период Первой мировой войны рассматривалось исключительно как русское. О воззвании «Русскому народу» как образце «демагогической» риторики царских властей писали ещё советские историки[3], но многие современные исследователи, уделяющие внимание воззванию к полякам, даже не упоминают о «русском» аналоге или не придают ему сопоставимого значения. Так, А.Б. Асташов, выявивший и опубликовавший тексты нескольких адресованных русинам Австро-Венгрии листовок 1914–1915 гг., цитирует и комментирует обращение великого князя в одном ряду с прочими прокламациями[4]. Си-

[1] Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.
[2] Бахтурина 1998; Аржакова 2012; Селезнёв 2017.
[3] Осечинський 1954: 109.
[4] Асташов 2012: 14.

туация осложняется тем, что воззвание «Русскому народу» с самого начала часто путали с третьим, появившимся уже 4 сентября 1914 г., воззванием великого князя – «Народам Австро-Венгрии»[5]. Это заблуждение закономерно, поскольку сам текст последнего был датирован августом[6]. Как следствие, в работах некоторых исследователей говорится только об обращениях Главнокомандующего к полякам и «народам Австро-Венгрии»[7]. Украинские специалисты часто упоминают о воззвании «Русскому народу», но склонны искажать его статус и смысл, называя то «воззванием к украинскому народу Галиции»[8], то «манифестом к москвофилам Галиции»[9], то «царским манифестом, который подписал верховный главнокомандующий»[10]. В сборнике документов по истории Украины в годы Первой мировой войны, вышедшем в 2015 г. под грифом Института истории НАН Украины, документ опубликован под заголовком «Воззвание верховного главнокомандующего русской армии *к народу*» [курсив мой – *Д.П.*][11]. В исторической науке нет ясного понимания, кем и с учётом каких соображений составлялся текст воззвания. У представителей украинского движения ещё во время войны сложилось мнение, что к нему имели отношение галицийские русофилы – представители течения русинской интеллигенции, которое ориентировалось на Россию и считало русинов частью русского народа[12]. Современник событий, украинский историк И. Крипякевич, находил в воззвании отголоски риторики «Карпато-русского освободительного комитета», организации галицийских русофилов, созданной в конце июля 1914 г. в Киеве: «Его содержание, даже целые фразы намекают на телеграмму Освобод. Комитета и указывают на круги авторства»[13]. Этой версии придерживаются и некоторые современные историки[14]. В настоящей статье предпринимается попытка установить обстоятельства публикации и распространения воззвания, проанализировать его содержание на предмет сходства с заявлениями русофилов и проследить то, какую реакцию документ вызвал в русском обществе и в самой Галиции.

Первое публичное воззвание к «русским Галиции» во время Первой мировой войны действительно появилось ещё в конце июля в Киеве, где в ту пору находился «мозговой центр» галицийского русофильства. Группа деятелей этого движения, выехавших в Россию незадолго до начала войны с Австро-Венгрией, 28 июля собралась в Киеве, а 29 июля под эгидой штаба Киевского военного округа учредила «Карпато-русский освободительный комитет» (КРОК) под председательством препо-

[5] Achmatowicz 2003: 355.
[6] Армейский вестник. 1914. № 14. С. 1.
[7] Асташов 2012: 13–14; Бахтурина 2004: 24, 34; Haid 2019: 27.
[8] Куцик 2018: 43.
[9] Ковбаса 2023: 83.
[10] Швець 2023: 20–34.
[11] Велика війна 1914–1918 рр. і Україна 2015: 220.
[12] Дзерович 2018: 128.
[13] Петрович [Кріп'якевич] 1915: 12.
[14] Ільницький 2013: 370; Савино 2021: 220.

давателя Киевского университета галичанина Ю.А. Яворского[15]. В тот же день КРОК опубликовал своё воззвание к «многострадальному русскому народу Галицкой земли»[16]. Лидер русофилов В.Ф. Дудыкевич, который также переехал в Россию накануне войны, не поехал в Киев, а сразу направился в Санкт-Петербург, чтобы представить в высших эшелонах власти обширную записку о перспективах послевоенного устройства Галиции[17]. Только на следующий день после обнародования воззвания КРОК, 30 июля, идея обращения Верховного главнокомандующего к «русским Галиции», наряду с воззванием к полякам, была одобрена на заседании Совета министров[18]. Составление обоих текстов было поручено опытному дипломату и знатоку славянских народов Г.Н. Трубецкому. Деятельность КРОК с самого начала контролировалась штабом Киевского военного округа и, как следствие, штабом Юго-Западного фронта, и не синхронизировалась с позицией МИД: лишь 1 августа глава ведомства С.Д. Сазонов в ответ на просьбу командующего фронтом предложил ему кандидатуру представителя министерства при штабе[19]. Дудыкевич в столице также не имел связи с коллегами: под воззванием комитета даже не стояло его подписи[20], и 4 августа в письме Яворскому он просил указаний, что ему делать и в каком направлении действовать[21]. В Санкт-Петербурге в то время находился и главный российский покровитель галицийских русофилов, депутат Государственной думы В.А. Бобринский, возглавлявший Галицко-русское общество (ГРО) в Санкт-Петербурге, – 5 августа он только собирался приехать в Киев[22]. По воспоминаниям Трубецкого, оба они, и Дудыкевич, и Бобринский, «очень хлопотали» об отдельном обращении к «русским», причём проект, принесённый Бобринским, показался дипломату «слишком длинным и витиеватым»[23]. Но опираться в своих рекомендациях на текст КРОК они вряд ли могли. Видимо, с содержанием воззвания киевского комитета Дудыкевич ознакомился 4 августа из публикации в газете «Новое время»[24]. А уже на следующий день был обнародован текст воззвания от имени Николая Николаевича «Русскому народу», подготовленный Трубецким. В нём подчёркивался исторически русский характер занимаемых территорий, а Галиция называлась «достоянием Владимира Святого, Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа»[25].

Текст авторства Трубецкого был составлен в иных интонациях, чем воззвание КРОК. Во-первых, в нём никак не фигурировало право-

[15] Прикарпатская Русь. 26 августа 1914. № 3. С. 3.
[16] Асташов 2012: 271–272.
[17] Гайсенюк 2017: 97–98.
[18] Совет министров Российской империи… 1999: 27.
[19] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3852. Л. 59.
[20] Новое время. 8 (21) августа 1914. № 13795. С. 2.
[21] Гайсенюк 2017: 96.
[22] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3852. Л. 32.
[23] Трубецкой 2020: 234.
[24] Новое время. 4 (17) августа 1914. № 13791. С. 3.
[25] Известия Министерства… 1914: 42.

славие: автор писал, что «русский народ» Галиции переносил «чужеземное иго» с «*христианским* смирением» [курсив мой – *Д.П.*]. В отличие от воззвания КРОК и других прокламаций первых двух месяцев войны, рассчитанных на «русских» Австро-Венгрии[26], в словах Главнокомандующего не упоминались ни «православное воинство», ни «православный царь», ни вообще православие как таковое – войска назывались просто «русской ратью». Трубецкой был глубоко верующим человеком, много изучал историю церкви и считал православие ключевым идеалом русского народа[27], поэтому прилагательное «христианский», а не «православный», несомненно, было выбрано им неслучайно. Подавляющее большинство адресатов воззвания были греко-католиками (униатами), и упоминание православия могло произвести на образованных русинов неоднозначное впечатление. Во-вторых, текст, составленный Трубецким, был предельно дипломатичен по отношению к польскому элементу населению, который преобладало во Львове и составляло четверть населения Восточной Галиции. В начале войны даже правые круги русского общества избегали критики поляков: власти России стремились заручиться их симпатиями в самой империи и за её пределами, и в пропаганде образ поляка не должен был носить негативных коннотаций[28]. В воззвании КРОК тоже не упоминались поляки, но несколько раз повторялось, что страдания «Галицкой Руси» и её «многострадального народа» продолжались шестьсот лет – то есть со времён присоединения территории бывшего Галицко-Волынского княжества к польскому королевству. Трубецкой, упоминая о «чужеземном иге» над «русским народом», ограничился более расплывчатой формулировкой «в течение веков». Олицетворением «чужеземного ига» у Трубецкого становится «шваб», то есть немец. Преувеличение роли немцев в «угнетении» Галиции было характерно именно для русского общественного мнения и печати, тогда как сами русофилы считали главными «угнетателями» своего народа поляков, а на второе место ставили евреев и «предателей»-украинцев[29]. Трубецкой, конечно, понимал этнополитическую ситуацию в Галиции, и смещением акцента на «шваба» явно снимал вопрос о том, кто был субъектом «чужеземного ига».

Наконец, КРОК, обращаясь к соплеменникам, упоминал о «заразе братоубийственного раздора», имея в виду украинское движение, и при этом не предлагал никакой примирительной риторики по отношению к другим народам. В послании Николая Николаевича к «русскому народу», напротив, не делалось никаких намёков на украинцев и содержался призыв «не обижать мирных людей, какой бы они ни были народности», и «не полагать своего счастья в притеснении иноземцев». Сравнивая слова Николая Николаевича, адресованные полякам, с более поздним воззванием к «народам Австро-Венгрии», А.Ю. Бахтурина отметила, что по-

[26] Асташов 2012: 283–284, 286–287.
[27] Ливен 2017: 151–152.
[28] Сенявская 2016: 119–120.
[29] Haid 2019: 97.

следнее «было выдержано в несколько ином тоне», поскольку в нём всем народам обещалась свобода национального развития[30]. Но, как видим, ничего противоречащего этому не было и в воззвании к «русским».

Историк Б.И. Колоницкий высказывал мысль, что воззвание «Русскому народу» было призвано уточнить представление о возможных границах «возрождённой Польши», давая понять, что населённые русинами территории не войдут в состав польского территориального образования[31]. Но чёткого представления об этнографических границах проживания «русского народа» текст не давал: в нём не упоминались никакие географические объекты, будь то Карпаты или река Сан. Как верно отметил польский исследователь А. Ахматович, «воззвание, по сути дела, ничего не обещало», а лишь обозначало само намерение России присоединить восточнославянские земли Австро-Венгрии[32]. Поэтому впору сказать, что Трубецкой лишь аккуратно обнадёживал галицийских «русских» и их единомышленников в России.

По рекомендации МИД оба воззвания – и «польское», и «русское» – распространялись среди местных жителей[33]. Штаб Юго-Западного фронта предписывал делать это «путём наклейки на здания селений и городов раздачи на базарах улицах и другими способами»[34]. Солдаты и казаки раздавали листовки с обращением Главнокомандующего в галицийских селениях[35]. Свидетель вступления в Галицию русских войск, в то время двадцатилетний юноша, вспоминал, как офицер вручил ему листовку со словами Николая Николаевича: «Он дал мне воззвание и сказал читать. В воззвании говорилось, что возвращаются времена Ивана Калиты, что весь “русский народ” объединится в одну семью перед царём. В таком духе было написано это воззвание. Тогда тот офицер дал мне несколько таких воззваний и сказал, чтобы я у себя спрятал, а как приду домой, чтобы их читал людям и так их просвещал»[36]. Но, по-видимому, в сельской местности призыв дошёл не до всех адресатов. В декабре 1914 г. один русский военнослужащий делился в частном письме: «Воззвание «Братья – Поляки» обеспокоило русское население. Спрашивали – не вернётся ли с польщизной паньщизна»[37].

После занятия русскими войсками Львова 21 августа воззвание распространялось среди горожан, развешивалось на улицах. Львовский униатский священник вспоминал: «Среди публики вертелись дамочки и раздавали какие-то воззвания. Подошла одна и ко мне. Я взял бумагу в руки. Это было “послание” главнокомандующего к “русскому” народу»[38]. Львовский журналист Б. Януш, комментируя воззвание, иронизировал,

[30] Бахтурина 2000: 58.
[31] Колоницкий 2021: 399–400.
[32] Achmatowicz 2003: 355.
[33] Бахтурина 2000: 71.
[34] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3852. Л. 92.
[35] У півстолітніх змаганнях 1993: 286.
[36] Мінчак 1975: 38.
[37] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1983.
[38] Левицький 2018: 263.

что «народа такого здесь нет вообще, а представлять его пытаются люди, которые без подробного словаря не в состоянии были бы даже понять этого воззвания, собственно только к ним и направленного»[39]. К сожалению, по многим другим свидетельствам оккупации Галиции невозможно понять, что тот или иной автор читал в первые недели войны – воззвание «Русскому народу» или какие-то другие прокламации. Наряду с обращением Николая Николаевича, в регионе широко распространялись, например, воззвания КРОК: ещё 30 июля в типографии штаба Киевского военного округа было заказано 50 тыс. экземпляров воззвания для последующего распространения в завоёванном регионе[40].

Украинские деятели Галиции, задачей которых в начале войны было опровержение представления властей Австро-Венгрии о пророссийских настроениях галицийских русинов, крайне негативно отреагировали на обращение Николая Николаевича. Ещё до занятия русской армией Львова униатский митрополит Галицкий Андрей Шептицкий обратился к пастве с призывом «не принимать иудина совета», сохранить верность присяге и не оказывать никакой помощи врагу: «Враг разбрасывает по краю лживое письмо, в котором, злоупотребляя святыми словами и молитвами, притворяющийся монахом еретик смеет Божьим именем разрешать наших людей от присяги на верность нашему императору»[41]. Поэт И. Франко, вернувшийся в уже оккупированный Львов из сельской местности в конце августа, под впечатлением от воззвания написал сатирическое стихотворение «Царские слова» (укр. «Царські слова»), в котором, цитируя отдельные фразы из текста, от лица Николая II обещал показать «русским», «…кто их палач, а кто брат, // Что такое “русский царь”, и что “русский бог”, // …что такое исправник, что – острог, // Что – православие и его святая сила // И что такое значит “согнуть в бараний рог”»[42].

Общественными кругами самой России воззвание «Русскому народу» почти не было замечено. Автор обращений к полякам и «русским» Г.Н. Трубецкой впоследствии вспоминал: «Те, кому не понравилось польское воззвание, очень одобрили русское и – наоборот. Никто не думал, что оба воззвания были написаны одним и тем же лицом»[43]. Если слова, адресованные полякам, действительно вызвали оживлённые дискуссии в русском обществе и среди польских подданных Российской империи[44], то изданный 5 августа документ рассматривался в лучшем случае как приложение к предыдущему и воспринимался скептически. Это хорошо прослеживается по упоминаниям о «русском» воззвании в дневниках современников. Если оно комментировалось, то только в связи с «польским» аналогом. Журналист М.К. Лемке иронизировал, что «недоверие к первому векселю, очевидно, побудило… выдать второй» и

[39] Janusz 1915: 47.
[40] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3852. Л. 27.
[41] Діло. 26 серпня 1914. Ч. 190. С. 1.
[42] Франко 2008: 204–205.
[43] Трубецкой 2020: 234.
[44] Колоницкий 2021: 400–410; Бахтурина 2004: 29–35.

отмечал, что «отношение общества к этому документу недоверчивое»[45]. Историк искусства Н.Н. Врангель в дневнике называл воззвание «не имеющим определённой задачи […] пустым и ненужным набором фраз», которое лишь обесценивает значение воззвания к полякам[46]. Инженер Н.М. Щапов в дневниковой записи отметил, что «воззвания главнокомандующего к полякам и русинам естественны, но наивны»[47]. Отношение интеллигенции того времени к воззванию передал в романе «Повесть о пустяках», изданном двадцать лет спустя в эмиграции, современник событий художник Ю.П. Анненков. Один из персонажей романа смеётся над «манифестом» так, что «от смеха прыгают в его руках газетные листы», другой называет его «идиотским», третий – иронизирует над перечислением в воззвании исторических деятелей эпохи Древней Руси: «Непростительная рассеянность, позабыты Синеус и Трувор»[48].

Большинство представителей общественности, которые так или иначе реагировали на тему «польского» воззвания, игнорировали «русский» аналог. Так, в дневнике дипломата Л.В. Урусова 5 августа заявление о восстановлении Польши было названо «безгранично важной мерой», а о втором воззвании ни в этот, ни в последующие дни не упоминалось ничего[49]. В книге В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» приводились тексты обоих воззваний, а за ними следовала статья «Судьба Польши и слово Верховного Главнокомандующего», где о «русском» воззвании не было сказано ни слова[50], хотя из других публикаций Розанова военного времени явствует, что он в целом разделял лозунги «добывания отчины… Владимира Святого и Ярослава Мудрого»[51]. Лояльные русской власти польские авторы, комментируя обращение Главнокомандующего к их соплеменникам, по понятным причинам избегали упоминать об отдельном воззвании к «русскому народу»[52].

Особое значение словам Николая Николаевича, обнародованным 5 августа, на протяжении войны придавали только галицийские русофилы, которые усматривали в нём признание официальным Петербургом «русскости» галичан и сигнал к будущему «воссоединению» Галиции с Россией. Морской офицер И. Свистун, сын галицийского учёного Ф. Свистуна, переехавший в Россию и служивший на Балтийском флоте, в самом начале войны делился в частном письме: «Долго жданный час [так в тексте – *Д.П.*] для нас, русских галичан, настал и нашей заветной мечте по-видимому суждено сбыться. Воззванием Главнокомандующего мы призваны к единению с державной Россией. Да благословит Бог русское оружие!»[53]. «Зацепкой» для русофилов стало то, что на воззвание одна-

[45] Лемке 2003: 23–24.
[46] Врангель 2001: 35.
[47] Щапов 1998: 261.
[48] Темирязев [Анненков] 1934: 67.
[49] Урусов 2017: 33–34.
[50] Розанов 1915: 93–137.
[51] Розанов 1914: 5.
[52] Ольшамовский 1915.
[53] РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 258. Л. 8.

жды сослался военный генерал-губернатор Галиции Г.А. Бобринский. По прибытии во Львов в самом начале оккупации города он принял депутацию местных русофильских деятелей и в выступлении перед ними отметил, что «великое историческое дело» ещё 5 августа провозгласил Николай Николаевич, и, переиначивая слова воззвания, добавил: «Нет более подъяремной Руси»[54]. В последующих публичных выступлениях Бобринский к этому документу уже не апеллировал, зато главный печатный орган русофилов, львовская газета «Прикарпатская Русь», подчёркивал, что воззвание «радостно потрясло Прикарпатских малороссов до самых глубин народной жизни и объединило их в общем порыве сплотиться навеки у священного Престола Русского Царя»[55]. В конце октября приехавший во Львов один из лидеров ГРО Д.Н. Вергун, уроженец Галиции, на банкете с участием местных русофилов выступил за издание ещё одного «особого манифеста о воссоединении освобождённых русских земель» с учётом опубликованных в начале войны воззваний[56]. Член «Русского народного совета» М. Глушкевич писал, что слова Главнокомандующего, обнародованные 5 августа, с каждым днём приобретают всё большее значение как «клич патриота-вождя, ведущего свои полки на жертвенный подвиг освобождения единокровных братьев». Глушкевич даже дословно повторял использованный Трубецким экзотический термин «сретение», который не попадался автору этой статьи в других программных документах и выступлениях русофилов времён войны[57].

До лета 1915 г. воззвание «Русскому народу» время от времени упоминалось и цитировалось в пропагандистских заметках в русских газетах[58]. Самым популярным контекстом, в котором оно фигурировало, было отношение русских властей к украинскому движению в Галиции. Когда в начале сентября от имени Николая Николаевича было издано новое воззвание «К народам Австро-Венгрии», где Главковерх, не называя конкретных народов, обещал им «свободу и осуществление… народных вожделений», благосклонная к украинскому движению русская либеральная пресса сразу связала это с признанием прав галицийских украинцев[59]. Автор публикации «Галицийский узел» в либеральном «Одесском листке» взял интервью у представителя ГРО и украинского деятеля, и оба истолковали воззвания в «свою» пользу. Председатель одесского отдела ГРО П.Е. Казанский заметил, что «сочувствие всего русского общества в Империи на стороне мыслей, положенных в основу трёх обращений Верховного Главнокомандующего», а украинец И.М. Луценко – что последнее из воззваний «обещало, что язык, вера и культурные приобретения всех народов Австрии, в том числе, следовательно, и украинцев, не потерпят никакого ущерба от присоединения к

[54] Новое время. 16 (29) сентября 1914. № 13834. С. 4.
[55] Прикарпатская Русь. 10 (23) октября 1914. № 1438. С. 1.
[56] Вергун 1935: 3.
[57] Прикарпатская Русь. 23 сентября (6 октября) 1914. № 1423. С. 1.
[58] Новое время. 15 (28) сентября 1914. № 13833. С. 3; Армейский вестник. 12 октября 1914. № 28. С. 2; Голос Руси. 7 апреля 1915. № 446. С. 3.
[59] Одесский листок. 5 сентября 1914. № 237. С. 2.

России»[60]. Правая печать парировала, что воззвание к «народам Австро-Венгрии» не относится к украинцам, поскольку изданное 5 августа воззвание «Русскому народу» обозначило, что никакого украинского народа в Галиции власти России не признают. В газете «Новое время» автор под псевдонимом «Галичанин» писал, что украинцами «нарочно умалчивается о воззвании Верховного Главнокомандующего, провозгласившего воссоединение подъяремной Руси с Русью Державной, представляющее собою завершение исторической задачи собирания Русской земли», подразумевая как раз документ от 5 августа. «Это воззвание, – подчёркивал автор, – обращено к «русскому народу» у Карпат и не подлежит никаким извращениям»[61]. В другой заметке «Нового времени» с говорящим названием «Украиноманские происки» отмечалось, что «украиноманы» из московского журнала «Украинская жизнь» превратно трактуют смысл воззвания «К народам Австро-Венгрии» и «совершенно скрывают от своих читателей другое воззвание той же власти, адресованное напрямую «русскому народу» в Прикарпатье»[62].

События лета 1915 г. – сначала оставление русской армией большей части Галиции со Львовом, а затем уход Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего, – вывели воззвание «Русскому народу» из общественного дискурса. Опиравшимся на него лидерам галицийских русофилов стало не до «сретения русской рати»: в новой обстановке они погрузились в дело помощи тысячам беженцев, отступивших из Галиции с русскими войсками и рассеявшихся по территории России. В результате оттенённое аналогичными воззваниями к полякам и «народам Австро-Венгрии» и затерявшееся среди похожих прокламаций к населению Галиции обращение великого князя к «русским» забылось современниками и почти не замечалось исследователями.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Андрей Шептицький, Митрополит Галицький всїм вірним пограничних сїл всїх трех Галицьких Епархій // Діло. 26 серпня 1914. Ч. 190. С. 1. [Andrej Sheptyts'kyj, Mytropolyt Halyts'kyj vsim virnym pohranychnykh sil vsikh trekh Halyts'kykh Jeparkhij // Dilo. 26 serpnya 1914. Ch. 190. P. 1].

Армейский вестник. 9 сент. 1914. № 14. С. 1 [Armeyskiy vestnik. 9 sentyabrya 1914. № 14. P. 1].

Б.Б. Из львовских впечатлений // Армейский вестник. 12 октября 1914. № 28. С. 2. [B.B. Iz l'vovskikh vpechatleniy // Armeyskiy vestnik. 12 oktyabrya 1914. № 28. P. 2].

Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. У 2-х кн. Кн. 2. Мовою документів і свідчень. К.: ТОВ «Видавництво "Кліо"», 2015. 800 с. [Velyka vijna 1914–1918 rr. i Ukraina. U 2-kh kn. Kn. 2. Movoju dokumentiv i svidchen'. Kyiv: TOV «Vydavnytstvo "Klio"», 2015. 800 p.].

Вергун Д. Памяти М.Ф. Глушкевича // Русский голос. 1935. № 34. С. 2–4. [Vergun D. Pamyati M.F. Glushkevicha // Russkiy golos. 1935. № 34. P. 2–4].

Воззвание Верховного Главнокомандующего русскому народу // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Книга V. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. С. 42. [Vozzvanie Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego russkomu narodu // Izvestiya Ministerstva inostrannykh del. 1914. Kniga V. Petrograd: Tip. V.F. Kirshbauma, 1914. P. 42].

Воззвание Карпато-русского освободительного комитета // Новое время. 4 (17) августа 1914. № 13791. С. 3. [Vozzvanie Karpato-russkogo osvoboditel'nogo komiteta // Novoe vremya. 4 (17) avgusta 1914. № 13791. P. 3].

[60] Одесский листок. 22 сентября 1914. № 254. С. 2.

[61] Новое время. 24 сентября (7 октября) 1914. № 13842. С. 3.

[62] Новое время. 16 (29) декабря 1914. № 13925. С. 4.

Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. СПб.: Журнал «Нева», 2001. 319 с. [Vrangel' N.N. Dni skorbi. Dnevnik 1914–1915 gg. Saint Petersburg: Zhurnal «Neva», 2001. 319 p.].

Галицийский ген.-губернатор о Галиции // Голос Руси. 7 апреля 1915. № 446. С. 3. [Halitsijskij gen.-gubernator o Galitsii // Golos Rusi. 7 aprelya 1915. № 446. P. 3].

Галичанин. Русские и «украинцы» в Галиции // Новое время. 24 сентября (7 октября) 1914. № 13842. С. 5. [Galichanin. Russkie i «ukraintsy» v Galitsii // Novoe vremya. 24 sentyabrya (7 oktyabrya) 1914. № 13842. P. 5].

Глушкевич М. [Без заголовка] // Прикарпатская Русь. 23 сентября (6 октября) 1914. № 1423. С. 1. [Glushkevich M. [Bez zagolovka] // Prikarpatskaya Rus'. 23 sentyabrya (6 oktyabrya) 1914. № 1423. P. 1].

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. [Gosudarstvennyj arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF). F. 102. Op. 265. D. 1000].

Депутации русских организаций у прикарпатского генерал-губернатора // Новое время. 16 (29) сентября 1914. № 13834. С. 4. [Deputatsii russkikh organizatsiy u prikarpatskogo general-gubernatora // Novoe vremya. 16 (29) sentyabrya 1914. № 13834. P. 4].

Дзерович Ю. Матеріяли до історії мартирології нашої церкви в часі всесвітньої війни // Московська окупація Галичини 1914–1917 рр. в свідченнях сучасників. Львів: Апріорі, 2018. С. 117–202. [Dzerovych J. Materialy do istorii martyrolohii nashoi tserkvy v chasi vsesvitn'oi vijny // Moskovs'ka okupatsija Halychyny 1914–1917 rr. v svidchenniakh suchasnykiv. L'viv: Apriori, 2018. P. 117–202].

К. К положению в Галичине // Прикарпатская Русь. 10 (23) октября 1914. № 1438. С. 1. [K. K polozheniyu del v Galichine // Prikarpatskaya Rus'. 10 (23) oktyabrya 1914. № 1438. P. 1].

Левицький Я. З днів російської інвазії // Московська окупація Галичини 1914–1917 рр. в свідченнях сучасників. Львів: Апріорі, 2018. С. 257–282. [Levyts'kyj J. Z dniv rosijs'koi invazii // Moskovs'ka okupatsija Halychyny 1914–1917 rr. v svidchenniakh suchasnykiv. L'viv: Apriori, 2018. P. 257–282].

Лемке М. К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Мн.: Харвест, 2003. 448 с. [Lemke M. K. 250 dney v tsarskoy stavke 1914–1915. Minsk: Kharvest, 2003. 448 p.].

Мінчак М. Спомин старого усусуса // Вісті комбатанта. 1975. Ч. 3-4. С. 38–44. [Minchak M. Spomyn staroho usususa // Visti kombatanta. 1975. Ch. 3-4. P. 38–44].

Народная организация // Прикарпатская Русь. 26 августа 1914. № 3. С. 3–4. [Narodnaya organizatsiya // Prikarpatskaya Rus'. 26 avgusta 1914. № 3. P. 3–4].

Ольшамовский Б.Г. Значение воззвания 1 августа 1914 г. Верховного главнокомандующего к полякам и вопросы, возникающие из него и последующих событий. Пг.: б.и., 1915. 75 с. [Ol'shamovskiy B.G. Znachenie vozzvaniya 1 avgusta 1914 g. Verkhovnogo glavnokomanduyushchego k polyakam i voprosy, voznikayushchiye iz nego i posleduyushchikh sobytiy. Petrograd: s. n., 1915. 75 p.].

Освобождение Угорской Руси // Новое время. 15 (28) сентября 1914. № 13833. С. 3. [Osvobozhdenie Ugorskoy Rusi // Novoe vremya. 15 (28) sentyabrya 1914. № 13833. S. P].

Прокламация Карпато-русского освободительного комитета к русскому населению Галичины // Новое время. 8 (21) августа 1914. № 13795. С. 2. [Proklamatsiya Karpato-russkogo osvoboditel'nogo komiteta k russkomu naseleniyu Galichiny // Novoe vremya. 8 (21) avgusta 1914. № 13795. P. 2].

Розанов В. К 50-летию кончины Ап.А. Григорьева // Новое время. 26 сентября (30 октября) 1914. № 13844. С. 5. [Rozanov V. K 50-letiyu konchiny Ap.A. Grigoryeva // Novoye vremya. 26 sentyabrya (30 oktyabrya) 1914. № 13844. P. 5].

Розанов В.В. Война 1914 года и Русское возрождение. Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина, 1915. 234 с. [Rozanov V.V. Voyna 1914 goda i Russkoe vozrozhdenie. Petrograd: Tip. t-va A.S. Suvorina, 1915. 234 p.].

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3852. [Rossiysky gosudarstvenny voenno-istorichesky arkhiv (RGVIA). F. 2067. Op. 1. D. 3852].

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 909. Оп. 1. Д. 258. [Rossiysky gosudarstvenny istorichesky arkhiv (RGIA). F. 909. Op. 1. D. 258].

Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 560 с. [Sovet ministrov Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny. Bumagi A. N. Yakhontova (zapisi zasedaniy i perepiska). Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 560 p.].

Темирязев Б. [Анненков Ю.П.] Повесть о пустяках. Берлин: Петрополь, 1934. 290 с. [Temiryazev B. [Annenkov Yu.P.] Povest' o pustyakakh. Berlin: Petropol', 1934. 290 p.].
Трубецкой Г.Н. Воспоминания русского дипломата. М.: «Кучково поле», 2020. 800 с. [Trubetskoy G.N. Vospominaniya russkogo diplomata. Moscow: «Kuchkovo pole», 2020. 800 p.].
У півстолітніх змаганнях. Вибрані листи до Кирила Студинського (1891–1941). К.: Наукова думка, 1993. 768 с. [U pivstolitnikh zmahannyakh. Vybrani lysty do Kyryla Studyns'koho (1891–1941). Kyiv: Naukova dumka, 1993. 768 p.].
Украиноманские происки // Новое время. 16 (29) декабря 1914. № 13925. С. 4. [Ukrainomanskie proiski // Novoe vremya. 16 (29) dekabrya 1914. № 13925. P. 4].
Урусов Л.В. Дневники Л.В. Урусова. 1914–1917. Тамбов, 2017. 590 с. [Urusov L.V. Dnevniki L.V. Urusova. 1914–1917. Tambov, 2017. 590 p.].
Ф-ч С. Украинский праздник // Одесский листок. 5 сентября 1914. № 237. С. 2. [F-ch S. Ukrainskiy prazdnik // Odesskiy listok. 5 sentyabrya 1914. № 237. P. 2].
Франко І.Я. Додаткові томи до зібрання творів у 50-и томах. Т. 52. К., 2008. 1040 с. [Franko I.Ya. Dodatkovi tomy do zibrannya tvoriv u 50-i tomakh. T. 52. K., 2008. 1040 p.].
Щапов Н.М. Я верил в Россию.. Семейная история и воспоминания. М., 1998. 333 с. [Shchapov N.M. Ya veril v Rossiyu.. Semeynaya istoriya i vospominaniya. M., 1998. 333 p.].
Z. Галицийский узел (анкета) // Одесский листок. 22 сентября 1914. № 254. С. 2 [Z. Galitsijskiy uzel (anketa) // Odesskiy listok. 22 sentyabrya 1914. № 254. P. 2].
Janusz B. 293 dni rządów rosyjskich we Lwowie. Lwów: Odbito w drukarni «Prasa», 1915. 266 p.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Аржакова Л.М. Польский вопрос в 1914 г. (по «Запискам» Г.Н. Михайловского) // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2012. Вып. 4. С. 69–76. [Arzhakova L.M. Pol'skiy vopros v 1914 g. (po «Zapiskam» G.N. Mikhaylovskogo) (Polish question in 1914 (according to «Notes» of G.N. Mikhaylovsky)) // Vestnik SPbGU. Seriya 2. 2012. Vyp 4. P. 69–76].
Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с. [Astashov A.B. Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny (Propaganda on Russian front during the First World War). Moscow: Spetskniga, 2012. 400 p.].
Бахтурина А.Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 132–136. [Bakhturina A.Yu. Vozzvanie k polyakam 1 avgusta 1914 g. i ego avtory (The manifesto to Poles on the 1st August 1914 and its authors) // Voprosy istorii. 1998. № 8. P. 132–136].
Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с. [Bakhturina A.Yu. Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.) (The outskirts of Russian empire: state governance and national policy during the First World War (1914–1917)). Moscow: ROSSPEN, 2004. 392 p.].
Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: «АИРО-XX», 2000. 264 с. [Bakhturina A.Yu. Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny (The policy of Russian empire in East Galicia during the First World War). Moscow: «AIRO-XX», 2000. 264 p.].
Гайсенюк В. Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці: Друк Арт, 2017. 304 с. [Hajsenyuk V. Pochatok kintsia. Moskvofily u Velikij vijni (1914–1918) (The beginning of the end. Muscophiles in the First World War (1914–1918)). Chernivtsi: Druk Art, 2017. 304 p.].
Головченко В.І., Солдатенко В.Ф. Українське питання в роки Першої світової війни. К.: Парламентське видавництво, 2009. 448 с. [Holovchenko V.I., Soldatenko V.F. Ukrains'ke pytannia v roky Pershoi svitovoi vijny (Ukrainian Question during the First World War). Kyiv: Parlaments'ke vydavnytstvo, 2009. 448 p.].
Ільницький І.В. Нормативні та ідейно-концептуальні основи організації управління західноукраїнськими землями у період Першої російської окупації (серпень 1914 – червень 1915 рр.) // Проблеми історії України XIX – поч. XX ст. 2013. Вип. 21. С. 361–378. [Il'nyts'kyj I.V. Normatyvni ta ideyno-kontseptual'ni osnovy organizatsii upravlinnia zakhidnoukrains'kimi zemlyami u period Pershoi rosiys'koi okupatsii (serpen' 1914 – cherven' 1915 rr.) (Normative and ideologicall and conceptual basis of organization of West Ukrainian lands'

government during the First World War (August 1914 – June 1915)) // Problemy istorii Ukrainy XIX – poch. XX st. 2013. Vyp. 21. P. 361–378].

Ковбаса В. М. Культурне і освітнє становище Галичини та Буковини в умовах російської окупації (1914–1917 рр.). Дис… доктора філософії. Тернопіль, 2023. 307 с. [Kovbasa V. M. Kul'turne i osvitne stanovyshche Halychyny ta Bukovyny v umovakh rosiys'koi okupatsii (1914–1917 rr.) (Cultural and educational situation of Galicia and Bukovina in the conditions of Russian occupation (1914–1917)). Dys… doktora filosofii. Ternopil', 2023. 307 p.].

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2021. 664 с. [Kolonitskiy B.N. «Tragicheskaya erotica»: Obrazy imperatorskoy semyi v gody Pervoy mirovoy viyny («Tragic Erotica». Images of the Imperial Family during World War I). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 664 p.].

Куцик Р.Р. Інформаційна політика російської імперської влади в українських губерніях Південно-Західного краю (1914–1917 рр.): методи та засоби реалізації. Дис.… к.і.н. К., 2018. 282 с. [Kutsyk R.R. Informatsijna polityka rosijs'koj impers'koj vlady v ukrains'kikh guberniyakh Pivdenno-Zakhidnogo kraju (1914–1917 rr.): metody ta zasoby realizatsii (Information policy of Russian empire's government in Ukrainian governorates of Southwestern Krai (1914–1917): methodes and means of realization). Dys.… k. i. n. Kyiv, 2018. 282 p.].

Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М.: РОССПЭН, 2017. 430 с. [Lieven D. Navstrechu ogniu. Imperiya, voyna i konets tsarskoy Rossii (Towards the flame: empire, war and the end of tsarist Russia). Moscow: ROSSPEN, 2017. 430 p.]

Осечинський В.К. Галичина під гнітом Австро-Угорщини в епоху імперіалізму. Львів: Книжково-журнальне видавництво, 1954. 187 с. [Osechyns'kyj V.K. Halychyna pid hnitom Avstro-Uhorshchyny v epokhu imperializmu (Galicia under the pressure of Austria-Hungary in the era of imperialism). L'viv: Knyzhkovo-zhurnal'ne vydavnytstvo, 1954. 187 p.]

Петрович [Кріп'якевич] І. Галичина під час російської окупації. Серпень 1914 – червень 1915. Б.м.и.: Полїтична Бібліотека, 1915. 116 с. [Petrovych [Kripyakevych] I. Halychyna pid chas rosiys'koi okupatsii. Serpen' 1914 – cherven' 1915 (Galicia during Russian occupation. August, 1914 – June, 1915). S.l.: Politychna Biblioteka, 1915. 116 p.]

Савино Д. Публичная сфера и внешняя политика русского национализма. Галицко-русское общество и «галицкий вопрос», 1902–1915 // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / Сост. Т.М. Атнашев, Т.В. Вайзер, М.Б. Велижев. М.: НЛО, 2021. С. 200–225. [Savino D. Publichnaya sfera i vneshnyaya politika russkogo natsionalizma. Galitsko-russkoye obshchestvo i «galitskiy vopros», 1902–1915 (Public sphere and foreign policy of Russian nationalism. Galician-Russian society and «Galician question», 1902–1915) // Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii / Comp. by T.M. Atnashev, T.V. Vayzer, M.B. Velizhev. Moscow: NLO, 2021. P. 200–225].

Селезнёв Ф.А. Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1 (14) августа 1914 г. // Славяноведение. 2017. № 5. С. 28–41. [Seleznyov F.A. Vozzvanie velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha k polyakam 1 (14) avgusta 1914 goda (The manifesto of grand duke Nicholas Nikolaevich on the 1st August, 1914) // Slavyanovedenie. 2017. № 5. P. 28–41].

Сенявская Е.С. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // Первая мировая война: взгляд спустя столетие, 1915 год / под общ. ред. С.С. Степанова, Г.Д. Шкундина. М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 111–127. [Senyavskaya E.S. Narody Avstro-Vengrii v Pervoy mirovoy voyne glazami russkogo protivnika (Peoples of Austria-Hungary in the First World War through the eyes of Russian enemy) // Pervaya mirovaya voyna: vzglyad spustya stoletie, 1915 god / Ed. by S.S. Stepanov, G.D. Shkundin. Moscow: Izd-vo MNEPU, 2016. P. 111–127].

Швець А. Поезія Івана Франка «Царські слова» в контексті антиімперського дискурсу письменника // Слово і Час. 2023. № 5 (731). С. 20–34. [Shvets' A. Poezija Ivana Franka «Tsars'ki slova» v konteksti antyimpers'koho dyskursu pys'mennyka (Ivan Franko's poetry «Tsar's words» in the context of anti-imperialistic discourse of the writer) // Slovo i Chas. 2023. № 5 (731). P. 20–34].

Achmatowicz A. Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914–1915. Warszawa: Neriton, 2003. 403 s.

Haid E. Im Blickfeld zweier Imperien. Galizien in der österreichischen und russischen Presseberichterstattung während des Ersten Weltkriegs (1914–1917). Marburg: Verlag Herder-Institut, 2019. 296 s.

Парфирьев Дмитрий Станиславович, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; parfiryeff@yandex.ru*

Not only Poles: Forgotten Manifesto of Nicholas Nikolaevich to the «Russian People» of Galicia

The manifesto of commander-in-chief Nicholas Nikolaevich to the «Russian people» from August 5, 1914, has attracted almost no attention so far among historians, being mentioned only in connection with the well-known manifesto of the same author to the Poles. For the first time in history studies, the article considers the «Russian» proclamation as an autonomous document. The circumstances of its publication and distribution are traced, the text of the manifesto is analyzed, as well as the reaction of Russian society and the population of occupied Galicia on this document. The version that the text was based on works of Galician Russophiles is argumentatively refuted, because their rhetoric significantly differed from the points of the manifesto. Nicholas Nikolaevich's appeal cannot be considered a program of Galicia's «Russification». On the contrary, it was written in a very neutral manner and did not give a clear idea of the nature of the region's future accession to Russia. The words of the commander-in-chief addressed to the «Russian people» did not cause a violent reaction in Russia itself, being lost against the background of an appeal to the Poles and a later manifesto to the «Peoples of Austria-Hungary». Until the middle of 1915, the appeal was recalled only in disputes between the Ukrainian movement's representatives and their opponents, so, both sides interpreted the contents of the document in their favor. Later, the manifesto vanished from the public discourse.

Keywords: *World War I, Austria-Hungary, Galicia, Nikolai Nikolayevich, Russophiles, Ukrainians, propaganda.*

Dmitry S. Parfiryev, *PhD (History), Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, senior research fellow; parfiryeff@yandex.ru*

Г.М. Абрамян

ВОПРОСЫ СОВЕТИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РУССКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВАГАНА ТЕКЕЯНА 1920–1945 гг.

Статья посвящена анализу публицистической деятельности западноармянского национального деятеля, писателя и публициста Вагана Текеяна в 1920–1945 гг. в контексте советизации Армении и русской ориентации. В статье предпринята попытка обосновать, что публицистика Текеяна, динамично переходя от романтизма к реализму, развивалась вокруг идейных осей и дилемм сохранения национальной государственности и спасения Родины. Анализируется, как Текеян оценивает опыт Первой Республики Армения в условиях сложной и противоречивой геополитической ситуации, а также каким образом он видит влияние советизации Первой Республики на перспективы освобождения Западной Армении. Статья раскрывает изменения в восприятии образа и роли России в западноармянском мышлении и роль западноармянской либерально-демократической прессы в этом процессе.

Ключевые слова: *Ваган Текеян, публичные выступления, диаспора, армянская идентичность, советизация Армении, русская ориентация, политическая мысль.*

Медиа армянской диаспоры сыграли ключевую роль в формировании и трансформации гибридной идентичности армян, проживающих за пределами исторической родины. Как отмечает Ольга Бейли, «медиа не только представляют идентичность, но и способствуют её переосмыслению»: выполняют функцию воспроизводства памяти, чувства принадлежности и социальных связей[1], что приобретает особую значимость в условиях диаспоры, где критически важными становятся процессы самосохранения и обновления национального самосознания. Т. Хоффман выделяет в теоретическом анализе армянской идентичности такие ключевыхе компоненты: язык, религию, культуру, память о геноциде, идею государственности[2]. Эти элементы на протяжении десятилетий составляли содержательную основу диаспорной публицистики, которая представляла собой не только форму выражения национальной мысли, но и важнейший инструмент формирования самосознания, мобилизации и политического участия армянского сообщества в условиях рассеяния.

Одной из отличительных черт публицистики является её способность к непосредственной интерпретации политической реальности, в рамках которой индивид осмысляется преимущественно как часть социального целого[3]. В этом контексте публицистика оказывает непосредственное воздействие на общественные отношения и массовое сознание[4], стремясь трансформировать восприятие окружающего мира, социума и национальной принадлежности. В случае армянской диаспоры речь идёт о формировании представлений этнических армян, проживающих в условиях культурной и политической инаковости. В таком ракурсе диаспорные армянские публицисты выступают не только как

[1] Bailey 2013: 69.
[2] Hofmann 2011: 13.
[3] Черепахов 1973: 28.
[4] Осипова 2022: 206.

комментаторы происходящего, но и как субъекты формирования национально-политической повестки, выполняющие функцию идейного лидерства. Одним из ярчайших представителей этого слоя интеллектуалов является армянский писатель, публицист, политический и национальный деятель Ваган Текеян (1878–1945), в личности которого выразилась вся трагичность и идейная напряжённость исторического перехода от XIX к XX в. – переломного периода в судьбе армянского народа.

Литературное наследие В. Текеяна привлекало внимание множества литературоведов, однако его многослойное публицистическое творчество до сих пор не подверглось всестороннему исследованию с точки зрения политических, идеологических и арменоведческих характеристик. Одним из препятствий для такой научной реконструкции является тот факт, что в течение более чем сорокалетней творческой деятельности В. Текеян публиковал свои статьи в армянских газетах и журналах различных стран под множеством псевдонимов[5]. Публицистика Текеяна актуальна также потом, что она представляет собой важный инструмент для понимания причинно-следственных связей, лежащих в основе как внутридиаспоральных, так и общеармянских процессов принятия решений в период с 1895 по 1945 гг. , а особенно для изучения позиций национально-либеральных течений (реорганизованные гнчаки, конституционные рамкаварские группы, Рамкавар[6]-Либеральная партия[7]) по вопросам, имевшим общеармянское значение. Настоящая статья имеет целью исследовать публицистические интерпретации Текеяна, касающиеся периода советизации и постсоветизации Армении (1920–1945), а также проанализировать, каким образом эти интерпретации воплощались в реальной политике. Исходя из этого, ставятся следующие задачи:

1. На основе сопоставления текстов Текеяна с другими источниками проанализировать историко-социальный контекст восприятия процесса советизации Армении и позиционирования по отношению к России.

2. Путём комплексного анализа его статей, редакционных материалов и публичных выступлений выявить эволюцию позиций Текеяна и оценить общественное влияние его публицистического наследия.

3. Исследовать отражение идеологических конфликтов и внешнеполитических ориентиров, связанных с советизацией Армении, в пуб-

[5] Авагян 2018: 61.

[6] Рамкавар — согласно «Толковому словарю армянского языка» (С. Малхасянц, Ереван, 1945), «Новому словарю армянского языка» (архиепископ Г. Череджян, П. К. Тоникян, А. Тер-Хачатурян, Бейрут, 1992), а также другим армянским толковым словарям, является синонимом слова «жоховрдавар» (демократ). Таким образом, выражение «Рамкавар-Либеральная партия» тождественно выражению «Демократическо-либеральная партия».

[7] Реорганизованная Гнчакянская партия, или «Реорганизованные гнчакянцы», — армянская политическая партия, образованная в 1896 г. в результате раскола Социал-демократической гнчакянской партии. Отказавшись от идеи классовой борьбы, партия поставила перед собой задачу сосредоточиться исключительно на вопросе освобождения Западной Армении.

лицистике Текеяна, а также проанализировать степень его идейной последовательности в контексте этих дискуссий.

Проведен анализ редакционных статей и авторских публикаций Текеяна, размещённых в издававшихся под его редакцией периодических изданиях, в т.ч. «Жоговурди дзайн» («Ժողովուրդի ձայն» – «Голос народа» (1918 – 1920, Константинополь) и «Арев» («Արև» – «Солнце», 1915 – поныне, Бейрут) за указанный период. Были изучены также другие рамкаварские издания, в которых публиковались статьи Текеяна, или на которые он оказывал значительное влияние, в частности «Жоговурди дзайн-жаманак» («Ժողովուրդի ձայն-Ժամանակ» – «Голос народа – Время», 1920–1924, Константинополь). С целью выявления специфики публицистического стиля и идейных акцентов автора материалы были рассмотрены в сопоставлении с публикациями периодических изданий преимущественно национально-либерального, а также левоидеологического направлений. Речь идет в общей сложности о примерно 550 публикациях.

В качестве методологической основы исследования использованы методы контент-анализа, историко-системного подхода, документального анализа и сравнительного исследования.

Осторожность Вагана Текеяна по отношению к провозглашённой 28 мая 1918 г. независимой Республике Армения с середины 1920 г. начинает претерпевать изменения. Под прикрытием мнимых тактических успехов Национальной делегации под руководством Погоса Нубара-паши[8] на проходящей в Париже мирной конференции после Первой мировой войны, Текеян сумел уловить сигналы затягивания решения «Армянского вопроса»[9] со стороны стран-победительниц. В результате, хотя ранее пренебрежительное определение Республики Армения как «Араратской карликовой республики»[10] переосмысляется и заменяется более ласковым эпитетом — «наша юная республика»[11], однако сомнения в её жизнеспособности и необходимости в данных границах на данном этапе продолжают сохраняться.

Начавшийся в конце 1919 и начале 1920 г. процесс международного признания Республики Армения вынудил всю армянскую диаспору серьёзно отнестись к «Ереванской республике»[12] и оценить её историче-

[8] Армянский вопрос. Энциклопедия 1996: 15.

[9] Армянский вопрос — обобщённое дипломатическое обозначение борьбы армянского народа за освобождение Западной Армении от османского владычества, за самоопределение и независимость западных армян, а также за восстановление собственной государственности на всей территории Исторической Армении. Армянский вопрос приобрёл международный характер особенно после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Дипломатическая история Армянского вопроса начинается с 16-й статьи Сан-Стефанского договора и 61-й статьи Берлинского трактата. Предполагалось достичь вышеуказанных целей с помощью российской, европейской, а после Первой мировой войны — и американской дипломатии.

[10] Текеян 1918: 513, 1.

[11] Текеян 1919: 364, 1.

[12] Ереванская или Араратская Республика — так политическая и интеллектуальная элита западных армян называла Республику Армения, стремясь избежать употребления самого названия «Армения», поскольку считала, что оно должно принадлежать

ское значение с точки зрения восстановления национальной государственности. Газета «Жоговурди дзайн», издававшаяся в Константинополе, одним из редакторов которой также был Вахан Текеян, с энтузиазмом писала в январе 1920 г.: ««Жоговурди дзайн» от всей души приветствует признание независимости Армении и поздравляет армянский народ, который после веков преследований и страданий наконец-то становится хозяином хотя бы части отечества, построенного его предками. Это первый шаг... Да здравствует новорождённая, любимая Армения, да здравствует полная, независимая, свободная Армения!»[13].

Под эмоциональным влиянием факта международного признания в восприятии диаспоры Республика Армения начинает восприниматься не как фактор, дезавуирующий «армянский вопрос», а как его возможное решение. Так, например, выходящая в Константинополе продашнаковская газета «Чакадамарт» («Ճակատամարտ»-«Сражение» 1918–1924) именно Республике Армения приписывает роль фундамента в борьбе за национальные права: «Вот он — уплотнённый и несокрушимый якорь нашего самоопределения — Республика Армения. … Сегодня мы обладаем государственным якорем, на основе которого можем требовать всего объема наших прав»[14], — писала газета в те дни.

И несмотря на явный энтузиазм, проявляемый также рамкаваровской прессой по случаю признания Республики Армения, Ваган Текеян оставался более скептическим в оценке потенциала дальнейшей защиты независимости и особенно в контексте её влияния на решение проблемы Западной Армении. Уже после провозглашения Республики Армения в 1918 г. он, как редактор и публицист, занимал такую позицию, словно вовсе не замечает этого факта, продолжительно создавая информационный вакуум вокруг Республики.

Тем не менее, не имея возможности обойти тему международного признания, текеяновский скептицизм вынуждает его относиться к процессу не эмоционально, а прагматично — пытаясь понять, чем может быть обусловлено начало международного признания «Араратской республики» лишь через полтора года после провозглашения независимости, на фоне новых, значительных событий вокруг Южного Кавказа. И на фоне всеобщего энтузиазма в январе 1920 г. редакция «Арев», возглавляемая Текеяном, в своей передовой статье утверждает, что признание трёх де-факто независимых кавказских государств в последний момент обусловлено не заботой союзных держав, а политическим расчётом — созданием барьера против большевиков. Исходя из этого, газета считает крайне опасной наступательную или оборонительную политику против большевиков по подстрекательству союзников, так как, опираясь на горький опыт недавнего прошлого, нельзя доверять искренности и

исключительно Республике, которая должна была быть создана в Западной Армении, либо объединённому, независимому армянскому государству, возникающему в результате объединения Восточной и Западной Армении.

[13] Жоговурди дзайн 1920: 393, 1.

[14] Чакатамарт 1920: 358, 1.

последовательности сотрудничества со стороны союзных держав. В таких условиях газета ставит задачу прежде всего потребовать гарантий восстановления территориальной целостности Армении и обеспечения её экономической и коммуникационной безопасности: «…Необходимо потребовать немедленного окончательного захвата армянских земель вплоть до Средиземного моря армянскими и союзными войсками»[15].

Очевидно, что Текеян при этом вовсе не считал реальным завоевание Объединённой Армении Антантой, а лишь подчёркивал, что только при наличии такой конкретной поддержки возможна обоснованная вовлечённость в антибольшевистские проекты союзников.

В этом смысле можно выделить несколько фундаментальных положений, характеризующих текеяновский рационализм в оценке международной обстановки и сущность его сомнений:

1. Недоверие к союзным державам, обусловленное, безусловно, намеренным затягиванием и проявлением девальвации вопроса о предоставлении независимости Западной Армении на Парижской и Лондонской конференциях.
2. Объективная оценка потенциала новообразованных независимых государств Южного Кавказа в противостоянии экспансии большевизма.
3. Акцент не на признании независимости Армении, а на её защите и гарантиях экономической и политической безопасности, что редакция «Арев» видит, как объединение двух частей Армении и выход к Средиземному морю через Киликию.
4. И наконец, как вывод — остаётся вне обсуждения ключевой вопрос: какими ресурсами возможно обеспечить жизнеспособность и безопасность будущей Объединённой Армении в случае её создания.

В любом случае взгляды Текеяна на Первую Республику Армения формировались не под влиянием сентиментальных представлений, как это было у многих его современников, а исходя из глубинного убеждения, что несмотря на формальное наличие суверенитета, Восточная Армения продолжает находиться под протекторатом северной империи – теперь уже большевистской России, что он считал более благоприятным и в каком-то смысле спасительным фактором для восточных армян. Это убеждение впоследствии существенно повлияло на формирование его взглядов относительно процесса советизации Армении. В этом плане, актуализация вопроса советизации Армении, начавшейся с 1920 г., в западноармянской публицистике имела два аспекта.

Первый связан с внутренней оценкой причин советизации Армении. С 1921 г. в публикациях усиливается критика властей Первой Республики, обвиняемых в утрате суверенитета за «ужасные ошибки». Эта критика сводилась к неудачам в управлении государственными институтами, особенно вооружёнными силами, неспособности противостоять вторгшейся турецкой армии и организовать защиту Карса. Позже добавилась критика за недостаточную гибкость в дипломатии и за то, что руководство не передал власть большевикам хотя бы до подписания Александропольского договора, чтобы избежать территориальных по-

[15] Налбандян 1920: 724, 1.

терь. *«...Однако перед Карсом, помимо моральной и физической несостоятельности нашей армии, стало очевидно, что правительство также было банкротом и несет ответственность за все настоящие и будущие неудачи... При этих условиях, если бы большевиков не было на границах Армении, необходимо было создать такую организацию, чтобы облегчить это состояние рабства»*[16], — пишет «Жоговурди дзайн-Жаманак» в октябре 1921 г. В политических дебатах ответственность армянского правительства за утрату независимости считалась более значимой, чем одновременные агрессии армии кемалистской Турции и большевиков против Армянской Республики. Почти не рассматривались вопросы о потенциале сопротивления Армении в таких условиях, учитывая её ресурсы и внутренние проблемы. Одновременно, однако, возложение ответственности за утрату независимости на Дашнакцутюн имело в первую очередь межпартийный подтекст. Обзор западноармянской публицистики тех лет показывает, что советизация Армении в недашнакцутюнской, особенно в рамкаварской прессе, в целом рассматривалась как само собой разумеющееся и неизбежное явление: «*Молоты кемалистов заставили Армению принять форму большевистского сала. Это не должно удивить никого*»[17]. В декабре 1920 г. газета «Жоговурди дзайн-*Жаманак»* сообщила: «*Сегодня Армения советская и связана с Россией. Армянский народ не имел другого пути для спасения своего физического существования, кроме как примириться с реальностью*»[18].

Этот взгляд выявляет важный мыслительный слой, характерный для западноармянской общественности того времени: безосновательная внутренняя уверенность или ожидание, что большевизм как система и идеология не сможет укорениться в Армении. Проблема рассматривалась не в контексте упадка армянской государственности или утраты суверенитета, а как простая смена власти при посредничестве России. *«...Родина большевизма не настолько наивна, чтобы ожидать от нас превращения в убежденных большевиков... Ее достаточно моральной выгоды от спасения Армении от уничтожения сегодня и удовлетворения от некоторого продвижения для ее будущих программ»*[19]. Иными словами, представление о «моральной выгоде», которое Текеян в 1917 г. приписывал западным странам, в начале 1920-х гг. в контексте «русской дружбы» и «турецкой вражды» уже ожидалось от большевистской России с убеждением, что большевики проводят политику в отношении Закавказья не из прагматичных политических соображений, а из благородной миссии спасения закавказских народов, включая армянский элемент, от уничтожения их государственной идентичности. Западноармянская политическая мысль (за исключением Дашнакцутюн) выстраивает образ России как спасителя Восточной Армении с таким же энтузиазмом, как это было в 1917–1918 гг. в отношении стран Антанты.

[16] Дшхоян 1921: 928, 1.
[17] Там же: 1.
[18] Акобян 1920: 679, 1.
[19] Жоговурди дзайн-*Жаманак* 1920: 665, 2.

Неудивительно, что в западноармянской публицистике, особенно среди рамкаваров, договоры между большевиками и кемалистами, такие как Московское соглашение 16 марта 1921 г. и Карсский договор 13 октября 1921 г., подвергались критике исключительно с точки зрения турецких империалистических устремлений, явно обходя молчанием роль большевиков и минимизируя ее вклад в утрату значительных территорий Восточной Армении[20]. Например, характеризуя Карсский договор как легитимацию турецких завоевательных стремлений, «Жоговурди дзайн-*Жаманак»* описывает мотивацию большевиков как миролюбивую: *«...стремясь не к завоевательным устремлениям, а к реальной политикой создать минимальные условия для жизни своего народа, установить искренние и добрые отношения с соседями и изгнать кошмар крови из пределов своей страны»*[21].

Формирование этих взглядов в рамках Рамкавар, в котором непосредственно участвовал Текеян как один из самых влиятельных лидеров Рамкаварской либеральной партии, исходило из беспокойства о физическом спасении армян восточной части и гарантиях сохранения армянской сущности Советской Армении. Именно поэтому Текеян в 1921 г. оказал особое внимание великому армянскому писателю, одному из величайших представителей армянской литературы, Оганнесу Туманяну, который посетил Константинополь. Хотя Туманян прибыл в Константинополь в качестве председателя Комитета армянской помощи с целью организации сбора средств для Советской Армении, находившейся в крайне тяжелом положении, скрытой целью великого писателя было наладить взаимопонимание между интеллигенцией Восточной и Западной Армении и достичь единой позиции в отношении Советской Армении.

По словам специалиста по армянской диаспоре К. Даллакяна, в ходе визита Туманяна, по его рекомендации и усилиями Текеяна «впервые в истории диаспоры был подписан общий документ, призывающий забыть все политические и идеологические разногласия, когда на повестке дня встает вопрос о судьбе Армении и армянского народа»[22]. К. Даллакян не уточняет, о каком именно документе идет речь, но отмечает, что удалось добиться подписания всех армянских партий.

В. Текеян принимал активное и непосредственное участие в этой миссии Туманяна, не только как писатель, разделявший с ним интеллектуальный ландшафт, но и как политический и общественный деятель, который в Константинополе имел серьезный авторитет как один из лидеров Рамкаварской либеральной партии. Партия оказала Туманяну высший прием, организовав в его честь литературно-культурное мероприятие, которое также возглавил Текеян. Это была не только дань уважения Туманяну и Советской Армении, но и значимый жест в ответ на идеалы интеллектуального единства армян вокруг Армении, выраженные в идеях Туманяна. Следуя той же логике, с целью создания эффек-

[20] Жоговурди дзайн-*Жаманак* 1921: 750, 2.
[21] Жоговурди дзайн-*Жаманак* 1921: 937, 2.
[22] Даллакян 2004: 37.

тивной платформы для диалога между западноармянскими и восточноармянскими деятелями искусства, по предложению Туманяна, Текеян приступает к созданию Армянского дома искусства в Константинополе и лично принимает на себя должность секретаря (մատենապետ) Центрального совета этого учреждения[23]. Конечно, эти идеи не удалось реализовать, поскольку в ноябре 1922 г., армяне, вернувшиеся в Константинополь после Геноцида, вновь были вынуждены покинуть его[24]. Однако эти инициативы свидетельствуют о тех усилиях, которые Текеян прикладывал для того, чтобы донести до западноармянского общества важность признания Советской Армении и сделать понятным историческое значение восстановленной государственности, не воспринимая советизацию Армении как препятствие для духовного единства двух разделенных частей армянского народа.

После 1920 г. в западноармянской публицистике **второй** причиной актуализации вопроса советизации Армении было то, что до середины 1922 г. Россия воспринималась как основная угроза независимости Западной Армении, в отличие от ситуации с Восточной Арменией. То есть западноармянская политическая мысль, несмотря на признание важности присутствия России для спасения русских армян, очерчивала идеологические границы, касающиеся судьбы западных армян. Существовало мнение, что возможный интерес России к Западной Армении является потенциальной угрозой её освобождению, а тем более независимости, и что надежды на это связывались с западными странами. Западноармянский либеральный деятель, журналист и редактор Левон Мкртчян в своей статье «Армения, или Киликия», опубликованной в июне 1922 г. в журнале «Арев», опасения западных армян относительно России обосновывал таким образом: «*...предполагалось, что указанное (российское – Г.А.) правительство, помимо присоединения Ереванской Республики, может присоединить и турецкую Армению*»[25].

Идея удержания России от вмешательства в вопрос западноармянства получила свое концентрированное выражение в номере периодического издания «Жоговурди дзайн-*Жаманак*» от 18 декабря 1920 года, где А. Терзипашян, ссылаясь на фактор России, ставит под сомнение жизнеспособность концепции Единой и Независимой Армении: «*...Русская Армения или Турецкая Армения – это геополитически обособленные образования, границы которых определяются не словами, а международным правом.... Герои речи, которые ломают границы красивыми фраза-*

[23] Авагян 2018: 33.

[24] После захвата всей территории Анатолии, части территории Республики Армения и всей Киликии, а также почти полной победы в греко-турецкой войне, в октябре 1922 г. войска под командованием Кемаля Ататюрка приблизились к Константинополю. Опасаясь новых массовых расправ за поддержку греков в греко-турецкой войне — особенно после трагических событий в городе Смирна — подавляющее большинство армянского населения, вернувшегося в Константинополь после геноцида 1915 г., включая представителей общественно-политической и культурной элиты, вновь и окончательно покинули город и эмигрировали из страны.

[25] Мкртчян 1922: 1090, 1.

ми, громогласно провозглашавшие лозунг "единая и неделимая Армения", в конечном итоге разрушили самую реальную возможность создания армянского государства под мандатом согласно статье 22 Устава Лиги Наций и похоронили армянский вопрос в русском хаосе»[26].

Таким образом, в западноармянской политической мысли сложился двойственный образ России: для Восточной Армении – спасителя, для западной – разрушителя. Однако спустя некоторое время после начала Лозаннской конференции 1922 г., когда программа независимости западной Армении была сведена к просьбе о признании «Национального дома/армянского очага»[27], а западноармянская интеллектуально-политическая элита с разочарованием фиксировала крупнейшую дипломатическую победу кемалистской Турции, отношение к большевистской России претерпевает трансформацию. В частности, газета «Арев» в сентябре 1922 г. уже писала: «*Если сегодня существует государство, которое практически и действенно может ходатайствовать перед турками о сохранении остатков армянского народа в Малоазийском регионе – это Советская Москва*»[28]. Более того, «Арев», не желая смириться с фактическим провалом миссии Национальной делегации, тонко начинает направлять её взор в сторону России. Для этого прежде всего необходимо было преодолеть страх перед возможной аннексией западной Армении Россией. Соратник Текеяна, Левон Мкртчян, в своём аналитическом эссе «Армения или Киликия» рассматривает международное признание большевистской России как гарантию защиты «Национального дома» от российской угрозы: «*Ни от одного из союзников нечего ожидать в деле нашего вопроса. Его разрешение зависит от доброжелательности России и будет осуществлено, как только Россия будет официально признана Европой и войдёт в Лигу Наций со всем своим составом*»[29].

Продвигаясь далее в своих размышлениях, автор в другом материале в конечном счёте смиряется даже с идеей возможной аннексии Западной Армении со стороны России. В качестве обоснования он указывает территориальную ограниченность Восточной Армении и, как следствие, необходимость решения жизненно важных вопросов, вытекающих из этого факта для её населения: «*…[Россия] знает и убеждена, что Ереванская Республика в своих нынешних границах абсолютно неспособна прокормить не только турецко-армянских беженцев, но даже и коренное население Русской Армении. Следовательно, под давлением неумолимых экономических законов... границы Армении должны, обязаны быть расширены. Этому расширению не могут служить препят-*

[26] Терзипашян 1920: 677, 1.

[27] «Национальный дом» / «Армянский национальный очаг» – дипломатический термин, вошедший в оборот на Лондонской конференции 1921 г., заменив первоначальную цель предоставления независимости Западной Армении. Идея состояла в том, чтобы на территории исторической Западной Армении, для армян, покинувших историческую родину в результате Геноцида, было выделено пространство для компактного проживания. Правовой статус «национального дома» при этом не уточнялся.

[28] Мкртчян 1922: 1120, 1.

[29] Мкртчян: 1922: 1092, 1.

ствием поспешно подписанные соглашения вроде Брест-Литовского, Александропольского или Карсского договоров, поскольку коммунистически-кемалистская Турция должна признать право армянского трудящегося народа жить на земле своих предков…»[30].

Подобная логика, конечно, лишённая реальных оснований, лишь свидетельствует о крайнем отчаянии западноармянской интеллигенции. Тем не менее, сколь бы утопичной ни была эта идея, Текеян, исходя из подобного самоубеждения, пытался найти дипломатические пути, способные склонить Советскую Россию к мысли о необходимости аннексии территорий западной Армении. С этой целью по его указанию в Тифлис был направлен рамкаварский деятель Артак Дарбинян, который встретился с председателем Совета народных комиссаров Армянской ССР Александром Мясникяном. Последнему было представлено предложение о присоединении к Советской Армении территорий, обозначенных в Севрском договоре или ожидаемых в рамках Лозаннской конференции как «Армянский дом», при содействии советских властей. Однако Мясникян отверг данное предложение, сославшись на то, что Турция не согласится уступить какую-либо территорию без войны[31].

На фоне тесного сотрудничества между двумя новыми, непризнанными режимами – коммунистическим и кемалистским – подобное предложение было обречено остаться неосуществлённым. Тем не менее, инициатива Текеяна свидетельствует о его непоколебимой настойчивости в стремлении реализовать заветную мечту о возвращении утраченной родины. Лишь после окончательного разочарования в возможности решить вопрос западноармянства при содействии России, в Константинополе, при активном участии Текеяна, Первый Всеобщий съезд депутатов Рамкавар Либеральной партии принимает решение оказывать безоговорочную политическую поддержку установленному в Армении советскому строю не только в плане пропаганды, но и практически[32].

Это была уже окончательно сформированная идеологическая конструкция восприятия Советской Армении в сознании Текеяна, которая впоследствии не подвергалась ревизии. В 1927 г., когда вопрос независимости Западной Армении, как и романтические ожидания передачи «Армянского очага» армянскому народу, окончательно сошли с повестки дня, в публицистике Текеяна образ единственной физической родины окончательно сливается с Советской Арменией: «*Правильна она или ошибочна – это* ***наша*** *Армения, для армянства* ***нет*** *другой Родины. И когда это понимание станет истинным достоянием каждого из нас, мы сумеем исправить все ошибки и недостатки и сделать нашу Родину сильной, безопасной и нерушимой*»[33]. Более того, Текеян, исходя из новой реальности и осознав допущенные ранее ошибки в вопросах внешнеполитической ориентации и стратегических расчётах, предпринимает

[30] Мкртчян, 1922: 1120, 1.
[31] Даллакян 2004: 39.
[32] Жоговурди дзайн-*Жаманак* 1922: 922, 1.
[33] Арев 1927: 2467, 1.

попытку чётко очертить рамки будущей международной роли и уровня политического активизма армянской диаспоры. В частности, в контексте обостряющихся с середины 1920-х гг. отношений между Западом и Советским Союзом, рассматривая возможные действия армянства, Текеян предостерегает своих соотечественников, рассеянных по разным странам, от повторного увлечения иллюзорными надеждами и безрассудного вовлечения в конфликты между мировыми державами, предлагая фактически пассивную и нейтральную позицию как наименее опасную стратегию. «*Для народа, находящегося в нашем положении, занимающего наше место и имеющего нашу численность, участие в международных конфликтах – не только роскошь, но и смертельное преступление, а порой даже самоубийство*», – пишет Текеян в «Ареве» и поясняет, в чём может проявиться это «смертельное преступление»: «Народ Армении находится в составе Советского Союза, и его выживание обусловлено российской ориентацией и верным, доброжелательным союзом с русскими. …Мы должны держаться подальше от внешней политики стран, в которых мы проживаем»[34]. Таким образом, постепенно укореняется идеологическая и поведенческая парадигма, согласно которой существование Армении обусловлено зависимостью от России.

Изображённая Текеяном Россия, однако, уже не является прежним рыцарем «моральной выгоды» – он больше не идеализирует её роль. В основе его позиции по вопросу советизации Армении лежит исключительно прагматизм, направленный на обеспечение экзистенциальных интересов Армении и армянского народа. «*...Армения, таким образом, двадцать четыре года назад, приняв общественно-политическое кредо соседних и дружественных ей стран, приняв его отчасти под внешним, отчасти под внутренним давлением, которые сумели стать влиятельными в результате ужасных ошибок ее предыдущего правительства, Армения сделала в тот день лишь мудрый и спасительный шаг...*»[35], – пишет он по случаю 24-й годовщины Советской Армении.

Тем не менее, Текеян пытался минимизировать эффект проявлений «красного террора» в Советской Армении 1920–1930-х гг. в резкой полемике с публикациями дашнакской прессы о массовых репрессиях в Армении. Однако целью такой информационно-идеологической политики не было превращение армянской тематики в оружие межпартийной борьбы. Напротив, задача заключалась в предотвращении распространения апатии среди диаспоры в отношении Советской Армении, исключении её отчуждения от этой малой части Родины на основе ассоциативного антагонизма с большевизмом. Именно этим объясняется, что редактируемые им газеты, особенно после 1926 г., в первую очередь «Арев», ежедневно освещали ключевые события в социальной, экономической, образовательной и иных сферах жизни Армении, в основном в формате кратких новостей или корреспонденций. Главными источниками информа-

[34] Арев 1927: 2532, 1.
[35] Арев 1944: 7889, 1.

ции при этом служила советская армянская пресса и публикации армянских коммунистических изданий, выходивших в диаспоре. На этом уровне Текеян не пытался «надеть розовые очки» на своих читателей.

Партийная принадлежность, несмотря на его статус одного из лидеров Рамкавар Либеральной партии, никогда не была для Текеяна самоцелью. В течение своей политической карьеры он несколько раз, по принципиальным и личным причинам, практически разрывал связи с партией. Эта особенность позволила Текеяну, будучи либералом и носителем национальных ценностей, не зацикливаться на тотальной антинародной и антирелигиозной сути советской системы. От мыслителя, глубоко проникнутого национальным духом, это требовало огромной воли – особенно в условиях, когда коммунистическая агитационная машина в диаспоре агрессивно продвигала подрывной нарратив о необходимости уничтожения «национальной буржуазии» как класса во имя мировой социалистической революции, рассматривая Рамкаварскую либеральную партию в качестве выразителя интересов этой самой буржуазии. Он сумел подняться над этим, руководствуясь собственными идеалами Родины и Армении и принципиальной установкой – не наносить ущерба безопасности советских армян. В публикациях Текеяна и редактируемых им изданий, касающихся отношений между Советской Арменией и диаспорой, как правило, не акцентировалось внимание на внутреннем политическом режиме России или на её идеологической доктрине, а рассматривалась прежде всего её геополитическая роль и вытекающая из неё политика[36].

Однозначное одобрение советизации Армении Текеяном и её защита как безальтернативного выбора отражают его чёткую иерархию ценностей, в которой сохранение армянской государственности занимает безусловный приоритет. В 1926 г. газета «Арев» писала: «*…Когда армяне за границей выражают признательность деятельности советских руководителей Армении, это вовсе не означает, что они разделяют их идеи. Они воспринимают советизацию Армении как средство достижения долгожданной цели – создания для этого народа Родины, защищённой от внешней агрессии и обладающей правом определять собственную судьбу*»[37].

Текеян рассматривал советизацию Армении в более широком контексте, чем просто спасение Советской Армении. В то время как вся армянская диаспора переживала острый идентификационный кризис, пытаясь найти смысл собственного существования после утраты Западной Армении и утраты суверенитета Советской Армении в составе СССР, Текеян предлагал именно Советскую Армению в качестве опоры для безродной, рассеянной по всему миру армянской нации. Он видел в ней якорь самосохранения, механизм самоорганизации и духовный источник для сохранения национального характера. Тем самым Текеян фактически предлагал диаспоре выход из состояния экзистенциальной

[36] Мкртчян 1922: 1108, 1.
[37] Албоячян 1927: 2396, 1.

неопределённости, формулируя один из идеологических фундаментов для осмысления её дальнейшего существования. С этой позиции Текеян сформулировал два доктринальных подхода, которые в течение почти 70 лет существования Советской Армении, а затем и после восстановления независимости в 1991 г., во многом определяли характер отношений между Родиной и диаспорой. Во-первых, признание Советской Армении центром национального единства. Во-вторых, принятие концепции «Всё – во имя Родины» как средства реализации первого тезиса.

Во время Второй мировой войны, в августе 1943 г., в редакционной статье газеты «Арев» под названием «Положение Армении», ставшей своеобразной одой беззаветной преданности Текеяна Советской Армении, он, воспользовавшись поводом – организацией благотворительного сбора в армянской общине Египта для нужд Армянской ССР (несмотря на внутренние разногласия и напряжённость), рассматривал финансовую помощь прежде всего как проявление духовного единства: «*…наконец-то, наконец-то начнётся движение материального пожертвования, которое станет единственным возможным доказательством братской любви, веры и солидарности египетских армян к Армении, находящейся в состоянии войны… Речь идёт о том, чтобы это движение имело содержание общенационального единства, отличалось от всех тех сборов, что проводятся для благотворительных, пусть и полезных, но локальных целей, и чтобы оно принесло тот ожидаемый моральный эффект — в первую очередь самим участникам этой кампании, а затем уже народу в самой Родине, который в итоге обретёт от этой помощи прежде всего нравственную, а не материальную поддержку*»[38].

Эта идея, в явной или скрытой форме, как красная нить проходит через все публикации Текеяна, касающиеся Восточной, а затем и Советской Армении. Однако после советизации Армении и физической утраты Западной Армении она приобрела более системный и содержательный характер: «*…мы считаем, что нашим первым долгом является всеми возможными способами стремиться к тому, чтобы знать нашу страну, наш народ, его сегодняшнее состояние и тех, кто творит эту действительность — не довольствуясь восхищением или похвалой по соседскому принципу, а по-настоящему хорошо их знать и донести это знание до тех, кто не осведомлён, чтобы связь, соединяющая нас с Родиной, была осознанной и прочной*»[39], – писал Текеян. Однако реализация этой концепции становилась возможной не только благодаря преодолению внутренних противоречий, взаимного недоверия между традиционными армянскими национальными партиями и советской властью. В качестве средства преодоления этих барьеров Текеян также предлагал организованную репатриацию из диаспоры в Армению, эту мечту он вынашивал ещё с 1920-х гг., когда занимался проблемами армянских беженцев и сирот. *«…Население Армении очень малочисленно,*

[38] Арев 1943: 7497, 1.
[39] Там же: 1

даже по отношению к её сегодняшней территории. А значит, тем более недопустимо для нас игнорировать перспективу репатриации части армян, живущих за рубежом»[40], – подчёркивал Текеян.

Именно эти идеи способствовали тому, что для многих участие в Великой репатриации – процессе, который начал приобретать массовый характер всего через четыре года после смерти Текеяна, стало впоследствии восприниматься как практическое проявление патриотизма.

Подход Текеяна к советизированной Армении как к абсолютной ценности, стремление оказывать ей поддержку всеми возможными средствами, в конечном счёте, стали одной из причин того, что на XXII съезде Коммунистической партии Армении в 1961 г. две национальные партии – Рамкавар-Азатакан и Социал-демократическая гинчакян – были официально признаны «прогрессивными и патриотическими силами». С этого момента двери Советской Армении были открыты перед теми частями диаспоры, которые не были связаны с Дашнакцутюн.

***

В 1920-х гг. западноармянская политическая мысль сформировала среди широкой диаспоры завышенные ожидания относительно восстановления независимости Западной Армении, при неоднозначной оценке роли Первой Республики Армения. Текеян с начала 1920 года начал переосмыслять возрождение национальной государственности в лице Первой Республики Армения как дорожную карту для решения армянского вопроса. Советизация Армении в его публицистике предстает как неизбежный, закономерный и спасительный процесс для восточных армян, ради которого в тень уходит как ответственность кемалистской Турции, так и – в равной мере – большевистской России за падение независимой Армении и раздел её территорий в 1921 г. До середины 1922 года возможное участие России в решении армянского вопроса воспринималось западноармянской элитой как угроза. Однако разочарование, вызванное девальвацией армянского вопроса со стороны западных держав, подтолкнуло к попыткам компенсировать это, формируя иллюзорные ожидания освобождения Западной Армении посредством Советской России.

В итоге публицистика Текеяна выстраивается на устойчивой прорусской ориентации, где идеологическое неприятие коммунизма и его антинационального характера отходит на второй план.

В 1923–1945 г. Текеян последовательно развивал идею национального духовного единства вокруг Советской Армении, связывая её с будущим возрождением единой и независимой Армении. Символически представляя Армению как центр армянства, он предлагал её в качестве основы сохранения национальной идентичности диаспоры и продвигал концепцию «государство – Родина», «всё – во имя Родины». Эти идеи более чем на 70 лет во многом определили позиционирование диаспоры по отношению к Советскому Союзу и Советской Армении. Публицистика В. Текеяна оказала мощнейшее влияние на мировоззре-

[40] Арев 1944: 7889, 1.

ние, национальное самосознание и развитие политической мысли армянской диаспоры его времени. Идеи Родины и государственности, физического и духовного освобождения армянского народа, трансформации армянства из культурной нации в нацию, опирающуюся на государственность составляют фундамент его публицистического наследия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Авагян А. Ваган Текеян: Благородный поэт. Ереван, 2018, с. 61 [Avagyan A. Vagan Tekeyan: Blagorodnyj poet. (Vahan Tekeyan: The Noble Poet) Erevan, 2018. P. 61].

Акобян Ов. «В дни кризиса армянского дела. Г: наша позиция по отношению к Советской Армении» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 1920. № 679, с. 1 [Akobyan Ov. "V dni krizisa armjanskogo dela. G: nasha pozitsiya po otnosheniyu k Sovetskoj Armenii" (In the Days of the Armenian Cause Crisis. G: Our Position Regarding Soviet Armenia)/ Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1920. No. 679, P. 1].

Албоячян А. «1926 год. Национальная теория. В Армении» // Арев, 3 января 1927, № 2396, с. 1 [Alboyachyan A. "1926 god. Nacional'naya teoriya. V Armenii" (The Year 1926. National Theory. In Armenia) / Arev, 1927, No. 2396, P. 1].

«Армения официально признана независимой» // Жоговурди дзайн, 14 января 1920 г., № 393, с. 1 ["Armeniya ofitsial'no prinyata nezavisimoj" (Armenia Officially Recognized as Independent) // Zhogovurdi dzajn, 1920, No. 393, P. 1].

«Армянский сбор средств» // Арев, 14 августа 1943, № 7497, с. 1 ["Armyanskij sbor sredstv" (Armenian Fundraising Effort) / Arev, 1943, No. 7497, P. 1].

Армянский вопрос. Энциклопедия, под ред. К. Худавердяна. Ереван: Айастан, 1996, с. 15 [Armyanskij vopros. Enciklopediya, pod red. K. Khudaverdyana. (The Armenian Question. Encyclopedia, edited by K. Khudaferyan) Erevan: Ayastan, 1996. P. 15].

«Армения между молотом и лопатой» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 4 декабря 1920, № 665, с. 2 ["Armeniya mezhdu molotom i lopatoj" (Armenia Between the Hammer and the Anvil) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1920, No. 665, P. 2].

«Высшая мудрость» // Чакатамарт, 18 января 1920 г., № 358 ["Vysshaya mudrost'" (The Highest Wisdom) / Chakatamart, 1920, No. 358].

Даллакян К. «Ваган Текеян: политический и общественный деятель» // Доклады конференции, посвященной 125-летию Вагана Текеяна. Ереван, 2004, с. 35–45 [Dallakyan K. "Vagan Tekeyan: politicheskij i obshchestvennyj deyatel'" // Doklady konferentsii, posvyashchyonnoj 125-letiyu Vaganya Tekeyana. (Vahan Tekeyan: Political and Public Figure // Proc. of the Conference Dedicated to the 125th Anniversary of Vahan Tekeyan). Erevan, 2004. P. 35–45].

Дшхоян Н. «Они ещё имеют лицо» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 14 октября 1921 г., № 928, с. 1 [Dshkhoyan N. "Oni eshchyo imeyut lico" (They still have the audacity) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1921, No. 928, P. 1].

«Держитесь подальше от международного цирка» // Арев, 14 июня 1927, № 2532, с. 1 ["Derzhites' podalshe ot mezhdunarodnogo tsirka" (Stay away from the international circus) // Arev, 1927, No. 2532, P. 1].

«Карсский договор» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 24 октября 1921, №937, с. 2 ["Karskij dogovor" (The Kars Treaty) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 24 oktyabrya 1921, № 937, P. 2].

Мкртчян Л. «Армения или Киликия? Д.» // Арев, 5 июля 1922, № 1092, с. 1 [Mkrtchyan L. "Armeniya ili Kilikiya? D." (Armenia or Cilicia? D) / Arev, 1922, No. 1092, P. 1].

Мкртчян Л. «Армения или Киликия: Б» // Арев, 30 июня 1922, № 1090, с. 1 [Mkrtchyan L. "Armeniya ili Kilikiya: B" (Armenia or Cilicia? B) / Arev, 1922, No. 1090, P. 1].

Мкртчян Л. «Наша антироссийская политика. Д» // Арев, 11 августа 1922, № 1108, с. 1 [Mkrtchyan L. "Nasha antirossijskaya politika. D" (Our Anti-Russian Policy: D) / Arev, 1922, No. 1108, P. 1].

Мкртчян Л. «Роль национальной делегации» // Арев, 8 сентября 1922, № 1120, с. 1 [Mkrtchyan L. "Rol' nacional'noj delegatsii" (The Role of the National Delegation) / Arev, 1922, No. 1120, P. 1].

Налбандян И. «Признание Армянской Республики» // Арев, 21 января 1920 г., № 724, с. 1 [Nalbandyan I. "Priznanie Armyanskoj Respubliki" (Recognition of the Armenian Republic) / Arev, 1920, No. 724, P. 1].

«Новый русско-турецкий союз», редакционная статья // Жоговурди дзайн-Жаманак, 17 марта 1921, № 750, с. 2 ["Novyj russko-turetskij soyuz", redaktsionnaya stat'ya (The New Russo-Turkish Alliance) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1921, No. 750, P. 2].

Текеян В. «Национальная делегация и её председатель» // Арев, 30 августа 1918 г., № 513, с. 1 [Tekeyan V. "Nacional'naya delegatsiya i yeyo predsedatel'" (The National Delegation and Its Chairman) / Arev, 1918, No. 513, P. 1].

Текеян В. «Ереванские переговоры между Национальной делегацией и армянским правительством» // Жоговурди дзайн, 21 декабря 1919 г., № 364, с. 1 [Tekeyan V. "Erevanskie peregovory mezhdu Nacional'noj delegatsiej i armyanskim pravitel'stvom" (The Yerevan Negotiations Between the National Delegation and the Armenian Government) / Zhogovurdi dzajn, 1919, No. 364, P. 1].

Терзипашян А. «Русскоармянский-турецкоармянский» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 18 декабря 1920, № 677, с. 1 [Terzipashyan A. "Russkoarmyanskij-tureckoarmyanskij" (Russo-Armenian-Turkish-Armenian) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1920, No. 677, P. 1].

«Правильно или нет, наша Родина» // Арев, 28 марта 1927, № 2467, с. 1 ["Pravil'no ili net, nasha Rodina" (Whether right or wrong, but our homeland) / Arev, 1927, No. 2467, P. 1].

Черепахов М. С. Проблемы теории публицистики. Москва, 1973, с. 28 [Cherepakhov M.S. Problemy teorii publicistiki. (Problems of the Theory of Journalism) Moscow, 1973. P. 28].

«Чайный стол Рамк. либ. партии в честь поэта г. Ог. Туманяна» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 30 октября 1921, № 942, с. 1 ["Chajnyj stol Ramk. lib. partii v chest' poeta g. Og. Tumanyana" (Tea Party of the Ramkavar Liberal Party in Honor of the Poet Mr. Og. Tumanyan) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1921, No. 942, P. 1].

«О воскресном заседании партии либерал Рамкавар» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 21 июня 1922, № 922, с. 1 ["O voskresnom zasedanii partii Svobody Ramkavar" (On the Sunday Meeting of the Ramkavar Liberal Party) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 21 iyunya 1922, No. 922, P. 1].

Осипова Е.А. Публицистика: её сущность и роль в обществе // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 2022, 41(2), 205–213, стр. 206, DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-205-213 [Osipova E.A. Publicistika: yeye sushchnost' i rol' v obshchestve // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki i yazykoznaniya, (Publicism: Its Essence and Role in Society // Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics) 2022, 41(2), 205–213, P. 206, DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-205-213].

«24-я годовщина Советской Армении» // Арев, 29 ноября 1944, № 7889, с. 1 ["24-ya godovshchina Sovetskoj Armenii" (The 24th Anniversary of Soviet Armenia) / Arev, 29 noyabrya 1944, No. 7889, P. 1].

Bailey O.G. Diasporic identities and mediated experiences in everyday life // Passagens, 4(2), 2013, 67–93, p. 69.

Hofmann T. One nation – three subethnic groups. The case of Armenia and her Diaspora. Yerevan, 2011, p. 13.

Гор Марзпетович Абрамян, *кандидат филологических наук, доцент, ассистент кафедры печатных и вещательных СМИ факультета журналистики, Ереванский государственный университет; gor.abrahamyan@ysu.am*

Issues of Sovietization of the Republic of Armenia and Russian Orientation in the publicism of Vahan Tekeyan 1920-45

The article explores the publicist work of the Western Armenian national figure, writer, and publicist Vahan Tekeyan from 1920 to 1945, within the context of the Sovietization of Armenia and pro-Russian orientation. The article attempts to substantiate that Tekeyan's publicism, dynamically shifting from romanticism towards realism, developed around the ideological axes and dilemmas of preserving national statehood and saving the homeland. It analyzes how Tekeyan evaluates the experience of the First Republic of Armenia amidst complex and contradictory geopolitical developments, and how he perceives the impact of the Sovietization of the First Republic on the political line regarding the liberation of Western Armenia. The article also reveals the evolving perceptions of Russia's image and role within Western Armenian thought and the role played by the Western Armenian liberal-democratic press in shaping this transformation.

Keywords: *Vahan Tekeyan, public speaking, Diaspora, Armenian identity, Sovietization of Armenia, Russian orientation, Western Armenian political thought.*

Gor Marzpeti Abrahamyan*, PhD (Philology), Associate Professor, Assistant at the Department of Print and Broadcasting Media, Faculty of Journalism, Yerevan State University; gor.abrahamyan@ysu.am*

М.В. Кирчанов

SAUDADE КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ГАЛИСИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА (1920–1960-е гг.)

Цель исследования – анализ саудади как изобретенной интеллектуальной традиции галисийского национализма второй половины XIX–XX в. В статье проанализированы 1) проблемы генезиса и возникновения саудади как изобретённой традиции в галисийском националистическом воображении, 2) изменения и трансформации саудади, которые превратили культурное и литературное явление в изобретенную националистическую традицию, 3) развитие идей саудади как элемента идеологического дискурса галисийского культурного национализма. Предполагается, что трансформация саудади в политическую традицию национализма стала результатом инструментализации средневекового литературного наследия и его интеграции в идеологические контексты галисийского национализма. Автор, анализируя явление саудади, полагает, что использование этих идей галисийскими националистами легитимировало замедленные скорости политических и социальных изменений и трансформаций. Концепты саудади развивались под влиянием португальских факторов, но в отличие от Португалии в галисийской политической традиции саудади развивалось одновременно как культурная и идеологическая категория. Показано, что идеи саудади в галисийском националистическом воображении стали формой актуализации и культурной визуализации неравноправного политического и экономического статуса Галисии. Изучены особенности галисийского национализма как преимущественно культурного и интеллектуального движения, так как социальные и политические проблемы галисийского общества визуализировались не в политическом языке национализма, но в культурных практиках и стратегиях, включая саудади.

Ключевые слова: *саудади, галисийский национализм, изобретение традиций, галисийская идентичность, депрессия и меланхолия, социально-экономические проблемы, неравномерное развитие, националистическая инструментализация культуры.*

В XIX в. национализм стал универсальным фактором, который начал определять основные векторы и траектории развития большинства европейских стран. Не являлась исключением из этой универсальной логики политической, культурной и социальной модернизации и Испания. На протяжении XIX столетия страна переживала рост как общеиспанского гражданского и этнического национализма, так и миноритарных национализмов неравноправных меньшинств, представленных в первую очередь басками и каталонцами. Особым регионом в составе Испания была Галисия, которая ранее формально имела статус Королевства, но в начале XIX в. в результате административных реформ и попыток централизации и строительства современного государства утратила свой особый статус и связанные с ним привилегии.

В результате этих процессов Галисия превратилась во внешнюю периферию испанской монархии, которая оставалось преимущественно аграрным и наименее развитым регионом в составе испанского государства. Тем не менее, начиная с середины XIX в., на территории Галисии под влиянием общеиспанских процессов политической и социальной модернизации, начинает развиваться местное движение. Если на раннем этапе галисийское движение представляло собой форму регионализма,

то к началу XX в. стали заметны тенденции его трансформации в направлении национализма. Важной особенностью развития практически всех европейских национализмов XIX–XX вв. был процесс как воображение сообществ, так и изобретения традиций.

Поэтому в центре внимания в статье будут проблемы развития саудади и проявления подобных идей в галисийском националистическом воображении второй половины XIX и в XX в. Целью автора является анализ концептов саудади как изобретённой культурной и политической традиции галисийского национализма. В число задач входит 1) изучение генезиса идей саудади как изобретённой традиции в галисийском национализме, 2) анализ превращения саудади из сегмента общего галисийско-португальского средневекового культурного наследия в изобретённую традицию галисийского национализма, 3) анализ развития идей саудади в контекстах развития и идеологической трансформации галисийского националистического дискурса XX в.

Изучение саудади как явления интеллектуальной истории представляется актуальным для российской историографии 2020-х гг. в силу ряда причин. Во-первых, на протяжении 2000–2010-х гг. галисийские проблемы изучались преимущественно через призму политологического подхода[1], что маргинализировала формально второстепенные аспекты в истории Галисии. Во-вторых, саудади, как часть галисийской идентичности, тесно связана с историей национального движения и национализма в Галисии[2], который в сравнении с другими региональными миноритарными национализмами в Испании в российской историографии изучен в меньшей степени[3]. Во-третьих, в изучении галисийского национализма большее распространение подучила проблематика, связанная, например, с языком[4] и лингвистическим активизмом[5], чем формами националистического воображения, которые апеллируют к традициям народной культуры. В-четвертых, саудади как концепция пребывает на стыке нескольких форм воображения – исторического, политического, националистического, культурного. В этом отношении последний, культурный, аспект представляется особенно важным, но история развития культуры в Галисии в отечественной исторической изучена не столь глубоко как, например, испанская или каталонская культуры. В сложившейся историографической ситуации галисийские сюжеты оказываются в тени общеиспанской или другой региональной, но политически в большей степени конъюнктурной, проблематики, что указывает на важность изучения саудали, попытка чего и предпринята в статье.

Методологически статья основана, с одной стороны, на принципах и достижениях междисциплинарной историографии национализма[6]. Вы-

[1] Филатов 2018.
[2] Киранов 2024б.
[3] Дронова 2019.
[4] Кирчанов 2025.
[5] Кирчанов 2024а.
[6] ValienteFernández 2007.

бор такой методологической оптики связан с особенностями источникового корпуса, который представлен преимущественно художественными или публицистическими текстами галисийских интеллектуалов, формировавших дискурс национализма в Галисии. Автор базируется на исследованиях, сфокусированных на изучении культурной, литературной и интеллектуальной истории Галисии[7], в центре которых преимущественно литературные явления, воспринимаемые как социальные и политические конструкты[8], влияющие не на формальное протекание литературного процесса и культурной жизни, но на трансформации и развитие идей политического галисийского национализма[9]. Автор полагает. что саудади можно интерпретировать как категорию-конструкт[10] и изобретённую политическую традицию[11]. Если исторически саудади возникло как традиция средневековой галисийско-португальской поэзии[12], то в XIX и XX вв. в условиях политизации и идеологизации общества, в рамках развития модернизации и национализма[13], идеи саудади подверглись инструментализации и интеграции в политическое воображение, что привело к их превращению в изобретённую традицию гражданского, политического и культурного национализма в Галисии[14].

Изобретение традиций как универсалия истории национализма

Националисты-интеллектуалы, составлявшие основу того или иного национального движения, были заинтересованы в трансформации той группы, к которой они принадлежали и повышении её политического статуса. Этот процесс не мог развиваться успешно без трансформации ранее миноритарных преимущественно аграрных и традиционных крестьянских групп в направлении политической и гражданской нации. Эти тенденции вели к формированию на базе ранее традиционных архаичных социумов принципиально новых воображаемых сообществ, которые фактически становились современными модерновыми нациями. Последние остро нуждались в легитимации своего существования и отдельного независимого статуса, что позволяло бы отличать их от доминирующего большинства или иных также национализирующихся сообществ.

Важной формой легитимации новых наций как воображаемых политических сообществ стало их наделение изобретёнными традициями. Процессы изобретения традиций стали универсальными трендами в истории европейских национализмов как XIX, так и XX в., в рамках которых националистически настроенные интеллектуалы и политические активисты прилагали значительные усилия, направленные на наделение того или иного сообщества изобретёнными традициями, призванными

[7] Diéguez Cequiel 2015.
[8] Cristovão 1991.
[9] Santos Pérez 2005.
[10] Máiz Suárez 2023.
[11] Hobsbawm, Ranger 2002.
[12] Vilavedra 1999.
[13] Castelos Paredes 1977.
[14] Beramendi González, Núñez Seixas 1996.

актуализировать, визуализировать и усиливать проявления национальной идентичности в публичных и общественных пространствах.

Одним из регионов, где на протяжении второй половины XIX и XX в. активно шёл процесс изобретения традиций, была Галисия. Основными акторами этого процесса стали галисийские националисты. В рамках изобретения традиций галисийские националисты, подобно другим националистам, которые представляли миноритарные европейские нации, боровшиеся за повышение своего политического и социального статуса в составе фактически композитарных монархий, уделяли основное внимание ресурсу прошлого. Усилиями галисийских националистов активно культивировались и продвигались представления о существовании в прошлом общего галисийско-португальского языка[15], который имел развитую и богатую литературную средневековую традицию[16], представленную в первую очередь поэзией трубадуров[17].

Националисты активно использовали символический ресурс, апеллируя к наличию средневековой культуры. Последняя стала не только объектом академического изучения, но и обеспечивала их примерами культурных феноменов, которые могли интегрироваться в идентичность современной политической галисийской нации. Одним из таких феноменов было явление саудади. Под саудади в историографии понимают комплекс идей и настроений, связанных с проявлением, актуализацией и визуализацией депрессивных и меланхолических настроений. Понятие «саудади» фиксируется в португальском и галисийском языках, генетически будучи связанным с «soidade», обозначающим «одиночество» и используется для описания и характеристики чувства или состояния утраты, ностальгии, меланхолии, тоски и одиночества. Рамон Пиньейро, комментируя это понятие, в первой половине 1950-х подчеркивал, что «слово saudade используется для выражения определенных чувств»[18]. Если ранее, в период средневековья, подобные настроения в первую очередь доминировали в лирических текстах, то во второй половине XIX и в XX в. концепты саудади подверглись последовательной политизации и идеологизации, став частью националистического дискурса.

Таким образом, галисийские националисты прилагали немалые усилия, направленные на инструментализацию исторического прошлого, его интеграцию в актуальную политическую и идеологическую повестку дня, что в конечном счёте вело к трансформации саудади в изобретённую традицию галисийского национализма. Успех трансформации саудади из поэтической традиции в направлении изобретённой традиции национализма стимулировался особенностями развития галисийского национализма во второй половине XIX и в XX в. Известно, что Галисия представляла собой наименее развитый регион в составе испанской композитарной монархии. Галисия, в отличие от других регионов,

[15] Clarinda de Azevedo 1988.
[16] Dobarro Paz 1987.
[17] Alonso Girgado 1992.
[18] Piñeiro 1984. P. 2.

не обладала более или менее развитой промышленной базой, не имела в полной степени сложившейся социальной структуры, классовое деление местного галисийского общества формировалось более замедленными темпами в сравнении с другими регионами Испании.

В сложившейся ситуации для истории национализма была характерна замедленная социальная динамика. Галисийский националистический проект развивался медленнее чем, например, каталонский или баскский национализм. Замедленные темпы национализации и модернизации, с одной стороны, отсутствие полной социальной структуры, с другой, а также длительная невидимость первых результатов деятельности националистов стимулировали развитие в рамках галисийских изобретённых традиций комплекса идей, которые оказались чрезвычайно близки к средневековым представлениям о саудади.

Идеи саудади не были изобретением галисийского национализма и националистически настроенных интеллектуалов. Генетически, культурно и исторически образы саудади в рамках галисийского националистического дискурса восходили к общему галисийско-португальскому средневековому культурному наследию. Тем не менее, концепты саудади, их роль и место в истории галисийского национализма как изобретённой традиции и интеллектуального конструкта нуждается в изучении.

Галисийско-португальское историческое наследие и инструментализация саудади в галисийском национализме

К началу 1920-х галисийский национализм достиг значительных успехов, но, несмотря на формальные достижения националистов, одну из центральных ролей в идеологии галисийства второй половины 1910-х и в 1920-е гг., как и ранее, играли концепты саудади[19], ставшие важным компонентом в программе культурного национализма[20]. Идеи саудади националистами были заимствованы из средневековой галисийско-португальской культуры. К тому времени саудади вошло в число тем, которые активно исследовались в португальской историографии[21], где они воспринимались преимущественно через призму истории культуры[22], в первую очередь – философии[23] и литературы[24], хотя аналогичные мотивы присутствовали и в других европейских культурных традициях[25].

К тому времени, когда саудади оказалась в центре внимания националистов, они уже понимали, как и каким образом поэтическая тоска и депрессия могут быть трансформированы в политические и идеологические. В складывающейся ситуации галисийские националисты заимствовали видение саудади у португальских авторов[26], которое можно было адаптировать под их собственные политические потребности, что

[19] Cobas 1919.
[20] Cabanillas, Rodríguez González 1920.
[21] Vasconcellos 1914.
[22] Martins 1920.
[23] Braz Teixeira 2006.
[24] Almeida 1921.
[25] Pascoaes 1988.
[26] Lourenço 1978.

позднее повлияло на функционирование португальских образов в рамках галисийского националистического воображения[27]. Последние воспринимались в позитивной системе координат. Как результат восприятие саудади, в центре которого «воспоминания о давно минувших радостях прошлого, которые уже никогда не вернутся; наказание за то, что вы не наслаждаетесь им в настоящем или наслаждаетесь им только в памяти; и желание и надежда вернуться к прежнему состоянию счастья в будущем»[28], стала частью националистического галисийского проекта.

Представления о саудади, заимствованные из средневековой португало-галисийской культуры и современной португальской интеллектуальной традиции, в галисийском национализме были подвергнуты инструментализации, будучи превращенными в социальный и культурный конструкт[29], что указывает на значительные потенции национализма, если перед ним становится задача интегрировать в собственный инструментарий не просто чуждые, но фактически домодерные, культурные модели. Используя подобные манипуляции, галисийские националисты фактически подорвали португальскую монополию на саудади[30], интегрировав ее в собственный националистический дискурс. Несмотря на историческую близость Галисии и Португалии, саудади в галисийском и португальском национализме воспринимаются различно.

По мнению галисийского историка Ф. Фернандеса Рея, «португальская тоска мессианская и коренится в ожидании возвращения дона Себастьяна, в то время как галисийская тоска – это тоска по Земле, тоска по дому, по зеленой сельской местности, по туманному небу, по крутой скале, по нежному дождю, по деревенскому колоколу, по темным оливковым деревьям, по старой поросшей стене, по тенистому уголку дубовой рощи, по луне, которая садится за сосновой рощей... тоска по очагу и сельской местности, благословенная тоска, которую мы должны просить Бога сохранить и приумножить до конца времен. Это – тоска по расе и тоска по земле, которые переплелись и породили тоску по Родине, став тоской по искуплению»[31]. Андрес Торрес Кейруга и вовсе склонен абсолютизировать саудади[32] как примордиальный компонент галисийской этничности и идентичности, хотя генезис таких образов корректнее и рациональнее все же связывать с доминированием домодерных аграрных идентичностей[33], основанных на народной культуре[34].

И португальское, и галисийское восприятие саудади предусматривали политизацию понятия, но в галисийском случае тенденции к идеологизации и националистической инструментализации получили большее развитие, так как галисийцы, как миноритарная группа в составе

[27] Medeiros 2003.
[28] Vasconcellos 1914. P. 3.
[29] Leal 1999.
[30] Botelho, Braz Teixeira 1986.
[31] Fernández Rei 2020.
[32] Torres Queiruga 2016.
[33] Fernández Prieto, Cabo Villaverde 1998.
[34] Quivén Sánchez 2019.

Испании, были вынуждены использовать различные ресурсы, включая культуру, для решения задач, связанных с развитием национализма.

Миноритарная идентичность Галисии и испанский централизм как политические стимулы саудади

Концепты саудади представляли собой поэтическую и текстуализированную форму культурной депрессии[35], ставшую следствием «четырех веков молчания»[36], инструментализированную националистами и приспособленную ими для решения политических и идеологических задач. Поэтому идея, что «os mortos a carón dos vivos» («мертвые рядом с живыми»)[37] стала одним из общих мест в проекте галисийской идентичности, основанной, в том числе, и на актуализации образов саудади.

Иллюстрируя значение саудади в галисийской идентичности, Аншел Фоле иронизировал, что «если андалузец отправится на похороны, неся свечу, а кастилец – большой факел, то галисиец предпочтет пойти с костью усопшего»[38], подчеркивая, тем самым, как представленность прошлого в галисийской идентичности, так и склонность ее носителей к депрессии и поэтической тоске, которая будучи инструментализированной националистическими интеллектуалами, обретала особое значение. В рамках развития концептов саудади галисийские националисты рефлексировали относительно идеализируемого и мифологизируемого ими прошлого Галисии[39], воспринимая и конструируя образы страны через призму трагедии, депрессии и меланхолии[40], который воспринимались как неотъемлемые элементы логики исторического процесса, так как история не благоприятствовала Галисии и галисийцам.

Националисты 1920 –1930-х гг. апеллировали к опыту своих предшественников периода национального Возрождения[41], в первую очередь – к наследию Розалии де Кастро, которая воспринималась националистическими интеллектуалами как «святое тело галисийской тоски»[42]. Такая тематика в националистическом дискурсе могла стимулироваться и личным опытом участников национального движения, которые в условиях доминирования в публичных и общественных пространствах испанского языка и связанной с ним культурной модели, не только сталкивались с дискриминацией, но и оказывались в состоянии политической и культурной депрессии, так как Испания стремилась к уничтожению той культуры и той формы романской речи, которые ими воспринимались как их собственные и самодостаточные.

---

[35] Regueiro 1922.
[36] Cabanillas 2006. P. 11.
[37] Fole 1997. P. 73 – 74.
[38] Fole 1997. P. 81.
[39] Rodríguez Elías 1922.
[40] López Abente 1925; 1929.
[41] В данном случае и далее по тексту речь идет именно о национальном Возрождении (Rexurdimento) – периоде 1850–1880-х гг., связанным с активизацией национального движения в Галисии и ревитализации национальной идентичности, что привело к трансформации галисийской культуры из традиционной крестьянской в модерную буржуазную.
[42] Cabanillas 1920. P. 12.

В связи с этим Рамон Пиньейро, ссылаясь на негативный опыт принудительной социализации в культурной системе координат, основанной на доминировании испанской идентичности, подчёркивал: «до возраста примерно шести лет моим единственным языком был галисийский, поэтому самым большим потрясением, которое мне преподнесла школа, стала смена языка. Учитель говорил по-испански в школе и за ее пределами, и общался на нем со всеми, будь то дети или старики, мужчины или женщины, крестьяне или священники. Он не делал нам ни малейшей уступки. Он говорил по-испански с бескомпромиссной твердостью человека, исполняющего высокий и священный долг… жесткое использование языка, отличного от нашего, языка, который исключал наш, придавал ему странный авторитет, авторитет, который вместо того, чтобы установить личное превосходство учителя, указывал нам на нашу коллективную неполноценность… и не только нашу неполноценность как учеников, но и нашу неполноценность как носителей галисийского языка»[43].

Развитие саудади в рамках галисийской идентичности стимулировалась и политикой Мадрида, направленной на языковую ассимиляцию галисийцев. В ситуации инокультурного господства типичный галисиец, образ которого создавался усилиями националистов 1920-х гг., практически всегда пребывает в состоянии депрессии и ностальгии, предаваясь «размышлениям и тоске по тем временам, когда он дышал свободным и свежим ветерком, а его тело, продрогшее от холода, обретало жизнь и тепло в тяжелой повседневной работе»[44]. Эти мотивы получили развитие в националистическом нарративе, в рамках которого «будущее окутало наше время туманом, а вещи и имена растворятся вдали, новые люди начнут задумываться о том, что их труд, полный вечности, это – труд сотен сердец, горящих перед одним алтарем»[45], под которым понималась создаваемая, воображаемая и изобретаемая галисийская нация.

Рефлексируя относительно прошлого, националисты, как правило, видели угнетение Галисии внешними силами и дискриминацию галисийцев. Эти идеи и настроения, инструментализированные ранним национализмом в рамках галисийского Возрождения оказались крайне стабильны и устойчивы, несмотря на формальные и фактические успехи и усиление национализма и достижения националистов в языковой сфере и отстаивания независимого статуса галисийцев и их языка.

Галисийский национализм и политическая депрессия

Пессимистические тенденции[46], связанные с развитием концептов саудади как элемента усиливавшейся национальной идентичности, эти настроения в галисийском национализме продолжали играть значительную роль[47], став сегментом исторического воображения, когда политически понятая и идеологически интерпретированная «тоска» стала вос-

[43] Piñeiro 1991. P. 13.
[44] Amado Carballo 1982. P. 36 – 37.
[45] Cabanillas 1920. P. 13.
[46] Rei 1928.
[47] Zamora 1925.

принимать как неотъемлемый компонент коллективной исторической памяти, соотносимый с вкладом в развитие идентичности деятелей Возрождения[48]. Концепты «саудади» и «национализм» в интеллектуальной атмосфере галисийского общества оказались в состоянии тесной связи и глубокой взаимозависимости.

Комментируя эту особенность националистического воображения, исследователи подчеркивают, что «дискурс тоски был по сути националистическим призывом, в котором нематериальный фактор стал определяющей характеристикой природы земли, ее жителей, залогом ее будущего освобождения»[49]. Это было связано с рефлексией националистически ориентированных интеллектуалов и политических активистов относительно смерти и неспособности Галисии превратится в полноценную эффективную нацию[50], так как будущее галисийского националистического проекта оставалось неопределённым, а галисийцы, как и в предшествующие десятилетия, были уязвимы перед угрозой политики ассимиляции, проводимой со стороны Мадрида[51].

Понимание и осознание националистами того, что несмотря на формально значительные достижения в развитии национализма Галисия далека от решения реальных социально-экономических проблем, стимулировало развитие национальном воображении идей, связанных с концептами саудади[52]. Депрессивные настроения в галисийском национальном проекте 1920-х – 1930-х гг., как и раннее, оставались значительными и влиятельными[53], воздействуя на развития в первую очередь культурного национализма, в рамках которого саудади стала поводом для актуализации бренности бытия и смертности человека[54]. Основным пространством актуализации саудади оставался художественный текст, преимущественно – поэзия, ставшая формой культурного национализма. Например, Луис Амаду Корбаллю, обращаясь к одной из своих героинь призывал «закрой окно, не впускай ночь; для тьмы достаточно тех, что идут со мной. Ветер воет, как собака, а в лесной шарманке слышится безумная песня. Какую глубокую печаль я испытываю из-за того, что позволил своей душе блуждать, что потерял свое сердце… нет никого, кто мог бы меня исцелить; моя душа во сне идет по неизведанному пути. Эта тоска – наследие нашей расы; чувствовать отдаленные печали, плакать, не зная устали… закрой окно, не впускай ночь; для тьмы достаточно тех, что идут со мной»[55], не только актуализируя типичное восприятие депрессии и меланхолии в националистическом дискурсе, но и соединяя его с культурным расизмом.

[48]Otero Pedrayo 1931.
[49]Rei 2009. P. 221.
[50]Amado Carballo 1927.
[51]Herrera e Garrido 1927.
[52]Villar Ponte 1934.
[53]García Seoane 1934.
[54]Amado Carballo 1982a. P. 75.
[55]Amado Carballo 1982b. P. 66.

Саудади в поэтическом дискурсе стало пространством сочетания национализма и актуализации галисийской идентичности, символизируя внеисторическую связь галисийцев, живых и мертвых, как носителей идентичности, основанной, в том числе, и на тоске, с Галисией как воображаемой Родиной. Развивая этот нарратив, Фермин Боуза-Брей Триллу сравнивал галисийцев с пассажирами символической «ладьи тоски», где они превращаются в «души эмигрантов, которые не смогли достичь побережья Галисии и усидеть его своими смертными глазами… Тела остались лежать в тропических полях; наши души плывут к родным краям – горе нам! – к родным краям… Не связывай нас, о тело… о тело, не связывай нас! Плыви, дух! Беги, дух! Вперед, о дух, вперед!»[56].

В такой поэтической и почти политической системе координат сама Галисия превращается в призрак, «посыпающий себя звездами, этой легкой солью, окуривающей себя туманами в вечерних сумерках… о манна Галисийская, я наблюдал, как мимо проплывала эта печальная лодка. Она несла паруса из тумана, якоря из лунного света»[57]. Галисия в поэтическом воображении национализма не только призрачная ладья, но и земля, которая «блуждает в поисках того, кто взял бы ее после смерти Розалии». В условиях ухода деятелей Возрождения и смены поколений в националистическом движении концепты саудади актуализировали качества фронтирности галисийской идентичности и Галисии, которая «наступая на чертополох, ступая по ежевике, как только садится солнце, с глазами, полными слеза, входит в мое сердце, тихо приходит вместе с луной... Бог знает, откуда она взялась! Португалия говорит, что это их язык, а туманы говорят, что это язык Галисии... Солнце обжигает ее… и без поводыря она ждет там, где умерла Розалия»[58].

Универсальной формой преодоления тоски, меланхолии и депрессии, то есть всего, что лежало в основе самого явления саудади, по мнению национально ориентированных авторов, был галисийский национализм. Именно последний, как полагал, Рамон Отеру Педрайу, позволит галисийцам «выйти на солнечный свет свободными, счастливыми, эта нейтральная масса перестанет мрачно страдать в узах безразличия и поймет, что только будучи галисийцами, она обретет место в мире», хотя сам Р. Отеру Педрайу внес свой вклад в развитие образов саудади[59], интегрируя их в аграрные контексты, что имело принципиальное значение для идентичности галисийцев, которые на протяжении первой половины XX в. продолжали оставаться периферийным и национализирующимся сообщество с неполной социальной структурой, идентичность которого в значительной степени оставалась традиционной и архаичной.

В условиях роста национализма на протяжении 1930-х гг. настроения и идеи саудади постепенно сменили свою локализацию и формы проявления. Если ранее галисийские националисты сетовали относи-

[56] Bouza-Brey Trillo 1992. P. 88.
[57] Bouza-Brey Trillo 1992. P. 89.
[58] Noriega Varela 1969. P. 46–47.
[59] Otero Pedrayo 1988a. P. 32–34.

тельно общей исторической несправедливости, тяжелой судьбы Галисии и угнетенного галисийского крестьянства, то теперь концепты саудади подверглись последовательной инструментализации, что привело к их политизации и идеологизации, интеграции в политический дискурс. Усилиями националистов концепт «саудади» постепенно из формы поэтической депрессии начал превращаться в политическую идею[60].

Образы «саудади», таким образом, будучи подвергнутыми инструментализации и интеграции в политическое воображение галисийского национализма, стали частью идеологии[61]. Если ранее идеи саудади базировались вокруг несчастной доли галисийского крестьянина, но теперь идеи поэтической меланхолии мутировали в направлении политической депрессии. Последняя стимулировалась сложностями институционализации в 1930-е гг. автономии. Депрессия в националистическом воображении усиливалась игнорированием интересов со стороны Мадрида интересов галисийского крестьянства и стремления Мадрида не допустить Галисию к управлению регионом. В подобной ситуации саудади стало не просто культурным, но преимущественно идеологическим концептом и политическим конструктом, который активно использовался в качестве дополнительной теории в полемике и противостоянии галисийских националистов с Мадридом.

Саудади и галисийский национализм в авторитарном обществе

Для развития концептов саудади в галисийском интеллектуальном и националистическом дискурсе была характерна дискретность. Если на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. идеи саудади активно развивались, если в 1940–1950-е гг. они культивировались усилиями политических эмигрантов, то 1960-е гг. образуют разрыв между более ранними и позднейшими восприятиями саудади в галисийской традиции.

Саудади вновь оказалось востребованным с началом процессов демократического транзита и активизацией галисийского национализма, став его одним из символических и культурных ресурсов. Андрес Торрес Кейруга в 1980 г., связывая саудади с деятельностью активистов национального Возрождения[62], подчеркивая общность идей саудади в португальском и галисийскому культурных и интеллектуальных контекстах[63], вынужденно констатировал, что «о саудади уже почти все сказано. Для нас, галисийцев и португальцев, это – заманчивая тема, даже интимная и своеобразная, но при этом милая и специфичная»[64].

Критики А. Торреса Кейруги указывали на опасность исключительно культурной редукции саудади, подчеркивая важность подобных настроений для галисийской идентичности, полагая, что «после травм гражданской войны, когда в 1950-х гг. галисийская культура начала возрождаться, тема саудади вновь появилась. С 1951 г. она постоянно при-

[60] Risco 1936.
[61] Suárez 1934.
[62] Torres Queiruga 1981. P. 45.
[63] Torres Queiruga 1981. P. 72.
[64] Torres Queiruga 1981. P. 13.

сутствует в нашей культурной жизни… став в XX в. предметом рефлексивной интерпретации, и приобретя заметное значение в Галисии, где, начиная с 1920-х гг., стала настоящей традицией в галисийской мысли»[65]. Развитие саудади стимулировалось политическими и социальными трансформациями, связанными с франкизмом, который углублял и усугублял фрагментацию общества и разрыв поколений, что стимулировало среди интеллектуалов проявления политической депрессии.

Комментируя последнюю, в 1950-е гг. Рамон Пиньейро вынужденно подчеркивал, что «прошло уже четырнадцать лет франкизма, и молодое поколение в школах, лицеях и университетах получало образование абсолютно независимо от своего статуса галисийца… образовалась пустота в новых поколениях, которые формировались как подданные испанского государства, но не как галисийцы»[66]. Активисты галисийского движения периода франкизма понимали остроту и глубину проблемы и, поэтому, указывали на важность преодоления коллективного состояния саудади. Галисийский историк Шосе Луис Алуэ, комментируя особенности и направления развития галисийства в условиях франкистской недемократии, характеризовал стратегии националистов того времени следующим образом: «для того, чтобы Галисия оправилась от того разрушенного состояния, в котором она оказалась, ей сначала нужно было восстановить свою культуру, поскольку в ней нашла приют и спала наша совесть… все указывало на то, что национализм намеревался скорее галисизировать политику, чем политизировать галисийство»[67].

Вместе с тем, среди интеллектуалов могли звучать и другие оценки саудади, в рамках которых идеологически мотивированная тоска и политическая депрессия осознавались не как препятствия для консолидации нации, но оценивались в качестве особенностей галисийской идентичности. В связи с этим А. Торресом Кейруга подчеркивалась роль саудади в развитии галисийской идентичности, так как именно этот комплекс идей не только определял «сокровенные корни» галисийской нации, но и позволял «радикально отличать характерные признаки нашей литературы и нашей культуры»[68] от других национальных проектов Испании, что в полной мере стало возможно только в результате последующей демократизации.

* * *

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые оказывали самое существенное влияние и воздействие на трансформацию идей и проявлений саудади в галисийском националистическом дискурсе XIX–XX вв.

Саудади не было «чистой» изобретённой националистической традиции, возникшей в XIX в., когда большинство европейских националистов усилиями своих теоретиков наделили себя подобными атрибутами.

[65]Piñeiro López 1981. P. 79 – 80.
[66]Casares 2002. P. 102.
[67]Luís Allué 2009.
[68]Torres Queiruga 1981. P. 16.

Саудади является ярким примером политизации и инструментализации исторического наследия, которое активно используется практикующими националистами и интегрируется в политическое воображение галисийского национализма.

Развитие идей саудади в случае с галисийским национализмом фактически было направлено на легитимацию и оправдание замедленной политической и социальной динамики изменений, запущенных в результате деятельности националистов. Концепты саудади активно использовались для объяснения того, почему Галисия и галисийцы, в отличие от других регионов и национальных миноритарных групп Испании, развиваются более медленно и не достигли таких существенных успехов в собственной институционализации и изменения своего социального и политического статуса, что, например, удалось сделать каталонским националистом. Идеи и ценности саудади, таким образом, стали важной изобретённой традицией галисийского национализма и удачным примером инструментализации формально культурного и литературного наследия.

Развитие саудади в галисийском националистическом воображении стимулировалось и влиянием внешних факторов. Португалия и успехи португальцев в культивировании собственной национальной идентичности, отличной от испанской, стимулировали галисийских националистов использовать португальский опыт, в том числе – и концепты саудади, которые в XIX в. воспринимались в качестве элемента общего португало-галисийского культурного средневекового наследия. Но если в Португалии концепты саудади носили в большей степени культурный характер, то в случае с развитием галисийского национализма они подверглись существенной трансформации, что вело к политизации и идеологизации последних. Поэтому идеи саудади в Галисии активно проявлялись именно в политическом и идеологическом дискурсе национализма, используясь как иллюстрация для актуализации угнетённого и неравноправного положения галисийцев в составе испанской государственности.

Идеи саудади оказались чрезвычайно удобными для их применения в политической риторике национализма, точнее на тех ее уровнях, которые отвечали за объяснение замедленной динамики развития галисийского националистического проекта. Саудади исторически возникло как часть культурного галисийско-португальского исторического и литературного опыта. На протяжении XIX и XX вв. саудади подверглись существенной трансформации, став изобретённый политической традиции галисийского национализма, что свидетельствует о развитии галисийского национализма в преимущественно культурной и этнической системе координат. Последняя тенденция стала следствием замедленной социальной динамики и длительного отсутствия полной социальной структуры, что вынуждало галисийских националистов переносить свою активность из сферы политики в сферу культуры.

Таким образом, концепты саудади стали важной изобретённой традицией галисийского национализма, что указывает на важность и необходимость дальнейшего изучения саудади через призму культурной истории галисийского национализма и в контекстах галисийско-португальских политических и интеллектуальных связей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Дронова С.Ю. Упадок и перспективы восстановления галисийского национализма // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 8 (73). С. 43-47 [Dronova S.Yu. Upadok i perspektivy vosstanovleniya galisijskogo natsionalizma (The Decline and Prospects for the Restoration of Galician Nationalism) // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo (Society: Politics, Economics, Law). 2019. № 8 (73). P. 43-47].

Кирчанов М.В. Реинтеграционизм как форма языкового строительства в современной Галисии // Древняя и Новая Романия. 2024а. № 33. С. 95-108 [Kirchanov M.V. Reintegratsionizm kak forma jazykovogo stroitel'stva v sovremennoj Galisii (Reintegrationism as a form of language constructivism in modern Galicia) // Drevnyaya i Novaya Romaniya (Ancient and New Romania). 2024a. № 33. P. 95-108].

Кирчанов М.В. "Изобретенные традиции" региональных национализмов Испании. Статья 2. Изобретенные традиции галисийского национализма // Вестник Воронежского гос. университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2024б. № 1. С. 69-73 [Kirchanov M.V. "Izobretennye traditsii" regional'nyh natsionalizmov Ispanii. Stat'ja 2. Izobretennye traditsii galisijskogo natsionalizma ("Invented Traditions" of Regional Nationalisms of Spain. Article 2. Invented Traditions of Galician Nationalism) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sotsiologija (Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology). 2024b. № 1. P. 69-73].

Кирчанов М.В. Галисийский национализм «Братств речи», 1916-1931 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 4 (132). С. 92-98 [Kirchanov M.V. Galisijskij natsionalizm «Bratstv rechi», 1916-1931 (Galician Nationalism of the "Brotherhoods of Speech", 1916-1931) // Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura (Society: Philosophy, History, Culture). 2025. № 4 (132). P. 92-98].

Филатов Г.А. Каталония, Страна басков и Галисия: сепаратистские тенденции в начале XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 43-53 [Filatov G.A. Katalonija, Strana baskov i Galisija: separatistskie tendentsii v nachale XXI veka (Catalonia, the Basque Country and Galicia: Separatist Tendencies at the Beginning of the 21st Century) // Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija (World Economy and International Relations). 2018. T. 62. № 11. P. 43-53].

AlmeidaF. Estancias d'arte e de saudade. Lisboa: A.M. Teixeira, 1921. 416 p.

Alonso Girgado L. Cantigas medievais galegoportuguesas. Santiago de Compostela: El Correo Gallego, 1992. 91 p.

Amado Carballo L. Enterro // Amado Carballo L. Vida e obra: escolma de textos. Vigo: Artes Gráficas Galicia, S.A. – Real Academia Gallega, 1982. P. 75.

Amado Carballo L. Os piñeiros mortos (Poema) // A Nosa Terra. 1927. No 239.

Amado Carballo L. Os probes de Deus. Novela orixinal e inédita // Amado Carballo L. Vida e obra: escolma de textos. A Coruña: Publicacións da Real Academia Galega, 1982a. P. 37–57.

Amado Carballo L. Saudade // Amado Carballo L. Vida e obra: escolma de textos. Vigo: Artes Gráficas Galicia, S.A. – Real Academia Gallega, 1982b. P. 66.

Beramendi González J., Núñez Seixas X.M. O nacionalismo galego. Vigo: A Nosa Terra, 1996. 343 p.

Bouza-Brey Trillo F. A barca da saudade // Bouza-Brey Trillo F. Vida e obra: escolma de textos. A Coruña: Publicacións da Real Academia Galega, 1992. P. 88–90.

Braz Teixeira A. A Filosofia da Saudade. Lisboa: Quidnovi, 2006. 176 p.

Cabanillas R. A saudade nos poetas galegos // Rosalía de Castro na Real Academia Galega. A Coruña: Centro de estudos Rosalianos – Fundación Rosalía de Castro, 2006.

Cabanillas R., Rodríguez González E. A saudade nos poetas gallegos. A Cruña: El Nordeste, 1920. 76 p.

Casares C. Ramón Piñeiro. Da miña acordanza. Memorias. Vigo: Galaxia, 2002. 280 p.

Castelos Paredes J. Los orígenes del nacionalismo gallego. Universidade de Barcelona, 1977. 388 p.

Clarinda de Azevedo M. História do Galego-Português. Estudo lingüístico da Galiza e do Noroeste de Portugal desde o século XIII ao século XVI. Coimbra: INIC, 1988. 506 p.

Cobas M. Melanconía d'a gaita // A Nosa Terra. 1919. No 79.
Cristovão A. Nacionalismo galego: questões a debater // Agália: Publicaçom internacional da Associaçom Galega da Lingua. 1991. No 26. P. 233–242.
Diéguez Cequiel U.-B. Nacionalismo galego aquén e alérn mar: desarticulación, resistencia e rearticulación. Santiago de Compostela: Edicións Laiovento, 2015. 450 p.
Dobarro Paz X M. Literatura galego-portuguesa medieval. A Coruña: Ed. Vía Láctea, 1987. 157 p.
Fernández Prieto L., Cabo Villaverde M. Agrarismo y regeneracionismo en la Galicia de comienzos del siglo XX. El discurso del regionalismo agrícola // Agricultura y Sociedad. 1998. No 86. P. 133–162.
Fernández Rei F. Ramón Cabanillas e a saudade. No centenario do seu ingreso na RAG // Tribuna. 2020. Setembro 8. URL.: https://academia.gal/-/ramon-cabanillas-e-a-saudade-no-centenario-do-seu-ingreso-na-rag
Filosofia da Saudade / org. A. Botelho, A. Braz Teixeira. Lisboa: Imprensa Nacional – Casa de Moeda, 1986. 803 p.
Fole Á. Amigos na paisaxe // Fole Á. Escolma de textos. A Coruña: Publicacións da Real Academia Galega, 1997. P. 73–74.
Fole Á. Paisaxe e saudade // Fole Á. Escolma de textos. A Coruña: Publicacións da Real Academia Galega, 1997. P. 81–83.
García Seoane X. Galiza sen diputados // A Nosa Terra. 1934. No 338.
Herrera e Garrido F. Follas murchas (Poema) // A Nosa Terra. 1927. No 239.
La invencion de la tradicion / eds. E.Hobsbawm, T. Ranger. Barcelona: Critica, 2002. 319 p.
Leal J. Saudade, la Construction d'un Symbole: "Caractère Nacional" et Identité National // Ethnologie Française. 1999. Vol. XXX. No 2. P. 177–189.
López Abente G. Non me esperes (versos) // A Nosa Terra. 1929. No 263.
López Abente G. Saudades (poema) // A Nosa Terra. 1925. No 213.
Lourenço E. O Labirinto da Saudade: Psicanálise Mítica do Destino Português. Lisboa: Publicações Dom Quixote, 1978. 201 p.
Luís Allué X. O outro Piñeiro // Ramón Piñeiro: a terra e a saudade / ed. E. Caldeiro. Vigo: Miñomedia, 2009.
Máiz Suárez R. As orixes do nacionalismo galego no século XIX: o mito céltico en Murguía // Centenario de Manuel Murguía 1923–2023 / coord. M. Aleixandre, R. Villares Paz. A Coruña: Real Academia Galega, 2023. P. 143–160.
Martins C. Cancioneiro da saudade: coligido e editado. Lisboa : Fernandes & Cia, 1920. 168 p.
Medeiros A. Discurso nacionalista e imagens de Portugal na Galiza // Etnográfica. 2003. Vol. 7. No 2. P. 321–349. DOI: https://doi.org/10.4000/etnografica.2902
Noriega Varela A. A Saudade // Noriega Varela A. D'o ermo. A Cruña: Publicacións da Real Academia Galega, 1969. P. 46–47.
Otero Pedrayo R. A masa neutra e indiferente // Otero Pedrayo R. Vida e obra: escolma de textos. Vigo: Publicacións da Real Academia Galega, 1988a. P. 32–33.
Otero Pedrayo R. Romanticismo, saudade, sentimento da raza e da térra en Pastor Díaz, Rosalía de Castro e Pondal. Santiago: Nós – Pubricacións Galegas e Imprenta, 1931. 215 p.
Otero Pedrayo R. Saudade // Otero Pedrayo R. Vida e obra: escolma de textos. Vigo: Publicacións da Real Academia Galega, 1988b. P. 33–34.
Pascoaes T. de, A Saudade e o Saudosismo. Lisboa: Assirio e Alvim, 1988. 284 p.
Piñeiro López R. Contestacion ao discurso de ingreso de A. Torres Queiruga // Torres Queiruga A. Nova aproximación a unha filosofía da saudade. Discurso lido na recepción pública de 20 de xuño do 1980. Vigo: Artes Gráficas Galicia, S.A. – Real Academia Gallega, 1981. P. 73–81.
Piñeiro R. Da miña acordanza. Memorias. Vigo: Galaxia, 1991. 280 p.
Piñeiro R. Para unha filosofía da saudade. Vigo: Galaxia, 1984. 120 p.
Quivén Sánchez C. A retórica ruralista no nacionalismo galego: entre a utopía e a praxe (1916–1923) // Mazarelos: revista de Historia e cultura. 2019. Marzo 15. URL.: https://www.mazarelos.gal/a-retorica-ruralista-no-nacionalismo-galego-entre-a-utopia-e-a-praxe-1916-1923/
Regueiro A. Saudade (versos) // A Nosa Terra. 1922. No 160.
Rei L. Ramón Cabanillas. Crónica de desterros e saudades. Vigo: Galaxia, 2009. 592 p.
Rei S. Saudade (Poema) // A Nosa Terra. 1928. No 256.
Risco V. Saudades de tempos idos // A Nosa Terra. 1936. No 405.
Rodríguez Elías A. A morte qu'eu quero (poema) // A Nosa Terra. 1922. No 179.
Santos Pérez A. Nacionalismo galego e indústrias culturais: Anxel Casal na contruçom da identidade // Murguía: revista galega de historia. 2005. No 7 – 8. P. 85 – 103.
Suárez X. A tráxica situazón do noso agro... // A Nosa Terra. 1934. No 338.

Torres Queiruga A. Campanas de Bastavales: a saudade feita corpo que camiña // Tribuna. 2016. Mar. 8. URL.: https://academia.gal/-/campanas-de-bastavales-a-saudade-feita-corpo-que-camina
Torres Queiruga A. Nova aproximación a unha filosofía da saudade. Discurso lido na recepción pública de 20 de xuño do 1980. Vigo: Artes Gráficas Galicia, S.A.; Real Academia Gallega, 1981. 81
Valiente Fernández A. Visión de Vicente Risco hacia Portugal en Nós y en su obra Teoría do Nacionalismo galego // Madrygal: Revista de estudios gallegos. 2007. No 10. P. 135–143.
Vasconcellos C.M. de, A saudade portuguesa, divagoções filológicas e literar-históricas em volta de Inês de Castro e do canter velho "Saudade minha – quando te versia?". Porto: Renascença Portuguesa, 1914. 145 p.
Vilavedra D. Historia da literatura galega. Vigo: Galaxia, 1999. 370 p.
Villar Ponte A. Se non conquerimola autonomía // A Nosa Terra. 1934. No 335.
Zamora F. Nos tempos autuaes // A Nosa Terra. 1925. No 219.

Кирчанов Максим Валерьевич, *д.и.н., доцент, кафедра истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет, Воронежский государственный университет; maksym_kyrchanoff@hotmail.com*

Saudade as an invented tradition of Galician cultural nationalism of the 1920s – 1960s

The purpose of this study is to analyse saudade as an invented intellectual tradition of Galician nationalism in the second half of the 19th and in the 20th century. The author analyses various cultural and social levels and dimensions of saudade in the contexts of the history of Galician nationalism. The novelty of the study lies in the comprehensive analysis of saudade ideas not as part of a history of Galician-Portuguese literature, but in the contexts of developments and transformations of invented traditions of Galician nationalism. The article analyses 1) the problems of the genesis and emergence of saudade as an invented tradition in the Galician nationalist imagination, 2) the changes and transformations of saudade that inspires its transformations from cultural and literary phenomenon into an invented nationalist tradition, 3) the development of saudade ideas as an element of the ideological discourse of Galician cultural nationalism. It is assumed that transformations of saudade into a political tradition of nationalism became result of the instrumentalization of medieval literary heritage and its integration into the ideological contexts of Galician nationalism. The author, analysing the phenomenon of saudade, presumes that the use of these ideas by Galician nationalists legitimised the slow speed of political and social changes and transformations. Therefore, it is shown that saudade concepts developed under the influence of external Portuguese factors, but, in deference to Portugal, saudade in Galician political tradition developed as a cultural and ideological category simultaneously. The author shows that saudade ideas in Galician nationalist imagination became a form of actualisation and cultural visualisation of the unequal political and economic status of Galicia, which nationalists used to criticise the situation and promote a nationalist agenda. The article also examines the particularities of the history of Galician nationalism as a predominantly cultural and intellectual movement, since the social and political problems of Galician society were visualised not in the political language of nationalism, but in cultural practices and strategies of nationalists, including saudade. In general, it is assumed that the history of saudade as an invented tradition of Galician nationalism actualises the universal tendencies of instrumentalization, politicisation and ideologization of cultural heritage, emphasising the significant adaptive potential of nationalism in Galicia as a political ideology and political practice.

Keywords: *saudade, Galician nationalism, invention of traditions, Galician identity, depression and melancholy, undevelopment, nationalist instrumentalization of culture*

Maksym W. Kyrchanoff*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Historical Faculty, Voronezh State University, maksym_kyrchanoff@hotmail.com*

Е.Ю. Сергеев

В КОЛЬЦЕ ИТАЛО-ГЕРМАНСКОЙ БЛОКАДЫ ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МАЛЬТИЙЦЕВ, 1940–1942 гг.[1]

Основанная на уникальных архивных материалах, а также дневниках и воспоминаниях очевидцев, статья посвящена малоизвестной не только большинству профессиональных историков, но и широкому российскому читателю странице Второй мировой войны – повседневной жизни населения Мальтийского архипелага на протяжении морской и воздушной блокады, которую установили итало-германские войска в 1940–1942 гг. Автор рассматривает ключевые аспекты итало-германской осады важнейшего форпоста Великобритании на Средиземном море, которая внесла свою лепту в достижение победы Антигитлеровской коалиции над державами-агрессорами. Проводятся вполне уместные параллели между многомесячной героической обороной Мальты и подвигом советских людей, защищавших Одессу, Севастополь, Ленинград и Сталинград. Сделан вывод о комплексе факторов, не позволивших Гитлеру и Муссолини овладеть архипелагом, который, по мнению военных стратегов, являлся «ключом к Средиземному морю и Среднему Востоку».

Ключевые слова: *Вторая мировая война, Средиземноморский театр; оборона Мальты, повседневная жизнь мальтийцев, советско-мальтийские отношения.*

Изучение повседневности занимает важное место в работах специалистов как неотъемлемый компонент микроистории – одного из ведущих направлений современных гуманитарных исследований. Предоставляя возможность реконструировать историческую ткань через призму сравнительного анализа судеб множества конкретных людей, вовлеченных в политические, социально-экономические и культурные процессы, такой подход обеспечивает глубокое понимание мировоззрения и поведенческих моделей представителей различных социальных слоев.

В преддверии 80-летия Великой победы над фашизмом автор статьи первым из российских историков предпринял попытку комплексно рассмотреть ключевые аспекты повседневного существования населения Мальтийского архипелага, испытавшего многомесячную осаду итало-германских войск с середины 1940 до конца 1942 г. Изучение официальной документации, отложившейся в фондах мальтийских и британских архивов, дневников и воспоминаний участников трагических событий, публикаций прессы и фотоматериалов позволили выявить как особенности тяжелейшей блокады Мальты державами «оси», так и общие моменты, которые объединяли защитников архипелага и советских граждан, оборонявших Одессу, Севастополь, Ленинград и Сталинград. Хотя за прошедшие десятилетия зарубежные исследователи опубликовали несколько содержательных трудов, посвященных обороне Мальты в указанный период[2], тема фронтовой повседневности ее жителей не получила освещения в отечественной историографии. Исключением стала монография автора статьи, посетившего музеи и мемориалы защит-

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 22-18-00011-П.

[2] Hogan 1978; Jellison 1984; Bradford 1985; Spooner 1996; Rogers 2000; Forty 2003; Holland 2003; Debono 2017; Delve 2017.

ников архипелага, чтобы лучше представить себе масштабы страшных бедствий, которые обрушились на них в годы Второй мировой войны[3].

Трагические события, о которых идет речь, развернулись на небольших островах в центральной акватории Средиземного моря, расположенном в 93 км к юго-западу от острова Сицилия, с одной стороны, и в 288 км к северу от побережья Туниса – с другой. Площадь архипелага, включающего главный остров Мальта со столицей Валлеттой и шесть значительно меньших островов, не превышает 316 кв. км, причем первый имеет 27 км в меридиональном и 15 км в широтном направлениях. По рельефу Мальта делится на гористые западные и равнинные восточные территории. Соответственно, морское побережье на западе представляет собой отвесные скалы, основным компонентом которых выступает известняк различных пород. В то же время на востоке острова расположены глубоководные бухты, пригодные для захода морских кораблей. При общей численности в 250–260 тыс. жителей к началу Второй мировой войны, наиболее населенной являлась именно юго-восточная часть Мальты, где были расположены важнейшие аэродромы[4].

Практически все военные аналитики отмечали ключевое стратегическое положение архипелага. Оно определялось его равновеликой удаленностью с запада от британской крепости Гибралтар и с востока от египетского порта Александрия – крупнейшего пункта транспортных коммуникаций Ближнего Востока. Гибралтар с запада, Мальта в центре и Александрия с востока составляли главные пункты оборонительного каркаса Британской империи на подступах к Красному морю и Персидскому заливу, а через них и к «жемчужине короны» – Индии. Оценивая значение Мальты в качестве одного из форпостов британских сил на Средиземноморском театре, специалисты отмечали, что ее роль заключалась в обеспечении действий надводных кораблей и субмарин, а также авиации. Помимо этого, архипелаг выступал «гигантским региональным ухом», поскольку британцы разместили на его территории мощные станции радиоперехвата[5]. Многие военные историки подчеркивали, что контроль над Мальтой, расположенной на путях переброски итальянских и германских войск из Южной Европы в Северную Африку, обеспечивал Лондону серьезные преимущества не только для обеспечения своих морских и воздушных коммуникаций, но и для борьбы против держав «оси» на этом театре военных действий. Поэтому главной задачей противника являлась нейтрализация Мальты с помощью блокады, а лучше всего – ее захват с помощью массированного десанта с моря и воздуха[6].

Именно в этой связи Генеральный штаб Италии к 1939 г. разработал план захвата архипелага под кодовым номером DG 10/42, который предусматривал одновременную высадку на Мальте 40 тыс. воздушного

[3] Сергеев 2020.
[4] Bradford 1985: 11.
[5] Macintyre 1964: 28; Bradford 1985: 59–63.
[6] История Второй мировой войны 1974: 3, 146.

и морского десанта, способного подавить сопротивление защитников в течение нескольких дней[7]. Расчет противника строился на том, что итальянские агенты годами провоцировали возникновение среди местного населения британофобских настроений. Средствами печатной и радиопропаганды фашистское правительство Б. Муссолини призывало мальтийцев выступить против британских колонизаторов, чтобы сначала завоевать независимость, а потом воссоединиться с «матерью-Италией». Эта мощная кампания вызывала серьезную обеспокоенность Лондона, стремившегося превратить Мальту в неприступную крепость, положение которой серьезно осложнилось после капитуляции французских войск в середине 1940 года. Объявление Италией войны Великобритании 10 июня того же года открыло для архипелага период морской блокады и интенсивных воздушных бомбардировок в ожидании его оккупации державами-агрессорами. В условиях затрудненности переброски на Мальту вооружения, боеприпасов, а главное – дополнительных воинских контингентов очень многое зависело от стойкости простых мальтийцев, переживавших вторую в многовековой истории архипелага тяжелейшую осаду после нападения османского флота в 1565 г.[8]

Именно поэтому необходимо обратить внимание на повседневную жизнь защитников Мальты, переживших более 30 месяцев блокады в стрессовой ситуации почти непрерывных воздушных бомбардировок и обстрелов с моря. Кроме того, следовало учитывать состояние мальтийцев, со дня на день ожидавших вражеского вторжения, которое превратило бы архипелаг в огромную братскую могилу и гигантский концентрационный лагерь.

По признаниям современников жизнь рядовых мальтийцев до начала войны протекала в размеренном ритме. Большинство жителей как истовые католики, глубоко веровавшие в то, что находятся под защитой Девы Марии и апостола Павла, по обыкновению просыпались в 4-5 час., чтобы успеть к заутрене в один их храмов, которые находились в шаговой доступности от их скромных жилищ, не имевших других удобств, кроме водопровода. Затем люди довольствовались скромным завтраком, состоявшим, как правило, из хлеба, козьего сыра, зелени, молока или чая. Далее их путь лежал на фабрики, фермы или в мастерские, а детей – в школы. Вечерами после трудового дня, который продолжался 10 час., молодежь обычно направлялась в танцевальные клубы, кинотеатры или небольшие таверны, а люди постарше посещали вечернюю молитву в своих приходах[9]. Многие иностранцы, посещавшие архипелаг, отмечали оптимизм и спокойствие мальтийцев, склонных в общении друг с другом к безобидным шуткам и розыгрышам. Неслучайно один немецкий коммивояжер, посетивший Мальту в конце 1930-х гг., отметил: «Вы такие счастливые люди и всегда смеетесь»[10].

[7] Ritchie 1943: 7–8.
[8] Корякин 2016.
[9] Dobbie 1944: 94; Bradford 1985: 8.
[10] Domenico 1946: 80.

Газеты и книги были доступны далеко не всем, тем более, что 60% населения оставались неграмотными, а уровень жизни большинства семей позволял им едва сводить концы с концами. Зато довольно популярным было коллективное прослушивание радиопередач, поскольку многие не могли позволить себе индивидуальные радиоприемники. Очевидцы вспоминали о развитой сети уличных громкоговорителей, соединенных линиями связи с центральным узлом вещания и размещенных в наиболее людных местах населенных пунктов – от столицы до небольших деревень. Нет нужды говорить о большой роли, которую сыграла эта радиосеть для транслирования жителям сигналов воздушной тревоги, распоряжений британских и местных властей, а также новостей о событиях на других фронтах, включая советско-германский[11].

О патриархальном образе жизни простых мальтийцев говорило то, что примечательной особенностью деревенских жилищ являлись бычьи рога, которые обычно размещались над входом для отпугивания злых духов. Другими свидетельствами сохранения традиционной повседневности выступали стародавние обычаи, например, такой, согласно которому незамужним девушкам разрешалось покидать родной дом только в сопровождении родственников мужского пола – отца или совершеннолетних братьев, ведь мальтийские семьи обычно были многодетными. Значимыми событиями для жителей являлись народные фестивали по случаю религиозных праздников – как общехристианских, так и посвященных местным святым – патронам населенных пунктов и приходов[12].

Война резко изменила привычный уклад жизни. Уже с осени 1939 г. военная администрация стала привлекать гражданское население к строительству бомбоубежищ, которые создавались в правительственных зданиях, храмах и монастырях, на предприятиях и в подвалах жилых домов. Большое значение приобрела реновация подземных катакомб, созданных еще рыцарями-иоаннитами в период осады Мальты османами, а также тоннелей, предназначенных для железной дороги, которая так и не была построена британцами на острове. Особое внимание уделялось созданию надежных убежищ на случай газовых атак противника. Такие укрытия старались делать максимально герметичными, когда помимо двери вход в них защищали два мокрых одеяла. Кроме запасов воды и продовольствия (главным образом, муки и рыбных консервов) в убежищах находились специальные маски из марли, чтобы предотвратить попадание отравляющих газов в органы дыхания. Для грудных детей были подготовлены контейнеры с помпами, способные обеспечить выживание при заражении воздуха токсичными аэрозолями[13]. Помимо укрытий различного типа, население вместе с солдатами гарнизона активно участвовало в реконструкции старых и строительстве новых аэродромов, верфей, складов и прокладке кабельных линий. Стоит отметить,

[11] Norman 1956: 59.
[12] Dobbie 1944: 83–94; Hogan 1978: 35–36.
[13] Zarb-Dimech 2001.

что общая инфраструктура связи на архипелаге была введена в эксплуатацию к июню 1940 г.[14]

Уже первые налеты, в результате которых оказались разрушенными жилища мальтийцев, положили начало массовому исходу населения из городов, особенно столицы. Стремительный наплыв около 100 тыс. гражданских лиц из прибрежных населенных пунктов в глубинные, сельские районы вызвал проблему беженцев, которых необходимо было в кратчайшие сроки обеспечить крышей над головой, питанием и работой. Часть из них смогла найти кров у родственников или друзей, но большинство нуждалось в оборудованных убежищах длительного пребывания. К середине 1940 г. более 18 тыс. рабочих верфей, доков и ремонтных предприятий нашли приют в скальных туннелях Валлетты и ее предместий, проложенных рыцарями в XVI в.[15]

Свою лепту для решения проблемы внутренних беженцев внес и католический епископат Мальты, разрешивший эвакуированным семьям занимать крипты и катакомбы при храмах и монастырях. Получив одобрение британских военных властей, практически весь местный клир и монашество оказывали помощь гражданским лицам, многие из которых лишились жилищ, имущества и вообще каких-либо средств существования. Служащие-волонтеры районных отделений регистрационной службы британской администрации направляли беженцев после получения необходимой медицинской помощи в семьи, располагавшие свободной жилой площадью, а также в школы, музеи и клубы, ставшие временными центрами нахождения перемещенных лиц[16].

Следует также упомянуть о специально разработанной организации службы спасения домашних животных, которых содержали мальтийцы. В ее состав привлекались добровольцы из местного Общества по предотвращению жестокого обращения с животными, а также кинологи, ветеринары и скотники, круглосуточно дежурившие на постах по всему архипелагу. Их задача заключалась не только в защите животных от воздушных налетов, но и скорейшей утилизации смертельно раненых и погибших особей. Последнее было особенно важно, если речь шла о коровах, козах и овцах, мясо которых использовалось в пищу. Как явствует из рапортов полиции, только 27 января 1942 г. на Мальте в результате воздушного налета было убито 14 и ранено 16 коз, а 8 мая того же года на соседнем с Мальтой острове Гозо пастухи лишились 50 овец, расстрелянных германским летчиком из пулемета на бреющем полете[17].

Что касается детей и подростков, то по воспоминаниям выживших защитников Мальты многие из них, прежде всего, конечно, мальчики, втайне от старших даже желали скорейшего начала боевых действий, которые по их наивным расчетам не продлились бы более одной-двух

[14] Boffa 1995: 2.
[15] Micallef 1981: 26–27; Vella 1985: 29.
[16] Jellison 1984: 40–50; Boffa 1995: 49–58; Debono 2017: 51, 54.
[17] Micaleff 1981: 21.

недель, чтобы геройскими поступками снискать уважение родителей, друзей и знакомых. Любимым, хотя и крайне опасным, развлечением детей стало собирание еще не остывшей шрапнели на улицах городов и поселков, подвергшихся бомбардировкам. При этом возрастал риск подрыва подростков на минах-ловушках, сбрасываемых самолетами противника[18]. В то же время бойскауты Мальты оказывали неоценимую помощь ее взрослым защитникам. Подростки выполняли функции наблюдателей, сигнальщиков и посыльных во время воздушных тревог. Вполне закономерно, что около тысячи из них были награждены специально учрежденным «Бронзовым Крестом Скаутов», а один даже удостоился «Медали Британской империи» за геройский поступок – во время длительного налета вражеских бомбардировщиков он на крыше дома подавал сигналы семафором военным кораблям в бухте Валлетты[19].

Глубокая религиозность мальтийцев, о которой постоянно упоминали мемуаристы, действительно сыграла важную роль в мобилизации населения на защиту Родины. Именно вера в покровительство высших сил укрепляла моральную стойкость жителей архипелага, наблюдая поведение которых военнослужащие британского гарнизона также преисполнялись мужеством и надеждой на победу. Ярким образчиком религиозных чувств обывателей стала молитва, которую многие из них повторяли при каждой воздушной тревоге: «О Мадонна победы, О Владычица небес и земли! Собери бомбы в Твоей широкой мантии и избавь нас от этой атаки (O Virgin Lady of Victory, O Queen of Heaven and Earth! Gather the bombs in Thy wide mantle and deliver us from this attack)»[20].

Однако любое, даже постоянное упование на небесные силы, оберегавшие Мальту от иноземных вторжений на протяжении веков, требовало моральной поддержки метрополии. Поэтому Георг VI направил личное послание правительству и народу Мальты, выражавшее твердую уверенность в их мужестве и преданности британской короне. «Я уже слышал о храбром духе и прекрасной стойкости мальтийцев с момента распространения боевых действий на острова, – писал монарх, – и у меня нет сомнений в том, что они будут достойными продолжателями великих традиций в той борьбе, которую активно ведут сегодня»[21].

Переброска 10-го авиационного корпуса Люфтваффе из Норвегии на Сицилию к началу 1941 г. позволил неприятелю значительно усилить воздушные атаки против гарнизона и гражданского населения Мальты. Помимо 5–6 ежедневных дневных налетов гитлеровские летчики осуществляли ночные рейды, предпочитая выполнять бомбометание с минимальных высот в несколько десятков метров. Кроме того, германские воздушные асы в отличие от итальянцев не щадили ни храмов, ни монастырей, ни школ, ни госпиталей, помеченных на крышах крупными

[18] Grech 2002: 12, 21–22.
[19] Oliver 1943: 20.
[20] Ritchie 1943: 31, Bradford 1985: 3; Williamson 2007: 20–22.
[21] National War Museum of Malta Association. Lieutenant-Governor's Information Office. F. 1. Folio 3. The King's message to Malta, 19 June 1940.

красными крестами. Наиболее тяжелыми для защитников Мальты выдались 29 января, 16 и 26 февраля, а также 29 апреля – 1 мая, когда их почти непрерывно бомбили на протяжении многих часов[22].

Бедствия простых мальтийцев, вызванных бомбардировками, заставили британскую военную администрацию ввести карточную систему распределения продовольствия и керосина, минимизировать потребление электроэнергии и организовать общественные пункты питания, получившие наименование «Столовые Победы» (Victory Kitchens). Они позволяли 80% жителей получать ежедневное горячее питание всего за 2,5 пенса[23]. Кроме того, большое распространение получила деятельность благотворительных организаций, таких как Фонд помощи лицам, пострадавшим от бомбардировок, который с октября 1941 г. предоставлял субсидии в размере 30–50 ф. ст. людям, потерявшим имущество.

Хотя «сухой закон» на архипелаге официально не вводился, по распоряжению военного губернатора выпуск местного пива был временно прекращен. Очевидцы сообщали, что запасы алкогольных напитков, имевшиеся у населения, тщательно им скрывались и поэтому ценились на вес золота. Заметим также, что для облегчения денежных расчетов в розничной торговле правительство выпустило специальные банкноты мелкого номинала (до 5 ф. ст.), а магазины и бары ввели для клиентов бумажные кредитные расписки при покупке продовольствия и напитков на незначительные суммы[24].

Бедствия мирного населения и гарнизона, численность которого к 1942 г. достигла 40 тыс. чел., на протяжении осады усугублялись эпидемиями тяжелых инфекций – полиомиелита, тифа, туберкулеза и желудочно-кишечных заболеваний, вызванных скоплением массы людей на относительно небольшом пространстве, недостаточным обеспечением их санитарно-гигиеническими средствами и употреблением в пищу, особенно детьми, немытых овощей и фруктов. Судя по информационным бюллетеням правительства, основной причиной заболеваний и смерти юных мальтийцев в возрасте до четырех лет являлась амебная дизентерия. Так, на соседнем с Мальтой острове Гозо, более спокойном с точки зрения интенсивности бомбардировок, только за август 1940 г. от болезней умерло 45 детей, в следующем месяце – 35 детей, а в октябре еще 17 детей[25]. Говоря об опасностях для гражданских лиц, помимо упоминавшихся мин-ловушек, упомянем поврежденные электрические кабели и руины зданий, способные в любой момент обрушиться на прохожих или игравших среди них детей, обычно не носивших обуви[26].

[22] Vella 1985: 125–131; Zarb-Dimech 2001: 134; Grech 2002: 54.
[23] Wragg 2003: 194–197.
[24] Micallef 1981: 79; Grech 2002: 43.
[25] The National Archives of Malta. Air Raid Precautions. Bundle 15. No. 2. Reports on births and deaths of children, 1940.
[26] Grech 2002: 77; Mizzi 1998: 10.

Многие участники осады в своих воспоминаниях описывали катастрофические условия, в которых приходилось работать мальтийским медикам. Наряду с постоянными воздушными тревогами трудности оказания медицинской помощи были обусловлены дефицитом медикаментов и срочностью эвакуации раненых из-под завалов, когда для спасения людей был важен каждый час. Очевидец рассказывал о подростке, нога которого оказалась зажатой упавшей деревянной балкой перекрытия. Поскольку освободить конечность не удавалось, а в раздробленной ее части могла начаться гангрена, медикам пришлось ампутировать часть ноги прямо на месте происшествия[27].

Как уже отмечалось, помимо ранений, главными проблемами для гражданского населения стали нервное истощение, различные поражения кожи в условиях субтропической жары, а также малярия, которую переносили комары и мухи. Хотя эти заболевания далеко не всегда заканчивались летальным исходом, их лечение требовало длительного соблюдения постельного режима, обеспечить который вряд ли представлялось возможным в условиях непрерывных боевых действий.

В октябре–декабре 1941 года положение защитников значительно ухудшилось в связи с переброской в Южную Италию 2-го авиакорпуса вермахта, воевавшего ранее на советском фронте. Германские летчики приступили к ковровым бомбардировкам архипелага, которые открылись «рождественскими» и «новогодними» налетами 1942 г., знаменовавшими наиболее тяжелый период осады. Около 600 самолетов Люфтваффе и 200 итальянских аэропланов подвергали Мальту почти круглосуточным бомбардировкам. Именно весной 1942 года серьезно пострадали многие административные здания, включая дворец Великого магистра и оперный театр. Так, 15 февраля взрывной волной от мощной авиабомбы, упавшей на центральную площадь Валлетты, был полностью разрушен крупнейший городской кинотеатр, под руинами которого погибли более 80 военнослужащих и около 20 гражданских лиц, в основном молодежи, собравшихся на очередной сеанс[28].

Подлинным чудом для простых мальтийцев явилось спасение 300 верующих, которые собрались на дневную молитву в большом соборе городка Моста, расположенного недалеко от военного аэродрома. Около 80 «Юнкерсов» и «Мессершмитов» атаковали этот военный объект, когда один из них сбросил тяжелую авиабомбу на храмовый купол. Однако она лишь пробила крышу, угодив в центральную часть собора, но взрыватель, к счастью, не сработал. Обезвреженная бомба до сих пор хранится в помещении собора как страшный артефакт прошедшей войны, подтвердивший, по мнению верующих, заступничество высших сил[29].

Статистические данные показывают, что если в марте 1942 г. немцы и итальянцы сбросили на мальтийцев около 2200 т бомб, то в апреле

[27] Boffa 1995: 39.
[28] Debono 2017: 130.
[29] Ibid. 147–149.

– более 6700 т, то есть почти столько же, как и на все Британские острова в период кульминации «воздушной битвы за Англию» осенью 1940 г. По свидетельству участников событий, решающим периодом обороны средиземноморского форпоста Великобритании стали именно весенние месяцы 1942 г., когда его защитники подвергались жесточайшим бомбардировкам, связь с метрополией по морю была фактически прервана, а десант германо-итальянских войск по кодовому плану операции «Геркулес» ожидался со дня на день[30]. Агенты итальянской разведки доносили, что «в связи с повторяющимися воздушными атаками на Мальту население пребывает в депрессии. Люди вынуждены постоянно оставаться в ненадежных укрытиях по 20 часов и более. Продолжение налетов вызывает страх и неуверенность, а удушающая атмосфера порождает у людей психологию паники: они выбегают на улицу просто для того, чтобы подышать свежим воздухом и взглянуть на небо…»[31].

Здесь уместно привести оценку премьер-министра У. Черчилля, хорошо осведомленного о сложившейся ситуации: «Мальта громко взывала о помощи. Во многих отношениях напряжение было больше, чем можно было вынести. Генерал Добби [Уильям Добби – генерал-майор, губернатор британской колонии с 1940 по 1942 гг. – *Е.С.*] находился в отчаянии. В марте [1942 г.] он говорил, что его положение критическое, а 20 апреля доносил: «Сейчас оно зашло дальше этого, и, очевидно, может случиться самое худшее [т.е. захват архипелага итало-германскими войсками. – *Е.С.*], если мы не сможем пополнить запасы для удовлетворения жизненных потребностей, в особенности это касается муки и боеприпасов, притом очень скоро… Речь идет о том, чтобы выжить». По мнению губернатора, для простых мальтийцев особенно нетерпимым стало прекращение всяких связей с метрополией по морю, поскольку жизнь многих обывателей зависела от повседневных контактов с командами торговых судов и военных кораблей, посещавших гавани Валлетты и других городов архипелага[32].

Сохранению жителями Мальты уверенности в победе над противником на протяжении самого сложного периода ее обороны способствовало награждение мальтийцев Георгиевским Крестом – высшей военной наградой за мужество и героизм, учрежденной Георгом VI еще в сентябре 1940 г. Кроме того, для укрепления боевого духа населения местная пресса и радиостанции активно использовали сообщения о событиях на советско-германском фронте. Так, они широко освещали поражение гитлеровских войск в битве под Москвой, героическую оборону Ленинграда, Севастополя и Одессы, а осенью 1942 – зимой 1943 гг. – эпохальное сражение за Сталинград. В сочувственных репортажах средств массовой информации о колоссальных жертвах мирного населения и разрушениях в ходе бомбардировок и обстрелов советских городов нередко

[30] Spooner 1996: 115–122.
[31] Perowne 1970: 130–131.
[32] Черчилль 1991: 2, 444.

проводились параллели между ситуацией в России и бассейне Средиземноморья. Мальтийские журналисты подчеркивали, что воздушные бои над архипелагом, как и военные действия на море и сухопутные сражения в Северной Африке позволяли оттянуть часть сил держав «оси» от Восточного фронта, где разворачивалась главная битва против государств-агрессоров. Кстати, серьезную отвлекающую роль Средиземноморского ТВД для ослабления натиска гитлеровских войск на Советский Союз признавал само командование вермахта[33].

Со своей стороны, официальные власти, военнослужащие гарнизона и простые мальтийцы с неослабевающим вниманием следили за новостями из России. Характерно, что их настроение изменялось от скептицизма в отношении возможности Красной армии сдержать германский натиск до воодушевления от побед советских воинов, а впоследствии – неподдельного восхищения их мужеством и стойкостью. Иллюстрациями этих настроений служили приветственные послания, которые губернатор Мальты от лица всего населения архипелага направил сначала защитникам Севастополя, затем победителям в Сталинградской битве и, наконец, гарнизону и жителям героического Ленинграда.

Начало коренного перелома во Второй мировой войне, вызванного разгромом войск Германии и ее союзников под Сталинградом вместе с победами союзников в Северной Африке и на Тихом океане осенью 1942 г. – зимой 1943 г., не позволило Гитлеру и Муссолини осуществить давно запланированный план захвата Мальты. В свою очередь британское командование смогло организовать бесперебойное снабжение гарнизона и населения архипелага всем необходимым. Последним массированным рейдом вражеской авиации стала бомбардировка Мальты сорока «Юнкерсами» в ночь с 17 на 18 декабря 1942 г., хотя отдельные спорадические налеты продолжались на протяжении 1943 и даже 1944 гг.[34]

Победа, одержанная мальтийцами над жестоким врагом в ходе изнурительной осады с середины 1940 до конца 1942 гг., потребовала от гарнизона и особенно гражданского населения, высокой цены. Защитники архипелага пережили 3340 воздушных налетов, в результате которых на их головы было сброшено более 16, 5 тыс. т бомб и мин. Общие людские потери составили 5 тыс. 318 чел., включая 1 тыс. 336 детей в возрасте до 16 лет. Бомбардировки, обстрелы и подрывы на минах привели к разрушению 27 тыс. 558 капитальных строений: 70 храмов, 18 монастырей, 22 школ, 8 больниц, 5 банков и 48 других общественных зданий, таких как Дворец Великого магистра и оперный театр[35].

Реконструируя драматические события, которым посвящена статья, очевидно, необходимо ответить на важнейший вопрос: что же помогло рядовым мальтийцам выстоять перед лицом беспощадного врага?

[33] Belot 1951: 174.
[34] Grech 2002: 313.
[35] Сергеев 2020: 200, 207–210.

По мнению автора, этому способствовала комбинация факторов: подготовка, хотя и незавершенная, средиземноморского форпоста к осаде; коллективная помощь, оказанная архипелагу Великобританией и доминионами; отвлечение главных сил вермахта для участия в сражениях на советско-германском фронте, прежде всего летом 1941–1942 гг.; стратегические просчеты высшего командования Германии и Италии; наконец, мужество и стойкость простых мальтийцев, на долю которых выпали тяжелейшие испытания: массированные бомбардировки, голод, эпидемии смертельных инфекционных заболеваний, постоянная угроза смерти под обломками полуразрушенных зданий или мин-ловушек.

История обретения независимости и становления Мальтийской республики во второй половине XX века свидетельствует, что подвиг защитников архипелага остался навсегда запечатленным в памяти поколений как одна из ярких страниц совместной борьбы стран Антигитлеровской коалиции против фашизма.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. [Istoriya Vtoroi mirovoi voiny 1935–1945 gg. Moscow: Voenizdat, 1974. Vol. 3.]

Корякин В.С. Две осады Мальты. М.: Вече, 2016. 301 с. [Koriakin V.S. Dve osady Mal'ty. Moscow: Veche, 2016. 301 s.]

Сергеев Е.Ю. Непокоренный остров: героическая оборона Мальты во Второй мировой войне. СПб.: «Евразия», 2020. 224 с. [Sergeev E.Yu. Nepokorennyi ostrov: geroicheskaia oborona Mal'ty vo Vtoroi mirovoi voine. St Petersburg: "Evrasia", 2020. 224 s.]

Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. М.: Военное издательство, 1991. Кн. 2. [Churchill W. Vtoraia mirovaia voina. Transl. from English. Moscow: Voemnnoe izdatel'stvo, 1991. Bk. 2].

Belot R. de. The Struggle for the Mediterranean 1939–1945. New York: Greenwood Press, 1951. 287 p.

Boffa C. 'The Illustrious' Blitz: Malta in Wartime 1940–41. Valletta: Progress Press, 1995. 110 p.

Bradford E. Siege: Malta 1940–1943. London: Hamilton, 1985. 247 p.

Debono C. Malta During World War II. The Strategic Role of the Island during the Conflict. Valletta: BDL Publishing, 2017. 318 p.

Delve K. Malta Strikes Back. The Role of Malta in the Mediterranean Theatre 1940–1942. Barnsley: Pen and Sword Books, 2017. 252 p.

Domenico F. de. An Island Beleaguered. Valletta: G. Muscat, 1946. 156 p.

Dobbie S. Grace under Malta. London: Lindsay – Drummond, 1944. 135 p.

Forty G. Battle for Malta. Hersha, Surrey: I. Allan, 2003. 160 p.

Grech C. Raiders Passed: Wartime Recollections of a Maltese Youngster. Valletta: Midsea Books, 2002. 306 p.

Hogan G. The Triumphant Years, 1940–1943. London: R. Hale, 1978. 208 p.

Holland J. Fortress Malta. An Island under Siege, 1940–1943. London: Weidenfeld and Nicolson, 2003. 485 p.

Jellison C. Besieged. The World War II Ordeal of Malta, 1940–1942. New Hampshire: University Press of New England, 1984. 288 p.

Macintyre D. The Battle for the Mediterranean. London: B.T. Batsford, 1964. 234 p.

Micallef J. When Malta Stood Alone (1940–1943). Valletta: Interprint, 1981. 190 p.

Mizzi L. The People's War. Malta: 1940–43. Valletta: Progress Press, 1998. 330 p.

Norman K. For Gallantry. Malta's Story by a Naval Wife. Ifracombe: A. Stockwell, 1956. 208 p.

Oliver L. Malta Besieged. London, etc.: Hutchinson, 1943. 175 p.

Perowne S. The Siege within the Walls. Malta 1940–1943. London: Hodder and Stoughton, 1970. 192 p.

Ritchie L. Malta Invicta. London: Chatto and Windus, 1943. 31 p.

Rogers A. Air Battle over Malta: Aircraft Losses and Crash Sites, 1940–42. London: Sutton Books, 2000. 220 p.
Spooner A. Supreme Gallantry: Malta's Role in the Allied Victory 1939–1945. London: J. Murray, 1996. 358 p.
Vella P. Malta: Blitzed but Not Beaten. Valletta: Progress Press, 1985. 210 p.
Williamson D. The Siege of Malta 1940–42. Barnsley: Pen and Sword Military, 2007. 161 p.
Wragg D. Malta: The Last Great Siege. The George Cross Island's Battle for Survival, 1940–43. Barnsley: L. Cooper, 2003. 244 p.
Zarb-Dimech A. Taking Cover. A History of Air-Raid Shelters. Malta 1940–1943. Valletta: Veritas Press, 2001. 208 p.

***Сергеев Евгений Юрьевич**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, eugene.sergeev59@gmail.com*

In the ring of Italo-German blockade the everyday life of the Maltese in 1940–1942

Based on unique archival materials, as well as diaries and memoirs of eyewitnesses, the article is devoted to a page of the Second World War, which is little known not only to most professional historians, but also to the general reader – the daily life of the population of the small Maltese archipelago during the sea and air blockade established by Italian-German troops in 1940–1942. The author examines the key aspects of the Italo-German siege of the most important outpost of Great Britain in the Mediterranean Sea, which contributed to the victory of the Anti-Hitler Coalition over the aggressor powers. Quite appropriate parallels are drawn between the months-long heroic defense of Malta and the feat of the Soviet people who defended Odessa, Sevastopol, Leningrad and Stalingrad. A conclusion is made about a set of factors that did not allow Hitler and Mussolini to seize the archipelago, which, according to military strategists, was "the key to the Mediterranean Sea and the Middle East."

***Keywords: Keywords:** Second World War, Mediterranean theatre; defence of the Maltese archipelago, everyday life of the Maltese people, Soviet-Maltese relations.*

***Evgeny Yu. Sergeev**, Doctor of Sc. (History), Professor, Chief Research Fellow, Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, eugene.sergeev59@gmail.com*

Е.С. Кравцова

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ КАК ЗЕРКАЛО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1930-1960-х гг. в СССР: казус М.А. Гуковского

В 1930-е гг. М.А. Гуковский (1898–1971) создал концепцию, согласно которой Леонардо да Винчи (1452–1519) заложил основу современного научного мировоззрения. Одним из ключевых факторов, определившим уникальность деятельности ученого, было его положение в обществе эпохи Возрождения. Гуковский характеризовал социальное положение винчианца так же, как В.И. Ленин (1870–1924) описывал положение интеллигенции – промежуточного слоя между буржуазией и пролетариатом. Автор статьи предполагает, что это было связано со стремлением Гуковского создать такой образ Леонардо, с которым могла бы ассоциировать себя научная интеллигенция 1930-х гг., участвующая в модернизации СССР. В 1940–1960-е гг. Гуковский адаптировал гипотезу к новым обстоятельствам. В эпоху позднего сталинизма с помощью образа Леонардо он подчеркивал историческую значимость научно-технической интеллигенции, а в оттепель и первые годы застоя рисовал винчианца, художника и ученого, как идеал для интеллигенции 1960-х гг., для которой спор «физиков» и «лириков» был одним из лейтмотивов общественной жизни. Автор статьи приходит к выводу, что перемены в образе Леонардо да Винчи в трудах Гуковского свидетельствуют о тенденциях к нормализации гуманитарных исследований по окончании сталинской эпохи. В сталинскую эпоху учёные-гуманитарии работали, ориентируясь на запросы власти, а в эпоху оттепели и далее — и на запросы общества.

Ключевые слова: *советская медиевистика, эпоха Возрождения, М.А. Гуковский; А.К. Дживелегов; А.В. Луначарский; Н.И. Бухарин; С.И. Вавилов, советская интеллигенция.*

В СССР было опубликовано множество научных и художественных работ, посвященных Леонардо да Винчи (1452–1519)[1]. Их количество свидетельствует, что творчество художника и ученого эпохи Возрождения было так же близко советским гражданам, как и жителям его родной Италии. В отечественной леонардиане невозможно обойти вниманием труды М.А. Гуковского (1898–1971), советского историка эпохи Возрождения[2]. На протяжении научной карьеры он неоднократно возвращался к научному и творческому наследию Леонардо. Образ Леонардо не оставался в трудах Гуковского неизменным. Его переосмысление зависело не только от опыта и знаний ученого, но и от поворотов отечественной истории, в обстоятельствах которой он жил и творил.

Состоявшаяся в 2023 г. научная конференция, приуроченная к 125-летию со дня рождения М.А. Гуковского, показала, что и биография, и научное наследие профессора требуют пристального внимания историков[3]. Одно из направлений его многоплановой деятельности должно стать

[1] Булахова 2012; Брагина 2004.
[2] О нем см. Кравцова 2022.
[3] Программу и тезисы см.: К 125-летию со дня рождения профессора Матвея Александровича Гуковского – международная научная конференция. 18–20 мая 2023. URL: https://spbiiran.ru/k-125-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-professora-matveya-aleksandrovicha-gukovskogo-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferenczіya/ Статьи по итогам конференции

предметом отдельного исследования. Первые шаги к этому сделаны Л.Я. Жмудем, в статье которого рассматриваются обстоятельства становления Гуковского как исследователя наследия Леонардо да Винчи[4].

В основе настоящего исследования лежат концепции «полезного прошлого» и «великой апроприации»[5]. В первое десятилетие советской власти у большевиков сложилась практика заимствования сюжетов из всеобщей истории, их переосмысления «по-марксистски» и вплетения в дискурс «идеологической борьбы». Это было необходимо, чтобы сформировать такое представление об историческом процессе, которое легитимизировало бы приход большевиков к власти в 1917 г. и их дальнейшую политику[6]. В последующие десятилетия, следуя этому принципу, власть, в зависимости от обстановки, требовала от историков переосмыслить и переписать исторический процесс. Историки, работающие в Академии наук (АН СССР), вынуждены были реагировать и адаптировать научные исследования к запросам власти. М.А. Гуковский следовал правилам, установленным властью. Но, вместе с тем, он выстраивал свою стратегию, чтобы обосновать тему исследования, и в 1930-х гг. создал «марксистскую» концепцию общества эпохи Возрождения. В ее рамках он выдвинул идею о том, что Леонардо да Винчи стал основоположником научного мировоззрения, составляющего основу современной науки, благодаря своему уникальному социальному положению. Эта идея лежала в основе исследований о Леонардо да Винчи, опубликованных Гуковским и в сталинскую эпоху, и в оттепель, и в первые годы застоя. Далее мы рассмотрим, в каких обстоятельствах Гуковский сформулировал эту идею, и почему на каждом новом этапе отечественной истории приходил к таким выводам, которые делали образ Леонардо да Винчи актуальным текущей действительности.

М.А. Гуковский, родившийся в семье инженера-технолога, изобретателя и преподавателя А.М. Гуковского (1875–1933/1935), получил образование и техническое (незаконченное), и историческое[7]. Поэтому он одинаково хорошо разбирался как в научном, так и в художественном наследии Леонардо да Винчи. Первое знакомство Гуковского с Леонардо произошло «в предпоследнем классе» гимназии, когда он «носился... с довольно утопическим замыслом — узнать и понять всех людей Итальянского Возрождения, а для этого совершенно необходимо было понять творчество и жизнь Леонардо да Винчи»[8]. В 1930 г. Гуковский

были опубликованы в электронном журнале «Proslogion. Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Специальный выпуск (7/2): Историк и его наука». URL: http://proslogion.ru/proslogion-72/.

[4] Жмудь 2023. См., также, публикации документов с комментарием: Лебедева и Якубский 2013; Черняк 2014.

[5] См., например, Тихонов 2024; Клюев 2025.

[6] Кравцова 2021.

[7] Кравцова 2022: 99–101.

[8] Черняк 2014: 143.

вновь[9] и навсегда вернулся к винчианцу благодаря С.И. Вавилову (1891–1951)[10]. В конце 1920-х гг. он, как и Гуковский, был членом Комиссии по истории знаний (КИЗ)[11]. Интерес к образу Леонардо да Винчи не был частным интересом двух ученых; он возник в среде российской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.[12] В 1900 г. вышли два крупных романа о Леонардо да Винчи: Д.С. Мережковского (1865–1941) и А.Л. Волынского (1861/1863–1926). Они открыли винчианского живописца российскому читателю в двух ипостасях: как предвестника нового мира, постигшего божественный промысел, и как демонического гения[13]. Первый роман произвел глубокое впечатление на юного С.И. Вавилова[14], а второй — на гимназиста М.А. Гуковского[15].

В начале XX в. образ Леонардо привлек внимание А.В. Луначарского (1875–1933), первого народного комиссара просвещения РСФСР (1917–1929). В художественных произведениях, посвященных Леонардо, Луначарский воплотил идею о том, что тайны мироздания можно постичь, одновременно, как с помощью науки, так и через творческий акт[16]. В просветительских лекциях 1920-х гг. он писал о винчианце как о первом в ряду мыслителей эпохи Возрождения, приступивших к ревизии природного мира. Сам Луначарский, согласно его представлениям об историческом процессе, жил в эпоху критического пересмотра социальной природы человечества, начавшегося в XIX в., когда К. Маркс открыл законы развития общества[17].

Гуковский начал работу над биографией Леонардо в 1930 г. Планировалось, что книга будет опубликована в 1932 г.[18], но этого не произошло. Вероятно, причина была в том, что в эти годы Гуковский пересмотрел взгляды на исторический процесс. Во второй половине 1920-х гг. он находился под влиянием культурно-исторической школы И.М. Гревса (1860–1941), а в начале 1930-х опубликовал ряд статей, посвященных марксистской истории науки и марксистскому подходу к эпохе Возрождения[19]. Этот поворот произошел, вероятно, под влиянием Н.И. Бухарина (1888–1938), революционера, политика и теоретика марксизма. Начиная с 1929 г., после того как И.В. Сталин вытеснил Бухарина из боль-

---

[9] Гуковский 1946: 101.
[10] Лебедева и Якубский 2013: 367; Черняк 2014: 144.
[11] КИЗ была основана в 1921 г. по инициативе ак. В.И. Вернадского (1863–1945). Комиссия должна была объединить ученых из разных научных областей для изучения истории науки (Комиссия 2003: 5–10).
[12] Булахова 2012: 16–17.
[13] Там же: 18–20.
[14] Вавилов 2016: 106.
[15] Черняк 2014: 143.
[16] Луначарский 1904; он же 1912. Также см.: Булахова 2012: 20–21.
[17] «Социальная жизнь оставалась мукой и загадкою, природа же сияла новой красотою. Небесное и земное мистически сливалось» (Луначарский 1925).
[18] Комиссия 2003: 467.
[19] Свешников 2016: 187–190; Жмудь 2023: 44 и далее.

шой политики, последний посвятил себя организации и популяризации советской науки. 12 января 1929 г. Бухарин был избран академиком по Отделению гуманитарных наук (экономика) АН СССР. В июне 1929 г. он принял должность заведующего научно-исследовательским сектором ВСНХ СССР)[20]. В конце 1930 г. он встал во главе КИЗ и приступил к её реорганизации (1930–1932) в Институт истории науки и техники (ИИНТ). Институт должен был вести научную деятельность для нужд начавшейся в Советском союзе модернизации[21]. Гуковский, избранный ученым секретарем КИЗ в 1931 г., стал одним из ближайших помощников Бухарина, постоянно жившего в Москве. В реорганизации комиссии, находившейся в Ленинграде, он играл очень важную роль. Гуковский взял на себя значительную часть административной работы в ИИНТ. Также он зарекомендовал себя как историк-марксист.

Бухарин утверждал, что марксизм – единственная научная система, которая описывает мир таким, какой он есть, а её практическое применение позволяет влиять на исторический процесс. Историю он представлял как последовательную смену социально-экономических формаций, «нервом» и двигателем которых была классовая борьба[22]. В этой парадигме октябрьская революция, успехи «социалистической стройки» и победа коммунизма были предопределены самим ходом истории. Такой подход был противоположен академическим принципам культурно-исторической школы Гревса. В работах первой половины 1930-х гг. Гуковский стремился объединить эти противоположные позиции. Так, он утверждал, что концепция К. Маркса о социально-экономических формациях не противоречит тезису «буржуазного» историка Я. Буркхардта о переходном характере культуры Ренессанса между Средними веками и Новым временем[23]. В подтверждение того, что идеи Буркхардта и Маркса тесно связаны, Гуковский приводил цитату из начала «старого введения к “Диалектике природы”» Ф. Энгельса[24]: «Это был величайший прогрессивный переворот.. эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов…». Среди «титанов», перечисленных Энгельсом, был Леонардо да Винчи: он «был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики»[25].

При жизни Энгельс не успел опубликовать «Диалектику природы». Трактат был подготовлен к изданию сотрудниками Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) только в 1925 г. Краткая характеристика, которую Энгельс дал Леонардо да Винчи, идеально вписывала образ винчианца в пространство представлений первых пятилеток в СССР.

[20] Коэн 1988: 397.
[21] Жмудь 2023: 40–44.
[22] Бухарин 1988: 172.
[23] Гуковский 1933.
[24] Там же: 734.
[25] Энгельс 1941: 6.

Советский союз первой половины 1930-х гг. требовал ярких героев, движущих историю вперед; советский народ должен был «изучить науку, овладеть техникой», чтобы перейти к завершающему этапу строительства социалистической формации[26].

В 1934 г. вышла статья Гуковского о Леонардо да Винчи, в которой автор наметил контуры масштабного исследования механики винчианца марксистским методом. Леонардо был одним из многих флорентийских художников и техников-практиков, работавших на правящую верхушку итальянских городов-государств. Власть предчувствовала будущий экономический кризис и требовала «инженеров, художников, архитекторов», чтобы усовершенствовать падающее производство. Но именно Леонардо первым стал «ставить науку на службу технике», опираясь, первоначально, на труды феодальных и античных теоретиков, затем — на свой опыт[27]. Гуковский подводил итог: «Леонардо… является одним из первых крупнейших ученых и техников, которые… создали ту науку и технику, которые сейчас разлагаются на Западе и зацветают невиданным цветом в Союзе Советских Республик»[28].

Таким образом, Гуковский начал с того, что аккуратно вписал образ «техника и ученого» эпохи Возрождения в исторический процесс, переосмысленный им в марксистском ключе. После того как Гуковский определил научному наследию Леонардо да Винчи место в истоках советской науки, его надлежало исследовать и реконструировать[29].

В 1936 г. М.А. Гуковский подготовился к защите докторской диссертации[30]. Тогда же началось следствие по делу Н.И. Бухарина. В АН СССР была выявлена «террористическая группа», в которую «входили» сотрудники ИИНТ. В 1937 г. Институт был переведен в Москву. Штатные сотрудники ИИНТ в Ленинграде были или уволены, или арестованы по обвинению в террористической и контрреволюционной деятельности. В 1938 г. Бухарин был расстрелян. ИИНТ был окончательно расформирован. Вместо института была создана Комиссия по истории Академии наук СССР (КИАН) во главе с С.И. Вавиловым. Гуковский, «лицо в высшей степени сомнительное и несоветски настроенное»[31], чудом избежал ареста. Только 4 ноября 1939 г. он, как сотрудник Ленинградского государственного университета (ЛГУ), все же защитил докторскую диссертацию, посвященную механике Леонардо да Винчи[32].

Реконструкции механики винчианца была посвящена только заключительная часть исследования, его подавляющую часть составили история механики в общественно-экономических формациях от антич-

[26] Сталин 1951: 41–42.
[27] Гуковский 1934: 53-54.
[28] Там же: 57.
[29] См. о других статьях Гуковского о Леонардо да Винчи-технике: Жмудь 2023: 48–49.
[30] Там же: 49.
[31] Кривоносов 2002: 69.
[32] Гуковский 1939.

ности до эпохи Возрождения, выявление «социального заказа» эпохи Возрождения Леонардо и подробное изложение его биографии[33]. Столь обширная преамбула была необходима для достижения главной цели диссертанта: «выяснить корни современного научного мировоззрения»[34].

Гуковский приходил к выводу, что аграрная экономика формаций античности и феодализма не предполагала практического применения техники, но торговая и промышленная экономика формации капитализма требовала механиков-практиков, и они появились[35]. Леонардо да Винчи, будучи механиком-практиком, первым применил принципы экспериментальной науки: «Он рисует себе систему научных знаний, как систему, базирующуюся на опыте, проходящую затем через известное обобщение и заканчивающуюся на опыте […] эта система и является основной заслугой Леонардо»[36]. Причиной и залогом выдающейся разносторонней деятельности Леонардо да Винчи, ученого-техника и экспериментатора эпохи Возрождения, стало его социальное положение: оно «поставило его как бы между двумя классами: буржуазной верхушкой – заказчиком художественных и технических объектов и цеховым, полупролетарским ремеслом – исполнителем этих заказов. Такое промежуточное положение открыло Леонардо широкие горизонты и дало ему в руки хорошо отточенный инструмент…»[37]. Обладая широким спектром знаний (получил их благодаря происхождению), будучи профессионалом своего дела (работал как ремесленник), Леонардо исследовал отдельные теории предшествующих формаций, проверил их на практике и, выстроив целое, ориентировал «все вместе на технику»[38].

Таким образом, Гуковский не просто реконструировал механику Леонардо да Винчи, он выдвинул тезис о том, что Леонардо одним из первых сформулировал принципы, которые легли в основу современной системы научного мировоззрения. При этом, по мнению Гуковского, именно социальное положение Леонардо между двумя классами – буржуазией и «полупролетариатом» – сыграло ключевую роль в том, что он смог выйти на эти революционные принципы.

Успешной, хоть и не однозначной[39], защите докторской диссертации Гуковского, вероятно, способствовал С.И. Вавилов, возглавивший к 1939 г. несколько ключевых комиссий АН СССР и избранный в 1938 г. депутатом Верховного Совета РСФСР. На защите Гуковский благодарил Вавилова, одного из оппонентов, за снабжение литературой (у Вавилова была крупнейшая в СССР библиотека, посвященная Леонардо да

[33] ЦГА СПБ. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1489. Л. 39.
[34] Там же. Л. 37об.
[35] Гуковский 1939: [1–2].
[36] ЦГА СПБ. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1489. Л. 44об.
[37] Гуковский 1939: [2].
[38] Там же: [3–4].
[39] Жмудь 2023: 54–55.

Винчи) и за консультации[40]. Он же, с большой долей вероятности, по окончании Великой отечественной войны, помогал монографии «Механика Леонардо да Винчи» выйти в свет. В предисловии к опубликованной в 1947 г. монографии Гуковский благодарил С.И. Вавилова за советы и за труд по редактированию книги[41]. Рабочее время Вавилова, избранного в 1945 г. председателем АН СССР, было очень ценным.

В монографии 1947 г. Гуковский подробно развил тезис о том, что Леонардо да Винчи «самим своим социальным лицом был предназначен роли к реформатора наук»[42]. По происхождению Леонардо принадлежал к буржуазии, а по роду профессиональной деятельности — художникам-техникам, «технической интеллигенции», которые «как раз в это время начинают оформляться как особая социальная прослойка»[43]. Находясь между буржуазией и «полуцеховым, полуинтеллигентским миром мастерской художника», Леонардо стал одним «из ранних представителей той прослойки интеллигентов, которая начала появляться при разраставшихся дворах итальянских тиранов» XVI в.[44].

Поскольку Леонардо имел отношение к буржуазии, ему было привычно чтение книг, подобно гуманистам. Последние, выходцы из средней и мелкой буржуазии[45], созидали новую идеологию по заказу буржуазии, обращаясь к античному наследию, отрицая средневековое наследие, схоластическую университетскую традицию[46]. Но, несмотря на то что Леонардо использовал методы научной работы «гуманистической интеллигенции XV в.», к гуманистам Гуковский его не относил[47]. Леонардо шел «от техники к науке, а не наоборот», он не был связан «при своем формировании традициями научного наследия», но использовал их при необходимости «для создания новой научной картины»[48].

Таким образом, Гуковский показывал Леонардо как уникального представителя «технической интеллигенции». Он, одновременно, был связан с многими классами и социальными прослойками, но, занимая между ними промежуточное положение, не принадлежал никому их них. Его социальный статус выделял его из общества и ставил как бы над ним. Это положение помогло ему создать новую науку, экспериментальную, решительно порывающую со всем средневековым.

В 1949 г. М.А. Гуковский был арестован и 5 августа 1950 г. осужден на 10 лет лагерей по ст. 58–10, ч. 1, и 58–11 УК РСФСР. Только в 1955 г. он вернулся из Дубравлага (Дубравное лагерное управление)

[40] Лебедева и Якубский 2013: 369.
[41] Гуковский 1947: 9.
[42] Там же: 806.
[43] Там же: 328.
[44] Там же: 340.
[45] Там же: 232.
[46] Там же: 187.
[47] Там же: 316.
[48] Там же: 807.

в Ленинград. В том же году вышло постановление Ленинградского суда о полной его реабилитации. Гуковский был восстановлен в ЛГУ, а также в Эрмитаже, где работал, по совместительству, с 1944 г.[49]

Профессиональная и научная реабилитация Гуковского проходила в эпоху оттепели, в годы ревизии идеологем сталинской эпохи и попыток нормализации гуманитарных исследований[50]. В первой половине 1950-х гг. появилась новая официальная концепция эпохи Возрождения: она была сформулирована С.Д. Сказкиным (1890–1973) в дискуссии с В.И. Рутенбургом (1911–1988), учеником Гуковского и Гревса. Сказкин призвал включить в область внимания историков кроме социально-экономической базы и идеологическую надстройку[51]. Вышедшая в 1958 г. «Творческая биография Леонардо да Винчи» Гуковского[52], с одной стороны, соответствовала новым, официально одобренным, тенденциям в исторических исследованиях. Если в 1947 г. ученый призывал историков не обращать внимания на «явления вторичного порядка» «в области идеологических надстроек», которые могут заслонить социальную борьбу и отвлечь от социально-экономических процессов[53], то в 1958 г. Гуковский перевел фокус внимания на «идеологическую надстройку» эпохи, исследуя не только научную, но и художественную деятельность Леонардо да Винчи, который «в области искусства, техники и науки решительно взялся за создание новой идеологической системы»[54]. Гуковский описывал Леонардо и как теоретика, поскольку он был связан с гуманистами (создателями новой идеологии[55]), и как практика, так как он был связан с художниками-техниками (реализующими новую идеологию на практике). Леонардо применил экспериментальный подход и в искусстве (в нем его интересовала оптика), и в науке (где его интересовала механика). Но, с другой стороны, разностороннюю деятельность Леонардо-идеолога Гуковский объяснял все тем же его положением «между» классами: «Его промежуточная социальная позиция, близость к буржуазной верхушке, полноправным членом которой он, однако, не являлся, и в то же время тесная и органическая связь с ремесленниками, с народными массами открыла перед Леонардо широкие горизонты, сделала его особенно разносторонним, особенно чутким к запросам момента и дала ему в руки средства для удовлетворения этих запросов»[56].

Таким образом, М.А. Гуковский в 1930-е гг. сформулировал и в 1940–1960-е гг. развил идею о том, что Леонардо да Винчи был одним

[49] Кравцова 2022: 109–111.
[50] Сидорова 1997: 3–4.
[51] Сказкин 1958.
[52] Гуковский 1958. В 1967 г., в том же издательстве, вышло второе издание «Творческой биографии». Интересующая нас концепция осталась без изменений.
[53] Гуковский 1947: 192–193.
[54] Гуковский 1958: 166.
[55] Там же: 15.
[56] Там же: 21.

из первых в истории ученых-экспериментаторов, заложивших основы современной науки. Его деятельность стала возможной благодаря социальному положению, определение которого соответствовало ленинскому определению интеллигенции: промежуточный слой между буржуазией и пролетариатом, сохраняющий, при этом, свою социальную определенность[57]. Однако Гуковский использует термин «интеллигенция» только в монографии 1947 г. В тезисах диссертации, изданных в 1939 г., а также в «Творческой биографии Леонардо да Винчи», и в первом (1958), и во втором (1967) издании, мы встречаем лишь определение социального положения винчианца.

В июне 1936 г., защищая сотрудников ИИНТ от арестов, Н.И. Бухарин описывал Гуковского как ценного специалиста, близкого большевикам: инженера, социолога и полиглота[58]. Один из немногих большевиков, придававших большое значение социологической части марксизма[59], Бухарин подчеркивал способность Гуковского выявлять законы развития общества. Почему же «социолог» Гуковский, характеризуя социальное положение Леонардо, предопределившее его к роли революционера от науки, то «теряет», то «обретает» термин «интеллигенция», при постоянном сохранении его определения?

В 1920-е гг. А.В. Луначарский высказал идею, что интеллигенция как особая группа идеологов сформировалась в эпоху Возрождения, переходную между феодализмом и капитализмом. Гуманисты-интеллигенты служили буржуазии, создавая новую идеологию, мощный и действенный инструмент борьбы с феодалами. В новом и последнем историческом цикле, после революции 1917 г., современные интеллигенты, преимущественно буржуазного происхождения, должны были сделать выбор между «загнивающей» буржуазией и рабочим классом, строителями нового, социалистического, мира[60]. Но если в 1920-х гг. и Бухарин, и Луначарский стремились убедить буржуазную интеллигенцию (пока не сформировалась пролетарская) перейти на сторону большевистской власти[61], то после 1929 г. вопрос самоопределения интеллигенции исчез из повестки дня. Большевики перешли от открытых диспутов к чисткам. Впрочем, сохраняя в первой пол. 1930-х гг. видимость протянутой руки. Значительная часть гуманитарной интеллигенции, оставшейся в СССР и внесшей вклад в строительство социализма, верила если не в иллюзию диалога с властью в настоящем, то в возможность укоренения в прошлом, пересмотренном «по-марксистски» большевиками-идеологами в 1920-х– начале 1930-х гг.

---

[57] Гуковский 1939: [2]; Судьбы русской интеллигенции 1991: 159.
[58] Кривоносов 2002: 72.
[59] Коэн 1988: 144–147.
[60] Кравцова 2021: 44.
[61] Оба они, вслед за В.И. Лениным (1870–1924), считали интеллигенцию самостоятельной частью общества, его промежуточных средних слоев (Судьбы русской интеллигенции: 12, 19, 33).

Во второй половине 1920-х гг. вышли труды российского и советского историка и культуролога А.К. Дживелегова (1875–1952), в которых он «по-марксистски» исследовал интеллигенцию раннего Возрождения[62]. М.А. Гуковский, подвергший марксистский подход Дживелегова резкой критике[63], в статье 1934 г., посвященной Леонардо да Винчи-ученому, вскользь упоминал о ренессансной «нарождающейся и естественно поддерживающей власть интеллигенции», об инженерах и строителях, появившихся из среды цеховых художников-практиков[64], с которыми был связан Леонардо. В 1935 вышла «первая советская биография»[65] Леонардо да Винчи-интеллигента, в которой её автор, Дживелегов, выявлял «связи Леонардо с эпохой и средою»[66] и показывал, что разнообразная и необычная деятельность Леонардо была обусловлена его социальным положением.

Дживелегов выделил в ренессансной Флоренции буржуазию, ремесленников (в их число входили художники) и рабочих. Банковская крупная буржуазия выделяла из «торгового капитала» средства на поддержку художников и гуманистов-интеллигентов. Те создавали художественные произведения и писали трактаты о географии, экономике, технике[67]. Леонардо был связан со всеми социальными группами. Родившийся в буржуазной семье, он получил образование художника-ремесленника[68]. Научная работа, которая помогала ему в практической деятельности[69], связывала его с буржуазной гуманистической интеллигенцией. Но, будучи интеллигентом по роду деятельности, он не принадлежал гуманистической интеллигенции в полной мере, поскольку отталкивался от эксперимента как реалист и как практик, а не от теории, как гуманисты-платоники[70]. Созданный Дживелеговым образ Леонардо, мог стать идеальным примером для новой, пролетарской, интеллигенции («недаром ведь у нас на заводах рабочих-изобретателей зовут леонардами»[71]).

В 1935 г. Дживелегов вписал значимый и положительный для большевиков историко-литературный образ в генеалогию буржуазной по происхождению советской интеллигенции. Осенью 1939 г. Гуковский защитил диссертацию, одной из главных осей которой была интерпретация этой идеи. К этому времени очень разная интеллигенция Советского союза, прошедшая через жернова Большого террора, оформилась внешне как единый монолит. В марте 1939 года на XVIII съезде ВКП(б) Сталин

[62] Кравцова 2021: 44–45.
[63] Там же: 49.
[64] Гуковский 1934: 53.
[65] Дживелегов 1935: 5.
[66] Там же: 10.
[67] Там же: 35–37.
[68] Там же: 13, 38.
[69] Там же: 46–47.
[70] Там же: 55-57.
[71] Там же: 10.

объявил о создании триады «рабочий, крестьянин/колхозник, интеллигенция»: «Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создавалась, таким образом, новая, советская, интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой»[72]. В генеалогии советской интеллигенции приветствовались крестьяне, рабочие, советские служащие[73], но не буржуазия. «Буржуазная интеллигенция», а иной в капиталистической формации быть не могло, в 1939 г. упоминалась только в негативном контексте. Поэтому, вероятно, в тезисах диссертации Гуковского можно встретить чеканную ленинскую формулировку, но не термин «интеллигенция». Тем не менее, в 1939 г. Гуковский заявил, что благодаря уникальному положению в обществе эпохи Возрождения Леонардо стал первым в цепи ученых-экспериментаторов, чья деятельность привела к советским научным успехам: «…основная мысль этой работы […] была целиком связана с тем, что делается в нашей стране, под руководством гениального вождя, который указывает нам путь не только в жизни, в политике, в нашей социалистической стройке, но и в науке [...] когда я работал, я все время носился с этой мыслью, и мне хотелось, чтобы эту мысль вычитывали из страниц моей работы»[74]. «Основная мысль», во-первых, соответствовала прагматическому запросу Сталина к научной продукции и легитимизировала академическое исследование сюжетов эпохи Возрождения в эпоху социалистической модернизации. Во-вторых, она исторически оправдывала, пусть и условно, «буржуазную» интеллигенцию. Происхождение Леонардо, связывающее его с буржуазией, не мешало ему приносить пользу обществу, а наоборот, открыв ему путь к овладению научной теорией, становилось преимуществом.

Эту идею он развивал, преимущественно, в научно-популярном дискурсе. Первая статья Гуковского о Леонардо была опубликована в «ежемесячном популярном естественно-историческом» журнале «Природа», издаваемом АН СССР. «Механика Леонардо да Винчи» вышла в «Научно-популярной серии», основанной в 1944 г. под общей редакцией Комиссии АН СССР по изданию научно-популярной литературы. Комиссию, с её основания в 1934 г., возглавлял С.И. Вавилов, один из самых ярких подвижников популяризации научного знания в сталинском СССР. Оба издания «Творческой биографии Леонардо да Винчи» были напечатаны в научно-популярной серии издательства «Искусство».

Популяризация науки, особенно в эпоху позднего сталинизма, была одной из важнейших составляющих социальной и идеологической политики советского государства. Научно-просветительская работа ученых находилась под строгим контролем партии[75] и подчинялась задачам

[72] XVIII съезд 1939: 37.
[73] Там же: 25.
[74] ЦГА СПБ. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1489. Л. 69–69об.
[75] Андрее-в 2003.

«социалистического строительства». В 1930-е гг. просвещение и массовое вовлечение в научное производство пролетариата должны были решить практическую задачу модернизации межвоенного периода: нехватку квалифицированных кадров в условиях «классовой борьбы», т.е. массовых кампаний-чисток, в т.ч. среди технических специалистов. В послевоенном СССР научно-популярная деятельность была направлена на подготовку большого количества инженерно-технических работников (ИТР) для новой волны модернизации в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства и начала гонки вооружений[76].

«Механика Леонардо да Винчи» вышла в свет в период позднего сталинизма, характеризующегося особым социальным статусом научно-технической интеллигенции[77], и отражает двойственность просветительской деятельности советских ученых. С одной стороны, книга содержит академическую реконструкцию учения о механике ученого эпохи Ренессанса. С другой стороны, исследуя общество эпохи Возрождения, в котором жил и творил Леонардо да Винчи, Гуковский подчеркивал историческую значимость интеллигентов-техников, их превосходство над другими группами интеллигенции. В монографии-манифесте использование термина «интеллигенция» было более чем оправданным.

Уже в предвоенные годы Средние века ассоциировались в советском идеологическом дискурсе с фашизмом[78]. В монографии Гуковский акцентировал внимание читателя на том, что Леонардо-«техник» окончательно порвал со старым, средневековым, миром. Исследуя истоки не только экспериментальной науки, но и её творцов, Гуковский показывал, как близкие Леонардо техники-интеллигенты эпохи Возрождения, по-настоящему новые люди будущего, не получившие «сколько-нибудь серьезного научного образования, не обремененные традициями враждебной им университетской, схоластической науки» фиксировали результаты экспериментов, а затем подводили под них «твердую теоретическую базу», «чтобы не отстать от требующей непрерывного развития техники»[79]. Несмотря на то, что гуманистическая интеллигенция обращалась в прошлое, к античности, она была полезна тем, что обслуживала передовые отряды технической интеллигенции, предоставляя ей теоретические знания, извлеченные из интеллектуального фонда предшествующих формаций. В этой службе было её историческое оправдание.

В 1952 г., во всем мире, в т.ч. в СССР, праздновалось 500-летие со дня рождения «итальянского художника Леонардо да Винчи». 8 марта 1952 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло соответствующее постановление[80]. 15 апреля 1952 г. в главных газетах страны появились статьи, по-

[76] Конаков 2022: 14–16.
[77] Duskin 2001: 130; Костерев 2019: 43–44.
[78] Свешников 2008.
[79] Гуковский 1947: 804–805.
[80] Власть и художественная интеллигенция 1999: 673–674.

священные Леонардо да Винчи: художнику-реалисту и ученому-практику, революционеру эпохи Возрождения, отринувшему средневековую схоластику, созвучному людям, живущим «в великую сталинскую эпоху и создающим передовую науку и искусство»[81]. Образ Леонардо в них не принадлежал какой-то одной нации или социальной прослойке. Он принадлежал всему прогрессивному человечеству, объединенному общими культурой и историей, с советским народом во главе[82].

Тенденция подчеркивать, что художественное и научное наследие Леонардо да Винчи принадлежит всему человечеству, а в особенности – Советскому союзу, сохранилась в период оттепели[83]. Возможно поэтому Гуковский «потерял» термин «интеллигенция» в «Творческой биографии». Однако определение социального положения Леонардо да Винчи, обусловившего его уникальность, осталось. Этот прием позволял напомнить, но не озвучить прямо, тезис из предшествующих эпох об интеллигенции эпохи Возрождения: гуманистах-идеологах и техниках-экспериментаторах.

Описывая разносторонне развитого Леонардо да Винчи, Гуковский рисовал неожиданно актуальный для советской интеллигенции 1960-х гг. образ художника-ученого и ученого-художника. Начиная с 1959 г. и все 1960-е гг., советская интеллигенция была вовлечена в общественную дискуссию о «физиках и лириках». В этой дискуссии проявилось стремление гуманитарной интеллигенции реабилитироваться после доминирования научно-технической интеллигенции в сталинскую эпоху, достичь синтеза наук и искусства[84]. Леонардо да Винчи, гениально синтезирующий в своей деятельности и творческое, и научное начала, был идеальным примером для новой советской интеллигенции.

Гуковский, чрезвычайно чуткий к веяниям времени, создал «творческую биографию Леонардо да Винчи» не для легитимизации социальной политики власти, а в ответ на запрос общества. Это обусловило основной парадокс внутренней конструкции исследования: автор использовал концепцию, созданную в сталинскую эпоху, чтобы пересмотреть её идеологические установки. Однако это же обстоятельство подчеркивает адаптивность концепции, свойство, которое было необходимо ученому-гуманитарию для выживания в переменчивой атмосфере сталинского времени.

Возможно поэтому, несмотря на жизнерадостный настрой оттепели, во время которой Гуковский создавал своего последнего Леонардо, его Леонардо-идеолог, занимающий социальное положение «между» даже промежуточными прослойками, «выключенный» из общества своего времени, приходит к концу жизненного пути «вечно неудовлетворен-

[81] Яковлев 1952: 3.
[82] Алпатов 1952: 3.
[83] См., например, документальный фильм «Взгляните на лицо» (1966, реж. П. Коган).
[84] Богданов 2011.

ным, вечно ищущим, вечно несчастным скитальцем, жизнь которого столь грустно кончилась вдали от родины, в уединенном замке Клу»[85].

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ЦГА СПБ. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1489.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Артизов, О.Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с.

Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов. / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб: Наука, 2003. 765 с.

Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923–1925 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991. 222 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алпатов М. Леонардо да Винчи // Правда. 15 апреля 1952. 106. С. 3 [Alpatov M. Leonardo da Vinchi (Leonardo da Vinci) // Pravda. 15 aprelya 1952. 106. P. 3].

Андреев А.В. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003 г. М.: Диполь-Т, 2003. С. 292–294 [Andreev A.V. Vsesoyuznoe obshchestvo po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znanii (All-Union Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge) // IIET RAN. Godichnaya nauchnaya konferentsiya 2003 g. Moscow: Dipol'-T, 2003. P. 292–294].

Богданов А.К. Физики vs. лирики: к истории одной «придурковатой» дискуссии // НЛО. М., 2011. 5. С. 48–66 [Bogdanov A.K. Fiziki vs. liriki: k istorii odnoi «pridurkovatoi» diskussii (Physicists vs Lyricists: about the history of one "stupid" discussion) // Novoe literaturnoe obozrenie. M., 2011. 5. P. 48–66].

Брагина Л.М. Творчество Леонардо да Винчи в отечественной историографии // Леонардо да Винчи и культура Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М.: Наука, 2004. С. 5–15 [Bragina L.M. Tvorchestvo Leonardo da Vinchi v otechestvennoi istoriografii (Leonardo da Vinci's work in Russian Historiography) // Leonardo da Vinchi i kul'tura Vozrozhdeniya / Ed. by L.M. Bragina. Moscow: Nauka, 2004. P. 5–15].

Булахова П.В. Миф о Леонардо да Винчи в русском художественном сознании XX века: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2012. 30 с. [Bulakhova P.V. Mif o Leonardo da Vinchi v russkom khudozhestvennom soznanii XX veka (The Myth of Leonardo da Vinci in Russian Artistic Consciousness): Avtoref. diss. … kand. filolog. nauk. Moscow, 2012. 30 p.].

Бухарин Н.И. Избранные труды: История и организация науки и техники. / Ред. Е.П. Велихов. Л.: Наука, 1988. 504 с. [Bukharin N.I. Izbrannye trudy: Istoriya i organizatsiya nauki i tekhniki (Selected works: history and organization of science and technology) / ed. by E.P. Velikhov. Leningrad: Nauka, 1988. 504 p.].

Вавилов С.И. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. / Сост. В.В. Вавилова; ред.-сост. Ю.И. Кривоносов; отв. ред. В.М. Орел. М.: Наука, 2016. Кн. 1. 655 с. [Vavilov S.I. Dnevniki, 1909–1951: v 2 kn. (Diaries, 1909–1951: in 2 books) / ed. by V.V. Vavilova, YU.I. Krivonosov, V.M. Orel. Moscow: Nauka, 2016. Kn. 1. 655 p.].

Гуковский М.А. К вопросу о сущности так называемого «Итальянского Возрождения» // Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти (1883–1933). Л.: Издательство АН СССР, 1933. С. 732–756 [Gukovskii M.A. K voprosu o sushchnosti tak nazyvaemogo «Ital'yanskogo Vozrozhdeniya» (On the question of the essence of the so-called «Italian Renaissance») // Pamyati Karla Marksa. Sbornik statei k pyatidesyatiletiyu so dnya smerti (1883–1933). Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1933. P. 732–756].

Гуковский М.А. Леонардо да Винчи как ученый // Природа. 1934. 7. С. 52–57 [Gukovskii M.A. Leonardo da Vinchi kak uchenyi ([Leonardo da Vinci as a scientist) // Priroda. 1934. 7. P. 52–57].

Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи (к проблеме возникновения современной науки): Тезисы дисс. … д-ра ист. наук. Л.: полигр. Лаборатория ЛГУ, 1939. 4 с. [Gukovskii M.A. Mekhanika Leonardo da Vinchi (k probleme vozniknoveniya sovremennoi nauki)

[85] Гуковский 1958: 166.

([Mechanics of Leonardo da Vinci. On the problem of the emergence of modern science): Tezisy diss. … d-ra ist. nauk. Leningrad: poligr. Laboratoriya LGU, 1939. 4 p.].

Гуковский М.А. Леонардо да Винчи — основоположник экспериментальной науки // Вестник АН СССР. 1946. 11–12. С. 100–101 [Gukovskii M.A. Leonardo da Vinchi — osnovopolozhnik eksperimental'noi nauki (Leonardo da Vinci the founder of experimental Science) // Vestnik AN SSSR. 1946. 11–12. P. 100–101].

Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М., Л.: Издательство АН СССР, 1947. 815 с. [Gukovskii M.A. Mekhanika Leonardo da Vinchi (Mechanics of Leonardo da Vinci). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1947. 815 p.].

Гуковский М.А. Леонардо да Винчи: Творческая биография. Л., М.: Искусство, 1958. 171 с. [Gukovskii M.A. Leonardo da Vinchi: Tvorcheskaya biografiya (Leonardo da Vinci: creative biography). Leningrad, Moscow: Iskusstvo, 1958. 171 p.].

Дживелегов А.К. Леонардо да Винчи. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. 238 с. [Dzhivelegov A.K. Leonardo da Vinchi (Leonardo da Vinci). Moscow: ZHurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1935. 238 p.].

Жмудь Л.Я. М.А. Гуковский на пути к Леонардо да Винчи: история науки и техники в 1930-е годы // Proslogion: проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Т. 7. 1. 2023. С. 38–62 [ZHmud' L.YA. M.A. Gukovskii na puti k Leonardo da Vinchi: istoriya nauki i tekhniki v 1930-e gody (M. A. Gukovsky on the way to Leonardo da Vinci: The History of Science and Technology in the 1930s) // Proslogion: problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni. T. 7. 1. 2023. P. 38–62].

Клюев А.И. «Великая апроприация», или Как издательство «Academia» двух Горациев издавало // Philologia Classica. 2025. 1 (20). С. 151–168 [Klyuev A.I. «Velikaya apropriaciya», ili kak izdatel'stvo «Academia» dvuh Goraciev izdavalo (“The Great Appropriation”, or How the Academia Publishing House Published Two Horaces) // Philologia Classica. 2025. 1 (20). P. 151–168].

Конаков А. Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 236 с. [Konakov A. Ubyvayushchii mir: istoriya «neveroyatnogo» v pozdnem SSSR (Waning world: a history of the “incredible” in the late USSR). Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 2022. 236 p.].

Костерев А.Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурные измерения) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. 58. С. 41–47 [Kosterev A.G. Fenomen sovetskogo tekhnokratizma: k postanovke problemy (politiko-ideologicheskoe i sotsial'no-kul'turnye izmereniya) (The phenomenon of Soviet technocratism: to the formulation of the problem (political-ideological and socio-cultural dimensions)) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2019. 58. P. 41–47].

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988. 574 с. [Koen S. Bukharin. Politicheskaya biografiya. 1888–1938 (Bukharin and the Bolshevik Revolution: a political biography, 1888–1938). Moscow: Progress, 1988. 574 p.].

Кравцова Е.С. Большевистская власть в поисках исторической легитимации: создание советской концепции эпохи Возрождения // Исторический курьер. 2021. 6 (20). С. 41–58 [Kravtsova E.S. Bol'shevistskaya vlast' v poiskakh istoricheskoi legitimatsii: sozdanie sovetskoi kontseptsii epokhi Vozrozhdeniya (Bolshevik power in search of historical legitimation: the creation of the Soviet concept of the Renaissance) // Istoricheskii kur'er. 2021. 6 (20). P. 41–58]. URL: http:// istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-03.pdf.

Кравцова Е.С. Мир М.А. Гуковского (1898–1971) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2022. Т. 41. С. 98–126 [Kravtsova E.S. Mir M.A. Gukovskogo (World of M.A. Goukovsky (1898–1971)) // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. 2022. T. 41. P. 98–126].

Кривоносов Ю.И. Институт истории науки и техники: тридцатые – громовые, роковые… // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. 1. С. 42–75 [Krivonosov YU.I. Institut istorii nauki i tekhniki: tridtsatye – gromovye, rokovye… ([The Institute of the History of Science and Technology: thunderous and fateful thirties…) // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2002. 1. P. 42–75].

Лебедева Г.Е., Якубский А.В. М.А. Гуковский: страницы из биографии // Античная древность и Средние Века. 2013. Т. 41. С. 365–370 [Lebedeva G.E., YAkubskii A.V. M.A. Gukovskii: stranitsy iz biografii (M.A. Gukovsky: pages from the biography) // Antichnaya drevnost' i Srednie Veka. 2013. T. 41. P. 365–370].

Луначарский А.В. Крылья // Правда. 1904. 4. С. 11–16 [Lunacharskii A.V. Kryl'ya (Wings) // Pravda. 1904. 4. P. 11–16].

Луначарский А.В. Юный Леонардо // Драматические произведения. Т. 2. [М.]: Гос. Изд-во, [1923]. С. 509–526 [Lunacharskii A.V. YUnyi Leonardo (Young Leonardo) // Dramaticheskie proizvedeniya. T. 2. [Moscow]: Gos. Izd-vo, [1923]. P. 509–526].

Луначарский А.В. От Спинозы до Маркса. Очерки по истории философии как миросозерцания. [М.]: Новая Москва, 1925 [Lunacharskii A.V. Ot Spinozy do Marksa. Ocherki po istorii filosofii kak mirosozertsaniya. (From Spinoza to Marx. Esseys on the History of Philosophy as World View) [Moscow]: Novaya Moskva, 1925] URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ot-spinozy-do-marksa/novejsaa-filosofia/

Свешников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // НЛО. М., 2008. 2. С. 86–112 [Sveshnikov A.V. Sovetskaya medievistika v ideologicheskoi bor'be kontsa 1930–1940-kh godov (Soviet Medieval Studies in the Ideological Struggle of the Late 1930s–1940s) // Novoe literaturnoe obozrenie. M., 2008. 2. P. 86–112].

Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с. [Sveshnikov A.V. Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva (Ivan Mikhaylovich Grevs and the Petersburg Mediaevalist School of the Beginning of the 20th Century. Scholar Community Fate). Moscow, Saint Petersburg: TSentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 415 p.].

Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с. [Sidorova L.A. Ottepel' v istoricheskoi nauke. Sovetskaya istoriografiya pervogo poslestalinskogo desyatiletiya (The Thaw in Historical Science: Soviet Historiography of the First Post-Stalin Decade). Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1997. 288 p.].

Сказкин С.Д. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма // Средние века. 1958. вып. 11. С. 123–142 [Skazkin S.D. K voprosu o metodologii istorii Vozrozhdeniya i gumanizma (On the Question of the Methodology of the History of the Renaissance and Humanism) // Srednie veka. 1958. 11. P. 123–142].

Сталин И.В. О задачах хозяйственников // Он же. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. С. 29–42 [Stalin I.V. O zadachakh khozyaistvennikov (About the tasks of economic executives) // Ibid. Sochineniya. T. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1951. P. 29–42].

Тихонов В.В. Полезное прошлое: История в сталинском СССР. М.: НЛО, 2024. 368 с. [Tikhonov V.V. Poleznoe proshloe: Istoriya v stalinskom SSSR (The Useful Past: History in the Stalinist USSR). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 368 p.].

Черняк И.Х. Речь М.А. Гуковского при вручении диплома лауреата университетской премии // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего нового времени. 2014. Вып. 11. С. 142–151 [CHernyak I.KH. Rech' M.A. Gukovskogo pri vruchenii diploma laureata universitetskoi premii (M.A. Goukovsky's speech at the awarding of the diploma of the laureate of the First university prize) // Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury Srednikh vekov i Rannego novogo vremeni. 2014. 11. P. 142–151].

Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1941. XV, 338 с. [Engel's F. Dialektika prirody (Dialectics of Nature). Moscow: Gospolitizdat, 1941. XV, 338 p.].

Яковлев В. Леонардо да Винчи — великий итальянский художник // Известия. 15 апреля 1952. 90. С. 3. [YAkovlev V. Leonardo da Vinchi — velikii ital'yanskii khudozhnik (Leonardo da Vinci is a great Italian artist) // Izvestiya. 15 aprelya 1952. 90. P. 3].

Duskin J.E. Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953. London: Palgrave Macmillan London, 2001. VIII, 195 p.

XVIII съезд всесоюзной коммунистической партии (б): 10–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. М., Л.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1939. 742 с. [XVIII s"ezd vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (b): 10–21 marta 1939 g.: Stenograficheskii otchet ([The Eighteenth Congress of the RCP(b). Verbatim Report). Moscow., Leningrad: OGIZ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1939. 742 p.].

Елена Сергеевна Кравцова, *кандидат исторических наук, научный сотрудник, сектор истории общественно-политического развития, Институт истории, Новосибирск, член РОИИ; kravtsova.kes@gmail.com*

Leonardo da Vinci as a mirror of the 1930s-1960s intelligentsia in the USSR: the case of M.A. Gukovsky

In the 1930s, the soviet historian M.A. Gukovsky (1898–1971) developed a concept that linked Leonardo da Vinci's (1452–1519) technical pursuits to the modern scientific worldview. One of the key factors determining the uniqueness of the scientist's activity was his state within Renaissance society. The description of the Vincian's social position was similar to V.I. Lenin's (1870–1924) definition of the intelligentsia as an intermediate stratum between the bourgeoisie and the proletariat. The author of the article suggests that Gukovsky tried to create an image of Leonardo da Vinci that resonated with the USSR's scientific intelligentsia during the modernization in the 1930s. During the 1940s and 1960s, Gukovsky adapted this idea to changing circumstances. In late Stalin's era, he used the concept to emphasize the historical significance of scientific and technical intelligentsia, while in the thaw and early stagnation, da Vinci became an ideal for the 1960s intelligentsia amidst "physicists" and "lyricists" debate. These changes in Gukovsky's portrayal of da Vinci reflect the normalization of humanitarian research and a shift from state-centric to societal-focused historiography after the Stalin era.

Keywords: *Medieval Studies and Renaissance Studies in USSR; M.A. Gukovski; A.K. Dzhivelegov; A.V. Lunacharsky; N.I. Bukharin; S.I. Vavilov; soviet intelligentsia.*

Elena Kravtsova*, PhD (History), Researcher, Sector of History of Social and Political Development, Institute of History, Novosibirsk, kravtsova.kes@gmail.com*

И.Н. Стрекалов

ДИКТАТОР ИЛИ МУДРЫЙ ВОЖДЬ? ОБ ОБРАЗЕ И.В. СТАЛИНА В КИНОЭПОПЕЕ «ОСВОБОЖДЕНИЕ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

В статье рассматривается образ И.В. Сталина в киноэпопее «Освобождение» (режиссёр Юрий Озеров, 1970–1971). В литературе устоялось мнение о том, что Озеров стремился реабилитировать Сталина и был своеобразным проводником идеи «ресталинизации» в киноискусстве, впервые после долгого времени показав Сталина в киноэпопее о Великой Отечественной войне как Верховного Главнокомандующего, участвующего в принятии стратегических решений для фронта. Автор статьи изучил архивные документы Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР, киностудии «Мосфильм» (обсуждения идеи, сценария фильма), ЦК КПСС, а также письма зрителей о фильме, воспоминания участников создания картины. Он приходит к выводу о том, что авторы фильма «Освобождение» не ставили перед собой задачи реабилитировать И.В. Сталина после XX съезда КПСС. Они хотели показать его сложную, противоречивую, многогранную личность и понимали, что Сталин не может быть оценён однозначно. Этот вывод даёт возможность внести коррективы в представления о роли киноэпопеи «Освобождение» в процессе т.н. «ресталинизации» и о характере этой политики во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг.

Ключевые слова: *Сталин, киноэпопея, Великая Отечественная война, идеология, сталинизм.*

XX съезд КПСС серьёзным образом повлиял не только на политику и идеологию СССР, но и на сферу культуры и искусства. Имя Сталина перестало упоминаться или каким-либо образом демонстрироваться. Перемены во власти страны в октябре 1964 г. нередко рассматриваются историками не просто как политический переворот, а как поворот к т.н. «ресталинизации» во всех сферах жизни общества и государства, к реабилитации Сталина и восстановлению положительного образа вождя народов, широко распространённого при его жизни. В этом же ключе, в частности, ведутся рассуждения об образе Сталина в киноэпопее «Освобождение», режиссёром-постановщиком которой был Ю.Н. Озеров.

После выхода картин «Огненная дуга» и «Прорыв» в официальной печати 1970-х гг. вопрос о роли Сталина как таковой не поднимался. С одной стороны, это было понятно: решение XX съезда КПСС о «развенчании» культа личности вождя никто не отменял. С другой стороны, перед авторами и рецензентами, как правило, был опыт прошлого в виде киноэпопей периода «малокартинья» второй половины 1940-х гг., в котором личность Сталина носила совершенно исключительный характер и первостепенную роль. Поэтому некоторые из них не могли избежать сравнения, которое было в пользу «Освобождения».

М. Чечиева видела главную заслугу создателей киноленты в том, что они «восстановили правду, воссоздали на экране исторически точную панораму военных и политических событий 1943–1945 годов»[1]. Называя киноэпопею «художественным памятником героическому подвигу партии и народа в Великой Отечественной войне», она назвала ее «филь-

[1] Чечиева 1971: 16.

мом-воспоминанием» и «фильмом-предупреждением»[2], поскольку, считала, что западные фильмы о Второй мировой войне замалчивают или искажают роль СССР. Ю. Ханютин считал, что фильм «Падение Берлина» своими «идейными ошибками» (под ними в свете актуальных идеологических решений он, конечно, понимал преувеличенную роль Сталина в достижении победы над фашизмом) скомпрометировал жанр масштабного художественно-документального фильма о войне, и кинематографисты ушли от такого способа изображения войны. Но зритель «испытывал в этом потребность», и «Освобождение» выполнило эту «потребность общественного сознания», заодно дав мощный идеологический ответ западному киноискусству[3]. Тезис о мягком «преодолении» недостатков киноэпопей позднесталинского времени силами творческого коллектива Озерова, которое позволило во всей широте показать роль советского народа, генералитета в победе над фашизмом в годы Великой Отечественной войны, стал определяющим в оценке образа Сталина в киноэпопее вплоть до конца 1980-х гг. В книге о творчестве Ю. Озерова, вышедшей в 1986 г., в частности, говорится, что в киноэпопеях позднесталинского времени роль Сталина показывалась преувеличенной. В пример приводятся «Сталинградская битва» Владимира Петрова и «Третий удар» Игоря Савченко. Так, в фильме Петрова «истинную полководческую мудрость» проявлял только Сталин, идеи которого разрабатывали и осуществляли генералы, а сцены в Ставке Верховного Главнокомандования определяли композицию фильма, говоря об «оригинальности и непогрешимости стратегических замыслов Главкома»[4].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда в СССР снова стали говорить на официальном уровне о культе личности Сталина, было распространено мнение, что киноэпопеи в постановке Ю. Озерова, в т.ч. «Освобождение», способствовали процессу «ресталинизации» в годы правления Л.И. Брежнева, как бы восстановлению его положительного образа. Авторы той эпохи перевернули прежний устоявшийся тезис: они считали, что Озеров поставил эпопею в стиле, по образу и подобию эпопей позднесталинского времени, умышленно конструируя положительный образ Сталина. Семён Черток, в начале 1970-х дававший положительные отзывы «Освобождению», спустя полтора десятилетия писал в своей книге, подвергая критике эту эпопею, что фильм повторил стилистку «Падения Берлина» М. Чиаурели, просто «с учётом развития техники кино»; актёр Бухути Закариадзе «играл мудрого, сурового, но не страшного вождя»[5]. Известный российский кинокритик 1990-х гг. Мирон Черненко писал, что «псевдохроники» Озерова, в т.ч. эпопея «Освобождение», являются показателем «вялой реабилитации, застенчивого и пугливого поклонения» в адрес Сталина[6]. Сергей Добротворский отмечал,

[2] Там же. С. 19.
[3] Ханютин 1977: 60–61.
[4] Суменов 1986: 119.
[5] Черток 1988: 178.
[6] Черненко 1993: 31.

что в картине Озерова «легко увидеть ремейк» картины Чиаурели, разве что в «Освобождении» «переделывается не вымышленный сюжет, а реальная История, перезаселённая новыми авторитетами»[7].

Некоторые авторы и сегодня, следуя за настроениями эпохи «перестройки» и «лихих» 90-х, склонны видеть в «Освобождении» не крупные батальные сцены, характеры героев или эпическую сущность картины, её важное предназначение, а, скорее, некое возрождение «сталинизма» в СССР через киноискусство, т.е. становление т.н. «неосталинизма». При таком подходе «Освобождение» видится «манифестом социальной реставрации», способом «ползучей» реабилитации Сталина[8]. В то же время существует и иное мнение, согласно которому Сталин вовсе не возвеличивался Озеровым в «Освобождении». Нея Зоркая писала, что «Освобождение» – это фильм, «прославляющий мощь и героизм Советской армии, но уже без Сталина», сравнивая картину с эпопеями послевоенных лет, где вождь всегда был исключительно центральной фигурой, на которой как бы замыкалось всё повествование[9].

Так какой же была оценка И.В. Сталина в киноэпопее «Освобождение», какой смысл реально вкладывали в его кинообраз создатели картины? Можно ли считать эпопею кинематографическим средством на пути к достижению цели – «ресталинизации», или нет? На этот вопрос призваны ответить, прежде всего, исторические источники: текст литературного сценария фильма, отзывы на него, полученные на киностудии «Мосфильм» и в Кинокомитете СССР в ходе дискуссий и обсуждений, документы, освещающие вопросы подбора и утверждения актёров на роли, съёмок картины, а также показывающие оценки, данные непосредственно современниками премьеры фильма. Они находятся на хранении в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Архиве киноконцерна «Мосфильм», Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Несомненно, сказывается неполнота в освещении истории производства фильма: так, в архиве «Мосфильма» не сохранились за давностью списания с учёта съёмочные журналы первых фильмов «Освобождения», что затрудняет восстановление хронологии событий, связанных с процессом съёмок. Тем не менее совокупность других дошедших до нас источников позволяет сделать какие-либо более или менее основательные выводы о том, каким образ Сталина виделся создателям картины.

Прежде всего, стоит обратить внимание на ту идейную установку, которая существовала в кинематографических кругах при обсуждении концепции будущего военного кино, когда решение о производстве «Освобождения» (рабочие названия – «Освобождение Европы», «Победа», «Европа-43») ещё даже не было принято.

Общая установка в области идеологии, действовавшая тогда в культуре и искусстве, давалась в своё время Н.С. Хрущёвым на XX съезде

[7] Добротворский 2001: 231.
[8] Ковалов 2004: 120.
[9] Зоркая 2014: 303.

КПСС в феврале 1956 г. в докладе о «культе личности» И.В. Сталина. Военные фильмы, по мысли Хрущёва, в то время предназначались для «прославления Сталина» в качестве полководца. Никита Сергеевич привёл в пример киноэпопею «Падение Берлина»: «Там действует один Сталин: он даёт указания в зале с пустыми стульями, и только один человек приходит к нему и что-то доносит – это Поскребышев. А где же военное руководство? Где же Политбюро? Где Правительство? Что они делают и чем занимаются? …Спрашивается, а где же наши военные, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть войны? Их в фильме нет, для них после Сталина не осталось никакого места»[10]. Подобная установка дала возможность появлению совершенно нового подхода к военному кино в пору «оттепели», позволявшему вскрыть «окопную правду» войны, психологизм и переживания рядовых её участников, трудности и проблемы, с которыми сталкивались сами люди на полях сражений.

Эта позиция о недопустимости восхваления Сталина как единственного творца победы в войне, что очень важно, сохранялась и после отставки Хрущёва. 11–13 февраля 1965 г. в Кинокомитете СССР проходило заседание Сценарно-художественного совета при председателе Комитета по кинематографии А.В. Романова Алексей Владимирович выступил с докладом, остановившись и на фильмах военно-патриотической тематики. Он признал, что были, с одной стороны, фильмы, «приписывавшие все достижения» Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину (как «Сталинградская битва»), с другой – фильмы, в которых были показаны тяготы «рядового окопника» (как «Двое в степи»). Но, по его мнению, оба случая стали крайностями, обходившими стороной главное – «героическое, народное содержание великого подвига военных лет»[11]. Романов был убеждён, что на рассмотрение поступает «мало сценариев, показывающих победный путь Советской Армии после битвы у Волги, великую освободительную миссию нашей Армии в Европе и Азии». С одной стороны, такое заявление Романова свидетельствовало о том, что «приписывать» все стратегические успехи И.В. Сталину было нельзя, с другой – что акцент всего фильма должен быть сделан на героическом подвиге армии. А это в корне меняло концепцию, которая была заложена в киноэпопеи послевоенного периода.

Изучение вариантов сценариев отдельных частей киноэпопеи даёт возможность понять, какую позицию по отношению к Сталину и изображению его личности в фильме занимали как авторы текста, так и руководство советской кинематографии, его изучавшее. В известной степени здесь не было какого-либо единства мнений.

В литературном сценарии «Европа-43», представленном в 1966 г., вождь представлен достаточно волевым, жёстким, суровым человеком, порой способным продемонстрировать окружающим свою власть. Так подана сцена, связанная с вымышленным персонажем, советским полковником Огневым, будто бы работавшим при советском диппредстави-

[10] О культе... 2002: 91–92.
[11] РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 1. Д. 214а. Л. 18.

тельстве во время Тегеранской конференции. По сюжету Огнев стоял во дворе советского посольства в Тегеране и разговаривал с начальником охраны президента США Ф.Д. Рузвельта Майклом Рейли. Они дружески смеялись, не видя, как буквально преградили путь Сталину, шедшему прямо на них в сопровождении переводчика. Сталин, как бы не видя полковника, сказал: «У него слишком громкий голос. С таким голосом на фронте кавалерийским полком командовать. Мечтаете о фронте?». Из текста становится понятно, что Огневу не повезло, его отправили на фронт. Те, кто рецензировал сценарий, увидели в этом поступке вождя мелочность, сиюминутную прихоть. Поэтому при приёмке текста эту сцену не раз браковали. Один из редакторов Кинокомитета СССР З. Куторга в своём отзыве писала: «Для характеристики его [Сталина] жестокости и бездушия приведен, например, факт с полковником, неудачно попавшимся ему на глаза в Тегеране». Подобные моменты сценария, поданные вне контекста, считала она, приобретают «одностороннее и тенденциозное» звучание[12]. В итоге сцена исчезла из текста.

Кроме того, в окончательном варианте сценария в сравнении с рабочими вариантами не оказалось упоминания ещё одного серьёзного политического (а вернее сказать, национального) вопроса, связанного с фигурой Сталина. Это депортация народов в годы войны. Изначально его закладывали в одной из сцен литературного сценария «Направление главного удара» 1969 г. В кабинете Сталина вождь и маршал Жуков разговаривают по поводу направления главного удара советских войск через Белоруссию. Сталин звонит А.М. Василевскому во время штурма Севастополя и сообщает, что, насколько ему известно, «на стороне немцев на внешнем обводе Севастополя сражаются две дивизии, набранные из крымских татар». Василевский подтверждает, что они дерутся с советскими войсками «отчаянно», после чего вождь поручает своему секретарю подготовить указ о выселении из Крыма всех крымских татар. Жукову, который спрашивает об обороне в Белоруссии, он приказывает «наступать до последней возможности»[13]. Последняя реплика Сталина о наступлении была категорически исключена, этого требовал главный военный консультант фильма С.М. Штеменко: «Сталин приказывает “наступать до последней возможности”, и в картине вслед за этим следует без какой-либо паузы эпизод кровавой атаки одной из безымянных высот. Кому из зрителей не придет в голову в этом случае мысль о потоках народной крови, пролитой по прихоти Советского Верховного Главнокомандования?»[14]. Кинокомитет встал на сторону Штеменко. Авторы сценария в письме А.В. Романову в ноябре 1970 г. обещали: «Будут исключены реплики Сталина о наступлении до последней возможности»[15]. Что касается крымских татар, то в заключении сценарно-редакционной коллегии Кинокомитета чётко было указано: «Снять историю с выселе-

[12] Там же. Оп. 4. Д. 1294. Л. 67.
[13] Архив киноконцерна «Мосфильм». Ф. 2453. Оп. 10. Д. 588. Лл. 13–14.
[14] РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 1783. Л. 105.
[15] Там же. Д. 1783. Л. 112.

нием крымских татар»[16]. Что и было сделано. Поднимать эту историю на суд и обозрение широкой публики в художественном фильме, несмотря на реальные подвижки в восстановлении в правах депортированных народов в конце 1960-х – начале 1970-х гг., всё-таки не стали.

Кроме того, в литературном сценарии «Европа-44», представленном в 1967 г., в одной из сцен в кабинете вождя Сталин «отправляет подумать» за дверь К.К. Рокоссовского, который настаивает на остановке наступления советских войск на Варшаву (для помощи восставшим полякам) ради передышки и подтягивания тылов. Но если в фильме он делает это по другому поводу (разработка операции «Багратион» по освобождению Белоруссии в мае 1944 г.) и единожды, то в изначальном тексте – дважды. Рокоссовский уходит не один, а вместе с Жуковым. Вождь становится раздражённым, бросает Рокоссовскому и Жукову фразу: «Идите и ещё раз подумайте!». Оба выходят в комнату отдыха, раскрывают карту и невзначай касаются поведения Сталина. А он выходит к ним из кабинета и хмуро спрашивает: «Ну что, надумали?»[17]. Подобное поведение Сталина, изображённого в этой сцене, по сути, в качестве своенравного интригана-диктатора, вызвало ряд недоумений у тех, кто читал сценарий, поэтому впоследствии эпизод был исключён. Подобная история была показана, но в связи с утверждением плана наступления советских войск летом 1944 г., когда Рокоссовский предложил своё видение направления главного удара, а Сталин поспорил с ним: в этой сцене фильма маршал выходит по просьбе Сталина один раз, затем заходит и, настояв на своём, получает согласие Верховного. Таким образом, сцена приобрела совсем другое значение и понимание.

Имелись и другие «шероховатости» образа Сталина, которые не одобрялись кинематографическими чиновниками и исключались из сценария. Сохранился вариант литературного сценария «Европа-43», который, судя по рукописным пометам, читал лично председатель Кинокомитета СССР А.В. Романов. Например, в сцене во время одного из московских салютов в честь советских войск, освобождавших территорию Советского Союза осенью 1943 года, где показана беседа Сталина с заместителем начальника Генерального штаба А.И. Антоновым о грядущем взятии Киева, Сталин задумчиво бросил фразу: «Пятый салют Рокоссовскому…». Позже в ходе разговора он заявляет, говоря о Рокоссовском: «Ему и так достаточно славы». Часть войск Рокоссовского передаётся Воронежскому фронту по просьбе Н.С. Хрущёва для взятия Киева. Этим показано сложное отношение Сталина к Рокоссовскому, который, как известно, подвергся репрессиям ещё до Великой Отечественной войны. Весь текст этого диалога в сценарии Романов перечеркнул[18].

Сказанное даёт ключ к *допустимой* интерпретации образа Сталина в киноэпопее «Освобождение». При этом необходимо иметь в виду обстоятельства. Редактированию подвергаются самые «жёсткие» сцены со

[16] Там же. Д. 1783. Л. 27.
[17] Архив киноконцерна «Мосфильм». Ф. 2453. Оп. 10. Д. 584. Лл. 35–36.
[18] РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 6. Д. 1741. Лл. 119–120.

Сталиным, те его поступки, которые могут отрицательно характеризовать вождя народов. Однако это не означает, что люди в принимающей фильм инстанции испытывали симпатии к Сталину. Редактор Кинокомитета М. Блейман в августе 1966 г. в отзыве на сценарий «Европа-43» писал: «Я далек от мысли считать Сталина человеком, который выиграл войну, и отдать ему все лавры народа и армии. Я также далек от анекдотов, что он воевал по глобусу. Все дело было значительно сложнее и, если угодно, загадочнее»[19]. Кинодраматург А.Я. Каплер во время обсуждения сценария фильма в декабре того же года в Кинокомитете говорил: «Вопрос о Сталине. Для меня это чрезвычайно важный вопрос, и ответа на него я не могу предложить. …Думаю, что придется авторам идти на творческий компромисс, потому что ответить на экране, что такое был Сталин, это значит написать шекспировскую вещь»[20].

Чем можно объяснить жёсткую трактовку образа Сталина в сценарии фильма, привлекшую внимание рецензентов? Как известно, за «документальные» сцены фильма, связанные с историческими фигурами, отвечал Оскар Курганов. Объяснение появления подобного образа вождя может быть связано с фактами биографии писателя и журналиста. Курганов, будучи евреем по происхождению (чего он никогда не скрывал), в 1949 г. был уволен из редакции «Литературной газеты» за якобы плагиат, в сущности, став жертвой кампании по борьбе с «космополитизмом», связанной и с его национальным происхождением. Восстановиться в рядах Союза писателей СССР он смог лишь в 1960 г. Поэтому отношение Курганова к реальному Сталину вряд ли было положительным, что и отразилось на сценарии фильма. Кроме того, такая трактовка образа всецело согласовывалась с решениями XX съезда КПСС, с докладом Н.С. Хрущёва, неоднократно связывавшего отрицательные моменты политики того времени с личной волей и произволом Сталина.

В данном же случае жёсткая трактовка образа вождя была невозможна. Факт биографии Курганова столкнулся с общей концепцией всего фильма. Он изначально задумывался масштабным, рассказывающим о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне в позитивном, наступательном, героическом ключе. В такой концепции, во-первых, нельзя было обойтись без персонажа И.В. Сталина вообще, ведь он руководил партией, был главнокомандующим, председателем Государственного Комитета Обороны, представлял страну в международных отношениях. Отсутствие Сталина разрушило бы весь изначальный монументальный замысел создателей фильма. Во-вторых, при такой концепции фильма едва ли находилось место проявлениям Сталина как жёсткого диктатора или тирана. В этом смысле показательны слова редактора «Мосфильма» В.Ф. Карена на одном из обсуждений сценария фильма в мае 1967 года в отношении Сталина: «Он достойно показан как главнокомандующий. Для другого материала в сценарии места нет». Выступавший после него Е.С. Котов, заметил: «Без Сталина нельзя правди-

[19] РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 4. Д. 1294. Л. 55.
[20] Там же. Оп. 5. Д. 184. Л. 6.

во показать события войны и события в Европе»[21]. Ю. Озеров, подчёркивая, что в «этой картине нельзя обойтись без Сталина», сказал: «В первом фильме мы должны показать его нейтрально. …Во втором фильме будут найдены другие аспекты и развороты сталинского характера, в третьем фильме – третьи»[22]. Всё это является ярким свидетельством того, что создатели картины и связанные с ними люди в основном не стремились занять какую-либо одну позицию в отношении вождя. А если такая позиция кем-либо и занималась (как О.И. Кургановым), то в ходе работы над сценарием и столкновения с другими точками зрения она «сглаживалась», делая образ Сталина многогранным.

5 мая 1967 г. худсовет творческого объединения «Время» киностудии «Мосфильм» обсуждал режиссёрский сценарий фильма «Европа-43». Разумеется, членами совета были высказаны разные замечания и пожелания. В.В. Катинов прямо сказал: «Авторы показывают Сталина как большого гения. Это заблуждение, и мне хотелось бы узнать позиции авторов в этом вопросе». В.Ф. Карен возразил Катинову по поводу Сталина: вождь «достойно показан как главнокомандующий». Для чего-либо другого «в сценарии места нет». Е.С. Котов отметил, поддерживая сценарий: «Мне кажется, что авторы сделали верно, не поставив акцентов на образе Сталина». Соавтор сценария О.И. Курганов заявил, что «Сталин сделан объективно, его роли ни уменьшена, ни преувеличена». В.В. Катинов, завершая заседание худсовета, озвучил решение поддержать режиссёрский сценарий, но с оговоркой о позиции по поводу Сталина: «Фильм не должен умалять ни его полководческих заслуг, ни дипломатических достоинств, но показать истинные черты его характера безусловно следует»[23]. Таким образом, и на этапе режиссёрского сценария остановились на необходимости двоякой трактовки образа вождя.

Подбор актёра на роль Сталина также дался непросто и показал невозможность выбора артиста, который будет занимать какую-то однобокую позицию в показе своего персонажа, например, идеализируя его. Свидетельством тому является история неутверждения на роль вождя народного артиста СССР Серго Закариадзе, звезды фильма «Отец солдата», получившего всеобщее признание. Сценарист О. Курганов вспоминал: Серго настолько хотел сыграть эту роль, что «решил в течение месяца похудеть, чтобы сбросить с себя грузность, а вместе с тем и значительность», сбросив в итоге 18 кг, ассистент режиссёра ездил в Тбилиси и подтвердил серьёзность намерений артиста[24].

Вопрос портретного сходства, конечно, имел важное значение, но не он стал камнем преткновения на пути к утверждению артиста на роль. Существовало также обстоятельство идеологического характера. Актёр Георгий Харабадзе, игравший роль Мелитона Кантария в последнем фильме киноэпопеи в сцене водружения Красного знамени над

[21] Архив киноконцерна «Мосфильм». Ф. 2453. Оп. 10. Д. 593. Л. 46.
[22] Там же. Л. 48.
[23] Архив киноконцерна «Мосфильм». Ф. 2453. Оп. 10. Д. 594. Л. 45.
[24] Государственный центральный музей кино (ГЦМК). Ф. 94. Оп. 2. Д. 2. Л. 26.

Рейхстагом, вспоминал о причине отказа от кандидатуры Серго Закариадзе: «Многого захотел! Своего Сталина создать, его значение во Второй мировой войне не ко времени реабилитировать возжелал. Догадались – и отстранили»[25]. Что касается вопросов идеологии, то имеется документальный источник более позднего времени, косвенно подтверждающий слова Харабадзе. В июне 1968 года (когда основные работы над первыми двумя фильмами «Освобождения» завершались) секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову было направлено анонимное письмо от группы старых большевиков из Грузии, адресованное Л.И. Брежневу. Авторы были возмущены тем, что, несмотря на решение XX съезда партии о культе личности Сталина, в Грузии происходит совершенно обратное. Они писали, что везде можно увидеть развешанные портреты Сталина и его сына Василия, в разговорах звучали призывы защитить знаменитого грузина. Также они передали, что артист Серго Закариадзе на одном из торжественных собраний заявил: «Кто критиковал и критикует Сталина – те настоящие враги народа!»[26]. И его речь, по их словам, была встречена аплодисментами. Примечательно, что в машинописном тексте письма, как и в составленной по нему краткой аннотации, эти строки о Закариадзе были сбоку отчёркнуты внимательным читателем. Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС в июле 1968 г. отчитался, что ЦК КП Грузии проинформирован по поводу подобных настроений в республике. Не исключено, что история с этим письмом коснулась и самого Закариадзе, что он и ранее выражал свою позицию публично и что его постановка вопроса о Сталине действительно не разделялась ни среди чиновников кинематографии, ни в Отделе культуры ЦК КПСС. В связи с этим создатели фильма утвердили на роль Сталина его младшего брата – артиста театра и кино Бухути Закариадзе (что, к слову, привело к серьёзному личному конфликту между Серго и Бухути).

В литературе широко распространено мнение, что даже на этапе съёмок фильма «Освобождение» официально не шло речи о Сталине вообще, поскольку показывать его в произведениях искусства после решений XX съезда КПСС было практически невозможно. Этому способствовал отчасти и сам режиссёр-постановщик картины. В конце 1990-х Юрий Озеров заявил в одном интервью: «Мне и Сталина бы не позволили снять. Между прочим, в сценарии его и не было. Но какая же война без Сталина? Я его контрабандой снимал, по ночам. Министра кинематографии чуть кондратий не хватил, когда он узнал»[27]. Тем не менее слова о том, что Сталина не было в сценарии, не соответствуют действительности. Во всяком случае, если речь идёт о доступных сегодня вариантах литературного сценария первых частей эпопеи. В сценарии «Европа-43» 1966 года, который был сдан на киностудию «Мосфильм», имелись сцены со Сталиным: он представлен как закадровый персонаж в телефонном разговоре, кроме того, сценарий завершается

[25] Харабадзе 2004: 49–50.
[26] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 60. Д. 5. Л. 8.
[27] Матизен 2013: 144.

эпизодом, описывающим события Тегеранской конференции 1943 г., где Сталин представлен зрителю и наглядно. Что касается съёмок сцен со Сталиным по ночам, то нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть слова режиссёра: единственный документальный источник, который мог бы пролить свет на истину, – съёмочный журнал по фильму «Освобождение» с пометами о времени съёмок тех или иных сцен (которые делались регулярно), увы, в архиве киностудии «Мосфильм» не сохранился. Есть лишь косвенные свидетельства, способные подтвердить слова Озерова. Актриса Наталья Бондарчук вспоминала об одной из ночных смен съёмок фильма «Солярис» Андрея Тарковского и о том, что, идя по пустому коридору «Мосфильма», однажды увидела: «Навстречу мне в белом кителе с орденами шёл Сталин. Я вздрогнула. Сталин тоже удивлённо глядел на меня. Видимо, мой вид смутил его сознание. …Сталин и я молча прошли мимо друг друга и заметно ускорили шаг». Она пришла к Тарковскому и рассказала о своём необычном «видении», на что режиссёр рассмеялся, объяснив ей, что это был именно Закариадзе: «Ну вот, и к нам “гости” пожаловали!»[28].

Интересно, что и во время съёмок сцен со Сталиным возникали конфликты на почве идеализации персонажа артистом. Актёр Михаил Ульянов, сыгравший маршала Г.К. Жукова в фильме, вспоминал, что когда они снимали сцену о плане наступления на Берлин, в которой донесения разведки должен был зачитать генерал Антонов, а Владислав Стржельчик не смог приехать на съёмку, то Озеров, не желая терять времени, попросил Бухути Закариадзе зачитать в сцене от лица Сталина донесение разведки, на что Закариадзе с горячностью грузина неожиданно воскликнул: «Сталин донесения разведки не читал!»[29]. Озеров поспорил с ним, но это не помогло: донесение прочитал Конев в исполнении Василия Шукшина. Кроме того, обнаружилось противоречие между реальной внешностью Сталина тех лет и тем, как его хотел изобразить актёр. С одной стороны, Сталину было около 65 лет на момент событий Курской дуги, с другой – Закариадзе отказался от изображения вождя немолодым человеком: «Меня за согбенного, дряхлеющего Сталина в Грузии убьют»[30]. Закариадзе явно претендовал на роль соавтора трактовки образа. В результате, как писал соавтор сценария Курганов, обстановка на съёмочной площадке становилась весьма напряжённой: «Правда, были случаи, когда режиссер просто покидал съемочную площадку и говорил, что он исчерпал все свои возможности убеждения актера, что и режиссеру, и актеру надо отдохнуть. Съемки прекращались, чтобы через час или два вновь возобновиться в той же сложной и напряженной атмосфере»[31]. Здесь вновь необходимо сказать о том, что образ Сталина рождался в мучительных противоречиях и разногласиях даже во время съёмок кинофильма.

[28] Бондарчук 1989: 152.
[29] Ульянов 2005: 61.
[30] Ошеровский 2005: 150.
[31] ГЦМК. Ф. 94. Оп. 2. Д. 2. Л. 27.

Документальные источники подтверждают рассказы о том, что при первом появлении Сталина в фильме «Огненная дуга» в дни майской премьеры 1970 г. некоторые зрители, особенно фронтовики, аплодировали. То, что некоторые зрители оказались рады увидеть воплощение образа Сталина в киноэпопее, видно из писем, присланных на киностудию «Мосфильм». Подполковник запаса М.А. Горячев из Гомеля писал: «…наконец-то правда пробивает себе дорогу, и И.В. Сталину воздается должное. Только одно его появление на экране вызывает радость и восхищение»[32]. Некоторые зрители делились с Комитетом по кинематографии своими впечатлениями от работы актёров, в т.ч. о том, как показана в фильме фигура вождя. Так, в июне 1970 г. В. Коньков из Новосибирска писал члену сценарно-редакционной коллегии Комитета И.М. Раздорскому: «Мне кажется, Сталин был всё же поэнергичнее в эти годы, чем показал его тов. Закариадзе. Мне, будучи жителем Москвы с 1937 и по 1942 г., приходилось часто видеть и слышать тов. Сталина. …Это, конечно, не принципиальный вопрос, а главное – стали показывать истину, как она была»[33]. Г.Л. Куприенко из г. Киева, писавший в адрес председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, был недоволен образом Сталина, поскольку он был показан слишком в возрасте: «Никто не пишет [в мемуарах], что это был грузный, сутулый старик, который еле передвигал ноги. Между тем, таким его изобразил артист (кажется, Закариадзе), исполняющий эту роль. Сталину в то время было 64 года, и не мог он быть таким немощным»[34]. Видя в образе Сталина «карикатуру» на вождя, Куприенко даже просил переснять сцены с его участием, ведь фильм будет смотреть весь мир, и такое изображение Сталина отнюдь «не в пользу» Советского Союза. Майор В.И. Поляченок из г. Орехово-Зуево в 1971 г. признавал: «В последние годы незаслуженно принижалась роль И.В. Сталина в Оте-чественной войне. Но лучше бы уж совсем не называть Сталина, чем показывать его недалекой личностью, способной изрекать единственную фразу… и вечно ждущего подсказок маршала Жукова»[35].

После того, как состоялась премьера киноэпопеи в Грузии, где внимательно относились к изображению на экране своего земляка, во время одной из встреч Закариадзе сказал актеру Владлену Давыдову, сыгравшему роль маршала Рокоссовского: «Одни хвалили – шестьдесят процентов, а другие, сорок процентов, ругали, говорили: “Бухути, зачем ты это сделал?!”»[36].

В современной литературе авторы нередко видят в киноэпопее возвращение к послевоенным фильмам, в центр которых был поставлен Сталин. Нужно признать, что в исторических реалиях начала 1970-х гг. «Освобождение» действительно воспринималось некоторыми рецензен-

[32] Архив киноконцерна «Мосфильм». Ф. 2453. Оп. 10. Д. 596. Л. 112.
[33] РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 1. Д. 727. Л. 102.
[34] Там же. Д. 727. Лл. 128-128об.
[35] Там же. Д. 825. Л. 159.
[36] Давыдов 2004: 356.

тами как уход эпохи «оттепели» и возврат к сталинским традициям. Так, Л.Б. Шварц во время заседания секции кинодраматургии, теории и критики Ленинградского отделения Союза кинематографистов СССР 30 июня 1970 г. дал такую оценку картине: «…образ Сталина впервые, насколько мне известно, сделан с мученическим ореолом, до чего не додумался в своё время даже Чиаурели, придворный художник 50-х годов, немало преуспевший в свое время. Я имею в виду историю с сыном Сталина, которая действует безотказно»[37].

Театральный критик Исаак Шнейдерман писал кинодраматургу Николаю Оттену 22 апреля 1970 г. из Ленинграда о просмотренных новых фильмах, поделился впечатлением и от «Освобождения»: «…кругом, шагом марш! – вот эстетическая (и политическая) формула этого фильма. Связывает разорванное, вычер-кивает все, что считалось достижениями последнего десятилетия, восстанавливает линию "Падения Берлина", но с явно меньшим талантом, если не сказать, что просто с бездарностью»[38].

Резюмируя сказанное о конструировании образа И.В. Сталина в киноэпопее «Освобождение», необходимо сказать следующее. Обсуждения литературного и режиссёрского сценариев фильма, его замысла, вопросов подбора актёра на роль и самих съёмок, восприятия готового образа зрителями со всей очевидностью свидетельствуют: создатели фильма не занимали какой-либо однозначной позиции в оценке роли Сталина в событиях Великой Отечественной. Мнения, высказанные людьми, причастными к созданию картины, показывают, что они занимали так называемую промежуточную позицию: не идеализировать вождя, что соответствовало решениям о развенчании культа личности на XX съезде, – и не критиковать его, обращая внимание на частные стороны его личности и характера, что соответствовало, прежде всего, замыслу и масштабу, идеологическому предназначению фильма, который должен был показать освободительную миссию Красной Армии в Европе, возглавляемой Верховным Главнокомандующим.

Без адекватного, чисто фактического показа действий вождя, руководителя огромной страны, эпическое осмысление событий Великой Отечественной войны было просто невозможно. В результате Сталин в киноэпопее «Освобождение» показан как разумным, так и жёстким человеком, его образ выписан в этом смысле достаточно ровно. История конструирования образа И.В. Сталина в «Освобождении» является ещё одним свидетельством того, что во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. не шло речи об осознанной «ресталинизации», речь могла идти только о выписывании сложной, многогранной, противоречивой исторической фигуры.

---

[37] Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 183. Оп. 1. Д. 160. Л. 7.
[38] ГЦМК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7/4. Л. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бондарчук Н. Встречи на "Солярисе" // О Тарковском / Ред. М.А. Тарковская. М.: Прогресс, 1989. С. 140–162. [Bondarchuk N. Vstrechi na "Solyarise" [Meetings on “Solyaris”] // O Tarkovskom / Red. M.A. Tarkovskaya. Moscow: Progress, 1989. P. 140–162].

Давыдов В. Театр моей мечты. М.: Вагриус, 2004. 491 с. [Davydov V. Teatr moei mechty [The theater of my dream]. Moscow: Vagrius, 2004. 491 pp.].

Добротворский С. Источник невозможного // Добротворский С. Кино наощупь. СПб., 2001. С. 231. [Dobrotvorskii S. Istochnik nevozmozhnogo [The source of impossible] // Dobrotvorskii S. Kino naoshchup'. Saint-Petersburg: Seans, 2001. P. 231.].

Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX век. М., 2014. С. 303. [Zorkaya N.M. Istoriya otechestvennogo kino. XX vek. [The history of the native cinema. The XXth century]. Moscow: Belyi gorod, 2014. 511 p.].

Ковалов О. «Пиры Валтасара…» Юрия Кары превращают Иосифа Сталина в гротескного героя масскульта [‘The Feasts of Balthasar...’ by Yuri Kara turns Joseph Stalin into a grotesque hero of mass culture] // Новейшая история отечественного кино. 1986–2000. Кино и контекст. Том V. 1989–1991. СПб., 2004. С. 116–121. [Kovalov O. «Piry Valtasara…» Yuriya Kary prevrashchayut Iosifa Stalina v grotesknogo geroya masskul’ta // Noveishaya istoriya otechestvennogo kino. 1986–2000. Kino I kontekst. Tom V. 1989-1991. Moscow: Seance, 2004. P. 116–121].

О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 года // Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 51–152. [Doklad N.S. Khrushcheva o kul’te lichnosti Stalina na XX s’ezde KPSS. Dokumenty. [The report of N.S. Khrushchev about the cult of personality of Stalin on the XXth Congress of the CPSU. Documents]. Moscow: ROSSPEN, 2002. P. 51–152].

Ошеровский М. Братья // Юрий Озеров в воспоминаниях современников/ Ред. О. А. Палатникова. М.: Эльф ИПР, 2005. С. 145–156. [Osherovskii M. Brat'ya [Brothers] // Yurii Ozerov v vospominaniyakh sovremennikov / Red. O. A. Palatnikova. Moscow: Elf IPR, 2005. P. 145–156].

Суменов Н. М. Юрий Озеров. М.: Искусство, 1986. 239 с. [Sumenov N. M. Yurii Ozerov. [Yuri Ozerov]. Moscow: Iskusstvo, 1986. 239 p.].

Ульянов М. История моего участия // Юрий Озеров в воспоминаниях современников. М., 2005. С. 55–68. [Ul'yanov M. Istoriya moego uchastiya [The story of my participation] // Yurii Ozerov v vospominaniyakh sovremennikov / Red. O.A. Palatnikova. Moscow: Elf IPR, 2005. P. 55-68].

Ханютин Ю. Направления главного удара // Кино и время. Вып. 1. М., 1977. С. 60–61. [Khanyutin Yu. Napravleniya glavnogo udara [The directions of the main impacts] // Kino i vremya. 1977/ 1. P. 59–71].

Харабадзе Г. Воспоминания актёра, посвящения и рассказы тоже. М., СПб.: Инапресс, 2004. 197 с. [Kharabadze G. Vospominaniya aktera, posvyashcheniya i rasskazy tozhe. [The memoirs of the actor, dedications and stories too]. Moscow, Saint-Petersburg: Inapress, 2004. 197 p.].

Черненко М. Краткие курсы и кроткие фарсы, или Кремлёвские тайны двадцатого века // Искусство кино. 1993. №3. С. 30–34 [Chernenko M. Kratkie kursy i krotkie farsy, ili Kremlevskie tainy dvadtsatogo veka [Short Courses and Short Farces, or Kremlin Secrets of the Twentieth Century]. // Iskusstvo kino. 1993/3. P. 30–34].

Черток С. Стоп-кадры. Очерки о советском кино. Лондон: Overseas publ. Interchange, 1988. 203 с. [Chertok S. Stop-kadry. Ocherki o sovetskom kino [The essays on the Soviet cinema]. London: Overseas publ. Interchange, 1988. 203 p.].

Чечиева М. Правда о войне // Экран. 1970-1971. М., 1971. С. 16. [Chechieva M. Pravda o voine [The truth about The War]. // Ekran. Moscow: Iskusstvo, 1971. P. 16-19].

Юрий Озеров (1921–2001). Человек, который дважды брал Европу. 1999. // Матизен В. Э. Кино и жизнь. 12 дюжин интервью самого скептического кинокритика. Том. 1. М.: Глобус-пресс, 2013. С. 141–148. [Yurii Ozerov (1921-2001). Chelovek, kotoryi dvazhdy bral Evropu. 1999 [Yuri Ozerov (1921-2001). The man who took the Europe twice. 1999] // Matizen V. E. Kino i zhizn'. 12 dyuzhin interv'yu samogo skepticheskogo kinokritika. Vol. 1. Moscow” Globus-press, 2013. P. 141-148.].

***Стрекалов Илья Николаевич**, кандидат исторических наук, докторант исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; strekalov4@gmail.com*

Dictator or wise leader? About the image of Joseph Stalin in the epic film "Liberation" in the second half of the 1960s

The author examines the question about the image of Joseph Stalin in the epic film "Liberation" (director Yuri Ozerov, 1970-1971). There is a mutual opinion in the literature that Ozerov was to rehabilitate Stalin and was the promoter of the "restalinization" policy in the cinema art of those times; he was the first director who demonstrated Stalin in the epic film about The Great Patriotic War as the Supreme Commander, participating in taking the key and strategic decisions for the front. The author of the article learns the archive documents of the Committee of the Cinematography under the Soviet of Ministers of the USSR, Mosfilm studios, the Central Committee of the CPSU, as far as the viewers' letters about the film, memories of the participants of the film's production. He concludes that the authors of the film were not eager to rehabilitate Stalin after the 20th CPSU Meeting. They were to show his ambivalent and controversial personality and they understood that Stalin would not be evaluated in any one way. This conclusion helps to correct the role of the epic film "Liberation" in the process of the "restalinization" as far as its character in the second half of the 1960's and the beginning of the 1970s.

***Keywords:** Stalin, epic film, The Great Patriotic War, ideology, Stalinism.*

***Strekalov Ilya N.**, The Lomonosov Moscow State University, Department of History, PhD (History), Doctoral candidate; strekalov4@gmail.com*

А.В. Ганин

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА П.С. МАХРОВА «В БЕЛОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА» 1994 ГОДА ИЗДАНИЯ ХАРАКТЕР И ПРИЧИНЫ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОЧНИКА*

В статье проанализированы искажения одного из важнейших источников по истории Белого движения на Юге России – воспоминаний видного деятеля Белого движения на Юге России генерал-лейтенанта П.С. Махрова (1876-1964) «В белой армии генерала Деникина», допущенные при их публикации в 1994 г. Делаются выводы о характере и о возможных причинах таких искажений. По оценке автора, при подготовке книги были допущены искажения трех видов: ошибки расшифровки, литературное редактирование и цензурные вмешательства. При подготовке академического издания воспоминаний автор провел полное сопоставление рукописи Махрова, хранящейся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, с книгой 1994 г., выявив все изменения оригинального текста.

Ключевые слова: *историография, источниковедение, археография, воспоминания, Гражданская война в России, Белое движение, генерал П.С. Махров.*

Участники Белого движения на Юге России оставили после себя множество воспоминаний, в которых содержится колоссальный объем ценнейших данных по истории движения. Особый интерес для понимания происходивших событий представляют свидетельства сравнительно узкого круга лиц, участвовавших в принятии ключевых решений – главнокомандующих и их начальников штабов. Среди мемуаров представителей этой группы, наряду с известными произведениями генералов П.Н. Врангеля[1], А.И. Деникина[2], П.Н. Шатилова[3], нельзя не отметить воспоминания начальника штаба Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) генерал-лейтенанта Петра Семеновича Махрова (1876–1964).

Рукопись воспоминаний Махрова «В белой армии генерала Деникина» была подготовлена к печати историком Н.Н. Рутычем (Рутченко) (1916–2013) и племянником генерала К.В. Махровым (1923–2012) и опубликована в 1994 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Logos»[4].

Вышедшее тиражом 3000 экз. издание стало заметным событием первой половины 1990-х гг. и, несомненно, способствовало росту интереса широкой читательской аудитории к истории Гражданской войны 1917-1922 гг. (в частности, книга произвела сильное впечатление на автора этих строк, равно как и на ряд коллег, ныне специализирующихся на проблематике истории Гражданской войны). Написанные великолепным литературным языком, воспоминания содержали драматичные по-

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

[1] Деникин 2003.

[2] Врангель 1992.

[3] Шатилов 2017.

[4] Махров 1994. Ранее Н.Н. Рутыч опубликовал небольшой фрагмент воспоминаний о прибытии мемуариста в белый Екатеринодар весной 1919 г. и последующем назначении в Кавказскую армию (Махров 1992).

дробности истории Белого движения на Юге России и яркие портретные характеристики многих его участников. Правда, в публикации практически не имелось комментариев (если не считать таковыми пять примечаний Н.Н. Рутыча), что в некоторой степени компенсировалось обширным биографическим справочником в конце[5]. Яркую рецензию на книгу опубликовал тогда известный историк Белого движения В.Г. Бортневский[6], который справедливо отметил, что воспоминания Махрова выделялись даже на фоне целого ряда мемуаров других видных деятелей белого лагеря. Среди достоинств этой работы Бортневский отдал должное оставленной Махровым бесценной портретной галерее сослуживцев.

Однако несколько оговорок публикаторов воспоминаний должны были насторожить читателей. К примеру, отмечалось, что оригинал рукописи, хранящийся в Бахметевском архиве Колумбийского университета, трудночитаем, имеет многочисленные зачеркивания и написан расплывшимися на рыхлой бумаге чернилами. В этой связи часть текста, как утверждали К.В. Махров и Н.Н. Рутыч, восстанавливалась ими по письмам Махрова полковнику П.В. Колтышеву и генералу Н.Н. Стогову, посвященным тем же событиям[7]. Уже одна эта фраза косвенно свидетельствовала об искажении источника, так как текст одного документа невозможно восстановить по другому документу с иным содержанием. Кроме того, публикаторы книги 1994 года, по их же словам, сократили часть текста о семейной жизни Махрова, цитаты из книг, а также приказы генерала А.И. Деникина[8].

Работая с коллекцией П.С. Махрова в Бахметевском архиве Колумбийского университета в 2012 г., автор этих строк скопировал, наряду с другими частями воспоминаний тетради, в которых содержались опубликованные в 1994 г. фрагменты. Почерк генерала нельзя назвать трудночитаемым. Но каково же было мое удивление, когда выяснилось, что в книгу 1994 г. К.В. Махровым и Н.Н. Рутычем[9] были внесены отнюдь не только указанные ими изменения. Сравнение книги с рукописью показало, что текст во многих случаях был неверно расшифрован, почти повсеместно литературно обработан, подвергся цензурным и иным сокращениям, в результате чего из книги исчезли порядка 150 страниц.

Мы не знаем, как именно строилась работа публикаторов издания 1994 г., работали ли они в архиве или же пользовались копиями, и кто из них занимался расшифровкой текста. Так или иначе, внесенные правки совершенно изменили этот важный исторический источник. Если бы не ряд специфических искажений, которые никак не мог допустить сам генерал Махров, а также ссылка на рукопись воспоминаний объемом «бо-

[5] Махров 1994: 215–263. Этот материал впоследствии послужил основой для отдельного справочного издания Н.Н. Рутыча, известного специалистам (Рутыч 1997: 13–14).
[6] Бортневский 1994: 110–114.
[7] Махров 1994: 12.
[8] Там же.
[9] Н.Н. Рутыч, скорее всего, не видел рукопись Махрова в полном объеме, т.к. в своем справочнике он утверждал, что в издание 1994 г. вошла большая часть воспоминаний генерала (Рутыч 1997: 155), что не соответствует действительности.

лее 700 тетрадных страниц»[10], что совпадает с частью мемуаров Махрова о его службе в 1919 – начале 1920 г. (в них девять тет-радей и по нумерации указана 701 страница), можно было бы даже предположить, что публикаторы пользовались каким-то другим оригиналом. В некоторых случаях публикаторы при расшифровке текста, видимо, просто не понимали, о чем идет речь. Ошибочная расшифровка иногда меняла смысл источника. К примеру, Махрову как начальнику военных сообщений Кавказской армии белых требовалось наладить этапы, но публикаторы расшифровали это слово как «тылы»[11]. Фрагмент о крымском правительстве С.С. Крыма расшифрован следующим образом: «Он мне аттестовал правительство Соломона Крыма как надежное»[12]. В руко-писи же правительство аттестовано не как надежное, а как кадетское. «Министр юстиции Кабаков» на самом деле оказался В.Д. Набоковым. «Местными и пришлыми большевиками» превратилось в «местными крымскими большевиками»[13]. Знаменитый полковник (позднее – генерал) Я.А. Слащев стал неведомым Сланцевым[14], атаман А.П. Богаевский – Окуневским[15], генерал П.В. Кононович-Горбатский – Коненович-Горбатовским[16], генерал Н.А. Кашталинский – Кишмалинским[17], капитан Степанов – неким несуществующим Сахноновым[18], капитан 1-го ранга А.Н. Заев – Зуевым[19], генерал П.П. Мамонов – Мамонтовым[20], генерал Л.А. Бобошко – Баботка[21], полковник Б.В. Гонтарев – Гонторовым[22], полковник А.Н. Лащенов – Лешеновым[23], донской казачий депутат П.М. Агеев – Авдеевым[24], военный чиновник коллежский советник Дмитренко – коллежским асессором Дмитриенко[25], супруга генерала П.А. Маркодеева Мария Яльмаровна – Марией Емельяновной[26]. Едва не расстрелянные в Полтаве супруга и тесть Махрова превратились в супругу и детей[27], а братья жены в братьев мемуариста[28]. Высадка десанта в Хорлах была расшифрована как высадка в Херсоне[29], станция Лихая стала Ликией[30], станица

[10] Махров 1994: 12.
[11] Там же: 58.
[12] Там же: 22.
[13] Там же.
[14] Там же: 31, 32.
[15] Там же: 193.
[16] Там же: 60.
[17] Там же: 141.
[18] Там же: 43.
[19] Там же: 66, 67.
[20] Там же: 79.
[21] Там же: 197.
[22] Там же: 115.
[23] Там же: 160.
[24] Там же: 120.
[25] Там же: 127.
[26] Там же: 73.
[27] Там же.
[28] Там же: 75.
[29] Там же: 33.
[30] Там же: 91.

Урюпинская - Урыпинской[31], станица Георгие-Афипская – Георгие-Афинской[32], Екатеринодар превратился в Екатериноград[33], Высочайшее повеление стало Высшим[34], корабль «Посадник» стал «Потемкиным»[35], а донской фронт – длинным фронтом[36].

Вследствие неверной расшифровки текст о боях белых летом 1919 года с группой войск бывшего генерала В.И. Селивачева приобрел абсурдный характер. В книге отмечается стремление белых «замкнуть в кольце 8-й армии группировку Селивачева»[37]. Но белые на Юге номерных армий тогда не имели, а 8-я советская армия не могла замкнуть в кольце свою же группировку Селивачева. В оригинале текст другой: «Чтобы замкнуть в кольцо 8-ю армию Сельвачева»[38]. Разница налицо. Аналогичное искажение и в другом случае, когда речь идет о «8-й и 1-й конных армиях» красных[39], тогда как в РККА было только две конных армии. Разумеется, речь шла о 8-й и 1-й Конной армиях.

Утратила смысл при публикации и характеристика подполковника Ю.В. Сербина, служившего при генерале В.Л. Покровском. Согласно книге, Сербин считал, что его никто не может заменить, кроме самого Покровского[40]. На самом же деле Покровский вовсе не должен был заменять своего подчиненного, младшего по чину и должности – в оригинале речь идет о том, что таланты офицера никто не умел заметить, кроме Покровского.

В описании оставления белыми Екатеринодара фигурируют «телеги с донскими казаками, стариками и их семьями»[41]. Разумеется, в рукописи не говорится отдельно о казаках и о семьях каких-то стариков, а упоминается о казаках-стариках, т.е. о казаках старших призывных возрастов. Южнорусское правительство, сформированное в Новороссийске, как отмечал Махров, сразу начало готовиться к эвакуации в Крым, в книге же смысл оказался радикально искажен – правительство якобы сразу начало готовиться к эвакуации Крыма[42].

Не всегда точно в книге воспроизводились даты[43]. В воспоминаниях приводился доклад Махрова генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего ВСЮР от 14 (27) марта 1920 г., причем утверждалось,

[31] Там же: 96.
[32] Там же: 176.
[33] Там же: 136.
[34] Там же: 70.
[35] Там же: 152.
[36] Там же: 167.
[37] Там же: 93.
[38] Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (BAR). P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. Тетрадь № 4: 302.
[39] Махров 1994: 119.
[40] Там же: 103.
[41] Там же: 166.
[42] Там же: 201.
[43] Там же: 72.

что этот доклад публикуется в приложении[44], однако там опубликован другой документ – доклад Махрова главнокомандующему ВСЮР от 8 (21) апреля 1920 г., а доклад из воспоминаний так и не был опубликован.

В отдельных местах книги из-за ошибок расшифровки текст превратился в бессвязный набор слов. К примеру: «Корпус Слащова был в общем на стороне генерала Деникина. Только осведомлен о настроениях офицеров в Крыму. Корпус Слащовым отряд Орлова под влиянием герцога Лейхтенбергского оказались сторонниками Врангеля»[45]. В рукописи же все логично: «Корпус Слащева в общем был на стороне генерала Деникина. Только небольшой отряд из немецких колонистов и разбитый Слащевым отряд Орлова под влиянием герцога Лейхтенбергского оказались сторонником Врангеля»[46].

В книге произвольно менялась номенклатура штабных органов и должностей. В ряде случаев отделения становились отделами[47]. Главноначальствующий в Новороссии стал главнокомандующим в Новороссийске[48] (кстати, должность главноначальствующего в книге менялась на главнокомандующего неоднократно[49]). Брянский металлургический завод стал Брянским железнодорожным[50], тыловые учреждения стали деловыми[51], госпитали Царицына сделались госпиталями Камышина[52], миссия «представительства Донской армии» стала комиссией Донской армии[53], а провозоспособность железной дороги и вовсе превратилась в некую «паровозоспособность» (эта характерная ошибка была одним из маркеров того, что публикаторы не имели какого-то иного отредактированного самим Махровым оригинала рукописи)[54].

Поведение ряда генералов на совещании с Деникиным в марте 1920 г. произвело на Махрова гнусное впечатление, тогда как в книге расшифровано как «грустное»[55]. С искажением цитировался и приказ генерала А.И. Деникина, посвященный генералу П.Н. Врангелю[56]. Старшие войсковые начальники, отрешившие в феврале 1920 г. от командования генерала А.А. Павлова, превратились в безвестного «старшего войскового начальника»[57]. Весной 1919 г. Севастополь был объявлен на осадном положении, а в публикации расшифровано – на особом[58], хор

[44] Там же: 199.
[45] Там же: 150.
[46] BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. Тетрадь № 6: 488.
[47] Махров 1994: 69, 71, 91, 102, 139.
[48] Там же: 149.
[49] Там же: 104, 149, 150.
[50] Там же: 38.
[51] Там же: 80.
[52] Там же: 81.
[53] Там же: 189.
[54] Там же: 101.
[55] Там же: 199.
[56] Там же: 104.
[57] Там же: 136.
[58] Там же: 35.

трубачей у поезда генерала П.Н. Врангеля стал духовым оркестром[59], беззубый рот генерала Я.А. Слащева стал безусым[60] и даже маленькие усики брата хозяйки квартиры Махрова почему-то превратились в пышные[61]. Этот список можно продолжать.

В исторических источниках значение может иметь практически каждое слово, поэтому произвольно вмешиваться в текст документа, даже с целью литературного редактирования, недопустимо. П.С. Махров во время написания мемуаров находился уже в преклонном возрасте, иногда бывал избыточно многословен и косноязычен (например, встречаются выражения «население жителей», «настроении духа войск», «проявлял акты активности и доблести»), допускал повторы. Такие обороты в издании 1994 г. подвергались литературному редактированию, но именно литературная обработка, наряду с другими видами редакторского вмешательства в текст источника, нередко приводила к искажениям, утрате деталей или к появлению новых, отсутствовавших в рукописи.

Научный военно-морской кружок, существовавший в белом Крыму в 1920 г., стал «научным военным»[62]. Фраза «было около 5 часов дня» превратилась в «было уже поздно»[63]. Очевидно, что в каком-то случае такие детали могут иметь принципиальное значение. В книге читаем: «В это время брожение во флоте уже несколько улеглось»[64], а у Махрова в рукописи нечто противоположное: «В это время брожение во флоте еще не вполне улеглось»[65]. О внешности генерала В.И. Сидорина читаем: «Весь его облик вызывал симпатию»[66]. В рукописи же речь о том, что у генерала были живые и симпатичные глаза. Описание почетного караула, встречавшего Деникина в Новороссийске, в книге следующее: «Одеты они были в очень поношенные мундиры, но выглядели тем не менее аккуратными и подтянутыми и производили хорошее впечатление»[67]. В рукописи текст совсем другой: «Одеты они были в очень поношенные мундиры, но чистые и подбодренные. Вид они производили отличный…»[68] Откуда публикаторы книги 1994 г. взяли дополнительные детали, остается только гадать. Новые подробности появлялись и в других случаях. Например, полковник Б.В. Гонтарев, по характеристике Махрова, «человек серьезный и наблюдательный»[69], в книге стал

[59] Там же: 64.
[60] Там же: 208.
[61] Там же: 44.
[62] Махров 1994: 148.
[63] Там же: 67.
[64] Там же: 157.
[65] BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. Тетрадь № 6: 512.
[66] Махров 1994: 161–162.
[67] Там же: 168.
[68] BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. Тетрадь № 6: 557.
[69] BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. Тетрадь № 5: 382.

человеком «с развитым чувством ответственности»[70]. Эти примеры можно продолжать.

Наконец, третий установленный нами вид искажений рукописного текста – вмешательства цензурного характера – был, очевидно, продиктован стремлением улучшить реноме мемуариста и белых в целом, что, видимо, казалось публикаторам актуальным в первые постсоветские годы, когда готовилось издание. Так, в рукописи присутствует антисемитская фраза о крымском политическом деятеле еврейского происхождения М.М. Винавере: «Он был, если не единственный, то один из порядочных, честных и благородных евреев в России»[71]. При публикации она превратилась в нейтральную: «Это был один из самых порядочных, честных и благородных евреев в России»[72]. Были убраны и другие антисемитские высказывания самого мемуариста, его родных и сослуживцев[73].

Из книги исчез целый абзац[74] с описанием строительства укреплений в Крыму, ставшего коммерческим предприятием, в том числе для видного политического деятеля белого Юга А.В. Кривошеина. Исчезло упоминание хищений со стороны некоторых старших начальников Крымско-Азовской Добровольческой армии[75]. Полностью исчезли отрывки воспоминаний о коррупции в кругу гвардейских офицеров[76] и о бегстве гвардейского отряда из войск генерала Н.Н. Шиллинга[77]. При описании эвакуации штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии в Феодосию исчезло описание грабежей местного населения охраной командующего[78]. Не вошел в издание и резко критический рассказ брата мемуариста о том, как генерал П.Н. Врангель в начале 1920 г. в Новороссийске руководил оборонительными работами[79]. Помимо этого, были удалены рассуждения Махрова о непорядочности Врангеля[80], а также о его интриганстве[81].

Не попали в книгу и свидетельства генерала П.А. Кусонского о разложении Донской армии. Исчез рассказ о пьянстве генерала А.А. Боровского и его брата, а также о безобразиях последнего[82]. Были удалены объемная и яркая характеристика генерала А.И. Деникина[83] и даже характеристика брата мемуариста В.С. Махрова – отца одного из

[70] Махров 1994: 116.
[71] BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. Тетрадь № 1: 18.
[72] Махров 1994: 22.
[73] Там же: 74, 97.
[74] Там же: 24.
[75] Там же: 30.
[76] Там же: 31.
[77] Там же: 41–42.
[78] Там же: 34.
[79] Там же: 124.
[80] Там же: 151, 152.
[81] Там же: 202.
[82] Там же: 50.
[83] Там же: 51.

участников публикации 1994 г.[84] Причина удаления последней, видимо, в том, что в оригинале воспоминаний В.С. Махров рассказывал брату о жестоком подавлении большевистского восстания в Керчи весной 1919 г. и описывал бессудные расправы белых. Описания жестокостей и произвола белых исчезли и из других мест книги. В нее не вошло описание повешения коменданта станции Царицын-Южный[85] или натуралистичные описания белого террора в период конного рейда генерала К.К. Мамантова[86]. Исчезло и важное объяснение мотивов бессудных убийств пленных коммунистов, оставленное полковником С.Я. Соболевским: «Таких случаев у меня было несколько, и я не испытывал угрызения совести… Я убежден был, что если бы я попал к ним в лапы, меня постигла бы еще худшая участь: прежде, чем убить, они меня замучили бы…»[87]. Не вошли в книгу рассуждения мемуариста о садизме генерала В.Л. Покровского[88]. Не попала в книгу также эпическая сцена, когда начальник штаба Кавказской армии генерал П.Н. Шатилов бегал по крышам вагонов и сгонял ехавших там казаков при помощи нагайки, а командующий армией генерал П.Н. Врангель наблюдал за этой сценой снизу[89]. Подверглись сокращению е описания того, как белые управляли только что занятым Царицыном[90], а также описания тяжелого положения железнодорожников в городе при белых[91].

Часть фрагментов текста произвольно переставлялась публикаторами местами. Были значительно сокращены характеристики генералов В.Е. Вязьмитинова[92], В.Н. Дрейера[93], А.А. Павлова[94], контр-адмирала А.Д. Бубнова[95], брата П.С. Махрова Николая[96], исчезла резкая характеристика полковника А.А. Лампе[97], исчезли характеристики сотрудников Махрова по управлению военных сообщений Кавказской армии[98]. Грубовато-простоватый стиль общения генерала В.Н. Дрейера (фразы вроде «пожрать», «брехать», «припер», «этот черт Деникин» и т.д.) оказался заменен более деликатным.

Исчезло из книги сравнение стиля велеречивых и многословных приказов генерала П.Н. Врангеля с четкими и конкретными распоряже-

[84] Там же.
[85] Там же: 69.
[86] Там же: 96.
[87] BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. Тетрадь № 4: 311.
[88] Махров 1994: 102.
[89] Там же: 69.
[90] Там же: 72.
[91] Там же: 100.
[92] Там же: 51, 55.
[93] Там же: 51–53.
[94] Там же: 130.
[95] Там же: 148.
[96] Там же: 89.
[97] Там же: 58.
[98] Там же: 69.

ниями генерала А.И. Деникина[99]. Кроме того, было исключено объемное описание боев генералов П.Н. Врангеля и С.Г. Улагая на Маныче в мае 1919 г. и описание поиска мемуаристом места службы у белых[100]. Не вошло в публикацию и свидетельство Махрова о признании Деникиным верховной власти адмирала А.В. Колчака[101]. Кроме того, были удалены рассуждения о критическом восприятии генералом Деникиным западных союзников и Запада в целом[102].

А вот, как изменилось в книге по сравнению с рукописью описание неудачного боя Кавказской армии генерала П.Н. Врангеля за Царицын. В книге читаем: «1-го и 2 июня генерал Врангель вел тяжелые двухдневные бои на подступах к Царицыну и потерпел неудачу. Красные подвезли свежие войска и встретили кубанцев Врангеля сильным артиллерийским огнем с судов. Кавказская армия понесла большие потери, в том числе 11 командиров полков и 3 командира бригад были убиты или ранены»[103].

В рукописи же текст совершенно иной: «1-го и 2 июня генерал Врангель вел двухдневный бой на главных подступах к Царицыну со свойственным ему порывом кавалерийского начальника, но без благоразумия офицера Генерального штаба. Несмотря на доблесть войск армии Врангеля, красные нанесли им серьезное поражение, т.к. успели подвести к хорошо укрепленным позициям свежие войска, а сильная артиллерия с судов и суши встретила пластунов и кубанскую конницу страшным огнем. Потери были значительные, только убитыми оказалось свыше тысячи человек. Врангель вынужден был прекратить атаки. Он расплатился дорого за то, что не учел изменившейся обстановки в пользу противника… После этой неудачи ген[ерал] Врангель прислал телеграмму главнокомандующем[у], прося немедленно прислать ему подкрепление, т.е. за время преследования большевиков от Великокняжеской до Царицына части Кавказской армии понесли большие потери: убито было 11 ком[андиров] полков, 3 командира бригады и 5 нач[альников] дивизии»[104].

Как видим, исчезли многие детали, даже критическая оценка действий Врангеля, а данные о потерях его армии (безотносительно их достоверности) оказались скрыты или искажены – если в книге они представлены как потери за два дня боев под Царицыным, то в рукописи – за длительный период. В ряде других случаев в книге не оставалось даже таких произвольно сокращенных описаний, а убирались целые эпизоды.

К числу смысловых сокращений можно отнести и удаление эпизода с обвинениями Врангеля в адрес штаба Деникина в неудаче операции

[99] Там же: 51.
[100] Там же.
[101] Там же: 57.
[102] Там же: 158.
[103] Там же: 57.
[104] BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. Тетрадь № 2: 167.

под Царицыном[105]. Не попал в книгу и развернутый диалог Махрова с генералом В.Л. Покровским осенью 1919 г.[106].

Отметим, что наиболее сильные искажения присущи первой части книги 1994 г. – до периода отступления белых от Камышина к Царицыну включительно. В дальнейшем текст воспоминаний воспроизводился точнее, хотя также с искажениями, ошибками и сокращениями.

Как бы то ни было, вывод неутешителен – на протяжении трех десятилетий историки пользовались и продолжают, сами того не зная, пользоваться, по сути, фальсифицированной публикацией. Одним из первых пострадал рецензент книги 1994 г. В.Г. Бортневский, процитировавший в своем отзыве несколько неточных отрывков. В дальнейшем воспоминания Махрова быстро завоевали популярность у исследователей и неоднократно цитировались в различных публикациях[107]. Тем более, что в книге 1994 г. можно найти немало ярких цитат. Увы, многие из них оказались искажением менее литературной, но подлинной рукописи Махрова, а историки (не исключая и автора этих строк), таким образом, сделались жертвами некачественной публикации.

Искажения в воспоминаниях были обусловлены несколькими факторами: трудностями расшифровки рукописей генерала Махрова; отсутствием у готовившего рукопись к печати племянника мемуариста К.В. Махрова профильной академической подготовки как историка и непониманием того, что в текст источника вмешиваться недопустимо, даже если хочется сделать его более литературным и понятным читателям; а также, что хуже всего, определенной ангажированностью и стремлением не публиковать негативные сведения как о представителях семьи Махровых, так и о Белом движении в целом. По нашей оценке, использовать книгу 1994 г. в качестве достоверной нельзя. Тем не менее, первое издание воспоминаний генерала Махрова привлекло внимание к этому ценному историческому источнику, работа над академической публикацией которого завершается в настоящее время.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (BAR). P.S. Makhrov Collection. Box 4. Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР.

Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М.: Терра, 1992. Ч. 1. 544 с.; ч. 2. 474 с.

Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М.: Айрис-пресс, 2003. Кн. 1. 592 с.; кн. 2. 736 с.; кн. 3. 832 с.

Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. СПб.: Logos, 1994. 304 с.

Махров П.С. В штабе генерала Деникина / публ. Н.Н. Рутыча // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1992. Кн. 3. С. 140–166.

Шатилов П.Н. Записки. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2017. Т. 1. 528 с.; т. 2. 580 с.

[105] Махров 1994: 58.

[106] Там же: 102.

[107] См., напр.: Гагкуев 2012: 302–303, 319–320, 376–377; Ганин 2013: 442, 664, 675–676; Пученков 2017: 26.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бортневский В.Г. В Белой армии генерала Деникина…» (мемуары П.С. Махрова) // Посев. 1994. № 6. С. 110-114. [Bortnevskii V.G. V Beloi armii generala Denikina…» (memuary P.S. Makhrova) (In the White Army of General Denikin..." (memories of P.S. Makhrov)) // Posev. 1994. № 6. P. 110-114].

Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М.: Посев, 2012. 704 с. [Gagkuev R.G. Beloe dvizhenie na Yuge Rossii: Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniya, sotsial'nyi sostav. 1917–1920 gg. ((The White movement in the South of Russia: Military construction, recruitment sources, and social composition. 1917-1920) M.: Posev, 2012. 704 p.].

Ганин А.В. Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 880 с. [Ganin A.V. «Mozg armii» v period «Russkoi Smuty»: Stat'i i dokumenty (The “Brain of the Army” during the “Russian Turmoil”: Articles and documents). M.: Russkii put', 2013. 880 p.].

Пученков А.С. Антон Иванович Деникин – полководец, государственный деятель и военный писатель // Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М.: Айрис-пресс, 2017. Т. 1. С. 5–58. [Puchenkov A.S. Anton Ivanovich Denikin – polkovodets, gosudarstvennyi deyatel' i voennyi pisatel' // Denikin A.I. Ocherki russkoi Smuty (Anton Ivanovich Denikin – military commander, statesman and military writer // Denikin A.I. Essays on the Russian Turmoil). M.: Airis-press, 2017. Vol. 1. P. 5–58].

Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М.: Regnum – Российский архив, 1997. 296 с. [Rutych N.N. Biograficheskii spravochnik vysshikh chinov Dobrovol'cheskoi armii i Vooruzhennykh Sil Yuga Rossii (Biographical handbook of the highest ranks of the Volunteer Army and the Armed Forces of the South of Russia). M.: Regnum – Rossiiskii arkhiv, 1997. 296 p.]

***Ганин Андрей Владиславович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований, Факультет гуманитарных наук, НИУ «Высшая школа экономики»; andrey_ganin@mail.ru*

General P.S. Makhrov Memories "In the White Army of General Denikin", 1994 edition: the nature and causes of distortion of the source

The article analyzes the distortions in one of the important sources on the history of the White Movement in Southern Russia – the memories of a prominent figure of the White Movement in Southern Russia, Lieutenant General P.S. Makhrov (1876-1964) "In the White Army of General Denikin", made during their publication in 1994. Conclusions are drawn about the nature and possible causes of such distortions. According to the author, three types of distortions were made during the preparation of the book: decoding errors, literary editing and censorship interventions. While preparing the academic edition of the memories, the author conducted a complete comparison of Makhrov's manuscript, stored in the Bakhmetevsky Archive of Columbia University in New York, with the book of 1994, revealing all the changes to the original text.

***Keywords:** historiography, source studies, archeography, memories, The Civil War in Russia, the White Movement, general P.S. Makhrov.*

***Andrey V. Ganin,** Dr. Sc. (History), Leading researcher, Institute of Regional Historical Studies, Faculty of Humanities, HSE University, Moscow, Russia; andrey_ganin@mail.ru*

И.А. Бронников, С.И. Белов

СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА ОТНОСИТЕЛЬНО СУЩНОСТИ И КОМПОНЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается вопрос об особенностях научного дискурса о сущности и составных элементах социальной структуры современной России. Тема раскрывается в контексте изучения вопроса о ретроспективной составляющей данной предметной области. Последнее проявляется как через изучение точек зрения относительно возможной архаизации российского общества, так и сквозь призму исторических аналогий между научными представлениями о современном состоянии российского общества и прошлыми этапами его развития. Авторы приходят к выводу, что социальная структура современной России в рамках научного дискурса описывается в рамках тех же нарративов, что и социум Российской империи в конце XIX – XX вв. Последнее представляется закономерным, поскольку представления именно о данном периоде традиционно используются представителями политического и экономического истеблишмента России в качестве основы для конструирования образа сакрального прошлого (в отличие от ориентированных на советский период широких слоев населения), идеализировались и использовались в качестве ориентира для воссоздания многих управленческих социально-экономических практик и институтов.

Ключевые слова: *социальная структура, современная Россия, научный дискурс, поляризация, переходное состояние.*

Социальная структура представляет собой один из наиболее активно исследуемых элементов предметного поля общественных и гуманитарных наук. Повышенный интерес к соответствующей проблематике обусловлен, с одной стороны, тем, что структура общества выступает как один из ключевых факторов, детерминирующих социальное и политическое восприятие, мышление и поведение. Как отмечают представители социологического (или структуралистского) направления в политической науке, социальные структуры выступают в роли основной доминанты, определяющей общественное и политическое поведение индивида. В соответствии с данной концепцией, социальные структуры представляют собой объективно существующие («невоображаемые») устойчивые общности людей, определяющие поведение своих членов за счет использования комплекса гласных и негласных регуляторов, включающего в себя ценностно-смысловые конструкты, формы лицензирования статуса, механизмы одобрения и порицания разных форм поведения[1]. Отдельно следует отметить, что даже критики данного подхода со стороны постструктуралистов отмечали значимость влияния социальных структур на политическое поведение (критика социологического подхода с их стороны сводилась скорее к тому, что данное воздействие носит дискретный, а не перманентный характер в силу изменения устойчивости социальных структур, наличия у индивида множества общественных статусов с мобильной иерархией и ряда иных факторов)[2]. С другой стороны, динамика социальной структуры является одним из

[1] Lazarsfeld 1944; Powell 1984.
[2] Key 1950; Lijphart, 1988.

основных маркеров, используемых для оценки текущего состояния и перспектив развития макросоциальных объектов.

Анализ социальной структуры представляет собой крайне сложную задачу, что связано как с масштабами предмета исследования, так и многообразием подходов к его изучению (в качестве оснований для модели стратификации общества могут использоваться эконометрические показатели, ценностная ориентация, политические предпочтения и иные основания). Последнее превращает проведение систематического обзора исследовательского дискурса относительно сущности и компонентов социальной архитектуры современной России в одно из ключевых направлений в рамках научной разработки соответствующей темы. Особое значение при этом имеет вопрос о ретроспективной составляющей данного дискурса. Внимание к этому компоненту привлекает как значимость образов прошлого в процессе воспроизводства социокультурной идентичности россиян, так и популярность среди исследователей и влиятельных публицистов точки зрения, предполагающей возможность квазиархаизации социальной и политической систем современной России.

В значительной степени высокая степень актуальности заявленной темы обусловлена спецификой ее изученности. Во-первых, необходимо отметить, что большинство исследований, наиболее активно цитируемых в рамках анализа социальной структуры постсоветской России, относятся к периоду 1990-х – начала 2010-х гг. Дальнейшие социальные трансформации и их освещение в научной литературе куда меньше влияют на развитие академического дискурса в рамках заявленной тематики[3]. Во-вторых, в рамках опубликованных в последние годы работ фокус интересов исследователей сместился: ключевое значение придается не характеру изменений социальной структуры, а факторам, детерминирующим этот процесс. Равным образом отмечается увеличение интереса исследователей к «воображаемым сообществам» и ценностной поляризации общества. Помимо позитивных результатов, это дает и негативный эффект как следствие сокращения объема работ, посвященных социальным структурам в традиционном понимании данного термина. При этом научный дискурс относительно социальной структуры российского общества реконструируется преимущественно при помощи использования качественных методов социологии (экспертных интервью), а не концептуализации массива текстов исследований[4]. В-третьих, возникающая таким образом лакуна в системе научных знаний не компенсируется за счет работ зарубежных исследователей. Последние концентрируют внимание на ценностных факторах трансформации структуры российского общества в последние годы в рамках анализа государственной политики идентичности, сравнительно слабо отслеживая результаты соответствующего воздействия. В то же время для данных ра-

[3] Алексеенок, Ухорский 2013: 18–25; Бобков, Одинцова 2012: 20–28; Ермаков 2012: 18–27; Заславская, 2000: 222–235; Сидорина 2005: 49–63; Симонян 2012: 37–48.

[4] Захарченко 2024: 30–37; Лубский, Сериков 2016: 35–42; Ковалевский 2021: 89–93; Синьковская, Малимонов 2017: 8.

бот характерна высокая степень политизации[5]. В особенности это присуще публикациям русскоязычных исследователей-эмигрантов[6].

Отбор исследований, подвергнутых анализу в рамках данной работы, осуществлялся на основании двух признаков: высокая степень цитируемости в системе РИНЦ и наличие у автора основания для концептуализации структуры российского общества в виде значимого массива «длинных рядов» социологических и статистических данных, обладающих высокой степенью репрезентативности. Целью работы является выявление консенсусных элементов в рамках отечественного научного дискурса относительно структуры российского общества.

В первую очередь необходимо упомянуть результаты масштабного исследования, проведенного на основе анализа длинных рядов данных двух мониторинговых исследований («Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» и мониторинг Института социологии ФНИСЦ РАН) авторским коллективом во главе с Н.Е. Тихоновой в 2021–2022 гг. Изыскания показали, что для социальной структуры современного российского общества характерна высокая степень поляризации. Около 40% россиян исследователи отнесли к нижнему классу с учетом особенностей состава жизненных шансов и рисков соответствующих социальных групп. В случае данной категории граждан ее депривация имеет четко выраженную неэкономическую природу: около 60% ее представителей относятся к категории получателей социальных трансфертов (преимущественно – неработающих пенсионеров) и более 26,6% – к группам рабочей силы, не интересующих большинство ресурсных работодателей. Депривация нижнего класса носит не только экономический характер. Помимо наличия трудностей с поддержанием приемлемого уровня материального потребления, для данной социальной группы характерна чрезвычайно низкая степень доступа к информационным технологиям и образовательным услугам. В силу этого обстоятельства в современной России традиционные монетарные инструменты поддержания представителей социальных низов демонстрируют эффективность лишь в краткосрочной перспективе, за счет увеличения показателя текущего потребления. Их использование не может привести к качественным изменениям положения представителей нижнего класса в сложившейся социальной системе[7].

Верхний уровень в иерархии массовых слоев населения России, согласно выводам исследователей, занимает относительно немногочисленная страта, условно обозначаемая как верхний средний класс. К ней относятся обладающие качественным человеческим капиталом руководители и специалисты, высококвалифицированные рабочие, представители малого и среднего бизнеса. Данную группу отличает наличие неха-

[5] Asmolov 2019: 1–22; Bluhm, Mihai 2020: 642–659; Goode 2018: 258–281; Goode, Stroup 2015: 717–739; Hale, Marlene 2020: 585–602; Morris 2016.

[6] Kalinina, Menke 2016: 59–74; Shcherbak 2023: 194–219; Smyth, Soboleva 2014: 257–275; Stepanova 2023: 97–118; Tsygankov 2016: 146–158.

[7] Общество неравных возможностей 2022: 101–104.

рактерных для прочих сегментов среднего класса возможностей и рисков. При этом положение нижнего среднего класса характеризуют такие свойства, как занятие преимущественно рутинным низкооплачиваемым трудом, маловыгодные условия занятости, низкий уровень трудовых прав и высокие риски прекаризации[8]. Общей отличительной чертой среднего класса в современной России, как отмечает авторский коллектив, является высокая стабильность численности его верхнего и среднего сегментов. Наиболее вероятный прогноз трансформации российского среднего класса в долгосрочной перспективе, по мнению исследователей, связан с увеличением поляризации данной социальной группы как следствия развития универсальной тенденции к прекаризации. Последнее рассматривается как основание для перехода государства к проактивной социально-экономической политике, ориентированной на противодействие распространению прекарного труда и поддержку представителей среднего класса слоев, прежде всего посредством создания высокооплачиваемых рабочих мест и развития системы механизмов социальной защищенности граждан, имеющих качественное образование[9].

В работах непосредственно Н.Е. Тихоновой аргументируется позиция, согласно которой процесс формирования в России классовой структуры, характерной для современных рыночных обществ, еще не завершен в силу воздействия ряда факторов. К ним относятся:

- консервация этакратической модели развития (предполагающей интеграцию властных отношений и отношений собственности);
- крупные диспропорции в развитии различных отраслей экономики, субъектов федерации и типов поселений, стимулирующие процесс формирования неклассовых видов социальных неравенств;
- несформированность национальных рынков труда и человеческого капитала;
- сохранение гипертрофированного государственного сектора экономики[10].

В то же время исследователь акцентирует внимание на том, что с середины 2000-х гг. основные статистические показатели, описывающие базовые характеристики модели социальной структуры России, остаются преимущественно неизменными. Последнее косвенно свидетельствует о том, что в целом процесс формирования новой модели социальной структуры России близок к завершению[11].

Н.Е. Тихонова отмечает, что процессы социальной мобильности в российском обществе в последние десятилетия отличает существенное количественное преобладание аутсайдеров по отношению к бенефициарам (к первой категории относится приблизительно треть россиян, ко второй – 3–5% населения). Последнее обусловлено тем, что восходящая мобильность в период 1990-х – первой половины 2000-х гг. проявлялась преимущественно в случае представителей группы, относившейся в со-

[8] Термином «прекаризации» в данном случае обозначен процесс присоединения к социальной группе, представители которой не имеют постоянной работы, устойчивого заработка и социальных гарантий, которые обеспечивают государство и работодатели.
[9] Общество неравных возможностей 2022: 101–104.
[10] Тихонова 2014: 355–367.
[11] Тихонова 2014: 355–367.

ветский период к высокоресурсным общественным стратам. В случае представителей нижних двух третей советского общества восходящая мобильность носила скорее характер исключения, проявлялась преимущественно через использование предпринимательства как канала восходящей социальной мобильности сводилась к проникновению в сегмент малого и, в исключительных случаях, среднего бизнеса. Одновременно фиксируется наличие перманентного и крупномасштабного процесса непрерывных попыток трансформации социального статуса за счет смены профессии, места работы, места жительства с целью занять более высокую позицию в рамках новой системы общественной иерархии.

Н.Е. Тихонова подчеркивает также высокую частоту смены факторов стратификации российского общества. В конце 1990-х гг. среди них основную роль играла работа в государственном или частном секторах экономики, а в середине 2010-х гг. – статус родительской семьи. При этом влияние данного фактора было прямо пропорционально величине статусного положение человека. Последнее свидетельствует о высокой степени межпоколенческой консервации общественных статусов, деградации системы социальных лифтов и интенсификации конкуренции за благоприятные структурные позиции, стимулирующей использование нерыночных механизмов. Тенденцию к росту значимости статуса родителей усиливает то, что образование и прочие характеристики человеческого капитала стали в большей степени опосредоваться фактором его происхождения. В целом в процессе социальной стратификации существенно выросла значимость факторов, обеспечивающих социальное воспроизводство классов, и сократилась значимость детерминант, связанных с индивидуальной активностью. Последнее в значительной степени связано с тем, что уже в середине 2000-х гг. новые статусные позиции перестали образовываться в массовом порядке, а ранее образовавшиеся позиции были замещены на долговременной основе[12].

Согласно подсчетам Н.Е. Тихоновой, к 2014 г. около 60% россиян можно отнести к категориям бедствующих или малообеспеченных. К группе среднеобеспеченных относятся около 20% населения, к обеспеченным – 15%, к высокообеспеченным – 3–5%. Несмотря на рост в 2000-х гг. уровня жизни населения, уже в середине 2010-х гг. депривация в сфере базовых потребностей затрагивала в той или иной степени свыше 80% россиян. Отмечается, что для большей части населения рост текущего потребления чаще всего сопровождается сокращением экономических ресурсов (например, за счет увеличения кредитного бремени), а также стагнацией качества человеческого капитала либо его деградацией. Последнее во многом представляет собой реакцию на снижение на микроуровне потенциала восходящей социальной мобильности, провоцирующее падение мотивации к вложениям в человеческий капитал.

Рост значимости социального происхождения для социальной мобильности отмечают и исследователи, занимающиеся изучением нисходящей траектории данного процесса. В частности, оценивая такой пока-

[12] Тихонова 2014: 355–367.

затель, как риск попадания в состав прекариата, О.И. Шкаратан. В.В. Карачаровский и Е.Н. Гасюкова приходят к выводу, что его значение в современной России зависит преимущественно от социального происхождения человека, связанного с ним культурного капитала, а также объема доступного властного ресурса[13].

Р.Х. Симонян выделяет в качестве долгосрочных последствий реформ 1990-х гг. такие явления, как атомизация социума, эрозия коллективизма, утрата населением традиционных форм солидарности и высокого уровня готовности конструктивно участвовать в процессе социальных преобразований. По мнению исследователя, распространение политической индифферентности и фактическое отчуждение населения от системы публичной власти способствовали деконструкции большинства моделей макросоциальной идентичности и распространению микросоциальных установок: большинство россиян воспринимают себя в первую очередь как представителей ближайшего социального окружения, в первую очередь – малой семьи. Как отмечает Р.Х. Симонян, для значительной части россиян также характерны высокий уровень ностальгии по советскому прошлому и отрицание легитимности реформ 1990-х гг., однако эта солидарность не конвертируется в формирование жизнеспособных массовых структур политического или социального характера[14].

Ситуацию усугубляют последствия структурной деградации экономики, спровоцировавшей сокращение численности и частичную маргинализацию научно-технической интеллигенции и высококвалифицированных рабочих (которые могли выступить в качестве основы для формирования массового среднего класса, активного как экономически, так и политически), а также формирование у значительной части общества негативного политического мифа о социально-культурной неполноценности России, выражающегося в первую очередь через убежденность в неспособности успешно реализовать национальный модернизационный проект и устранить разрыв в развитии с ведущими странами мира. Статистические группы, обозначаемые в настоящее время как российский средний класс, по мнению исследователя, не интегрированы за счет наличия универсальных общественно значимых целей, осознания общих интересов и способности солидарно отстаивать их политически. Конституированию среднего класса препятствует отсутствие значимых гарантий прав собственности, связанное, помимо прочего, с высоким уровнем правового нигилизма. В силу данных обстоятельств средний класс так и не приобрел функцию социального стабилизатора[15].

Высокий уровень социально-экономической поляризации фиксируется не только на уровне массовых общественных групп, но и в пространственном измерении: основная доля бедного населения формируется за счет имеющих детей трудоспособных жителей сельских поселений и малых городов. В то же время фиксируется тренд к постепенному

[13] Шкаратан, Карачаровский, Гасюкова 2015: 99–110.
[14] Симонян 2012: 37–48.
[15] Там же.

и последовательному росту социально-экономической поляризации общества. Также исследователь настаивает на наличии таких факторов трансформации социальной структуры России, как архаизация в формате феодализации (проявляющейся в контексте роста «неравенства возможностей» и демонтажа массовых социальных лифтов) и бюрократизация, т.е. количественная гипертрофия управленческого аппарата.

Некоторые тенденции к архаизации социальной структуры и политической культуры современной России отмечают также О.В. Гаман-Голутвина и С.Г. Кордонский. В первом случае речь идет о последствиях тенденции к квазифеодализации национальной модели элитообразования в 1990-х гг., предполагавшей фактическое слияние власти и собственности[16]. Во втором – о формировании государством квазисословных общественных структур, объединенных функциями обеспечения защиты государства от разного рода угроз и обслуживания нужд соответствующих «охранительных групп». Исследователь выделяет три группы квазисословия – служилую (объединяющее условных силовиков и гражданских служащих), обслуживающую (бюджетники, пенсионеры, работающие по найму), предпринимательскую. Принадлежность человека к конкретному сословию определяется самим государством и, как правило, не сопровождается внутренним рефлексивным отнесением гражданином себя к соответствующей социальной группе[17].

По мнению Т.И .Заславской, процесс трансформации структуры российского общества далек от завершения, и его промежуточные итоги можно обозначить как «олигархическую либерализацию» экономики и «бюрократическую демократизацию» общества. Социальная ситуация постепенно улучшается, но недостаточными темпами, вследствие чего дифференциация общества продолжает расти, прирост оптимизма граждан носит незначительный характер, а инновационная активность общества фиксируется на низком уровне[18]. С.В. Мареева, опираясь на результаты проведенного в 2018 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН общероссийского репрезентативного социологического исследования, что проблема высокого уровня социально-экономической и иных форм неравенства по-прежнему крайне остро воспринимается населением. Потенциал применения неравенств в качестве стимула повышения продуктивности постепенно сокращается в силу снижения толерантности к основаниям поляризации и дифференциации. В контексте сложившейся институциональной среды имеющиеся формы неравенства по большей части воспринимаются гражданами как несправедливые. Фиксируется существенный разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями структуры общества в оценках россиян. Также исследователь делает вывод об увеличении репрезентации запроса на изменение модели социальной структуры в контексте ее «выравнивания» (борьбы с поляризацией). Данный запрос адресован в первую очередь структурам публич-

[16] Гаман-Голутвина 2000: 162–172.
[17] Кордонский, Дехант, Моляренко 2012: 62–102.
[18] Заславская 2024: 128–143.

ной власти, однако оценки эффективности соответствующего направления государственной политики остаются крайне низкими[19].

О.И. Шкаратан отмечает, что образовавшиеся в результате распада советского общества социальные группы выработали собственные жизненные уклады, различия между которыми продолжают углубляться. Как считает исследователь, наблюдается их «капсулирование» (закрепление) в силу фактического сворачивания процесса диффузии в рамках взаимодействия социальных групп. Масштабы социальной мобильности минимизируются, и одновременно среди верхних слоев общества проявляется ориентация на извлечение ренты из достигнутого положения[20].

В.А. Пономарев обращает внимание на то, что для общества постсоветской России характерно формирование общностей не только на основе социально-профессиональной принадлежности, но также посредством т.н. «первичных идентичностей», что связано с актуализацией роли элементарных социальных коммуникаций на фоне кризиса институциональных связей и усложнения задачи поиска новых жизненных ресурсов. Это способствует нестабильности социальной структуры, замене традиционных макросоциальных моделей идентичности амбивалентными и неустойчивыми групповыми солидарностями. В качестве факторов развертывания стратификационных процессов в постсоветском обществе начали выступать нетрадиционные детерминанты, такие как незаконные действия (доступ к коррупционному и криминальному ресурсам) и национальная принадлежность. Экономическая поляризация сопровождается дифференциацией форм поведения, которая, помимо прочего, проявлялась через ценностный разрыв, практики взаимной стигматизации представителями разных полюсов общества и т.д.[21]

В.Н. Бобков и И.Б. Колмаков пришли к выводу о преобладании в структуре российского общества наименее и низкообеспеченных групп (формирующих 63% населения) и лишь незначительной репрезентации средне- (5,4%) и высокообеспеченных (2,2 %) социальных групп[22].

Л.Д. Гудков отмечает в качестве сущностной черты социальной структуры России ее аморфность. По его мнению, данное качество во многом блокирует потенциал модернизационного развития общества, ориентируя население на использование стратегии понижающей адаптации. Ее сущность сводится к приспособлению к нормам поведения, заданным организованной и консолидированной системой публичной власти посредством использования инструментов принуждения. При этом властные институты, в отличие от большей части общества, отличают наличие и осознанность корпоративных интересов[23].

А.Г. Антипьев выделяет в качестве специфического отличия социальной структуры особый характер среднего класса. По мнению иссле-

[19] Мареева 2018: 101–120.
[20] Шкаратан 2018: 6–35.
[21] Пономарев 2007: 74–78.
[22] Бобков, Колмаков 2017: 971–984.
[23] Гудков 2016: 95–125.

дователя, исторически сложившиеся в советский период «традиционные» средние слои исчезли, а занявшие их место структуры существенно отличаются от среднего класса развитых стран мира. Согласно оценке А.Г. Антипьева, в постсоветской России так и не сложились условия, необходимые для формирования полноценного среднего класса, и наиболее четко это выражено в отсутствии у россиян возможности выстраивать свои планы в долгосрочной перспективе[24].

Исследователи отмечают также наличие возможностей трансформации структуры российского общества за счет воздействия факторов, не связанных напрямую с экономическими факторами. Так, авторский коллектив во главе с С.А. Белановским и М.Э. Дмитриевым выделила высокие риски структурализации российского общества на основе ценностного раскола между двумя наиболее многочисленными поколенческими группами – послевоенным поколением бэби-бумеров (носителей традиционно-социальных ценностей) и их детьми, родившимися незадолго до начала или во время «перестройки» (ориентирующимися на ценности модернизации)[25]. Тезис о том, что чрезмерная дифференциация ценностных ориентаций и установок препятствует полноценной консолидации российского общества, также поддержали А.Л. Маршак и Л.В. Рожкова. По мнению исследователей, трансформация социальной структуры России детерминировалась комплексом факторов, среди которых значимую роль играет сочетание разрушения советской ценностно-нормативной системы (выстроенной ранее на основе таких традиционных ориентиров, как справедливость, равенство, коллективизм и т.д.) и незавершенность процесса формирования ее альтернативы. Увеличение поляризации общества, деградация экономики и системы государственного управления существенно деформировали отношение значительной части населения к ценностям, ассоциируемым с западной моделью модернизации и развитием рыночных отношений - свободам и правам человека, демократии, частной собственности и т.д.[26]

Таким образом, авторы большинства исследований, посвященных социальной структуре современной России, выражают консенсусную позицию по ряду позиций. Во-первых, российское общество переживает длительный процесс трансформации, который на текущий момент далек от завершения. Во-вторых, отличительной чертой структуры российского общества на данном этапе его существования является высокая степень поляризации, сочетающаяся с отсутствием развитого среднего класса, способного выступить в качестве стабилизирующего начала. В-третьих, развитие общественной структуры России отличает сочетание тенденций, характерных для социумов, уже прошедших стадию модернизации, с трендами, связанными с частичной архаизацией (либо псевдоархаизацией). В первую очередь речь идет о имитации отдельных институтов сословного общества, вероятно, во многом связанной с мини-

[24] Антипьев 2010: 29–34.
[25] Белановский, Дмитриев, Мисихина, Омельчук 2012: 123–139.
[26] Маршак, Рожкова 2020: 27–39.

мизацией масштабов восходящей социальной мобильности и превращением кровнородственных связей в ключевой фактор закрепления и повышения социального статуса.

Все это позволяет сделать вывод, что социальная структура современной России описывается в рамках тех же нарративов, что и социум Российской империи в конце XIX–XX в. Последнее представляется закономерным, поскольку представления именно о данном периоде традиционно используются представителями политического и экономического истеблишмента России в качестве основы для конструирования образа сакрального прошлого (в отличие от ориентированных на советский период широких слоев населения), идеализировались и использовались в качестве ориентира для воссоздания многих управленческих социально-экономических практик и институтов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алексеенок А.А., Ухорский М.В. Особенности становления и развития социальной структуры современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1 (27). С. 18-25. [Alekseenok A.A., Ukhorskii M.V. Osobennosti stanovleniya i razvitiya sotsial'noi struktury sovremennogo rossiiskogo obshchestva (Features of the formation and development of the social structure of modern Russian society) // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2013. № 1 (27). S. 18-25]

Антипьев А.Г. Современное российское общество и его социальная структур // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2010. Выпуск 1 (1). С. 29-34. [Antip'ev A.G. Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo i ego sotsial'naya struktur (Modern Russian Society and Its Social Structure) // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2010. Vypusk 1 (1). S. 29-34]

Белановский С. А., Дмитриев М. Э., Мисихина С. Г., Омельчук Т. Г. Изменения социальной структуры российского общества и ее политические последствия: попытка прогноза // Мир России: Изменение социальной структуры российского общества и ее политические последствия: попытка прогноза. 2012. Том XXI, №. 1. С. 123-139. [Belanovskii S.A., Dmitriev M.E., Misikhina S.G., Omel'chuk T.G. Izmeneniya sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva i ee politicheskie posledstviya: popytka prognoza (Changes in the Social Structure of Russian Society and Its Political Consequences: An Attempt at a Forecast) // Mir Rossii: Izmenenie sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva i ee politicheskie posledstviya: popytka prognoza. 2012. Tom XXI, №. 1. S. 123-139]

Бобков В.Н., Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 971-984. [Bobkov V.N., Kolmakov I.B. Vyyavlenie sotsial'noi struktury i neravenstva raspredeleniya denezhnykh dokhodov naseleniya Rossiiskoi Federatsii (Identification of social structure and inequality in the distribution of monetary income of the population of the Russian Federation) // Ehkonomika regiona. 2017. T. 13. Vyp. 4. S. 971-984]

Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по критериям доходов и жилищной обеспеченности // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 1 (167). С. 20-28. [Bobkov V.N., Odintsova E.V. Sotsial'naya struktura rossiiskogo obshchestva po kriteriyam dokhodov i zhilishchnoi obespechennosti (Social structure of Russian society according to the criteria of income and housing provision) // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2012. № 1 (167). S. 20-28]

Гаман-Голутвина О.В. Бюрократия или олигархия? // Куда идѐт Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 162–172 [Gaman-Golutvina O.V. Byurokratiya ili oligarkhiya? (Bureaucracy or oligarchy?) // Kuda idèt Rossiya? Vlast', obshchestvo, lichnost'. M., 2000. S. 162–172]

Гудков Л.Д. Парадоксы социальной структуры в России // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 95–125. [Gudkov L.D. Paradoksy sotsial'noi struktury v Rossii (Paradoxes of social structure in Russia) // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2016. № 1–2. S. 95–125]

Ермаков В.М. Социальная сфера жизни российского общества: сущность, содержание, структура, проблемы // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социо-

логия. 2012. № 9 (1). С. 18-27. [Ermakov V.M. Sotsial'naya sfera zhizni rossiiskogo obshchestva: sushchnost', soderzhanie, struktura, problemy (Social sphere of life of Russian society: essence, content, structure, problems) // Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra. Seriya: Sotsiologiya. 2012. № 9 (1). S. 18-27]

Заславская Т.И. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. Материалы VII Международного симпозиума. Москва, 2000. С. 222-235. [Zaslavskaya T.I. O roli sotsial'noi struktury v transformatsii rossiiskogo obshchestva (On the Role of Social Structure in the Transformation of Russian Society) // Kuda idet Rossiya?.. Vlast', obshchestvo, lichnost'. Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma. Moskva, 2000. S. 222-235]

Захарченко А.В. Социальная стратификация современного российского общества: теоретический аспект // Вестник социологических наук. 2024. Том 2. № 3. С. 30 – 37. [Zakharchenko A.V. Sotsial'naya stratifikatsiya sovremennogo rossiiskogo obshchestva: teoreticheskii aspekt (Social Stratification of Contemporary Russian Society: Theoretical Aspect) // Vestnik sotsiologicheskikh nauk. 2024. Tom 2. № 3. S. 30 – 37]

Заславская Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № S1 (116). С. 128-143. [Zaslavskaya T.I. Postsotsialisticheskii transformatsionnyi protsess v Rossii (Post-socialist transformation process in Russia) // Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2024. № S1 (116). S. 128-143]

Ковалевский А.В. Парадоксы описания социальной статики в современной традиции (философский аспект) // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 6. С. 89-93. [Kovalevskii A.V. Paradoksy opisaniya sotsial'noi statiki v sovremennoi traditsii (filosofskii aspekt) (Paradoxes of describing social statics in the modern tradition (philosophical aspect)) // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. 2021. № 6. S. 89-93]

Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России: Социология, этнология. 2012. № 2. С. 62-102. [Kordonskii S.G., Dekhant D.K., Molyarenko O.A. Soslovnye komponenty sotsial'noi struktury Rossii: gipotetiko-deduktivnyi analiz i popytka modelirovaniya (Class components of the social structure of Russia: a hypothetical-deductive analysis and an attempt at modeling) // Mir Rossii: Sotsiologiya, ethnologiya. 2012. № 2. S. 62-102]

Лубский А.В., Сериков А.В. Патриотизм как базовая структура ментальной матрицы социального поведения в российском обществе // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4 (88). С. 35-42. [Lubskii A.V., Serikov A.V. Patriotizm kak bazovaya struktura mental'noi matritsy sotsial'nogo povedeniya v rossiiskom obshchestve (Patriotism as the Basic Structure of the Mental Matrix of Social Behavior in Russian Society) // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2016. № 4 (88). S. 35-42]

Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Том 9. № 3. С. 101-120. [Mareeva S. V. Sotsial'nye neravenstva i sotsial'naya struktura sovremennoi Rossii v vospriyatii naseleniya (Social inequalities and social structure of modern Russia in the perception of the population) // Vestnik Instituta sotsiologii. 2018. Tom 9. № 3. S. 101-120]

Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Культурная консолидация как инновационная основа развития социальной структуры российского общества // ПОИСК. 2020. №3 (80). С. 27-39. [Marshak A.L., Rozhkova L.V. Kul'turnaya konsolidatsiya kak innovatsionnaya osnova razvitiya sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva (Cultural consolidation as an innovative basis for the development of the social structure of Russian society) // POISK. 2020. №3 (80). S. 27-39]

Общество неравных возможностей: социальная структура современной России. Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: «Весь Мир», 2022. [Obshchestvo neravnykh vozmozhnostei: sotsial'naya struktura sovremennoi Rossii (Society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia). Pod red. N.E. Tikhonovoi. Moskva: «Ves' MiR», 2022]

Пономарев В.А. Трансформация социальной структуры в современной России // Гуманитарные и социальные науки 2007. № 6. С. 74 – 78. [Ponomarev V.A. Transformatsiya sotsial'noi struktury v sovremennoi Rossii (Transformation of social structure in modern Russia) // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki 2007. № 6. S. 74 – 78]

Сидорина Т.Ю. Структура российского общества - вызовы социальной политике // Мир России. Социология. Этнология. 2005. Т. 14. № 4. С. 49-63. [Sidorina T.YU. Ctruktura

rossiiskogo obshchestva - vyzovy sotsial'noi politike (The structure of Russian society - challenges to social policy) // Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya. 2005. T. 14. № 4. S. 49-63]

Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 37-48. [Simonyan R.KH. Reformy 1990-kh godov i sovremennaya sotsial'naya struktura rossiiskogo obshchestva (Reforms of the 1990s and the modern social structure of Russian society) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2012. № 1. S. 37-48]

Синьковская И.Г., Малимонов И.В. Формирование семейных ценностей как основы новой социальной структуры российского общества // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2017. № 25. С. 8. [Sin'kovskaya I.G., Malimonov I.V. Formirovanie semeinykh tsennostei kak osnovy novoi sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva (Formation of family values as the basis for a new social structure of Russian society) // Vestnik Vostochno-Sibirskoi Otkrytoi Akademii. 2017. № 25. S. 8]

Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. [Tikhonova N.E. Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost' (Social structure of Russia: theories and reality.). M. Novyi khronograf: In-t sotsiologii RAN, 2014]

Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 2. С. 6-35. [Shkaratan O.I. Sotsial'no-ehkonomicheskoe neravenstvo v sovremennom mire i stanovlenie novykh form sotsial'nogo rassloeniya v Rossii (Socio-economic inequality in the modern world and the emergence of new forms of social stratification in Russia) // Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya. 2018. T. 27. № 2. S. 6-35]

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110. [Shkaratan O.I., Karacharovskii V.V., Gasyukova E.N. Prekariat: teoriya i ehmpiricheskii analiz (na materialakh oprosov v Rossii, 1994–2013) (Precariat: theory and empirical analysis) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 12. S. 99–110]

Asmolov G. The Effects of Participatory Propaganda: From Socialization to Internalization of Conflicts // Journal of Design and Science. 2019. № (6). P. 1–22.

Bluhm K., Mihai V. Conservative Developmental Statism in East Central Europe and Russia // New Political Economy. 2020. № 4 (25). P. 642–659.

Goode J. P. Everyday Patriotism and Ethnicity in Today's Russia // Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017, edited by Pål Kolstø and Helge Blakkisrud, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 258–281.

Goode J. P., Stroup D.R. Everyday Nationalism: Constructivism for the Masses." // Social Science Quarterly. 2015. №3 (96). P. 717–739.

Hale H. E., Marlene L. Rethinking Civilizational Identity from the Bottom Up: A Case Study of Russia and A Research Agenda // Nationalities Papers. 2020. № 3 (48). P. 585–602.

Kalinina E., Manuel Menke. Negotiating the past in Hyperconnected Memory Cultures: Post-Soviet Nostalgia and National Identity in Russian Online Communities // International Journal of Media & Cultural Politics. 2016. №1 (12). P. 59–74.

Key V. Southern politics in state and nation. New York: Knopf, 1950.

Lazarsfeld P. F., Berselson B., Gaudet H. The people's choice. N.Y.: Columbia U.P., 1944.

Lijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice. Belgium, Canada, Switzerland and South Africa // Electoral Participation comparative analysis. Beverly Hills; L.: Sage, 1988.

Morris J. Everyday Post-Socialism: Working-Class Communities in the Russian Margins. London: Palgrave Macmillan, 2016.

Powell G.B. Contemporary Democracies: Participation, Stability and Violence. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

Shcherbak A. Russia's 'Conservative Turn' after 2012: Evidence from the European Social Survey // East European Politics. 2023. №2 (39). P. 194–219.

Smyth R., Soboleva I. Looking beyond the Economy: Pussy Riot and the Kremlin's Voting Coalition // Post-Soviet Affairs. 2014. №4 (30). P. 257–275.

Stepanova E. Everything Good against Everything Bad': Traditional Values in the Search for New Russian National Idea // Zeitschrift Für Religion, Gesellschaft Und Politik. 2023. №1 (7). P. 97–118.

Tsygankov A. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Turn to Distinct Values." // Problems of Post-Communism. 2016. №3 (63). P. 146–158.

Бронников Иван Алексеевич, *кандидат политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Социально-политический анализ и прогнозирование», Севастопольский государственный университет; ivbronn@gmail.com*
Белов Сергей Игоревич*, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Belov2006s @yandex.ru*

Specificity of scientific discourse on the essence and components of the social structure of modern Russia

The article examines the issue of the specific features of scientific discourse on the essence and components of the social structure of modern Russia. The topic is revealed in the context of studying the issue of the retrospective component of this subject area. The latter is manifested both through the study of points of view regarding the possible archaization of Russian society, and through the prism of historical analogies between scientific ideas about the current state of Russian society and past stages of its development. The authors come to the conclusion that the social structure of modern Russia within the framework of scientific discourse is described within the framework of the same narratives as the society of the Russian Empire in the late 19–20th cc.. The latter seems natural, since ideas about this period are traditionally used by representatives of the political and economic establishment of Russia as a basis for constructing the image of the sacred past (in contrast to the broad strata of the population oriented toward the Soviet period), were idealized and used as a reference point for recreating many managerial socio-economic practices and institutions.

Keywords: *social structure, modern Russia, scientific discourse, transitional state, polarization*

Ivan A. Bronnikov*, PhD (Political Sciences), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University; research laboratory "Socio-political analysis and forecasting", Sevastopol State University; ivbronn@gmail.com*

Sergey I. Belov, *Doctor (Political Sciences), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University; belov2006s@yandex.ru*

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания Севастопольского государственного университета. Проект: «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии», регистрационный номер 1025031000058-9-5.6.1, FEFM-2025-0009.

М.С. Петрова

УНИВЕРСУМ МАКРОБИЯ И ЕГО ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ЗНАНИЯ (О ЗЕМНЫХ И НЕБЕСНЫХ ПОЯСАХ)*

В статье рассматриваются основанные на греческом знании представления Макробия о земных и небесных поясах, изложенные в «Комментарии на ‘Сон Сципиона’» (II, 6–7). Отмечается, что они, с одной стороны, восходят к Кратету из Маллы (II в. до н.э.), с другой, имеют содержательные параллели с материалом из сочинений Гемина (I в. до н.э.), Клеомеда (втор. пол. I–II вв.), Теона Смирнского (перв. пол. II в.), Калкидия (V в. [?]), Марциана Капеллы (V в. [?]), других авторов, вероятно заимствованным Макробием из общих введений, кратких справочников, произведений энциклопедического характера, избегающих сложных уточнений, свойственных александрийской науке. Показано, что такие содержательные сходства не всегда свидетельствует об источниках Макробия; скорее, они указывают на широкое распространение такого знания в его время.

Ключевые слова: Макробий, «Комментарий на “Сон Сципиона”», представления, космография, небо, земля, греко-римское знание.

Космографический раздел Макробиева «Комментария на ‘Сон Сципиона’» (I, 14, 21–II, 9) (V в.), часто переписываемый в Средние века как самостоятельное произведение с тем или иным астрономическим названием[1], включает в себя и главы географического характера (II, 5–9), в которых речь идет о земных поясах (II, 5, 8-21; 6), их сходстве с поясами небесными (II, 7, 1-8; 8), земном климате (II, 7, 9-21), морях и океане (II, 9); антиподах, населяющих противоположную сторону земли (II, 5, 22-36). В целом Макробиева космография содержит в себе довольно много содержательных параллелей с материалом из сочинений Витрувия (ок. 80–70 – п. 13 гг. до н.э.)[2], Гемина (I в. до н.э.)[3], Гигина (I в.)[4], Клеомеда (втор. пол. I–II вв.)[5], Теона Смирнского (перв. пол. II в.)[6],

* Работа выполнена в рамках проекта «Представления о мире и мироздании в историческом контексте и социокультурном развитии европейского общества» (№ 24–18–00349), поддержанного Российским научным фондом.

[1] В основном, в XII в. Этот раздел также обозначался глоссами на полях рукописей. По таким глоссам, а также добавлениям, диаграммам и иллюстрациям сделан вывод о том, что главы, в которых шла речь о космографии, привлекали наибольшее внимание в Средние века (Stahl 1990: 39-42). О влиянии Макробия на картографическую традицию в Средние века (X–XII вв.), см.: Чекин 1999: 87-107; о средневековых географических представлениях в целом, см.: Мельникова 1998: 20-23, 50-51, 58-61, 68-69, 88-91, 96-97, 116-117. О влиянии Макробия на средневековое научное знание, см.: Reade 1926: 790; Gersh 1986: 493-495.

[2] См.: Витрувий. Десять книг... IX / Петровский (пер.) 1936: 165-184). В эпоху Витрувия архитектура охватывала не только предмет возведения зданий и управления процессом строительства, но и многое другое (в современном понимании – материаловедение, физику, химию, экологию, машиностроение, военную инженерию и фортификацию, астрономию и географию).

[3] См.: Гемин. Введение... / Щетников (пер.) 2011: 179-233.

[4] См. Гигин. Астрономия / Рубан (пер.) 1997.

[5] См.: Клеомед. Учение... / Щетников (пер.) 2010: 357-415.

[6] См.: Теон Смирнский. Изложение... / Щетников (пер.) 2009: 471-558.

Калкидия (V в. [?]), Марциана Капеллы (V в. [?])[7], других авторов[8], заимствованным из общих введений, кратких справочников, произведений энциклопедического характера, избегающих сложных уточнений, свойственных александрийской науке[9]. Поэтому такие сходства свидетельствуют не об источниках Макробия; скорее, они указывают на широкое распространение такого знания в его время. Так, у Макробия можно обнаружить утверждения о расположенной в центре вселенной земле, окруженной семью планетарными сферами, вращающимися с запада на восток, которые объемлет небесная сфера (Апланес). Есть сведения и о разном расположении планет[10], их движении, Млечном пути, Зодиаке, небесных арктическом и антарктическом кругах, небесных тропиках и экваторе[11], двух колюрах, меридиане и горизонте[12]. Главы географического характера (II, 5 – 9) логически продолжают Макробиево рассуждение на астрономические темы. Основные положения «концепции» Макробия о земле соответствуют представлениям Кратета из Маллы (II в. до н.э.)[13], сочетаемым со сведениями из сочинений упомянутых выше авторов. Например, Макробий пишет об умеренном, холодном и жарком климате земли, смене времён года в северном и южном ее полушариях, приводит размеры пяти климатических поясов (II, 5, 8-21)[14]; сообщает, что на другой стороне земли обитают антиподы, которые живут в таких же клима-

[7] См.: Марциан Капелла. Бракосочетание... VI, 567-724 (О геометрии); VIII, 803-887 (Об астрономии) / Шахов (пер.) 2019: 221-261; 292-319.

[8] Несмотря на то, что наиболее значимые исследования принадлежат грекам, латинские авторы и их сочинения все же оказали влияние на развитие этой области знания. В их числе Плиний Старший (23–79) и его «Естественная история», Сенека (3 г. до н.э. – 65 г. н.э.) и его «Изыскания о природе», Солин (III в.) и его «Собрание достопамятных вещей». В этих текстах были собраны самые разные (в т.ч. некритические, популярные, невероятные) компиляции из книг по географии (геометрии), ставшие источником многих географических представлений и дальнейших заимствований. Здесь же заметим, что наряду с Макробием на формирование географических представлений оказали влияние Марциан Капелла и Калкидий. Так, у Марциана в его сочинении о свадьбе Филологии и Меркурия», в книге о геометрии (De nupt. VI) изложены не только общие географические сведения, но и математические аспекты этой науки. А Калкидиев перевод части (о мироздании) Платоновского диалога «Тимей» (17a – 53c) и комментарий к нему (Calc. In Tim. 31c – 53c) позволили христианским авторам раннего Средневековья истолковать основные библейские истины с помощью античной науки и «соединить» христианское учение с теориями Платона и его последователей (см. Wright 1925: 18; 43-45; 47-48; Райт / Кабанов [пер.] 1988: указ. место).

[9] См. также: Stahl 1990: 16-20.

[10] См.: Макр. Комм. I, 12, 13; I, 17; I, 19, 1-3. Здесь имеются в виду две концепции о порядке планет: «халдейская» и «египетская». Согласно первой (халдейской) теории, которой впоследствии следовал Цицерон, Солнце занимало четвертое место от небесной сферы, вокруг которого вращались две планеты – Венера и Меркурий; ниже находились Луна и Земля. Согласно второй, которой придерживались египтяне и позднее Платон, Солнце находилось на шестом по порядку месте от Небесной сферы, а именно: Сатурн (1) – Юпитер (2) – Марс (3) – Венера (4) –Меркурий (5) – Солнце (6) – Луна (7) – Земля[(8)]. См. Петрова 2021: 43-45 и примеч. 9; 2007: 230-231; 253-259.

[11] Ср. у Гигина (Астрономия IV, 1-6) о кругах небесной сферы.

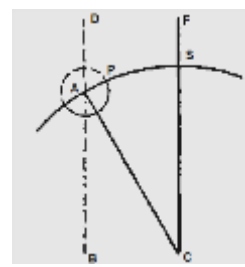
[12] Макробий обсуждает видимый горизонт вместо небесного.

[13] Подробнее, см. Петрова 2025: 25-26, примеч. 13; 26, Илл. 1.

[14] Комментированный перевод этой главы: Историческая география 7 (2025): 35-50.

тических условиях, как и люди в Европе; полагает, что жители известной четверти земного шара никогда не смогут установить контакт с теми, кто обитает в других четвертях земли из-за преграды океана и жаркого пояса; указывает, где Каспийское море соединяется с восточным океаном; уверяет читателей в том, что в Южном полушарии есть море, соответствующее Средиземному (хотя и отмечает, что его точное местоположение навсегда останется неизвестным) (II, 5, 22-36).

У Макробия можно обнаружить не только сведения о том, что диаметр Земли равен 252 000 стадиев[15], но и т.н. разъясняющую методику измерения земных поясов (II, 6), «приспособленную» под это значение. Суть ее в следующем. Поскольку окружность земли, обозначенная *на плоскости* точками A (восток), B (запад), C (север), D (юг) и равная 252 000 стадиев (II, 6, 3), состоит из 60 частей (II, 6, 2), то каждая из таких частей (1 / 60) равна 4200 стадиев (II, 6, 3). Следовательно, половина земли, простираемая через восток (D – A – C), состоящая из 30 / 60 частей окружности земли, равна 126 000 стадиев. Соответственно, четверть земли (A – C) состоит из 15 / 60 частей и равна 63 000 стадиев (Ib.). (Илл. 2).

Илл. 1.
Методика Эратосфена
(Stahl 1990: 251).

[15] Измерение окружности Земли считается достижением Эратос Никейского (276–194 до н.э.). Он установил, что в полдень летнего солнцестояния солнце не отбрасывает тени в городе Сиене (совр. Асуан). Используя полую полусферическую чашу (такую, как описана Макробием [см. Comm. I, 20, 21 sq.]) с вертикальным стилусом или гномоном в центре, он обнаружил, что тень, отбрасываемая в Александрии в летнее солнцестояние, охватывает дугу, составляющую пятидесятую часть окружности сфе-ры, из которой была вырезана чаша. Если полусферические чаши разместить в идеально ровных местах в любой точке земной поверхности, их гномоны всегда будут указывать на центр Земли. Геометрическое доказательство Эратосфена, приведенное Клеомедом (Учение... I, 10, 52-55 / Щетников 2010 [пер.]: 382-383), выглядит так (Илл. 1). Он предположил, что Сиена и Александрия находятся на одном меридиане и на расстоянии 5 000 стадиев друг от друга, а солнце находится так далеко, что все его лучи, падающие на Землю, параллельны. Лучи Солнца, падающие на Сиену (S), если их продолжить, пройдут через центр Земли (C). Пусть DB представляет солнечные лучи, падающие на Александрию (A). Дуги DB и FC параллельны. AC, продолжение гномона в Александрии, становится секущей параллельных прямых, и накрест лежащие углы BAC и ACS, следовательно, равны. В любой окружности длина дуги, опирающейся на центральный угол, пропорциональна величине этого угла. Если дуга, опирающаяся на BAC, составляет 1 / 50 окружности P, то дуга AS составляет 1 / 50 ее окружности. Поскольку расстояние между Александрией и Сиеной было оценено в 5000 стадиев, то, умножив эту величину на 50, он определил, что длина окружности земли составляет 250 000 стадиев. Позже он изменил эту цифру на 252 000 стадиев (см. Страбон. География II, 5, 7 [C 113]; Теон Смирнский. Изложение... 124). В целом, помимо недостатков его инструментария, имели место три ошибки (по-видимому, компенсировавшие друг друга, а не накапливающиеся): Сиена расположена не непосредственно под тропиком Рака, а в 37 милях к северу от него (1); расстояние между Сиеной и Александрией не могло быть точно измерено людьми, которые его измеряли (2); предположение, что земля круглая (3 – не было известно о ее сплющенности и большем диаметре на экваторе). См.: Thalamas1921: 158-159; Tozer 1897: 170-172; Diller 1934: 258-269, а также: Gulbekian 1987: 359-363; Matthew 2023: 81.

Поскольку отрезок, отмеченный точками A – N, обозначает половину жаркого пояса земли и составляет 4 / 60 части земной окружности, что равно 16 800 стадиев, то весь жаркий пояс, соответственно, охватывает 8 / 60 частей и равен 33 600 стадиев (II, 6, 4).

Аналогично, ширина умеренного пояса земли, обозначенная точками N – I, составляет 5 / 60 частей окружности Земли, что равно 21 000 стадиев; ширина холодного пояса земли, отмеченная точками I – C, составляет 6 / 60 частей, что равно 25 200 стадиев (II, 6, 5). Следовательно, A, N, I, C – четверть земного круга: 16 800 (4 / 60) + 21 000 (5 / 60) + 25 200 (6 / 60), что равно 63 000 (15 / 60) и равнозначно другой четверти земного круга, отмеченной точками A – D (т.е. A, L, F, D).

Верхняя половина (D – A – C) (т.е. северное полушарие) охвата Земли равна 126 000 стадиев (30 / 60 частей), как и другая, нижняя, ее половина (D – B – C) (т.е. южное полушарие) (II, 6, 6), также равна 126 000 стадиев. Если же представить землю не на плоскости, а в виде *выпуклой сферы*, то часть, обозначенная точками D – A – C, будет верхней (населяемая нами), а часть, обозначенная точками D – B – C, – нижней (II, 6 7) (с обитающими там антиподами (II, 5, 22-36).

Макробий проводит параллели между небом и землей, утверждая, что небесные пояса[16] по климату схожи с земными[17] (II, 7, 2-3) (см. Илл. 3). Так, сфера неба, обозначенная точками A, B, C, D, заключает в себе сферу земли, отмеченную точками S, X, T, V. По сфере неба проходит северный круг I – O; летний тропический круг G – P, равноденственный [круг] B – A, зимний тропический круг F – Q, южный круг E – R. Зодиак простирается от точки F в точку P. На сфере земли проходят такие же границы поясов в точки N, M, L, K (II, 7, 3-4).

Так, каждая часть земли «заимствует» соответствующее климатическое качество – *умеренность*, *тепло* или *холод* – от части неба, расположенной над ней. А именно: часть нижней сферы неба, обозначенная точками D – R – южный полярный круг неба), находится над соответствующей частью сферы земли, отмеченной точками S – K (южным полярным кругом земли), тем самым охватывая ее холодом.

Часть небесной сферы R – Q (южный умеренный пояс неба) «пропитывает» теплом и холодом умеренный пояс земли, отмеченный точками K – L; часть небесной сферы Q – P (экваториальная зона неба), жаркая, соответствует такой же жаркой земной L – M.

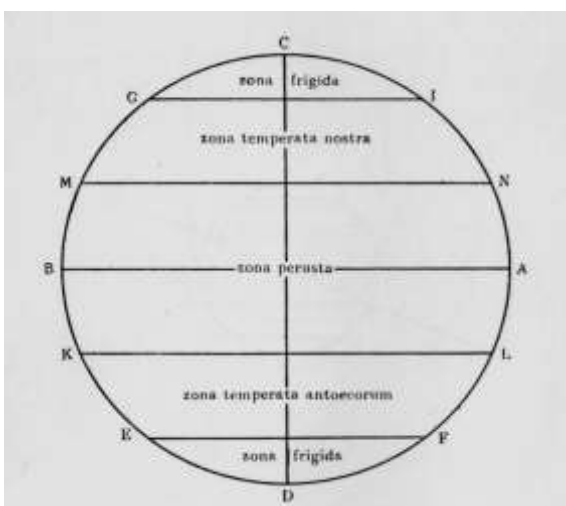
Верхняя часть небесной сферы, обозначенная точками P – O (северный умеренный пояс неба) соответствует такой же умеренной части земли, отмеченной точками M – N. Также и верхняя часть небесной сферы O – C (северный и холодный полярный круг неба) соответствует такой же морозной земной части N – T (II, 7, 4-5). Таким образом, небесные области D – R и C – O – вечно холодные, как и земные, отмеченные точками S – K и T – N; небесное пространство Q – P – жаркое и знойное, как и

[16] Здесь у Макробия пояс / зона (zona), сфера (sphaera) и круг (orbis) синонимичны.
[17] Доказывая это, Макробий традиционно ссылается на Вергилия (см. также: Макр. Комм. II, 8) и Цицерона (Ib. II, 7, 1).

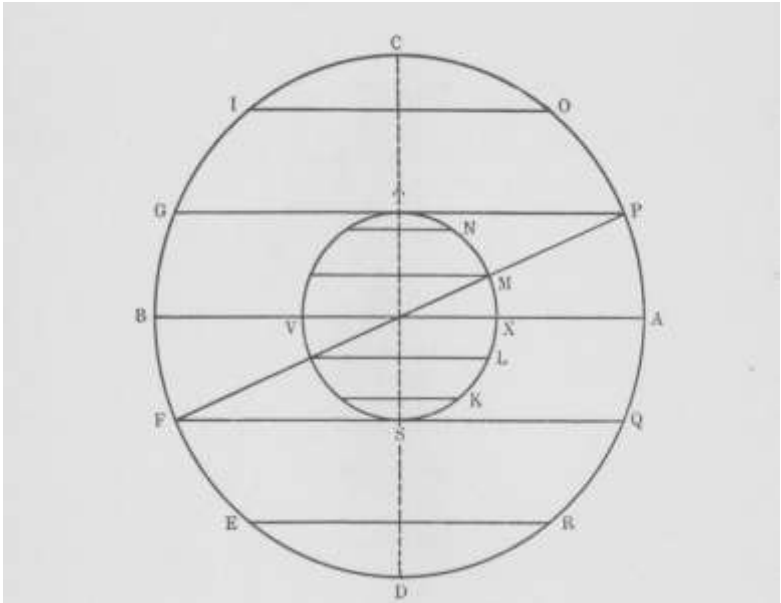
земное, отмеченное точками L – M, а небесные зоны, обозначенные точками O – P и Q – R – умеренные, как и соответствующие земные: N – M и L – K. Круг же равноденствия, проходящий от точки A до точки B, рассекает средний жаркий пояс (II, 7, 6-8) и неба, и земли (Илл. 4).

В заключение приведем развернутый план Макробиева географического изложения (II, 5 – 9) с рубрикацией (по: Willis 1963: 110-116).

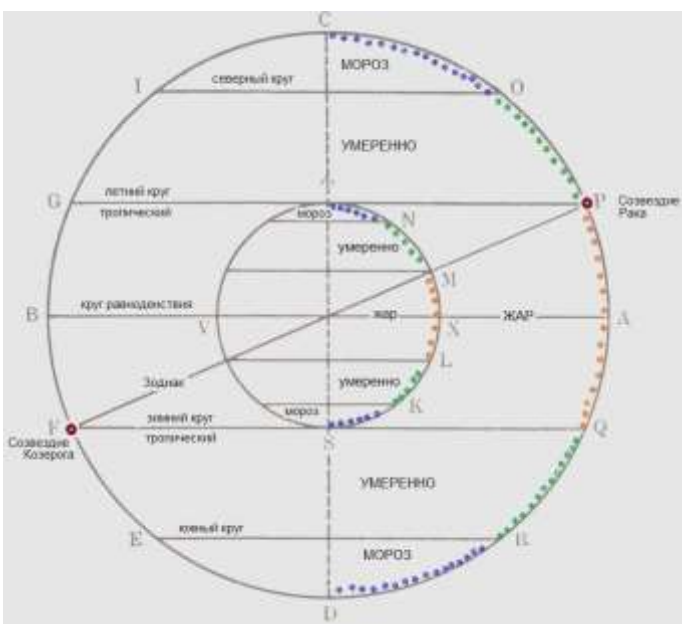
Цитата из «Сна Сципиона» Цицерона	**5**, 1–3
План изложения	4–7
О поясах земли	*8–21*
Пояса земли и климат	8–12
Схема поясов земли	13–15
Две умеренные зоны Земли	16–17
Названия основных мест земли	18–19
О ветрах	20–21
Об антиподах	*22–36*
Симметричность северной и южной зон Земли	22–23
Об обитателях южного полушария	24–27
Теория о четырех обитаемых областях	28–36
Об измерении земных поясов	**6**, 1-7
О небесных поясах	**7**
О сходстве между небесными и земными поясами	1-8
О климате и солнечном курсе	9-21
Объяснение Вергилиева изложения о двух небесных поясах и вращении зодиакальных созвездий	**8**, 1-8
Об Океане	**9**
О притоках Океана и морях	1-3
Об Океане и обитаемых областях	4-7
О месте нашего обитания	8
О малости Океана и Земли	9-10

Илл. 2. Пояса (зоны, области, пространства) Земли (Willis 1994: 165). Zona frigida – холодный пояс; zona temperata nostra –умеренный (наш, обитаемый) пояс; zona perusta – жаркий пояс; zona temperata antoecorum – умеренный пояс (живущих напротив [нас])

Илл. 3.
Небесные и земные пояса
(Willis 1994: 166).

Илл. 4.
Климатическое соответствие земных и небесных зон.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Оригинальные тексты, отсутствующие в перечне, см. в электронных базах данных: Packard Humanities Institute Latin Library texts (PHI 5, CD-ROM edition); Thesaurus Linguae Graecae (TLG) или по имени издателя и названию сочинения в открытом доступе сети Интернет (http://stephanus.tlg.uci.edu [январь, 2025]); Patrologia Latina / Ed. J-P. Migne (PL // CD-ROM edition; http://patristica.net/latina/ #t069. Переводы на русский, английский и др. новоевропейские языки, см. также по соответствующему названию, имени переводчика и времени выхода в свет в любых доступных изданиях, а также в открытом доступе сети Интернет.

Beda. De nat. rer. / Migne 1904. – Beda. De natura rerum / J.-P. Migne // PL 90. 1904. Cols. 187–278.

Beda. De temp. / Migne 1904. – Beda. De temporum ratione / J.-P. Migne // PL 90. 1904. Cols. 293 –578D.

Beda [ps.]. De mundi... / Migne 1904. – Beda [ps.]. De mundi coelestis terrestrisque constitutione liber [incertus] / J.P. Migne // PL 90. Cols. 881–910A.

Calc. In Tim. / Waszink 1962. – Timaeus a Calcidio translatus commentarioque instructus / Ed. J.H. Waszink // Corpus platonicum medii aevi. L. – Leiden: The Warburg Institute, E.J. Brill, 1962.

Diller 1934. – Diller, A. Geographical Latitudes in Eratosthenes, Hipparchus and Posidonius // Klio 27 (1934): 258-269.

Flamant 1977. – Flamant, J. Macrobe et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle. Leiden, 1977.

Gersh 1986. – Gersh St. Middle Platonism and Neoplatonism. The Latin Tradition. V. II. Notre Dame, 1986.

Gulbekian 1987. – Gulbekian, E. The origin and value of the stadion unit used by Eratosthenes in the third century B.C // Archive for History of Exact Sciences. 1987. Vol. 37. Iss. 4: 359-363.

Hon. Aug. De phil. mundi / Migne 1895. – Honorius Augustodunensis. De philosophia mundi libri quatuor / Migne // PL 172: 39 – 102A.

Macr. Comm. /Antolín 2006. – Macrobio. Comentario al “Sueño de Escipión” de Cicerón / Introducción, traducción y notas de Fernando Navarro Antolín. Madrid, 2006.

Macr. Comm. / Armisen-Marchetti 2001–2003. – Macrobe. Commentaire au songe de Scipion / Texte établi, trad. et comm. par M. Armisen-Marchetti [Collection des Universites de France. Série latine, vol. 360]. T. I – Livre I. T. II – Livre II. Paris, 2001–2003.

Macr. Comm. / Neri 2007. – Macrobio. Commento al Sogno di Scipione / Saggio introduttivo de Illaria Ramelle, traduzione, bibliografia, note e apparati di Moreno Neri. Milano, 2007.

Macr. Comm. / Regali 1983–1990 – Macrobio. Commento al Somnium Scipionis / Testo, trad. e note a cura di M. Regali [Biblioteca di studi antichi 38], Lib. I – II. Pisa, 1983–1990.

Macr. Comm. / Willis 1963 / ^{3}1994. – Ambrosii Theodosii Macrobii Commentarii in Somnium Scipionis / Ed. I. Willis. Leipzig, 1963; ^{2}1970; ^{3}1994.

Macr. Opera… / Jan 1848–1852. – Macrobius. Opera quae supersunt / Ed. L. von Jan. 2 vol. Leipzig – Quedlinburg, 1848–1852.

Mart. Cap. De nupt. / Willis 1983. – Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii / Ed. J. Willis. Leipzig, 1983.

Matthew 2023. – Matthew, C.A. Eratosthenes and the Measurement of the Earth's Circumference (c. 230 BC). Oxford University Press, 2023.

Reade 1926. – Reade, W.H.V. Philosophy in the Middle Ages // The Cambridge Medieval History. In 8 vols. Vol. 5: The Contest of Empire and Papacy / Ed. J.R. Tanner, C.W. Previte-Orton, Z.N. Brooke. New York, 1926.

Stahl 1952 / ^{2}1990. – Macrobius. Commentary on the ‘Dream of Scipio’ / Trans. and notes by W.H. Stahl. New York, 1952; ^{2}1990.

Thalamas 1921. – Thalamas, A. La géographie d'Ératosthène. Versailles, 1921: 158-159.

Thomson 1948. – Thomson, J.O. History of Ancient Geography. Cambridge, England, 1948.

Tozer 1897. – Tozer, H.F. A History of Ancient Geography. Cambridge, 1897: 170-172.

Weintrit 2013. – Weintrit, A. So, What is Actually the Distance from the Equator to the Pole? – Overview of the Meridian Distance Approximations // TransNav 7 / 2 (2013): 259-272.

Withers 2017. – Withers, Ch. W.J. “Absurd Vanity”. Zero Degrees. Harvard University Press. 2017.

Wright 1925. –Wright, J.K. The geographical lore of the time of the Crusades. A study in the history of Medieval science and tradition in Western Europe. NY, 1925; ²1965.

Витрувий. Десять книг... / Петровский (пер.) 1936. – Витрувий Марк Поллион. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1936. Кн. 9: 165-184 [Vitruvii Mark Pollion. Desyat' knig ob arkhitekture / Per. F.A. Petrovskogo. M., 1936. Kn. 9: 165-184].

Гемин. Введение... / Щетников (пер.) 2011. – Гемин. Введение в явления / Пер. А.И. Щетникова // ΣΧΟΛΗ 5.2 (2011): 179-233 [Gemin. Vvedenie v yavleniya (Introduction to the phenomena) / Per. A.I. Shchetnikova // ΣΧΟΛΗ 5.2 (2011): 179-233]. – https://classics.nsu.ru/schole/5/5-2-gemin.pdf.

Гигин. Астрономия / Рубан (пер.) 1997. – Гигин. Астрономия / Пер. и коммент. А.И. Рубана. СПб., 1997 [Gigin. Astronomiya (Astronomy) / Per. i komment. A.I. Rubana. SPb., 1997].

Клеомед. Учение... / Щетников (пер.) 2010. – Клеомед. Учение о круговращении небесных тел / Пер. А.И. Щетникова // ΣΧΟΛΗ 4. 2 (2010): 349-415 [Kleomed. Uchenie o krugovrashchenii nebesnykh tel (The doctrine of the rotation of celestial bodies) / Per. A.I. Shchetnikova // ΣΧΟΛΗ 4. 2 (2010): 349-415]. – http://www.astrocabinet.ru/library/Kleomed/kleomed-teoriya-krugovrascheniy-nebesnih-tel.pdf ; https:// classics.nsu.ru/schole/4/4-2-cleom.pdf.

Макробий. Комментарий... / Звиревич (пер.) 2025. – Макробий. Комментарий на Сон Сципиона II, 5 / Пер. В.Т. Звиревича, примеч. М.С. Петровой и В.Т. Звиревича // Историческая география 7. 2025: 35-50 [Makrobii. Kommentarii na Son Stsipiona (Commentary on Scipio's Dream) II, 5 / Per. V.T. Zvirevicha, primech. M.S. Petrovoi i V.T. Zvirevicha // Istoricheskaya geografiya 7. 2025: 35-50].

Макробий. Комментарий... / Петрова (пер.) 2007. – Макробий. Комментарий на Сон Сципиона I, 1–4; 8–13 и 17; II, 12–13 и 17 / Пер. и примеч. М.С. Петровой // Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007: 176-321 [Makrobii. Kommentarii na Son Stsipiona (Commentary on Scipio's Dream) I, 1–4; 8–13 i 17; II, 12–13 i 17 / Per. i primech. M.S. Petrovoi // Petrova M.S. Makrobii Feodosii i predstavleniya o dushche i o mirozdanii v Pozdnei Antichnosti. M.: Krug", 2007: 176-321].

Марциан Капелла. Бракосочетание... / Шахов (пер.) 2019. – Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия / Пер. Ю.А. Шахова / Отв. ред. А.К. Гладков. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019 [Martsian Kapella. Brakosochetanie Filologii i Merkuriya (The Marriage of Philology and Mercury) / Per. Yu.A. Shakhova / Otv. red. A.K. Gladkov. M. – SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019].

Мельникова 1998. – Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М.: Янус-К, 1998 [Mel'nikova E.A. Obraz mira. Geograficheskie predstavleniya v Zapadnoi i Severnoi Evrope. V–XIV veka (The Image of the World. Geographical Concepts in Western and Northern Europe. 5th–14th Centuries). M.: Yanus-K, 1998].

Петрова 2007. – Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007 [Petrova M.S. Makrobii Feodosii i predstavleniya o dushe i o mirozdanii v Pozdnei Antichnosti (Macrobius Theodosius and the concept of the soul and the universe in Late Antiquity). M.: Krug", 2007].

Петрова 2021. – Петрова М.С. Дунгал и Макробий: к вопросу о восприятии античных текстов средневековыми авторами // Диалог со временем 76 (2021): 41-55 [Petrova M.S. Dungal i Makrobii: k voprosu o vospriyatii antichnykh tekstov srednevekovymi avtorami (Dungal and Macrobius: On the Perception of Ancient Texts by Medieval Authors) // Dialog so vremenem 76 (2021): 41-55].

Петрова 2025. – М.С. Петрова. О земле и антиподах: к вопросу об универсуме Макробия // Историческая география 7. 2025: 22-34 [M.S. Petrova. O zemle i antipodakh: k voprosu ob universume Makrobiya (On the Earth and the Antipodes: On the Question of Macrobius's Universe) // Istoricheskaya geografiya 7. 2025: 22-34].

Райт / Кабанов (пер.) 1988. – Райт, Дж. Географические представления в эпоху крестовых походов: исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / Пер. с англ. М.А. Кабанова / Предисл. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1988 [Rait, Dzh. Geografich-

eskie predstavleniya v epokhu krestovykh pokhodov: issledovanie srednevekovoi nauki i traditsii v Zapadnoi Evrope (Geographical Concepts in the Age of the Crusades: A Study of Medieval Science and Tradition in Western Europe) / Per. s angl. M.A. Kabanova / Predisl. A.Ya. Gurevicha. M.: Nauka, 1988].

Страбон. География / Стратановский (пер.) 1964. – Страбон. География (в 17 книгах) / Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратоновского / Под общ. ред. С.Л. Утченко. Л.: Наука, 1964 [Strabon. Geografiya v 17 knigakh (Geography in 17 books) / Per., st. i komment. G.A. Stratonovskogo / Pod obshch. red. S.L. Utchenko. L.: Nauka, 1964].

Теон Смирнский. Изложение... / Щетников (пер.) 2009. – Теон Смирнский. Изложение математических предметов, полезных при чтении Платона / Пер., вст. ст. А.И. Щетникова // ΣΧΟΛΗ 3.2 (2009): 466-558 [Teon Smirnskii. Izlozhenie matematicheskikh predmetov, poleznykh pri chtenii Platona (An exposition of mathematical subjects useful in reading Plato) / Per., vst. st. A.I. Shchetnikova // ΣΧΟΛΗ 3.2 (2009): 466-558].

Цицерон. О государстве / Гореншстейн (пер.) 1966. – Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах / Пер. В.О. Горенштейна, примеч. И.Н. Веселовского и В.О. Горенштейна, ст. С.Л. Утченко / Отв. ред. С.Л. Утченко. М., 1966 [Tsitseron. Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh (Dialogues: On the State. On Laws) / Per. V.O. Gorenshteina, primech. I.N. Veselovskogo i V.O. Gorenshteina, st. S.L. Utchenko / Otv. red. S.L. Utchenko. M., 1966].

Чекин 1999. – Чекин А.С. Картография христианского Средневековья VIII–XIII вв. М.: Вост. литер., 1999 [Chekin A.S. Kartografiya khristianskogo Srednevekov'ya VIII–XIII vv. (Cartography of the Christian Middle Ages. VIII–XIII centuries). M.: Vost. liter., 1999].

***Петрова Майя Станиславовна**, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, зав. Отделом историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; директор АНО «Институт междисциплинарных исследований науки и образования» (Москва), beionyt@mail.ru*

Macrobius' Universum and his Dependence on Previous Knowledge (on the Terrestrial and Celestial Zones)

The paper examines Macrobius' ideas on the terrestrial and celestial belts, based on Greek knowledge, as set out in the "Commentary on the Dream of Scipio" (II, 6 – 7). It is noted that, on the one hand, they go back to Crates of Mallus, while on the other hand, they have substantial parallels with material from the works of Geminus, Cleomedes, Theon of Smyrna, Calcidius, Martianus Capella, and other authors taken by Macrobius from general introductions, brief reference books, and encyclopedic works that avoid the complex clarifications typical of Alexandrian science. It is shown that such similarities do not always indicate Macrobius' sources; rather, they reflect the widespread prevalence of such ideas during his lifetime.

***Key words*:** Macrobius, Commentary on the Dream of Scipio, ideas, cosmography, Greco-Roman knowledge.

***Petrova Maya**, DrSc (in History), Chief Researcher, Head of the Department of Historical and Theoretical Research, RAS Institute of World History; Director, Autonomous Non-Profit Organization "Institute for Interdisciplinary Research of Science and Education" (Moscow), beionyt@mail.ru*

МАКРОБИЙ

КОММЕНТАРИЙ НА «СОН СЦИПИОНА» (II, 6 – 7)[**]

[*ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ. Продолжение*[1]]

ГЛАВА 6.

[ОБ ИЗМЕРЕНИИ ЗЕМНЫХ ПОЯСОВ]

1. Остаётся, чтобы мы сообщили о пространствах самой Земли – сколько [их] подходило для обитания, сколько [их] было не возделано, то есть каким является размер каждого в отдельности пояса. Чтобы ты[2] легко это (quod) распознал, тебе нужно вернуться к описанию круга Земли, которое немного раньше мы [уже] приложили [к нашему труду][3], чтобы посредством меток [из] приписанных букв более ясно излагалось понимание размеров [поясов Земли].

2. Всей Земли круг, то есть окружность, которая замыкает полный [её] охват, которой были приписаны [точки] A, B, C, D, была разделена на шестьдесят частей теми, кто ее измерил.

3. Весь же охват [Земли] равен двести пятьдесят две тысячи стадиев[4], следовательно, каждая в отдельности шестидесятая [часть Земли] простирается на четыре (quaternis) тысячи двести (ducenis) стадиев. И [тогда], без сомнения, его половина, которая простирается от [точки] D через восток, то есть через [точку] A[5] вплоть до [точки] C, имеет тридцать шестидесятых [частей] и сто двадцать шесть тысяч стадиев; четвёртая же [его] часть, которая находится от [точки] A вплоть до [точки] C, которая начинается с середины жаркого [пояса], имеет пятнадцать шестидесятых [частей окружности] и шестьдесят три тысячи стадиев. После того как [теперь] приведено измерение этой четвёртой части [земной окружности], будет установлен полный размер всего охвата [земли][6].

[**] Перевод с латинского В.Т. Звиревича, под общ. ред М.С. Петровой; примечания М.С. Петровой и В.Т. Звиревича [помечены*]. Перевод выполнен по: Willis 1963, с учетом: Jan 1848–1852. Для сверки перевода и его редактирования использованы упомянутые издания, а также: Stahl 1952; Regali 1983–1990; Armisen-Marchetti 2001–2003; Antolín 2006; Neri 2007. При составлении примечаний авторы в основном следовали перечисленным выше работам, а также другим, приведенным в библиографическом разделе. Перевод ставит целью наиболее точно передать текст Макробия, воспроизвести стиль его рассуждений, адекватно передать термины и понятия, которыми он оперировал. Рубрикация текста по абзацам: Willis 1963; разбивка на тематические фрагменты по: Flamant 1977: 315; Antolín 2006: 89-108; Петрова 2007: 323-324.

[1] Комментированный перевод пятой главы, открывающей географическое изложение Макробия, см.: Историческая география 8. 2025: 35-50.

[2] Макробий обращается к своему сыну, которому посвящает сочинение.

[3] См. Макр. Комм. I, 1, 1 / Петрова (пер.) 2007: 176-177.

[4] Стадий – единица измерения длины / расстояний в древних системах мер многих народов, равная приблизительно 150-200 м.

[5] (*) Здесь приведена конкретизированная разметка окружности земли: точка A – восток, восход солнца; согласно его движению, точка D – юг, полдень; точка B – запад, заход солнца; C – север.

[6] О методе Гиппарха Никейского (190–120 гг. до н.э.) рассматривать весь земной шар с учетом размеров известной четверти, см. у Страбона (География II, 5, 7): «С этим согласуется и сообщение Гиппарха. Он говорит, что, приняв в виде гипотезы величину земли, установленную Эратосфеном, должно затем вычесть из нее величину

4. Итак, от [точки] A вплоть до [точки] N, каковое [расстояние] является половиной жаркого [пояса], содержится (habet) четыре шестидесятых [части], которые составляют (faciunt) шестнадцать тысяч стадиев вместе с прибавлением [ещё] восьмисот [стадиев]. Следовательно, весь жаркий [пояс] имеет (est) восемь шестидесятых [частей] и содержит тридцать три тысячи стадиев и сверх того [ещё] шестьсот [стадиев].

5. Ширина же нашего пояса, который является умеренным, то есть [промежуток] от [точки] N вплоть до [точки] I, имеет пять шестидесятых [частей], которые образуют двадцать одну тысячу стадиев. И пространство холодного [пояса] от [точки] I вплоть до [точки] C имеет шесть шестидесятых [частей], которые содержат двадцать пять тысяч двести стадиев[7].

6. По этой четвёртой части круга Земли, размер которой мы выразили очевидным образом, ты узнаешь величину другой четвёртой части от [точки] A вплоть до [точки] D посредством одинаковой разметки [их] величин. Следовательно, когда ты узнаешь, сколько [частей и стадиев] содержала бы поверхность сферы, которая имеется на всей, принадлежащей нам половине [Земли][8], ты равным образом будешь наставлен относительно также нижней [ее] половины, то есть [пространства] от [точки] D через [точку] B вплоть до [точки] C[9].

7. Ведь потому что прежде круг Земли мы изобразили на плоскости, а выразить на плоскости выпуклость сферы [относительно] центра (medium) мы не можем, нам пришлось позаимствовать представление [о её] высоте от окружности, которая кажется скорее горизонтом (horizon), чем меридианом[10]. Впрочем, я хочу, чтобы ты воспринял умом то, что мы представили это измерение так, как будто бы (tamquam) часть Земли от [точки] D через [точку] A вплоть до [точки] C была верхней — [это] часть, которую мы населяем; а (et) часть земли от [точки] D через [точку] B вплоть до [точки] C считалось бы нижней.

обитаемого мира... Так как, по Эратосфену, экватор составляет 252 000 стадиев, то 1/4 его равна 63000 стадиев, а это и есть расстояние от экватора до полюса, именно 15/60 из 60 частей, на которые делится экватор. Расстояние же от экватора до зимнего тропика равно 4/60; зимний тропик есть параллель, проведенная через Сиену. Таким образом, отдельные расстояния определяются единицами измерения с очевидностью обнаруживающимися на небе» (пер. Г.А. Стратановского, с изм.).

[7] Приведенные Макробием размеры ширины зон совпадают с указанными Гемином (Введение... 5, 45-46; 16, 7-8) и Теоном Смирнским (Изложение... 202-203). Ср. также: Страбон. География II, 5, 7; II, 1, 13; Beda (ps.). De mundi… / Migne 1904 (PL XC): 883.

[8] (*) Это северное полушарие, описанное *выше* (Комм. II, 5, 3-5); оно «поднимается» от точки A до точки C через точки N и I.

[9] (*) Здесь размечено южное полушарие движением вниз от точки A к точке D и B; затем следует переход в северное полушарие к точке C.

[10] В географии меридиан – это линия, соединяющая точки с одинаковой долготой, которая представляет собой угол (в градусах или других единицах измерения) к востоку или западу от заданного нулевого меридиана, т.е. это координатная линия для долгот; линия долготы. Положение точки на меридиане с заданной долготой определяется её широтой, измеряемой в угловых градусах к северу или к югу от экватора. Если предположить, что Земля имеет форму шара, то меридиан – это большой полукруг на поверхности Земли. Если вместо сфероидальной или эллипсоидной модели Земли использовать меридиан, то он будет представлять собой половину большого эллипса с севера на юг. См. также: Withers 2017: 25-72; Weintrit 2013: 259-272.

ГЛАВА 7

[О НЕБЕСНЫХ ПОЯСАХ

О сходстве между небесными и земными поясами]

1. Так как [и] это также изложение получило своё (proprium) завершение, давайте теперь утвердим то, что [прежде] мы обещали одобрить (probandum), [а именно], что эти пояса и Марон хорошо выделил на небе, и Цицерон — хорошо на земле, и что тот и другой говорили не [нечто] расходящееся, но согласное и одно и то же.

2. Ведь природа неба распределила эту умеренность и чрезмерность [тепла и холода] по различным частям Земли, и качество или холода, или тепла, которое однажды было придано каждой части эфира, точно так же пропитывает [соответственно ту] часть земли, на которую [он] сверху взирает, огибая [её][11].

3. И потому что эти различия [тепла и холода], которые ограничиваются точными пределами, назвали поясами на небе, становится необходимым, чтобы [и] здесь также воспринималось столько же поясов, подобно тому как, когда на самом маленьком зеркале показывается большое (ingens) лицо, [его] части или черты удерживают в тесном пространстве [тот] порядок, который перенесла [его] собственная величина в действительности (in vero). Но здесь также мы уменьшим труд признания [того], о чём говорится, подставляя взору рисунок.

4. Пусть же будет сфера Неба [с точками] A, B, C, D, и пусть она заключает внутри себя сферу Земли, которой приписаны [точки] S, X, T, V, и пусть проводится на сфере Неба северный круг от [точки] I вплоть до [точки] O; летний тропический [круг] — от [точки] G в [точку] P; и равноденственный [круг] — от [точки] B в [точку] A; и зимний тропический [круг] — от [точки] F в [точку] Q; и южный [круг] — от [точки] E в [точку] R. Но и Зодиак проводится от [точки] F в [точку] P; с другой стороны, на сфере Земли проводятся также границы поясов, которые выше мы описали[12], в [точку] N, в [точку] M, в [точку] L, в [точку] K[13].

5. После того как это [уже] обрисовано, без затруднения будет установлено, что каждая в отдельности часть земли заимствует качество касательно чрезмерности или умеренности [тепла и холода] от каждой в отдельности части неба, расположенной над [её] собственной верхушкой. Ибо то, что находится вверху[14] от [точки] D вплоть до [точки] R[15], смотрит сверху [на пояс] земли от [точки] S вплоть до [точки] K[16]; и то, что находится на небе от [точки] R вплоть до [точки] Q[17], пропитывает [теплом и холодом пояс] земли от [точки] K вплоть до [точки] L; и [то], что есть на небе от [точки] Q вплоть до [точки] P[18], такое [же оно] создаёт на земле от [точки] L вплоть до [точки] M; и какое есть вверху от [точки] P вплоть до [точки] O[19], такое [же есть] на

[11] Ср. Клеомед. Учение... I, 2 / Щетников (пер.) 2010: 362-363.
[12] См. *выше*, Комм. II, 6.
[13] Ср. глоссу к De natura rerum 47 Беды (PL XC: 267-268 / Migne).
[14] (*) То есть на небе.
[15] (*) Южный полярный круг неба.
[16] (*) Южный полярный круг земли.
[17] (*) Пространство южного умеренного пояса неба.
[18] (*) Экваториальная зона неба.
[19] (*) Пространство северного умеренного пояса неба.

земле от [точки] M вплоть до [точки] N; и какое [есть] там от [точки] O вплоть до [точки] C[20], такое [же] есть здесь от [точки] N вплоть до [точки] T.

6. Суть также [и] в эфире обе оконечности [небесной сферы], то есть [пространство] от [точки] D вплоть до [точки] R и от [точки] C вплоть до [точки] O, скованные (densetae) вечным морозом, потому [и] на земле также имеет место [подобное] от [точки]S вплоть до [точки] K и от [точки]T вплоть до [точки] N. Опять [же] на небе [пространство] от [точки] Q вплоть до [точки] P пылает чрезмерным жаром, потому также и на земле от [точки] L вплоть до [точки] M равным образом имеет место зной. Суть также на небе [пояса] умеренности от [точки] O вплоть до [точки] P и от [точки] Q до [точки] R, потому также и здесь суть умеренные [пояса] от [точки] N до [точки] M и от [точки] L до [точки] K. Равноденственный же круг, который был проведён от [точки] A вплоть до [точки] B, рассекает средний опалённый [пояс].

7. И [то], что сам Цицерон знал, что земные пояса пропитываются [теплом и холодом] небесными [поясами], обнаруживается из его слов. Ибо он говорит: **«...ты видишь... [Земля охвачена… как бы поясами], два из которых, наиболее удалённые один от другого и с обеих сторон упирающиеся в вершины, скованы льдами»**[21]. Это вот свидетельствует, что крайний холод бывает от неба.

8. Равным образом также говорит он о зное среднего [пояса] (fervor medio): **«средний же и наибольший пояс высушивается жаром Солнца»**[22]. Следовательно, когда он ясно обозначил, что и мороз от верхушек неба, и жар от солнца приходят на пояса земли, он показал, что они[23] те же самые пояса установили прежде на небе.

[*О климате и солнечном курсе*]

9. Так как ныне установлено, что на небе и на земле есть одни и те же зоны или пояса – ведь это суть два имени одной вещи – теперь нужно сказать [о том], какая причина производит в эфире это различие качества [тепла и холода].

10. Жаркий [пояс] замыкается двумя тропическими [кругами], то есть летним от [точки] G до [точки] P и зимним от [точки] F до [точки] Q. От [точки] же F в [точку] P при описании [сферы неба] мы провели зодиак, следовательно, знак P пусть считается упомянутым тропическим [созвездием] Рака, и знак F [пусть считается созвездием] Козерога. С другой стороны, установлено, что солнце не продвигается ни вверх за пределы Рака, ни вниз за пределы Козерога, но тотчас возвращается, после того как подошло к границам тропических [кругов], откуда и [эти границы] называются солнцестояниями.

11. И потому что летний тропический [круг] является границей нашего умеренного [пояса], потому, когда солнце пришло бы к самому концу [тропического круга], оно создаёт у нас летнее тепло, в соседстве [же с собой] сжигая с очень большим пылом (sensu) [всё] лежащее ниже. Не может подлежать сомнению, что как раз тем временем к южному племени [людей] возвращается зима, потому что тогда солнце отступает от них на всём пространстве своего пути. Наоборот, когда оно пришло бы к [точке] F, то есть к [со-

[20] (*) Северный полярный круг.
[21] Цицерон. О государстве VI, 20 (21) / Горенштейн (пер.) 1966.
[22] Там же.
[23] То есть создатели представления о пяти поясах. В тексте hos; ср. в англ. пер.: he (он).

звездию] Козерога, оно создаёт у нас зиму вследствие своего отступления, а (et) к ним приводит лето вследствие близости [своего расположения][24].

12. Здесь нужно заметить, что солнце заглядывает (ingredi) во всякую комнату (aedem) только с трёх направлений, с четвёртого [же] – никогда. Ибо окно впускает солнце и с востока и с запада, которое оно, естественно, встречало бы (prospectet) восходящим и заходящим; и с юга оно [его] впускает, потому что весь путь солнца находится на нашем юге, как наставляет [наше] зрение предпосланное [выше] описание; но северное (septenrtionis) окно никогда солнце не принимает, потому что солнце никогда не подходит от знака Р к [знаку] О, но всегда отступая от [знака] Р, никогда не достигает пределов северного полюса, и потому луч солнца никогда не распространяется по этому направлению.

13. [Чтобы] укрепить одобрение того же обстоятельства, будет достаточно [обратиться] также [к] тени какого-нибудь тела. Ибо она падает и на запад при восходе солнца, и на восток, когда бывает [его] закат. В середине же дня, потому что солнце достигает юга, тень отбрасывается на север, на юг же чтобы падала тень какого-либо тела, в области нашего обиталища является невозможным, потому что тень всегда отбрасывается в сторону, противоположную солнцу. Однако противоположным югу солнце у нас быть не сможет, так как оно никогда не достигает северных пределов.

14. [Но] действительно, так как та часть жаркого [пояса], которая является соседкой умеренного [пояса], допускает обитателей, там, то есть за пределами тропического [круга], какие ни обитаются [ими] пространства, они[25] бросают тень на юг в то время, в какое солнце достигает [созвездия] Рака. Ибо солнце бывает у них с севера (septentrionalis) тогда, когда оно достигает тропического [круга], потому что отходит от них на север.

15. Кроме того, город Сиена[26], который является началом области Фиваиды после пустыни [с] высочайшими горами[27], расположен под самым летним тропическим [кругом], и в тот день, в который солнце вступает в определённую часть [созвездия] Рака в шестой час дня[28], так как солнце тогда находится над самыми крышами (ipsum… verticem) города, никакая там тень не может отбрасываться на землю от какого-либо тела, да и колышек полусферы, показывающий часы, который называют гномон, не может тогда произвести от себя тень[29].

16. И это есть [то], о чём хотел сказать Лукан[30], и однако, как считается, не вполне разъяснил. Ведь говоря:

Даже в Сиене я был, никогда не бросающей тени[31/32], –

---

[24] Ср. Гемин. Введение... V, 41 / Щетников (пер.) 2011: 190-191.

[25] (*) Обитатели.

[26] (*) Самый южный город в Верхнем Египте.

[27] В настоящее время город носит название Асуан.

[28] (*) Середина дня, полдень, так как римляне делили день (время от восхода до захода солнца) на двенадцать часов.

[29] Знание, что Сиена расположена под созвездием Рака, послужило основой для методики и расчетов Эратосфена по определению длины окружности Земли. См. также: Macr., Comm. I, 20, 20; Stahl 1990: 351-352.

[30] (*) Марк Анней Лукан (I в.), древнеримск. поэт, автор поэмы «Фарсалия».

[31] (*) Лукан. Фарсалия II, 587 (пер. Л.Е. Остроумова).

[32] Замечание Макробия не имеет смысла, так как оно основано на неправильном прочтении numquam (никогда) вместо nusquam (нигде). См. Stahl 1990: 211, note 6 (со ссылкой на издание: Houseman 1926).

он коснулся именно [самого] обстоятельства, но затмил истину. Ибо не никогда [она] не отбрасывает [тень], но в одно только [то] время, о котором мы сообщили в своём рассуждении.

17. После сообщения об этом установлено, что солнце никогда не выходит за пределы жаркого [пояса], потому что зодиак направлен наискось от [одного] тропического [круга] к [другому] тропическому [кругу][33]. Таким образом, является очевидной причина [того], почему всегда была бы подвластна жаре эта зона, которую, естественно, никогда не оставляет солнце, и источник и управитель всего целиком эфирного пламени.

18. Следовательно, обе крайние части, то есть северная и южная, до которых никогда не доходит солнечное тепло, с необходимостью сковываются вечным льдом. Две же [другие части] делает умеренными [поясами], как мы сказали, соседство, с одной стороны, тепла и, с другой стороны, холода.

19. Наконец, в этой самой зоне, которую мы населяем, которая вся целиком называется умеренной, всё же [некоторые] части, которые являются соседними с жарким поясом, суть более тёплые, чем прочие, как, [например], Эфиопия, Аравия, Египет и Ливия, в которых тепло так разрежает телесность (corpus) воздуха, что он или никогда, или [очень] редко собирается в облака, и потому у тех [жителей] почти нет никакого знакомства (usus) с дождями[34].

20. Наоборот, [те части], которые очень близко (pressius) примыкают к границам холодного [пояса], как, [например], Меотийское болото[35], как области, по которым протекают [реки] Танаис[36] и Истр[37], и все места за пределами Скифии, поселенцы, которых древность звала гиперборейцами, словно бы они, отступая внутрь [области], перешли [за] первоисточник борея[38], до того сковываются почти вечным льдом, что не легко изложить (explicetur), сколь великим был бы тут вред чрезмерного холода.

21. Местности же, которые являются умеренными в середине [пояса], так как они далеко отступают от той и чрезмерности [тепла и холода], приобретают подлинную и здоровую умеренность [тепла и холода].

---

[33] Оставшаяся часть этой главы цитируется в пояснении (глоссе) к De temporum ratione (32) Беды (PL 90: 444 / Migne).

[34] Ср. Hon. Aug. De phil. mundi IV, 3 (PL 172: 85 – 86).

[35] (*) Азовское море.

[36] (*) Река Дон.

[37] (*) Река Дунай.

[38] (*) Северный ветер; здесь Макробий предлагает этимологию имени «гиперборейцы»: | πϒρ + βορϒαω = через, за, по ту сторону борея.

Исидор Севильский

ЭТИМОЛОГИИ, ИЛИ НАЧАЛА. КНИГА X. О СЛОВАХ*

Публикуется перевод десятой книги (§§ I–CXXI), именуемой «О словах», известного энциклопедического сочинения Исидора Севильского (560–636) «Этимологии». Труд Исидора, покоящийся в значительной мере на римской антикварно-грамматической и энциклопедической традиции, сам стал фундаментом средневекового энциклопедизма. Десятая книга делит труд фактически пополам, отделяя первую декаду от второй. Она кардинально отличается от других книг энциклопедии, представляя собой фактически словарь, организованный в алфавитном порядке, состоящий из существительных и прилагательных, характеризующих человека. В предисловии к переводу дается краткий анализ книги.

Ключевые слова: *Исидор Севильский, «Этимологии», римская антикварно-грамматическая традиция, раннесредневековый энциклопедизм.*

Десятая книга «Этимологий» раннехристианского энциклопедиста Исидора (ок. 560–636), епископа Севильи, о котором нам уже приходилось писать[1], кардинально отличается как от книг первой, так и второй декады, деля труд пополам[2]. По сути, она представляет собой словарь, составленный в алфавитном порядке, тогда как все прочие книги имеют предметную организацию. Этим она напоминает структуру труда римского грамматика II в. Секста Помпея Феста «О значении слов» (De significatu verborum), который был несомненно известен Исидору[3]. Имеется и более близкая параллель – четвертая книга известного труда римского грамматика IV в. Нония Марцелла «Сжатая наука» (De compendiosa doctrina), которая также представляет собой лексикон, составленный по алфавитному принципу[4]. В отличие от прочих книг «Этимологий» она не привлекала особого внимания более поздних авторов: книга состоит исключительно из слов (существительных, прилагательных, причастий), относящихся к человеку[5] и включает обыденную лексику[6]. В то же время она имеет важное значение для понимания как структуры текста и процесса его создания, так и с точки зрения его сути, заявленной в названии труда[7]. Находясь между IX и XI книгами, посвященными человеку как существу социальному (IX) и существу природному, одушевленному (XI), она составляет центральную часть триптиха[8], следу-

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-00509; https //ias.rscf.ru/

[1] См., напр. Павлов 2017 426–429. В силу краткости предисловия здесь нет возможности подробней остановиться на историографии вопроса. E.g. Herrero 2018 13–29 etc.

[2] О проблемах структуры трактата см., напр. Павлов 2022 279–284.

[3] См. Elfassi 2014 153–214. О труде Феста см. Павлов 2012 219–230.

[4] О Нонии Марцелле и его труде см. Павлов 2019 196–204.

[5] Они указывают на профессию, род деятельности и занятий, на его качества и недостатки, как физические, так и моральные.

[6] См. Codoñer 2002 11.

[7] При этом исследователи высказывают сомнения в том, что она (в дошедшем до нас виде) написана Исидором. Книга включает разновременные вкрапления и не имеет общей редакции. См. Codoñer 2010 50–54.

[8] О взаимосвязи трех книг см. Gasti 1998 12–15.

ющего за тремя книгами (VI–VIII), посвященными Священному писанию, Богу и Церкви. Как центральная книга (VII.1) первого триптиха (De Deo) посвящена имени Бога, так книга X содержит слова, относящиеся к человеку. Она не содержит никакой иной рубрикации, кроме алфавитной организации[9]. Книга структурно едина, включает в себя 558 лемм. Основную массу составляют прилагательные (269), затем следуют существительные (132), причастия (104), местоимения (5)[10]. Превалируют составные и производные слова.

Книге, что необычно, предпосланы два предисловия, авторство которых неочевидно. Первое (более краткое) почти совпадает со вторым и не содержит в сравнении с ним новых идей. Второе, более пространное, имеет название, отражающее суть содержания книги. В нем противопоставляются две теории этимологизации. Первая приписывается философам (Боэций), те именуют ее *denominatio*, а грамматики – *derivatio*, сам же автор намерен исходить прежде всего *ex causa* (аналогичная оппозиция содержится в его определении *etymologia,* данном в первой книге (I. 29)). Из этого противопоставления следует, что Исидор дает предпочтение этимологии *ex causa* (а вместе с тем *ex origine, ex contrariis* – I. 29. 3) перед иными формами (*derivatio, etimologia Graeca etc.* – I. 29. 4). Предисловие не содержит обоснования алфавитной организации книги[11].

«Словарные» статьи десятой книги не имеют единой структуры[12]. Можно выделить несколько вариантов их построения. В ряде случаев они представлены односложными соответствиями (e.g.: Eloquens; Gnarus; Loquax etc.), т.е. являются, следуя самому Исидору, глоссами (I. 30. 2). Есть ряд собственно определений (e.g.: Alumnus, Benignus, Facetus etc.). Однако в большинстве случаев, Исидор выводит происхождение слова, и объясняет различные причины такового, что по собственному его воззрению есть *etymologia* (I. 29). Для этого он прибегает к разным приемам. Всегда, когда речь идет об отглагольных существительных, он выводит их происхождение, используя конструкцию a(ab)+герундий, указывая тем самым на глагол, от которого они происходят, подобная этимологизация схожа с принятой и сегодня (e.g.: Auctor; Actor; Alumnus etc.). Определяя прилагательные, он очень часто прибегает к конструкции с придаточным причины, вводимым союзами *quod* и *quia* (e.g.: Atrox, Ablactatus, Aeger etc.), а также с *quasi*, когда этимология носит фонологический характер (e.g.: Beatus; Honorabilis etc.). Не останавливаясь подробно на типологии построения этимологий, заключим, что они соответствуют практике, используемой автором в других книгах, и теории, изложенной в книге I. Выстраивая в своей энциклопедии картину мироздания, Исидор, обращаясь к этимологии, ищет основания ее бытия.

[9] Алфавитная структура относительная, не идет далее первой буквы.
[10] См. Spevak 2004 220.
[11] За исключением некоторых редких манускриптов.
[12] Подобную статейную организацию мы встречаем и у римских грамматиков (Фест). Исидор не стал сводить ее к какому-то единому принципу, не в этом он видел назначение книги.

Как и в других книгах Исидор часто прибегает к цитатам, в основном из римских классиков, хотя, как известно, не из первых рук. Чаще всего он цитирует «Энеиду» Вергилия[13], неоднократно обращается к Цицерону[14], комедиям Теренция (§§ 76, 199, 243, 244), упоминает также Горация (§ 8), Саллюстия (§ 8), Цецилия (§ 40), Элия Стилона (§ 159), Лукана (§ 179), Варрона (§ 185), Мунация (§ 186), Афрания (§ 246), Энния (§ 270), Плавта (§ 278). Лишь дважды он обращается к тексту Священного писания, цитируя пророка Софонию (§ 191) и Евангелие от Иоанна (§ 218). Исидор практически никогда прямо не говорит о своих источниках в X книге, хотя очевидно, что в силу характера ее большое место среди них должны были занимать тексты римских грамматиков[15]. Действительно, сопоставление текста Исидора с имеющимися текстами грамматиков, говорит о большой работе, проделанной автором, по выявлению необходимой лексики. Наиболее часто он обращается к текстам Секста Помпея Феста, Сервия Гонората, Нония Марцелла; он знаком с текстами Варрона, Авла Геллия, Доната, Присциана и др. Ряд параллелей восходит к римским юридическим текстам (Гай, Ульпиан, Дигесты Юстиниана), хорошее знакомство с которыми особенно видно в пятой книге Исидора, посвященной праву. Он прекрасно знаком с христианскими авторами. Имеются явные параллели с Библией, а также с трудами Лактанция, Амвросия Медиоланского, Иеронима, Августина, Кассиодора, Григория Великого и с множеством других христианских текстов. При этом важно отметить, что параллели эти редко носят характер прямого заимствования. Текст источника зачастую переосмысляется автором. Исидор здесь демонстрирует себя прежде всего как грамматика. Много параллелей мы встречаем с его трактатом «Различия» (а также с другими книгами «Этимологий»). Опираясь на свои представления об этимологии и познания в области грамматики он, порой, создает новые формы и задает новое содержание.

Перевод сделан по изданию: Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1911. Vol. I. Для сохранения единства словаря и алфавитной его формы латинские слова, определяемые автором, оставлены нами без изменения. При составлении комментариев использовался перевод десятой книги, выполненный испанским филологом Кармен Кодонер (Isidoro de Sevilla. Etimologías. Libro X: Términos relativos al ser humano / Introducción, edición crítica, traducción y notas por Carmen CODOÑER. Paris: Les belles lettres, 2023). В примечаниях, в силу объема публикации, нами даются только краткие указания на параллельные места, и те, которые содержат иные трактовки, либо могут прояснить мысль автора.

[13] §§ 62, 100, 101, 102, 110, 136, 154, 158, 203, 211, 216, 221, 242, 269. Из «Эклоги» приводится лишь одна цитата (§ 154).

[14] Он приводит цитаты из «О государстве» (§§ 155, 209), «Тускуланские беседы» (§ 173), «О природе богов» (§§ 243, 244), «Против Веррия» (§ 203). См. также § 223.

[15] В предисловии он ссылается на философов, в § 202 – на грамматиков, цитирует Элия Стилона (§ 159), приводит мнение Варрона (§ 185) и Мунация (§ 186).

Liber X. De vocabulis

(1) Не является вполне ясным почти для всех происхождение некоторых слов, то есть то, откуда они проистекают. По этой причине какие-то из них, прояснения ради, мы поместили в этой книге.

О некоторых словах, относящихся к человеку

Хотя происхождение слов, то, откуда они проистекают, и объясняется философами, – «человек» (homo), например, происходит в силу метонимии от [слова] «человеколюбие» (humanitas), а «мудрый» (sapiens) – от «мудрость» (sapientia), ибо исходным словом является «мудрость», а производным – «мудрый»; однако иная особая причина кроется в происхождении ряда слов; так «человек» происходит от [слова] «земля» (humus), и именно по этой причине назван он *homo*. Примера ради, некоторые из таковых [слов] мы и поместили в этой книге.

A

(2) *Aeros*[16] – муж храбрый и разумный. *Auctor* (создатель) назван так от *augere* (возрастать). Это слово не может употребляться в женском роде[17]. Действительно, есть некоторые слова, которые не могут иметь окончаний женского рода, как, например, *cursor* (бегун). *Actor* (деятель) происходит от *agere* (действовать)[18]. (3) *Alumnus* (воспитанник) назван так от *alere* (вскармливать)[19]; хотя словом *alumnus* может быть назван и тот, кто вскармливает, и тот, кого вскармливают, то есть и тот, кто кормит, и кого кормят, но правильнее все же использовать его в отношении того, кого кормят. (4) *Amicus* (друг) [назван так] посредством деривации; как бы *animi custos* (блюститель души)[20]. (5) В собственном значении *amator turpitudinis* (любитель непристойности) назван так оттого, что терзаем похотью любовной (amor)[21]; *amicus* (друг) – от *hamus*, то есть от «уз привязанности»; откуда и *hami* (рыболовные крючки), потому как «удерживают». *Amabilis* (милый) – оттого, что достоин любви (amor). *Amasius* (любовник) – оттого, что склонен к [утехам] любви (pronus ad amorem)[22]. (6) *Astutus* (ловкий) так назван от *astus* (ловкость), именуется этим словом человек прозорливый и осторожный, который смело, без опаски, может совершить что-либо[23]. *Argutus* (остроумный) – оттого, что в разговоре быстро находит необходимый аргумент (argumentum). *Acer* (энергичный) – в любой ситуации сильный и не знающий меры[24]. *Alacer* (бодрый) – от [слов] «скорость» и «бег», как бы *aliger* (крылатый)[25]. *Armiger* (оруженосец) – оттого, что носит оружие (armagerere)[26]. *Alacris* – жизнерадостный; бодрый, деятельный, ни в каких непредвиденных обстоятельствах не приходящий в замешательство[27]. *Agilis* (деятельный) – от «делать (agere) что-либо быстро», то же, что и *docilis* (сообразительный)[28].

---

[16] Т.е. heros (греч. ἥρως) – герой, полубог. См. Plac. H1.

[17] Ср. Tert. Anim. 57; Serv. Aen. XII. 159. По мнению Сервия это слово, как и ряд других на tor, могут иметь форму женского рода на trix.

[18] См. Isid. Etym. IX. 4. 34; Prob. Gramm. IV. 12. 19.

[19] Ср. Non. Marc. s.v. Alumnum. P. 242 L.; Plac. A1.

[20] См. Greg. Mag. Mor. XXVII. 15; Hom. eu. II. 27. 4.

[21] См. Varr. LL. VIII. 57; Prisc. Gramm. II. 434. 12. По М. Кодонер, лемма является поздней вставкой, она разрывает объяснение amicus. У христианских авторов слово имело негативную коннотацию, связанную с libido, turpitudo. Использовалось в любовной поэзии и комедии.

[22] См. Plaut. Cas. 590; Truc. 658; Petron. 45. 7; 75. 6; Gell. VI. 8. 1.

[23] См. Plaut. Ps. 385; Fest. s.v. Astutus. P. 5 L; Serv. Aen. XI. 704; Isid. Etym. XVIII. 7. 1.

[24] Ср August. Dialect. VI. 10.

[25] Ср. Donat. Ter. Eun. 304.

[26] См. Prisc. Gramm. II. 179. 12; III. 462. 9. Слово многократно встречается в Библии.

[27] См. Cic. Tusc. IV. 36; Serv. Aen. XII. 337.

[28] См. Non. Marc. s.v. Agilem. P. 58 M.

(7) *Aemulus* (сторонник) – добивающийся одного и того же, как бы «подражатель» (imitator), «приверженец» (amabilis); в иных случаях употребляется в значении «враг» (inimicus)[29]. *Aequus* назван от *aequitas*[30] справедливый по природе своей [человек], оттого, то есть, что он *aequalis* (равный); оттуда произошло и [слово] *aequitas* (равенство), разумеется, от равной в чем-либо доли (aequalitas)[31]. *Aequaevus* (сверстник) – оттого, что он одного возраста с другим (aequale aevum), то есть ровесник. *Adrogans* (надменный) – оттого, что требует (rogare) многого, и сам высокомерен. *Audax* (дерзкий) в собственном значении ставится вместо *adrogans*[32]. *Animosus* (полный жизни, одухотворенный) – оттого, что полон душевных (animus) и физических сил. *Animatus* (решительный) – как бы *animo auctus* («сильный духом»), *animo firmatus* («твердый»)[33]. (8) *Aelatus* (надменный) – оттого, что возвышает самого себя выше должной меры, так как он кажется себе великим во всем, что делает[34]. *Adtollens* (тщеславный) – оттого, что возвеличивает и возвышает себя[35]. *Ambitiosus* (честолюбивый) – оттого, что домогается (ambire) почестей. (9) *Avidus* (алчный) назван так от *avere*; ведь *avere* означает «желать»[36]. Откуда и *avarus* (жадный). Действительно, что значит быть алчным? Выходить за пределы необходимого. Жадный назван *avarus* оттого, что падок до золота (avidus auri) и вечно не удовлетворен своим богатством: чем больше он имеет, тем большего жаждет[37]. С этим согласуется сентенция Флакка, который говорит (Epp. 1, 2, 56):

Semper avarus eget [Жадный всегда ведь в нужде][38].

И Саллюстия (Cat. 11, 3): «…алчность <…> не уменьшается ни при изобилии, ни при скудости»[39].

(10) *Amarus* (резкий) происходит от [соответствующего] вкуса[40] в силу переноса значения. Ведь он неприятен и не имеет никакого удовольствия водить с кем-либо дружбу. *Adulter* (прелюбодей) – нарушитель супружеского целомудрия; происходит оттого, что марает он ложе другого (alterius torum)[41]. (11) *Anceps* (колеблющийся) – склоняющийся и туда, и сюда, сомневающийся, стоит ли выбрать то, или другое; охваченный страхом, склоняется он на чью-либо сторону[42]. *Atrox* (отвратительный) – оттого, что отвратителен (taeter) нравом[43]. *Abstemius* (воздержанный) происходит от *temetum*, то есть от вина, как бы «воздержный от вина» (abstinens a vino)[44]. [Adfinis] (соседний)… *Ablactatus* (отнятый от груди) – оттого, что *a lacte ablatus* (отнят от груди)[45]. (12) *Aeger* (больной) – оттого, что временно подвержен (agere) слабости и печали[46]. *Aegrotus* (болезненный) – оттого, что ча-

[29] См. Serv. Aen. VI. 173; Cassiod. Ad Cal. 4.
[30] Ср. Lyd. Mens. IV. 46; Serv. Aen. II. 426.
[31] См. August. Quant. Anim. IX. 15.
[32] См. Martin. Brac. Form. 4.
[33] См. Cic. Tusc. 29.
[34] Ср. Cassiod. Ad Rom. 1.
[35] Часто встречается в тексте Библии.
[36] См. Enn. Trag. 47-48.
[37] См. Nig. Fig. ap. Gell. X. 5, 1; August. Civ. V. 22; Hier. Eccl. V. 9.
[38] Перевод Н.С. Гинцбурга.
[39] «quod neque avaritia e copia, neque inopia minuatur». Перевод В.О. Горенштейна.
[40] Т.е. горького (amarities, e – горький вкус, горечь). Не раз встречается в Библии.
[41] См. Fest. s.v. Adulter. P. 21 L; D. 50. 16. 225; Isid. Etym. V. 25. 13.
[42] Ср. Fest. s.v. Anceps. P. 18 L; August. Psalm. 31, enarr. 2. 1.
[43] См. Fest. s.v. Atroces. P. 17 L; Non. Marc. s.v. Atrox. P. 76 M; Isid. Diff. I. 141.
[44] См. Gell. X. 23. 1; Quint. Inst. I. 7. 9; Donat. Ter. Andr. 229.
[45] См. Cassiod. Psalm. 130, 21. 99A.
[46] Ср. Fest. s.v. Aegrum. P. 6 L.

сто болеет; таково же различие между «разгневанным» (iratus) и «гневливым» (iracundus). *Aerumnosus* (обремененный бедствиями) прозван так от [слова] «рубец» (rumen)[47], потому как став от недостатка средств несчастным, он голодает и испытывает жажду. (13) *Auspex* (прорицатель) происходит оттого, что исследует предзнаменования, исходящие от птиц (avium auspicia), аналогичным образом *auceps* (птицелов) – оттого, что ловит птиц (aves capere). *Astrosus* назван так от [слова] «звезда» (astrum), как бы «рожденный под дурной звездой». (14) *Aenormis* (огромный) – оттого, что выходит за пределы нормы (norma) и меры. *Abactor* – похититель вьючных животных и домашней скотины, которого обычно именуют *abigeius*, разумеется, от *abigere* (угонять)[48]. (15) *Atratus* (одетый в черное) и *albatus* (одетый в белое)[49]: первый от черного одеяния, второй – от белого. *Advena* (пришелец) – оттого, что прибывает из другого места (advenire)[50]. *Alienigena* (инородец) – оттого, что он иного происхождения (alieni generis), и не принадлежит к тому народу, где живет. Также *alienigena* зовется тот, кто происходит не из того рода (ex alia gente), к которому принадлежит теперь[51].

(16) *Accola* (живущий поблизости) – оттого, что, перебравшись (adveniens) сюда, обрабатывает (colere) землю[52]. *Agricola* (земледелец) – от обработки земли (agrum colere)[53], аналогично тому – *silvicola* (лесной житель)[54]. *Adsecula* (попрошайка) – оттого, что следует (sequi) за кем-то ради мзды[55]. (17) *Assiduus* (прилежный) именовался у древних тот, кто должен был вносить плату в казну в ассах (asses), принимающий также участие в общественных делах[56]; откуда слово и должно писаться через S, а не через D[57]. (18) *Adparitor* (аппаритор) назван так оттого, что находится в подчинении (apparere)[58], назначается для исполнения поручения и всегда находится в состоянии готовности. *Adtentus* (внимательный), потому что, слыша что-либо, запоминает (tenere). (19) *Adtonitus* (потрясенный) – как бы неким безумием охваченный и ошеломленный; назван так от раската грома (a tonitruum stepitu), как бы пораженный громовым раскатом, пребывая поблизости от места, куда ударила молния[59]. (20) *Adlectus* (доизбранный) – оттого, что публично избран (elegere). *Abactus* (изгнанный) – оттого, что удален от дел (abactu)[60]. *Abortivus* (исторгнутый) – оттого, что не рождается (orior), а исторгается (aborori) и гибнет[61]. *Adoptivus* (приемный) – оттого, что был публично признан (optare) сыном. (21) *Ambo* (оба) – от ἄμφω, греческое слово стало латинским, при этом изменилась третья буква[62]. *Alius* [именуется другой из мно-

[47] Отдел желудка жвачных животных.
[48] См. Paul. Sent. V. 18. 1; Donat. Ter. Ad. 401; Cypr. Ep. 71. 2. 2; D. 47. 14. 1. 1.
[49] См. Varr. LL. V. 82; VIII. 18.
[50] См. Ambr. Psalm. 38. 36. 2; Prisc. Gramm. II. 121. 6.
[51] Ср. August. Quaest. Num. 3; Hier. Ezech. VIII. 25. См. Isid. IX. 2. 58.
[52] Ср. Plaut. Aul. 406; Ambr. Psalm. 38. 36. 2; Isid. IX. 2. 91.
[53] См. Varr. LL. V. 13; August. Civ. X. 1; Serm. 125 A.5; 213.10.
[54] Т.е. от silvus (лес) и colere (обрабатывать).
[55] См. Non. Marc. s.v. Asseculas. P. 57 M; Prisc. Gramm. II. 121. 6.
[56] Cic. Top. 10; Rep. II. 40; Quint. Inst. V. 10. 55; Gell. XVI. 10. 15; Fest. s.v. Adsiduus. P. 8 L.
[57] В силу ассимиляции d переходит в s (adsideo – assideo). Исидор, следуя за мнением некоторых римских грамматиков, видит здесь уплату ассов.
[58] Помощник магистрата. См. Serv. Aen. XII. 850.
[59] См. Ambr. Spir. II. 6. 54; Serv. Aen. III. 172.
[60] Ср. Fest. 21 L; D. 39. 4. 16; 40. 5. 41.
[61] Ср. August. Civ. XXII. 12; Greg. Mag. Mor. IV. 32.
[62] См. Fest. s.v. Ambo. P. 4 L; Prisc. Gramm. II. 20, 18.

гих]. *Alter* [же – другой из двух][63]. *Aequimanus* (весьма ловкий) зовется тот, кто управляется мечом равно как одной, так и другой рукой (manus)[64].

B

(22) *Beatus*– счастливый; назван так как бы от *bene auctus* («процветающий»), оттого, разумеется, что имеет то, что желает, и не претерпевает того, чего не желает. Тот является действительно счастливым (beatus), кто обладает всем тем, чего страждет, и кто не желает ничего порочным образом: эти две вещи делают человека счастливым[65]. (23) *Bonus* (добрый) назван так, полагают, от красоты (venustas) тела; позднее это слово стало относиться к душе. Ведь мы называем добрым того, в ком не преобладает зло: тот самый добрый, кто меньше всего грешит[66]. (24) *Benignus* (радушный) – муж велеречивый, добровольно готовый творить добро (benefacere). *Benignus* не сильно отличается от *bonus* (добрый), потому что последний также, как кажется, готов творить добро. Различие коренится в том, что добрый может быть одновременно и достаточно мрачным, он может приносить пользу и предоставлять то, что от него требуется, но при этом не быть душевным в общении; радушный же умеет всех расположить своим обаянием[67]. (25) *Beneficus* (благотворный) назван так от совершения добра (benefacere) в пользу другого; откуда происходит и *beneficentia* (благодеяние), оно несет пользу ближнему[68]. (26) *Benivolus* (доброжелательный) – оттого, что желает добра (bene vult). Однако мы не говорим *benevolus*, как и *malevolus*, ведь часто в слове, составленном из двух частей, меняется либо первая, либо последующая буква. Действительно, *benevolentia* звучит несообразно[69]. (27) *Blandus* (ласковый) – приятный и желанный для близких[70]. (28) *Brutus* (глупый) – как бы *obrutus* (подавленный), потому что ему недостает понимания[71]. Не обладает он ни разумением, ни мудростью. Откуда и известный Юний Брут (Brutus), рожденный сестрой Тарквиния Гордого. Поскольку Юний боялся той же участи, которой подвергся его брат, что по причине богатства и ума своего был убит дядей, то притворился он на время глупцом. Поэтому и прозван был Брутом, пусть и звался Юнием. (29) [Burrus] (красный)… *Balbus* (гнусавый) назван так оттого, что скорее блеет (balare), чем говорит, ведь он не выговаривает слов[72]. Откуда и *blaesus* (шепелявый), поскольку коверкает слова[73]. (30) *Bucco* – пустомеля, назван так оттого, что прочих он превосходит болтливостью, а не смыслом сказанного. *Biliosus* (желчный) – оттого, что всегда печален, от черной жидкости, что зовется желчью (bilis)[74]. (31) *Baburrus* (дурень) – глупый, негодный. *Biothanatus*[75] – оттого, что дважды умер (bis mortuus). Ведь в греческом языке θάνατος означает «смерть».

---

[63] См. Fest. s.v. Alterum. P. 6 L.
[64] Ср. Auson. Techn. 12. 3; Symm. Ep. 9. 10.
[65] Ср. August. Trin. 13. 5; 13. 7; Ep. 130. 5.
[66] Ср. Varr. LL. VII. 26; Fest. s.v. Duonum. P. 58 L. August. Ep. 153. 5.
[67] См. Fest. s.v. Benignus. P. 30 L; Hier. Gal. 3.
[68] Ср. August. Doctr. chr. 3. 10.
[69] Ср. Plac. B3.
[70] Ср. Hier. Gal. 3.
[71] См. Fest. s.v. Brutum. P. 28 L; Non. Marc. s.v. Brutum. P. 77 M; Aur. Vict. Vir. 10. 1.
[72] Ср. Vulg. Is. 32. 4; August. Civ. IV. 30.
[73] Ср. Priap. 7. 2; Hier. Vita Pauli. 7; D. 21. 1. 10. 5; Plac. B14; Isid. IX. 1. 8.
[74] Встречается только в медицинских трактатах.
[75] Греч. «погибающий насильственной смертью». От греч. βία (насилие). Исидор ви-дит здесь наречное числительное «дважды».Serv. Aen. IV. 386; Hist. Aug. XVII. 32. 2.

C

(32) *Clarus* (яркий) – от *caelum* (небо), потому что сияет (splendere)[76]; откуда вместо «сияющее небо» мы говорим *claradies* (ясный день). *Celsus* (возвышенный) назван так от *caelum* (небо), потому что величественен и высок, как бы *caelestis* (небесный)[77]. (33) *Castus* (целомудренный) изначально звался так от *castratio* (кастрация); впоследствии древним было угодно называть так и тех, кто дал обет полного полового воздержания. (34) *Caeles* (небожитель) назван так оттого, что прокладывает себе путь на небо (cae-lum)[78]. *Caelebs* (холостяк) – несвязанный браком, каковы небесные божества (numina), которые не имеют супругов[79]. *Caelebs* назван так, как если бы говорилось *caelo beatus* (благословенный небом). *Caelicola* (небожитель) – от-того, что обитает на небесах (caelum colat)[80], ведь это ангел. (35) *Continens* (сдержанный) зовется не только человек целомудренный, но и сдерживающий себя в еде и питье, а также в гневе и высказывании собственного мнения, и в изъявлении страсти. Именуется он так и потому, что удерживает (abstinere) себя от многих зол[81]. (36) *Clemens* (милосердный) – сердобольный; оттого, что *cluat*, то есть защищает и охраняет, как поступает обычно патрон по отношению к клиенту (cliens)[82]. (37) *Concors* (единодушный) назван так от сердечной привязанности (coniunctio cordis). Действительно, как тот, кто имеет общую долю (sors), зовется *consors* (сотоварищ), так *concors* именуется тот, кто привязан сердцем (cor)[83]. (38) *Contionator* (публичный оратор)[84].… *Consolator* – утешитель. Оттого он назван так, что посвящает себя только (solus) тому, с кем беседует, и своим разговором облегчает его одиночество. Отсюда и *solacium* (утешение)[85]. (39) *Consultus* (сведущий) – тот, кто советуется (consulere)[86]; противоположностью ему служит *inconsultus* (безрассудный) – тот, кто не внимает совету. (40) *Constans* (постоянный) на-зван так оттого, что стоит (stare) твердо, и не склоняется ни в какую из сторон[87]. *Confidens* (уверенный в себе) – оттого, что полон веры (fiducia) во всех [своих начинаниях][88]. Отсюда и Цецилий (246):

Si confidentiam adhibes, confide omnia
Доверился кому, так доверяй во всем[89].

(41) *Cautus* (осторожный) назван так от *cavere* (быть осторожным). *Callidus* (хитрый) – вводящий в заблуждение, потому что умеет быть скрытным, и опытен в причинении зла. Древние, однако, использовали *callidus* не только в значении «хитрый», но и «искусный»[90]. То же и *versutus* (коварный); происходит оттого, что быстро меняет (vertere) свое мнение. (42) *Cupidus* (алчный) назван так оттого, что хватает (capere), то есть берет, много[91]. *Clamosus* (шумливый), как бы

[76] См. Vulg. Ioh. 12. 28.
[77] См. Fest. s.v. Celsus. P. 48 L.
[78] См. August. Gramm. V. 502. 12.
[79] См. Fest. s.v. Caelibem. P. 38 L. Quint. I. 6. 36; Donat. Ad. 43.
[80] См. August. Civ. X. 1.
[81] Ср. Tert. Mart. 3; Non. Marc. s.v. Continens. P. 273 M; Hier. Gal. 3; August. Serm. 108. 2.
[82] Ср. Plaut. Men. 575; Donat. Ter. Ad. 42; Cassiod. Hist. Trip. I. 1. 9.
[83] Varr. LL. V. 10; Cic. Tusc. I. 18; Non. Marc. s.v. Excordes. P. 66 M; August. Evang. Ioh. 88, 5.
[84] Ср. Cassiod. Inst. 5. 3; Isid. VI. 2. 19; 7. 6.
[85] У христиан речь о святом духе (Isid. Sent. I. 154) и об утешении (Sen. Ad Pol. 5. 5).
[86] «Юрист». Cic. Brut. 148; Serv. Aen. XI. 410; Hier. Is. XVI. 57. 10.
[87] Ср. Hier. Is. XVI. 57. 10.
[88] Ср. Cic. Tusc. III. 14; Isid. Diff. I. 217.
[89] Перевод М. Гаспарова.
[90] См. Cic. ND. III. 25; Donat. Ter. Ad. 417; Serv. Aen. IV. 405; Isid. Diff. I. 421.
[91] См. Zeno Ver. Tract. I. 36.

calamosus, – от тростниковой дудки (calamus); от издаваемого ею гуда, разумеется. *Calumniator* (интриган) – ложно обвиняющий в преступлении; назван так от *calvere*, то есть «вводить в заблуждение», «обманывать»[92]. (43) *Calculator* (счетовод) – от *calculi*, то есть от маленьких камешков, держа которые в руке, древние производили счет. (44) *Conpilator* (плагиатор) – тот, кто примешивает к своим чужие высказывания, как торговцы красками имеют обыкновение толочь в ступке различные красители, смешивая их. Некогда известный песнопевец из Мантуи[93] в том преступлении обвинялся, поскольку, позаимствовав некоторые стихи у Гомера, смешал их со своими, за что завистники прозвали его «компилятором древних» (conpilator veterum). Он же ответил им: «Больших усилий стоит вырвать палицу из рук Геркулеса»[94]. (45) *Contumax* (строптивый) – оттого, что презирает (contemnere)[95]. *Chromaticus* – оттого, что не смешивается, не меняет цвет; ведь по-гречески χρῶμα означает «цвет». (46) *Contumeliosus* – оттого, что скор [на слова] и бросается (tumere) оскорблениями[96]. *Contentiosus* (упорный) назван так от целеустремленности (intentio); тот, кто требует чего-либо не в согласии с разумом, но одним упрямством[97]. (47) *Contemptibilis* (презренный) – либо оттого, что достоин презрения (contemptui habilis), либо потому, что презираем (contemptus) и ничтожен (vilis), то есть бесчестный[98]. (48) *Crudelis*, то есть «жесткий», тот, кого греки метафорически называют ὠμός, как бы не проваренный, не пригодный для еды[99]; ведь он грубый и жесткий. (49) *Carnifex* (палач) – оттого, что умерщвляет плоть (carnem affisere)[100]. *Cruciarius* (висельник) – оттого, что достоин распятия (crux)[101]. *Collega* (сотоварищ) назван так от уз (conligatio) товарищества и дружеской связи[102]. (50) *Coaetaneus* (ровестник) – как бы равный по возрасту (conpar aetatis). *Conplex* (тесно связанный) – оттого, что приобщился (applicare) ко злому промыслу, совершив прегрешение или преступление совместно с другим; однако мы никогда не используем это слово, [если речь о совершении] благого дела[103]. (51) *Consors* (сотоварищ) – оттого, что ему принадлежит доля в [наследуемом] имуществе; ведь древние употребляли *sors* в значении «доля»[104]. *Consors* следовательно происходит оттого, что он в общей доле (communis sorte), так же как *dissors* (имеющий иную участь) – оттого, что его доля иная (dissimilis sorte). (52) *Celer* (быстрый) назван так от быстроты (celeritas), потому что он быстрее делает то, что должно[105]. *Confinalis* (сосед) – оттого, что является близким (adfinis) по происхождению или по месту[106]. (53) *Colonus* (колон) назван так от [слова] «колония» (colonia), или от обработки (colere) земли[107]. *Cognitor* (защитник в суде) назван так от знания дела (cogno-

[92] См. D. 50. 16. 233 praef.; Hier. Ep. 82. 6.
[93] Т.е. Вергилий.
[94] «Magnarum esse virium clavam Herculi extorquere de manu». См. Suet. De poet. 46; Hier. quaest. Hebr. Gen. Praef. 1.
[95] См. D. 42. 1. 53. 1.
[96] Ср. Cypr. Don. 11; Cassiod. Ad Rom. 1.
[97] См. August. Nat. anim. III. 14. 20; Pelag. Rom. 1. 29. Ср. Hier. Tit. 3. 9.
[98] Часто встречается у христианских авторов. См. D. 1. 16. 9. 2; Isid. X. 112.
[99] Ср. Max. Taur. Serm. 88; Mar. Vict. Rhet. 1. 29.
[100] Ср. Donat. Ter. Hec. 441.
[101] См. Petron. 112; Sen. Rhet. Contr. 7. 6.
[102] Ср. Varr. LL. VI. 66; Hier. Ruf. 3. 27; Prisc. Gramm. II. 121. 5.
[103] Ср. Plac. C87.
[104] Varro. LL. VI. 65; Fest. s.v. Sors. P. 381 L; Aug. Ioh. eu. 77. 5; Reg. p. 505; Isid. Etym. X. 37.
[105] Dionys. II. 13, 2; Plut. Rom. XXVI. 2; Num. VII. 4; Fest. s.v. Celeres. P. 48 L; Serv. Aen. XI. 603.
[106] Ср. August. Civ. II. 17; Cassiod. Var. 7. 4.
[107] См. August. Civ. 10, 1; Isid. Etym. IX. 4. 36. Ср Cassiod. Var. VIII. 31. 4.

scere causam)[108]. *Curator* (попечитель) – оттого, что заботится о детях, которые не достигли еще необходимого возраста для того, чтобы сами были в состоянии хорошо управлять своими делами[109]. *Clientes* (клиенты) прежде именовались *colientes*; слово происходит от заботы (colere), оказываемой им патронами[110]. (54) [Captus] (захваченный)… *Captivus* (пленный) именуется так, как если бы говорилось *capite deminutus* (лишенный гражданских прав); ведь он утратил привилегию быть свободным, почему и юристы называют такого *deminutus capite*. (55) *Colomis* (цельный)[111] назван так от [слова] «колонна» (columna), потому как прямой и очень крепкий[112]. (56) *Comtus* (нарядный) назван так от [слова] «волосы» (coma), оттого ли, что у него красивые волосы, либо потому, что ухаживает за волосами[113]. (57) *Calamistratus* (кучерявый) происходит от *calamistrum*[114], то есть от железной булавки, сделанной в форме тростникового стебля, на которую накручиваются волосы с целью завивки; те, кто завивают волосы, чтобы они кучерявились, обычно нагревают булавку на тлеющих углях[115]. (58) *Corpulentus* (тучный) – оттого, что грузен телом (corpus) и плотью вял[116]. *Crassus* (толстый) – от тучности тела, от «сотворения» (creare) плоти. *Comesor* (пожиратель) от *comedere satis* (есть вдоволь), ведь он безмерно предан глотке и брюху. (59) *Caupo* – худший из трактирщиков, разливающий вместо вина воду[117]. *Candidus* (белый) – [хороший, роскошный][118]. *Canus* (седой) назван так от [слова] «белый» (candidus); *candidus* есть как бы *candor datus* («ставший белым»), ведь белизны он добился старанием; тот, кто бел от природы, именуется *albus*. (60) *Crispus* (курчавый)… *Clodus* (хромой)… *Curvus* (кривой)… *Caecus* (слепой) назван так оттого, что ему недостает (carere) зрения, ведь он потерял его[119]. *Caecus* – тот, кто не видит обоими глазами. (61) *Caducus* назван так от [глагола] «падать» (cadere)[120]. Да и *lunaticus* (бесноватый) назван так потому, что [испытывает обострения в определенную фазу луны (luna)][121]. *Confusus* (приведенный в замешательство) назван так от осознания (confessio) совершенного злодеяния; откуда и *confusio* (замешательство). (62) *Convulsus* (импульсивный) называют того, кто выходит из себя по собственному произволу. Откуда и *convulsa navis* – судно, у которого выступающие части разрушаются силою шторма, как, например, у Вергилия (Aen. 1, 383):

Vix septem convulsae undis
…их семь, разбитых волнами…[122],

как бы «изувеченные». (63) *Consumptus* – совершенно израсходовавшийся (sumptus), промотавшийся[123]. *Conciliatrix* (сводница) названа так от соучастия в пороч-

[108] См. Gai. IV. 83.
[109] См. Gai. I. 197-198; Ulp. Epit. XII. 4; Prisc. Gramm. III. 480. 9; Isid. Etym. IX. 4. 34.
[110] См. Serv. Aen. VI. 609; Lyd. Mag. I. 20. Ср. Sen. Epist. XLVII. 18; Plin. HN. XXXIV. 17.
[111] Т.е. columis. Встречается только у Плавта (Trin. 470) и Исидора (Diff. I. 358).
[112] Встречается только у Плавта (Trin. 470) и Исидора (Diff. I. 358). Ср. Ruf. Orig. Cant. 3.
[113] Т.е. comptus. Ср. Fest. s.v. Comptus. P. 55 L; Sen. Ep. 115. 2.
[114] См. Varr. LL. V. 129.
[115] Относится к женоподобным мужчинам. См. Cic. Sest. 8. 18; Serv. Aen. XII. 100; Hier. Epist. 22. 28; Isid. Etym. XIX. 22. 22; XX. 13. 5.
[116] См. Fest. s.v. Corpulentis. P. 54 L.
[117] Ср. Hier. Is. 1. 1. 22; Ambr. Exp. Psalmi. 118, 11. 20.
[118] Ср. Prisc. Gramm. II. 137, 9; Isid. Etym. XII. 1. 51; Diff. I. 365 (35).
[119] См. Cic. Tusc. 5. 114.
[120] Т.е. тот, кто подвержен падучей болезни (эпилепсии) – эпилептик. См. Vulg. Math. 17:14; Cael. Aur. Diaet. Pass. 56; Isid. Etym. IV. 7. 5.
[121] Ср. Firm. Math. III. 5. 30.
[122] Цитаты из «Энеиды» Вергилия здесь и далее приводятся в переводе С.А. Ошерова.

ном соглашении; происходит оттого, что посредничает и торгует чужим телом. Ее называют также и *leno*[124]. (64) *Circumforanus* – тот, кто обходит площади (circum fora) и присутственные места, оказывая помощь в судебных тяжбах[125]. *Collegiatus* (член профессиональной корпорации)[126]… *Carpentarius* (извозчик)[127]…

D

(65) *Dominus* (хозяин) назван так (посредством деривации) оттого, что играет главную роль в доме (domus)[128]. *Disertus* – образованный; назван так от [глагола] «рассуждать» (disserere), ведь обсуждает он вещи, раскладывая их по порядку[129]. *Doctus* (образованный) – от *dicere* (говорить)[130]. Откуда и *dictor* (говорящий)[131]. (66) *Docilis* (толковый) – не оттого, что образован (doctus), а оттого, что обучаем (doceri), ведь он умен и имеет склонность к учебе[132]. (67) *Discipulus* (ученик) назван так от [слова] «обучение» (disciplina); оно, в свою очередь, произошло от [глагола] «учиться» (discere)[133]. *Dispensator* (каз-начей) – тот, кому доверяют распоряжение деньгами. Оттого он именуется так, что прежде тот, кто давал деньги, не считал их, а отвешивал (ap-pendere)[134]. (68) *Dives* (богатый) назван так от [слова] «медь» (aes)[135]. *Decorus* – превосходный; от числительного десять (decem)[136]. [Dulcis] (сладкий)… *Decens* – изящный; назван так от числа десять (decem). От него также и *decorus* (превосходный)[137], и *decibilis* (подобающий). (69) *Directus* (прямой) – оттого, что действует прямо (inrectum)[138]. *Dilectus*(любимый) – от *diligentia* (прилежание). Оба слова восходят к [глаголу] *diligere* (любить)[139]. (70) *Delibutus* – покрытый маслом, что в обычае у атлетов и у юношей в палестре[140]. Отсюда и (Ter. Phorm. 856) выражение *delibutum gaudio*, то есть «преисполненный» или «наполненный радостью». *Delicatus* (изнеженный) – оттого, что вскормлен роскошью (deliciae), проживает жизнь свою в пирах и в лоске[141]. (71) *Defessus* – вечно усталый, как бы *diu fessus* (долго изнуряемый)[142]. *Debilis* (слабосильный) – оттого, что стал слабым от желчи (bilis), ведь желчь – это жидкость, воздействующая на тело[143]. *Decolor* (бледный) – оттого, что ему недостает цвета (color)[144]. (72) *Desperatus* (безнадежный) обычно именуют плохого и пропащего, без какой-либо надежды (spes) на будущее человека. Именуется же он так по аналогии с ослабленными больными, которые находят-

[123] Ср. August. Epist. 43. 8; Hier. Is. 8. 26. 11. Встречается в Библии.
[124] См. Fest.s.v. Conciliatrix. P. 64 L. Ср. August. Iulian. 2. 222.
[125] Ср. Hier. Ep. 50. 1; Ambr. Virgin. 12. 56.
[126] Ср. Isid. IX. 4. 29.
[127] Ср. Isid. XIX. 19. 1.
[128] См. August. Civ. V. 12; Hier. Agg. 2; Prisc. Gramm. III. 506. 1.
[129] См. Varr. LL. VI. 64; Fest. s.v. Disertus. P. 64 L.
[130] См. Varr. LL. VI. 62.
[131] Ср. August. Doctr. chr. 4. 9; 4. 10.
[132] Ср. Quint. II. 9. 3.
[133] См. Varr. LL. VI. 62; August. Soliloq. II. 11, 20; Isid. Etym. I. 1, 1.
[134] См. Varr. LL. V. 183; Plin. HN. XXXIII. 43; Fest. s.v. Dispensatores. P. 63 L; Gai. I. 122.
[135] Ср. Varr. LL. V. 92.
[136] Ср. Prisc. Gramm. II. 138. 12; Ruf. Orig. Lev. 8. 4.
[137] Ср. Cassiod. Psalm. 10.
[138] См. Cassiod. Psalm. 24, 91. 178 A.
[139] См. Varr. LL. VI. 66; Fest. s.v. Dilectus. P. 65 L.
[140] Ср. Plac. D12.
[141] См. Fest. s.v. Delicata. P. 61 L.
[142] Ср. Cypr. Mort. 19; Aur. Vict. Caes. 9. 1; Prisc. Gramm. II. 429. 8.
[143] См. § 30.
[144] Ср. Char. P. 257.

ся на грани жизни и смерти и безнадежны (sine spe). У древних был обычай, в соответствии с которым таких безнадежных больных помещали перед их дверьми: либо чтобы они могли вернуть свой последний вздох земле, либо, возможно, чтобы могли они получить помощь со стороны прохожих, которые некогда превозмогли аналогичную хворь. (73) *Degener* – неблагородный; происходит либо оттого, что он низкого происхождения (genus), либо оттого, что хотя и благороден по рождению, жизнь, однако, ведет бесчестную[145]. (74) *Decrepitus* (дряхлый) – оттого, что близок к смерти, как бы поворачивает к мраку смерти, ведь сумерки (crepusculum) – время ночи. Другие говорят, что дряхлый не тот, кто подорван старостью, а тот, кто перестал *crepare*, то есть прекратил говорить[146]. (75) *Depretiatus* (обесцененный) – оттого, что ничтожный и ничего не стоящий (pretium). *Dirus* – очень подлый и неприятный, как бы *divina ira*, то есть «божественным гневом» создан таковым, ведь *dirum* зовется то, что порождается божественным гневом[147]. В других случаях *dirus* означает «мощный». (76) *Dehiscens* – сильно зевающий (hiscens)[148], ведь здесь приставка *de* имеет значение усиления, как то (Ter. Heaut. 825):

deamo te, Syre [Сир! Как тебя люблю я!][149]

Despiciens (презирающий) – оттого, что глядит сверху вниз (deorsum aspicere), или относится с презрением[150]. *Dolosus* (хитрый) – вводящий в заблуждение, либо злонамеренный; происходит оттого, что обманывает (deludere), ведь чтобы ввести кого-то в заблуждение, он преступное намерение скрывает за благими речами. (77) *Dubius* – колеблющийся; как бы следующий двумя дорогами одновременно (duae viae). *Delator* (доносчик) назван так оттого, что открывает то, что сокрыто (latere)[151]. *Dilator* (медлитель) – оттого, что все откладывает (differe) на будущее[152]. *Desidiosus* – медлительный, ленивый; назван так от *desidere*, то есть от глагола со значением «сидеть сложа руки». Так же и *resides* (ленивые) от *residere* (сидеть на месте)[153]. Приставка *de* здесь имеет значение усиления. (78) *Delerus* (слабоумный) – слабый умом в силу возраста, ἀπὸ τοῦ ληρεῖν (от «лепетать»), или оттого, что он отклоняется от правильного пути, то есть как бы от борозды (lira)[154]. *Lira* (борозда) – результат вспашки, когда земледельцы во время сева ведут прямые борозды, в которых и произрастают хлеба. (79) *Demens* – тот же, что и *amens*, то есть «безумный» (sine mente)[155]; либо происходит оттого, что ум у него ослаблен (deminutio mentis). *Desipiens* (безумный) – оттого, что стал понимать (sapere) меньше, нежели прежде[156]. (80) *Damnatus* (осужденный) и *damnabilis* (достойный порицания): первый из них уже осужден, второй может быть осужден[157]. *Degulator* (обжора) – оттого, что посвятил себя утробе (gula).

[145] Ср. Ambr. Exp. psalmi. 118. 5. 4; Prisc. Gramm. III. 478. 6.
[146] См. Varr. LL. VI. 5; Fest. s.v. Decrepitus. P. 62 L; Non. Marc. s.v. Crepera. P. 13 M; Donat. Ter. Eun. 231; Ad. 939; Hier. Vita Malchi 2; August. Serm. 114B.14. Ср. Isid. Etym. II. 31. 7; Diff. II. 77.
[147] Fest. s.v. Dirus. P. 61 L; Non. Marc. s.v. Dirum. P. 30 M; Serv. Aen. II. 519; Isid. Diff. I. 141.
[148] Serv. Aen. I. 106. В литературных текстах термин относится, как правило, к при-родным явлениям (грозы, землетрясения).
[149] Цитаты из комедий Теренция приводятся в переводе А. Артюшкова.
[150] Ср. August. Civ. IV. 31.
[151] См. Isid. Etym. I. 164.
[152] Ibid.
[153] Ср. Fest. s.v. Reses. P. 353 L.
[154] Ср. Vel. Long. Orth. p. 73.
[155] Ср. Cic. Tusc. 3. 10. См. Fest. s.v. Mente captus. P. 151 L; Lact. Inst. VII. 12. 9.
[156] Ср. Plac. D33.
[157] Оба слова встречаются достаточно часто в христианских текстах.

E

(81) *Eloquens* (красноречивый) – многоречивый (profusus eloquio)[158]. *Exertus* (несдержанный) – безудержный в разговоре[159], ведь *exerere* означает «разглашать» или «излагать»[160]. *Eruditus* (образованный) – оттого, что не грубый (non rudis), а вполне обученный[161]. (82) *Expertus* – весьма опытный (peritus), ведь приставка *ex* здесь означает «весьма». *Expers* (несведущий) же – тот, кто не обладает практическим опытом и знанием[162]. *Exornatus* – очень нарядный (ornatus). Приставка *ex* ставится здесь в значении «очень», так же как в словах *excelsus* (возвышенный) – как бы «очень высокий» (celsus)[163], и *eximius* (исключительный) – как бы «весьма выдающийся» (eminens)[164]. (83) *Efficax* (успешно действующий) назван так оттого, что не встречает никакого затруднения, выполняя (facere) любую работу. Откуда и *efficiens* (производящий) назван так от *facere* (делать). *Exspes* (полный отчаяния) – оттого, что лишен надежды (spes)[165]. *Expers* (лишенный) – оттого, что оставлен без наследства (extra partem), ведь он лишен доли[166]. (84) *Exsors* (исключительный) – оттого, что достигает чего-либо без жребия (extra sortem)[167]. *Exul* (изгнанник) – оттого, что находится вне своей земли (extra solum); как бы «изгнанный за пределы территории общины» (trans solum), либо «блуждающий за пределами своей земли» (extra solum). Действительно, глагол *exsulare* (находиться в изгнании) используют в отношении того, кто покидает родную землю[168]. (85) *Extorris* (изгнанный) – оттого, что находится вне своего государства (extra terram); как бы *exterris*. Но в собственном значении *extorris* – это тот, кого прогнали силой, кто изгнан с родной земли при устрашающих обстоятельствах; *extorris* также и тот, кто согнан со своей земли (ex terra)[169]. (86) *Extorris* происходит от *extra terram* (вне земли), или от *extra terminos suos* (вне своих границ), либо потому что он боится (exterreri). (87) *Exterminator* (гонитель) – не тот, о ком обычно говорят ἀφανισθῆναι[170], а тот, кто прогоняет и высылает из пределов (a terminis) государства[171]. *Exterminatus* (изгнанный) – оттого, что изгнан за пределы границ (extra terminos) своей земли[172]. [Таким образом, также и] *externus* (чужестранец) – оттого, что происходит из чужой страны (terra)[173]. (88) *Egens* (неимущий) и *egenus* (нуждающийся) – бедняки без роду (sine gente) и без племени (sine genere)[174]. [Egenus] (нуждающийся)… *Exiguus* – очень бедный (egens). Приставка *ex* означает здесь «очень». *Exilis* – тонкий; оттого, что может пробрать-

158 Ср. Varr. LL. VI. 57.
159 Возможно путаница с exercitatus.
160 Встречается только у Исидора.
161 Cassiod. Psalm. 2. 111. 312A. Оппозиция часто встречающаяся у христианских авторов.
162 Ср. Prisc. Gramm. II. 503, 24.Serv. Aen. 3. 182. Ср. Isid. Diff. I. 42.
163 См. Isid. Etym. VII. 1. 9.
164 Ср. Fest. s.v. Eximium. P. 72 L; Macr. Sat. III. 5. 6; Isid. Etym. VII. 1. 9.
165 См. Non. Marc. s.v. Exspes. P. 12 M; Prisc. Gramm. III. 42. 18.
166 См. Prisc. Gramm. II. 503. 24.
167 См. Serv. Aen. V. 534.
168 См. Ps. Quint. Decl. min. 366; Non. Marc. s.v. Exules. P. 12 M; Serv. Aen. III. 11; August. Ioh. euang. 47. 11; а также Isid. Etym. I. 27, 5; V. 27, 28.
169 Ср. Liv. V. 30. 4; Non. Marc. s.v. Extorris. P. 14 M; Cassiod. Orth. 10. 17; Gramm. VII. 204. 3.
170 «Быть уничтоженным».
171 Ср. Cassiod. Psalm. 36.
172 См. Non. Marc. s.v. Exterminatum. P. 27 M; Prisc. Gramm. III. 42, 18; Cassiod. Psalm. 79, 141. 212 A.
173 Ср. Fest. s.v. Externus. P. 69 L.
174 Ср. Fest. s.v. Egens. P. 68 L; Prisc. Gramm. II. 77, 5. Приведенное значение встречается только у Кассиодора (Psalm. 97).

ся даже через очень стесненное пространство[175]. (89) *Exesus* (истощенный) – оттого, что «съеден полностью» (percomesus)[176]. Он же *aridus* (иссушенный), *tenuis* (тонкий), *exilis* (худой). *Exhaustus* (вычерпанный) – оттого, что израсходован и пуст. *Exsanguis* (бледный) – оттого, что бескровный (extra sanguinem). (90) *Exanimis* (безжизненный) – мертвый. Мы говорим *exanimis* и *unanimus* (безжизненный), так же как *unanimus* и *unanimis* (единодушный), *inermus* и *inermis* (разоруженный), и это проистекает из нашей прихоти[177]. (91) *Exustus* (сожженный) говорится о том, от кого ничего не осталось; как бы очень сильно сожженный (ustus), ведь приставка *ex* означает «очень». *Exosus* (ненавистный) назван так от *odium* (ненависть); древние ведь говорили и *odi,* и *osus sum* (я не-навижу)[178]. Отсюда и *exosus*, слово, которым мы пользуемся, хотя уже и не говорим *osus*. *Exitiosus* (губительный) – оттого, что для многих является причиной погибели[179]. *Executor* (исполнитель) происходит от *exequi* (преследовать). Он же и *exactor*. (92) *Effractor* (взломщик) – оттого, что вскрывает замки[180]. *Efferatus* (дикий) – проникнутый звериным (ferinus) духом, утрачивающий человеческий облик. *Effrenatus* (несдержанный) – оттого, что крут, стремителен и без узды (frenus) в голове[181]. (93) *Eunuchus* (евнух) – греческое слово; тот, кто оскоплен. Некоторые из них вступают в половые связи, однако в их семени нет никакой силы. Они имеют и даже испускают семенную жидкость, но для порождения она бесполезна и непригодна[182]. (94) *Effeta* (изнуренная) – оттого, что обессилена частыми родами. Частые роды ведь ведут к ослаблению[183].

F

(95) *Facundus* (обладающий даром слова) назван так оттого, что может свободно говорить (fari)[184]. *Facetus* (веселый) – тот, кто шутит и развлекает, используя жесты и движения; назван так от *facere* (делать)[185]. *Frugalis* (домовитый) назван так от *frux*, то есть от «плода» или «бережливости», либо, как полагают другие, от умеренности и самообладания. (96) *Fenerator* (ростовщик) – тот, кто дает деньги в рост должнику, как бы *fenoris actor* («творец денег»), ведь *fenus* – это деньги. В латинском языке слово *fenerator* используется и в отношении того, кто предоставляет ссуду, и в отношении того, кто ее получает[186]. (97) *Flamines* (фламины) – жрецы идолов[187]. *Felix* (счастливый) зовется и тот, кто осчастливливает другого, и кто осчастливлен другим; *felix* – относится и к тому, чем порождается счастье, как, например, «счастливое время» (felix tempus), «счастливое место» (felix locus)[188]. (98) *Fidelis* (заслуживающий доверия) – оттого, что он достойным образом выполняет то, о чем говорит или что обещает[189]. *Facilis* (де-

[175] См. Cic. Brut. 289; Fest. s.v. Exiles. P. 71 L; Prisc. Gramm. II. 131. 21.
[176] См. Mamert. An. 1. 22.
[177] Ср. Serv. Aen. I. 484.
[178] См. Serv. Aen. V. 687; Isid. Diff. I. 182.
[179] Ср. Tac. Ann. III. 31. 5; Hist. IV. 44. 2.
[180] Ср. August. De mend. 9. 14; Salv. Gub. 7. 91.
[181] Ср. Cic. Cael. 35; Liv. XXXIV. 49. 8.
[182] Ср. Donat. Ter. Eun. 167.
[183] Ср. Serv. Aen. V. 396; Georg. I. 81.
[184] См. Varr. LL. VI. 52; Isid. Diff. I. 421.
[185] Ср. Plac. L2.
[186] Ср. Gell. XVI. 12. 7; Donat. Ter. Eun. 427. Часто встречается у христианских авторов.
[187] Ср. Varr. LL. V. 84; Fest. s.v. Flamen Dialis. P. 77 L; Serv. Aen. VIII. 664; Isid. Etym. VII. 12, 18; а также Dionys. II. 64, 2; Plut. Num. VII. 5; QR. 40.
[188] Ср. Isid. Diff. I. 34.
[189] См. August. Spir. et litt. 31, 54.

ятельный) – от *facere* (делать), тот, что не медлителен. *Firmus* (крепкий)[190], откуда и *formosus* (красивый)[191]. *Fortis* (храбрый) – оттого, что сносит несчастья (fert adversa) и все, что с ним приключается; либо от [слова] «железо» (ferrum), поскольку он тверд и не умягчаем. (99) *Formosus* (красивый) назван так от [слова] «обличье» (forma), ведь древние использовали *formus* в значении «теплый», «нагретый»; жар содействует крови, а кровь – красоте[192]. (100) *Foedus* (мерзкий) происходит от *hircus* (козел) и *haedus* (козленок), добавлена буква F[193]. Древние придавали слову сакральный смысл, так, например (Virg. Aen. 2, 502):

Sanguine foedantem quos ipse sacraverat ignes
Кровью багрил он алтарь, где огонь им самим освящен был.

(101) *Fragilis* (хрупкий) назван так оттого, что может легко сломаться (frangere)[194]. *Fessus* (усталый) – как бы *fissus* (расколотый), тот, кто уже не вполне здоров, ведь мы говорим «павший духом» (fessus animo)[195], например (Virg. Aen. 8, 232): *Ter fessus valle resedit* [и садился трижды, усталый]; и «утомленный телесно» (fessus corpora), что ближе к собственному значению слова; а также и «утомленный обстоятельствами» (fessus rerum), случайно возникшими. (102) *Fatigatus* (утомленный) – как бы *fatis agitatus* (брошенный судьбою). *Formidolosus* (робкий) назван так от *formum*, то есть «кровь», потому что когда кровь вытекает из-под кожи или из внутренностей, она свертывается; страх останавливает кровь, которая, истекая, его порождает, оттуда и эта строка (Virg. Aen. 3, 30):

Gelidusque coit formidine sanguis
и кровь, леденея, застыла от страха.

Formidolosus, однако, это и «робкий», и «наводящий ужас». (103) *Fatuus* (глупый) назван так, как полагают оттого, что не понимает ни того, что говорит (fari) сам, ни того, что говорят другие. Некоторые считают, что так (fatui) первоначально звались поклонники Фатуи (Fatua), вещей жены Фавна, а получили они свое имя оттого, что были ошеломлены ее пророчествами сверх всякой меры, вплоть до умопомрачения[196]. (104) *Fautor* (доброжелатель) – оттого, что покровительствует (favere) и выражает согласие[197]. *Fictor* (творец) назван так от «ваять» (fingere), «создавать» что-либо; зовется, например, так тот, кто приводит в порядок и укладывает женские волосы, умащивает их и моет[198]. (105) *Fallax* (лгун) – оттого, что вводит в заблуждение словом (fare), то есть разговором[199]. *Fervidus* – гневливый. Действительно, гнев воспламеняет. *Frendens* (негодующий) – оттого, что пугающе лязгает зубами и смыкает их[200]. *Fremens* (рычащий)… *Ferox* (свирепый) – оттого, что предается свирепости, подобно зверю[201]. (106) *Fur* (вор) назван так от *furvus*, то есть от [прилагательного] «черный», ведь

[190] Ср. Fest. s.v. Firmum. P. 81 L.
[191] Ср. Cassiod. Orth. 4.
[192] См. Serv. Aen. VIII. 453; August. Nat. bon. 18; Cassiod. Gramm. VII. 161, 2; Isid. Etym. I. 27, 9; XIX. 7, 3; XX. 13, 4.
[193] См. Virg. Aen. 2. 502. Ср. Varr. LL. V. 86; Fest. s.v. Foedus. P. 74 L; Serv. Aen. I. 62; VIII. 641; Isid. Etym. VIII. 2. 4; XVIII. 1. 11.
[194] См. Marc. Cap. IV. 369.
[195] Ср. Serv. Aen. VIII. 232.
[196] См. Varr. LL. VI. 52; Donat. Ter. Eun. 1079; Serv. Aen. VII. 47; Isid. Diff. I. 500.
[197] См. Prisc. Gramm. II. 16, 18; 29, 4.
[198] См. Varr. LL. VII. 44.
[199] Ср. August. Soliloq. II. 9. 16.
[200] Ср. Varr. RR. II. 4. 17.
[201] См. Non. Marc. s.v. Ferox. P. 304 M.

вор пользуется ночным временем[202]. *Factiosus*, когда мы употребляем слово в числе ругательств, означает «мятежник», в положительном значении – любезный, могущественный и, так сказать, влиятельный человек[203]. (107) *Facinorosus* (преступник) назван так от совершенного им преступления, ведь он делает то, что другому чинит вред. [Femellarius (женолюб)[204] – пристрастившийся к женщинам (feminis deditus), древние называли такого mulierarius][205]. *Flagitiosus* (распущенный) – оттого, что часто требует (flagitare) и добивается чувственного удовольствия. (108) *Furcifer* (мошенник) именовали некогда того, кто в силу мелкого правонарушения принуждался (не столько ради мучения, сколько для бесчестия правонарушителя) носить по улице вилы (furcam ferre), указывающие на его прегрешение, и убеждать остальных не совершать ничего подобного[206].

(109) *Futilis* – пустой, бесполезный, болтливый. Являет собой метафору глиняного сосуда, пустого и растрескавшегося, который не удерживает того, что в него помещаешь[207]. (110) *Fornicarius* (развратник)… *Fornicatrix* (блудница) – та, чье тело общедоступно и дешево[208]. Они предавались разврату под арками, а эти места именуются *fornices*, откуда и *fornicariae* (блудницы)[209]. Вергилий (Aen. 6, 631):

Atque adverso fornice
под высоким сводом ворота.

(111) *Fecunda* (плодовитая) названа так от *fetus* (потомство), как бы *fetunda*, ведь она часто бывает беременной. *Feta* (беременная)[210]… *Flens* (оплакивающая), как бы льющая (fluens) слезы. *Fugitivus* (беглый) – в прямом смысле так зовется лишь тот, кто бежит (fugere) от хозяина, ведь не является таковым маленький мальчик, если сбегает он от кормилицы или со школы.

G

(112) *Gloriosus* (славный) назван так от обилия славы (claritas), буква C поставлена вместо G[211]. *Gloriosus* назван так и от лаврового венка (laurea), которым награждаются победители[212]. *Gnarus* – знающий; антонимом ему служит *ignarus* – незнающий. *Gravis* – заслуживающий доверия. Откуда мы называем достойных презрения – *leves*. *Gravis* назван так в силу его благоразумия и постоянства, потому что не перескакивает с легкостью с одного на другое, и пребывает неизменным в своем постоянстве и твердости (gravitas). (113) [Grandis (большой)… Gracilis (изящный)…] *Grandaevus* (престарелый) – оттого, что «велик возрастом» (grandis aevo). *Gratus* – благодарный (gratiam servans); *gratus* относится только к душе, *gratissimus*[213] – и к душе, и к телу. *Gratificus* (признательный) – оттого, что творит добро бескорыстно (gratis facere)[214]. *Gratiosus* (любезный) –

[202] См. Gell. I. 18, 4; Non. Marc. s.v. Fures. P. 12 M; Serv. Aen. IX. 348; Georg. III. 407; Isid. Diff. I. 340.
[203] Ср. Varr. LL. VII. 66; Fest. s.v. Axitiosi. P. 3 L.
[204] Встречается только у Катулла (25. 5) .
[205] Встречается только Catul. 25. 5; Cic. Cael. 66; Hist. Aug. XII. 11. 7.
[206] См. Plut. QR. 70; Donat. Ter. Andr. 618.
[207] См. Fest. s.v. Futtiles. P. 79 L; Donat. Ter. Andr. 609; Serv. Aen. XI. 339.
[208] Оба термина встречаются в христианских текстах.
[209] См. выше.
[210] См. Ovid. Fast. IV. 631-632.
[211] Ср. August. Ioh. eu. 100.1; Isid. I. 27. 4.
[212] Ср. August.Evang. Ioh. 105, 3.
[213] Превосходная степень от gratus.
[214] Руфин – единственный автор, у которого встречается этот термин в его коммента-рии на книгу Бытия (Ruf. Patr. 1. 10).

оттого, что всякому предоставляет больше того, что требуется[215]. (114) *Garrulus* в собственном смысле именуется тот, кого обычно называют болтливым. Когда случается у таких радостное событие, они не могут и не хотят молчать. Слово произошло от птиц, именуемых галками (graculi), которые шумят постоянно, несносно треща, и никогда не умолкают[216]. *Ganeo* – жадный до наслаждений, завсегдатай потаенных и злачных мест, тех, что греки называют γάνεια[217]. *Glutto* (обжора) – от слова «глотка» (gula), то есть «ненасытный»[218].

H

(115) *Humilis* (низкий) – как бы склоненный к земле (humus)[219]. *Honorabilis* (заслуживающий почтения) – как бы *honore habilis*, то есть «годный для почета». (116) *Honestus* (почтенный) – оттого, что в нем нет ничего непристойного, ведь что из себя представляет почет (honestas), если не честь, оказываемую постоянно, то есть как бы *honoris status*?[220] *Humanus* (человечный) – оттого, что относится к людям с любовью и чувством сострадания. Отсюда произошло и слово *humanitas* (человеколюбие), благодаря человеколюбию мы заботимся о ближнем[221]. (117) *Habilis* (умелый) – оттого что подходящ и пригоден для выполнения задачи (habere). *Honerosus* – наделенный бóльшим почетом[222], нежели *honeratus* (почтенный), так же как *scelerosus* – тот, кто более нечестив, нежели *sceleratus* (нечестивый). *Hirsutus* (лохматый) – оттого, что лохмат (hirtus) и космат[223]. (118) *Hypocrita* (лицемер) – с греческого языка на латинский переводится как «обманщик»[224]. В душе он гадок, публично же выказывает себя хорошим человеком; ὑπό означает «ложный», а κρίσις – «суждение». (119) Кроме того, слово *hypocritae* (мимы) относилось и к тем, кто во время зрелищ появлялся с закрытым лицом, окрашенным в синий, красный, либо другой цвет, держа маски, изготовленные из полотна и гипса, раскрашенные в разные цвета; иногда они обмазывали белой глиной свои шеи и руки, чтобы соответствовали они цвету маски, дабы дурить народ, участвующий в зрелищах; чтобы обманывать народ, принимающий участие в спектаклях, они то принимали образ мужчины, то женщины, то были со стрижкой, то с длинными волосами, то в образе старухи, то девицы, то появлялись в иных, различающихся возрастом и полом, образах. (120) Всех героев пьесы играли артисты, которые выходили на сцену в масках и изображали тех, кем не были сами. Их нельзя называть *hypocritae* с того момента, когда они сходили со сцены. (121) *Humatus* (погребенный) – оттого, что покрыт землей (humus), то есть «похороненный»[225].

Перевод с латинского,
предисловие и комментарии
А.А. Павлова, В.П. Ефименко

---

[215] См. Plac. G10; D. 26. 7. 7. 2.
[216] См. August. Enarr. psalm. 76. 6.
[217] Ср. ganea, ae – харчевня, трактир. Ср. Lact. III. 26. 7; Hier. Is. II. 3. 3; Non. Marc. s.v. Ganeones. P. 119 M.
[218] См. Fest. s.v. Ingluvies. P. 99 L.
[219] См. Varr. LL. V. 23.
[220] См. Varr. LL. V. 73; Prisc. Gramm. II. 128. 22.
[221] Ср. Prisc. Gramm. II. 79. 8.
[222] Ср. Leo Mag. Serm. 35.
[223] Ср. Ruf. Orig. Gen. 12. 4.
[224] Греч. ὑποκριτής.
[225] См. Varr. LL. V. 23; Cic. Leg. II. 57; Tusc. I. 36; Plin. NH. VII. 187; Isid. Diff. I. 552; Etym. XI. 2. 37.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Павлов А.А. Павел Диакон и его эпитома «О значении слов» // Вестник древней истории. 2012. № 2. С. 219–230 [Pavlov A.A. Pavel Diakon i ego epitome “O znachenii slov” (Paul the Deacon and his epitome “On the Meaning of Words”) // Vestnik drevnei istorii. 2012. № 2. S. 219–230].

Павлов А.А. Исидор Севильский и его «Этимологии» // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III–XI вв.: сб. науч. ст. и перевод. / под общ. ред. М.Р. Ненароковой. М.: Индрик, 2017. С. 426–429 [PavlovA.A. Isidor Sevil’skii i ego “Etymologii” (Isidore of Seville and his “Etymologies”) // Vozljublu slovo kak blizhnego. Moskva: Indrik, 2017. S. 426–429].

Павлов А.А. О Нонии Марцелле замолвите слово… // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 196-204 [Pavlov A.A. O Nonii Martselle zamolvite slovo (Say a word about Nonius Marcellus…) // Adam i Eva. Al’manah gendernoi istorii. Moskva, 2019. S. 196–204].

Павлов А.А. Девятая книга «Этимологий» Исидора Севильского // Цари. Магистраты. Императоры: сб. ст. посвященный юбилею Веры Викторовны Дементьевой / под ред. Е.С. Данилова и др. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 279–284 [PavlovA.A. Devjataja kniga “Etymologii” Isidora Sevilskogo (The ninth book of “Etymologies” by Isidore of Seville) // Tsari. Magistraty. Imperatory. Jaroslavl’, 2022. S. 279–284].

Codoñer C.M. Introductión al libro X de las Etymologiae. Su lugar dentro de esta obra. Su valor como Diccionario. Logroño, 2002. 98 p.

Codoñer C.M. El libro X de las Etymologiae, ¿léxico o diccionario? // Voces. 2010. Vol. 21. P. 50–54.

Elfassi J. Festus chez Isidore de Séville // Eruditio Antiqua. Revue électronique de l’érudition gréco-latine. 2014. Vol. 6. P. 153–214.

Herrero J.S. San Isidoro de Sevilla. Biografía // San Isidoro de Sevilla en Sevilla / ed. Herrero J.S. Sevilla. 2018. P. 13–29.

Gasti F. L’antropologia di Isidoro. Le fonti del libro XI delle Etimologie. Como: Edizioni new press, 1998. P. 12–15.

Spevak O. Isidore de Séville, Étymologies, livre X: analyse morphologique // Acta universitatis Carolinae – Philologica 2. 2004. P. 219–229.

***Павлов Андрей Альбертович**, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина; aapavlov@rambler.ru*

***Ефименко Владимир Петрович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина; efimenkovp1950@gmail.com*

Isidore of Seville. Etymologies, or Origins. Book X. On words

Continuation of the translation of the tenth book (§§ I–CXXI), entitled “On Words,” from the well-known encyclopedic work Etymologies by Isidore of Seville (560–636). Isidore's work, based on the Roman antiquarian-grammatical and encyclopedic tradition, became the foundation of medieval encyclopedism. The tenth book effectively divides the work in half, separating the first decade from the second. It differs radically from the other books of the encyclopedia, in fact a dictionary organized in alphabetical order, consisting of nouns and adjectives that characterize a person.

***Keywords**: Isidore of Seville, the Roman antiquarien and grammatic tradition, early medieval encyclopedism.*

***Andrey Pavlov,** PhD (History), Associate Professor, Head, Department of History of Russian and foreign countries, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; aapavlov@rambler.ru*

***Vladimir Efimenko**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Philology, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin; efimenkovp1950@gmail.com*

А.Ю. Серегина, В.В. Шишкин

ЕЛИЗАВЕТА СТЮАРТ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ 1613–1619 ГГ. ПИСЬМА ИЗ СОБРАНИЯ П.П. ДУБРОВСКОГО[1]

Публикация представляет неизвестные письма Елизаветы, курфюрстины Пфальцской – дочери Якова I Стюарта и будущей королевы Чехии – регентше Франции Марии Медичи и королю Людовику XIII из собрания П.П. Дубровского (Авт. 12, № 52 и 53), хранящегося в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). Письмо к Марии Медичи датируется 25 октября (4 ноября) 1613 г. Его появление связано с особенностями европейского дипломатического протокола, касавшимися женских дворов: молодая жена правителя по прибытии ко двору мужа получала поздравления от других королев. Письмо Елизаветы представляет собой ответ на такое поздравление со стороны Марии Медичи. Второе письмо адресовано Людовику XIII и составлено 18 (28) января 1617 г. Содержание письма показывает, что Елизавета была вовлечена в дипломатические переговоры, призванные урегулировать религиозно-политический кризис 1611–1617 гг., охвативший французских гугенотов и их союзников в Священной Римской империи и Англии. Во вступительной статье реконструируется политический и социальный контекст составления обоих писем. Представлена транскрипция писем (на французском языке) и их русский перевод с комментариями.

Ключевые слова: *Елизавета Стюарт, клиентела, коммуникации, новости, культурный трансфер, женский патронат, Мария Медичи, Людовик XIII Бурбон, Яков I Стюарт, гугеноты.*

В политической, социальной и культурной жизни раннего Нового времени важную роль играли транснациональные аристократические клиентелы, сформированные отношениями родства и покровительства и охватывавшие разные регионы, и королевские дворы. Созданные ими системы коммуникаций обеспечивали поддержание политических контактов, обмен новостями, распространение идей, произведений искусства и моды. Одним из наиболее влиятельных благодаря своему политическому и культурному воздействию был аристократический клан принцев Нассау-Оранских, включавший немецких князей и аристократов из Нидерландов и Франции. К началу XVII в. клан приобрел отчетливый конфессиональный характер, став преимущественно кальвинистским.

В 1613 г. к клану Нассау-Оранских благодаря браку с курфюрстом Пфальцским присоединилась дочь Якова I Английского Елизавета, принеся с собой новые связи с династией Стюартов. Елизавета прославилась как «Зимняя королева» Чехии, правившая вместе с мужем всего «одну зиму» 1619–1620. Обычно она упоминается в связи с событиями Тридцатилетней войны, спровоцированной решением Фридриха V и Елизаветы принять предложенную им корону, и долгим изгнанием (1621–1661) в Гааге. В настоящей статье речь пойдет о первом этапе замужней жизни Елизаветы – годах ее пребывания в Гейдельберге (1613–1619) до отъезда в Прагу. Именно этот период, по наше-му мнению, оказался формирующим для Елизаветы – политика и мецената. Живя в Гейдельберге, Елизавета обрела свое место в новой системе покровительства, выстроила от-

[1] Исследование было выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-18-00290.

ношения с родственниками мужа и немецкими князьями, сформировала собственный двор и пережила первый большой политический кризис.

Свидетелем этого периода жизни Елизаветы Стюарт стала ее корреспонденция – десятки писем, написанных ею в 1610-х гг. В их число входят и два ранее не исследованных письма, хранящиеся сейчас в РНБ в составе собрания П.П. Дубровского (Авт. 12, № 52, 53). Переписка Елизаветы позволяет понять, как именно «работала» система отношений между клиентами и патронами, как при ее посредстве происходил обмен политической и культурной информацией, обеспечивавший расцвет ее двора сначала в Гейдельберге, а потом в Праге и в изгнании в Гааге.

Елизавета Стюарт[2], старшая (и единственная достигшая совершеннолетия) дочь короля Шотландии Якова VI (I) и его супруги Анны Датской, родилась в Шотландии, в королевском дворце Данфермлин 19 августа 1596 г. Крестили принцессу 28 ноября того же года в королевской капелле дворца Холируд (Эдинбург), а крестной матерью была королева Англии Елизавета I. Детство принцессы прошло во дворце Линлитгоу, недалеко от Эдинбурга, а ее воспитание было вверено лорду Александру Ливингстону, графу Литлингоу (ум. 1621) и его жене Элинор Хэй.

В феврале 1603 г. умерла королева Елизавета I Тюдор, и Яков получил известие о том, что его провозгласили королем Англии. Король отправился в свое новое королевство немедленно, а летом 1603 г. за ним в Лондон последовала королева Анна и дети. С момента появления в Англии жизнь принцессы была окружена множеством интриг, поскольку она была не просто дочерью короля, но и потенциальной наследницей престола. Новыми воспитателями Елизаветы стали лорд и леди Харингтон[3]. В их поместьях Кумб-Эбби и Экстон-холле в Уорикшире принцесса жила в первые годы по приезде в Англию. Там она едва не стала жертвой похищения – участники Порохового заговора в 1605 г. планировали захватить ее и сделать королевой после убийства отца и братьев[4].

В 1606 г. принцесса с воспитателями переехала в пригородное поместье Кью, поближе к столице и к свите старшего брата Генри. Программа ее обучения в целом следовала той, по которой учили принца: уроки богословия, естественной истории, географии, иностранных языков, богословия, а также музыки и танцев. По сообщению французского посла де Ла Бодери[5], принцесса говорила по-французски лучше своего брата. Знание французского пригодится ей в будущем, так как именно на этом языке ей предстояло общаться с мужем и его многочисленными родственниками. Ранее было принято считать, что она не знала латыни, так как Яков I счел латынь ненужной для женщины. Однако в недавней биографии Елизаветы Стюарт было доказано, что это сообщение восхо-

[2] Биографии Елизаветы Стюарт довольно многочисленны, но только две из них представляют собой серьезные исследования, опирающиеся на архивные источники: Green 1909, Akkerman 2021.

[3] Джон Харингтон, барон Экстон (1540–1613) и его жена Энн, урожд. Килуэй (ум. 1620). Akkerman 2021: 38.

[4] Akkerman 2021: 40–41.

[5] Антуан Лефевр де Ла Бодери (1555–1615), посол при дворе Якова I в 1606–1613 гг.

дит к недостоверному историческому анекдоту XVIII в.[6] По свидетельствам современников, она говорила на английском, французском, итальянском языках, а также на латыни. Позднее, уже в годы замужества, Елизавета научилась говорить по-немецки и по-голландски[7].

Переговоры о будущем браке принцессы начались практически сразу же после того, как ее отец унаследовал английскую корону. Уже в 1603 г. Генрих IV Французский высказал идею о двойном браке между его детьми и детьми Якова I. Тогда же герцог Карл Эммануил I Савойский предложил Якову I своего наследника Филиппа Эммануила в качестве жениха для дочери[8]. Елизавета была желанной невестой и для протестантских династий Европы. В 1609 г. король Швеции Карл IX просил ее руки для своего сына, принца Густава Адольфа[9]. В 1610 г. было получено предложение от штатгальтера Соединенных Провинций принца Морица Нассау-Оранского[10]. Наследники немецких принцев приезжали в Лондон лично, надеясь произвести благоприятное впечатление на Елизавету и ее родителей. Весной 1610 г. в Лондон прибыл с визитом двоюродный брат девушки, Фридрих-Ульрих, наследник герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского[11]. Летом 1611 года английский двор посетил наследник ландграфа Гессенского Отто[12]. В том же году герцог Савойский вновь предложил брак, на этот раз двойной: своего наследника, Витторио Амадео[13], в качестве жениха для Елизаветы, и дочь Марию в жены принцу Генриху. Наконец, в 1612 г., когда вся Европа обсуждала династический союз Габсбургов и Бурбонов[14], испанский король Филипп III разработал план заключить брак между английским наследником и второй дочерью короля, инфантой Марией. В случае, если бы Яков I пожелал заключить двойной брак своих детей, на руку Елизаветы претендовал сам Филипп III, овдовевший в конце 1611 г.[15]

[6] Akkerman 2021: 48.

[7] Green 1909: 123.

[8] Филипп Эммануил (1586–1605), принц Пьемонтский, старший сын герцога Карла Эммануила I Савойского и Екатерины Микаэлы Австрийской: Akkerman 2021: 48.

[9] Густав II Адольф (1594–1632), сын короля Карла IX и Кристины Гольштейн-Готторпской, король Швеции в 1611–1632 гг. О брачном предложении см.: Grosjean 2003: 27.

[10] Мориц (1567–1625), сын принца Вильгельма I Оранского и Анны Саксонской. Принц Оранский в 1618–1625 гг. Штатгальтер провинций Голландия и Зеландия (1585–1625), Утрехт, Гельдерн и Оверэйссел (1590–1625), Гронинген (1620–1625). О брачном предложении см.: Akkerman 2021: 49–50.

[11] Фридрих-Ульрих (1591–1634), сын Генриха-Юлия, герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского, и Елизаветы Датской. В 1613–1634 гг. – правитель княжества. Посетил английский двор с визитом в марте – июне 1610 г.: Nichols 1828: 290, 310–312, 314.

[12] Отто (1594–1617), сын Морица, ландграфа Гессен-Кассельского и Агнессы фон Зольм. Наследный принц Гессенский. Был при английском дворе с 23 июня по 7 августа 1611 г.: Rye 1865: 143–145.

[13] Виктор Амедей I (1687–1637), второй сын герцога Карла Эммануила I Савойского и Екатерины Микаэлы Австрийской, герцог Савойский в 1630–1637 гг. О брачном предложении см. Akkerman 2021: 52; Birch 1848: 148.

[14] В 1612 г. французский король Людовик XIII и его сестра Елизавета Французская были обручены с испанской инфантой Анной Австрийской и инфантом Филиппом соответственно. В брак они вступили в 1615 г.

[15] О брачном предложении см. Akkerman 2021: 53.

Яков I и Анна Датская расходились во мнениях насчет подходящего жениха для дочери, причем роль играли и конфессиональные соображения, и вопросы статуса. Яков I, желавший для сыновей брачных союзов с принцессами-католичками, не хотел, чтобы Елизавета выходила замуж за католика, поэтому всерьез не рассматривал таких кандидатов. Анна же еще в 1613 г. намекала дипломатам на возможность обращения дочери. Однако ее беспокоила не столько религия, сколько ранг жениха. Она сама была дочерью и женой короля и желала для дочери такого же статуса. Поэтому Мориц Нассау-Оранский и сыновья немецких князей были отвергнуты сразу: они не были достаточно знатными для Елизаветы. Густав Адольф соответствовал всем условиям: он был наследником короны, протестантом и подходил невесте по возрасту. Однако между Данией (родиной Анны) и Швецией существовала давняя вражда, поэтому брак с Елизаветой был сочтен невозможным. Королева Анна склонялась к кандидатуре испанского короля Филиппа III, тогда как Яков I предпочитал совсем другого жениха.

Еще в 1608 г. Анри де Ла Тур д'Овернь, герцог де Буйон[16] – один из лидеров французских гугенотов предложил Якову I брак Елизаветы со своим воспитанником – выросшим при его дворе в Седане Фридрихом, наследником курфюрста Пфальцского[17]. Его отец Фридрих IV был главой Протестантского союза, объединявшего князей-протестантов Священной Римской империи. Яков I был заинтересован в альянсе с немецкими протестантами, видя себя в роли их главы и покровителя, поэтому переговоры о браке продолжились. В 1610 г. Фридрих IV умер, и его сын унаследовал титул курфюрста. Повышение статуса, а также влияние пфальцских Виттельсбахов в Протестантском союзе делало кандидатуру Фридриха V привлекательной в глазах Якова I. В 1612 г. он заключил соглашение о браке дочери и молодого курфюрста. Королева Анна была против этого брака, считая жениха неподходящим ее дочери по рангу, но ее мнение проигнорировали.

Брачный договор был подписан в мае 1612 г., а в октябре того же года в Лондон прибыл сам Фридрих V. Он удостоился торжественного приема[18], произвел хорошее впечатление на короля и английских придворных, а также на саму принцессу. Однако брачные торжества были омрачены внезапной смертью от лихорадки наследника английского престола, принца Генри (16 ноября 1612 г.). Поскольку младший брат Чарльз считался болезненным ребенком, Елизавета оказалась второй в линии наследования. Часть придворных сочла, что ей вовсе не стоит уезжать из Англии и советовала отменить все свадебные планы. Однако Яков I не стал этого делать, а, напротив, ускорил свадьбу. Молодые люди обручились и подписали брачный договор 27 декабря 1612 г., а вен-

[16] Анри де Ла Тур д'Овернь, герцог де Буйон (1555–1623), правитель княжества Седан и один из покровителей французских гугенотов. Курфюрст Фридрих V был племянником жены герцога, Елизаветы Фландрики Нассау-Оранской.
[17] Rüde 2007: 145.
[18] Nichols 1828: 463–467.

чание состоялось в капелле дворца Уайтхолл 14 февраля 1613 г. Королева Анна Датская не присутствовала на обручении, но появилась на венчании в церкви и участвовала в празднествах в честь новобрачных, которые на протяжении двух месяцев устраивали в английской столице[19]. 10 апреля Фридрих V и Елизавета в сопровождении ее родителей и брата, а также многочисленной свиты отбыли в Дувр, однако из-за неблагоприятной погоды корабли смогли выйти из гавани только 26 апреля. 27 апреля новобрачные прибыли в Остенде. По пути в Гейдельберг они нанесли визит дяде Фридриха V Морицу Нассау-Оранскому, совершив путешествие через Нидерланды к Рейну, а оттуда в Гейдельберг. Елизавета торжественно въехала в свою новую столицу 7 июня 1613 г.[20]

В Гейдельберге Елизавета познакомилась с родственниками мужа. Фридрих V был сыном курфюрста Пфальцского – столпа реформатской церкви в Германии. Его мать Луиза Юлиана Нассау-Оранская (1576–1644) была старшей из шести дочерей третьей жены Вильгельма Оранского Шарлотты де Бурбон, и ей было всего шесть лет, когда умерла ее мать. Девочек воспитывала мачеха, Луиза де Колиньи[21], и с ней же Луиза Юлиана и еще три ее сестры остались после убийства отца в 1584 г.[22] Все эти принцессы были воспитаны в строгой кальвинистской традиции, и все предназначались для династических браков, хотя родственники по-разному представляли себе наилучший выбор. Их дядя Иоганн VI Нассау, граф Дилленбург (1536–1606) выбрал в 1593 г. для Луизы Юлианы мужа из числа немецких князей-кальвинистов – Фридриха IV Пфальцского, тогда как Луиза де Колиньи предпочитала укрепить связи с ведущими кальвинистскими семьями Франции. В 1594 г. она увезла двух принцесс, Елизавету Фландрику и Шарлотту Брабантину, в Париж ко двору Генриха IV, где им нашли подходящих женихов среди аристократов-гугенотов. Мужем Елизаветы (в апреле 1595 г.) стал Анри де Ла Тур д'Овернь, герцог де Буйон, а Шарлотты Брабантины – Клод де Ла Тремуй, герцог де Туар[23]. Обе дамы стали посредницами в отношениях семьи Оранских-Нассау и французским королевским двором. Елизавета, к

[19] Nichols 1828: 536–611.

[20] Nichols 1828: 612–620.

[21] Луиза де Колиньи (1555–1620) – дочь погибшего во время Варфоломеевской ночи лидера французских гугенотов адмирала Гаспара де Колиньи и его первой жены Шарлотты де Лаваль. В первом браке – жена гугенота Шарля де Телиньи. Он был убит вместе с ее отцом. Во втором браке (с 1583 г.) – последняя (четвертая) жена Вильгельма I, принца Оранского, графа Нассау (1533–1584).

[22] Луиза Юлиана, Елизавета Фландрика (1577–1642), Шарлотта Брабантина (1580–1631) и Эмилия Антверпиана (1581–1657). Катарину Бельгику (1578–1648) воспитывала в лютеранской вере тетка по отцу, графиня Катарина фон Шварцбург, она устроила брак девушки с Филиппом II Людвигом, графом Ханау в 1596 г. Шарлотту Фландрину (1579–1640) воспитывали во Франции родственники матери – католики. В 1595 г. она стала монахиней бенедиктинского аббатства Жуарр, возглавляемого ее теткой, а в 1620 г. сменила ее в качестве аббатисы. Hodson 2007; Broomhall, Van Gent 2016: 36.

[23] Broomhall, Van Gent 2016: 69. Клод де Ла Тремуй, герцог де Туар, принц Таренто (1566–1604) – французский аристократ из числа «иностранных принцев», соратник Генриха IV.

тому же, приняла на воспитание сына своей старшей сестры Луизы Юлианы: с 1604 г. принц Фридрих воспитывался в Седане.

Как старшая из сестер, Луиза Юлиана поддерживала отношения внутри клана по переписке, часто выступая в роли заступницы за младших членов семьи перед главой клана Морицом Нассау[24]. В 1610 г., после смерти мужа, она выступала в роли регентши при несовершеннолетнем сыне, деля полномочия с Иоганном II, пфальцграфом Цвейбрюккенским, сложив полномочия в 1614 г., после возвращения сына с женой в Гейдельберг. Но и после этого Луиза Юлиана не вполне отошла от дел. Как и подобало матриарху большого клана, она уделяла большое внимание устройству выгодных браков: именно она стояла за брачными переговорами с Яковом I, и брак сына с английской принцессой был ее большой дипломатической удачей. Для дочерей она искала женихов среди немецких князей-кальвинистов: старшая дочь, тоже Луиза Юлиана (1594–1640) стала в 1614 г. женой пфальцграфа Цвейбрюккенского, Елизавета Шарлотта (1597–1660) вышла в 1616 г. замуж за курфюрста Георга Вильгельма Бранденбургского. Младшую сестру Эмилию Антверпиану, которая жила в Гейдельберге с 1593 г., в 1616 г. также выдали замуж за Фридриха Казимира Цвейбрюккенского (младшего брата Иоганна II)[25].

Принадлежность к клиентеле Нассау-Оранских станет для Елизаветы опорой в годы Тридцатилетней войны. В 1619 г. Фридрих V, движимый своим долгом покровителя «истинной веры», откликнулся на призыв чешских сословий и принял предложенную ему корону Чехии. В ноябре 1619 г. последовавшая за ним Елизавета была коронована в Праге. Однако уже в 1620 г., после поражения при Белой Горе Фридрих V и Елизавета бежали сначала в Бранденбург, затем – в Нидерланды (1621), где им предложил гостеприимство дядя курфюрста. На протяжении сорока лет (1621–1661) эта страна будет домом для Елизаветы. Вернуться в Пфальц супруги не могли, так как курфюршество было оккупировано испанскими войсками. Фридрих V больше не увидел Пфальца: он умер в 1632 г., так и не сумев добиться поддержки в отвоевании своего княжества. Лишь в 1648 г. Нижний Пфальц (с Гейдельбергом) был возвращен сыну Фридриха V и Елизаветы Карлу Людвигу[26]. Столица была разорена, и Елизавета не вернулась в Гейдельберг, оставшись в Гааге. Лишь в конце жизни (1661 г.) она приняла приглашение племянника Карла II и приехала в Англию. В Лондоне в ее распоряжение был предоставлен Лестер-Хаус. Там она и умерла от пневмонии 13 февраля 1662 г.

На протяжении долгих лет королева-изгнанница поддерживала обширную сеть контактов с родственниками в Нидерландах, Франции и Германии, английскими придворными и роялистами. Эта сеть использовалась для обретения покровительства, получения военной и финансовой помощи для отвоевания наследственных владений мужа, содержания двора в изгнании, устройства выгодных браков для детей (их у Елизаве-

[24] Broomhall, Van Gent 2016: 77.
[25] Broomhall, Van Gent 2016: 84.
[26] Верхний Пфальц стал владением герцогов Баварских.

ты было 13, из них девять достигли совершеннолетия)[27], и распространения политической информации. Елизавета покровительствовала искусствам: ее двор в Гааге, несмотря на стесненные финансовые обстоятельства, соперничал с двором штатгальтера. Там ставили спектакли и балеты, что свидетельствовало о взаимодействии английской и французской придворной культуры[28]. Елизавета была и заказчицей голландских живописцев. В ее заказах любовь к искусству переплеталась с политической пропагандой[29]. Елизавета была покровительницей Константина Гюйгенса (отца знаменитого ученого), которому она помогла занять пост секретаря штатгальтера[30], переписывалась с Фрэнсисом Бэконом[31].

Елизавета стала покровительницей искусств раньше, еще в гейдельбергский период. Именно благодаря ей в кальвинистский Гейдельберг пришел театр: уже в 1613 г. там гостили английские театральные труппы[32], а в 1615 г. в банкетном зале, спроектированном знаменитым английским архитектором Иниго Джонсом, в новом, «английском» крыле замка устроили и спектакль в честь свадьбы придворных[33]. Письма Елизаветы свидетельствуют и о покровительстве живописи. В 1619 г. она заказала местному художнику свой портрет, но, впрочем, осталась не слишком довольна результатом: «он не так хорошо написан, как бы мне хотелось, но в этой стране [Германии] нет хороших художников»[34].

---

[27] Генрих Фридрих (1614–1629); Карл I Людвиг, курфюрст Пфальцский (1617–1680); Елизавета (1616–1680), княгиня-аббатиса, Херфорд; Руперт (1619–1682), герцог Камберленд; Мориц (1621–1652); Луиза Олландина, аббатиса, Мобюиссон; Эдуард, пфальцграф Зиммернский (1625–1663); Генриетта Мария (1626–1651); Иоганн Филипп (1627–1650); Шарлотта (1628–1631); София (1630–1714); Густав Адольф (1632–1641). Елизавета устроила браки троих детей: Карл Людвиг женился на своей троюродной сестре Шарлотте Гессен-Кассельской, Генриетта Мария вышла замуж за Жигмонта Ракоши, брата правителя Трансильвании, а София стала женой курфюрста Ганноверского. Эдуард, принятый при дворе Людовика XIV стараниями французских родственников, женился на Анне де Гонзаг-Неверской и перешел в католичество, после чего Елизавета надолго прервала отношения с сыном.

[28] Keblusek 2007; Akkerman, Sellin 2004–2005; Akkerman 2009.

[29] В 1634 г., после смерти Фридриха V Елизавета заказала Герриту ван Хорнхорсту парные портреты, причем покойный муж был изображен со всеми регалиями курфюрста и короля Чехии, а сама королева – в трауре, но с короной и скипетром Чехии на столе рядом с ней. В 1636 г., после заключения Пражского договора, согласно которому у ее сына отнимали Верхний Пфальц, Елизавета заказала Хорнхорсту большое полотно «Триумф Зимней королевы», семейный портрет, на котором она сама изображена в колеснице, влекомой львами. Это полотно могло быть истолковано как заявление о готовности королевы воевать за наследственные права сына. Akkerman 1614: 87–88; Pert 2023: 111.

[30] Akkerman 2016: 72

[31] Correspondence I 2011: 356–357. Интеллектуальные интересы Елизаветы переняли и ее дочери: Елизавета занималась философскими штудиями и переписывалась с Рене Декартом и Анной-Марией ван Шурман, а Луиза Олландина была художницей. Akkerman 2021b; Kerstjens 1999.

[32] Thomas 2010: 91.

[33] Akkerman 2021: 112.

[34] Correspondence I 2011: 196: “I am sorie it is not so well done as I would wish it but there is no good drawers in this countrie”.

Переписка позволяет увидеть жизнь Елизаветы в ее ипостаси главы большой системы покровительства. Сохранился большой комплекс ее писем (более 2000). Надин Аккерман опубликовала более 1200 писем за 1603–1642 гг.[35], и публикация еще не закончена: завершающий том с корреспонденцией последних 20 лет жизни Елизаветы Стюарт до сих пор не издан. Более 70 писем приходятся на гейдельбергский период жизни курфюрстины. Они адресованы преимущественно родственникам – отцу и брату в Лондон, представителям семьи Нассау в Гаагу и Париж, а также английским дипломатам в Гаагу, Париж и Брюссель. Есть и послания, обращенные к другим монархам. Среди них – пять писем, направленных правителям Франции. Три из них опубликованы Надин Аккерман, а еще два публикуются здесь.

Письма прежде всего служили для обмена новостями. Так, в письмах в Англию доминируют семейные дела (рождения, смерти) и придворные новости (в основном финансовые). Интересовали Елизавету и политические новости из Англии, причем те, что касались ее лично: так, в 1614 г. она интересовалась заседаниями парламента, который должен был принять акт о натурализации ее старшего сына[36]. Признание «прирожденным» англичанином открывало мальчику право наследовать престол. А в 1616 г. английский дипломат Уильям Трамбалл сообщал курфюрстине последние новости о процессе над убийцами Томаса Овербери[37]. В этом деле был замешан фаворит Якова I граф Сомерсет, однако представляется, что для Елизаветы был важен не сам факт скандала, но последовавшее за ним падение про-испанской группировки английских придворных, выступавших за отказ от кальвинистского альянса, т.е., от союза с мужем курфюрстины.

Письма показывают также способы, которыми Елизавета поддерживала отношения с кланом родственников мужа. Среди них – обмен дарами: английская принцесса еще в ранней юности прославилась любовью к охоте, и теперь родственники присылали ей не только украшения, но и охотничьих собак[38]. Как супруга курфюрста, Елизавета стала также частью мира князей Священной Римской империи, отношения между которыми поддерживались и при помощи духовного родства: ее многократно приглашали стать крестной матерью, и она соглашалась, порой отправлялась на крестины сама, но чаще посылала представителей[39].

Не менее важными были отношения с Францией. Переписка Елизаветы Стюарт с французскими правителями иллюстрирует и формирование европейского дипломатического протокола, в частности, его особенности, связанные с женскими дворами. Распространенным обычаем были поздравления новобрачной с прибытием ко двору мужа, обращенные к ней другими женщинами – консортами правителей или самостоя-

[35] Correspondence I 2011, Correspondence II 2011.
[36] Correspondence I 2011: 134.
[37] Correspondence I 2011: 173.
[38] Correspondence I 2011: 182, 190.
[39] Correspondence I 2011: 163–164, 179, 186

тельными правительницами. Подобные поздравления получила и Елизавета Стюарт по прибытии в Гейдельберг, причем одним из самых престижных поздравлений стало письмо, адресованное ей французской королевой-матерью, регентшей Марией Медичи. Письмо было доставлено теткой молодого курфюрста Шарлоттой-Брабантиной, герцогиней де Ла Тремуй, пятой дочерью Вильгельма Оранского и принцессы крови Шарлотты де Бурбон-Монпансье. Шарлотта-Брабантина родилась в Антверпене и была названа в честь матери и провинции Брабант[40]. Большую часть жизни провела во Франции, став в 1598 г. женой герцога де Туара, Клода де Ла Тремуя[41]. Во Франции она получила статус «иностранной принцессы» и возможность пребывания при дворе. Генрих IV явно благоволил к своей родственнице, поскольку она обрела право огнестрельной охоты в своих французских владениях (1599) и право на сеньориальные сборы, которые унаследовала от матери[42]. После смерти ее мужа в 1604 г., специальным эдиктом король позволил ей постоянно проживать во Франции (1608)[43]. При дворе она вошла в ближний круг королевы Марии Медичи, и быстро приняла на себя роль посредницы между католическим двором и протестантским руководством Франции[44].

Елизавета уже успела познакомиться с представителями этой семьи. В апреле-мае 1612 г. герцог де Буйон, зять герцогини де Ла Тремой, отправился в Англию для переговоров о заключении «испанских браков», которые планировала французская сторона в отношении Людовика XIII и его сестры Елизаветы Французской. Целью визита было заверить английскую сторону в том, что браки с испанскими инфантами не приведут к разрыву союзнических отношений с Англией, а также предложить французскую невесту – принцессу Кристину в жены наследнику английского престола. Тайной целью визита было согласование условий брака другого племянника герцога Буйонского, Фридриха V и Елизаветы Стюарт. Мария Медичи, таким образом, пыталась уравновесить католические «испанские браки» и смягчить беспокойство англичан, используя родственные протестантские связи герцога Буйонского и герцогини де Ла Тремуй. Герцога сопровождал его четырнадцатилетний племянник Анри де Ла Тремуй, сын Шарлотты-Брабантины[45]. Мальчик был хорошо принят при английском дворе[46].

Личное знакомство герцогини де Ла Тремой и Елизаветы Стюарт состоялось осенью 1613 г., когда вместе со своей сестрой герцогиней де

[40] Les La Trémoille 1895: 17.
[41] Les La Trémoille 1895: 29.
[42] Les La Trémoille 1895:41.
[43] Les La Trémoille 1895: 42.
[44] Chartier de Thouars 1877: 126.
[45] Charavay 1873–1874: 54–59.
[46] Charavay 1873–1874: 54–59. В связи с успешным завершением миссии Буйона и возвращении юного герцога в Париж, 31 мая 1612 г. «по ходатайству Ее Величества королевы-регентши, матери короля, король [Людовик XIII], желая отблагодарить мадам де Ла Тремой, герцогиню де Туара, жалует ей в качестве дара 12 тысяч турских ливров». Delaborde 1890: 191.

Буйон, при дворе которой воспитывался Фридрих V, она навещала свою старшую сестру, вдовствующую курфюрстину Пфальцскую[47]. Именно тогда и было вручено письмо королевы-матери.

Письмо Марии Медичи к Елизавете Стюарт до начала XX в. хранилось в коллекции автографов сэра Томаса Филлипса в его поместье Миддл Холл. Биограф Елизаветы Стюарт Мэри Э. Грин видела письмо в этом собрании (конволют с письмами Генриха IV и Марии Медичи, шифр Middlehall MS 3181) и сослалась на него в своем исследовании[48]. Она, к сожалению, не привела точную дату составления письма королевы-матери. Коллекция Филлипса была распродана по частям в XX в., и теперь местонахождение письма Марии Медичи неизвестно. Сейчас мы располагаем только датировкой ответного послания от Елизаветы к Марии Медичи, публикуемого здесь. Оно было составлено 25 октября (4 ноября) 1613 г.[49] Герцогиня де Ла Тремуй упомянута в нем как дама, доставившая Елизавете письмо королевы Марии, вероятно, незадолго до этой даты. Вероятно, сама герцогиня и доставила это письмо в Париж. Она осталась очень довольна оказанным ей приемом, о чем с удовольствием рассказывала по возвращении во французскую столицу[50].

Встреча в Гейдельберге положила начало прочной дружбе и политическому альянсу, свидетельством чему являются многочисленные письма Елизаветы герцогине де Ла Тремуй[51], ставшей ее главной посредницей во французских делах. Четыре из их относятся к первому, гейдельбергскому, периоду замужества Елизаветы Стюарт (1613-1619): письма от 10 (20) февраля 1614 г.[52], 26 марта (5 апреля) 1615 г.[53], 11 (21) октября 1618 г.[54] и 2 (12) мая 1619 г.[55] Эти послания могут служить хорошей иллюстрацией работы системы женских коммуникаций: дамы сообщают о семейных делах (рождении первенца Елизаветы в 1614 г. и смерти Анны Датской в 1619 г.), занимаются устройством браков придворных (1615 г.) – в соответствии с немецким обычаем Елизавета выдала даму своей опочивальни Энн Саттон за камергера двора мужа Ганса Мейнарда фон Шомберга, формируя тем самым новый транснациональный придворный клан[56].

Принято считать, что в гейдельбергский период Елизавета была занята именно такими делами: растущей семьей, улаживанием дел своего англо-немецкого двора, а также вопросами ранга: Елизавета была

[47] Marchegay 1863: 148.
[48] Green 1909: 91.
[49] РНБ. Собрание П.П. Дубровского. Авт. 12, № 52. Л. 84–85 об.
[50] Green 1909: 91.
[51] Всего известно 18 писем Елизаветы Стюарт к герцогине де Ла Тремуй за 1614–1628 гг. Они опубликованы в 1863 г.: Marchegay 1863. С тех пор оригиналы утрачены. В издании Надин Аккерман эти письма приводятся по изданию 1863 г.
[52] Correspondence I 2011: 133–134.
[53] Correspondence I 2011: 151.
[54] Correspondence I 2011: 190–191.
[55] Correspondence I 2011: 195–196.
[56] Correspondence I 2011: 154–155.

дочерью и внучкой королей, а также потенциальной наследницей корон Англии, Шотландии и Ирландии (пока у принца Карла не появилось собственных детей). Все это в глазах Якова I и самой Елизаветы ставило ее выше немецких княгинь, включая и жен курфюрстин, в т.ч. собственной свекрови Луизы Юлианы. Елизавета требовала, чтобы во время всех придворных церемоний старшинство ранга было за ней. Уже весной 1614 г. это привело к конфликтам между свекровью и невесткой[57]. Благодаря поддержке отца Елизавета настояла на том, чтобы ее приоритет признавался гейдельбергским двором. Луиза Юлиана после этих споров покинула двор сына, удалившись в свои вдовьи владения, и отказалась от посещения публичных церемоний вместе с невесткой, чтобы вопрос о старшинстве даже не возникал.

Однако Елизавета полагала, что признавать старшинство ее ранга должны были не только родственники мужа, но и другие имперские князья, что порой создавало неловкие ситуации. В начале апреля 1616 г. Елизавета и Фридрих V были в Штутгарте на крестинах сына герцога Вюртембергского[58], где она настаивала на том, чтобы ее первенство ранга признавали все собравшиеся на праздник князья и их жены, включая даже мать младенца[59]. Князья высказали свое недовольство мужу Елизаветы, и Фридрих V, выразив готовность признавать первенство ранга жены при собственном дворе, потребовал от нее в обществе других князей (и на их территории) соблюдать немецкий обычай и отдавать первенство супругу. В последовавшей за этим ссоре обе стороны апеллировали к Якову I, который одобрил действия дочери[60].

Исследователи склонны рассматривать поступки Елизаветы как одержимость рангом, объясняемую через отсылки к ее положению как наследницы престола[61], или даже к ее тяжелой депрессии[62]. При этом не принимается в расчет политический и дипломатический контекст событий. На крестины в Штутгарт в 1616 г. собрались члены Протестантского союза, союзником и покровителем которого был Яков I. Для последнего важно было собственное влияние на Союз, а внешним выражением этого влияния оказывалось почтение, оказанное дочери короля немецкими князьями-протестантами, особенно значимое в связи с политическим

[57] Correspondence I 2011: 138–139.

[58] Иоганн Фридрих, герцог Вюртембергский (1582–1628). Фридрих V был крестным отцом его третьего сына Фридриха (1615–1682).

[59] Барбара София Бранденбургская (1584–1636).

[60] Correspondence I 2011: 176–179. Фридрих V отправил к Якову главу своего двора – Шомберга с объяснением своей позиции, а Елизавета написала отцу. Яков I в ответных письмах дочери и зятю (переданных через Шомберга и специального посланника, сэра Генри Уоттона) требовал соблюдения оговоренных заранее условий, т. е., приоритета Елизаветы. Впоследствии во избежание публичных конфликтов Елизавета не ездила на крестины детей курфюрстов, даже если ее приглашали стать крестной матерью. В роли заместителя часто выступал сам Фридрих V. Correspondence I 2011: 179, 185–186.

[61] Green 1909: 88; Akkerman 2021: 127–128.

[62] Correspondence I 2011: 178. Депрессия Елизаветы была спровоцирована смертью в конце 1615 г. ее близкой подруги Энн Саттон, жены барона Шомберга.

кризисом во Франции, грозившим превратиться в большую войну (см. ниже). Елизавета на празднике выступала не только от собственного имени, но и как символический заместитель своего отца, поэтому и для нее, и для Якова I вопросы ранга имели такое большое значение.

Гейдельбергские годы жизни Елизаветы описываются ее биографами как политически нейтральные, и даже Н. Аккерман, исследование которой опиралось на обширный корпус опубликованных ею же писем курфюрстины Пфальцской, разделяет это мнение. Однако письма Елизаветы свидетельствуют о вовлеченности в дипломатические дела, что неудивительно, учитывая, что выходившие замуж принцессы в то время рассматривались «послы» своей страны при дворе супруга.

Елизавета переписывалась с английскими представителями в Париже и Брюсселе – сэром Томасом Эдмондсом и Уильямом Трамбаллом, а также поддерживала контакты и с дипломатами своего мужа при французском дворе. Так, выражая соболезнования Эдмондсу по поводу кончины его жены, Елизавета упомянула, что более подробно сообщение от нее будет передано Эдмондсу Матюреном де Гертеном – представителем курфюрста Пфальцского в Париже[63]. Последний после 1613 г. работал в тесном контакте с английскими дипломатами, обмениваясь с ними новостями из Парижа и Лондона[64]. Елизавета тоже была участницей этого обмена информацией. Порой она получала новости непосредственно от английского посла в Париже, а иногда – кружным путем, через дипломатического агента в Брюсселе[65].

Известия из Франции приобрели для Елизаветы значимость не только потому, что она породнилась с французскими гугенотами, но из-за политического кризиса, охватившего Францию в последние годы регентства Марии Медичи. Королева Мария всегда имела непростые отношения с французскими принцами, претендовавшими не только на место в королевском совете, но и на право определять важнейшие политические вопросы, в том числе брака короля. Принцы, и прежде всего Конде[66], а также и лидеры гугенотов – герцоги де Буйон и де Роган, выступали против курса Марии Медичи на сближение с Испанией и плана «испанского брака». Они стремились добиться отмены брачного договора 1612 г., а летом 1615 г. Конде попытался сорвать обмен принцессами на испанской границе, перехватив путешествующий двор по пути на юг. Гугеноты (за исключением де Рогана) не решились на восстание, прежде всего из-за позиции Якова I. Хотя и французские протестанты, и их немецкие родственники и союзники желали его вмешательства, так как опасались «католического заговора» против себя, английский король предпочел оказать на французский двор дипломатическое давление. Это решение спасло Францию и всю Европу от большой войны, так

[63] Correspondence I 2011: 148

[64] Downshire 1988: 403, 416–417, 427, 455, 488–489.

[65] Correspondence I 2011: 173, 182.

[66] Анри (Генрих) II, принц Конде (1588–1646) – троюродный брат короля Людовика XIII. В 1616 г. – второй по очереди наследник престола после Гастона Орлеанского.

как командующий испанской армии во Фландрии маркиз Спинола получил приказ оказать военную помощь правительству Марии Медичи в случае непосредственной угрозы для нее и, главное, для инфанты Анны – невесты Людовика XIII. Яков I же настоял на мирных переговорах с принцами[67]. Его посол был одним из официальных посредников между ними и правительством Марии Медичи, а в числе неофициальных была и герцогиня де Ла Тремуй, которой доверяла и королева, и гугеноты[68].

Заинтересованы в происходящем были и немецкие протестанты: посол Фридриха V де Гертен детально информировал курфюрста в Гейдельберге о происходящем, а Протестантский союз отправил во Францию своего посланника – саксонского дипломата Кристофа фон Дону. Елизавета была в курсе происходящего: она поддерживала постоянные контакты с де Гертеном уже в 1614 г., о чем свидетельствует ее письмо герцогине де Ла Тремуй, переданное через посла[69]. Фон Дона также выступил в роли доверенного посланника, доставив письмо курфюрстины Шарлотте-Брабантине[70]. В этом случае Елизавета одновременно оказывала услугу и послу, помогая фон Доне наладить контакты с герцогиней, которая могла помочь ему получить аудиенцию у королевы-матери.

Во время подготовки к переговорам союзники мятежных принцев-гугенотов старались оказать давление на французский двор, подталкивая его к примирению. Елизавета приняла участие в этой кампании давления, о чем свидетельствуют три ее письма, датированные 28 декабря 1615 г. Они адресованы Марии Медичи, Людовику XIII и Анне Австрийской[71]: во всех трех случаях Елизавета просила прислушаться к словам дипломатического представителя Пфальца господина де Гертена, «как к моим собственным»[72]. Поскольку речь шла о заступничестве за гугенотов, слова Елизаветы подчеркивали единство в данном вопросе Пфальца и Англии, придавая весомости словам мужа.

Елизавету вряд ли можно считать лишь исполнительницей воли мужа, учитывая проявленный ею интерес к переговорам в Лудене, которые в мае 1616 г. завершатся подписанием мирного договора. Де Гертен подробно описывал ход переговоров в своих письмах, в т.ч. и к Уильяму

[67] Adams 1973: 267–268.
[68] Chartier de Thouars 1877: 126
[69] Correspondence I 2011: 133–134
[70] Correspondence I 2011: 152
[71] Correspondence I 2011: 169–171. Одно из писем, по мнению Н. Аккерман, предположительно адресовано принцессе Генриетте-Марии, но совершенно непонятно, на чем основан такой вывод. Во всех трех письмах одинаковые обращения: «Мадам, моя досточтимая кузина» или «Месье, мой досточтимый кузен». Если в двух случаях они адресованы королю и королеве-матери, то логично предположить, что и в третьем случае речь идет о королеве, т. е., жене Людовика XIII Анне Австрийской. Последняя была представительницей испанского двора «по рождению», а значит, вполне могла быть адресатом дипломатического послания, которое косвенным образом направлялось и испанским союзникам Марии Медичи.
[72] Correspondence I 2011: 169 (“et luy donner la mesme creance enc e qu’il vous representera, qu’a moi mesme”), 170 (“adiouster foy a ce qu’il luy representera de ma part”), 171–172 (“Vous suppliant de l’ouyr, et adiouster foy a son dire comme a moy mesme”).

Трамбаллу в Брюссель[73]. Елизавета была патронессой Трамбалла: известно ее рекомендательное письмо Якову I, в котором она отметила оказанные ей услуги со стороны дипломата[74]. Тот, в свою очередь, снабжал ее новостями, в том числе и полученными из Франции сведениями. Например, в январе 1616 г. он прислал ей краткое содержание договора Конде с представителями гугенотских церквей[75]. Таким образом, у Елизаветы были собственные источники политической информации.

Луденский мир не завершил политического кризиса во Франции. Вскоре после его подписания принцы – в том числе Конде и Буйон – оказались замешаны в заговор против фаворита Марии Медичи Кончини[76]. 1 сентября 1616 г. Конде был арестован. Ла Тремуй[77] и Буйон бежали в Суассон, откуда последний направился в Седан и подготовил город к осаде, что приравнивалось к восстанию против короля. При дворе Марии Медичи ходили разговоры о том, чтобы призвать на помощь против принцев армию Спинолы из Фландрии[78], что подразумевало атаку на Седан. Герцог де Буйон, в свою очередь, запросил помощи у короля Якова I, своих родственников в Пфальце и Нидерландах и у Протестантского союза[79]. Опять возникла перспектива прямого военного столкновения сил протестантского альянса и Габсбургов.

Конец 1616 и первые месяцы 1617 г. поэтому были наполнены лихорадочной дипломатической активностью. Французский двор направил в Англию и Германию дипломатов, настаивая на невмешательства в отношения короны и принцев. В январе 1617 г. в Гейдельберг прибыл из Парижа граф Шомбер[8081]. В 1610-х гг. он был клиентом Жана-Армана дю Плесси, епископа Люсонского, будущего кардинала де Ришелье, который в ноябре 1616 г. стал государственным секретарем по иностранным и военным делам[82]. В своих мемуарах Ришелье подтверждает, что выбор Шомбера в качестве посланника в Германию был не случаен, поскольку епископ особо доверял графу, составив лично его дипломатические инструкции[83]. Последние рекомендовали посланнику убедить курфюрста Пфальца не вмешиваться во внутрифранцузские дела и не поддерживать гугенотскую оппозиционную активность[84]. Во время сво-

[73] Downshire 1988: 427, 440, 455, 470, 488–489, 500.
[74] Correspondence I 2011: 160
[75] Correspondence I 2011: 171–173
[76] Кончино Кончини, маркиз д' Анкр, маршал Франции (1569–1617).
[77] Сын Шарлотты-Брабантины, Анри де Ла Тремуй, герцог де Туар (1598–1674).
[78] Dubost 2009: 521–522.
[79] Smuts 2023: 614.
[80] Анри де Шомбер или Шомберг, граф де Нантей (1575–1632) – сын фаворита Генриха III, саксонского дворянина, успешно натурализовавшегося во Франции в 1560-х гг., и Жанны де Шастенье, придворной дамы Екатерины Медичи. Подобно отцу, сделавшему блестящую дипломатическую и государственную карьеру, с юных лет стал использоваться как посланник к немецким владетельным князьям.
[81] Levantal 1996: 645.
[82] Carmona 1983: 258.
[83] Ришелье 2005: 361–362.
[84] Ришелье 2005: 369.

ей миссии Шомбер должен был также заверить Фридриха V в поддержании всех прежних союзных договоренностей с Пфальцем, подкрепив свои слова привезенными с собой финансовыми средствами[85]. Ришелье отправил Шомбера в Гейдельберг в конце декабря 1616 г.: 12 января посланник проследовал Нанси, а в конце января, судя по письму курфюрстины Елизаветы Стюарт[86], он появился в столице Пфальца.

Посланника в Англию – Шарля Кошона, барона де Мопа дю Тура[87] задержала погода, он прибыл в Лондон только в феврале 1617 г.[88] В обоих случаях послание правительства королевы-матери было одинаковым: принцев представили слабыми и готовыми вот-вот подчиниться воле короля, а французского короля – верным союзникам своего отца[89].

Яков I по-прежнему не стремился к военному разрешению конфликта: уже после прибытия посла он, обращаясь к Суду Звездной палаты, именовал себя Rex Pacificus[90]. Однако он понимал, что все его претензии на лидерство среди протестантов окажутся ничтожными, если он бросит Буйона на произвол судьбы. Соответственно, король вел переговоры со своим зятем Фридрихом V о создании протестантской лиги, которая включила бы также немецких князей и Соединенные Провинции, с целью оказать давление на Людовика XIII и заставить его примириться с Буйоном. Одновременно король попросил у правителя Нидерландов эрцгерцога Альбрехта обещания не направлять Фландрскую армию против Седана и получил уклончивый ответ. В то же время Яков I дал разрешение своему послу в Нидерландах Дадли Карлтону закупать оружие, официально – для нужд Англии, а в реальности – для гугенотов Ла Рошели, которые начали готовиться к войне[91]. В Англии ощущали неотвратимость войны. С тем большей радостью Яков I воспринял пришедшие в начале мая 1617 г. из Франции новости об убийстве Кончини и ссылке Марии Медичи в Блуа: с отставкой французского правительства исчезла и угроза нападения на Седан и необходимости английского вмешательства на стороне гугенотов[92].

Елизавета также оказалась вовлечена в переговоры вокруг судьбы Седана и его правителя. Свидетельство тому – второе публикуемое здесь письмо. Оно датировано 18 (28) января 1617 г. и адресовано Людовику XIII[93] в ответ на письмо короля Франции, которое доставил Елизавете Шомбер. Примечателен сам факт обращения к Елизавете. Здесь сыграла

[85] Tapié 1934: 51–56.
[86] РНБ. Собрание П. П. Дубровского. Авт. 12. № 53. Л. 86-87об.
[87] Шарль Кошон, барон де Мопа дю Тур (1566–1629) был опытным дипломатом и хорошо знал короля Якова: в 1602–1603 гг. он представлял Францию при шотландском дворе, а в 1606 г. побывал в Лондоне с особой миссией – поздравил Якова I со спасением от заговорщиков (т.е., участников «Порохового заговора»). В 1617 г. он провел в Англии два месяца (февраль и март).
[88] Questier 2019: 374; Adams 1973: 272.
[89] Calendar 1858: 434
[90] Questier 2019: 375.
[91] Smuts 2023: 614-616.
[92] Questier 2019: 375.
[93] РНБ. Собрание П.П. Дубровского. Авт 12. № 53. Л.86-87об.

свою роль близость Елизаветы к герцогине де Ла Тремуй, которой доверяла королева-мать. Миссия Шомбера была сложной и деликатной, поскольку новому государственному секретарю – католическому епископу Люсонскому – у курфюрстов Пфальца не было доверия, его, хотя и безосновательно, считали ставленником испанцев. Шомберу пришлось использовать личные отношения королевы-матери и курфюрстины Елизаветы, чтобы получить какие-то гарантии невмешательства Пфальца.

Важным фактором было родство с Яковом I: обращение к Елизавете показывало признание ее роли посредницы между мужем и отцом, способствовавшей формированию альянса протестантов. Ответ Елизаветы Людовику XIII не был простой формулой вежливости: он взывал к союзническим обязательствам Франции. Ключевая фраза письма: «Вы помните обо мне, и помимо этого демонстрируете Ваше благорасположение и готовность по-прежнему поддерживать *союз*, существующий *между Вами и королем, моим отцом*, а также и *дружбу, которую Вы питаете к господину курфюрсту* (курсив наш – *авт.*), что придает мне еще больше уверенности»[94]. Она представляет собой апелляцию к союзу между Англией и Францией, заключенным еще при Генрихе IV, к связям между французским двором и немецкими протестантами, и являет собой призыв к миру – каким его себе представляли Яков I и его союзники, т.е. с гарантиями неприкосновенности для гугенотов.

Письма Елизаветы противоречат представлению о первых годах ее замужней жизни как о периоде тихого семейного счастья, омраченного лишь мыслями о своем высоком происхождении и мечтами о короне. Ее переписка показывает молодую женщину, которая с момента замужества погрузилась в хитросплетения европейской политики, все больше проникаясь интересами и опасениями союзников-протестантов, и объясняет, почему через два года Елизавета с готовностью поддержала мужа в решении принять предложенную ему корону Чехии: оба они видели в своих действиях способ защитить единоверцев.

Письма Елизаветы Стюарт к Марии Медичи и Людовику XIII (Авт. 12, № 52 и 53)

Письма Елизаветы Стюарт, курфюрстины Пфальцской к французской королеве-матери, регентше Франции, и ее сыну, королю Людовику XIII входят в состав собрания автографов П.П. Дубровского, хранящегося в РНБ. Письмо **I** к Марии Медичи (Авт. 12, № 52) составлено в Гейдельберге и датировано 25 октября 1613 г. Елизавета Стюарт датировала свои письма по юлианскому стилю, принятому в Англии[95], поэтому дата написания письма по новому стилю – 4 ноября 1613 г. Письмо **II** к Людовику XIII (Авт. 12, № 53) также составлено в Гейдельберге 18 (28) января 1617 г.

Оба письма написаны итальянским курсивом. Составитель письма **I** неизвестен: приехавший с Елизаветой в Гейдельберг секретарь, сэр Уильям Эльфинстон, был к концу 1613 г. уволен и вернулся в Англию[96], а новый,

[94] РНБ. Собрание П.П. Дубровского. Авт 12. № 53. Л.86.

[95] Correspondence I 2011: xxii.

[96] Correspondence I 2011: 145. Сэр Уильям Эльфинстон (ум. 1645), шотландский дворянин, придворный Елизаветы Стюарт, а позднее – ее брата, короля Карла I.

сэр Альбертус Мортон[97] был назначен только в 1616 г. Вероятно, именно рукой Мортона написано письмо **II**. Оба письма собственноручно подписаны Елизаветой. Письма ранее не были известны, они транскрибируются и вводятся в научный оборот впервые. В публикации сохранена орфография оригинала. Сокращения раскрываются, вставленные буквы помещены в квадратные скобки и выделены курсивом.

I. Елизавета Стюарт – Марии Медичи, королеве-регентше Франции. 25 октября[98] 1613 г. Гейдельберг.

Авт 12, № 52. Л. 84–85 об.

Два бумажных листа. Первый содержит текст письма с подписью Елизаветы, на обороте второго указан адресат. На обороте второго листа есть канцелярские пометы и надпись, сделанная рукой французского архивиста Дени Годефруа[99]

Л. 84.

Madame ma cousine[100],

Je vous rends graces bien humbles de ce qu'il vous a pleu me congratuler ma venüe en ces quartiers icy[101]. Mon obligation en est d'autant plus grande que cest honneur m'a esté rendu par l'entremise de ma très chère cousine la Duchesse de la Trimouille[102]. Élection n'eust sceu estre faite de personne pour me représenter vostre affection qui soit plus devotieusement consacrée à vostre service, ny que j'honnore plus que ladite Duchesse pour ses vertueuses qualités presque inimitables. Il vous plaira donc de reçevoir de sa bouche les assurances de mon amitié reciproque et de croire que je seray inviolablement,

Madame ma cousine,

Vostre cousine très affectionnée,

Elizabeth[103]

Heidelberg, le 25 d' Octobre 1613

Перевод:

Мадам моя кузина,

Я смиренно благодарю Вас за то, что Вам угодно было поздравить меня с прибытием в эти края. Моя признательность Вам тем более велика, что эта честь была мне оказана через мою дорогую кузину, герцогиню де Ла Тремуй. Невозможно было бы представить кого-либо другого для выражения Вашего ко мне расположения, кто бы с большим рвением посвятил себя служению Вам, и кого я чтила бы больше, нежели упомянутую герцогиню, из-за ее почти неповторимых добродетелей. Соблаговолите же принять из этих уст заверения в моей ответной дружбе и поверить, что я останусь неизменно, мадам моя кузина,

[97] Сэр Альбертус Мортон (1584–1625), английский придворный, дипломат и государственный секретарь (1625). Личный секретарь Елизаветы Стюарт в Гейдельберге в 1616–1617 гг.

[98] По старому стилю. Датировка письма по новому стилю – 4 ноября 1613 г.

[99] Дени Годефруа (1615–1681) – советник короля Франции Людовика XIV, архивист и коллекционер автографов. Пометы Д. Годефруа есть и на других письмах из собрания П. П. Дубровского, в частности, на письмах Маргариты де Валуа, королевы Наваррской (См. Шишкин 2017: 276–277). Вероятно, все они в какой-то момент составляли часть его коллекции.

[100] Мария Медичи (1575–1642), королева-мать и регент Франции в 1610–1617 гг.

[101] Письмо написано в ответ на традиционное поздравление, адресованное молодой жене монарха по ее прибытии в новую страну, от других королев и жен правителей.

[102] Шарлотта-Брабантина (1580–1631) Нассау-Оранская, пятая дочь герцога Вильгельма I Оранского и его третьей жены Шарлотты де Бурбон-Монпансье. Вдова Клода де Ла Тремуя, герцога де Туара.

[103] Собственноручная подпись Елизаветы Стюарт.

Вашей любящей кузиной,
Елизавета
Л.85 об.:
À Madame ma Cousine la Royne Regente de France
Перевод:
Мадам моей кузине королеве-регентше Франции
Канц. пометы: Électrice Palatine Elisabet d'Angleterre; Mad[*am*]e l'Éslectr[*ic*]e Palat[*in*]e, la jeune. Du 25e octob[*re*] 1613, reseu le Xe n[*ovem*]re; Elisab[*eth*].
Рукой Д. Годефруа: Elizabeth d'Angl[eter]re femme de Frédéric V, Électeur Palatin

II. Елизавета Стюарт, курфюрстрина Пфальцская – Людовику XIII, королю Франции. 18 января 1617 г[104]. Гейдельберг.

Авт 12, № 53. Л. 86 – 87об.
Два бумажных листа. Первый содержит текст письма с подписью Елизаветы, на обороте второго указан адресат. На обороте второго листа также есть канцелярские пометы и следы печати.
Л. 86.

Monsieur mon Cousin[105],

Le Sr Conte de Schomberg[106] estant arrivé icy, suivant vostre commandement, m'a delivré la vostre. Je vous en remercie très affectueusem[ent]. J'apperçoy par icelle la bonne souvenance que vous avez de moy, et sur tout vostre bien vueillance, & faveur, l'anciene alliance que est entre vous et le Roy mon très honnoré Père[107], ensemble l'amitié que vous portez à Monsieur l'Électeur[108], m'en asseurant d'autant plus. Parquoy il vous plairra de vous asseurer de la sincerité de mon affection, dont à toutes les occasions qui s'offriront je vous donneray des preuves réelles. Sur ce priant l'Éternel de vouz tenez en sa s[ainc]te garde, je finniray la présente démeurant à jamais,

Monsieur mon cousin,
Vostre cousine très affectionnée.
Elizabeth[109]
Heidelberg, le 18me de Janvier 1617

Перевод:

Господин мой кузен,

По прибытии сюда господин граф де Шомбер, следуя Вашему приказу, вручил мне Ваше [письмо], за что я Вас сердечно благодарю. Благодаря ему я вижу, что Вы помните обо мне, и помимо этого демонстрируете Ваше благорасположение и готовность по-прежнему поддерживать союз, существующий между Вами и королем, моим отцом, а также и дружбу, которую Вы питаете к господину курфюрсту, что придает мне еще больше уверенности. Посему соблаговолите увериться в моей настоящей преданности, подлинное доказательство которой я предоставлю каждый раз, как представится случай. Моля Господа сохранить Вас, заканчиваю это [письмо], оставаясь навсегда,

господин мой кузен, Вашей любящей кузиной,

Елизавета

[104] Дата дана по старому стилю. Датировка по новому стилю – 28 января 1617 г.
[105] Людовик XIII (1600–1643), король Франции в 1610–1643 гг.
[106] Анри де Шомбер, граф де Нантёй (1575–1632), дипломат, маршал Франции
[107] Яков I/VI (1566–1625), король Англии, Ирландии (1603–1625) и Шотландии (1567–1625).
[108] Муж Елизаветы, курфюрст Фридрих V Пфальцский (1596–1632).
[109] Собственноручная подпись Елизаветы Стюарт.

Л. 87 об.:

Au Roy Très Chrestien

Перевод:

Наихристианнейшему королю

Канц. помета: 1607[110].

Следы печати.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Ришелье. Мемуары (1600–1625) / Пер. Т. В. Чугуновой. М.: Аст, 2005. [Rishel'e. Memuary (1600-1625) (Richelieu. Memoirs (1600-1625)) / Per. T. V. Chugunovoj. M.: Ast, 2005.]

Шишкин В.В. Письма Маргариты де Валуа в Санкт-Петербурге // Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / Под ред. В.В. Шишкина. СПб., 2017. С. 276–277. [Shishkin V.V. Pis'ma Margarity de Valua v Sankt-Peterburge (Letters of Margaret of Valois at St Petersburg) // Margarita de Valua. Memuary. Izbrannye pis'ma. Dokumenty / Pod red. V.V. Shishkina. SPb., 2017. S. 276–277.]

Adams S.L. The Protestant Cause: Religious Alliance with the West European Calvinist Communities as a Political Issue in England, 1585–1630. PhD Thesis. University of Oxford, 1973.

Akkerman N., Sellin P. Facsimile Edition – A Stuart Masque in Holland: Ballet de la Carmesse de La Haye (1655) // Ben Jonson Journal. Vol. 11. 2004. P. 207-258; Vol. 12. 2005. P.141–164.

Akkerman N. Cupido en de Eerste Konigin in Den Haag: Constantijn Huygens en Elizabeth Stuart // De Zeventiente Eeuw. Vol. 25 (2). 2009. P. 73–96.

Akkerman N. Courtly Rivals in The Hague: Elizabeth Stuart & (1596-1662) Amalia Von Solms (1602-1675). Venlo: VanSpijk/Rekafa Publishers, 1614.

Akkerman N. Enigmatic Cultures of Cryptology // Cultures of Correspondence in Early Modern Britain / Ed. by J. Daybell, A. Gordon. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2016.

Akkerman N. Elisabeth of Bohemia's Aristocratic Upbringing and Education at Prinsenhof, Rapenburg 4-10, Leiden, c.1627/8–32 // Elisabeth of Bohemia (1618–1680): A Philosopher in Her Historical Context / Ed. by S. Ebbersmeyer, S. Hatton. Cham: Springer, 2021. P. 17–31.

Akkerman N. Elizabeth Stuart, Queen of Hearts. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Birch T. The Court and Times of James the First. Vol. I. London: H. Coburn, 1848.

Broomhall S., Van Gent J. Gender, Power and Identity in the Early Modern House of Orange-Nassau. London – New York: Routledge, 2016.

Calendar of State Papers Domestic: James I, 1611–18 / Ed. by M. A. E. Green. London, 1858.

Carmona M. Richelieu Paris. Fayard, 1983.

Charavay E. Revue des documents historiques suite de pièces curieuses et inédites. Paris: A. Lemerre, 1873–1874.

Chartier de Thouars: documents historiques et généalogiques. Paris, 1877.

The Correspondence of Elizabeth Stuart, Queen of Bohemia. Vol. I: 1603–1631 / Ed. by N. Akkerman. Oxford: Oxford University Press, 2011.

The Correspondence of Elizabeth Stuart, Queen of Bohemia. Vol. II: 1632–1642 / Ed. by N. Akkerman. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Delaborde J. Louise de Coligny, princesse d'Orange. T. II. Paris: Fischbacher, 1890.

Dubost J.-F. Marie de Médicis: La reigne devoilée. Paris: Biographie Payot, 2009.

Green M.A.E. Elizabeth, Electress Palatine and Queen of Bohemia. L.: Methuen & Co., 1909.

Grosjean A. An Unofficial Alliance, Scotland and Sweden 1569-1654. Leiden: Brill, 2003.

Hodson S. The power of female dynastic networks. A brief study of Louise de Coligny, princess of Orange, and her stepdaughters // Women's History Review. Vol. 16. 2007. P. 335–351.

Keblusek M. Entertainment in Exile: Theatrical Performances at the Court of Margaret Cavendish, Mary Stuart and Elizabeth of Bohemia // Triumph of the Defeated: Early Modern Festivals and Messages of Legitimacy / Ed. by P. Davidson, J. Bepler. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. P. 143–190.

Kerstjens C.A. A Princely Painter: Princess Louise Hollandine of the Palatinate, Abbess of Maubuisson // The Court Historian. Vol. 4 (2). 1999. P. 161–166.

Les La Trémoille pendant cinq siècles. T. IV. Nantes: Grimaud, 1895.

Levantal C. Ducs et pairs et duchés-pairies laïques à l'époque moderne (1519–1790). Paris: Maisonneuve & Larose, 1996.

[110] Дата прочитана ошибочно. Письмо датировано 1617 г.

Manuscripts of the Marquess of Downshire. Vol. V: Papers of William Trumbull the Elder, September 1614-August 1616. London: HM Stationary Office, 1988.
Marchegay P. Original letters to the Tremoille Family chiefly from Elisabeth Queen of Bohemia // Archaeologia, or Miscellaneous Tracts relating to Antiquity. London: J. B. Nichols and Sons, 1863. P. 143–172.
Nichols J. The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities, of King James the First. Volume II. London: AMS Press, 1828.
Pert T. The Palatine Family and the Thirty Years' War: Experiences of Exile in Early Modern Europe, 1632-1648. Oxford: Oxford University Press, 2023.
Questier M. Dynastic Politics & the British Reformations, 1558–1630. Oxford: Oxford University Press, 2019.
Rüde M. England und Kurpfalz im werdenden Mächteeuropa (1608–1632): Konfession - Dynastie - kulturelle Ausdrucksformen. Stuttgart: W. Kohlhammer, 2007.
Rye W.B. England as Seen by Foreigners in the Days of Elizabeth and James the First. London: John Russell Smith, 1865.
Smuts R.M. Political Culture, the State, and the Problem of Religious War in Britain and Ireland, 1578–1625. Oxford: Oxford University Press, 2023.
Tapié V.-L. La politique étrangère de la France et le début de la guerre de Trente ans. Paris: E. Leroux, 1934.
Thomas A.L. A House Divided: Wittelsbach Confessional Court Cultures in the Holy Roman Empire, c. 1550–1650. Leiden: Brill, 2010.

***Серегина Анна Юрьевна**, д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; aseregina73@yandex.ru*

***Шишкин Владимир Владимирович**, д. и. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, vladimirgenghis@mail.ru*

Elizabeth Stuart and diplomatic correspondence, 1613-1619
Letters from the Dubrovsky collection

The publication presents previously unknown letters from Elizabeth Stuart, Electress Palatine, daughter of James I of England and future Queen of Bohemia to the Regent of France, Queen-Dowager Marie de Medicis, and to King Louis XIII of France (St Petersburg, Russian National Library, Autograph 12, nos. 52 and 53). The letter to Marie de Medicis was written on 25 October (4 November) 1613. Its composition was related to a European diplomatic tradition related to female courts: a new wife of a king, or a prince was congratulated upon her arrival to her husband's court by other royal or princely women. The second letter was addressed to King Louis XIII and composed on 18 (28) January 1617. The letter's contents demonstrates that Elizabeth was heavily involved into negotiations intended to resolve the political crisis of 1615-1617 that had engulfed French Huguenots and their allies in the Holy Roman Empire and in England. The introductory article reconstructs political and social contexts of the letters' composition. The transcription of both letters (in French) is followed by their Russian translation and commentaries.

***Keywords:** Elizabeth Stuart, clientele, communication, news, cultural transfer, female patronage, Marie de Medicis, Louis XIII, James I, Huguenots.*

***Anna Seregina**, Dr. Sc. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru*

***Vladimir Shishkin**, Dr. Sc. (History), leading researcher, Sankt-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, vladimirgenghis@mail.ru*

Н.В. Ростиславлева

В.И. ГЕРЬЕ О Т.Н. ГРАНОВСКОМ (ИЗ ФОНДОВ НИОР РГБ)

Рассматриваются особенности личных взаимоотношений В.И. Герье и Т.Н. Грановского, который являлся для В.И. Герье учителем. Автор прослеживает последующее влияние Грановского на творчество своего ученика, ценившего в учителе прежде всего нравственный подход к историческому познанию. В тематическом плане подчеркивается их несовпадение, так как Грановского больше интересовала средневековая история, а Герье – Новое время. Он высоко ценил в творчестве и личности учителя его высокую религиозность, преданность монархии и беззаветный патриотизм. Публикуется «Заметка о Грановском» В.И. Герье из фондов НИОР РГБ, написанная им в 1867 г. к двенадцатилетней годовщине смерти историка.

Ключевые слова: *Т.Н. Грановский, В.И. Герье, всеобщая история, Московский университет.*

Владимир Иванович Герье (1837–1919) оставил после себя богатое научное наследие, что вполне закономерно, так как он был не только выдающимся историком, но и блестящим педагогом, профессором Московского университета. С его именем связано также создание Высших женских курсов в Москве. Преуспел историк е и в общественной деятельности. Но настоящим его призванием было преподавание и изучение всеобщей истории[1], которая стала университетской дисциплиной благодаря профессору Московского университета Т.Н. Грановскому (1813 – 1855).

В.И. Герье имел немецкие и французские корни: «род Герье уходил корнями в Лотарингию», но затем один из его предков, спасаясь от Французской революции конца XVIII века, переселился в Гамбург[2]. Владимир Иванович Герье был его потомком. Он родился в деревне Ховрино, что недалеко от Москвы, в небогатой семье немецких эмигрантов, рано потерял родителей, учился в четырехклассной школе при евангелическо-лютеранской церкви Петра и Павла в Москве, так как семья была протестантской. Потом был воспитанником пансиона Эннеса в Москве, после окончания которого весной 1854 г. он выдержал экзамены и был зачислен в Московский университет. То время в Московском университете можно смело назвать эпохой Т.Н. Грановского, который с блеском читал лекции на словесном факультете[3].

Тимофей Николаевич Грановский был питомцем Санкт-Петербургского университета. В Московский университет он попал в 1839 г. по приглашению его попечителя С.Г. Строганова. В 1836–1839 гг. по его же протекции Грановского отправили за границу для подготовки к профессорскому званию. Почти год тот провел в Берлинском университете[4].

[1] Репина 2006: 5-28; Мягков 2006: 29-42.
[2] Цыганков 2008: 30.
[3] Цыганков 2008: 32.
[4] Кореева 2006: 120-125.

Был студентом знаменитого исторического семинара Леопольда фон Ранке. В архиве университета Гумбольдта удалось обнаружить его матрикуляцию за номером 481 в 1837 г. В письме Неверову Грановский оставил восторженный отклик о Ранке: «Но слава Ранке еще молода, в России о нем немногие знают, а он выше большей части современных историков. Не говорю об учености, эта вещь неудивительная в Германии, но его светлые, живые, поэтические взгляды на науку очаруют тебя. Он понимает историю»[5].

С 1839 г. Т.Н. Грановский начал читать курсы в Московском университете. Он стал одним из тех, кто олицетворял новый образ профессора, который был не только ученым, но и блестящим просветителем, заставлявшим свет идти на его лекции в университетские аудитории[6]. Встреча с Грановским на вечере у профессора П.Н. Кудрявцева. оказала сильное влияние на последующую карьеру В.И. Герье. Когда Герье был на втором курсе университета, то слушал лекции Грановского. В своем лекционном курсе профессор много внимания уделял философии истории и в частности философии истории Гердера. Тот начал отказываться от рационалистических построений и проявлял пристальный интерес к гуманности, которая, по его мнению, отличала людей от мира животных[7], что подчеркивало интерес Грановского к нравственным чувствам. Герье в 1862 г. как и Грановский слушал лекции Ранке в Берлинском университете, лекции Ф. Шлоссера и Л. Гейссера – в Гейдельбергском, курс Г. Трейчке – во Фрайбурге[8].

Герье находился за границей более 3 лет. Вернувшись в Россию, в 1868 г. он защитил диссертацию о Лейбнице, начал читать курсы по всеобщей истории в Московском университете и продолжил традицию всеобщей истории, заложенную Грановским[9].

Герье всегда сохранял высокий пиетет перед Грановским. В этом отношении показательна небольшая брошюра профессора Герье в память столетнего юбилея со дня рождения Грановского[10]. Он отмечал, что Грановский в 1843–1844 гг. «избрал самый спорный по своему значению для русских – период средневековой истории» и подчеркивал, что его лекции стали событием, а публика ему рукоплескала[11]. Герье, ссылаясь на Герцена, главным характером чтений Грановского назвал чрезвычайно развитую человечность, сочувствие ко всему живому, сильному, поэтичному[12]. Средневековая история также была в фокусе преподавательской деятельности В.И. Герье, но в гораздо большей степени его интересовала Новая история и прежде всего гуманизм, Рефор-

[5] Цит. по: Кореева 2006: 125.
[6] Цыганков 2008: 33.
[7] Гердер 1977: 107 –114, 193 – 199.
[8] Ростиславлева 2022:118-127;.Лаптева 2013: 226-231.
[9] См.: Репина 2006: 19.
[10] Герье 1914.
[11]Герье 1914: 27.
[12] Герье 1914: 38.

мация, Французская революция[13]. В контексте поклонения Грановского нравственному идеалу Герье отмечал его высокую религиозность и восприятие им Евангелия как «завет бесконечной любви»[14], также подчеркивал, что в итоге тот не усомнился в значении для русского государства монархии и подчеркивал патриотизм историка[15].

Предлагаемая заметка о Т.Н. Грановском была написана В.И. Герье в 1867 г. и посвящена размышлениям о нем в год двенадцатилетия со дня смерти историка. В это пореформенное время, когда Герье готовился к защите докторской диссертации о Лейбнице, он искал для себя верный научный подход к восприятию истории, думал о своем будущем на кафедре историко-филологического факультета Московского университет и явно был склонен разделить нравственное отношение к прошлому Т.Н. Грановского.

«Заметка о Грановском» находится в фонде В.И. Герье в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) и свидетельствует о том, что Герье разделял «веру в истину и нравственное начало» Грановского при изучении минувшего.

Ф. 70. Оп. 32. Д. 22 Владимир Иванович Герье
Заметка о Грановском Т.Н.
1867 г. Автограф, 1 лист

Мы пользовались слишком короткое время преподаванием Грановского, чтобы иметь право причислять себя к его ученикам. Но такие люди как Грановский преображают учеников не одним только преподаванием. Имя Грановского сделалось знамением в трудную, но славную эпоху Московского Университета. Двенадцать лет прошло после его смерти и много совершилось с тех пор перемен. Великие реформы нашего времени коснулись также университетов, они дали им полную свободу и самостоятельность. Но высокие нравственные свойства, которыми обусловливалось влияние Грановского и которыми он оставил после себя такую неизгладимую память, в настоящее время не менее необходимы, чем тогда – Честное отношение к науке, искреннее участие в ее интересах и теплая, непоколебимая (Л.1 об.) вера в силу истины и нравственного начала. Только нравственные начала могут дать жизнь уставам, только тогда может процветать наука, когда она служит сама себе целью, когда она дороже и священнее всех других интересов.

Влияние людей, служивших всю жизнь идее, не прекращается после их смерти. Деятельность их становится преданием, память о них становится нравственной силой. Грановский надолго связал свое имя с исторической кафедрой в Московском Университете. Занявшим эту кафедру мы желаем заявить, что свежо еще предание о нем в Московском университете и жива его память.

[13] Иванова 1982.
[14] Герье 1914: 41.
[15] Герье 1914: 41.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 707 с. [Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M.: Nauka, 1977. 707 s. (Ideas for the Philosophy of Human History. Moscow: Nauka, 1977. 707 p.].

Герье В.И. Курс всеобщей истории В.И. Герье. М., 1883-1884 // Герье В.И. Новая история: лекции проф. импер. Моск. Университета. М., 1901. 445 с. [Ger'ye V.I. Kurs vseobshchey istorii V.I. Ger'ye. M., 1883-1884 // Ger'ye V.I. Novaya istoriya: lektsii prof. imper. Mosk. Universiteta. M., 1901. 445 s. (Course of General History by V.I. Ger'e. Moscow, 1883-1884 // Ger'e V.I. New History: Lectures by Professor of the Imperial Moscow University. Moscow, 1901. 445 p.].

Герье В.И. Новая история: лекции проф. импер. Моск. Университета. М., 1901. 445 с. [Ger'ye V.I. Novaya istoriya: lektsii prof. imper. Mosk. Universiteta. M., 1901. 445 s. (New history: lectures of prof. imperial. Moscow University. M., 1901. 445 p.].

Герье В.И. Тимофей Николаевич Грановский. В память столетнего юбилея его рождения. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1914. 74 с. [Ger'ye V.I. Timofey Nikolayevich Granovskiy. V pamyat' stoletnego yubileya yego rozhdeniya. M.: pech. A.I. Snegirevoy, 1914. 74 s. Timofey Nikolaevich Granovsky.(In memory of the centenary of his birth. Moscow: printed by A.I. Snegireva, 1914. 74 p.].

Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России. Автореферат … канд.ист.н. Л., 1982. [Ivanova T.N. V.I. Ger'ye i nachalo izucheniya Velikoy frantsuzskoy revolyutsii v Rossii. Avtoreferat … kand.ist.n. L., 1982 (V.I. Guerrier and the Beginning of the Study of the Great French Revolution in Russia. Abstract of the dissertation … Cand. Sci. (Hist.), Leningrad, 1982].

Кореева Н.С. Т.Н. Грановский в Берлине (по материалам эпистолярного наследия) // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории (1813-1855). М.: ИВИ РАН, 2006. С. 118 – 137.[Koreyeva N.S., T.N. Granovskiy v Berline (na osnove epistolyarnogo naslediya) // Timofey Nikolayevich Granovskiy: ideya vseobshchey istorii (1813 – 1855). M.: IVI RAN, 2006. S. 118–137 T.N. Granovsky in Berlin (based on the epistolary heritage) // Timofey Nikolaevich Granovsky: the idea of universal history (1813 – 1855). M.: IVI RAS, 2006. pp. 118 – 137].

Лаптева Л.П. Герье и его оценка современных университетов Германии// Диалог со временем. 2013, № 42 С. 226-231. [Lapteva L.P. Ger'ye i yego otsenka sovremennykh universitetov Germanii // Dialog so vremenem. 2013, № 42 S. 226-231 (Guerrier and his assessment of modern universities in Germany// Dialog so vremenem. 2013, No. 42, pp. 226-231].

Мягков Г.П. Всеобщая история Т.Н. Грановского: научные и идейные горизонты // Тимофей Николаевич Грановский и идея всеобщей истории (1813-1855). М.: ИВИ РАН, 2006. С. 29-42. [Myagkov G. P. Vseobshchaya istoriya T. N. Granovskogo: nauchnyye i mirovozzrencheskiye gorizonty // Timofey Nikolayevich Granovskiy i ideya vseobshchey istorii (1813–1855). M.: IVI RAN, 2006. S. 29–42. (General History of T.N. Granovsky: Scientific and Ideological Horizons // Timofey Nikolaevich Granovsky and the Idea of General History (1813-1855). Moscow: IVI RAN, 2006. Pp. 29-42].

Репина Л.П. Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории: от классики к постмодерну // Тимофей Николаевич Грановский и идея всеобщей истории (1813-1855). М.: ИВИ РАН, 2006. С. 5-28. [Repina L.P. T.N. Granovskiy i ideya vseobshchey istorii: ot klassiki k postomodernu // Timofey Nikolayevich Granovskiy i ideya vseobshchey istorii (1813-1855). M.: IVI RAN, 2006. S. 5-28. (Granovsky and the idea of general history: from classics to postmodernism // Timofey Nikolaevich Granovsky and the idea of general history (1813-1855). Moscow: IVI RAN, 2006. Pp. 5-28].

Ростиславлева Н.В. Размышления об истории Германии В.И. Герье: мотивация исследователя // Диалог со временем. 2022. № 78. С. 118-127. [Rostislavleva N.V. Razmyshleniya ob istorii Germanii V.I. Ger'ye: motivatsiya issledovatelya // Dialog so vremenem. 2022. № 78. S. 118-127 (Reflections on the history of Germany by V.I. Guerrier: the motivation of the researcher // Dialog so vremenem. 2022. No. 78. Pp. 118-127].

Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX - начало XX вв.). М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2008. 254 с. [Tsygankov D.A. V.I. Ger'ye i Moskovskiy universitet yego epokhi (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.. M.: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy un-t, 2008. 254 s.

(V. I. Guerrier and Moscow University of his era (second half of the 19th – early 20th centuries. Moscow: Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, 2008. 254 p.].
Bahl P., Ribbe W. Die Matrikel der Friedrich Wilchems Universität zu Berlin 1810-1850. Database, 2013. Электронный ресурс: https://www.degruyter.com/database/MATRIKEL/html

***Ростиславлева Наталья Васильевна**, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры всеобщей истории, Москва, Россия; ranw@mail.ru*

V.I. Guerrier about T.N. Granovsky (from the funds of the RSL)

This article considers the personal relationship between V.I. Guerrier and T.N. Granovsky, who was a V.I. Guerrier's teacher. The author traces Granovsky's subsequent influence on the work of his student, who valued his mentor above all for his moral approach to historical knowledge. In terms of thematics, their discrepancy is emphasized, since Granovsky was more interested in medieval history, and Guerrier in modern times. He highly valued high religiosity, devotion to the monarchy and selfless patriotism in the Granovsky's works and personality. The author also publishes V.I. Guerrier's "Note on Granovsky" from the collections of the Collection of Manuscripts of the Russian State Library, which he wrote in 1867 for the twelfth anniversary of the historian's death.

***Keywords:** T.N. Granovsky, V.I. Guerrier, Moscow University, world history*

***Natalia V. Rostislavleva**, Dr. in History, professor, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; ranw@mail.ru*

М.В. Цветкова

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КУРЬЕЗНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Рец. на кн. Браун, Томас. Лженаука суеверий, или расследование многих популярных заблуждений и общепринятых истин. / Томас Браун; пер. с англ. и коммент. О.Г. Сидоровой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 324 с.

Рецензия посвящена избранным главам из книги «Лженаука суеверий, или Расследование многих популярных заблуждений и общепринятых истин» английского писателя, ученого, философа и медика XVII в. Томаса Брауна, опубликованного Издательством Уральского федерального университета, открывшим для русского читателя этого хорошо известного у себя на родине автора. Отмечается высокая научная культура издания, которое снабжено развернутым справочным разделом: комментариями, предисловием и послесловием, знакомящими с жизнью, творчеством, историей рецепции наследия ученого в Англии и за рубежом, подробными комментариями к каждому отдельному разделу книги, а также хронологией жизни Томаса Брауна.

Ключевые слова: *Томас Браун, Англия, XVII в., «Лженаука суеверий».*

Избранные главы из пятисотстраничного труда английского медика, эрудита, философа и литератора сэра Томаса Брауна (Thomas Browne, 1605–1682) «Лженаука суеверий, или расследование многих популярных заблуждений и общепринятых истин» («Pseudodoxia Epidemica, or Enquires into very many received Tenants and commonly preformed Truths»), которую для краткости именуют «Вульгарные ошибки», являются третьим в череде изданий, подготовленных и опубликованных Издательством Уральского федерального университета. В 2013 г. этим издательством впервые в русском переводе с параллельным текстом на английском был опубликован трактат «Гидриотафия, или Погребение в урнах»[1], а в 2019 г. – книга «Двойное рассуждение», включающая переводы и оригиналы «Гидриотафии» и «Сада Кира»[2]. Таким образом, издательство УрФУ, по сути, открыло для русского читателя Томаса Брауна, имя которого до этого было известно лишь специалистам по истории литературы XVII в. Как указано в Послесловии, написанном профессором О.Г. Сидоровой, которой также принадлежит перевод, вступительная статья и комментарии к главам, и которая является сегодня единственным в России специалистом по творчеству Брауна, краткие сведения о нем на русском языке можно найти только в первом томе академической «Истории английской литературы» (1945) и в статье Д.П. Святополка-Мирского «Барокко и английская литература» (1987).

В Великобритании отношение к Томасу Брауну прошло несколько этапов. При жизни широко известные на родине автора и за ее пределами, в последующие века его труды утратили популярность, ограничиваясь узким кругом почитателей. Правда, среди них были выдающиеся фигуры: С. Джонсон, С.Т. Колридж, Э. По, американские трансценденталисты

[1] Браун 2013.
[2] Браун 2019.

сты, Э.М. Форстер, Г.К. Честертон, В. Вулф, Х.Л. Борхес. На рубеже XX–XXI в. проявилась тенденция к популяризации наследия Т. Брауна. Его основные работы выходили в популярной серии "Penguin Classics"; радио BBC-3 и BBC-4, а также британское телевидение подготовили несколько программ о писателе и его трудах; в Нориджe, где Браун прожил более сорока лет, ему установлен памятник и проводятся фестивали.

Получив лучшее медицинское образование, доступное в его время, Браун возвратился в Англию, где стал практикующим врачом в Нориджe, который был в ту пору вторым по численности населения и статусу городом королевства. Проживая вдали от центров интеллектуальной жизни, он с энтузиазмом занимался исследовательскими наблюдениями, вел обширную переписку с интеллектуалами своего времени. Т. Брауну выпало жить во времена политических потрясений: английской революции, гражданской войны, яростного социального и религиозного противостояния. Однако его отстраненность от политических вопросов и «высокая репутация врача-профессионала и эрудита позволили ему относительно спокойно пережить потрясения эпохи[3]». Роль Брауна в интеллектуальной жизни Англии его времени была велика, хотя эксперты не склонны считать его ни «мыслителем первого ранга (как Ньютон), ни даже второго (как Гоббс)»[4]. Он не был лично знаком ни с одним из великих современников – Мильтоном, Бойлем, Гоббсом, Локком, Ньютоном, но, без сомнения, текст «Вульгарных ошибок» был известен большинству из них хотя бы по названию, а Бойль ссылался на его труды.

«Лженаука суеверий…» увидела свет в 1646 г. и уже при жизни автора выдержала пять переизданий. Это был второй трактат Брауна после «Религии медика» (Religio Medici, 1642), посвященной религии, алхимии и астрологии и отличавшейся такой смелостью мысли, что заставила современников подозревать автора в атеизме, а саму книгу внести в индекс запрещенных. Оба трактата приобрели невероятную популярность на континенте: неоднократно переиздавались и переводились на латинский, французский, датский, итальянский. Именно на основании «Лженауки…» окончательно сложилась репутация Брауна как ученого. Третий увидевший свет при жизни труд Брауна – трактат 1658 г. из двух частей. «Гидриотафия, или Погребение в урнах» (*Hydriotaphia, Urn Burial*) повествовала о погребальных обычаях древних народов и была написана под впечатлением от найденных в окрестностях Нориджа древнеримских урн. «Сад Кира» (*The Garden of Cyrus*) полушутя рассуждал о герметическом смысле квикункса[5]. В этих сочинениях Браун показал себя мастером стиля, проза которого отмечена барочными изысками, изобилует изощрёнными риторическими оборотами и редкими словами. В Оксфордском толковом словаре английского языка, зафиксировано более 700 слов, которые в трудах Брауна были употреблены впервые. Еще несколько работ увидели свет после смерти автора.

[3] Браун 2023: 301.
[4] Holt J. 2015
[5] Схема посадки деревьев по углам прямоугольного участка и в его центре.

Сама идея трактата «Лженаука суеверий…», по-видимому, пришла Брауну на ум, поскольку он, медик по образованию и естествоиспытатель по натуре, привык получать знания о мире путем эксперимента и наблюдения, а многие убеждения, считавшиеся общим местом в его времена, не выдерживали этой проверки. Будучи продолжателем интеллектуальной традиции Ф. Бэкона, опиравшейся на новейшие методы в науке, Браун ставит целью в своем труде развенчать прочно «засевшие» в умах его соотечественников курьезные и нелепые суеверия, корни которых уходили в Средневековые и даже в Античность.

Сочинение Брауна состоит из семи разделов, названных в оригинале книгами (books), очень разных по объему и скомпонованных по тематическому принципу. Открывается сочинение «первоошибкой», которую совершило человечество. Этот остроумный ход Браун использует, чтобы показать, что способность ошибаться, выбирать неверный путь рассуждений и действий изначально заложена в природе человека. Раз прародители, находясь в состоянии совершенства, могли совершить ошибку, что уж говорить о потомках! Во второй книге рассматриваются заблуждения относительно минералов и растений, в третьей (самой обширной) – животных, в четвертой – человека, в пятой – несоответствия здравому смыслу в живописи, в шестой – несуразицы в географии и истории, в седьмой – ложные убеждения, связанные с всеобщей историей и Священным Писанием. В каждой книге в отдельных главках рассматривается какое-то одно распространенное заблуждение. Таким образом, это своего рода справочник по разным отраслям знания, в котором каталогизируются популярные у современников автора предрассудки.

О.Г. Сидорова в Предисловии предлагает в современных терминах относить книгу Брауна к разряду научно-популярной литературы. Научной, потому что автор «касается многих тем и предметов из области общей биологии, физиологии, зоологии, ботаники, астрономии, астрологии (в те времена она обладала статусом науки), космографии, истории, этимологии слов, мифологии и т.д. Он уверенно пользуется научными терминами, цитирует античных авторов на языке оригинала, знаком с сочинениями великих ученых Востока, с трудами своих европейских предшественников и современников. Популярной – потому, что он собирает и развенчивает популярные, бытующие в народе мнения и заблуждения, апеллируя к разуму и здравому смыслу каждого своего читателя[6]».

Для перевода из пространного опуса Т. Брауна были выбраны лишь отдельные главы из каждого из семи разделов. Материал отбирался с учетом того, что может заинтересовать сегодняшнего читателя, а также позволит обойти такие темы, которые либо очень далеки от него (например, связанные с религиозными разногласиями между католиками и протестантами в современной Брауну Англии), либо не отвечают современным представлениям о политкорректности (к примеру, суеверий, связанных с людьми определенных национальностей).

[6] Браун 2023: 12–13.

Перевод выполнен по академическому изданию Sir Thomas Browne. Works. 21st century Oxford authors series Oxford (Oxford University Press, 2014), подготовленному одним из ведущих специалистов по творчеству писателя, К. Киллином. Переводчик осознанно сосредоточен на задаче как можно точнее передать содержание выбранных фрагментов книги, не стремясь воспроизвести архаический стиль оригинала. Во-первых, потому, что это затрудняло бы понимание и без того сложной авторской аргументации, во-вторых потому, что английской лексике XVII в., которую использовал Браун, не всегда представляется возможным отыскать адекватный эквивалент. Русский язык на тот момент еще не прошел нормирования и многие слова, такие, например, как «атом» только начинали проникать в лексикон образованных людей. Однако изящество слога автора передано О.Г. Сидоровой в полной мере.

Содержательно книга Брауна соотносится с идеями Бэкона об источниках человеческих заблуждений, которые тот именовал идолами. Методика анализа и опровержения общепринятых истин тоже заимствована из передовой науки XVII в., т.е. проверяется «тремя истинными обоснованиями, а именно авторитетами, здравым смыслом и разумом»[7], и подкрепляется собственным жизненным или врачебным опытом, а иногда и экспериментом. Так, развеивая заблуждение о способности саламандры выживать в огне, Браун, прежде чем предложить собственное суждение, сталкивает мнения нескольких древних и более современных ученых, которые по-разному высказываются относительно данного вопроса. Он апеллирует к здравому смыслу, объясняя, что не могут у барсука лапы с одной стороны тела быть короче, чем с другой, потому что это позволяло бы ему двигаться только поперечно или по диагонали. Обращается к своему врачебному опыту, развенчивая идущее от древних представление, что медвежата родятся беспомощными. Самостоятельно проводит эксперименты – подвешивает тушку зимородка в стеклянной банке и убеждается, что она движется хаотично и не указывает направление ветра, как принято считать. Таким образом, перед нами любопытнейший образец научно-популярного текста XVII в., демонстрирующий одновременно и «потребность человека Нового времени в переосмыслении знаний»[8] и методику этого переосмысления.

Рассуждения Брауна не лишены остроумных «интерлюдий», которые оживляют повествование. Так, рассуждая о возможности разными средствами продлить человеку жизнь, он иронически советует читателю «воспользоваться философским камнем, растворенным в питье золотом или иными средствами, которые прославлял Парацельс, умерший в возрасте сорока семи лет, уверяя, что они сделают человека бессмертным»[9].

Было ли чтение этого сочинения Брауна увлекательным для его современников? Несомненно. «Лженаука суеверий…» стала в Англии на-

[7] Браун 2023: 93.
[8] Браун 2023: 307.
[9] Браун 2023: 157.

стоящим бестселлером и была переведена на многие европейские языки. Можно представить себе, какое впечатление на читателя XVII в. производила эрудиция автора и тематическое разнообразие книги, где доказывалось, что убеждения, многие из которых пришли из глубокой древности и казались интеллектуалам XVII века незыблемыми (что уж говорить о менее образованных людях(!), а читать сочинение Брауна могли и они – в комментариях О.Г. Сидоровой указано, что «к концу XVII в. в Англии грамотными были 40% мужчин и 25% женщин»[10]) – на самом деле не выдерживают научной критики. Для сегодняшнего читателя избранные места из «Лженауки суеверий …» – своеобразная мини-энциклопедия, «кунсткамера» человеческих заблуждений, популярных во времена Т. Брауна: что бобры, спасаясь от преследований откусывают свои гениталии, что существует особая порода змей – василиск, убивающий взглядом, что человек немеет, если волк первым увидит его, что кровь агнца способна размягчить алмаз, что мертвый зимородок, подвешенный за клюв, указывает направление ветра, а страус ест железо.

Причем автор, развенчивающий многие диковинные для нашего времени представления, сам является адептом некоторых, не менее для нас экзотических. Он, как и многие его ученые-современники, опирается на теорию гуморов, согласно которой в теле человека текут четыре основные жидкости (гуморы): кровь, флегма (слизь), жёлтая жёлчь и чёрная жёлчь, преобладание, одной из которых определяет темперамент. Не исключает возможности рождения за один раз у одной женщины 360 детей, как у Графини Голландской, ссылаясь на «великолепное плодородие некоторых существ» в природе[11]. Как практикующий врач категорически не согласен с тем, что ребра не хватает у потомков Адама, однако, как человек верующий, признает, что у самого Адама должно было не хватать одного ребра, если верить способу сотворения Евы, описанному в Священном Писании и т.п.

И профессионалу и профану перевод книги Брауна будет интересен, прежде всего, как «интеллектуальный портрет двух периодов развития европейской научной мысли: той эпохи, которая уходит, в которой господствовали вековые верования и заблуждения, и той, которая приходит ей на смену»[12]. Первый перевод «Лженауки суеверий» позволяет, пусть выборочно, ознакомиться с мировидением человека XVII в. в драматический период его слома. Специалистам книга дает возможность понять специфику разрабатываемого последователем Бэкона научного подхода, с его подчеркнутым эмпиризмом и опоре на здравый смысл К тому же Браун считается непревзойденным мастером стиля и в известной степени «реформатором» английского языка, который в ту пору находился в стадии становления. Издание высокой культуры, с параллельным текстом оригинала и перевода, позволяет при необходимости «уточнить» формулировку самого автора.

[10] Браун 2023: 307.
[11] Браун 2023: 261.
[12] Браун 2023: 14.

Предисловие и послесловие знакомят с жизнью, творчеством, а также историей рецепции наследия Т Брауна на родине и за рубежом. Обе статьи, полные интересных подробностей, как бы вдыхают жизнь в образ английского ученого-интеллектуала, высвечивают его индивидуальность, вписывая в ряд знакомых нам имен современников, в исторический контекст, вызывают интерес к этой незаурядной личности.

В издании 2023 г. имеется, также, хронология жизни Томаса Брауна и подробный комментарий к каждой книге. Круг познаний современного человека и ученого XVII в. в значительной степени не совпадают, а потому без такого комментария чтение «Лженауки суеверий» грозит превратиться в ребус. Таким образом, перед нами издание, которое одновременно представляет интерес, и для просто любознательного читателя, и для профессионалов: англистов-филологов, историков, философов, историков науки, а возможно и для биологов, медиков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Браун, Т. Погребение в урнах, или Рассуждение о погребальных урнах, недавно найденных в Норфолке / пер. В. Григорьева, вступ. ст. О. Сидоровой. Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 2013. 200 с. [Browne, Thomas Pogrebenie v urnakh, ili Rassuzhdenie o pogrebal'nykh urnakh, nedavno naidennykh v Norfolke/ (Hydrotaphia, or Urne-Buriall) / transl. by V.Grigoriev, introd. by O. Sidorova. Yekaterinburg: Ural Univ. Press, 2013.200 p.]

Браун, Т. Двойное рассуждение / пер. В. Григорьева, вступ. ст. О. Сидоровой. Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 2019. 511 с. [Browne, Thomas. Dvoinoe rassuzhdenie (The Double Argumentation)/ transl. by V. Grigoriev, introd. by O. Sidorova. Yekaterinburg: Ural Univ. Press, 2010. 511 p.]

Браун, Т. Лженаука суеверий, или расследование многих популярных заблуждений и общепринятых истин. / пер. с англ. и комм. О.Г. Сидоровой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 324 с. [Browne, Thomas Pseudodoxia Epidemica, or Enquires into very many received Tenants and commonly preformed Truths / Thomas Browne; transl. and comm. by O. G. Sidorova. Yekaterinburg: Ural Univ. Press, 2023. 324 p.].

Holt J. "In Search of Sir Thomas Browne" by Hugh Aldersey-Williams // The New-York Times. 2015. 13 July. URL: https://www.nytimes.com/2015/07/19/books/review/in-search of-sir-thomas-browne.

***Цветкова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, департамент литературы и межкультурной коммуникации, НИУ ВШЭ (Нижний Новгород); mtsvetkova@hse.ru*

Encyclopedia of humanity's curious misconceptions

The review is devoted to selected chapters from the book "Pseudodoxia Epidemica, or Enquires into very many received Tenants and commonly preformed Truths" by an English writer, scientist, philosopher and physician of the 17th c. Thomas Browne, published by the Ural Federal University Publishing House. This is Browne's third work issued by the publisher, along with "Hydriotaphia, Urne Buriael" and "Double Hermeneutics". The review notes the high culture of the publication, which is equipped with a detailed reference section: comments on the text, a preface and an afterword introducing the life, work, history of the reception his heritage. The role of the treatise is noted as an example of a popular science text of its era, reflecting the need of the time to rethink knowledge and demonstrating the methodology of this rethinking. The importance of Browne's work is emphasized, which serves as a compendium of the curious misconceptions of mankind, which make reading it useful and fascinating both for curious readers and for professionals.

***Keywords:** Thomas Browne, England, XVII century, "Pseudodoxia Epidemica".*

***Tsvetkova Marina V.**, Dr. Hab. (Philology), Professor of the Department of Literature and Intercultural Communication, HSE University (Nizhny Novgorod); mtsvetkova@hse.ru*

К.А. ЮДИН

«РЕНЕССАНС» ИЛИ «НОВОЕ ВРЕМЯ» ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ?

Основу статьи составляет экспертный отзыв на монографию О.Ю. Олейника («“Ренессанс интеллигентоведения”: Интеллигенция как объект научных исследований в 1990-е гг.». Сделаны выводы о новаторском характере труда, аккумулировавшего внушительное интеллектуальное, теоретико-методологическое, историографическое наследие предшественников, что нашло отражение в солидном научно-справочном аппарате – библиографии «интеллигентоведческих» публикаций, созданных как самостоятельными, так и институционально-аффилированными авторами, связанных с деятельностью профильных центров. Продолжена дискуссия об атрибуции сущностных признаков интеллигенции / интеллектуалов (в т.ч. с учетом негативных тенденций), репрезентации образов интеллигенции в кинематографе.

Ключевые слова: *интеллигенция, интеллектуалы, интеллигентоведение, интеллектуальная история, культура, идентичность, историография, историческая память.*

Одним из перспективных направлений масштабных междисциплинарных исследований является интеллектуальная история. Ее традициям сохраняет верность доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор О.Ю. Олейник. Вышедшее в свет монографическое исследование можно считать новаторским, поскольку оно открыло оригинальную концептуальную страницу соединения «старого» и «нового». Обращение к давно сформированным «интеллектно-образующим связям»[1] коррелирует с благородным намерением осуществить своеобразный неогуманистический прорыв, вдохновить научное сообщество на продолжение дискуссий о сущности интеллигенции и интеллектуалов, дать надежду на «ренессанс интеллигентоведения».

Нужно сказать, что изучение интеллигенции имеет солидный историографический шлейф. Однако, в последние годы появление работ именно монографического уровня стало весьма редким явлением, как правило, связанным с систематизацией и обнародованием многолетнего опыта изысканий в определенной сфере научной специализации[2]. При этом новой тенденцией, отразившей объективно назревшую необходимость осмысления созданного задела, стало обращение к «диссертационной культуре», что уже просматривается в новейших, современных работах аналогичного статуса. Как верно отметила Е.Л. Храмкова, «диссертационные труды достаточно давно вошли в обязательный перечень историографических источников, содержащийся в исторических, в том числе научно-квалификационных исследованиях. Однако в историографических разделах кандидатских и докторских диссертаций редко содержится обстоятельный анализ этого вида источников. Авторы некоторых работ страдают “забывчивостью”, особенно по отношению к диссертациям по сходной тематике»[3].

[1] Меметов 2016.
[2] Например: Комиссаров 2024.
[3] Храмкова 2023: 251.

В структурно-композиционном плане монографическое исследование выдержано следующим образом. В первой части (1 и 2 разделы) осуществляется краткий ретроспективный обзор исторического маршрута, маркеров идентификации отечественной интеллигенции в XX в., пришедшей после крупнейшей точки культурно-цивилизационной бифуркации – распада СССР – к новым гносеологическим векторам. Как показывает О.Ю. Олейник, генезис интеллигентоведения как «самостоятельной междисциплинарной отрасли научных знаний», долгое время осуществлялся в имплицитной форме, когда в ходе политико-идеологических трансформаций постсталинского периода ментальность интеллигенции «во внешних формах продолжала корреспондировать с официальной идеологической риторикой, но внутренне индуцировала также индивидуальную самооценку и своего рода "интеллектуальный сепаратизм"»[4]. После 1991 г. тяготение к духовной, интеллектуальной автономии приобрело не только индивидуально-творческий, но и новый корпоративно-эвристический, институционализированный характер: «сформировалась самостоятельная наука об интеллигенции с учеными-интеллигентоведами, научными журналами и диссертациями по интеллигентоведению, вузовскими учебниками по интеллигентоведению и даже НИИ интеллигентоведения»[5]. Среди важнейших этапов подобной самоорганизации автором выделяются научно-образовательные центры, «площадки» и иные структуры различного статуса. В первую очередь, обозначена роль профессора В.С. Меметова как инициатора и вдохновителя, под эгидой, руководством которого в 1990-х – начале 2000-х гг. появились Межвузовский центр Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», Проблемный Совет РФ «Интеллигенция, культура и власть», диссертационный совет по историческим наукам, НИИ интеллигентоведения как структурное подразделение Ивановского государственного университета, наконец, журнал «Интеллигенция и мир». Все это, как отмечает автор, позволило Межвузовскому центру, НИИ интеллигентоведения, а затем их преемнику – Научно-образовательному центру ИвГУ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике» под руководством В.Л. Черноперова, стать «интегратором ведущих научных сил в сфере интеллигентоведения»[6].

Не обойдены вниманием и другие региональные бастионы изучения интеллигенции, как существовавшие ранее (Исследовательский центр «XX век в судьбах интеллигенции России», аккумулировавший наследие Проблемного совета «Культурное строительство в СССР и духовное развитие советского общества» во главе с В.Г. Чуфаровым, затем Научно-исследовательский центр «XX век в судьбах интеллигенции России», действовавший до 2005 г. под руководством М.Е. Главацкого на базе Уральского университета), так и в настоящее время зани-

[4] Олейник 2025: 12.
[5] Олейник 2025: 10.
[6] Олейник 2025: 18.

мающие ведущие позиции не только на российском, но и мировом социокультурном, академическом пространстве. К их числу автор относит также Центр интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН и альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем, которые, по мнению Олейника, выполняют миссию по «укреплению многоуровневых научно-образовательных связей российских ученых, объектом исследований которых выступает интеллигенция»[7].

Подчеркнем, что автор, рассматривая интеллигенцию как объект научного познания, оценивает метаморфозы историографических траекторий, демонстрирует широкую эрудицию, незаурядные способности по обобщению работ, опубликованных известными представителями отечественной и зарубежной философской, социологической мысли, культуры, общественного движения (Н.М. Соколов, Д.А. Писарев, Л.А. Тихомиров, М.А. Бакунин, В.К. Тредиаковский, В.И. Ленин, М. Вебер, К. Манхейм, В. Хюбер и др.), в которых была представлена богатая концептуально-теоретическая палитра интерпретаций понятия «интеллигенции», нередко обусловленная спецификой политических взглядов. Все это сопровождается приведением статистических материалов, становящихся индикатором интенсификации, масштабов рефлексии. Так, по подсчетам Олейника, если в 1960-е гг. было защищено около 220 диссертаций по данной тематике, то в 1970-е – уже около 490, а в 1980-е – около 520[8].

Это данные подкрепляются и специальным научно-справочным аппаратом, составляющим вторую часть работы (разделы 3–8) – библиографическими указателями, входящими в разделы 6 и 7. В них приводятся сведения уже о динамике «творческих лабораторий» постсоветского периода – состоявшихся в 1990–2000-е гг. многочисленных научных конференциях, съездах, конгрессах, круглых столах, на которых велись дискуссии по проблемам интеллигенции. Автор не просто экстенсивно «калькулирует» наименования прозвучавших на разных форумах докладов, защищенных диссертаций, монографических трудов отечественных и зарубежных исследователей, но предпринимает попытку создать своеобразный каталог, аннотированный указатель с оригинальными комментариями, восходящий к практикам, заложенным П.А. Зайончковским применительно к источникам личного происхождения.

Особенно ценной представляется таблица «Первое употребление классифицирующих обозначений интеллигенции как объекта исследования в названиях диссертаций», защищенных в период с 1937 по 2024 г., с практически полным перечнем «таксономических» категорий интеллигенции (аграрная, буржуазная, земская, народная, духовная, светская, дворянская, демократическая, советская и так далее), дифференцированной по профессиональной, территориальной, социокультурной, генерационной и иным идентичностям, опциям и родам деятельности[9]. При этом в самом начале исследования автор с опорой на мнения коллег

[7] Олейник 2025: 19.
[8] Олейник 2025: 57.
[9] Олейник 2025: 147–151.

признается, что «количественные показатели не могут служить приоритетным критерием определения уровня научного осмысления рассматриваемых проблем и не должны быть источником “самодовольства достигнутыми объемами научной продукции”»[10].

Заключение выдержано в «футурологическом» ключе, не предполагающем однозначного ответа на поставленные вопросы. «В эпоху стремительного совершенствования информационно-коммуникативных технологий, культивации и внедрения искусственного интеллекта в различные сферы жизни общества, включая традиционные для деятельности интеллигенции, неизбежно происходит и трансформация научного осмысления ее существования в новой “креатологической формации”»[11]. Автор констатирует, что для рубежа 1980-х – начала 1990-х гг. была характерна гносеологическая неопределенность, «высказывались самые различные, подчас диаметрально противоположные, точки зрения о типологических критериях и роли интеллигенции в развитии российского общества, но «это не являлось недостатком историографии, а отражало ее состояние концептуального “половодья”, вполне закономерное для сложившейся тогда общественно-политической ситуации в стране»[12].

Очевидно, что эта «природно-климатическая» метафора использована явно в негативной коннотации, которую следовало конкретизировать, показать амбивалентность гносеологических процессов. С одной стороны, в это время произошли долгожданные историографическая, архивная и иные «революции», которые привели к каскаду реабилитаций, возвращения имен, интеллектуальных биографий, наследия подвергшихся репрессиям деятелей культуры. С другой стороны, информационная энтропия выразилась во встречных тенденциях интеллектуального и имагологического ревизионизма, идеализации традиционализма дореволюционной России, религиозной идентичности и иных моделей поведения, форм духовности, вряд ли заслуживающих «возрождения» в тех масштабах, в которых это произошло и происходит[13]. Уже в «советских» 1990-х появляются кинопроизведения, критически оценивающие деятельность научной интеллигенции (например, «Человек из черной волги», СССР, 1990, реж. Н. Лукьянов – фильм по мотивам романа А. Молчанова «Новый год в октябре», от экранизации которого Т. Лиозновой ранее пришлось отказаться из-за остроты материала, связанного с разоблачением «гнезда карьеристов» в НИИ радиофизики). Впрочем, репрезентация «формально-бюрократического перерождения» интеллигенции, интеллектуальной повседневности присутствовала и в доперестроечном советском кинематографе («Монолог» (СССР, 1972, реж. И. Авербах), «Пена» (СССР, 1979, реж. А. Стефанович), «Незваный друг» (СССР, 1980, реж. Л. Марягин), «Желаю успеха» (СССР, 1980, реж. А. Косарев), «Кафедра» (СССР, 1982, реж. И. Киасашвили) и некоторые другие.

[10] Олейник 2025: 7.
[11] Олейник 2025: 410.
[12] Олейник 2025: 88.
[13] См. подробнее об этом: Юдин 2017б.

Дальнейшее обсуждение этих проблем необходимо и в рамках до сих пор не завершенного процесса осмысления советского прошлого. Здесь О.Ю. Олейник, соглашаясь с точкой зрения В.Л. Соскина о неправомерности «огульного отрицания историографического наследия советского периода», солидаризируется и с оценкой главного его недостатка – «апологетики власти, возведенной в правило»[14], что и становилось источником редукционистской, классовой трактовки интеллигенции как социального слоя, появление которого «происходило параллельно с формированием классов, интересы которых она “обслуживала”»[15]. Ответом на непризнание интеллигенции «полноценным классом» (а лишь прослойкой) в классовом обществе, возможно, и стало имплицитно-компенсаторным актором длительного действия, способствовавшим возникновению принципиально обособленной отрасли знаний с соответствующим корнем «ведение» – интеллигентоведения.

Несмотря на то, что в работе «не преследуется цель выявить наиболее точный вариант определения интеллигенции», хотелось бы пожелать автору продолжить рефлексию о границах и целесообразности рецепции позитивистско-социологической (а, фактически, неосоветской, с прежними оттенками идеологической, прогрессистской тенденциозности левого толка) интерпретации интеллигенции, сущность которой оценивается утилитарно-прагматически, с позиций общественно-полезной значимости, способности к «духовному производству»[16]. Как мы отмечали ранее[17], это коррелирует с философскими воззрениями левого «интеллектуала» В. Беньямина о том, что творчество якобы является инструментально-производственным процессом: «<…> Для автора как производителя технический процесс является основой его политического прогресса. <…> Автор как производитель испытывает – испытывая солидарность с пролетариатом[18] – непосредственно в то же время солидарность с другими определенными производителями <…>»[19].

Между тем, мы осмелились предложить иную дефиницию, уже не прошедшую незамеченной в историографии интеллигенции[20], которая

[14] Соскин 1995: 19–20.
[15] Олейник 2025: 73.
[16] Олейник 2025: 93, 98.
[17] Юдин 2017а: 373.
[18] В связи с этим вспоминается фильм «Добряки» (1979, реж. К. Шахназаров), в котором присутствует диалог научного сотрудника Института античной культуры, доктора наук Е.Е. Витальева (В.М. Зельдин) с Г.П. Кабачковым (Г.И. Бурков), где «интеллигент-самозванец» принуждал профессора «расширять» тему, сближать античных философов, интеллигенцию с пролетариатом, производителями с «золотыми руками»: Кабачков: «Мельчим, профессор, мельчим». Витальев: «Над чем, Вы считаете, я должен работать?». Кабачков: «Слушай, Витальев, хочу тебя кинуть на мастеров». Витальев: «На каких мастеров?». Кабачков: «На хороших, с золотыми руками». Витальев: Простите, Вы, бог знает, что несете. Кабачков: «Витальев! Тебе доктора дали? Дали. Будь добр, отработай». Витальев: «Почему Вы обращаетесь ко мне на “ты”?». Кабачков: «Да, брат, культурки тебе не хватает. Чуть хвост прищемили, нутро и полезло».
[19] Беньямин 2008: 119.
[20] Поломошнов, Лыкова, Лугуценко 2024: 208.

«существует как трансцендентальная общность, чье единение проистекает из запредельного служения наднациональным и надиндивидуальным принципам», что предполагает «автономную интеллектуальную проницательность, перерастающую в служение истине с единым универсальным характером; равнодушие и разумную дистанцию ко всему внешнему, преходящему, количественному и становящемуся»[21]. В связи с этим Е.С. Царева отметила, что «на сибирском эмпирическом материале это получает успешную апробацию в исследованиях Н.П. Матхановой», которая избегает «интеграции интеллигенции (среди которых "учителя, врачи, инженеры, ученые-исследователи") и чиновничества ("корпус государственных служащих"), при этом учитывая существующую общность их представителей, проявляющуюся в занятии "высшими, наиболее сложными видами умственной деятельности", и немаловажные характеристики интеллигента – автономность и невключенность "в сложившуюся систему власти и иерархических отношений"<…>»[22].

Не лишним будет подчеркнуть, что приведенная выше авторская дефиниция не имеет ничего общего с «восторженно-оценочным пониманием интеллигенции»[23], а носит строго эпистемологический характер. Констатируется универсальность истины и знания о природе, сути вещей, которые формируются, обретаются людьми[24], но существуют объективно. В этом плане нам близка позиция академика П.Л. Капицы, который еще до начала небезызвестной кампании по борьбе с «безродным космополитизмом», «низкопоклонством перед Западом», также драматично отразившейся на судьбах представителей отечественной интеллигенции, пострадавшей от государственно-идеологического понимания «нравственности», в записке, отправленной на имя заместителя заведующего Отделом науки и пропаганды ЦК ВКП(б) С.Г. Суворова 19 сентября 1944 г., утверждал: «…Все, что хоть немного содействует развитию большой науки и техники, должно быть сделано общим достоянием. Не надо смущаться, что не только мы, но и кто-либо другой использует их раньше и пойдет дальше. <…> Чем больше мы дадим мировой науке, тем больше от нее получим»[25]. В другом столетии, с известным

[21] Юдин, Бандурин 2016: 113.
[22] Царева 2024: 120; Матханова 2018.
[23] Васильев 2024: 282.
[24] Людьми, естественно, обладающими разным уровнем критического мышления и иными интеллектуальными ресурсами или стимулами к какой-либо «деятельности». Никаких концептуальных гипостазов, наподобие «абсолютизации трансцендентного понимания нравственных принципов» (Васильев 2024: 283), равно как и вторжения в эту сферу, при этом не допускается. Все это является плодом воображения автора, уходящего в сторону архаичной сегрегации на западных интеллектуалов и российских интеллигентов, первым из которых якобы присущ только прагматизм и эгоцентризм, а вторым – исключительно «нравственное восприятие социальной реальности», априорно включенное, словно «категорический императив». На уязвимость подобного взгляда указывает и автор рецензируемой монографии: «Действительно, видение в ней [интеллигенции] явления присущего только российской истории сравнимо с рисованием пейзажа из окна своего дома» (Олейник 2025: 33).
[25] Сталин и космополитизм. 2013: 131.

остроумием, вынес свой приговор А. Шопенгауэр: «…Патриотизм, если он хочет играть роль в науке, является милостивым государем, которого надо выгнать вон. Ибо можно ли придумать большую наглость, чем если человек кладет на чашку весов свое пристрастие к нации, включающей его собственную почтенную особу, и ради подобного соображения то искажает истину, то оказывает несправедливость к великим умам чужих наций, чтобы выдвинуть посредственность своей собственной»[26].

Подводя итоги, отметим, что высказанные суждения совершенно не умаляют общего положительного впечатления от знакомства с текстом монографии. Оно уже начинает выполнять свою высокую миссию, вдохновляя на конструктивную научную дискуссию.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Беньямин В. Автор как производитель (пер. Д.А. Смирнова) // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 107–134. [Ben'yamin V. Avtor kak proizvoditel' (per. D.A. Smirnova) (The Author as a Producer (transl. by D.A. Smirnov)) // Intelligentsiya i mir. 2008. Vol. 2. P. 107–134].

Васильев Н.Н. Деятельность интеллигенции и ее нравственность в университетских интерьерах // Интеллигенция и интеллектуалы в пространстве университетской традиции. Материалы XXXIV Международной научно-теоретической конференции, посвященной 50-летию Ивановского государственного университета. Иваново, 19–20 сентября 2024. Иваново: ИвГУ, 2024. С. 276–288. [Vasil'ev N.N. Deyatel'nost' intelligentsii i ee nravstvennost' v universitetskikh inter'erakh (The activities of the intelligentsia and its morality in the university interiors) // Intelligentsiya i intellektualy v prostranstve universitetskoi traditsii. Materialy XXXIV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ivanovo, 19-20 sentyabrya 2024. Ivanovo: IvGU, 2024. P. 276-288].

Матханова Н.П. Чиновники-интеллектуалы в Сибири XIX в. // Известия Иркутского гос. университета. Серия «История». 2018. Т. 25. С. 21–35 [Matkhanova N.P. Chinovniki-intellektualy v Sibiri XIX v. (Officials-intellectuals in Siberia in the 19th century) // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2018. Vol. 25. P. 21–35].

Меметов В.С. О понятийных и интеллектно-образующих связях в современном интеллигентоведении // Специфика социально-политической активности интеллигенции / интеллектуалов в современном мире. Иваново: ИвГУ, 2016. С. 3–6 [Memetov V.S. O ponyatiinykh i intellektno-obrazuyushchikh svyazyakh v sovremennom intelligentovedenii (On conceptual and intellectual-formative connections in modern intellectual studies) // Spetsifika sotsial'no-politicheskoi aktivnosti intelligentsii / intellektualov v sovremennom mire. Ivanovo: IvGU, 2016. P. 3–6].

Олейник О.Ю. Ренессанс интеллигентоведения: Интеллигенция как объект научных исследований в 1990-е гг. М.: РУСАЙНС, 2025. [Oleinik O.Yu. Renessans intelligentovedeniya: Intelligentsiya kak ob"ekt nauchnykh issledovanii v 1990-e gg. ("Renaissance of Intelligentsia Studies": The Intelligentsia as an Object of Scientific Research in the 1990's). Moscow: RUSAINS, 2025].

Поломошнов А.Ф., Лыкова А.В., Лугуценко Т.В. Современная российская интеллигенция: поиск идентичности // NOMOTHETIKA. Серия: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 2. С. 203–211 [Polomoshnov A.F., Lykova A.V., Lugutsenko T.V. Sovremennaya rossiiskaya intelligentsiya: poisk identichnosti (Modern Russian intelligentsia: search for identity) // NOMOTHETIKA. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2024. 49/2. P. 203–211].

Соскин В.Л. К новой концепции истории советской интеллигенции // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 20–21 сентября 1995 г. Т.1. Иваново: ИвГУ, 1995. С. 19–20 [Soskin V.L. K novoi kontseptsii istorii sovetskoi intelligentsia (Towards a new concept of the history of the Soviet intelligentsia) // Rossiiskaya intelligentsiya v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii. Tezisy dokladov mezhgosudarstvennoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii. Ivanovo, 20-21 sentyabrya 1995 g. T.1. Ivanovo: IvGU, 1995. P. 19–20].

[26] Шопенгауэр 2011: 378.

Сталин и космополитизм: документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М.: МФД, 2005. [Stalin i kosmopolitizm: dokumenty Agitpropa TsK KPSS. 1945-1953 (Stalin and Cosmopolitanism: Documents of the Agitation Propaganda Department of the CPSU Central Committee, 1945–1953). Moscow: MFD, 2005].

Храмкова Е.Л. Диссертационные исследования по историографии Великой Отечественной войны 1990-х – 2000-х гг. // Мы выстояли и победили. Международная научно-практическая конференция к 80-летию прорыва блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвы. Оренбург, 2023. С. 251–256 [Khramkova E.L. Dissertatsionnye isledovaniya po istoriografii Velikoi Otechestvennoi voiny 1990-kh – 2000-kh gg. (Dissertation research on the historiography of the Great Patriotic War of the 1990s – 2000s.) // My vystoyali i pobedili. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya k 80-letiyu proryva blokady Leningrada, Stalingradskoi i kurskoi bitvy. Orenburg, 2023. P. 251–256].

Царева Е.С. Антропологический анализ региональной музыкальной жизни посредством фрактальной оптики (на примере Енисейской губернии) // Вестник музыкальной науки. 2024. Т. 12. № 4. С. 110–123 [Tsareva E.S. Antropologicheskii analiz regional'noi muzykal'noi zhizni posredstvom fraktal'noi optiki (na primere Eniseiskoi gubernii) (Anthropological analysis of regional musical life through fractal optics (using the example of Yenisei province)) // Vestnik muzykal'noi nauki. 2024. 12/ 4. P. 110–123].

Шопенгауэр А. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. Пер. с нем. / Под. ред. А.А. Чанышева. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011. [Shopengauer A. Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 5. Per. s nem. / Pod. red. A.A. Chanysheva (Collected Works). Moscow: Respublika; Dmitrii Sechin, 2011].

Юдин К.А. О старом и новом кинематографе как «зеркале бытия» // Диалог со временем. 2017а. Вып. 59. С. 365–375. [Yudin K.A. O starom i novom kinematografe kak «zerkale bytiya» (On old and new cinema as a "mirror of being") // Dialog so vremenem. 2017a. V. 59. P. 365–375].

Юдин К.А. Эпистемологическая критика фальсификаций научного атеизма, или метаморфозы «религиозного ренессанса» в современной России // Вестник СПбГУ. Серия: Философия и конфликтология. 2017б. Т. 33. Вып. 1. С. 85–97 [Yudin K.A. Epistemologicheskaya kritika fal'sifikatsii nauchnogo ateizma, ili metamorfozy «religioznogo renessansa» v sovremennoi Rossii (Epistemological Critique of the Falsifications of Scientific Atheism, or the Metamorphoses of the "Religious Renaissance" in Modern Russia) // Vestnik SPbGU. Seriya: Filosofiya i konfliktologiya. 2017b. 33/1. P. 85–97].

Юдин К.А., Бандурин М.А. «Интеллигенция» и «интеллектуалы» (историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий) // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 108–120 [Yudin K.A., Bandurin M.A. «Intelligentsiya» i «intellektualy» (istoriograficheskie, sotsial'no-filosofskie i obshcheteoreticheskie aspekty ponyatii) ("Intelligentsia" and "intellectuals" (historiographic, socio-philosophical and general theoretical aspects of concepts)) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2016. Vol. 2. P. 108–120].

Юдин Кирилл Александрович, *доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета; kirill-yudin.hist@mail.ru*

«Renaissance» or «New Age» of Intelligentsia Studies?

The basis of this work is an expert review of the monographн by O.Yu. Oleynik "Renaissance of Intelligentsia Studies": Intelligentsia as an Object of Scientific Research in the 1990's». Conclusions are made about the innovative nature of the work, which has accumulated an impressive ideological and intellectual, theoretical and methodological, historiographic heritage of its predecessors, which is reflected in a solid reference apparatus – a bibliography of «intelligentsia studies» created by both independent and institutionally affiliated authors, whose research was related to the activities of various specialized centers. The discussion on the attribution of essential characteristics of the "intelligentsia/intellectuals" continued, including taking into account negative epistemological tendencies in the problematic and chronological range, the representation of images of the intelligentsia in cinema.

Keywords: *intelligentsia, intellectuals, intelligentsia studies, intellectual history, culture, identity, historiography, historical memory.*

Kirill Yudin*, Doctor of Sciences (History), Professor Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; kirill-yudin.hist@mail.ru*

Ю.С. Никифоров

УРОК ИСТОРИИ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ЯРОСЛАВСКОГО ПРОФЕССОРА

В статье представлена рецензия на монографию «Урок истории в английской школе (XVIII – начало XXI в.)» А.Б. Соколова. Отмечается вклад историка в изучение английской дидактики. Подчеркивается фактологическая и практическая значимость рецензируемого материала как для современной дидактики, так и для англоведения.
Ключевые слова: *историческое образование, общественная мысль, дидактика, урок истории, английская школа, новейшая история, А.Б. Соколов*

Замечательным событием для специалистов по истории Великобритании и школьной дидактике стал выход в свет фундированной монографии «Урок истории в английской школе (XVIII – начало XXI века): от воспитания джентльмена к мультикультурализму и критическому мышлению» профессора ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Андрея Борисовича Соколова[1]. Автор широко известен своими трудами по истории Великобритании нового времени, историографии и методологии истории, школьной и вузовской дидактике. Заметим, что англо-американская, дидактика находится давно в фокусе научных интересов А.Б. Соколова. Показателен его анализ американских учебников по истории[2].

Рецензируемая монография – обобщающий результат многолетних изысканий А.Б. Соколова. Книга состоит из восьми глав, что оправданно, учитывая многоаспектность исследуемой проблемы. Мастерство автора проявилось в формате названия глав, выдержанных в стиле ярких метафор, предваряющих емкое изложение сути раздела. Отдельного упоминания требуют пролог и введение, которые сами по себе представляют ценность как образец текста, призванного захватить внимание читателя. В прологе автор тонко «вскрывает» особенности английского юмора, проявившиеся и в учебной литературе: показателен фрагмент, описывающий «волны яичных королей» (с. 16). Интересен и сюжет, описывающий научный путь самого автора к написанию книги, который начался более 35 лет назад на рубеже 1980–1990-х гг. (с. 26-27).

Во введении представлен емкий обзор теоретических основ исследования, историографии, источников. Источниковая база книги масштабна. При этом автор делает оговорку о том, что «четкое проведение границ между источниками и литературой не всегда возможно» (с. 44). Обращает на себя внимание значительное число проанализированных школьных учебников истории – более 60. Они датируются интервалом 1881 г. (самый ранний учебник) – 2014 г. (самый поздний), наглядно отражая масштаб проведенной автором работы.

А.Б. Соколов четко оговаривает пространственные рамки исследования, подчеркивая, что «эта книга об Англии», а другие части Соеди-

[1] Соколов 2024.
[2] Соколов 2011.

ненного королевства (Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия) затронуты «в немногих частностях». Что касается хронологии, то нижняя граница – «долгий» XVIII в. Автор акцентирует внимание на том, что временем зарождения исторического образования стал все-таки XIX век. Трудно не согласиться с тезисом, что главными чертами этого образования стали «признание полезности истории для низов» и «направленность на политическое воспитание». Верхняя граница – 2014 г., когда «была остановлена попытка консерваторов ввести «патриотическую» модель стандартов по истории» (с. 41).

Согласно формулировке автора, цель монографии – «…рассмотреть эволюцию школьного исторического образования в Англии и динамику его современного развития», и в соответствии с ней постулирует в вопросительной форме задачи исследования, связанные с анализом нескольких аспектов: основные этапы эволюции урока и школьного учебника; факторы (социальные, политические, историографические, культурные), влиявшие на эволюцию урока истории; значение научных, философских, педагогических и психологических теорий, «мнений лиц и институций, вовлеченных в процесс исторического образования»; как трансформировалась дидактика истории, как менялись методы и технологии обучения; каковы главные черты эволюции школьного учебника истории в Англии, что способствовало переходу к учебнику исследовательского типа? (с. 45). В первой главе «Философия, обучающая примерами…» автором проведен анализ места истории в английской педагогике «долгого» XVIII в. А.Б. Соколов оценивает полезность истории для нравственного воспитания джентльмена, выявляет значимый концепт дидактики того времени – роль истории в предотвращении революции, сохранении существующего порядка, монархии. В этом смысле автор делает закономерный вывод о том, что Французская революция конца XVIII в. послужила фактором трансформации школьной истории.

Вторая глава «Век утверждения и триумфа школьной системы…» посвящена месту истории в школьном образовании в Англии в XIX – начале XX в. Автор доказывает, что «образование стало восприниматься как потребность для потенциального избирателя и лояльного подданного. А.Б. Соколов подчеркивает, что национальная история в Англии стала вытеснять классику и пониматься как «полезное знание для лидеров и создателей империи». Большое внимание автор уделяет нормативной основе школьного образования – актам об образовании 1870 г. и 1902 г.

В третьей главе «История для тех, кто управляет…» анализируются школьные учебники истории последней четверти XIX – начала XX в. Автор отмечает в этот период складывание учебника в духе «национального»/«патриотического» нарратива с восхвалением своей нации, страны, проявлениями ксенофобии. Ключевая стратегия такого учебника, по мнению А.Б. Соколова, создание когорты национальных героев. С точки зрения автора, в учебниках под влиянием позитивизма проявилась тенденция представлять точные факты и выявлять исторические законо-

мерности. Уподобление истории естественным наукам справедливо соотносится автором с возникновением лабораторного метода и включением документальных источников в учебники.

Отметим продуманный визуальный ряд, присутствующий во всех главах книги. Так, в третьей главе текст о мифологизации героев как стратегии патриотического воспитания сочетается с иллюстрациями «Нельсон в Трафальгарском сражении» и «Солдат-шотландец при Ватерлоо» (с. 130-131). Помимо хорошо считываемого патриотического образа защитника страны автор выделяет и два других продвигаемых в учебниках образа – героя-изобретателя и храброго путешественника. Последний образ, по его мнению, отражал особенность Великобритании как морской и колониальной державы, с чем трудно не согласиться.

В четвертой главе «Упущенные возможности и поиск «справедливой системы…» автор анализирует историческое образование Англии от окончания Первой мировой войны до середины 1960-х гг., отмечая влияние на эту динамику актов об образовании 1918 г. и 1944 г. По его мнению, подъем исторического образования на рубеже 1910-1920-х гг. был кратким. Рассматриваются такие проблемы, как возрастная граница обязательного обучения истории, эффективность селективной системы (распределение в школы по результатам теста). А.Б. Соколов отмечает престижность частного образования, доступного лишь состоятельной части общества, сохранение «великой традиции» в преподавание истории — господство устных методов («рассказ и мел»). По его оценке, учительский монолог, ответы на вопросы и работа с учебником были преобладающими, указания органов образования имели рекомендательный характер, а выбор тематики уроков и стиля преподавания зависел от конкретной школы и педагога. Автором выявлены элементы обновления школьного исторического образования в период между мировыми войнами: расширение преподавания всеобщей истории, в том числе под влиянием профильного комитета Лиги наций, заинтересованной в уроке истории как инструменте сохранения мира между народами; использование проектных методов на основе американского прагматизма; посещение музеев и экскурсии. В годы Второй мировой войны А.Б. Соколов подчеркивает внимание к истории стран-союзников по антигитлеровской коалиции, позднее – к социальной и экономической истории. Как представляется, автор временами излишне подробно останавливается на биографиях деятелей системы английского образования, к примеру, на деталях биографии президента Комитета по образованию Ричарда Батлера (с. 170-171), разрывая канву основного повествования.

Пятая глава «Не государство сочиняло мелодию» посвящена анализу английских школьных учебников 1920–1960-х гг. с господствующим патриотическим подходом. В них подчеркивались положительные качества британской нации (ответственность, предприимчивость, преданность принципам и идеалам). Автор вскрывает ключевую идею английских учебников: Британия «обладает могуществом в мире, но ми-

ролюбива» и стремится защитить собственные и европейские интересы. А.Б. Соколов учитывает влияние «холодной» войны на контент школьных учебников. По его мнению, несмотря на то, что английские учебники стали чаще обращаться к мировой истории, стержнем повествования оставалась история своей страны. В числе значимых характеристик – подчеркивание британских свобод, преимуществ политического строя, цивилизаторской миссии Британии. Спецификой обладали учебники периода распада империи (более откровенно излагали негативные стороны колониальной политики) и для начальной школы (более последовательный переход от политической к социальной истории).

Шестая глава «Революция» и «контрреволюция» в школьном историческом образовании…» посвящена его коренным изменениям во второй половине 1960-х – середине 1990-х гг. Автор исследует проблему с учетом различных контекстов. Во-первых, он отмечает внутриполитический фактор – национальный кризис, вызванный распадом империи, экономическим и политическим упадком страны. Эти процессы, по мнению автора, вызвали «отступление» от национального нарратива в школьном историческом образовании. Во-вторых, существенным было влияние психологии и субъективизма в философии истории. Автор приходит к выводу о том, что в этот период сформировалась новая цель исторического образования – развитие навыков мышления учащихся, востребованных на всем протяжении жизни. Масштабность «сдвигов» позволяет Соколову говорить о «революции» в историческом образовании, которую не приняли консерваторы, считавшие главным развитие патриотизма. Значимыми в этой главе представляются процедуры в работе с историческим источником (с. 270-271), адаптированные автором и полезные, в том числе для современного школьного урока истории.

Важный сюжет книги – приход к власти М. Тэтчер и консерваторов в 1979 г., ознаменовавший внедрение обязательных стандартов, когда школьная история стала инструментом «оздоровления» нации. Автор констатирует, что консерваторы сосредоточили внимание на содержании, а не на развитии мышления, вводя термин «контрреволюция» в отношении политики консерваторов в школьном историческом образовании. Следствием реформы 1988 г., внедрения в 1990 г. стандартов стало закрепление статуса истории как обязательного предмета в школе до 14 лет. Задаваясь вопросом: «Состоялась ли «тэтчеровская контрреволюция» в образовании, автор отмечает, что сообщество учителей не допустило возвращения к «знаниевой» парадигме. Как следствие, основой стандартов стали исследовательские умения, в т.ч. вовлечение учащихся в «постановку вопросов и расследование» (с. 297-298).

В седьмой главе «Грамотность, гражданское воспитание, критическое мышление…» автор рассматривает тенденции школьного исторического образования в Англии в конце XX – начале XXI в. – в период прихода лейбористов с 1997 г. Один из ключевых сюжетов в этой главе – «трудные вопросы» в исторической дидактике (с. 322), тема актуаль-

ная и для России. Выявляется смена приоритетов: лейбористы смотрели на историю как на вспомогательное средство в развитии читательской грамотности. При этом подход на усвоение школьниками исследовательских умений сохранился, а ключевым концептом стала «идентичность». В 2000-х гг., по оценке автора, значимой стала проблема мультикультурализма, а акцент в стандартах исторического образования был сделан на темах «работорговли» и «холокоста».

В восьмой главе «Как написать хорошую историю» автор выделяет часто встречающиеся в учебниках мифы: о преемственности, об удлинении истории, о влиянии «негативного прошлого» (с. 357). Как представляется, это наблюдение носит универсальный характер и может относиться не только к английским учебникам. Автор анализирует современный исследовательский учебник, ориентированный на развитие исторического мышления. Его генезис относится к 1970-м гг., а к 1990-м гг. складываются главные черты такого учебника: отказ от доминирования авторского текста; оформление новых способов передачи «фоновых знаний» (таблицы, факт-файлы, кластеры); побуждение школьников к дискуссии и выработке собственной позиции, поиску ответов на проблемные вопросы; развитие эмпатии, способность улавливать атмосферу прошлого, рассмотрение истории через призму ментальности; включение в учебник рассказов о вымышленных людях в контексте фактов прошлого; выработка личностного отношения посредством написания дневника, газетной статьи, рекламы. Центральное место в этих учебниках – исторический источник как главный инструмент развития мышления школьников, представленный в доступной для возраста форме (отрывки из документов, цитаты из трудов историков; схемы и таблицы, обобщающие статистику). По оценке А.Б. Соколова, самостоятельную роль играли и визуальные источники (портреты, картины, рисунки, титульные страницы книг, карикатуры, изображения памятников), находившиеся в паритете с отрывками из текстов. Каждый из этих источников был «включен» в работу обучающихся. В числе других особенностей исследовательского учебника автор указывает на конструирование параграфов в нестандартной форме (проектное задание, ролевая игра), на стремление к балансу между политической и социальной историей, обращение к истории «низов» и истории женщин.

В заключении монографии (с.408-417) емко «сбиты» выводы и обобщения автора. Один из выводов А.Б. Соколова касается национальных особенностей преподавания истории, связанных с акцентом на гражданственность, с меньшим интересом к другим странам и развитием национального самосознания. Автор фиксирует невысокий статус школьного предмета истории в Англии и США. Так, в США курс длится в течение 1 года, а обязательное изучение истории в Англии заканчивается в 14 лет (с. 414). А.Б. Соколов выделяет поворот в школьном историческом образовании в Англии на рубеже XVIII–XIX вв.: от нравственного воспитания благородного сословия в сторону политического

воспитания – преподавание в патриотическом духе, восхваление национальной традиции, игнорирование травм прошлого, понимание необходимости обучения истории детей из «низов». Автор фиксирует в течение XIX в. замену идеи «всемирности» «национальным нарративом», секуляризацию общественного сознания и реформы, потребовавшие воспитания избирателя. Как следствие, по мнению Соколова, история «превращалась в инструмент гражданского воспитания»[3].

Значим вывод о роли государства в сфере образования. В Англии позднее, чем в других странах оно стало ведущим «игроком»: правительственные агентства ограничивались рекомендательными циркулярами. Автор четко выявил различия в подходах между двумя ведущими партиями – консерваторами и лейбористами. Они касались как общих вопросов (доступность образования, обязательный школьный возраст, статус «паблик скулз»/public schools), так и затрагивали непосредственно преподавание истории. Консерваторы настаивали на формировании национальной идентичности на основе сугубо положительного отношения к прошлому страны. Лейбористы, считавшие ключевым курс граждановедения, осуществили «поворот» от «национального нарратива» к изучению актуальных расовых и этнических проблем.

Отметим также вывод автора о развитии концепции детоцентричного обучения («каждый ученик может быть маленьким историком»), включающей формирование исторического мышления на основе анализа источников, групповой формы работы, применения разнообразных форм организации учебного процесса (ролевая игра, драматизация, экскурсия, устная история). Заключительный вывод А.Б. Соколова связан с выделением двух основных типов английского учебника истории. Первый сформировался во второй половине XIX в., был направлен на воспитание патриотизма и прославление национального прошлого. Второй – исследовательский – складывается с 1970-х гг. как инструмент развития критического мышления учащихся.

Монография А.Б. Соколова – это книга о том, как школьный урок истории отражал эволюцию человеческого сознания в отдельно взятой стране и формировал новые типы мышления. В отличие от многих трудов по истории педагогики книга А.Б. Соколова – образец увлекательного чтения. Она сочетает научный подход (критический взгляд на эволюцию английского школьного исторического образования в широком историческом контексте) и образный стиль изложения. Название восьмой главы «как написать хорошую историю» отражает результат монографии: автору удалось написать не просто хорошую, но и понятную историю английской школы последних 300 лет.

Тем не менее, не со всеми мыслями автора можно согласиться. В основном это касается размышлений А.Б. Соколова в компаративной плоскости. Так, дискуссионным представляется тезис: «В России потенциал школьной истории ограничен, в основном, интерпретацией, при-

[3] Соколов 2024: с.415

знанной официальной» (с. 30). Как представляется, монография бы «выиграла» от «вкрапления» в текст графической наглядности (авторских таблиц, графиков, схем). Это позволило бы неискушенному читателю более прицельно остановиться на узловых сюжетах книги. Замечание не носит принципиальный характер. В качестве рекомендации предложил бы при переиздании усилить книгу справочным аппаратом: постраничным именным указателем.

Рецензируемая монография вносит существенный вклад в изучение английской дидактики. Книга будет интересна не только историкам, но и другим ученым. Представленный материал может быть использован при организации учебных спецкурсов, в практической деятельности школьного учителя истории. Можно посетовать на малый тираж книги – всего 500 экземпляров. Переиздание с большим тиражом, безусловно, необходимо.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Соколов А.Б. Урок истории в английской школе (XVIII-начало XXI века): от воспитания джентльмена к мультикультурализму и критическому мышлению. СПб.: Алетейя, 2024. 440 с. [Sokolov A.B. Urok istorii v anglijskoj shkole (XVIII-nachalo XXI veka): ot vospitaniya dzhentl'mena k mul'tikul'turalizmu i kriticheskomu myshleniyu (Lesson of History in English School (XVIII – begining XXI century): from Education of Gentleman towards Multiculturalism and Critical Thinking. St. Petersburg: Aleteya, 2024. 440 p.]

Соколов А.Б. Школьный учебник истории в Соединенных Штатах Америки (XIX-XX вв.). Ярославль: ЯГПУ, 2011. 344 с. [Sokolov A.B. Shkol'nyj uchebnik istorii v Soedinennykh Shtatakh Ameriki (XIX-XX vv.) (School History Textbook in the United States of America (19th-20th Centuries). Yaroslavl: YGPU, 2011. 344 p.]

***Никифоров Юрий Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», Nikifor2108@yandex.ru*

The Lesson of History in English School: a Yaroslavl professor's critical view

This article presents a review of the monograph "History Lesson in English School (18th - Early 21st Century)" by A.B.Sokolov. The article highlights the historian's contribution to the study of English didactics. The review emphasizes the factual and practical significance of the reviewed material for both modern didactics and English studies.

***Keywords:** historical education, social thought, didactics, history lesson, English school, modern history, A.B. Sokolov*

***Yury* S. *Nikiforov**, PhD* History, *Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Nikifor2108@yandex.ru*

К.В. Игаева

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ УСТАЛОСТИ И СТРАТЕГИЙ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНА[1]

Статья представляет собой рецензию на книгу историка Стефана Блэйни «Здоровье и эффективность: усталость, наука о труде и производство тела рабочего класса». Блэйни доказывает, что социальные и научные представления об усталости и эффективности в XIX–XX вв. формировались в рамках определенной модели биополитики, понимаемой вслед за М. Фуко как децентрализация власти ради повышения ее эффективности. Эта концепция сравнивается с другими работами по культурной истории усталости (Ж. Вигарелло, Б.-Ч. Хана и др.) и рассматривается в общем контексте развития истории эмоций, важной задачей которой в последние годы оказывается соотнесение между собой аффективных состояний, символически кодированных эмоций, ценностей и стратегий их интеллектуального осмысления.

Ключевые слова: *история эмоций, усталость, структура чувств, производство и потребление, исследования культуры.*

Культурная история эмоций вызывает широкий интерес как в современной западной[2], так и в отечественной историографии[3]. Важной теоретической установкой ее сторонников представляется отказ редуцировать эмоции исключительно к психологической сфере, – они во многом социально конструируются, а формы их выражения обусловлены культурой. Кроме того, эмоции включены в сложные цепочки аффектов, ощущений, неосознанных установок, стратегий репрезентации и ценностей. В рамках исследования этих сложных отношений в последние годы усиливается интерес, с одной стороны, к состояниям на стыке эмоций и ценностей (недовольства и ресентимента, счастья и ностальгии, и т.д.[4]); а с другой, – на границе чувств и ощущений (включая состояние усталости, историю боли и проблематику аффекта[5]).

В последние годы темой все большего числа исследований становится история усталости[6]. Бёль-Чхой Хан в книге «Общество усталости» отстаивает тезис о радикальной трансформации структуры этого ощущения. Если в индустриальном обществе рост (физической) усталости был неизбежным следствием интенсификации труда, то в постиндустриальном «обществе достижений» интернализация дисциплины сделала еще один виток: усталость и растущее разочарование сегодня производят не сами по себе переработки, но структурные социальные противоречия. Культ достижений предполагает общественное признание активности, но по факту социальные лифты работают все хуже, а неопределенность растет. Вызванное этим разочарование и вызывает хроническую (не-физиче-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00395.

[2] Writing the History of Emotions 2024; Boddice 2024; etc.

[3] Сквозь слезы 2023; Чеканцева 2015; и др.

[4] Бойм 2019; Arnold-Foster 2024.

[5] Bollmer 2023; Кобылин 2017; Николаи 2024.

[6] Abel 2021; Burnout, Fatigue, Exhaustion 2017.

скую) усталость. Принципиальную роль в этих условиях приобретает неолиберальная самоэксплуатация[7] – постоянное внутреннее принуждение продолжать действовать в условиях растущей неопределенности и снижении социальной мобильности.

В этом контексте книга историка Стефана Блэйни из университета Шеффилда «Здоровье и эффективность: усталость, наука о труде и производство тела рабочего класса» посвящена, казалось бы, локальному сюжету – дискуссиям о способах преодоления усталости в Великобритании последней трети XIX – первой трети XX в. «С 1870 по 1939 гг. в Великобритании возникла и укрепилась новая модель здравоохранения, сосредоточенная на процессе производства и организованная вокруг концепции эффективности. В середине XIX в. термин “эффективность” использовался преимущественно физиками и инженерами при описании отношения полезной работы к общему объему энергии, затраченной паровыми машинами и другими механизмами. Однако в рассматриваемый период этот термин стал все чаще применяться в политической экономии, по отношению к человеческому телу и к взаимосвязи между ними. С конца XIX в. новая наука о трудовых ресурсах выдвинула предположение о том, что экономическая производительность нации может быть максимизирована посредством физиологических и психологических вмешательств, направленных на работающее население»[8]. Обратной стороной эффективности выступала усталость, понимаемая как необходимость восстановления после работы. Психология труда и близкие ей научные дисциплины искали средства снижения усталости и восстановления здоровья, трудового энтузиазма и эффективности рабочих, выступая частью управления «человеческим капиталом». Для Блэйни важно, что социальные и научные представления об усталости и эффективности конструируются политически – в рамках определенной модели биополитики: «Главное положение этой книги состоит в том, что наше восприятие своего тела и социальных, культурных, академических норм, по которым мы оцениваем здоровье, по своей сути является политическим»[9]. Биополитика (в понимании Фуко) предполагает сетевое распределение власти: элиты подталкивают пролетариат к повышению производительности; рабочие хотят больше работать и больше зарабатывать; а эксперты помогают оптимизировать и управлять этим процессом.

В первых трех главах Блэйни рассматривает «открытие усталости» в медицине второй половины XIX в., а также эпистемологические основания физиологии и психологии труда, которые сформировались в Великобритании в начале XX в. с целью рационализации управления производительными силами. 4-я глава посвящена проблематике консьюмеризма и становления общества потребления, в котором рост комфорта и

[7] «Этот трудовой лагерь примечателен тем, что в нем заключенные одновременно являются надзирателями, а жертвы – хищниками. В нем эксплуатируют самого себя. Тем самым становится возможной и эксплуатация без господства». Хан 2023: 88.
[8] Blayney 2022: 1.
[9] Ibid.: 10.

широкое распространение практик потребления (от ресторанов быстрого питания и спортзалов до посещения психологов) не только решают проблему перепроизводства, но и снижают усталость, мотивируют рабочих больше зарабатывать и предлагают им техники субъективации, создающие иллюзию повышения социального статуса.

Наибольший интерес представляет пятая глава «Голоса рабочих», фиксирующая неотрефлексированное сопротивление трудящихся навязываемой им логике продуктивности: от раздражения, саботажа рекомендаций буржуазной психологии труда или ее иронической критики до прямого протеста. Опираясь на архивы профсоюзов, индивидуальные воспоминания и собранный Дж. Бернеттом, Д. Винсентом и Д. Мэйоллом[10] архив автобиографий рабочих, с одной стороны, и продолжая логику Фуко с другой, Блэйни добавляет к портретам «истеричек» и разного рода «ненормальных» викторианской эпохи «неврастеников», утративших способность к физической концентрации и трудовой активности, а также уставших от тяжелого физического труда рабочих. Эта глава работает на ключевой тезис автора о социально-политической сконструированности границ между нормой и патологией в капиталистическом обществе. Но если Э.П. Томпсон в свое время писал о *становлении* английского рабочего класса[11], то здесь речь идет о его *расслоении и дезинтеграции* – дифференциации не по уровню жизни, но по широкому спектру психосоматических реакций на растущую эксплуатацию: интернализацию дисциплины и стремлении преодолеть усталость и работать 24/7, с одной стороны; и «дауншифтинг», принятие усталости и разочарования как неизбежных спутников жизни, с другой. «Я рассматриваю радикальные голоса противников трудовой дисциплины и инакомыслящих, которые по определению нетипичны. Критическая теория аффекта позволяет интерпретировать индивидуальные реакции рабочих на труд и науку о труде, на интерпретации здоровья и эффективности как акты политические или протополитические[12]. Теория аффекта нужна Блейни, чтобы разделить усталость как до-эмоциональное состояние и различные практики ее артикуляции в символическом поле – многочисленные формы негативных эмоций, которые она провоцирует. Ресентимент, раздражение, зависть, тревогу, недовольство невозможно полностью преодолеть или «излечить», пока в обществе растет социальное расслоение. Специфика этих негативных эмоций состоит в том, что они амбивалентны, неустойчивы и трудно определимы. В начале XX в. социалисты и левые стремились перевести их в сферу осознанной политической борьбы и классовой солидарности. Сегодня «структура чувств» позднекапиталистического общества стала более сложной и менее прозрачной, поэтому такая работа оказывается почти не возможна. Культурная история эмоций исследует сложную взаимосвязь аффективного и идеологического, личного и политического в надежде на возможные изменения в будущем.

[10] The Autobiography of the Working Class 1984-1989.
[11] Thompson 1963; Репина 2025.
[12] Blayney 2022: 141.

Обращение к теории аффекта для анализа до-символических оснований эмоций позволяет Блэйни во многом переосмыслить хроническую усталость, депрессию, эмоциональное выгорание и социальное недовольство рабочего класса, вызванные не просто ситуативным ростом эксплуатации, но и укреплением биополитики, одной из задач которой оказываются маргинализация «ненормальных» / недовольных существующей моделью управления «человеческим капиталом». Важным моментом, отличающим позицию Блэйни от концепции Б.-Ч. Хана, представляется доказательство преемственности между биополитикой XIX в. и современным положением дел. Несмотря на некоторые изменения риторики (дискуссии о «стрессе» после Второй мировой войны, а потом об «эмоциональном выгорании»), речь идет о широком недовольстве существующими социально-политическими отношениями и сохранением капиталистической логики эффективности, требующей от всех социальных слоев работать еще больше. Книга С. Блэйни позволяет более четко определить социальные и политические основания широко распространенных сегодня негативных ощущений и эмоций, по-прежнему во многом зависимых от структуры производства и потребления.

Однако, несмотря на актуальность и многие несомненные достоинства, исследование С. Блэйни почти не затрагивает ряд важных сюжетов. Прежде всего, это касается вопроса о гендерных и других социальных различиях усталости. Такое невнимание вдвойне странно, поскольку гендерная проблематика широко обсуждается в современной англоязычной истории эмоций и дискуссиях об аффекте[13]. А Жорж Вигарелло в своей широко известной «Истории усталости» рассматривает отличия стратегий выражения этого ощущения у воинов, путешественников, сельских тружеников в средние века; «переутомление» школьников, «тяготы войны» и «изнуренность» медиков и интеллектуалов, а также многие другие социальные различия дискурса усталости в XIX-XX вв., включая его трансформации под влиянием деиндустриализации и роста «третичного сектора экономики» в конце XX в.[14] На этом фоне С. Блэйни в своем исследовании слишком упрощает задачи и выводы.

Тем не менее, в этой книге сделана предельно актуальная попытка выстроить диалог между социальной историей, исследованиями аффектов и чувств, а также культурной историей эмоций, – проследить целиком одну из цепочек соотнесения ощущений, негативно-кодированных эмоций, ценностей (в их марксистском понимании) и идей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бойм С. Будущее ностальгии / Пер. с англ. А. Стругача. М.: НЛО. 2019. [Boym S. Budushchee nostalgii (*The Future of Nostalgia*). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019]

Вигарелло Ж. История усталости от средневековья до наших дней / Пер. с фр. О. Панайотти. М.: НЛО, 2024. [Vigarello G. Istoriya ustalosti ot srednevekovya do nashih dnej (The history of fatigue from the Middle Ages to the present). M.: NLO, 2024]

Кобылин И.И. «Автономия аффекта»: история, становление, биополитика // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 25-38. [Kobylin I.I. «Avtonomiya affekta»: istoriya, stanovlenie,

[13] The Routledge Companion to Gender and Affect 2022; Николаи 2025.

[14] Вигарелло 2024.

biopolitika (The "Autonomy of Affect": History, Becoming, Biopolitics). Dialog so Vremenem. 2017. N 58. P.25-38]
Николаи Ф.В. Понятие аффекта в гендерных исследованиях // Диалог со временем. 2024. № 87. С. 376-381. [Nikolai F.V. Ponyatie affekta v gendernyh issledovaniyah (The concept of affect in gender studies) // Dialog so Vremenem. 2024. N 87. P. 376-381]
Николаи Ф. Ресентимент и негодование: фрагменты интеллектуальной истории и политической социологии эмоций // НЛО. 2025. № 2. С. 388-400 [Nikolai F.V. Resentiment i negodovanie: fragmenty intellektualnoj istorii i politicheskoj sociologii emocij (Resentment and Indignation: Fragments of the Intellectual History and Political Sociology of Emotions) // NLO. 2025. N 2. P. 388-400]
Репина Л.П. Творчество Э.П. Томпсона в свете современной теории истории. К 100-летию со дня рождения // Новая и новейшая история. 2025. № 1. С. 23-34 [Repina L.P. Tvorchestvo E.P. Tompsona v svete sovremennoj teorii istorii. (The Work of Edward Palmer Thompson in Light of Modern Theory of History. Novaya i novejshaya istoriya. 2025. N 1. P. 23-34]
Сквозь слезы: русская эмоциональная культура / Под ред. К. Богданова. М.: НЛО, 2023. [Skvoz slezy: russkaya emocionalnaya kultura (Through Tears: Russian Emotional Culture). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023]
Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / Пер. с нем. А.С. Салина. М.: АСТ, 2023. [Han B.-Ch. Obshchestvo ustalosti. Negativnyj opyt v epohu chrezmernogo pozitiva (The Fatigue Society: Negative Experiences in an Age of Excessive Positivity). M.: AST, 2023]
Чеканцева З.А. История эмоций в XXI веке: эпистемологическое измерение // ЭНОЖ «История». 2015. № 9. [Checantseva Z. Istoriya emocij v XXI veke: epistemologicheskoe izmerenie (History of Emotions in the 21st c.: The Epistemologic Measurement). Istoriya. 2015. N 9]
Abel E. Sick and Tired: An Intimate History of Fatigue. The Un-ty of North Carolina Press, 2021.
Arnold-Foster A. Nostalgia: A History of a Dangerous Emotion. Picador, 2024.
Blayney S. Health and Efficiency: Fatigue, the Science of Work, and the Making of the Working-Class Body. Amherst, Boston: University of Massachusetts Press, 2022.
Boddice R. The history of emotions. Manchester University Press, 2024.
Bollmer G. The Affect Lab: The History and Limits of Measuring Emotion. University of Minnesota Press, 2023.
Burnout, Fatigue, Exhaustion: An Interdisciplinary Perspective on a Modern Affliction / Ed. by S. Neckel, A. Schaffer, G. Wagner. N.Y., L.: Palgrave Macmillan, 2017.
Writing the History of Emotions: Concepts and Practices, Economies and Politics / Ed. by U. Frevert, H. Feldner, K. Passmore. Bloomsbury Academic, 2024.
The Autobiography of the Working Class 1790-1900: An Annotated, Critical Bibliography, Vol. 1-3 / Ed. by J. Burnett, D. Vincent, D. Mayall. Harvester, 1984-1989.
The Routledge Companion to Gender and Affect / Ed. by T.W. Reeser. L.; N.Y.: Routledge, 2022.
Thompson E.P. The Making of the English Working Class. N.Y.: Pantheon Books, 1963.

Игаева Ксения Владимировна, *младший научный сотрудник, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; преподаватель, Приволжский исследовательский медицинский университет, igaeva.ksenia@yandex.ru*

A Social history of fatigue and strategies for overcoming It in the Modern Age

The article is a review of the book by Steffan Blayney "Health and Efficiency: Fatigue, Labor Science, and the Production of the Working-Class Body." Blayney proves that social and scientific ideas about fatigue and efficiency in the 19th and 20th centuries were formed within the framework of a certain model of biopolitics, understood following M. Foucault as the decentralization of power for the sake of increasing its efficiency. This conception is compared with other works on the cultural history of fatigue and is considered in the general context of the history of emotions development. An important task of this line of research is the correlation of affective states, symbolically coded emotions, values, and strategies for their intellectual comprehension.

Keywords: *history of emotions, fatigue, structure of feelings, production and consumption, cultural studies*

Igaeva Kseniya V., *lecturer of Lobachevsky University; Privolzhsky Research Medical University; igaeva.ksenia@yandex.ru*

Г.П. Мягков, Н.Ю. Бикеева, М.В. Григер, А.А. Зайцев

«ЧЕЛОВЕК УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Всероссийская научная конференция, посвящённая 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Е.А. Чиглинцева

Предлагается обзор Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Казанского федерального университета Е.А. Чиглинцева (1955–2021). Организаторами конференции, проходившей 5–6 декабря 2025 г. в Институте международных отношений, истории и востоковедения КФУ, выступили кафедра всеобщей и публичной истории ИМОИиВ КФУ, ИВИ РАН, РОИИ. В поле внимания участников конференции – миссия гуманитария и университетов в жизни общества, обмен научной информацией и опытом методов исследования рецепции, подготовки профессионалов-историков для сфер образования и публичной истории – того комплекса идей и практик, в разработку и утверждение которых внес неоценимый вклад Е.А. Чиглинцев.
Ключевые слова: *историческое знание, научные традиции, рецепция, университетское пространство, «ремесло историка», антиковедение, публичная история, Казанский университет, Е.А. Чиглинцев.*

Обращение к исторической науке в пространстве университетской культуры является необходимым для осмысления состояния современного гуманитарного знания. Данная тематика широко представлена в российском научном дискурсе, традиционно к ней обращаются и в КФУ. Инициатором, руководителем оргкомитетов многих конференций, важных для консолидации научных сил и определения перспектив развития исторического знания и образования в России на протяжении всей первой четверти XXI в. являлся д.и.н., профессор Е.А. Чиглинцев. Всей своей жизнью связанный с Казанским университетом, он прошел путь от студента до профессора, избирался деканом исторического факультета КГУ (2005–2011), в 2001–2018 гг., продолжив дело своих учителей профессоров А.С. Шофмана и В.Д. Жигунина, возглавлял кафедру всеобщей истории. Яркий представитель казанской школы антиковедения, он реализовал талант исследователя, создав труды по историографии и рецепции Античности, работал в области методологии исторической науки, биографистики, заняв видное место в современной исторической науке.

В конференции приняли участие представители вузов и академических учреждений Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Чебоксар, Самары, Симферополя, Екатеринбурга, Омска, Сыктывкара, Сочи, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Ижевска, Саратова, Йошкар-Олы, Уфы, Липецка, Северска, Томска, Камышина, Челябинска, Петрозаводска, Тюмени, Тегерана, Минска. В приветствиях, прозвучавших в адрес конференции, поступивших от президента КФУ, проф. Р.Г. Минзарипова, член-корр. РАН, главного научного сотрудника ИВИ РАН, президента РОИИ, проф. Л.П. Репиной, и.о. директора ИМОИиВ, проф. Р.Р. Фахрутдинова, в докладах, представленных на первом (утреннем) пленарном

заседании, были обозначены те «сквозные» темы, которые объединили работавшие в ходе конференции семь секций.

В докладе «Историческое знание и его роль в обществе: опыт концептуализации от классики к неоклассике» Л.П. Репина поставила вопрос о роли исторической науки в формировании современного исторического сознания, о необходимости преодоления разрыва между историком и обществом. Одна из важнейших функций исторической науки – воздействие на общественное сознание, другая её функция заключается в «поставке обществу полезных знаний». Развитие исторической науки отражает потребности общества, поэтому обращение к публичной истории как к области некоего синтеза, объединения оказывается особенно актуальным. В этой связи Л.П. Репина определила публичную историю как прикладную область, опирающуюся на научный фундамент.

И.А. Ладынин и Н.С. Алмазова (Москва) в докладе «На пути к проблематике рецепции: античное рабство в научном творчестве Е.А. Чиглинцева» соотнесли две крупные темы: историографию античного рабства и проблемы рецепции, во многом определившие этапы научной жизни ученого. Ключевой персонаж первого этапа – Анри Валлон – интересен Е.А. Чиглинцеву не только как академический историк, но и как яркая фигура, включённая в гущу общественной жизни. Авторы сделали вывод о том, что в научных исследованиях Чиглинцева понятие социокультурного опыта являлось основным, а изучение историографии античного рабства предвосхитило его позднейшее обращение к проблематике рецепции античности. В докладе В.А. Гончарова (ВГУ, Воронеж) была рассмотрена предложенная Е.А. Чиглинцевым классификация образов героев античной истории (образ-знак, образ-символ, образ-судьба) и дан вариант её применения. Автор сосредоточил внимание на репрезентации деятелей антиримского сопротивления в современной культуре. Особое внимание проблемам рецепции было уделено в докладе Н.А. Терещенко (КФУ, Казань). Рецепция рассматривается ею в связи с развитием науки как феномена Нового времени, когда отношение к истории перестаёт быть только отношением интеллектуала и начинает влиять на картину мира повседневного человека. И в исследовании, и в рецепции истории важной оказывается актуализация субъективного, «человеческого», и в этом ключе именно отечественная научная культура, по мнению докладчика, может сыграть особую конструктивную роль.

Доклады Р.М. Валеева (КФУ, Казань), Т.Н. Ивановой и Н.Н. Агеевой (ЧГУ, Чебоксары), П.С. Кабытова и О.Б. Леонтьевой (СамГУ, Самара) были посвящены разнообразным научным контактам российских университетских историков. Р.М. Валеев обратился к взаимодействию востоковедов Казанского и Санкт-Петербургского университетов в XIX – начале XX в. Анализ истории и современного состояния сотрудничества историков Казанского и Чувашского университетов, сделанный Т.Н. Ивановой и Н.Н. Агеевой, позволил подчеркнуть непреходящую роль личностного фактора в этом сотрудничестве. В выступлении П.С. Кабытова и

О.Б. Леонтьевой было рассмотрено взаимодействие историков Самарского и Казанского университетов. Авторы подчеркнули роль казанских историков (И.М. Ионенко, В.И. Адо, Г.Н. Вульфсона, А.Л. Литвина и др.) в развитии исторического факультета Самарского университета, обозначили преемственность научно-педагогических традиций Самары и Казани.

Второе (вечернее) пленарное заседание было посвящено памяти проф. Е.А. Чиглинцева. В выступлениях и присланных текстах друзей, коллег, учеников [Г.П. Мягкова, С.Ю. Рычкова, О.В. Синицына, Л.А. Сыченковой, Л.Л. Норден, Е.Г. Кривоножкиной, А.П. Нордена, Д.И. Улбутова (все Казань), О.Л. Габелко, А.Н. Бикташевой (Москва), Э.Б. Петровой (Симферополь), С.Ф. Туктамышевой (Набережные Челны) и др.] были затронуты различные грани личности, творчества, научной и педагогической деятельности Е.А. Чиглинцева. Доклады и выступления отличались как строгим академизмом, так и особой теплотой.

Секция «“Университетский человек” в научной, мемуарной, художественной и публицистической литературе» объединила доклады, посвящённые научным биографиям учёных. Доклад Н.Н. Зипунниковой (СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ, Екатеринбург), посвящённый понятию «университетский человек» как аксиологеме и идеологеме, вызвал дискуссию о различиях и общих чертах репрезентации «университетского человека» в эго-источниках и юридико-музейных практиках. В докладе Н.С. Алмазовой (НИУ ВШЭ, Москва) была обозначена специфика научного подхода Ф.Г. Мищенко к периодизации и оценке «эпохи упадка» Греции по сравнению с доминировавшими в его время концепциями эллинизма. Н.А. Хакимов (Национальный музей РТ, Казань) на материалах коллекций НМ РТ осветил новые страницы биографии историка и ректора Казанского Императорского университета Н.П. Загоскина. Л.П. Вольфцун (СПбИИ РАН) представила образ первой в России женщины-медиевиста О.А. Добиаш-Рождественской по воспоминаниям её коллег, друзей, учеников. В.С. Русанова (СГУ, Сыктывкар) в своём докладе выявила особенности трансформации университетской культуры в 1920-е гг. на основе дневникового материала известного специалиста по византийскому искусству, д.и.н. А.В. Банк. На секции прозвучали доклады, посвящённые студенчеству как важной части университетской корпорации на разных этапах ее истории – от эпохи Ренессанса [Ю.А. Селиверстова (РАНХиГС, Москва)], «рыцарских академий» XVI–XVIII вв. [А.С. Глухова (КФУ)] до начала XX в. [Д.М. Усманова, Д.Ф. Ахметова, Е.П. Борисова (КФУ)].

Участники секции «Гуманитарий в координатах времени и университетского пространства: личность, миссия, судьба» обсуждали различные аспекты истории интеллектуалов в контексте университетской культуры. Д.и.н. С.Ю. Малышева и д.и.н. А.А. Сальникова (КФУ, Казань) обратились к истории создания и публикации монографии «Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани», положившей начало целому направлению исследований – университетологии. В ходе обсуждения д.и.н. В.П. Корзун подчеркнула, что казанские историки ещё в

начале XXI в. смогли преодолеть традиционный институциональный подход к созданию университетских историй, решая проблему в антропологическом ключе. Судьбы гуманитариев XIX и XX вв., их становление как университариев, как деятелей университетской науки были представлены на вводимых в научный оборот материалах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Праги. К.и.н. К.А. Ильина (НИУ ВШЭ, Москва) посвятила свой доклад роли филолога П.М. Леонтьева в создании Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета, построив выступление в русле истории коллекций. В выступлении к.и.н. А.В. Астафьева и А.А. Никитина (КФУ, Казань) была рассмотрена деятельность проф. Д.Ф. Беляева, известного филолога-классика, и его вклад в наступление «золотого века» эллинистики в Казанском Императорском университете. К.и.н. Т.В. Гимадеев (КГАУ, Казань) представил страницы биографии чешского историка Я. Голла в контексте истории Пражского университета. К.и.н. Т.Н. Жуковская (СПбИИ РАН, Санкт-Петербург) обратилась к интеллектуальной биографии Н.Г. Чернышевского в связи с его обучением в Санкт-Петербургском университете, придя к выводу, что Н.Г. Чернышевский сформировался фактически вне университетской среды, не став «университетским человеком». Размышлениями о роли университета в формировании научной идентичности поделился к.филол.н. А. Годрати (Тегеран).

В основу доклада А.А. Кузнецова (ННГУ, Нижний Новгород) был положен интересный факт – начало переписки акад. Н.И. Кареева с будущим чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельским. Д.С. Скуднякова (ННГУ) ввела в научный оборот материалы из личного дела о студенческом периоде жизни историка и преподавателя Н.Г. Бережкова. Л.А. Бушуева (АН РТ, Казань) обратилась к интеллектуальной биографии проф. В.Т. Дитякина, показав его роль в глубоких изменениях образовательного пространства казанских вузов 1920-х гг. В двух докладах М.В. Землякова и Н.Д. Купрейкина (НИУ ВШЭ, Москва) рассматривалось наследие видных российских медиевистов А.И. Неусыхина и Д.М. Петрушевского в связи с историей научных сообществ и институтов. С.П. Карпюк (ИВИ РАН, Москва) рассмотрел научное наследие го филолога-классика акад. С.И. Соболевского сквозь призму взаимоотношений в академической среде. В докладе Т.А. Ильевцева (НИУ ВШЭ, Москва) был поставлен вопрос трансформации календаря в пространстве учебных заведений Российской империи XIX в. Большой интерес вызвало выступление О.В. Аурова (РАНХиГС, РГГУ, Москва) на тему «Люди и книги Alma Mater Studiorum XIII–XIV вв.: из Болоньи в Саламанку». Проблемы евразийской «древности» и идея общности исторической жизни народов Запада и Востока в исследованиях акад. Н.И. Конрада были представлены в докладе Г.Г. Пикова (НГУ, Новосибирск). В рамках подсекции «Историческое знание/наука/человек науки в музейном пространстве» выступила Н.М. Селивёрстова (РХТУ, Москва), рассмотревшая вопросы роли краеведческих музеев в жизни малых городов, формирования местной иден-

тичности, исторической памяти, сохранения культурного наследия. Музейную тематику продолжила А.Б. Максимова (Фонд «Прометей», КФУ) в докладе о музее светомузыки в Казани (1976–1992).

На секции «Специфика “ремесла историка” в России: от классики до цифровой эпохи» обсуждались вопросы исследовательской «кухни» историка. Продолжая изучение темы диссертационной культуры как институционального элемента университетской системы, ряд участников конференции посвятили выступления творчеству историков в период написания ими своих диссертаций. Так, А.И. Клюев и У.А. Попова (НИУ ВШЭ, Москва) на основе писем воссоздали образ историка-всеобщника Д.Н. Егорова; Н.Н. Алеврас рассказала об исследователе народных движений 1840-х гг. на Кавказе А.Б. Закс; А.М. Скворцов (ИИЕТ РАН, Москва; СПбИИ РАН, Санкт-Петербург) осветил обстоятельства защиты М.Д. Бушмакиным в Казани в 1942 г. диссертации по медиевистике; также к истории создания диссертаций в условиях военного времени обратились А.В. Ражев – на примере диссертации Л.А. Дербова (ГГУ, Челябинск; ИИЕТ РАН, Москва) и В.А. Конопаткин – на основе диссертаций по древней истории (ИИЕТ РАН, Москва). В нескольких выступлениях были рассмотрены сюжеты из истории понятий и смыслов. Г.А. Щукин (ИВИ РАН, Москва) обратился к понятию «прогресс» в трудах Н.И. Кареева; И.О. Седов (НИУ ВШЭ, Москва) охарактеризовал ряд статей В.И. Герье в политическом контексте России 1912 года; Е.П. Литинская рассмотрела семантику античных слов и выражений в поэзии М. Кузмина. Н.Г. Козина (КФ РГУП, Казань) показала значение образа «идеального учителя» в воспитательном процессе. Также в секции с докладом об исследованиях антиковеда Е.М. Штаерман выступил З.В. Махачашвили (ИВ РАН, Москва). Ю.В. Поляков (ИЯЛиИ, Сыктывкар; КФУ Казань) обратился к цифровым методам в историческом исследовании.

Секция «“Биографический поворот”: Personalia» открылась докладом И.Р. Чикаловой (БРГПУ, Минск, Беларусь), посвящённым А.В. Бабину как зачинателю славистики в США и представителю дореволюционной американистики в России. В выступлениях А.К. Гладкова (ИВИ РАН, Москва) и А.В. Шаровой (НИУ ВШЭ, Москва) были затронуты вопросы истории английской и советской медиевистики XX в. П.А. Трибунский (ИРИ РАН, Москва) рассказал о сообществе «Новый завет» профессоров Ливерпульского университета и его роли в становлении россиеведения в 1900–1910-х гг. В.А. Филимонов (СГУ, Сыктывкар) посвятил доклад судьбам учеников Н.И. Кареева – выпускников 3-й московской гимназии. Д.и.н. К.А. Руденко (КГИК, Казань) рассмотрел профессиональную деятельность и круг общения археолога, проф. А.П. Смирнова. Доклад К.В. Лукоянова (КФУ) был посвящён исследователям социальной истории России имперского периода – отцу и сыну Фирсовым. О концепции «греческого чуда» отечественного антиковеда А.И. Зайцева рассказал Н.А. Долгополов (СГУ, Саратов). Взгляды В.И. Герье на личность и наследие Аврелия Августина представил Р.Д. Архипов (СГУ, Са-

ратов). В.А. Уракаева (УдГУ, Ижевск) проанализировал историографический образ Андрея Боголюбского как средство конструирования национальных идентичностей и инструмент политико-идеологической борьбы. А.И. Макарова (Йошкар-Ола) рассмотрела источниковедческий аспект анкетного и автобиографического материала. Е.С. Чекмарёва (УдГУ, Ижевск) представила документы по истории гражданской авиации в Удмуртии из личного фонда В.М. Ломаева. В выступлении Е.А. Копысова (УдГУ, Ижевск) были поставлены теоретические вопросы local history на примере ижевского краеведческого сообщества.

Самая многочисленная секция «Освоение / рецепция Античности, Средневековья, иных эпох и цивилизаций в современном публичном пространстве, художественных практиках» оказалась, заняв особое место в программе конференции. В.И. Кащеев (СГУ, Саратов) посвятил своё выступление вкладу проф. Е.А. Чиглинцева в исследование рецепции античного культурного наследия. А.О. Кудратов (КФУ) затронул ряд важных теоретико-методологических аспектов в изучении рецепции истории. В.М. Ловчев (Казань) рассмотрел возможность использования рецепции античности для «демонтажа» пронаркотических тенденций в культуре. С.О. Гафуров (КФУ) проанализировал полемику об убийстве Альбрехта фон Валленштейна в немецкой публицистике XIX в. Н.Д. Клёнышева (ЛГПУ, Липецк) обратилась к репрезентации образов богини Юноны в европейской живописи XVIII–XIX вв. Е.Е. Земцова (Санкт-Петербург) рассмотрела рецепцию мифа об Атлантиде в религиозных учениях и эсхатологических концепциях Нового и Новейшего времени. М.В. Григер (КФУ) выявил рецепцию античности при создании образа Б. Муссолини в книге П. Орано «Mussolini, da vicino» (1928).

В ряде докладов была обозначена тема взаимодействия между эпохой древности и русской культурой. В.П. Орлов (КФУ) рассмотрел восприятие России как Древней Персии в поэтических, литературных, философских текстах российских интеллектуалов XVIII–XIX вв. М.В. Салимгареев (КНИТУ, Казань) охарактеризовал стоическое наследие в интеллектуальной мысли России. Проблемы рецепции античности в работах В.П. Бузескула затронул Н.А. Резяев (ОмГУ, Омск). А.В. Овчинников (ТомГУ, Томск; КГЭУ, Казань) выдвинул предположение о своеобразной рецепции элементов исихазма в теории пассионарности Л.Н. Гумилёва.

Часть выступлений была посвящена тематике реконструкции и визуализации прошлого в искусстве. Т.Г. Балина (ВГИИиК, Камышин) рассмотрела модели использования античного наследия в изобразительном искусстве. М.Д. Журавлёв (НИУ ВШЭ) указал на специфику репрезентации античности в кинематографе, а Н.П. Дроздова (РГГУ, Москва) рассмотрела «переизобретение» кинообраза Жанны д'Арк. О специфике художественной реконструкции битвы при Ипсе в романе Л.В. Вершинина «Время царей» рассказали Н.Ю. Сивкиной и А.С. Гусева (ННГУ).

Работа секции «Публичная история как функционирование исторического знания за пределами сферы науки и образования» открылась вы-

ступлением Н.Ю. Бикеевой и А.А. Зайцева (КФУ), которые подчеркнули значимость изучения отношений публичной истории и исторической науки. Н.А. Шадрина (КФУ) рассказала о создании и развитии магистратуры по публичной истории в Казанском университете. В докладах студентов магистратуры «Публичная история» М.К. Карпова, П.В. Иванова, А.В. Сгибневой (КФУ,) были представлены проблемы репрезентации и рецепции истории в художественной литературе. К.Е. Ковальчук (ОмГУ, Омск) посвятила выступление античным образам в визуальной репрезентации Парижской коммуны. Рецепцию античного стоицизма в культуре Возрождения затронул В.А. Гергележиу (КФУ). Э.М. Дусаева (ИГИ «Тамга», Казань) представила особенности современных творческих практик в формировании исторической памяти.

Активное обсуждение актуальных аспектов современного исторического знания, университетской культуры объединило участников секций, демонстрируя, с одной стороны, общность проблемного поля, с другой – разнообразие подходов и интерпретаций.

***Мягков Герман Пантелеймонович**, доктор исторических наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова; профессор, кафедра всеобщей и публичной истории, Казанский федеральный университет; gmyagkov@yandex.ru*

***Бикеева Наталья Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и публичной истории, Казанский федеральный университет; binata@rambler.ru*

***Григер Максим Вадимович**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и публичной истории, Казанский федеральный университет; grigerm@yandex.ru*

***Зайцев Александр Александрович**, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра всеобщей и публичной истории, Казанский федеральный университет; alex-q1@yandex.ru*

"A Man of university culture": All-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of Dr.Sc. (History), Prof. E.A. Chiglintsev

The Conference held on December 5–6, 2025 at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan Federal University, was organized by the Department of World and Public History of the Institute of World and Oriental Studies of KFU, the Institute of World History and Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, and the Russian Institute of Historical Studies. It is demonstrated that the conference participants focus on the issues of the mission of the humanitarians in the life of society, universities, the research of reception, the training of professional historians for the fields of education and public history, including the issues of the entire complex of ideas and practices, to the development and approval of which E.A. Chiglintsev made an invaluable contribution.

***Keywords:** historical knowledge, scientific traditions, reception, university space, "historian's craft", classical studies, public history, Kazan University, E.A. Chiglintsev*

***German P. Myagkov**, Dr. Sc. (History), Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Professor, Department of World and Public History, Kazan Federal University; gmyagkov@yandex.ru*

***Bikeeva Natalia**, PhD, Associate professor, Department of World and Public History, Kazan Federal University; binata@rambler.ru*

***Griger Maxim**, PhD, Associate professor, Department of World and Public History, Kazan Federal University; grigerm@yandex.ru*

***Zaitsev Alexander**, PhD, Senior Lecturer, Department of World and Public History, Kazan Federal University; alex-q1@yandex.ru*

CONTENTS

Intellectual History Today

Sergey Zanin
Texts of the Cambridge school and their context…….. 5
Sergey Volodenkov, Sergey Fedorchenko
Concepts of Social Design of the Future: from History to the Present…….. 22
Pavel Riazanov, Lidia Sofronova
«Blessed are those who die pleasing the Lord»:
Pope Pius II about his participation in the Crusade against the Turks……... 36
Elena Telmenko
«The Compendium of Revelations» by Girolamo Savonarola
The Prophecy as a Tool of Transformation…….. 51
Maxim Kovalev
E. Burke and the Rockingham Whigs
in the controversy over the Stamp Act of 1765…… 67
Ekaterina Yazykova
The intellectual work of women in the age of romanticism: Robert Southey's view… 74
Anton Karabykov
V.S. Solovyov's global evolutionism Article I: General analysis of the system 87
Aleksei Viazinkin
Pyotr Lavrov as a historian of ideas, or genealogy of the socialist idea…… 100
Tatiana Skorokhodova
An Experience of Comprehension of Indian History
Historical Thought by Ramesh Chundra Dutt…….. 116
Nikolay Baranov
The Problem of Elite Transformation
in Political Discussions in Weimar Germany……... 133
Anna Tsypkina
"With a shield or on a shield!": Vice-President of the Academy of Sciences
V.A. Steklov and the Main Directorate of Scientific Institutions…….. 141
Tamara Berngardt
Touches to the intellectual biography of P.L. Dravert
the information potential of the bibliographic index…….. 156
Oleg Lyubeznikov
Architect N.P. Nikitin and His Doctoral Thesis about Montferrand
Mechanisms for Organizing and Conducting the Doctoral Defense in 1945…… 174
Denis Podlednov, Elena Kazantseva
Jean Dubuffet's "Anti-cultural Positions" and the Formation Ideas of Art Brute…….. 188
Oleg Terekhov, Oksana Terekhova
Formation and evolution of the Tomsk historiographic school…… 201
Tamara Bulygina, Marina Kolesnikova
Historical Science and History Education in Stavropol Krai
as Components of the Local and National Intellectual Space
Formation of the Higher Education System in the Region (Article 2)……... 215

Crossroads of Transdisciplinarity

Petr Stefanovich
Tatars and the Identity of Rus': The View of the Chronicler of Daniel of Galicia……. 225
Dmitry Parfiryev
Not only Poles: Forgotten Manifesto of Nicholas Nikolaevich
to the «Russian People» of Galicia……... 240

Gor Marzpeti Abrahamyan
Issues of Sovietization of the Republic of Armenia and Russian Orientation
in the publicism of Vahan Tekeyan 1920-45…… 253
Maksym Kyrchanoff
Saudade as an invented tradition of Galician cultural nationalism of the 1920s – 1960s. 269
Evgeny Sergeev
In the ring of Italo-German blockade
the everyday life of the Maltese in 1940–1942……. 285
Elena Kravtsova
Leonardo da Vinci as a mirror of the 1930s-1960s intelligentsia in the USSR
the case of M.A. Gukovsky…….. 297
Ilya Strekalov
Dictator or wise leader? About the image of Joseph Stalin
in the epic film “Liberation” in the second half of the 1960s…… 314
Andrey Ganin
General P.S. Makhrov Memories "In the White Army of General Denikin",
1994 edition: the nature and causes of distortion of the source……. 328
Sergey Belov
Specificity of scientific discourse on the essence and components of
the social structure of modern Russia……... 339

Translations and Publications

Maya Petrova
Macrobius' Universum and his Dependence on Previous Knowledge
(on the Terrestrial and Celestial Zones)…… 352
Andrey Pavlov, Vladimir Efimenko
Isidore of Seville. Etymologies, or Origins. Book X. On words……..... 367
Anna Seregina, Vladimir Shishkin
Elizabeth Stuart and diplomatic correspondence, 1613-1619
Letters from the Dubrovsky collection……. 385
Natalia Rostislavleva
V.I. Guerrier about T.N. Granovsky (from the funds of the RSL)…… 405

Reading Club

Marina Tsvetkova
Encyclopedia of humanity's curious misconception……. 410
Kirill Yudin
«Renaissance» or «New Age» of Intelligentsia Studies?..... 416
Yury Nikiforov
The Lesson of History in English School
a Yaroslavl professor's critical view……. 424
Kseniya Igaeva
A Social history of fatigue and strategies for overcoming it in the Modern Age……... 431

Academic Life

German P. Myagkov, Bikeeva Natalia, Griger Maxim, Zaitsev Alexander
"A Man of university culture": All-Russian scientific conference dedicated
to the 70th anniversary of the birth of Dr.Sc. (History), Prof. E.A. Chiglintsev…… 436

Содержание…… 445

СОДЕРЖАНИЕ

Интеллектуальная история сегодня

С.В. Занин
Тексты «кембриджской школы» и их контекст……... 5
С.В. Володенков, С.Н. Федорченко
Концепции социального проектирования будущего
от истории к современности……. 22
П.А. Рязанов, Л.В. Софронова
«Блаженны те, что умирают, угождая господу»
Папа Пий II о своем участии в крестовом походе против турок…… 36
Е.П. Тельменко
«Компендиум откровений» Джироламо Савонаролы
пророчество как инструмент преобразований…….. 51
М.А. Ковалёв
Э. Бёрк и виги Рокингема в полемике о Гербовом акте 1765 года..……... 67
Е.А. Языкова
Интеллектуальный труд женщин в эпоху романтизма: взгляд Роберта Саути…. 74
А.В. Карабыков
Глобальный эволюционизм В.С. Соловьёва. Статья I: Общий анализ системы... 87
А.Ю. Вязинкин
Пётр Лавров как историк идей, или генеалогия социалистической идеи 100
Т. Г. Скороходова
Опыт постижения индийской истории
историческая мысль Ромешчондро Дотто……... 116
Н.Н. Баранов
Проблема трансформации элит
в политических дискуссиях Веймарской Германии…… 133
А.Г. Цыпкина
«Со щитом или на щите!».
Вице-президент Академии наук В.А. Стеклов и Главнаука в 1923–1926 гг…….. 141
Т.В. Бернгардт
Штрихи к интеллектуальной биографии П.Л. Драверта.
Информационный потенциал библиографического указателя……... 156
О.А. Любезников
Архитектор Н.П. Никитин и его докторская диссертация о Монферране
механизмы организации и проведения защиты в 1945 г……. 174
Д.Д. Подледнов, Е.Д. Казанцева
«Антикультурные позиции» Жана Дюбюффе и формирование идей ар брюта.... 188
О.Э. Терехов, О.Н. Терехова
Становление и эволюция томской историографической школы…… 201
Т.А. Булыгина, М.Е. Колесникова
Историческая наука и историческое образование на Ставрополье
как составляющие локального и общенационального интеллектуального
пространства: становление системы высшего образования в крае (Статья 2)….. 215

Перекрестки интердисциплинарности

П.С. Стефанович
Татары и идентичность Руси: взгляд летописца Даниила Галицкого…… 225
Д.С. Парфирьев
Не только поляки: забытое воззвание Николая Николаевича
к «русскому народу» Галиции…….. 240

Г.М. Абрамян
Вопросы советизации Республики Армения и русской ориентации
в публицистике Вагана Текеяна 1920–1945 гг.…… 253
М.В. Кирчанов
Saudade как изобретенная традиция
галисийского культурного национализма (1920–1960-е гг.)……... 269
Е.Ю. Сергеев
В кольце итало-германской блокады
повседневная жизнь мальтийцев, 1940–1942 гг.……..…… 285
Е.С. Кравцова
Леонардо да Винчи как зеркало интеллигенции 1930-х – 1960-х гг. в СССР
Казус М.А. Гуковского…….. 297
И.Н. Стрекалов
Диктатор или мудрый вождь? к вопросу об образе И.В. Сталина
в киноэпопее «Освобождение» во второй половине 1960-х гг……... 314
А.В. Ганин
Воспоминания генерала П.С. Махрова «В Белой армии генерала Деникина»
1994 года издания: характер и причины искажения источника……. 328
И.А. Бронников, С.И. Белов
Специфика научного дискурса относительно
сущности и компонентов социальной структуры современной России…… 339

Переводы и публикации

М.С. Петрова
Универсум Макробия и его зависимость от предшествующего знания.
(о земных и небесных поясах)……..... 352
Приложение. Макробий. Комментарий на «Сон Сципиона» (II, 6 – 7)……..... 361
Исидор Севильский
Этимологии, или начала. Книга X. О словах……... 367
А.Ю. Серегина, В.В. Шишкин
Елизавета Стюарт и дипломатическая корреспонденция 1613–1619 гг.
письма из собрания П.П. Дубровского…… 385
Н.В. Ростиславлева
В.И. Герье о Т.Н. Грановском (из фондов НИОР РГБ)…..…… 405

Читая книги

М.В. Цветкова
Энциклопедия курьезных заблуждений человечества…… 410
К.А. Юдин
«Ренессанс» или «новое время» интеллигентоведения?..... 416
Ю.С. Никифоров
Урок истории в английской школе
критический взгляд ярославского профессора…… 424
К.В. Игаева
Социальная история усталости и стратегий ее преодоления в эпоху модерна….. 431

Научная жизнь

Г.П. Мягков, Н.Ю. Бикеева, М.В. Гингер, А.А. Зайцев
«Человек университетской культуры»
Всероссийская научная конференция, посвящённая 70-летию со дня
рождения доктора исторических наук, профессора Е.А. Чиглинцева…… 436

Contents…… 445